АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ФЕОФАН ПРОКОПОВИЧ

СОЧИНЕНИЯ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
И. П. ЕРЕМИНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА · ЛЕНИНГРАД
1961

ПРЕДИСЛОВИЕ

Крупный политический и церковно-общественный деятель, соратник Петра I Феофан Прокопович (1681—1736) писал по вопросам богословия, философии, истории (гражданской и церковной), права (государственного и церковно-канонического), по теории поэзии и красноречия, педагогике и даже по математике.

Собственно литературой он занимался урывками, в часы досуга, часто по долгу, в начальные годы своей писательской деятельности — профессора Киевской академии, а позже — одного из первенствующих иерархов русской церкви. И тем не менее оставленное им сравнительно небольшое литературное наследие — значительный и важный этап в истории русской литературы. Его политические речи, написанные (в форме церковной проповеди) по свежим следам последних событий и посвященные полной энтузиазма и глубокого внутреннего убеждения пропаганде петровских реформ, — ярчайший образец передовой русской публицистики первой трети XVIII века. Его трагедо-комедия «Владимир» — бесспорно лучшая из дошедших до нас «школьных» драм; уже Н. И. Гнедич отметил в ней и незаурядные литературные достоинства («воображение, возвышенность духа, жар и краски поэтические»), и необычную по тому времени «смелость мыслей».[1] Его стихотворения — ценный вклад в русскую поэзию эпохи ее становления; господствующему еще тогда силлабическому стиху он сообщил большую гибкость и выразительность, обогатил его новыми размерами, первый ввел в обиход русской поэзии строфу итальянского происхождения — октаву (результат внимательного изучения Т. Тассо, которого

---

[1] Письмо Н. И. Гнедича к графу Н. П. Румянцову о неизданной трагикомедии Феофана Прокоповича. «Библиографические записки», т. II, 1859, стлб. 625—626.

он высоко ценил и знаменитую поэму которого называл «божественной»).

Как писатель Феофан Прокопович воспитался на традициях «барокко», предшествовавшего в русской литературе утверждению классицизма. Руководствуясь эстетическими принципами и нормами этого литературного стиля, он на практике, однако, следовал им отнюдь не слепо: многое в системе этого стиля вызывало с его стороны решительное сопротивление. Во всяком случае в той форме, в какой стиль «барокко» на рубеже XVII—XVIII веков культивировали современники Феофана (Стефан Яворский, Иван Максимович и др.), он был для него мало приемлем. Произведения свои Феофан Прокопович — выдающийся деятель русского раннего Просвещения[2] — сумел наполнить новым, общественно актуальным содержанием и почти совсем освободить их от того чрезмерного подчас «деспотизма формы»,[3] дань которому уплатили едва ли не все современные Феофану авторы — сторонники указанного литературного направления.

Литературные произведения Феофана Прокоповича, собранные в одно целое, еще ни разу не издавались. Настоящая книга и ставит своей задачей частично восполнить этот пробел; наряду с речами, трагедокомедией и стихотворениями Прокоповича в состав книги входит и его трактат по теории поэзии — «De arte poetica».

1

Первый опыт научного издания речей Феофана Прокоповича был осуществлен еще в XVIII веке. Издание вышло в свет по инициативе С. Ф. Наковальнина[4] в трех частях под заглавием «Феофана Прокоповича... слова и речи поучительные, похвальные и поздравительные» (ч. I, СПб., 1760; ч. II, СПб., 1761; ч. III, СПб., 1765).[5] Здесь было напечатано 53 произведения.[6] Тексты расположены в хронологическом порядке, на-

---

[2] J. Tetzner. Theophan Prokopovič und die russische Frühaufklärung. «Zeitschrift für Slawistik», Bd. 111, H. 2—4 (1958), SS. 351—368; ср.: E. Winter. Halle als Ausgangspunkt der deutschen Russlandkunde im 18. Jahrhundert. Berlin, 1953, SS. 113—137.

[3] П. Морозов. Феофан Прокопович как писатель. СПб., 1880, стр. 98.

[4] Д. Д. Шамрай. Цензурный надзор над типографией Сухопутного шляхетного кадетского корпуса. «XVIII век», сб. 2, Изд. АН СССР, М.—Л., 1940, стр. 297—298.

[5] Часть IV вышла позже (СПб., 1774); в состав ее вошли богословские сочинения Прокоповича.

[6] Одна речь, а именно приветственная — по случаю возвращения Петра I в 1717 г. из заграничного путешествия (ч. I, стр. 175—196) включена в издание ошибочно; принадлежит она не Ф. Прокоповичу.

чиная со «Слова приветствительного на пришествие в Киев его царского пресветлого величества» (1706) и кончая «Словом на освящение новосозданной церкви ея императорского величества в зимнем доме в Санктпетербурге» (1735); завершается часть III издания публикацией «слов, проповеданных к Киеве, а которых годов — неизвестно» (стр. 254—352).[7]

Слова и речи, напечатанные при жизни Феофана, воспроизведены по этим первопечатным изданиям; остальные — по рукописям. Часть I издания сопровождается «Предисловием» и «Оглавлением» — первым в нашей науке библиографическим указателем сочинений Ф. Прокоповича «на российском языке», кроме издаваемых.

Печатая тексты, С. Ф. Наковальнин и его сотрудники ввели «употребляемое в новейших церковных книгах правописание», цитаты из Писания проверили и привели по «новоисправленной Библии», устранили типографские погрешности первопечатных изданий; рукописные тексты правили, как указано в предисловии, по «многим и лучшим спискам» и опубликовали их с цензурного одобрения Синода.

Как воспроизвели издатели рукописные тексты, сказать трудно, так как ссылок на использованные ими рукописи они не дали. Что же касается текстов, воспроизводящих первопечатные издания, то сличение показывает следующее. Издатели устранили украинизмы: зменника — изменника (I, стр. 28), до того — к томуж (I, 103), до дому — в дом (I, 104), обыклое — обыкновенное (I, 105), майстера — мастера (II, 18), познаваймо же и исповедуймо — познаим же и исповедуим (II, 91) и пр.; некоторые встречающиеся у Феофана слова иноземного происхождения или заменили другими, или дали в переводе: ординов — провинций (I, 103), интеррегиум — междоцарствование (I, 106), резон — разум (I, 160), перегринация — странствование (I, 207), фабулах — баснех (I, 222) и пр.; названия стран, городов, некоторых иноземных имен дали в принятой во второй половине XVIII века транскрипции: Сленску — Силезии (I, 27), Сикилии — Сицилии (I, 33), Алгер — Алжир (I, 102), Венецкая — Венецианская (I, 103), Лудовика — Людовика (II, 163); допускали пропуски отдельных слов, переста-

---

а служащему Петербургской типографии И. Кременецкому (Кременевскому). См.: Т. А. Быкова и М. М. Гуревич. Описание изданий гражданской печати. 1708—январь 1725 г. Изд. АН СССР, М. — Л., 1955, стр. 210—212 (№№ 239, 242); ср.: П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом, т. II. СПб., 1862, стр. 387.

[7] В 1773 г. в журнале В. Г. Рубана «Старина и новизна» (ч. II, стр. 130—132) была дополнительно издана еще одна речь Феофана, по случаю бракосочетания голштинского герцога Карла-Фредерика и цесаревны Анны Петровны, «говоренная... 21 мая 1725 года».

новки, а также, довольно широко, разного рода замены одних слов и словосочетаний другими: поколебается — колеблется (I, 30), бунтовников — бунтовщиков (I, 32), того из рук — оный из рук (I, 42), списателие — описателие (I, 44), за немного часов — не во многия часы (I, 46), должна есть — приличествует (I, 119), протчия — другия (I, 153), осяжимая — осязаемая (I, 156), понурый — пронырливый (I, 156), пророкованному — прореченному (I, 199), походом — шествием (I, 205), живописием — живописию (I, 222) и т. п.

Издание С. Ф. Наковальнина слов и речей Феофана Прокоповича — пока единственное в нашей науке.[8]

Настоящее издание избранных политических речей Прокоповича воспроизводит тексты по первоисточнику, т. е. по их прижизненным публикациям. Тексты печатаются по орфографии оригинала; отмены следующие: буква «ѣ» заменена буквой «е», буква «і» — буквой «и»; другие буквы кирилловской азбуки также заменены соответствующими; «ъ» в конце слов не воспроизводится; титла раскрыты, выносные буквы введены в строку; абзацы — оригинала; пунктуация в основном современная.

2

Трагедокомедия Феофана Прокоповича «Владимир», написанная им в 1705 году и впервые поставленная 3 июля того же года учащимися Киевской академии во время очередных летних «рекреаций», в свое время издана не была; это, однако, не помешало ей получить широкое распространение вплоть до конца XVIII века в рукописных копиях.

Настоящее издание трагедокомедии основано на изучении следующих ее списков.

1. Рукоп. Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, собр. Толстого, О. XIV. 2, лл. 64—88 об.; мелкая украинская скоропись 1751 года (ниже список этот будет обозначаться буквой *Т*). Тексту «Владимира» предпосланы развернутое заглавие и краткий в прозе «Пролог к слышателем» (л. 64—64 об.), отсутствующий во всех других известных мне списках; завершается текст пометой: «Конец трагедокомедии, сложенной трудом Феофана Прокоповича» (л. 88 об.). Читается трагедокомедия в сборнике следующего состава: стихотворные послания к А. Кантемиру Феофана Про-

---

[8] Новое издание «Слова в день св. Владимира» см.: П. Ж(итецкий). Слово Феофана Прокоповича в день св. равноапостольного князя Владимира и дума о Богдане Хмельницком и Барабаше. «Киевская старина», 1888, № 7, Приложения, стр. 1—4.

коповича и Феофила Кролика, шесть сатир Кантемира, стихотворный «Епиникион» Прокоповича, драма Трофимовича «Милость божия, Украину от неудобносимых обид лядских... свободившая», трагедокомедия В. Лащевского, драма Г. Конисского «Воскресение мертвых», стихотворения Ломоносова, Сумарокова, Тредиаковского.[9]

Индивидуальных чтений в тексте списка немного; в большинстве случаев это погрешности, легко исправляемые при помощи других списков (см. разночтения к тексту).

2. Рукоп. Львовской библиотеки Академии наук УССР, Коллекция монастырских рукописей, № 784; тетрадь в черной обложке из 24 листов, писанных мелкой украинской скорописью первой половины XVIII века, в 4°; содержит в себе только один текст — трагедокомедию «Владимир». Тетрадь была в 1906 году обнаружена В. Щуратом в библиотеке униатского Василианского монастыря в Крехове в составе рукописного сборника, содержащего выдержки из сочинений Феофана Прокоповича по философии, физике, риторике и поэтике;[10] В. Щурат список «Владимира» из сборника извлек и переплел отдельно.

Текст без заглавия (действию I предпослана помета: «Траедокомедия»), но в конце списка (ниже будем обозначать его буквой *Л*) — и в этом его особенность — читаются и заглавие, и другим спискам неизвестный текст «программы» представления (лл. 22 об.—23 об.).

Список — крайне дефектный (В. Щурат предполагал, что писан он под диктовку), с многочисленными пропусками не только отдельных словосочетаний, но и целых стихов (I, 172; II, 30; V, 16, 34, 38, 100). Текст трагедокомедии, несмотря на то, что дает порою некоторый материал для восстановления автографа, пестрит чтениями, искажающими смысл: с родственною — сродственний (I, 8), туга — туча (I, 22), возрастом — возластом (I, 173), дебри — деби (I, 209), мню — много (II, 43), далекой — адзской (II, 185), з лукавим навѣтом — аз лукавих навѣтов (III, 11), ради — раду (III, 58), сравненний — срамленний (III, 77), честности — битности (III, 98), приймем — приимет (III, 11), кончается — кончает нас (III, 339), смотри — смотрит (III, 371), спящаго — стоящаго (IV, 26), воля — вия (IV, 42), чужда — чудна (IV, 120), обиди — и бѣди (IV, 135), страстно — страшно (IV, 142), поругается — пору-

[9] Подробнее см.: К. Калайдович и П. Строев. Обстоятельное описание славяно-российских рукописей... графа Ф. А. Толстова. М., 1825, стр. 691—696.

[10] В. Щурат. Драма посьвячена Мазепі. «Неділя». «Літературно-науковий тижневик», № 1. Львів, 1912, ч. I, стр. 2.

чается (IV, 156), рабом — рабов (V, 109), получаю — по слушаю (V, 159), крайнѣ и — краснѣе (V, 170), поток — потом (V, 220), пропастех подземних — пропастех надземних (V, 242), свѣтила — свѣтла (V, 257), прибудет — пребудет (V, 268) и пр.

3. Рукоп. Гос. Публичной библиотеки УССР в Киеве, собр. Киевской духовной академии, I. III. 92. 13 (по описанию Н. Петрова № 421), в 4°, лл. 330—358 об. Трагедокомедия читается без заглавия, в составе сборника, объединяющего под одним переплетом рукописные тетради разного почерка и времени — поэтику и риторику на латинском языке 1726—1727 годов, катехизис, трактат Ф. Прокоповича «Вещи и дела, о которых духовный учитель народу християнскому проповедать должен».[11] Писана трагедокомедия украинской скорописью середины XVIII века, обращающей на себя внимание особенностью правописания слов, начинающихся с буквы «у»: вуже, вумерший, вувидит, вубиет, вутробу, вубо и пр.

Текст трагедокомедии этого списка (условимся обозначать его буквой *К*) кто-то сверял по другому — очень близкому к *Т*: свидетельствуют об этом многочисленные поправки на полях рукописи, сделанные иными чернилами почерком того же времени.

Индивидуальных чтений в списке *К* почти нет; в большинстве случаев это погрешности: прияти — прияша (III, 113), оскудѣет — не оскудѣет (V, 19) и пр.

4. Рукоп. Библиотеки СССР им. В. И. Ленина в Москве, ф. 173, Фунд. собр. (б. Московской духовной академии), № 163, лл. 207—230, в 4°; украинская скоропись середины XVIII века. Текст трагедокомедии без заглавия (в начале I действия только помета: «Траедокомедия»). Рукопись — сборник, в состав которого, помимо «Владимира», входят: стихотворный «Епиникион» Феофана Прокоповича, слова и речи ректора Киевской академии Сильвестра Кулябки, киевского митрополита Тимофея Щербацкого, печерского архимандрита Тимофея, стихотворные послания Кантемиру Ф. Прокоповича и Ф. Кролика, сатиры Кантемира, некоторые песни Ф. Прокоповича («Кто крепок на бога уповая», «О суетный человече»).

В списке этом (ниже обозначается буквой *М*) немало индивидуальных чтений. Многие из них свидетельствуют о склонности писца (или его предшественника) к разного рода переделкам и вольной вариации текста: он часто переставляет слова, одно слово, не всегда считаясь с размером стиха, заменяет дру-

---

[11] См.: Н. Петров. Описание рукописей Церковно-Археологического музея при Киевской духовной академии, вып. II. Киев, 1877, стр. 387—388.

гим, некоторые стихи дает в новой, своей редакции. Вот несколько примеров его обращения с текстом (помимо отмеченных в разночтениях): подажд воскорие крилѣ — притвори адские крилѣ (II, 102), народом твоим — бог всѣм твоим народом (III, 69), их меч — оных меч (IV, 18), здѣ совѣтую — посовѣтуюся (V, 44), велми и его слава — высока и его слава (IV, 77), было бы, когда еще не бѣ привязанно — когда еще не бяше тело привязанно (IV, 112), совѣтую же токмо — по совѣту же токмо (V, 188). Нередки в списке *М* случаи, когда подобные новации обессмысливают текст: болий — бо мир (III, 76), завистей — завистний (IV, 99), пещер тих — печерских (V, 241). В одном месте реплики одного персонажа переданы другому: слова Пиара (V, 16) — Курояду; слова Курояда (V, 17—23) — Пиару.

5. Рукоп. Гос. Исторического музея в Москве (ГИМ), Успенск. собр., № 86/1155, лл. 10—38, в 4°; скоропись и переходящий в скоропись полуустав 40-х годов XVIII века. «Владимир» читается без заглавия; имеется только в начале I действия помета: «Траедокомедиа». Рукопись — копия сборника, составленного по поручению Феофана Прокоповича и поднесенного (не позже 1728 года) герцогу Голштинскому Карлу-Фредерику и его супруге, цесаревне Анне Петровне. См. предпосланное сборнику посвящение (л. 1—1 об.). «Пресветлейшии государи, — писал здесь Феофан, — малая сия и немногая писанийца моя, в память Петра Великаго, императора и самодержца Всероссийскаго, вашего же се отца, се же и родителя, по силе моей сочиненная, вашему высочеству ради важных вин приношу и посвящаю...». В состав сборника, помимо «Владимира», входят речи Феофана: речь «при начатии» св. Синода, «Слово похвальное о преславной над войсками свейскими победе» (1709), «Слово похвальное в день рождества» цесаревича Петра Петровича, Слово о власти и чести царской, Слово о Ништадтском мире, Слово на коронацию императрицы Екатерины Алексеевны и др.

Текст трагедокомедии по этому списку (ниже обозначается буквой *У*) очень близок к списку *М*, но характеризуется большим количеством индивидуальных отступлений. К ним относятся: пропуски отдельных слов; перевод на русский язык ряда устаревших славянизмов и украинизмов оригинала: слухати — слушати (II, 72), шатерей — шатров (II, 125), извѣти — доводами (III, 39), красомовством — краснословством (III, 130), едного — единаго (III, 202) и пр.; случаи осмысления слов и словосочетаний, в оригинале, очевидно, неразборчиво написанных или непонятых: сам — вам (I, 136), глада — спада (I, 162), камо — како (I, 188), ко единой дѣвѣ — из единой дѣвы

(II, 187), тучат их — тучных (III, 226), началу — начало (III, 297), мудра — мира (III, 317), преступство — предстателство (III, 377), отслати — области (III, 446), жгомий — жестокий (IV, 14), лютий полк сут и ужасний — сотый полк ужасный (IV, 27), вяжет — в тяжесть (IV, 36), сей же тому да владѣет — сей тому довлѣет (IV, 57), римским — мерзским (IV, 59), что сего порока — что се пророка (IV, 75), убо еста глуха — убо есть хула (V, 59), отнюд быти — отбыти (V, 74), никогда — ни тогда (V, 119), полку — послу (V, 197), горы — роди (V, 243), прещение — прощение (V, 248), воинску — воистинну (V, 269) и др.; невнимание к размеру стиха, даже стиха шестисложного, например, IV, 176 (см. разночтения).

Вряд ли можно все эти неполадки в тексте относить за счет писца списка *У*; многие из них, очевидно, имели место и в оригинале сборника; список *У* свидетельствует, что Феофан, готовя избранные «писанийца» свои, «которая на высокия Петровы славы аки бы перстом показуют», текста не правил.

6. Рукоп. Библиотеки СССР им. В. И. Ленина, собр. Долгова, ф. 92, № 5850, в 4°, скоропись и полуустав второй половины XVIII века, лл. 37—66 об., 79—84 (при переплете листы были перебиты). Рукопись — сборник, в состав которого, кроме «Владимира», входят драма 1728 года Ф. Трофимовича «Милость божия...» и некоторые письма Ф. Прокоповича. Текст «Владимира» по этому списку (ниже будем обозначать его буквой *Д*) обнаруживает в ряде чтений наибольшую близость к списку *К*.

Индивидуальные чтения списка *Д*, за немногими исключениями, искажают текст: щедрость — щедрот (I, 151), прост — плот (I, 183), обаче — одаче (III, 8), долг — дом (III, 149), ядении — явлении (III, 216), всѣм — вѣм (III, 259), вѣдает — дѣлает (III, 278), утолити — умолити (III, 340), дол — дом (IV, 10), сили ми — силними (IV, 58), нелестных — нелестный (V, 12), благородству — благодарству (V, 148), ратую — ратию (V, 286) и т. п.

Все указанные списки делятся на две группы: к первой группе относится список *Т*; ко второй — все остальные.

Протограф какой группы ближе воспроизводит авторский текст? Несомненно протограф списка *Т*. В этом убеждают погрешности протографа списков *ЛКМУД*: пропуск в тексте (II, 46—47), деформация группы стихов, возникшая в результате пропуска одного стиха (I, 174—177). А также некоторые чтения, на мой взгляд, бесспорно вторичного происхождения — *Т* (III, 239): Кратким словом истинну хранити нѣст волно, *ЛКМУД*: Кратким словом истинны хранити нѣст волно; *Т* (III, 342): Како о человѣцѣ, како о *сей* вѣрѣ | Христовой

мудрствуете? *ЛКМУД*: Како о человѣцѣ, како о *всей* вѣрѣ | Христовой мудрствуете?; *Т* (V, 160—162): . . . юже получаю | радость нынѣ ни в коем *прежде* нам случаю | не бысть *когда*, аще бо и многия гради | во плѣн прияли быхом, *ЛКМУД*: . . . юже получаю | радость нынѣ ни в коем *прежде* нам случаю | не бысть *прежде*, аще бо (бы) и многия гради | во плѣн прияли быхом. См. также разночтения к стихам I, II, 150; II, 139, 182; случаи нарушения стихотворного размера: I, 165; V, 156.

Протограф списков второй группы (ближе всего его воспроизводят *ЛКД*) отличается от протографа *Т* рядом вариаций текста; отмечу наиболее существенные: I, 4, 150; II, 139, 212—213; III, 137—138, 368; V, 24, 37—38, 108. Указанные вариации, нигде не нарушая стихотворного размера, подчас дают более или менее своеобразный, по сравнению с протографом *Т*, извод текста. В этой связи в особенности показательны два места (II, 212—213 и III, 137—138), где стихи читаются в совсем иной редакции. Не исключена возможность, что некоторые из этих вариаций, две последние во всяком случае, принадлежат самому Феофану и свидетельствуют, что архетип второй группы списков восходит к какой-то авторской редакции текста — быть может первоначальной, позже автором правленной. О последнем, как кажется, говорят стихи II, 212—213 (обращение Жеривола к Курояду):

Т	*ЛКМУД*
. . .Устройтеся спѣшно, спѣшно до скакания, аз же вам утѣшно Явлю зде знамение: понеже имамы *сладкие пѣти пѣсни,* *бозы же со намы* *Будут скакати, токмо пер-* *вие им мушу* пришептати и дати кое- муждо душу.	. . .Устройтеся спѣшно, спѣшно до скакания, аз же вам утѣшно Явлю зде знамение: понеже имамы *от богов сих трепета* *страх, убо со нами* *Да скачут нынѣ они. Но* *первѣе мушу* пришептати и дати кое- муждо душу.

Редакция *Т* производит впечатление позднейшей правки; в редакции *ЛКМУД* не вполне ясна связь фразы «понеже имамы | от богов сих трепета страх» с дальнейшим текстом.

Как следует из заглавия (список *Л* несомненно сохранил его первоначальную форму), из предпосланного трагедокомедии пролога в прозе, а также из стихов V, 254—256, 269—274, 277—287, 307—309, 316, трагедокомедия содержит в себе приветствие и всякие похвалы тогдашнему ктитору и щедрому покровителю Киевской академии гетману И. С. Мазепе. После измены гетмана трагедокомедия в этой своей части не могла,

разумеется, не приобрести одиозного характера. Нужны были переделки. Они и были осуществлены некоторыми писцами. Из заглавия было устранено упоминание о Мазепе (*Т Д*); в ряде списков второй группы (*К М У*) заглавие вообще выпало; перестал переписываться пролог. Частичным изменениям подвергся и самый текст. В списке *М* стих V, 308 «Над всѣми же сими | *храминами зиждитель Иоанн славимий* | начертан зрится» был переделан: «Иоанн» зачеркнуто, а сверху написано «Христов»; зачеркнут был в том же списке и последний стих трагедокомедии (V, 316) — «Дажд здравие... царю Петру, от тебе вѣнчанну, | *и его первѣйшому вожду Йоанну*»; он был заменен другим: «Даждь и наслѣднику, от него избранну».

Впервые трагедокомедия «Владимир» Феофана Прокоповича была издана Н. С. Тихонравовым.[12] Издание Н. С. Тихонравова, как показывает его изучение, — опыт реконструкции авторского текста. В основу издания Н. С. Тихонравов положил список *М*; текст по этому списку правил по *К* и *У*. Список *Т* ему был известен (по нему он напечатал заглавие трагедокомедии и «Пролог к слышателем»), но разночтениями этого списка он не воспользовался. К реконструкции текста Н. С. Тихонравов в отдельных случаях привлекал и те поправки, которые читаются на полях списка *К* (поправки эти, как было указано выше, сделаны по списку, близкому к *Т*). Исправляя текст *М*, Н. С. Тихонравов не всегда оговаривал в подстрочных примечаниях к тексту принятые им чтения; разночтения списков *К* и *У* приводил выборочно: частью в подстрочных примечаниях, частью в «Примечаниях ко второму тому» (в свое время в свет не вышли; в уцелевших неполных экземплярах этих «Примечаний» читаются на стр. 668—672).

Принятые Н. С. Тихонравовым чтения в основном удачно исправляют текст списка *М*; следует, правда, отметить, что он, внося в этот текст ту или иную поправку по данным доступных ему списков, не всегда считался с требованиями стихотворного размера: обычный для трагедокомедии строго выдержанный тринадцатисложный стих поправками Н. С. Тихонравова нередко нарушается.

Характерные для всех списков второй группы, в том числе и для *М*, дефекты текста Н. С. Тихонравов устранил; путаницу,

---

[12] Н. С. Тихонравов. Русские драматические произведения 1672—1725 годов, т. II. СПб., 1874, стр. 280—344. До появления тихонравовского издания некоторые отрывки из «Владимира» и полностью пролог в прозе были по списку *Т* опубликованы П. Пекарским в томе I его исследования «Наука и литература в России при Петре Великом» (СПб., 1862, стр. 417—421).

вызванную пропуском стиха I, 175 и, частично, стиха 177, а также пропуск стихов II, 46—47 устранил при помощи списка *К*, точнее поправок к нему на полях рукописи.

В реконструкции Н. С. Тихонравова стихи приняли следующий, более или менее близкий к авторскому тексту вид:

Владимер, мний возрастом, долженства своего
Ни мало не помяну, ни проси моего
Он, престарѣлой сущей злоби, мира; мира
Аз убо просих, но не бяше его мѣра
Злобѣ. Не могий убо явним и оружним
Видом мя побѣдити, побѣди безмужним.

(I. 173—178, стр. 288)

Пѣяр

Ругаешься; ни ли
Ти во грѣх вмѣняеши дерзок смѣх творити
З мужа толь велебнаго? *Что жь имѣет быти?*
Вѣси попа сего.

Куроядд

Почто праздника не творит?

(II. 44—47, стр. 292—293)

Подчеркнутые слова, восполняющие пропуск в списках *МКУ* (также в *ЛД*), по тихонравовскому изданию прочно вошли в научный обиход и неоднократно цитировались исследователями, а между тем они воспроизводят текст явно вторичного происхождения. Правильным чтением, несомненно восходящим к авторскому тексту — и по размеру стиха (13, а не 14 слогов), и по смыслу — является чтение списка *Т*:

...Что ж имѣет быти,
Увѣси потом.

Куроядд

Почто праздника не творит?

(л. 69)

Почти полвека спустя трагедокомедия «Владимир» была издана Я. Гордынским.[13] Издатель ограничился тем, что полностью опубликовал незадолго перед тем открытый список *Л* — с разночтениями по изданию Н. С. Тихонравова. Текст воспроизведен точно; могу отметить в тексте трагедокомедии только следующие отступления от рукописного оригинала: II, 58 вместо «имѣет» напечатано «имѣем»; III, 252 пропущено слово «мѣсто»; III, 298 вместо «сему» напечатано «тому»; V, 139 вместо «у християн» — «и християн».

---

[13] Я. Гординський. «Владимір» Теофана Прокоповича. «Записки Наукового товариства ім. Шевченка», Львів, т. CXXXII, 1922, стр. 80—134.

В основу настоящего издания трагедокомедии положен лучший по качеству текста список *Т*; заглавие трагедокомедии и «программа» ее печатаются по списку *Л*. Текст воспроизводится в исправленном виде; при исправлении текста учитывался и размер стиха. Все поправки внесены в текст с оговоркой в разночтениях. Разночтения приведены по спискам *ЛКМУД* — не все: как правило, отмечены лишь разночтения, носящие смысловой характер и не нарушающие резко размера стиха. Печатается текст по орфографии рукописного оригинала; титла раскрываются; выносные буквы вводятся в строку; буква «і» везде заменена буквой «и»; буква «ъ» в конце слов не воспроизводится; буква «ѣ» сохраняется; пунктуация в основном современная.

При чтении текста необходимо иметь в виду, что буква «ѣ» у Феофана часто в соответствии с украинским произношением означает «и»; отсюда, в частности, его типичные «украинские» рифмы: мира — вѣра, измѣну — едину, огневидних — безбѣдных, имѣет — убиет и пр. Следует также учитывать характерное для украинских рукописей той эпохи смешение «и» и «ы» и, в частности, постановку «и» вместо «ы»: бити (быти), помишляю (помышляю), слишан (слышан), мисль (мысль), испитати (испытати), обичай (обычай).

3

Первая по времени попытка определить количество принадлежащих Феофану Прокоповичу стихотворений «на российском языке» принадлежит С. Ф. Наковальнину (Феофана Прокоповича... слова и речи..., ч. I, СПб., 1760). В своем библиографическом «оглавлении» сочинений Феофана он отметил 22 стихотворения.

Печатные:

1. Епиникион, или песнь победная на преславную победу Полтавскую. В Киевопечерской лавре июля 10 дня 1709 года.

Письменные:

2. К Петру Второму.
3. К творцу сатиры к уму своему, 1728 года.
4. На 25 день февраля, 1731 года.
5. На приход государыни императрицы Анны Иоанновны в подмосковное село Владыкино, 1732 года.
6. На Ладожской канал, 1733 года.
7. На приход государыни императрицы Анны Иоановны в приморскую мызу, 1734 года.

8. О Станиславе Лещинском, 1734 года.
9. На новой зимней дворец, 1734 года.
10. Адаму диакону надгробная надпись, 1734 года.
11. К Луке и Варлааму кадетским, 1735 года.
12. К тем же, тогож года.
13. Благодарение экономy Герасиму от служителей домовых за нововымышленный солод: 1. от Илии интенданта. 2. от Неймана. 3. от учителя. 4. от козака. 5. от малых детей. 6. от новгородских архиерейских дворян, 1735 года.
14. К лихорадке в лихорадке.
15. Преложение псалма 90.
16. Перевод из книги четвертой 21 Марциаловой епиграммы на афеиста.
17. Перевод Скалигеровой епиграммы на сложение лексиконов.

Песни:

18. Кто крепок на бога.
19. О суетный человече.
20. Коли дождусь я, 1730 года.
21. Прочь уступай, 1730 года.
22. Что мне делать, 1734 года.

И. А. Чистович список этот дополнил двумя новыми стихотворениями: «За Могилою Рябою» и «Речь господня к рабу малодушному».[14] Большая заслуга И. А. Чистовича в том, что он, по ходу своего исследования, опубликовал почти все известные ему стихотворения Феофана Прокоповича (№№ 2, 3, 5—21 в настоящем издании); за исключением №№ 5 и 6, все они были напечатаны им впервые, правда в большинстве случаев без указания на рукописный источник, по спискам, не всегда исправным по качеству текста. Позже стихотворения Феофана по изданию И. А. Чистовича не раз вплоть до наших дней перепечатывались в разного рода хрестоматиях и антологиях («Русская поэзия» С. А. Венгерова и др.).

В конце прошлого века В. Н. Перетц дополнил список известных в науке стихотворений Ф. Прокоповича еще двумя, открытыми им в рукописном сборнике Киево-Михайловского монастыря № 569, лл. 221—222 об.: эпитафией, посвященной памяти киевского митрополита Варлаама Ясинского, и отрывком стихотворения (конца его в рукописи недостает) под латинским заголовком «Emblemata ad Immaginem Sancti Vladimiri». Оба

---

[14] И. Чистович. Феофан Прокопович и его время. СПб., 1868, стр. 16, 599.

текста под заглавием «Неизвестные вирши Ф. Прокоповича» были В. Н. Перетцем тогда же и опубликованы.[15]

Первое стихотворение в списке Киево-Михайловского монастыря приписывается Феофану (Emblemmata... labore.. Theophanis Prokopowicz, Rectoris nostri elaborata sunt), но приписывается ему, как теперь удалось установить, ошибочно: в действительности оно принадлежит не Феофану Прокоповичу, а Стефану Яворскому.[16]

Что же касается опубликованного В. Н. Перетцем второго стихотворения,[17] то сказать что-либо о его происхождении трудно; один тот факт, что читается оно вслед за эпитафией Варлааму Ясинскому, здесь, в списке Киево-Михайловского монастыря, приписанной Ф. Прокоповичу, еще не дает достаточных оснований безоговорочно относить его к числу произведений Феофана.

Стихотворения Феофана Прокоповича при жизни автора, за исключением «Епиникиона», не издавались. Сам автор к печати их, как кажется, никогда не готовил. В свое время они ходили по рукам в рукописных копиях и очень скоро стали переписываться в сборниках разного состава, иногда специального подбора — стихотворений и песен. В рукописях стихотворения Феофана встречаются и отдельно, и целыми группами (сб. ГИМ, Синод. собр. № 1165 и др.).

---

[15] В. Н. Перетц. Историко-литературные исследования и материалы, т. I, ч. 2. СПб., 1900, стр. 193—196; ср.: т. I, ч. 1, стр. 243—244.

[16] См.: И. П. Еремин. К вопросу о стихотворениях Феофана Прокоповича. «Труды Отдела древнерусской литературы», т. XVI. Изд. АН СССР, М.—Л., 1960, стр. 506—510.

[17] Дошедший до нас отрывок стихотворения (воспроизвожу его с некоторыми поправками по изданию В. Н. Перетца) читается так:

А

Зри, кия боги славит Владимер прелщенний:
Недвижни сут, бездушни, отнюд нечувственнѣ.
Сие же зря, дивися божой благодати,
С такой его пагуби возмогшей изъяти.

Б

Великую Владимер чает быти славу,
Аще Корсун побѣдил, объемлет в державу.
Но в том ему болшое имя ест готово,
Яко сам плинен будет под иго Христово.

В

Сказуя Владимеру вид страшнаго суда,
Филозоф отстрашает от прежнаго блуда.

Здесь стихотворения Феофана Прокоповича в основном печатаются по рукописному сборнику его сочинений Библиотеки СССР им. В. И. Ленина, ф. 178/Муз., № 3151 (ниже условно будет обозначаться БЛ 3051). Сборник — второй половины XVIII века и содержит в себе некоторые речи и письма Ф. Прокоповича, его трагедокомедию «Владимир» (текст типа *МУ*), которая тут читается под необычным заглавием «Трагедия о убиении Ярополка от Владимира» (лл. 167—192), трактат «О книзе Соломоновой, нарицаемой Песнь песней» (1730), «Краткое толкование псалма Давидова сточетыредесятого». Замечателен сборник тем, что в нем под заголовком «Стихи поетическия» читаются подряд почти все пока известные нам стихотворения Феофана (лл. 192 об.—200 об.), притом в копии, очень исправной и по тексту, и по вниманию писца к стихотворному размеру.

Настоящее издание следует рассматривать как материалы к собранию стихотворений Феофана Прокоповича. Полное критическое издание всех его стихотворных произведений, в том числе на латинском языке и польском, — дело будущего и еще требует предварительных библиографических разысканий, в первую очередь систематического просмотра рукописных сборников XVIII века.

Текст стихотворений воспроизводится так же, как и текст трагедокомедии «Владимир» (см. стр. 14).

Такой ж филозофии внимайте, велможи!
Мудрости бо истинной зачало — страх божий.

Г

Ереси княжеское сердце искушают,
Толкут и ищут входа, но не обритают.
В нем же бо дух свят себѣ назнамена жити,
В том сердцу дух лукавий не может гостити.

Д

Святити князя тшатся жиди, род проклятий,
И его в познание бога обновляти.
Но како дати новост ветхий завит може:
От сухого корене не растет ничтоже.

Е

Цар . . . . . .

4

Трактат Феофана Прокоповича «De arte poetica» — курс лекций по теории поэзии, который он в 1705 году читал студентам Киево-Могилянской академии.[18] Курс этот был предусмотрен учебным планом академии, и Прокопович читал его по обязанности профессора. Заглавие трактату Феофан дал, следуя примеру Квинтилиана, назвавшего так послание Горация «Ad Pisones».

Кратко и со знанием дела написанный, по первоисточникам,[19] трактат Феофана в свое время не раз цитировался и оказал заметное влияние на русских и украинских теоретиков поэзии XVIII века. Как первостепенный материал для характеристики литературно-эстетических воззрений Феофана Прокоповича он не утратил своего интереса и по сегодняшний день.

Впервые напечатан был трактат уже после смерти Ф. Прокоповича по инициативе архиепископа белорусского Георгия Конисского в 1786 году в Могилеве. Издатель дополнил трактат особым приложением: образцами разных поэтических жанров, речь о которых идет в трактате; здесь им были опубликованы некоторые стихотворения Прокоповича на латинском языке: «Епиникион» в честь Полтавской победы (латинский и польский тексты), стихотворное приветствие Петру II по случаю его приезда в Новгород накануне коронации, «Elegia parenetica ad discipulum de servanda vitae integritate», образцы «эпиграмматической» поэзии.

Трактат (без приложения) воспроизводится по тексту могилевского издания 1786 года (по единственному имеющемуся в СССР экземпляру этого издания — Гос. Публичная библиотека УССР).

Орфография XVIII века заменена общепринятой теперь при издании латинских текстов (вместо authores печатается

---

[18] В 1706—1707 годах Феофан Прокопович читал в Киеве еще один курс по литературной теории, дошедший до нас в форме трактата под заглавием «De arte rhetorica». Трактат пока не издан. Наиболее обстоятельное его изложение (по рукописи б. Киевской духовной академии J. III. 83.4) см.: Н. Петров. 1) Из истории гомилетики в старой Киевской академии. «Труды Киевской духовной академии», 1866, № 1, стр. 110—122; 2) О словесных науках и литературных занятиях в Киевской академии от начала ее до преобразования в 1819 году. «Труды КДА», 1868, № 3, стр. 465—525; см. также: 3) Выдержки из рукописной реторики Ф. Прокоповича, содержащие в себе изображение папистов и иезуитов. «Труды КДА», 1865, № 4, стр. 614—635.

[19] Об отношении трактата Ф. Прокоповича к трактату Я. Понтана «Poeticarum Institutionum libri tres» (1594) см.: В. И. Резанов. Из истории русской драмы. Школьные действа XVII—XVIII веков и театр иезуитов. М., 1910, стр. 26—33, 53.

auctores, tragaedia, comaedia — tragoedia, comoedia, sylva — silva и пр.). Погрешности могилевского издания исправлены; все исправления внесены в текст и оговорены в примечаниях к нему. Пунктуация упорядочена — в соответствии с пониманием текста. Латинский текст трактата сопровождается его переводом на русский язык. Переводчик стремился по возможности передать сухой, конспективный стиль Ф. Прокоповича языком современной нам научной прозы. По традиции, идущей еще от Ломоносова, некоторые технические термины оставлены без перевода (этопея, эпифонема, гипотипоза и пр.), другие термины переведены в соответствии с их значением, установившимся в современной литературоведческой науке. Многочисленные стихотворные цитаты, которыми Феофан иллюстрирует отдельные свои положения, даются или в стихотворных переводах, если они имеются, или в прозаическом переводе.

Слова и речи

СЛОВО ПОХВАЛЬНОЕ

О ПРЕСЛАВНОЙ НАД ВОЙСКАМИ СВЕЙСКИМИ ПОБЕДЕ, ПРЕСВЕТЛЕЙШЕМУ ГОСУДАРЮ ЦАРЮ И ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ ПЕТРУ АЛЕКСИЕВИЧУ, ВСЕЯ ВЕЛИКИЯ И МАЛЫЯ И БЕЛЫЯ РОССИИ САМОДЕРЖЦУ, В ЛЕТО ГОСПОДНЕ 1709 МЕСЯЦА ИЮНЯ ДНЯ 27 БОГОМ ДАРОВАННОЙ

Егда пресветлое пресветлаго величества твоего лице, царскою честию и дивною неописанной победы красотою сияющее, в сем нашем, паче же твоем, жительстве (еже есть верх благополучия нашего) видети сподобляемся, пресветлейший и великодержавнейший всероссийский монархо и преславный войск свейских победителю, кое иное дати тебе приветствие и что большее в дар гостинный имамы принести тебе? Разве неслыханной сей богом тебе и тобою всем нам дарованной победы похвалу и рождшейся от нея общей всероссийской радости извещение. Аще бо и не требует словес наших твоя по всей селенной проходящая нынешная слава — толь многия бо имеет проповедники, коль многия слышатели вести сей обретает, — обаче от нашей части долженство есть, да не молчаливи будем мы, иже под высокою твоею державою пребывающии и победительным оружием твоим хранимии, егда и иноземныи роди и страны велегласно гласят победу твою и о ней тебе торжественне сорадуются. Найпаче же сия неизглаголанная, ея же недостойныи бехом, данная нам от бога твоим и твоего воинства мужественным подвигом радость не терпит в нас молчания, ею же возбуждаемый, аще бы имел бых тисящу устен и гортаней, ни единой бы воистинну не было возможно праздновати. Еже бо обычне притворяют велеречивыи ритори, егда, хотяще что до удивления похвалити, глаголют, яко превосходит то всякую похвалу и не обретается ему равное слово, то не притворне, но истинне о твоей сей предивной победе глаголем, что всяк, аще бы и завидящий тебе был, исповесть и засведительствует.

Дело воистинну неслыханное, дело преславное, дело, его же изрещи не доволен есть всяк язык, всякая быстрота ветийская! Победи бо величество от супостата побежденнаго, како силен, страшен и славен есть, к тому от лютости брани, от тяжести подвигов, от великих нужд и различных препятий познавается. Не великий победитель Домитиан, о нем же повествуют, яко мухи убивати обыкл бяше; великий же — Самсон, иже льва растерза, великий, аще истинный, Ираклий, иже многия неукротимыя зверы и змия седьмоглавнаго умертви. Подобне и преславной твоей победи величество и славу, пресветлейший наш монархо, не инным мерылом мерим, токмо силою и храбростию побежденнаго от тебе супостата, свирепством и лютостию льва свейскаго, ногою твоею попраннаго, и множеством нужд, злоключений, наветов и препятий великих, обаче воскоре оружием твоим раздрушенных и испразднившихся. Да убо достойнейшее нечто о толицей вещи изречем (аще и ничтоже зде по достоянию изрещися может) и да известнее познаем благополучие наше и богоданной тебе ныне, царю царей высочайший, славы величество увидим, подобает мне первее глаголати о побежденнаго супостата силе, дерзости, мужестве, к тому о тяжести и лютости брани. Не да аки неведомую вещь извещу сия, яже всему миру известна и явна суть, но да воспоминающе, аки вторицею терпяще, мимошедшыя победы, множае о наставшем благополучии возрадуемся. Егда же вся части вещи сей подробну разсуждаю, толикое во всех обретаю величие, яко что-либо изречем о единой коейждо от них, мало воистинну и недовольно будет, обаче аще что и простым повествованием произнесем, безмернаго величества всякому слышателю возмнится быти.

Супостат воистинну таковый, от яковаго непобежденну токмо быти великая была бы слава, — что ж таковаго победити, и победити тако преславно и тако совершенно! Между инными бо народы немецкими он яко сильнейший воин славится и доселе прочиим всем бяше страшен. Таковое же о себе во народех ощущая мнение, безмерне кичитися и гордитися и народи презирати навыче: единаго себе помышляя быти непобедима, и уязвитися не могуща, и аки бы от твердой руды составленна. Аще и всуе презираше крепкия о господе силы российския; не безсилием бо православное сие царство толико разширися, яко вся западныя государства противу величествия его суть, аки реки противо безмернаго окиана, и уже прилично о нем рещи оное псаломское слово: «Простpет розги его до моря и даже до рек отрасли его». Не безсилием дивыя народы — Казанския, Астраханския и Себерския царства, и инныя на восток и запад и на полудне и север лежащия многочисленныя грады и

страны — укроти и державе своей подверже. Обыйди кто или паче облети умом — начен от реки нашей Днепра до брегов Евксиновых на полудне, оттуду на восток до моря Каспийскаго или Хвалинскаго, даже до предел царства Персидского, и оттуду до далечайших пределов едва слухом ко нам заходящаго царства Китаехинскаго, и оттуду на глубокую полунощь до Земли новой и до брегов моря Ледовитаго, и оттуду на запад, до моря Балтицкаго, — даже паки долгим земным и водным протяжением прийдеши к помянутому Днепру. Сия бо суть пределы монарха нашего. Сия же вся не безсилием, якоже рех, ни ужем деломерным, но разве храбрим и мужественным оружием можаху определитися. Откуду яве есть, яко всуе супостат наш, ныне побежденный, презираше Российской монархии силу и крепость, дондеже сам собою со великим своим бедством совершенно уже не искуси. Но дивне есть, како и прежде сего на себе самом не позна того. Явная бо того сведительница есть десятолетная сия брань,* егда многия крепкия грады, неправедне от него удержанныя, отъяты ему суть и на многих местах полки его царственным оружием пораженны, изряднее же под Калишем, идеже верностию ко своему монарсе зело славимаго светлейшаго Римскаго и Российскаго государств ижерскаго князя Александра Даниловича Меншикова яве показася непреодоленная храбрость. Такожде во Ингрии, при брезе мора Балтицкого, идеже инныи мечем, инныи же страхом поражены суть супостаты, иже, своя кони заклавше, ветру и морю во защищение вовериша себе. Такожде под градцем, нарицаемым Добрым, при реце Черной Напи, идеже сам свейский король, печальной пагубы воев своих зритель, не пощаде власов и персей своих: и градец убо Доброе победителю торжествующу, Черная же Напа побежденному супостату, именем своим мняшеся приглашати. Что же реку о преславной под селом Пропойском победе, идеже самаго тебе, пресветлый наш монархо, виде ратное поле марсовый пламень мужественне терпящаго, дондеже того супостатскою кровию победительне не угасил еси, — не воспоминая инныя многия победою прославльшияся места! Не не прилично же было бы зде на обличение свейской гордости привести во сведительство самых инных монархов, добре о силе российской сведительствовавших! Но понеже спешится слово ко совершенному мужества рускаго извету, ко нынешней, глаголю, неслыханной победе, того ради довлеет едино токмо воспомянути, еже в своем на Москву посельстве написа Гербестейн, быв иногда посел от величества римскаго ко российскому монарсе, блаженныя памяти Иоанну Васильевичу.* Той бо, хотя показати, како оттоманстии монарси о силе россиистей судят, глаголет сие: «Турский, — рече, — султан, егда пришедших

к себе послов польских вопроси о тогдашнем отечества их состоянии и услыша, яко их король с царем московским в брань входит, удивляяся, отвеща им: „Дерзок, — рече, — зело король ваш и неравною силою с великим братися хощет“». Великое[а] воистину сведительство, и едино вместо всех! И не без ума изрече сие султан; видяше бо многия над многими народы победы российскаго оружия и на себе самом искуси, яко же и послежде наследником его сведительствовася в разоренном Кизикермене и в отъятом Озове.*

Сие же все помянухом, да яве будет, како суетне силу свою над силу российскую возношаше побежденный ныне супостат. Обаче якоже всяк горделивый что либо сам имеет похвальное, зело велико мнит быти, вся же чуждая, аще и большая, малая быти разумеет, подобне сей слепствоваше. Но слепота сия вельми его умножаше дерзость; сице бо слепствуяй не тако, яко же слеп телесныма очима всего боится и вся окрест себе ощущает, но, ослеплен мнением силы своей, ничто себе противно и страшно не мнит быти и тако во стремнину и в огнь вметает себе. Самой убо ради таковой дерзости великий и лютый супостат наш бяше. Но и, кроме того, силен[б] воистинну и храбр; ниже бо нам прилично есть не исповедати, еже есть истинно: найпаче егда тим самым является великая победы нынешней слава, яко сильный и страшный побежден есть.

Но еще природную свою силу безмерне умножил бяше безмерным богатством, имением и прибытком, нещадне и многократне по Литве, и Полщи, и Саксонии, по Сленску и Курляндии награбленным. Кий град и кий дом избеже опасной и многоочной его несытости? И кое тайное сокровище можаше укрытися от лютаго его истязания и хищения? От толикаго же стяжания колико умножися крепость его! Не всуе бо искусныи во воинстве мужие изобилие и богатство жилою воинства нарицают; ибо яко же жилы, связующе составы тела, укрепляют тело, тако и богатством и собираются многии, и собранныи удоб содержатся вои, еже есть крепкий союз всего воинскаго состава.

Что же речем, егда коварным наущением и тайным руководительством от проклятаго зменника воведен есть внутр самую Малую Россию * (ибо сам собою не могл бы никогда же и не дерзнул бы внийти)! Зде воистину супостату нашему сила, тебе же, отче отечества нашего, пресветлейший монархо, умножилися бяху труды и препятия. Богу лучше что о тебе устрояющу, яко же бо делом уже самым показася; не иной ради

[а] *В издании* Велилое
[б] *В издании* силел

вины на толь долгое время отложил бяше бог назначенную тебе судьбами своими над врагом сим победу, токмо дабы в той час его победил еси, егда бы не недивная и не необычная, но преславная, неслыханная и безприкладная явилася твоя победа, подобне яко же иногда творяше со судиями израильскими, их же тогда воздвизаше и вооружаше на брань, егда зело супостатские умножахуся сили. Толь же лютую и трудную брань виде сие исперва скорбное и уже веселым концем увенчанное лето, яко вся мимошедшия годы, со сим сравненныя, могут нарещися миром и тишиною. Первее бо, всем вестно есть, како тяжчайшая брань есть во пределех своего отечества, нежели во чуждих: внутрнний страх и боязнь, разбегаются и криются жители, престают купли, оскудевают мытници, отечества имением питается и богатеет супостат и ничого же не щадит, яко чуждаго, но и, кроме потребы и нужды своей, разграбляет и разоряет. Словом рещи, якоже лютейшая и не скоро врачуемая болезнь есть внутрняя, в самой утробе криющаяся, нежели вреды на верх тела, тако и брань внутр земли, нежели за пределом. Наша же и внутрняя брань не простая и не обычная бяше. Не сам бо токмо собою яряшеся супостат, но прицепишася к нему и полчища зменническия, и зло ко злу приложися. Коего бо зде требе бяше многоочнаго опаства, еже бы своих от чуждых, верных подданных от отступников и зменников, приятелей от врагов разознати? Повествует славный стихотворец римский Виргилий,* яко, егда греки пленяху и раздрушаху град Трою, неции от троянов, побивше сшедшихся со собою некия воя греческия, броня их и щити на себе возложиша и, таковым покровенны суще видом, многих инных супостатов нечаянно побиваху; мняху бо тыи, яко свои суть, и без опаства схождахуся. Не тако ли творяшеся и во смущении сем зменническом? Разве яко тамо доброю хитростию подвизахуся за отечество трояни, зде же диавольским наущением на пагубу своего ж отечества мечтахуся клятвопреступныи зменници. Но и большее зде и неудоб познаваемое бяше коварство: не броня бо токмо, но и лице и родство наше ношаху на себе изверги отечества нашего; под видом же тым таяшеся вражда, яко же и известно есть из последной твоей, пресветлейший монархо, грамоти о лукавых запорожцах.* Брань убо сия сотворися брань нощная; аки бо в темной нощи, великое бяше недоумение, кого хранитися, на кого наступати, кого заступати; в едином граде, в едином дому можаху быти двоих противных стран оружия?

Кто благоразсудный и православие наше любящый не поболе о сем! Что же рещи о твоем сердци, пресветлейший наш монархо, егда приять весть о нечаянном сем проклятаго и не-

благодарнаго раба отступстве! Вемы, яко сердце твое не поколебается страхом, не унывает во злоключении, не боится военных громов. Видим бо тебе наших ради угодий вся угодия отвергшаго, вар и зной носящаго, многия и далекия пути подъемлющаго. И что не делающаго, киих трудов отрицающася? О бы тако верне и трудолюбне служили тебе, царю, слуги и поддании твои, якоже ты, царь сый, слугам и подданым твоим служиши! Крепко убо и недвижимо есть сердце твое! Обаче не уязвляемо сущи ни коим же бедствием, люте, мню, уязвися неслыханным сим воспитаннаго и вознесеннаго тобою безсовестнаго раба неблагодарством: сия тебе во брани сей, не иная нанесеся язва. Свирепая воистинну и лютая болезнь есть, аще кто, забыв благодеяния, ярим токмо на благодетеля оком возрит. Что ж, аще ругатися, аще начнет наступати! Кто же сие проклятаго сего зменника неблагодарствие изрещи возможет? За толикую любов монархи своего, еликой весь мир удивляшеся, толикую, беззаконный, показа вражду, еликой такожде весь мир удивися. О, кого сие иступлением не помрачит! Пси не угризают господий своих, звери сверепыя питателей своих не вредят; лютейший же всех зверей раб, пожела угристи руку, ею же на толь высокое достоинство вознесен и на том крепце держим бяше. Дерзну наступити на царство того, от него же приять область, некиим царствам равную. Не устрашися Хамова безстудия, не убояся Иудина беззакония, не вострепета Ариева клятвопреступства, не помысли о священнейшой и невредимой чести христа господня, студ и вред отечества нашего! Лжет бо, сыном себе российским нарицая, враг сий и ляхолюбец. Хранися таковых, о Россио, и отвергай от лона твоего. аще ли ни, не остатнюю уже беду утерпела еси; имаши всегда носити змия в нядрах твоих и приличествует тебе глас божий, Езекиилеве иногда изреченный: «Посреде скорпий живеши ты».

Таковыя убо скорби и смущения, таковыя мятежи внутрныя, со внутр сущим супостатом связавшияся. Кто исповесть, колики труды и неудобствия приложиша ко брани сей! Найпаче егда плевельными зменничими послании начаша смущатися некия грады и прейдоша на страну супостатскую многомятежнии запорожци, и проявишася по многим местам междуусобныя мятежи и нашествия, и ожидаху от Полщи и зваху от Орды сил помощных, на коль многия зде и различныя части нужда бяше разделяти воинство российское! Ставити по крепостех градских, посылати по всех пределах царствия, посылати на укрощение мятежных градов, на взыскание бунтовников, и грабителей, и убийцов и вниз Днепра до Сечи, и в пределы польские на отражение спешащаго на помощь супостату нашему втораго супостата, незаконного короля польского.* Ум во-

истинну смущается, помышляя толикия неудобствия. Обаче всем сим и иным трудным делам и нуждам совершенне удовлетворил еси премудрым твоим промыслом и силою мужественнаго твоего воинства, пресветлейший монархо! И отсюду да познают народы многомощную силу державы Российския; не много бо государств обрящети, яже бы возмогли толикие неудобствия купно понести и испразднити.

Но да заключу все во кратце, еже трудную сотвори брань сию. Вижду сию свейскую брань весьма быти подобную древней брани, нарицаемой Второй Пунской, юже творяху римляне со пресловутым оным Аннибалем, вождом карфагенским.* Тая брань между всеми римскими браньми славнейшая, ибо и лютейшая быти почитается, а всячески нынешней подобная. Ибо и подобную име вину свою, и тако сильный бяше супостат и исперва велик и страшен показася, и на долгое время протяжеся брань, и вся неудобствия и нужды нынешним бяху подобныя; такожде бо на многии преношашеся места — до Испании, до Италии, до Сикилии, до Африки, и такожде в самой Италии многие зменники являхуся, преходящии от римлян до Аннибала. Сие часте и многократне. Помышляюще, чудихомся таковому случившемуся великому подобию. Но еще токмо желательно бяше, дабы лютая брань сия и в конец уподобилася оной брани Аннибалевой, сиесть дабы увенчанна была всежелательным гордаго нашего супостата побеждением, ибо и тогда по многих великих ратех в конец побежден есть от Сципиона Аннибаль и всему миру от того часа страшна сотворися держава Римская. И се уже достизохом желаемаго! Се исполни во благих желание твое господь, о благополучная о царе твоем Россия! Побежден внешный, побежден внутрный твой супостат. О вести неслыханной! О вести радостной и страшной! Радостной благополучием, страшной удивлением! Радостной царству, страшной супостатом! Радостной другом, страшной врагом твоим! О неописанной и мало когда слышанной победы!

Представете себе пред очи, благоразумные слышателие, вся вышше реченная лютая, вся нужды и неудобствия, ими же брань сия тяжка зело сотворилася бяше, и узрете дивную победу. Кто побежден? Супостат от древных времен сильный, гордостию дерзкий, соседом своим тяжкий, народом страшный, всеми военными довольствы изобилующий. Где и когда побежден? Во время зело лютое, брани, внутр отечества нашего вшедшей, егда укрепися зменническим оружием, егда ему удобие, нам же неудобствия умножишася, егда он большее, неже имеяше, собра, наш же пресветлейший монарха на многа места раздели воинство свое. Словом рещи, побежден есть тогда, егда мняшеся победу в руках держати. Дивная се и страшная со-

твори с нами крепкий во бранех господь. Но узрете, коим образом побежден есть. Дерзок исповедуем и великодушен бяше; но, узрев близ мужество непреодоленное и храбрую силу пресветлейшаго монархи нашего и его преславнаго воинства, малодушен показася: пришед бо на брань и умножив силу прилучением зменничим, обаче от брани устранятися начат. Не ожидаше его российское воинство, но искаше; искаше же в местах не безбедных, творя себе трудный преход чрез реки. Что се есть? Критися ли к нам пришел еси, о супостате? Тебе предлежит искати наших, понеже дерзко и гордо во отечество наше вшел еси. Но отсюду вестно есть, яко не вшел еси, но зменником воведен. Но не укрися богом укрепляемой десници твоей, преславный победителю, царю и воине непобедимый! Крию-щася обрел еси, хранящася от бою до бою понудил еси. Что же творит? Забыв себе льва быти, употреби лисовой хитрости и татьски нападе на полки твоя. Но и таковым коварством ничтоже успев, до отчаянной, сиесть до крайней, вселютейшей силы понужден есть. Се же на верховную и никогда же забвенную славу твою, аще бо когда, тогда найпаче непобедим бывает супостат, егда отчаевается победы. И воистинну победити отчаяннаго нечаянная победа есть. Услышит убо весь мир и удивится, яко толикий и уже отчаянный супостат от тебе побежден есть; но множае удивится, егда услышит, како побежден. Довольно бо было бы ко совершенной славе твоей, аще бы толикого супостата с поля токмо согнал еси. Ныне же что виде поле Полтавское! О поле благополучное! О поле достойное победительными знаменьми и торжественным некиим зданием украшенно быти на вечную память толь преславной победы! Что бо виде? И кий позор на себе показа? Ужас бяше видети возмущенный и небес досязающий от праха и дыма военнаго облак. Ужаснее зрети безчисленная семо и овамо летающая блистания и слышати непрестанныя страшныя громы; рекл бы кто, яко не на земли, но на небеси творится брань и яко не оружием, но молнием поражают себе противныи полки. Но в таковой тьме и курении ясно на весь мир блисну слава российских воев, и посреде толиких марсовых волн не поколебася мужественное твое и твоего, пресветлейший монархо, воинства сердце. Егда бо от нестерпимаго громогласия стеняше земля, егда окрестныя страны страхом движахуся, егда шумяху лесы прогоняемым от огня и грома воздухом и на арматныя рикания страшным риком отвещеваху горы, и закри лице солнцу дым, с прахом смешенный, единому токмо оставльшу свету, его же оружныя огне издаяху, — тогда не подвижеся храбрость и мужество твоего воинства, не испусти вопля, ни гласа, внимаше всем вождов своих велениям и мановениям, не преступи ни малой черты рат-

наго чина и закона; зряше безчисленныя сопротив идущия на ся смерти и не отврати очес, не воспяти следа, но паче устремися и смерть на смертоноснаго супостата нанесе. Видяше себе среде онаго огня быти, нань же издалече зрящих оледеневают сердца, обаче лучше еще раздеже ревность свою по бозе и цари, по веры и верности, по церкви и отечестве. Ревностию же тоею толикую в себе зажже дерзость, еликой не чаяше видети гордый супостат и не надеяшеся слышати мир весь. Довлеет бо рещи, яко первыя еще полков твоих линии, не множае десяти тысящей в себе имущея, не стрепеша вси вои свейскии и, забывше непобедимой своей титлы, хребет на студныя язвы обратиша. Яко и о них уже воспети подобает, еже иногда воспет псаломник о сынах Ефремлих: «Сынове, — рече, — Ефремли, прязающии и спеющии луки, возвратишася в день брани». Тии обращают хребет, иже славяхуся нестерпимое имети лице; тии в бегство обращаются, их же издалече бежаху многия иныя народы. О силы, о славы твоея, Россио! Что же речем о собственной твоей храбрости, великий великих мужей вожде и великих супостатов победителю, всероссийский монархо! Егда не слово токмо твое и повеление в полки твоя, на брань препоясавшияся, посылал еси (еже единое по царственному чину довлеяше), но совершая царственное, купно совершил еси и воинское дело, сам высоким лицем твоим в лице супостату противо стал еси, сам на первыя мечи и копия и огни устремился еси. Страшный и славный позор! Возрадовася и купне вострепета Россия, узревши сие; возрадовася, видящи толикое мужество царя своего, вострепета же единаго смертию вся умрети боящися. О блаженства, рече, моего! Коликую отселе имети буду славу, егда услышит мир и чести будут во историях последныя веки, каков и колик во бранех показася царь мой! Обаче о люте мне, аще не покриет его невидимым щитом своим десница вышняго! Его бо единою язвою вся уязвленна, его единаго (еже да отвратит господь!) убиением вся убиенна буду! Но собыстся на тебе, богом хранимый мужу, обещанное псаломником божие заступление: «Падет от страны твоея тисяща и тьма одесную тебе, к тебе же не приближится». Посреде острия мечов, посреде огненных градов, посреде многотисящных всюду летающих и сверепеющих смертей ни смерть, ни язва не приближися к тебе. Больше нечто реку: приближилася бяше (еже не без страха и трепета воспоминаем), приближилася бяше смерть явная ко боговенчанной главе твоей, егда железный желюд пройде сквозе шлем твой.* Но яко не вреди главы, ея же вредом вся бы повредилася Россия, отсюду яве есть, яко ты живеши в помощи вышняго; яве есть, яко господь сил поборствует по тебе. И аще когда ныне яве показася, яко осеняет

над главою твоею в день брани; яве же есть, яко еще и всего рода нашего не отрину от лона своего, но хранит в подкрилии милости своея и щитом силы своея заступает. Не един ныне отечества и православия нашего истинный любитель, поколебшийся первее от страха толь сильнаго супостата, ныне же толикаго твоего и общаго благополучия достигший, не един, глаголю, благодушествуя, воспевает с псаломником: «Коль благ бог Исраилев, правим сердцем! Мне же вмале не подвижастеся нозе, вмале не пролияшася стопы моя».

Аще бо леть ныне о сем страшном твоем случаи любомудрствовати, мню, яко не инной ради вины попусти господь видимой смерти приближитися ко главе твоей, но не коснутися, разве дабы известно показал защищение свое, им же тебе и твое царство сохраняет. Не был еси убо одеян в железо, ни обложен твердою бронею, не имел еси ни щита, ни шлема мидянаго, но аки нерушимою стеною и адамантовим забралом огражденно бяше царское лице твое невидимою силою вышняго. Господь сил, сокрушаяй брани мышцею высокою, бысть тебе столп крепости от лица вражия. И вещию зде показася, яко аще подобная дерзость и не без порицания бывает во инных царей, бедою своею беду на царство наводящих, обаче в тебе едином незабвенныя памяти и вечныя славы достойна обретеся: ниже бо от неразсуждения произыйде, ниже отчаянием возжеся, но тайною силою сильнаго во бранех бога поощренна есть. Той воведе тебе во страшный бой, иже и ополчися с тобою; той подвиже сердце твое итти в пламень военный, иже и щитом своего заступления огради тебе. Не токмо убо не повинно есть ни единому порицанию сие твое преславное дело, но и невозможно изобрести слова, им же бы достодолжне похвалено было. Сие укрепи и на подвиг поостри воя твоя, сие устраши супостацкие полки и отъять духи сильным; сие не требует похвальных словес: егда глаголется токмо и слышится, всесовершенне похваляется. И дотоле его не умрет похвальная память, дондеже не оскудеют истории, последным веком тебе гласящыя, сиесть со псаломником глаголя: «Память его пребывает в род и род». Аще же и внешнею, но не ложною похвалою украсити дело сие восхощем, не инно что речем, токмо се, яко без таковаго, толь дерзновеннаго и храбраго твоего на ратном бою присутствия не была бы (якоже мнит ми ся), не была бы над толь страшным супостатом желаемая, но едва чаянная победа; аще же бы и была, но, дерзновенне глаголю, не была бы таковая и толикая. Ныне же что сотворися? Да слышат грады, и страны, и царствия, да слышит и удивляется весь мир! Многочисленное воинство, многие военачальници, и, что большее, вси главные вожды и енералы, сиесть вси столпы кролевства Свейскаго,

оружием твоим сокрушеннии, твоему победительному поклонишася величеству, и иже владети Россиею надеяхуся, раби российстии сотворишася; прочии же безчисленнии, поклоншеся единою, не восташа и никогда не востанут. Кое се наше блаженство? Кое благополучие? Напоиша землю нашу врази кровию своею, иже пришли бяху пити кровь ея; отяготеша трупием своим, иже мышляху отяготити ю игом своим; повергоша себе под ноги нам, иже на выя наша наступати готовляхуся. Что же реку о числе взятых войсковых знамен, оружий, запасов, корistей, всего имения, всех обозов! Вся, яже многим градом и народом отъяша, дароваху России: аки бы не иной ради вины пришли к нам, токмо умрети и воинство российское наследники благ своих заветом написати.

Видехом поле Полтавское, прейдем прочее, аки гоняще в след избегших оттуду супостатов, и да видим, како и неплодные под Переволочным бреги множество победительнаго вайя в песках своих израстиша.* О неслыханной в народех победы! Множае шестнадесяти тисящ оружие носящих супостатских воев избеже з поля ратнаго и трепетным бегством, аки крилами от страха израстшими, скоро устремися ко брегом Днепровым, яко же сами помышляху, спасения ради своего, а яко же вещию показася, не иной ради вины, токмо дабы не единою сотренны были и дабы не едино место и о нашей победе, и о их побеждении засведительствовало. Ибо, кроме не много дерзским и нуждным плаванием спасшихся, мнози речною глубиною пожренны изгибоша, аки устыдевшемуся Днепру самому зменническаго имене, аще бы послужил ко спасению врагов, иже конечную пагубу на отечество наше навести тщахуся. Но что есть верх победительной славы! Все прочее избегшее от Полтавы множество, повергше под нозе достигших себе далече меньших числом российских воев толь славное свое оружие, вдаша себе в рабы и пленники и твоему, великоименитший победителю, величеству покоришася. Не рех ли из начала, яко что либо от преславнаго дела сего просте изреку, изреку великую и неудоб верительную вещь! Зрете бо, о искуснии вси в бранех народи, разсуждайте вси, или очима видевшии, или во историах четшии многия борбы, и рати, и победи, аще удоб обрящется победа победе сей подобная! Мне бо, сие помышляющу, приходит на помысл древнее еллин и римлян присловие: оружие от рук отъяти Ираклию.* Сего же употребляху слова, егда кто хотяше силу некоего непреодоленнаго мужа показати. Толь бы крепкий и силный у их Ираклий славяшеся, яко отъяти ему из рук оружие глаголаху быти вещь отнюд невозможную. Что же? Не тожде ли вси народи славяху и о побежденном ныне супостате нашем? Кто не отъяти ему из рук оружия, но издалече на меч

его возрети дерзну? Твой же Марс, о монархо всероссийский, мужественне того из рук ему историже. Что, глаголю, историже! Понуди нестерпимым страхом, дабы сам свое все оружие и купно оруженосцы своя повергл под победительныя ноги твоя. И сотворися победа, подобная Давидовой над гордым филистином победе. Яко же бо Давид иногда, силою вышняго подкрепленный, поразив во главу Голиафа, историже из руку его меч его и темжде обезглави его, тако и российское воинство, поразивши самаго короля свейского, сиесть самую главу новаго сего Голиафа, супостата нашего, поношающаго роду нашему, новому Исраилю, полкам бога живаго; поразивши, глаголю, великою язвою на теле, крайным же страхом на душе и сердци, историже от руку его толь славное и всем народам страшное оружие. О, коль блаженни, коль благополучни есте вы, им же случися поне издалече смотрети на позор сей! О позор, всему роду российскому радостный, всему миру удивительный! Стояху возбрег Днепра многочисленныя полки свейския и, узревше со ангелом господним поганяющим гонящыя себе российския воя, оскудеша духом и сердцем, безсильны и немощны от страха сотворишася и, аки не можаще уже держати в руках железа военнаго, повергаху на землю оружия своя и, аки ниже просте стояти можаще от трепета, прекланяху победителем колена своя. Кое се странное в дни наша и в нашем отечестве благополучие сотворися? Случается многажды, да едино воинство, не стерпевши силы другаго, оставляет поле и бегает, но бегает, ищущи и надеющися лучшаго исправления, и, многажды побежденный, избегший, гонящих за собою победителей побеждают. Славный иногда в том бяше и римскому царству тяжкий род парфянов, о нем же повествуют, яко найпаче побеждаше бегством своим. Свейския же ныне полки, егда достигшему себе воинству российскому и оружия своя и себе самых с всяким смирением покориша, засведительствоваша о себе и не хотяще, яко ниже надеяхуся исправитися, но помышляху себе отнюд не быти равных российстей силе и в едином токмо бегу надеяхуся спасения. Где гордость, где кичение о своей храбрости, где презорство первое, им же вся народы яко безсильныя презираху? Торжествуй, о Россие, и, благодушествующи, возопий: возвеличил есть господь сотворити с нами! И рекут, воистинну, во языцех: возвеличил есть господь сотворити с ними! А яко сам токмо со зменником избеже верховный враг твой, о великий победителю, большую тебе славу, себе же крайнее безчестие сотвори. Аще бо бы на ратном поли со прочиими убиен был, дал бы тебе славу, но и часть славы себе оставил бы, яко до смерти мужественне подвизавыйся; егда же со студом избеже,* самым своим страхом и трепетом велегласно

всему миру сведительствует, яко нестерпима есть сила твоя и яко господь сил, сокрушаяй брани мышцею высокою, поборствует по тебе. Устрашишася от гласа грома твоего, бежат от лица твоего ненавидящии тебе. Приходит мне зде на память, что повествуют о льву естеств списателие: егда, рече, лев не возмог насилию крепких ловцов противостати, на бегство устремляется; дабы не познали, в кую страну побеже, хоботом загребает следы своя за собою. Кто ж ныне тожде не видит и на льве свейском? Видиши ты найпаче, яко с ним же бежай, — о изменниче! — не токмо телом, но и вероломством хромый; виждь ныне, како под крепчайшую руку отдался еси! Ныне ругайся российскому воинству, яко не военному; ныне познай, кто бегством спасается; сия бо бяху между инными укоризны твоя. Но и пророчество твое, им же свейской силе на Москве быти прорекл еси, отчасти истинно и отчасти ложно есть: мнози бо уже достигоша Москвы, но мнози под Полтавою возлюбиша место. Непобедимый же заступник твой не улучив на Москву и от пути дому своего заблуди. О крайнаго твоего безумия! Кое льщение, кая мечта сведе сердце твое воздвигнути руце на господина своего и толиким смущением поколебати народ? Кая надежда, кое упование бяше? Или что не достояше тебе не ко препитанию жития, но ко угодию и чести? Добре и мудре изобрете некто притчу: пес, — рече, — похитив негде часть мяса, егда, несяше воскрай брега речнаго, узре в воде сень мяса изображенную, и, разумев быти инное, мясо упусти во воду, еже име, хотя похитити мнимое, и тако и мнимаго не обрете, и истинное погуби. Научитеся падением сего неблагодарнаго вси, непослушнии господиям и неблагодарнии благодетелям своим, зрете на сем яве собывшееся прещение божие, усты премудраго Соломона изреченное в главе 16: неблагодарное упование, яко зимный иней, растанет и излиется, яко вода неключима.

Таковую убо и толь преславную победу твою, о преславный победителю, кое слово изрещи, кая похвала по достоянию увенчати возможет? Не много таковых побед во памятех народных, во книгах исторических обретается. Инде побежден будет супостат немощный, зде гордый, сильный и страшный; инде оскудевший в потребных и лишенный всякоя помощи, зде многих народов имений обогащенный и подкрепленный зменничей силою; инде отчасти пораженный суще, отчасти же цели в домы своя возвращаются врази, наши же зде супостаты со всем воев и вождов множеством ово плененны, ово убиенны суть, а и немного избегших занесе страх не в домы их, но в безвестная им места. Услышат ближнии и соседы их и рекут, яко не в землю нашу, но в некое море внийдоша силы свейския; погрузищася бо, аки олово во воде, не возвратися вестник ко отече-

ству своему. Что же прочее? Инным победителем великое восписуется благополучие, аще едину брань со многими чуждыми и своими силами возмогут раздрушити. Ты же, пресветлейший самодержче всероссийский, сам собою, своим мужественным воинством, без всякой иноземной помощи, единим устремлением, за немного часов, двоих змиев, две лютыя ехидны — брань, глаголю, свейскую и изменническую, — сильне растерзал и умертвил еси. В конец: таковую се тебе бог дарова победу, яковую слышаще верныи твои и царства твоего любители, истаевают от радости; слышаще врази твои, исчезают от зависти; слышаще вси странныи роди, трепещут от страха и различными помыслы колеблются. И ныне нам приличествует возглашати: услышите сия, вси языци, внушите, вси живущии по вселенной! С нами бог! Разумейте, языци, и покаряйтеся, яко с нами бог.

Яко убо иногда Самсон в растерзанном от себе льве обрете пчелы и мед и, усладився от него, предложи гадание: от ядущаго, рече, ядомое изыйде, и от крепкаго изыйде сладость. Подобне и тебе, пресветлейший монархо, божиим благословением случися. Растерзал еси, аки вторый Самсон (не без смотрения же, мню, божия и в день сей Самсона случися победа твоя), растерзал еси мужественне льва свейского. Се убо обретаеши в нем сладкий нектар. Се и на тебе Самсоново гадание исполняется: от ядущаго изыйде ядомое; от того, иже пожерл бяше отеческия твоя земли и многих народов пожре имения, имееши ядомое, толикий и толь дивную воинства его плень и все пребогатыя кориcты; от крепкаго изыйде сладость; понеже крепкий сый и страшный непобедимою твоею десницею побежден есть: того ради сладчайшая есть торжественная радость. И якоже горько слышати бяше от сумнящихся и малодушествующих; невозможно побежденным быти воем свейским, тако невоместимая ныне сладость всех, нелицемерне любящих царство твое, сердца исполняет, егда видим уже онаго страшнаго и непобедимаго супостата побежденна преславно, побежденна победою неслыханною, на весь мир дивною и страшною.

Пий убо сие свышше данное тебе вино радости! Услаждайся всенароднаго веселия нектаром, отри победительным вайем поты твоя, от вара военнаго источенныя; красуйся и ликуй о мужественном твоем воинстве: се видиши в нем великий плод уставленнаго тобою рыцерскаго учения. Соиграйте и вы, о крепкий столпы и адамантовы щиты отечества нашего и православия, премудрии военачальницы и воини непобедимыи! Облетит всю подсолнечную громогласная слава, гласящая вашу и царя вашего храбрость, и рекут странныи роди: достоин царь таковаго воинства, и воинство таковаго царя. Вся твоя и дела и де-

яния, пресветлейший монархо, дивная воистинну суть. Дивне презираеши светлость и велелепие царское, дивне толикие подъемлеши труды, дивне в различныя себе вовергаеши беды и дивне от них смотрением божиим спасаешися, дивне и гражданския, и воинския законы, и суды уставил еси, дивне весь российский род тако во всем изрядно обновил еси. Обаче ныне достигл еси верха дивной славы, и отселе не воспомянет тебе никто же без великаго удивления. О нас, блаженных! О нас, благополучных! Что се с нами по неисчетным своим щедротам сотвори бог? Забываются все мимошедшии скорби за нашедшая безмерная и безчисленная благая. Кия бо плоды от победы сей родишася нам? Превеликая слава народа нашего, здравие, безпечалие, мира возвращение, всякое изобилие, церкви благостояние. Что же прочее? О, благословения на нас твоего, боже наш! Мнит ми ся, яко светает уже день той, вон же проклятая унея, имевшая в отечество наше вторгнутися, и от своих гнездилищ изверженна будет,* святая же православно-кафолическая вера, юже от Малой России служители диавольскии изгнати хотяху, и во иныя страны благополучне прострется. Будет то, укрепляющу богу десницу твою, пресветлейший монархо; будет, не усумневаемся; будет, надеемся тако, аки и получихом.

А яко же изначала слова моего рекох, тако и в конец неличемерне и неласкательне исповедую: несть слово довольное, несть похвала равная сему твоему богом поспешествованному и богом совершенному делу. Еже не токмо, егда первее услышахом, но и коль краты в ум приемлем, играет сердце, воздвизаются удивлением мысли. И не ино что на уста приходит, токмо различныя оныя духом святым иногда воспетыя гласы, торжеством вкупе и благодарением божию помощ славящыя: «Поем господеви, славно бо прославися. Велий господь наш, и велия крепость его, и разуму его несть числа! Сотвори с нами величия сильный, и свято имя его. Сей бог наш, и прославим его, бога отца моего, и вознесу его. Господь сокрушаяй брани, господь — имя ему. Кто подобен тебе во бозех, господи, кто подобен тебе? Десница твоя, господи, прославися во крепости, десная ти рука сокруши враги, и множеством славы твоея стерл еси супостаты! Господи, силою твоею возвеселится царь и о спасении твоем возрадуется зело». О крепкий во бранех господи! Не преставай и до века тако прославяти в нас непобедимую силу твою, храня и защищая люди твоя и сокрушая враги креста твоего! О славо Израилева! О едина похвало верных твоих, господи! Укрепи, боже, се, еже сотворил еси в нас! Да будет сия, тобою данная победа во славу имени твоего, в радость всему православию, в страх и трепет всем злославным и

враждебным иноверцем, в похвалу цареви нашему, во образ наследию его. Не отступай и в последния дни вернаго твоего служителя, православнаго монарха нашего, ополчаяся окрест его и укрепляя оружие его, дондеже испразднятся вси жестоковыйныи и непослушливыи раби, дондеже покорятся вси востающии нань врази, дондеже вси языци, бранем хотящии, крайним ударенни страхом, утихнут и не рекут: где есть бог их? Но купно с нами прославлят отца и сына и святаго духа, ему же слава во веки. Аминь.

СЛОВО ПОХВАЛЬНОЕ

В ДЕНЬ РОЖДЕСТВА БЛАГОРОДНЕЙШАГО ГОСУДАРЯ ЦАРЕВИЧА И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ПЕТРА ПЕТРОВИЧА

Желаемых вещей и ожидание весело, слышателие! Движет к радости чистое и тихое утро, обещавает бо день светозарный. Приятно видети первую ластовицу, известует бо надходящую весну. Еще плодов на древе не видим, а рясным цветом утешаемся; еще жатва к делу не позывает, а, на зеленые нивы смотряще, радуемся. Но что странствует слово по различиям вещей? О нашем нынешнем возгласем веселии. Нашему богомданному царю дарова бог наследие. О дара великаго! О щедрой и независтной милости господней! О благополучия твоего, Россие! Аще бо и пресветлейшему нашему монарсе есть зде о чем срадоватися, обаче вящше есть, чим достоит нам самим взаим себе поздравляти, больше есть, о чем все отечество наше весело приветствовати имамы. Рождение бо сына царскаго есть великая всенародных благ надежда, общаго благополучия ожидание, блаженства всероссийскаго семя, корень, основание. Не пред неизвестными глаголем сия, весте сами, о благороднейшии, зде присутствующии великих дел управители, верховнии российстии, различием высоких титл словущии, вельможи! Весте сами, и совершенно весте, что сыны царскии не так родителем своим, яко всему народу, всему своему отечеству раждаются: на их утверждаются надежди наша, от оных ожидаем, еже не имеем; от оных, еже имамы, продолжения, умножения и утверждения надеемся. День убо рождества твоего, благороднейший государь наш, царевичу и великий княже Петре Петровичу, не точию яко царскаго дому радость, но и паче яко наш всемирный праздник блажим и прославляем. Наших бо плодов цвет есть, наших веселых дней утро есть, нашего щастия обручение есть. Что самое пространнейшею беседою проповести велит мне радость общая, — се же не в известие и научение толиким слы-

шателем, лутчше о том, якоже рех, самим ведущым, но да тако послужю самой радости нынешней. Радости бо свойственно есть и ведомыя и всем явственныя вины своя многократне повторяти и велеречием насыщатися.

Вся же сия беседа, всецелое сие разсуждение мнится имети две части. Первая: увидети, коликое щастие есть от царскаго чадородия государствам чина монаршескаго, наипаче же тем, в которых по наследию проходит скипетр, а не по избранию предается, и се как России, так и всем монархом подобным есть обще. Другая же разсуждения часть: коликое благополучие монархии, егда не коего либо царя, но царя по сердцу божию, царя храбраго, премудраго, бодраго и всякими государственными таланты украшеннаго, получает от бога наследие, что, кроме перваго, наше есть собственное щастие, якоже явственно показати имамы. Но первее о первом нечто разсудим.

Коликое убо щастие есть царству скипетра наследуемаго от рождения царских наследников, явится от того, аще увидим, како благополучнейший есть чин таковый от протчих правления чинов. Тако бо крупно увидим монархийскаго благополучия долгоденствие, идеже не оскудевает монархов наследие, понеже иссохшу семени монаршему, нужда есть и благополучию оному пресеченну быти. Чтож пользует кое-либо добро, аще не долгое, аще маловременное? Подобно есть воистинну здравию тела, трясавицею болящаго, в нем же по двоих или треих дний отраде лютая наступает болезнь, и человек таковый и отрадныя дни оныя в здравие себе не вменяет. Но уже разсмотрем состав правительства монаршескаго и наследуемаго.

Зде же в первых: аще и не сведомы кому были самыя внутренныя добра общаго вины, в таковом правительстве содержимыя, то довольно бы тое показати примеров едва не всех народов и веков. Предревнее оное Ассирийское государство, от Немрода или Нина зачатое, была то монархия, а монархия в единой фамилии наследуемая. Тойжде вид имеяху последствовавшия ему Медское и Персидское скипетра. Не инакое устрои бог с Израилем. Не инным бразом управляху себе ветхии под фараонами и последнейшии под Птоломеами египтяни. Тожде видети было у македонов, епиротов, иллириков, в Понте и Асии, в Парфии и на островах моря Средиземнаго и Егенского, тожде в древней Африке, тожде (да многая прочая минем) у наших предков — скифских и сарматских народов. И се древняя. Да видим и нынешняя. Начни от Европы, предстанут Испания, Галлиа, Англиа, Германиа, Даниа, Шведциа и прочая. Вси вид монаршеский, вси скипетра наследуемое имущыя. Поиди в Африку, — таковаго чина: Фец, Тунис, Алгер, Трипол, Барка и великая Ефиопиа — народ абиссинский и прочия

на полудни государства. Поиди во Асию, — таковая Туркия, Персида, Индия, Хина с Китаем и Яппония, все подобное слышим и в Америке, новом имянуемом свете.

Не в пример речь посполитая Польская, — да и не в зависть! Вемы, яко крепкое было оное государство в строю монаршем; не вельми ж еще давно златые оныя узы на себе растерзало, и не мое есть разсуждати, не от начала ли широты нынешней начало оскудевати и утесняемо быти.

Не в пример речь посполитая Венецкая, — да и не в диво! Тело оное не великое, в едином граде заключенное, вкупе сенат, вкупе народ, вкупе дух, вкупе уды, да и там во время избрания вождa их не удобь уразуменная печаль, еже бы запяти хитрыя подступы и факции, избрание избирателей и не единократное. А во всем и воли людские, и жребий метания с крайним опаством мешаются, яковая боязнь в государствах наследуемых не бывает. Подобному подлежит разсуждению и речь посполитая Генуанская, и конфедерациа бельгийских ординов. Шванцарская аристократия требует французской протекции, городы свободные ансатские и не в сравнение великих государств, обаче и тамо[a] свободность оная уздою императорскою водима есть. Едино нечто противное мнится быти древняя речь посполитая Римская, о ней же особенные судьбы бяху божии, обаче и оная по изгнании королей не обрете себе постояннаго правительства иннаго; по королех консули, по консулях децемвири, по децемвирах трибуни, по трибунах паки консули, а в крайних нуждах избираемы бывали диктаторы, власть всемощная и лютая и паче монаршества страшнейша, еще ж то во младом веце, в теснейшей области, до того во обстоящих бедствиях от неприятелей. Пришедши же в возраст (яко же глаголет римский историк Флор) мужеский, не возможе себе управити тонким оным демократии кормильцем: были мятежи лютыя от Граххов, от Мариа, от Силли, от Катилины, от Антония. Домашнею Иулия и Помпея войною приходило до крайней пагубы, даже паки в вид монаршеский претворися. И от сего известно, како здравейшее есть, паче инных, человеческому сожитию единовластное правление. Аще же и добре разсуждают политическии учители, что различныи правления, не самих просто собою, но по природе народов разсуждати подобает, которыи где лучше свойствуются, обаче от преждереченных познаем, яко едва не всем народом природна есть монархия, понеже едва не вси таковым способом удобь управляти себе обыкоша, которой политики не умствования филосовская, но самая вещь, самое искуство и нужда их научила.

---

[a] *В издании* тако

Рех, яко нужда научи; суть бо главныя внутренныя вины, аки бы некая политическая таинства, от них же явственно научитися можем, коль полезное есть правительство самодержское наследуемое. Вопреки: коликим бедствием отверста стоит демократия и аристократия, подобне и монархия не наследуемая, но по избранию от дому до дому преходящая. Много того ведают главы высокия сановитыя, народным делам посвященныя, а мы поне отчасти достизати можем.

В первых бо сыны царския от младых ногтей, от того времени, когда ходити и прорицати нечто обучаются, обучаются купно и царствовати. Приходят им в слух судебные и советные, гражданские и воинские повести, так, как детем купеческим в слух часто приходят торги, товары, прибыли, убыли; с возрастом же их растет и властительская мудрость. Да и венценоснии их родители ни о чем же тако пекутся, яко дабы сыны их умели по них держати скипетр. А кто с нижайших на престол прагов восходит, управляти учится седши уже на корме, не без великаго многажды вреда государства своего. Но и порфирородный государь величие и велелепие царское, яко природное и от пелен себе обыклое, не в диво себе ставит и потому не имеет оное за материю высокоумия и презорства. А избранием возведенный на сию высоту, удивляяся славе своей, многажды не точию подданных своих, но и себе самого забывает. До того по избранию увенчанный (бывает то по злострастию человеческому), что дела антецессора своего, будут ли вредная, не исправляет, будут ли полезная, отменяет. Тым и сим оному укоризну, а себе славу снабдевая. Вопреки: наследник погрешения родительская отлагает, яко свой собственный порок, потребныя же родительския уставы паче утверждает, яко свою истую похвалу.

Да и в наследуемом царстве печется самодержец о добре общем, яко о своем домашнем, видя, яко наследствовати по нем имут сыны и сыны сынов его, и им же все изобильное и целое готуя. А избираемыи государи (не вси, — да не будет!), однако, такии бывают, что как безчиннии на квартирах воини не щадят общаго, яко чуждаго, но и паче тщатся оттуду приватныя свои фамилии обогащати. Явно то по тому, что в подобных государствах казна государственная вельми скудна. И тожде добре видяще, мудрии венети многоочно оберегают от того князей своих.

Но что паче всех памятно имать быти в елекциональных державах — великим и частым несогласиям и раздорам место. Санове великии, смотряще на преизящества своя и престольныя высоты вожделеюще, како могут быти вернии своему монарсе, которому скорейшей желают смерти? Како друг другу

доброжелательныи быти могут, всяк равнаго себе не любя? Той мыслит, како бы оному запяти путь к диадиме, а той сему тожде взаим творит, и един другаго боится. И всяк туды намеряет, туды советы, туды дела народныя, туды трактаты с посторонними ведет, куды бы могл ему быти простейший путь до короны. Когда же прииде интеррегиум, — кто исповесть! — коликий возгарается пожар от оного углия, в пепеле прежде крыемаго? Бывает, что взнесшийся тогда пламень уже и по избрании государя долго не гаснет. Всякому бо желательно есть государствовати; аще же ни, обаче всяк негодует служити тому, которому вчера друг равный или и суперник был равносильный, чим деется, что многажды с стороны позывают на престол свой, да бы поне равнии в равенстве пребыли.

А сия вся являют довольно, како блажени суть народи, наследуемым скипетром управляемыя. Сия вся являют, как блаженна еси Россие, монаршеский таковый правительства чин получившая. Сия вся являют сие, о нем же нам слово ныне, сиесть: колико торжествовать имаши, российский народе, егда благословляет бог царя твоего ложе и подает тебе плод чрева его! Блажен бо и благополучен еси за монаршеский в тебе скипетр, в нем же наследная царствования мудрость, в нем же попечение о тебе истое отеческое, в нем же единодушия внутрнего сила и купно далече суть от него неискуство, нещадение, хищение, зависти, рвения, раздоры, несогласия. По сему воистинну блажен и благополучен еси, но преблаженнаго, преблагополучнаго разве ехиднина злоба не наречет тебе за богомданного монарсе твоему сына. Яко же бо на державе его основанно есть все твое блаженство, тако на наследии его укрепляется сила таковаго твоего блаженства, еже бы не единого человека житием мериму ему быти, но в долгие лета, в позные веки единым тещи струем, до внук, правнук и праправнук твоих, и даже до последнего рода, мира скончанием скончатися имущаго.

В толиком бо народнем и от преждереченных изъявленном благополучии ничтоже так есть бедно и страшно, яко пресечение его, еже наипаче бывает наследныя крове оскудением. Како бо немощная была Россия от смерти великаго Владимера, егда аще и не иссякл был род самодержца оного, обаче самодержески скипетр на части поломан (что самое было монархии пресечение)! Коих бед не претерпе от междоусобия, от варварского нахождения! И не могла на ноги стати, даже паки единому скипетру и его наследию поддадеся. Пресече ток крове царствующия Годуново властолюбие, паки мятеж, паки кроволития, паки разорения! И от кого и каковым образом? Срамно и воспомянути! Воистинну в той час могли о россиистем роде супостаты его гласити: «Бог оставил есть его; пожените и имите

его, яко несть избавляяй».[б] Но возврати паки милость свою господь, воскреси умершее блаженство наше, воздвигну и вознесе на всероссийский престол благороднейшее колено Романовых, и дарова ему наследуемый скипетр, и скипетра наследием благослови. Се уже внук благополучне царствует, православный и богом хранимый монарх наш Петр Первый. И кто не видит совершенно оздравевшую Россию, но и в большую паче первыя силу и славу пришедшую! Яко уже достоит нам всерадостно восклицати: «Помяну господь милость свою Иакову и истину свою дому Израилеву»;[в] «Воста, яко спя, господь, яко силен и шумен от вина, и порази враги своя вспять, поношение вечное даде им».[г] А таковаго своего веселия, таковаго здравия своего долголетие обьемлет Россия надеждою в царском наследии. Родися монарсе сын, родися всенародному благополучию вечности своей надежда!

Но сие еще щастие не собственное нам, но с протчими таковагожде чина государствы общее. Аще же к тому присовокупится другая часть благополучия, которая основанна есть на особе царствующаго, сиесть на его премудрости, храбрости и иных изряднейших талантах, — то ежели таковому бог подает наследие и наследием тем дает всему народу надежду, еже толикому благополучию неувядаему быти, воистинну, слышателие, воистинну большаго блаженства и желати не требе. А кто же не видит, о россияне, нас ныне так щастливых, так блаженных, так благополучных быти, сподобляемых всещедрыми к нам милостынями вышняго! Коих бо благ надежду нам подает ныне в наследие кровь монарха нашего прорастшая? Подает надежду продолжения нашего блаженства. Но коего блаженства? Того, которое получи от бога Россия тако премудрым, тако щастливым, храбрым, победительным, тако, словом рещи, благословенным царем своим, его царским величеством пресветлейшим и державнейшим всероссийским самодержцем Петром Первым.

Россия сие имеет, свет весь удивляется и завидит, изрещи же или описати не достанет слов, не достанет времени, великия бо книги история сего наполнити может. Мы же обаче да не весьма то молчанием прейдем, уподобимся в слове нашем скорейшым его царскаго величества путьшествиям и скоро прелетим следом славы его, поне нечто касающееся некиим от многочисленных великих дел его.

Но зде предлежит нам сугубый путь гражданского и воинского правительства. В который перве устремимся? Пойдем пер-

---

[б] *На полях* Псалом 70 (11) [в] *На полях* Псал., 97 (3) [г] *На полях* Псал., 77 (65, 66)

вее в гражданский, яко домашний: воинский бо за пределы отечества ведет. А зде да предстанет нам свидетельство памяти всенародныя, память же не престарелых людей, но не далече за двадесять лет вспять заходящая. Что бо была Россия прежде так не долгого времени? И что есть ныне? Посмотрим ли на здания! На место грубых хижин наступили палаты светлые, на место худаго хврастия, дивныя вертограды. Посмотрим ли на градцкия крепости! Имеем таковыя вещию, каковых и фигур на хартиях прежде не видели и не видали. Воззрим на седалища правительская! Новый сенаторов и губернаторов сан, в советах высокий, в правосудии неумытный, желательный добродетелем, страшный злодеяниям! Отверзем статии и книги судейския! Колико лишных, отставлено, колико здравых и нужнейших прибыло вновь! Уже и свободная учения полагают себе основания, идеже и надежды не имеяху, уже арифметическия, геометрическия и протчия философския искусства, уже книги политическия, уже обоей архитектуры хитрости умножаются. Что же речем о флоте воинском?

Ниже бо на самом точию кораблей здании держати очи и мысли нам довлеет; аще и самое то зрети без удивления не можем, но разсуждати подобает, от коликих сие добродетелей произыде. Но могли бы воистинну никии же мастеры совершити сего, всуе бы было тектонское искусство и труды, аще бы не предстала зде монаршая мудрость, еже вся усмотрети к таковому намерению потребная. Аще бы не был зде быстрый промысл, откуду бы и како, каковым путем и способом подобающую собрати и звезти материю; аще бы не явила себе зде велелепная щедрость, еже бы не жалети толиких иждивений; аще бы не произошло зде незыблемое великодушие, еже бы не устрашитися толикого и толь трудного, а еще новаго дела; аще бы не воспланулося зде неусыпное славы ревнование, еже бы государству Российскому и в сем не попустити от инных протчих быти упослежденну. И, да многая минувше, едино главнейшее изречем: на таковый сей трудный, новый, преславный завод недовольно было никоеже имение, ни лесы дубравные, ни труды делательские. Потребное было оруженосным сим ковчегам, сим крылатым и бег пространный любящым полатам, потребное, глаголю, было место и поле, течению их подобающее, инако бы все суетное было. Зде же кто не видит, что державе Российской подобало простретися за пределы земныя и на широкия моря пронести область свою! Купил нам тое самодержец наш не сребром купеческим, но марсовым железом. Показа, аки перстом самая правда, на бреги Ингрии и Карелии, хищением льва свейского давно отъятые; устремися убо тамо сила монарха нашего победительная и прогна далече зверя оного

полунощного, протяже владение свое на моря, устраши громом славы сея и далечайшая помория и островы; державную же Россию уподоби оному апокалиптическому видению. Се уже единою ногою на земли, другою же стоит на море, дивна всем, всем страшна и славна. Словом рещи: аще бы ничтоже было прочее, един флот был бы доволен к безсмертной славе его царского величества.

А ты, новый и новоцарствующий граде Петров, не высокая ли слава еси фундатора твоего? Идеже ни помысл кому был жительства человеческого, достойное вскоре устроися место престолу царскому. Кто бы от странных зде пришед и о самой истине не уведав, кто бы, глаголю, узрев таковое града величество и велелепие, не помыслил, яко сие от двух или трех сот лет уже зиждется? Сиесть тщательством монарха нашего испразднися оная древняя пословица сарматская: «не разом Краков будовано». Или великое бо время к таковому строению пятьнадесятолетнее? И что много глаголати о сих? Август он римский император, яко превеликую о себе похвалу, умирая, проглагола: «Кирпичный (рече) Рим обретох, а мраморный оставляю». Нашему пресветлейшему монарсе тщета была бы, а не похвала сие пригласити. Исповести бо воистинну подобает: древяную он обрете Россию, а сотвори златую: тако оную и внешним и внутрним видом украси, зданий, крепостьми, правильми, и правительми, и различных учений полезных добротою.

А еще побежим в след его воинский (аще и тако уже того минути мы не возмогли), а зде точию имена вещей некиих воспомянути можем: тако невозможно есть в кратком времяни предлагати повесть. Еще отроческою рукою разори Казикермень, разруши Азов и дракона асийского устраши; возъярен же неправедным терзанием льва свейского, коль ему много наложи ран, коль много отсече градов и крепостей зде в Ингрии, в Ливонии, в Померании, в Карелии, в Финляндии, и в чужих гнездах крыющаяся обрете, в Митаве Курляндской, и в Елбинге Пруском, и на местах протчих; дерзнувша же встрестися на поле ратном, преславно победи под Калишем, на Черной Напе, под Пропойском, под Полтавою. Единым ли сие едино воспомяновением прейти довлеет? Не довлеют воистинну преславной оной виктории тысяща уст риторских, и не престанут славити веки многия, донележе мир стоит. Но и инныя победы прочая пространных проповедей достойныя суть: обаче зде единым их точию, якоже рех, воспоминанием удоволяемся. Таковыя же, так далекия, так многия места и страны победами его прославленныя! Велико было бы, аще бы кто прошел легким странствием, то что ж есть викториями исполнити!

А что во первых воспомянути подобало и что всей толикой славе основание есть: регула воинская. То то дело, то всех дел и корень и верх; за сие дело что либо и где либо российским оружием достохвальное содевается, содевается царем нашим, аще бы и не присутствовал тамо, за сие едино и вся будущыя по смерти его победы ему воспишутся.

И таковых то монарха нашего славных дел, аще и не всех, аще и краткое именование, есть светлое и известное российского щастия свидетельство. Минувше бо многия, оттуду произшедшыя пользы домашныя, да помыслит всяк, коликую обрете Россия во всем мире славу себе. Не буди бо в срамоту помянути, еже истинно есть, в коем мнении, в коей цене бехом мы прежде у иноземных народов: бехом у политических — мнимии варвары, у гордых и величавых — презреннии, у мудрящихся — невежи, у хищных — желательная ловля, у всех — нерадими, от всех — поруганны. Аще же и лживое было таковое многих мнение, обаче было мнение таковое, и изъобличила была то не единократно Россия своим оружием, но недовольно и несовершенно, наипаче яко оружием страх точию содевается в народех, честь и любовь тем не купуется. Ныне же что храбростию, любомудрием, правдолюбием, исправлением и обучением отечества, не себе точию, но и всему российскому народу, содела пресветлый [д] наш монарх? То, что которыи нас гнушалися яко грубых, ищут усердно братерства нашего; которые безчестили, славят; которые грозили, боятся и трепещут; которые презирали, служити нам не стыдятся; многие по Европе коронованные головы не точию в союз с Петром, монархом нашим, идут доброхотны, но и десная его величеству давати не имеют за безчестие: отменили мнение, отменили прежнии свои о нас повести, затерли историйки своя древния, инако и глаголати и писати начали. Поднесла главу Россия, светлая, красная, сильная, другом любимая, врагом страшная. И да заключим сильным, но истинным словом все сие: зависть славою российскою побежденна есть; не может безчестити нас, ибо веры уже в свете не обрящет, точию имать грызти персты своя и утробою снедатися.

Таковую убо славу российскую кто бы не желал? Разве бы враг отечества своего, иже бы не желал быти непременну и вечну! А понеже она от толикого монарха рожденна и умноженна есть и на нем основанна стоит, то воистинну желати бы подобало его величеству безсмертнаго на земли жития и приветствием оным, у древних царей персидских обыкшим, пригласити ему: «Царю, во веки живи! Царю, во веки живи!». Но

[д] *В издании* престол

что ж пользует желание, которому не последует событие! Да многолетно царствует и побеждает, да увидит сыны сынов своих и на сынах сынов своих своих дел славныя образы, — желаем от усердия, вседушно, всеискренно желаем, обаче неблаговолися праведному господеве замеряти житие человеческое мерилом желания нашего.

Что же прочее, которому народу хощет дати долговечную славу и блаженство, подает в содержание оной царского рода наследие, тем утверждает наследуемыя скипетры, тем сад, от родителей насажденный, возращает.

И се уже видим, слышателие, коликую получихом радость, получивше от бога сына царского: управляется благополучне Россия монаршеским наследуемым скипетром, а тое щастие да будет долголетное, имеет надежду в наследии монаршем, обогатися и обогащается Россия всемирною от великих дел монарха своего происходящею славою, а сие так великое блаженство да будет непреложно и вечно, имеет упование в сыне царском.

Истинно есть, о слышателие! Истинно, еже изначала рехом, что царскии сыны не так родителем своим, яко своему всему отечеству раждаются. Яко же бо добрии государи не так себе самым, яко своим подданным живут, тако и их наследие не так себе самому, яко народу своему жити начинают: оных неоскудеваемое возращение есть щастия народного долгоденствие. От сего плодородия имеет отечество свое безсмертие в таковом божии на царей изливаемом благословении. Благонадеждныя бывают царствия, еже жити, крепитися, и в поздные лета весело им процветати.

Есть убо о чем тебе срадоватися имамы, богомданный наш самодержче российский! Имаши чем увеселити сердце твое в непрестающих печалех и различных забыти скорбей. Аще бо и всякому родителю сын свой венец есть, по глаголу премудрого Приточника, то кольми паче тебе сын твой, от бога данный, и порфиры, и диадимы, и всей твоей царской утвари честнейшее и дражайшее украшение. И всегда тебе смерть не страшная, аки бы нарочно оной за наше житие и здравие ищущему в огнях, в мечах, в путных бедствиях, в морских волнениях. Но наипаче уже имаши нерадити о ней, егда на лоне твоем видиши тебе другаго, твою мудрость, храбрость, благочестие, твоя вся добродетели в далечайшую жизнь прострети имущаго. А иже живую сию надежду дарова тебе господь, той и благим событием да исполнит в сына твоего здравии, долгоденствии и, что больше всего есть, во образе и подобии твоем.

Есть чем поздравляти тебе, благороднейшая государыня наша царица, таковаго супруга подружие и таковаго сына ма-

терь быти сподобльшася! Благополучна была еси, кто не исповесть, в воведении твоем в царский чертог, усугубися тебе оное благополучие в рождении сына царева. Тогда была тебе весна веселая, ныне лето плодоносное, тогда утро было, ныне полудне, тогда новой, ныне же полной луне подобна еси, свет толикий от российскаго солнца издавшая, тогда в благородие царское восприята была еси, ныне же и сама благородие царское умножаеши.

Есть о чем приветствовати имамы тебе, благороднейший государю наш царевиче Алексие, вам, благородныя государыни царевны, яко получившым от бога толикое в сем брате вашем благословение, совокупныя утехи, взаимныя помощи, домашния славы надежду неложную!

Торжествуй, весь доме царский, вся палато монаршая! Имаши утварь всех красот лучшую, имаши богатство всех сокровищ дражайшее, но наипаче имаши крепость адаманта твердейшую, вечнаго твоего пребывания силу.

Паче всех же ликовати и благодушствовати должна еси, вся Россие! И твоей славе, силе, блаженству, твоему долгоденствию родися сын царский. И аще кая либо жена, родивши отроча, к тому не помнит (по глаголу господню) скорби за радость, яко родися человек в мир, — то кольми паче тебе, о Россие, таковая радость должна есть, яко родися тебе толикий человек. Человек, в нем же и с ним же родися тебе состава твоего здравие, мира, согласия, благостроения твоего вина; полученных тебе благ вечность и множайших надежда; вопреки же: всем врагом твоим, не весело на щастие твое смотрящым, скудости и падения твоего желающым, родися страх, скорбь и отчаяние. Сие убо рождение, аки благословенное всего отечества нашего отрождение, радостно и торжественно празднуим, друг друга поздравляюще, друг другу срадующеся. Аще же хощем и желаем всяк себе и всяк наследию своему добрых и долгих лет, сему царскому наследию желаим того всеусердне. Аминь.

СЛОВО ПОХВАЛЬНОЕ

О БАТАЛИИ ПОЛТАВСКОЙ, СКАЗАННОЕ В САНКТПИТЕРБУРХЕ В ЦЕРКВИ ЖИВОНАЧАЛЬНЫЯ ТРОИЦЫ ЧРЕЗ ЧЕСТНЕЙШАГО ОТЦА РЕКТОРА ПРОКОПОВИЧА ИЮНЯ В 27 ДЕНЬ 1717

Достохвальное дело, слышателие, дело воистинну достохвальное с радостию и веселием и с должным всесильному богу благодарением летнюю творити память преславныя Полтавския виктории, сиесть всемирныя рода нашего славы, крайнего

Фронтиспис. Гравюра Д. Галаховского: Петр I попирает ногами поверженного льва (Panegyricus de celeberrima victoria, quam Petrus I... reportavit..., Kijoviae, 1709).

супостат наших постыждения и божиих к нам благодеяний неописанных. Аще бо и не может не паметовати сего всяк сын российский, яко незабвеннаго своего благополучия, аще и неприятель забыти не может, яко язвы своея неисцельныя, однако же, да не неблагодарни возмнимся быти тако нам благодеявшему господу, достохвальне навершаем празденственное сие толикия победы воспоминание. Буди нам не в пример древний еллинских и римских и протчих славолюбных людей обычай, которые великим иждивением сооружали столпы, и врата, и обелиски, и пирамиды, и иныя тропеи, или победоносныя знамения, еже бы в них оставити неумирающую славных дел своих память последним веком. Хотя и нам таковаго попечения ничтоже возбраняет, но и вопреки: человек о славе отечества своего нерадящий всегда у мужей мудрых в не дорогой цене ходит, яко малодушный и грубый. Однако же буди не в образец нам, яко христианом, и вышшей и не суетной небесной бо славе простирающымся, не в образец, не в приклад нам, глаголю, буди обычай язык славы истинныя не познавших. Обаче не можем ослушны быти самаго бога воле, который, вся творящий в славу свою, велит благодеяния своя имети нам приснопамятна и незабвенна. Ясно о сем засвидетельствова царствующий его псалмопевец: «Елика заповеда, — рече, — отцем нашим, сказати я сыновом своим, яко да познает род ин, сынове родящиися, и востанут и поведят я сыновом своим, — да положат на бога упование свое, и не забудут дел божиих, и заповеди его взыщут».[а] В котором слове, кроме должнаго благодарения, видим и инныя вины спасенныя, понуждающыя нас творити память божиих благодеяний, сиесть упование на бога и взыскание заповедей его. Имеюще бо в живой памяти благодеяния к нам божия, веруем, яко милостив к нам есть, и тако уповаем на него; познаем, яко благ есть, и тако к заповедем его поощряемся. Достохвальное убо дело есть летняя сия, юже днесь совершаем, память победы Полтавския. Умолчим ли убо и не воспомянем ли, что виде день сей восмь лет назадь на Полтавском поле? Да молчит и снедается в себе врагов наших зависть, нам же немолчно о сем восклицати подобает. И за благополучие себе вменяю, яко повеление имам толикой славе словом моим послужити. Аще бо и весь мир о сем во всех ближних и дальних странах гласит, аще и произошли на различных уже языках истории, аще и наше каковое либо похвальное о том было слово,* однако ж дело сие толикое есть, яко и повторения достойно, и к многоречию довольно обретается.

[а] *На полях* Псалом 77 (5—7)

В сем бо едином увидиш, славенороссский народе, дивное твое, аки от готовой погибели, избавление, врагом твоим студное их попрание, славы и державы твоея умножение. В сем едином увидиш Россию отрожденную, возмогшую и совершенно возрастншую. Увидиш же то, аще разсмотрим, коликая супостатская лютость и сила уготована была на нас, и како она оружием российским сломлена на Полтавской баталии, и кия плоды толь преславной виктории родилися нам. Точию не стужим, слышаще сие, яко повесть нашего истаго благополучия.

Да познаем, в первых, лютость и силу супостатскую. Сие предлежит разсудити, что инныя в народех брани обычне бывают от правосуднаго гнева за нанесенныя обиды, а сия брань на нас шведская возъярилася от зависти и ρвения. Шведская, рех, аще не паче рещи, многородная: мнози бо шведом ово железом, ово сребром, ово делом, ово словом и советом против государства Российскаго содействовали. Были тебе, о Россие, древние и правильные вины, еже бы иногда оружием отмстити обиды, тебе нанесенныя от сего супостата, и отторженныя наследственные твои сия области возвратить паки в державу твою. Однако же к чему тебе самая правда путь показовала, к тому нуждею тебе привлекла неприятельская зависть, давно уже рожденна против тебе и до наших времен не только не умалена, но паче и паче умножившаяся. Превеликая бо еще от древле зависть в сих наших добрых двоих или триех соседах рождена есть от близкости, разъяренна от частых войн, воспитанна от наших благополучий, укреплена закона и правительства разноличием; та же в самое совершенство возрасте, егда увиде Россию, Петром Первым, благословенне им царствующим, в совершенный силы и славы возраст пришедшую. Вся сия особно разсмотрим, не тако ли есть.

Родися зависть на нас от соседов наших от самой близкости. Родится всяка зависть от гордыни, егда человек не весело зрит другаго себе или сравняема, или и предъуспевающа. Однако же гордыня не родит зависти к дальним, но к ближним: к ближним, глаголю, или по чину гражданскому, или по делу воинскому, купеческому, художескому, или по крови и племени, или по державе верховной и протчая. На пример: не завидит купец воину его мужества; не завидит воевода священнику его учительства; не завидит кузнец живописцу его искусства. Не живет зависть в разности, живет в близкости: воин воину, властелин властелину, художник тогожде дела завидит художнику. И по тому, мню, деется, что мало согласия между братией, и союз крове, где бы имел быти виновен единодушия и любви, бывает виновен распри и вражды, и сие разсуждение есть Василиа Великаго в слове против завистников. Кто же не ви-

дит, аще не тако деется и в ближних себе народах? Аще не тожде содеяся и в соседах наших? Просияла по лютых временах царская в России корона, воспламенися тот час в ближнем сем и инных народех зависть от гордыни. От гордыни глаголю: в той бо стороне зависть живет, в которой и матерь ея — гордость. Что ж? Россия ли возгордилася на сосед своих? Не могла и мыслити того, рада о своем по многих бедствиях освобождении. Но соседи наши не могут извинитися от гордости, осуетившиися бо высокоумием своим, яко народи суть мнимыи себе сильнии и умнии, народ наш, яко немощный и грубый, презирали. Как же они весело глядети могли на поднесенную державу Российскую, будучи нам близкии, иннии рубежами владения, иннии же сверх того и единством корене славенскаго?

Возгремели по том брани, с сими за Карелию и Ингрию, с другими за Смоленское княжение, с обоими за Ливонию, еще и за ложных Димитриев, и за пресеченные высокия надежды Владиславу польскому и королю шведскому принцом. А кто же скажет, что супостатской зде зависти не умножилася безмерная ярость? Когда, многократно потщавшися или сломити, или похитити роское скипетро, принуждена воспятитися, аки бы распаленнаго железа коснувшися, а сие то было зависти оной разъярение. Яко же бо медведь, чией крови челюстьми своими захватит, на толь лютее мещется, тако и человек завистный, вкусивши, а не пожерши ближняго, умножает в себе рвение.

Что ж? Егда державу Российскую от нападений неприятельских сохранив бог, и еще к тому миром, изобилием, благолепием, разширением области благословити изволил; егда и Малая Россия, исторгнувшися от ига польскаго, под крепкую десницу монархов своих наследных возвратися; егда славу и утварь царскую, угасшую на константинопольских, на наших самодержцах блистающуюся, увиде мир, — не то ли было разъярение зависти сосед наших? Известно любопытным естеств взыскателем есть, что магнит камень силу свою, которою влекомь есть к железу, окормляет, силою железа себе обложеннаго. Тако воистинну и зависть кормится и растет чуждым благополучием, себе близким; в том только не равность, что магнит таковым способом идет в больший союз, а зависть в большую вражду зажигается.

А яко же обычно есть мечы и копии острые, сковавше противными стихиами, жаром и мокротою закаливати, тако недруги наши завистную свою на нас ярость закрепили, видяще у себе и у нас в законе, в державе, во обычаях несогласие, инный вид правительства, противное исповедание, разные

обряды. Что все аще и бывает инде с неповреждением дружбы, однакож где зависть, там все тое есть оной укрепительная материя.

Что еще не доставало до сих? Еще нечто было, чего не завидели нам соседи, и было нечто, о чем боялися, дабы не было. Не была еще регула воинская, не были искуства инженерские, не были обоего чина архитекторы, не был флот, не была сила на море. Сих нам не завидели, ибо еще не видели, и о сих боялися, дабы когда не увидели. Да то может быть догад мой? Ни! От их же самых имеем известие. Густав великий король свейский с великим пререканием писал к Елисавете королеве аглинской за то, что она несколько пушек послала в дар царю Иоанну Васильевичу, уличая оноя неопасность, яко показующия нам силу оружную; той же заповеда своим под смертию, дабы кто воинскаго учения и оружнаго художества не преносил в Россию. В лето 1563 был сейм в Любеке, городе поморском, где уставлено також, дабы от них не дерзал кто преходити к нам с искуством воинским и дела корабельнаго. Граф Гербесштейн, бывый посол к России от Максимилиана кесаря, увещавает Германию, да бы опасна была от Руссии и не показовала бы нам способов военных. Самуил Пуффендорф судит королевство Шведское безпечальное быти от Руси за крепостьми Нарвою, Ноттенбургом, Выборгом и инными: не чаял, знать, что будет. Тот же дацкаго короля с Россией союз суетный и безнадежный нарицает, яко с народом дальним и флота не имущым: не надеялся, что имело быти. Много бы того произвести мощно, если бы о том едином слово было.

Что ж тут скажем? От рода завистником было видети еще в России многия недостатки к силе совершенной. То не крайняя ли возъярися в них зависть, егда увидели все то, чего не желали, исполненно! Возрасте в совершенный возраст сила и слава российская дивным во всем и еще первым таковым своим монархом, богомвенчанным Петром. Увидели противницы обученное добре наше воинство; увидели всецело устроенную артилерию; увидели поднесенныя флота нечаянное флаки; услышали смутившийся Стамбул на посольство росское, новым к себе путем водным приспевшее.* Что се есть? (помыслила в себе зависть). Туды пошла Россия, таков успех ея? Сего мы на ней дождалися? Не тако: исторгнути оной щастие сие или самим нам погибнути, а смотрети на сие невозможно. Если се кто назовет умствование наше риторское и если то не в самой вещи было, то, молю, которая могла быть причина оной рижской укоризне и гонению смертному на Петра, монарха нашего, умышленному чрез Далберда коменданта? * Тем ли не згибель свою заслужил у них державный сей путник, что в Голандию и

инные далекие земли странствовати изволил! Тем воистинну у зависти заслужил. Видели господа шведы, колико прибудет искусства от тоя дороги монарху, с природы быстроумному, того ради умыслили восприятый ему путь запяти или еще несовершенно обучившагося к войне себе угоднейше раздражити. И се видим и зависть, се и войну, от зависти зажженную.

Но к чему слово сие — от зависти! К тому, да увидим трудность необычную войны сея и, последовательне, славу ныне поминаемыя виктории. Гнев бо простый, правосудный, за укоризну и обиду мечь себе припоясующий, доволяется смирением и удовлетворением от стороны противныя, а зависть, на брань исходящая, крайния ненавидимых себе погибели ищет. И по тому не так праведно отмстительных гнев, яко доброненавистная зависть глубоко мыслит и силу приискует. Она умна и бодра вельми есть. Грубый и невежливый простолюдин, о котором помыслил бы еси, что троих считати не умеет, — чтож егда на кого завистию горит, не ведает, откуду прибудет ума ему, и так тонко умствует, как и философ не может. То что рещи о зависти быстроумной и хитростьми политическими обученной? Пользует ли, или ни, воспомянути уже зде супостат наших ухищрения, лукавства, подступы, наговорки, прелести, к тому силу, от различных народов, от согласий варварских, от разграбленных многих провинцей без меры умноженную? К чему сия сказовати пользует? Видели есте и еще аки бы до днесь пред очима имате вся сия, вельможи, военачальницы и воини российстии! Однако же поне нечто, поне некую часть сказати радость нынешная велит, и не терпит сердце молчания. И надеюся, что не стужите, слышателие, но и в сладость приимете слух бед оных, уже помощию божиею прогнанных, которых нашествие горько было терпети.

Видели мы доселе, что война сия произошла от зависти, да видим же и се, что от войны сея большая супостатом родилася зависть и рвение. На первом под Нарву походе неблагополучием нашим много подросли роги неприятелю * и подтвердилося древнее их о роде российском презорство. Уже ж такому, когда потечет дело против его надежды, изрещи трудно, коликое разжигается рвение. И се не пошло по желанию, не сталося по высоком вашем вам мнению, супостаты! Вы начаялись, что уже весьма сломленное руское оружие и не глав ваших досязати, но под ноги вам повръщися готово. И се не так, не туды. Разбила руская храбрость замок ваш Ноттембург, разорила Канцы, добыла Дерпта крепкаго, сломила железную Нарву,* и еще при свидетельстве турскаго и польскаго послов, не вем как любо на тое смотревших. Что ж протчия крепости, Иван-городская, Мариембургская, Миттавская и протчие? Что ж

победоносные на разных местех баталии, наипаче же преславная оная победа под Калишем? * Вся сия по чаянию ли вашему? По вашим ли сладким надеждам? Но что наипаче (мнится мне) гордыя сердца раздражило, сие есть, что война сия на много лет продолжилася. Как се лютая им язва! Как нестерпимая болезнь! Неприятель наш начаялся одним своим замахом все дело совершити, начаялся силу российскую в малом времени испразднити, начаялся скоро величавое оное Иулиа кесаря воспети торжество: «приидох, видех, победих». И се война ему протягается до девяти лет и на многия места преносится, во Ингрию, в Ливонию, в Курляндию, в Литву, в Саксонию, в Польшу, а всюду с уроном, всюду с следом крови его. Как се досадно было им мыслити: Швеция, оружием славная, се Швеция, всей Европе страшная, гофский народ, имя ужасное, народ гофский с Россиею девять лет борется, а еще бедно!

Каковых тут не поискала ухищрений гордая зависть и завистная гордость! Не к инному чему смотрело оное тщание, чтоб скоро примирити француза с цесарем,* только дабы оный надежный неприятелю нашему друг, освобожден от войны оной, возмогл угодную ему помощь дати; не инамо настроенно было оное неправильное Лещинскаго коронованье,* только дабы, доброжелательнаго монарху нашему друга Августа изгнавше, и силы польския себе присовокупити; не в инный конец намерено было нечаянное нашествие и разграбление Саксонии,* только дабы того ж союзника царскаго отчаянна отовсюду и нам безпомощна сотворити. И кто протчия хитрости и тщательства коварныя исповесть? Сие едино не упустить приличествует, что когда так приискивал сил себе помощных неприятель, а нам не точию внешняго пособия не ставало, но и внутренняя мощь началась было умалятися. Бунты оние донские и астраханские,* аще не тайное было действие супостат наших видимых, то содействие было невидимаго врага, им в пользу и се, а нам на вред и скудость. Славим премудрыя твоя судьбы, боже наш, хвалим смотрение твое! Вся бо сия тако изволением твоим устроена быша, дабы победа Полтавская, юже готовал еси рабом твоим, толико дивнейшая и славнейшая была, елико была меньше ожиданная за таковыми трудностьми.

Но приступим уже ближае к самому крайнему делу. А тут в первых и есть пред очи скверное лице, мерзская машкора, струп и студ твой, Малая Россие, измена Мазепина. О врага нечаяннаго! О изверга матери своея! О Иуды новаго! Ниже бо да возмнит кто излишнее быти негодование Иудою нарицати изменника. Подражавший Иуде злобою како не достоин есть и имени участник быти? Законно царствующий монарх всяк имать державу от господа и силу от вышняго, и по глаголу

премудраго, божий слуга есть и не без ума мечь носит, по словеси Павла апостола к римляном, 13. И что больше? Христос господь есть, по ответу Давида царя; достойно убо Христов предатель Иудою нарицается. И предпоказа нам давно уже прикклад на сие великий он Афанасий, который Магнентиа, подобне изменившаго царю Константию, Иудина подражателя нарицает в ответном слове свому к тому ж монархе. Коликое же отечеству нашему повреждение сотворися предательством Иуды сего новаго, вкратце исповести невозможно. Аще дерзнул бы, или ни, неприятель внити в Россию без звания и руководства Мазепина? Не моего ума есть разсуждати; то довлеет, что его руководством введен есть, и с ним купно введено крайнее бедство. Советы тайные, которых окаянник той был известен и причастен, стали не действенны; вновь советовати и много инако престроивати нужда была. Всюду смущения и междоусобие, и наступил темный сумрак, и аки оная осяжимая мгла египетская, не на воздусе, но в сердцах человеческих.[6] Во тьме бо египетской не виде никто же брата своего, яко же глаголет писание, но в лице не виде; в сем же сумраце изменническом никто же не виде в сердце брата своего: так невозможно было знати, что кто думает, наш ли есть или от сопротивных, и египетская тьма три дни только была, а тьма сия тяжкая восемь месяцей помрачила. Вопреки: супостатом великое во всем угодие, многая пристанища, правиант по гладе довольный, случение отчаянных запорожцов; еще ж и от Польши, и от Орды помощи ожиданны были, а тое понудило силы руские итти в разделение. И словом рещи, внутренняя то война стала, которой вси мудрии управители, яко крайней гибели, всегда оберегаются. Есть ли бы не предварила храбрость и по отечеству своему нещадная ревность монарха нашего, есть ли бы не предварила великих сил Левенгоптовых под Пропойском и не разрушила бы оных в конец, и есть ли бы не подстережен был понурый изменник прежде случения его с шведом, и есть ли бы швед до целого Батурина, уготованной к междоусобию столице, вшел, то бог весть что бы было.* Силен был бог наш, крепкий в бранех господь, силен был и тако нас сохраняти. Однако ж по благоутробию своему подал нам утешение, предварил нас щедротами своими и, аки денницу, веселый виктории день возвещающую, предпосла нам благополучныя утехи: разбит Левенгопт, подстережен пред делом своим изменник, разорен и разсыпан Батурин.* Не радуется крови братней, елико неповинне пролияся, но да вопиет она на виновника своего Каина: да обратится болезнь твоя на главу твою, безсовестный пре-

---

[6] *На полях* Исход, 10

дателю! Ты, ты, Иудо злочестивый, в первоначальном малороссийском граде не странным, но домашним нашым устроил еси место погребения.

Продолжалося так лютое бедство с некиими на обе страны переменными успехи чрез осмь месяцей, таже блисну день Самсонов. О день приснопамятный! О день многих веков дражайший! Виктория, слышателие, виктория! А кто викторию сию, а кой язык, кой глас по достоянию провозгласити может! Аще бы громы по человеческому говорити умели, тое разве витийство было бы достойно к славе сей.

Утренневал неприятель, напал на редуты и получил некую себе утеху. Но к чему? Только дабы известно сотворить, что не дремлящих, не сонных мы победили: они паче побудили наших к своей погибели. Вступили в огнь две славныя армеи: тую устремила ярость гордая, уже за рвение и житием стужающая, сию же ввела праведная ревность и печаль, на бога возложенная. Воскликнул не один: «Буди, господи, милость твоя на нас, яко же мы уповаем на тя!». Блисну отовсюду страшный огнь, и возгремели смертоносныя громи. Отовсюду чаяние смерти, а дымом и прахом помрачился день; непрестающая стрельба а упор неприятельский непреклонный. Но сердца россииская ваша, храбрейшии генералы и протчии офицеры, ваша, вси воини дерзостнейшии, сердца забыли телеснаго своего состава, возмнилися себе быти адамантиновы, или паче забыли житейския сладости и смерть предпочли на житие: так вси прямо стрельбы, в лице смерти, никто же вспять не поглядает; единое всем попечение, дабы не с тылу смерть пришла.

Но паче всех обращает на себе наши очи Петр, Петр, и к скипетру и к мечу родившийся, самодержец наш и воинственник наш. Где не с стороны, аки на позорищи, стоит, но сам в действии толикой трагедии, и где страшнейший огнь, где лютость большая, ту и он; и как о правлении государства ни покоемжде государе другий он не есть, так и в деле воинском никоему же воину тщится быти непоследний. И засвидетелствова страшный случай мужественное его смерти небрежение: шляпа пулею пробита. О страшный и благополучный случай! Далече ли смерть была от боговенчанныя главы? Не явственно ли сим показа бог, яко сам он с царем нашым воюет? Повеле приступити смерти к нему, но запрети коснутися его. Тут же купно и сумнительство историям, и притворение завистным вестям пресечеся. Нельзя говорить: латами обложен, шлемом твердым покрытый был царь Петр, — шляпа пробитая заградит уста; нельзя говорить: себе ради не щадит крови людской царь Петр, — шляпа свидетельствует, что и своей крови не щадит. Известно убо есть, яко целость отечества своего

купует кровию а купует по нужде; нельзя бо говорить, что и отчаянно воюет. Мощно рещи о сопротивнике его, что отчаянно на смерть ходит; гордостию бо и рвением поощряется и, яко уже не однократно делом показа, и в щастии, и в нещастии своем мира не любит. Но богомудрый наш монарх и полезнаго мира всегда ищет и, нуждею в войну влекомь, так не странит себе от смерти, как то свидетельствует шляпа пробитая. О шляпа драгоценна! Не дорогая веществом, но вредом сим своим всех венцев, всех утварей царских дражайшая! Пишут историки, которыи Российское государство описуют, что ни на едином европийском государе не видети есть так драгоценной короны, как на монархе россиистем. Но отселе уже не корону, но шляпу сию цареву разсуждайте и со удивлением описуйте.

Но что прочее на бою деется? Виктория твоя, о Россие! Виктория! Два часа жестокий огнь вытерпели шведы и повинилися, не удержали оружия своего, не стерпели нашего: множество трупием своим услали поле Полтавское, множество в плен захвачены, и с ними оныи прехитрыя министры, и оныи величавии и именем страшнии генералы с нестерпимым студом достались в руки руские. Множество в невозвратный бег себе вдавше, и тии под Переволочною себе и оружие свое предали победителем.* Где твоя бодрость, промысл, и резон особенныя похвалы требует, римскаго и российскаго государства светлейший княже! Сам державный супостат, который государю нашему мирный в Германию путь воспящал, не нашол пути возвратитися к своему отечеству.

Тако судил господь обидящыя нас, тако разсудил прю нашу с ними. Идите уже, храбрые свеи, славите непобедимую вашу силу, а наше безумие ругайте! Мы же, россиистии народи, что достойное воздамы тако нам благодеявшему господу? Како бо неописанная сия победа, кто не видит! Зависть и гордость воевала с нами, а коликая гордость и зависть, предложили уже мы, аще и не равным словом. Сего еще минути молчанием не подобает, что соперник монарха нашего, неукротимым рвением помрачен, не разсуждал уже, каким бы честным ему и славе шведской не противным способом воевать. Да годствует бо мне именем России произнести слово: величеству, российский гонителю, честно ли твоему и имени было принимать помощь измеииическую? А так мудрии и великодушнии государи обыкли — всегда сие имели за стыдное и безславное себе. Слышал еси в историях, как Фабриций, вожд римский, поступил на войне с Пирром, царем Епиротским? Когда прибег к нему изменник от Пирра, обещаяся, что может погубити государя своего, Фабриций его отослал к Пирру, за студ себе имея так побеждати неприятеля. Слышал ли еси о Алек-

сандре Великом, как отвергл посольство Бесса и Набарзана, Дариевых изменников, которые ему Дария предати обещали? Самих же, по том убивших государя своего, смерти предаде. Не неведал еси и о Давиде, како не стерпе слышати убийцы Саулова, и не прямаго убийцы (не убил бо, но добил Саула, и то по его ж прошению) и убити повеле, приглашая слово сие: «Како не убоялся еси воздвигнути руки твоя на христа господня?». Инако ты мудрствовати изволил еси. Но понеже сие имело быти срамно: швед, славный войнами гофин, требует себе козацкой помощи? На то ли ему сошлося? Рвение то, слышателие, рвение и ярость крайняя была, за злобу и чести своея забывшая, а по тому и война с таким трудная. Тую ж то трудную войну сломила сия преславная виктория. Тут самое жало неприятельское притупилося; тут самый лютейший яд угашен; тут все оные древние сосед наших на нас помыслы окончилися: дождали вси того времени, что всуе запрещать, дабы кто делати оружия и оружием действовати не учил россиан. Кие ж плоды аки с плодовитаго корене от сея победы израсли? Ниже бо победа сия довольствуется одною оною обычною прибылию, сиесть славою, аще и сама слава сия не малая России есть корысть, яко не одну или другую соседскую землю, но вся мира сего страны наполнившая. Ниже то виктории сея обилие только есть, яко супостаты наши вся своя имения, нещадно по различным государствам награбленная, оставили нам. Ниже и на сем определяется благополучия российскаго оружия, что отечество наше от толиких бед, от хищения, работы, крови и крайнего своего падения освобожденно есть. Но множайшыя, кроме сих всех, издаде нам плоды поле Полтавское; Полтавская бо победа многих инных побед мати есть. Не она ли виновна есть, что Рига со всею Ливониею, Выборг* и Кексгольм со всею Карелиею, Абов с непобедимою (яко же словяшеся) Финиею, Ревель, к тому и Пернав, и Ельбинг, и Динамент, и Стетин, и Стральзунд, и инные крепости славные, аки сломленные, власти российской покорилися,* и в малом времени толикое совершилося дело, которое многолетних и кровавых трудов требовало. Вем, что новые, кроме полтавских, труды зде были: однако оные от Полтавской виктории имели силу свою. Под Полтавою, о россиане, под Полтавою сеяно было все сие, что после благоволи нам господь пожати. Стены еще только упомянутых градов стояли, а духи и сердца оных под Полтавою были уже сокрушенны. Есть ли истинно или ни, что натуральные историки повествуют, будто от блистания молниина маргариты зачинаются,[в] а се известно есть нам, что вся сия державы[г] Российской прибыли и корысти, аки дражайшыя царскаго

[в] *В издании* своих зачинаются, [г] *В издании* держава

венца маргариты, от молний и громов, на поле Полтавском бывших, зачаты и рожденны суть.

И кто уже не видит, что виктория сия и отроди, и укрепи, и в совершенный возраст приведе благополучную Россию?

Что убо воздадим господеви о сих, яже воздаде нам! Добре и достодолжне при воспоминании толикаго дара божия совершаем благодарение богу нашему. Но сие всякому помыслити надлежит, что не так от уст, яко от сердец, не тако от словес, яко от дел наших благодарствия требует бог наш. Требует и устен и словес, но которые согласие имеют с сердцем и делы нашими. Инако не благодарение, но паче укоризна будет. Благодарение ли есть славити бога усты, яко сотвори нам по желанию нашему, а делом не творити по святой воли его? Благодарение ли есть, за толикую честь хулити имя его, за славу толикую презирати прославившаго нас? Что пользует, яко победихом видимых врагов, аще невидимым[д] самовольне предаемся в плен? Кая отрада отечеству, яко от внешних неприятелей освободихом его, аще сами на себе междоусобно завистию, враждою, клеветами и инным злобы оружием воевати не престанем? На сие ли нам толикую победу дарова господь, да отразивше от себе лютых супостат, угодно нам будет разоряти братию? Не буди то, не буди нам то, о православнии! Но паче, ощутивше благодатное у нас присудствие божие, толиким благословением нам явленное, воздадим ему благодарение не так гласным пением, яко сердечным умилением, не так покланяюще телеса, яко душы наша в послушание заповеди его подчиняюще, или паче рещи: сие и оное совокупляюще, прославим бога в телесех наших и душах наших.

Не сумнюся, яко сие проповедует всякому нелицемерне православному совесть своя, паче худоречия моего, и яко в сладость оную послушает душа благочестивая. И аще тако есть, то достойно в празднество нынешнее друг друга возбуждати имамы ко общей радости, достойно друг к другу с играние сердца воскликнем. Радуйтеся богу, помощнику нашему, воскликните богу Иаковлю! Приимите псалом и дадите тимпан, псалтир красен с гусльми. Кто возглаголет силы господьни? Слышаны сотворит вся хвалы его? Велий господь наш, и велия крепость его, и разума его несть числа! Десница господня сотвори силу, десница господня вознесе нас. От господа бысть се, и есть дивно во очию нашею. С нами бог, разумейте языцы и покаряйтеся, яко с нами бог. Аще бо паки возможете, и паки побеждени будете, яко с нами бог. Господь сил с нами, заступник наш бог Иаковль. Благословен господь бог Исраилев, и да рекут вси людие: буди, буди!

[д] *В издании* невидимых

СЛОВО

В НЕДЕЛЮ ОСМУЮНАДЕСЯТЬ, СКАЗАННОЕ В САНКТПИТЕРБУРХЕ, В ЦЕРКВИ ЖИВОНАЧАЛЬНЫЯ ТРОИЦЫ, ВО ВРЕМЯ ПРИСУТСТВИЯ ЕГО ЦАРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, ПО ДОЛГОМ СТРАНСТВИИ ВОЗВРАТИВШАГОСЯ, ЧРЕЗ РЕКТОРА, ЧЕСТНЕЙШАГО ОТЦА ПРОКОПОВИЧА

Яко же преста глаголя, рече
к Симону: поступи во глубину
Лука 5 (4)

Предложенная ныне евангельская повесть по внешнем своем деле ясная есть и к нашей пользе не мнится быти нуждна; понеже имеет в себе таинственную силу, того ради требует толкования. И аще оную прилежно разсудим, обрящем себе не малую корысть спасенную.

Понеже бо глаголет апостол: «Вся елика писана суть, в наше наставление писана суть», то и повесть сия о ловитве рыб, повелением и благословением господним благополучной бывшей, имеет быти к нашему наставлению угодная. Что и от самаго повествуемаго дела является, ибо в ловитве сей апостольской велие чудо божие бысть, егда тамо, идеже всю нощь труждавшеся Петр с подруги своими ничесоже яша, толикое получили рыб множество, яко и мреже их протерзатися. Вемы же, яко бог всуе чудес не действует, но разве к наставлению нашему.

Не без тайны же было и повеление сие Христово, к Петру изреченное: «поступи в глубину»; в той же бо глубине всю нощь рыбарие онии труждалися и вотще труд их был, яко же сами исповедуют, а однако ж велит Петру господь: «поступи в глубину». Той, который невидимою своею силою совокупи и в сети их согна рыбы в глубине, возмогл бы воистинну сотворити то и при самом брезе. Имеет убо некая тайна быти в сем слове: «поступи во глубину».

Кая же то есть и чудесныя сея ловитвы и глубины сея тайна, разсудим вкратце. Сам господь и словом и делом своим тайну сию сказует ясно. Убоявшуся бо Петру святому толикаго ради чудесе и рекшему ко Христу: «Изыди от мене, господи, яко муж грешен есмь», отвеща Иисус: «Не бойся: отселе будеши человеки ловя». А се яве показует, что она благоуспешная их ловля бысть знамение дела апостольскаго, которых проповедию уловити имел господь многия языки в веру евангелия своего. Но и делом своим тожде нам утверждает. Чесо бы ради в корабль рыбарей оных входит и оттуду учение свое простирает? Или не можаше на сусе то творити? Проповедал

Христос, иногда возшед на гору, иногда став на месте равне, и внутрь храмины, и на стогнах, и на сонмищах иудейских, и где как случилося. А где избирает нарочно место к своей проповеди корабль Симона Петра, — не инной ради вины, но корабль тот рыбарский претворяя в седалище учительское и показуя, что и сам рыболов Симон скоро сотворится ловец человеком.

И се тайна ловитвы. Кая же еще собственная тайна есть повеления онаго: «поступи в глубину»? Сим делом познаменова господь, яко апостольская ловитва не имела держатися при Иудеи, аки при брезе, но произыти во глубину всего мира. Даже бо до пришествия мессиина в единой Иудеи пребывало слово и познание божие: «Ведом во Иудеи бог; во Израили велие имя его. И бысть в мире, си есть во Иерусалиме, место его и жилище его в Сионе».[а] И паки: «Бысть Иудеа святыня его, Израиль — область его».[б] А языки во тьме неведения пребывали премудрыми и праведными судьбами божиими: «Возвещая слово свое Иакову, оправдания и судьбы своя — Израилеви; не сотвори тако всякому языку, и судеб своих не сказа им». Пришедшему же пророкованному мессии и дело спасения нашего совершившу, не вместися изобилующая божия благодать в угле иудейском, но излияся на вся языки, понеже и сам мессия был чаяние и ожидание языков, яко же прорече о нем Иаков патриарх в пророческом слове своем ко Иуде,[в] сыну своему, а Христову прародителю, и тожде засвидетельствова господь по воскресении своем: «Яко тако писано есть, и тако подобаше пострадати Христу, и воскреснути от мертвых в третий день, и проповедатися во имя его покаянию и отпущению грехов во всех языцех, наченше от Иерусалима».[г] Се то есть, еже пророче Псаломник: «От Сиона изыдет закон и слово господне из Иерусалима», яко же и самым делом сбытие сего видим: «Во всю землю бо изыде вещание их и в концы вселенныя глаголы их». И сие убо апостольскаго шествия на широту мира преднаписует господь, повелевая Петру: «поступи во глубину езера».

И зри согласие к тому самаго Христова деяния; сам бо мало от берега отступает; вина того, дабы мог народ слышати проповедь его, обаче и тайну в сем помышляти мощно. Христос бо господь, аще и дело спасения человеческаго соверши всему миру, обаче словом проповеда токмо во Иудеи, яко же и сам о себе изрече: «Несмь послан, токмо к овцам погибшым дому Израилева» — и апостолом на время сию подаде заповедь: «На путь язык не идите и во град Самарийский не внидите; идите

[а] *На полях* Псал., 75 (1—2) [б] *На полях* Псал., 113 (2) [в] *На полях* Быт., 49 [г] *На полях* Лука 24 (46—47)

же паче ко овцам погибшым дому Израилева». Аще же и языческим людем не возбрани благодати своея, похвали бо веру жены хананейския, похвали веру сотника, яко толикой ниже во Израиле обрете, обрати самаряныню, просвети Сихар, самарийский град, проповеда в Галилеи, полной язычества, яко и исполнитися тогда слову Исаии пророка, по свидетельству евангелиста Матфеа: «Галилеа язык, людие, седящии во тьме, видеша свет велий, и седящым во стране и сени смертней свет возсия им».[д] Обаче сие общение благодати к языком еще так не пространное[е] было, что мощно оное уподобити сему Христову малому от брега отступлению. Повелевает Христос Петру поступити во глубину, познаменуя его ж и прочиих апостол далечайшая на весь мир странствования, и тое в повелении сем таинственне изобрази, еже потом ясно и просто в сем повелении изъяви: «Шедше в мир весь, проповедите евангелие всей твари».[ж]

Таковую тайну ловитвы сея апостольския увидевше, воздадим славу милостивому богу, яко не презре нас во глубине мира сего оставити, но мрежею апостольскою благоволи нам уловленным быти в веру евангелиа сына его и извлече нас от погибели во спасение. Ловитва бо сия в том разнствует от рыб вещественных ловления, что рыбы уловляеми суть от свободнаго и прохладнаго жития на смерть; мы же словом евангельским уловляемся от смерти в живот.

Но еще имамы от сея же повести духовное ко всякому богоугодному делу наставление. Се же есть сие, яко без благоволения и помощи божиея ничтоже богу любое и угодное сотворити не можем, не яко же блядословил враг благодати божиея Пелагий. Смотри бо и заемли крепко. Всю нощь труждаются апостоли и ничтоже обретают: пришло слово и действие божие, имают великое рыб множество. Не сей ли нас истинне учит дело сие, что кроме божиея помощи всякий наш труд вотще. Сие Христос господь и инными подобии показа нам. Показа в подобии лозного: «Аз есмь, — рече, — лоза, вы же рождие; пребываяй во мне, и аз в нем, той сотворит плод мног; яко без мене не можете творити ничесоже».[з] Показа в подобии домовитскаго промысла и глаголет: «Иже со мною не собирает, расточает».[и] Толкует тоеж апостол в подобии насаждения древа и глаголет: «Аз насадих, Аполлос напои, бог же возрасти; темже ни насаждаяй что есть, ни напаяяй, но бог возращаяй». Показует и Псаломник в подобии созидания и глаголет: «Аще не

[д] *На полях* Матф., 4 (16) [е] *В издании* и пространное [ж] *На полях* Марк 16 (15) [з] *На полях* I Иоан., 15 (5) [и] *На полях* I Кор., 13 (6—7)

господь сожиздет дом, всуе трудишася зиждущии».[к] И паки в подобии града стрегомаго; «Аще не господь сохранит град, всуе бде стрегий». И тое убо в апостольской ловитве представлено есть нам учение. Егда убо привильно хощем что начинати, паче же дело духовное, божиея силы и помощи просим и на того все упование возлагаем, яко же Псалмопевец глаголет: «Ныне начах, се измена десницы вышняго». Хощем ли одолети врагов наших, наипаче же душевных, глаголем к богу с Давидом: «О тебе враги наша избодем роги».[л] Хощем пребыти запятия вражия, противности и трудности, глаголем со Псаломником: «Тобою избавлюся от искушения, и о бозе моем прейду стену». Хощем же ли, и да начатое богом спасение наше крепко будет и в конец свой доспеет, паки о том же с пророком молимся ему: «Укрепи, боже, се, еже сотворил еси в нас». Сие же и ко всем как временному, так вечному житию служащым потребам простирает Иаков апостол и учит нас, да о всем, что либо деяти намерены есмы, таковый договор исповедуем: «Аще господь восхощет, и живы будем». Тое бо дело наше твердо и незыблемо есть, котораго основание полагает на небеси, и тогда спасения корабль спешно пловет, егда не киим либо ветром, но самым духом святым движимь есть.

Егда же тако поучаемся и собираем пользу при корабли Петра, во апостолех перваго, се подобное добро наше видим в тезоименитом его монархе нашем Петре, по имени и по деле первом в царех российских. Благо пришел еси, вожделенный гостю! Благо возвратился еси, отечества отче! О како не всуе! О како не без смотрения тезоименитство верховнаго апостола носиши! Сверх бо того, что многими трудами не истомляемый и не сокрушаемый безчисленными бедствии и, аки камень среди волн морских недвижимый пребывая, довольно всему свету показал еси, что имя тебе Петр. Кто бо сего, кроме злобы самой и зависти, не исповесть, аще воззрит на дни твоя от начала царствования и мало не жития твоего! Каковыя не были напасти, подступы, беды, и от своих и от чуждых, от домашних и странных, от ближних и дальних! И во всех тех невредимь сохранен еси; невредимь телом, невредимь же и духом; не отчаяваяся в злоключении, но и в благополучии не возношая себе: сию и оную фортуну, аки двойноконную, мужественно обуздавая и управляя премудре. Обаче сверх всего того еще и толикими путьшествиями явил нам еси известно, яко не туне имя Петрово на тебе. Инное апостольское, иное твое звание, а по званию и дело иное. Но путь в обоих подобный. И что повеле

[к] *На полях* Псал., 126 (1)

[л] *На полях* Псал., 43 (6)

господь тезоименитому твоему апостолу о церкви своей, то ты исполняеши в цветущем сем в церкви царствии Российском.

Не у брега мешкает и твой Петр, Россие, но в глубине ищет корыстей твоих; тако устремлен к странствованию, аки бы ему речено было: «поступи в глубину». Коликая же от сего польза, коликая прибыль народу нашему, и легко разсудивши, всяк познает.

Яко же бо река, далей и далей проводя течение свое, больше и больше растет, получая себе прибаву из припадающих потоков, и тако походом своим умножается и великую приемлет силу, тако и странствование человеку благоразумному прибавляет много. Чего ж много прибавляет? Телесныя ли силы? Но тая подорожными неугодиами слабеет. Богатства ли? Кроме купцов единых, прочиим убыточно есть. Чего ж инаго? Того, еже есть и собственному и общему добру основание, — искусства. Не всуе бо славный оный стихотворец еллинский Омир в начале книг своих, «Одиссеа» нарицаемых, хотя кратко похвалити Улисса, вожда греческого, о котором повесть долгую поет, нарицает его мужа, многих людей обычаи и грады видевшаго. Сокращенная похвала, но великая: многия бо и великия пользы сокращенно содержит. Отсюду умножается главная оная мудрость, еже от твари познавати творца. Истинное бо слово Павлово, или паче божие: «Невидимая его от создания мира твореньми видима, познаемая суть, и присносущная сила его и божество». И сию то философию свою сказал быти Антоний Великий, егда вопрошающым его языческим философом, где суть книги его, показал на весь мир и рекл: «Сия есть книга моя». Молю же, тот ли книгу сию чтет лучше, которому где во очах горизонт кончится, там всего мира конец мнится быти, или той, который, странствуя, видел реки и моря, и земель различие, и времен разнствие, и дивных естеств множество? Что есть ли бы не иную кую давано пользу, точию самое толь многих вещей познание, и сия была бы не малая корысть, наипаче мужу породы и чести высокия, которым ведение лучше всякаго сокровища стяжется. Но от сего познания твари восходит мысль, яко же рех, к познанию творца, и толико вышшей к познанию бога восходит, елико множайшая создания познает. О едином плавании морском что глаголет Псаломник: «Исходящии на море в кораблях, творящии деления в водах многих — тии видеша дела господня и чудеса его во глубине; рече, и ста дух бурен, и вознесошася волны его. Восходят до небес и нисходят до бездн». Аще же от единаго сего дела чудная божыя познаются, кольми паче показует то странствие, обоих пути искусившее.

Сверх того перегринация, или странствование, дивно объясняет разум к правительству и есть, смеле реку, есть тая лучшая и живая честныя политики школа. Предлагает бо не на хартии, но в самом деле, не слуху, но самому видению обычаи и поведения народов. Егда тое ж слышим от повестей или чтем в книгах исторических, много не хощет мысль верити; не мало бо и ложне повествуется. Много же и вероятных и истинных (не ведать для чего) не так ясно познаем, как егда самыя только места, где что деялося, увидевше. И сие то самым искусством уведав, древний оный высокаго разсуждения учитель Иероним таковое к познанию историй подает правило: «Аще, — рече, — хощеши греческих стихотворцев и историков книги добре уразумети, посети и обыди Пелопонес и Аттигу, что ныне Морреею нарицают. А к лучшему уразумению ветхозаконных историй не вем как то свет велий подает осмотрение Иудеи и Сирии». Кольми паче все то яснее познается, егда, странствующе, не на голыя только древних дел места смотрим, но и самые народов дела и деяния, промыслы, советы, суды, нравы и правительства образы ясно видим. Тут благоразумный человек видит многоизменныя фортуны играния и учится кротости, видит вины благополучий и учится правилу, видит вину злоключений и учится бодрости и оберегательства, зрит же в чуждых народах, аки в зерцале, своя собственныя и своего народа и исправления и недостатки; сами бо себе в самех же нас (не вем как то) не ясно познаем, и так, аки пчела, оставляя вредная, избирает, что лучшее видит быти и к своему и к народному исправлению. Словом рещи: странствование не во многих летах мудрейшим далече творит человека, нежели многолетная старость.

Особенно же делам военным изрещи трудно как изрядно обучает перегринация. Молю, да не в грех мне поставит кто, что о вещи, моему разсуждению не подлежащей, воспоминати дерзаю. Ниже бо учительско сказую, но точию, поелико и простый догад постизает, нечто воспоминаю, твердое разсуждение искусным[м] того оставляя. Кому же и легко сие разсуждающему не яве есть! Аще бо географския карты много к походу военному пользуют, кольми паче: сведати самыя страны, и грады, и народы. Не видим на карте, какая сия или оная крепость, в чем оныя надежда и в чем боязнь, каковое искусство людей и каковыя сего и онаго народа сердца; не видим на картах, которые угодные и которые трудные места к переходу, к переправе, к положению стана, к действию баталей и прочая сим подобная.

[м] *В издании* искусных

Перегринация едина все тое как на длане показует и живую географию в памяти написует, так что человек не иначе сведанныи страны в мысли своей имеет, аки бы на воздусе летая имел оные пред очима.

Аще же тако есть, то кую похвалу равную воздадим так многому твоему трудному, но и всеславному странствованию, священнейший монархо! Тверд и известен был еси в познании создателя твоего, яко измлада изучивыйся священных писаний и в них непрестанно поучаяся и в разум истинный возрастая, что же, егда к тому придаеши еще и толь многие походы, земную и водную перегринацию, проходя и великую мира часть дом себе сотворяя, а еще не просто, но везде с любопытным розыском, с пособием математических орудий и физических експериментов и бесед философских. И кто чтет лучше книгу Антониеву паче тебе!

Засвидетельствовал еси о политическом твоем искусстве толикими премудрыми советами, промыслами, законами. И что много глаголати о сем! Довольно всякому (аще бы кто завистию и злобою слепствовал, ниже бо может кто не ведети сего прямым невежеством), довольно, глаголю, всякому сие рещи: зри на Россию, воспомяни прежднее и виждь нынешнее состояние. Что же, егда еще и в живой, яко же рех, школе сей политической, в многостранной перегринации вящшаго и вящшаго искусства навыкати тщимся! То бо воистинну любомудрие: никогда же приобретенным вещей познанием доволятися, но большаго всегда света поисковати. О военных искусствах твоих что речем! Глаголют и проповедуют толь многие и перславные виктории, которыми Россию твою, прежде презираему бывшую, сотворил еси всем врагом страшную, всему миру славную. А еще к тому сим преславным шествием множае и совершеннее и силу марсовую умудрил и мудрость укрепил еси. И по моему мнению, не больше устрашили супостат наших военные твои походы, яко же устрашает их твой сей мирный к далеким народом поход.

Тако ты, удаляяся от отечества, отечество наше пользуеши; тако России твоей благополучную ловитву дееши, не при брезе точию плавая, но в глубину, на широту мира поступая. При брезе седят многии, которыи, служаще покою своему, чуждым и умом и действием, чуждыми очима и рукама добро общее управляют. И како таковым, аще что и благо успеет, восписатися может? Обычно глаголем, что щастием то их деется. Что же то самое есть? Разве что иначей говорить нельзя. В правду глаголем о тебе: твоим щастием деется, что-либо деется полезное; понеже и вся добре творимая, воинскою ли, гражданскою ли рукою, от тебе имеют силу, твоим промыслом,

наставлением, разсмотром совершаются. И еще сам, не у брега почивая, но в глубину поступая, и с неусыпным попечением не точию свое, но и чуждыя государства проходя, приискуеши силе мудрость и мудрости силу, труды отечество наше пользующыя предпочитая над твой собственный покой. Кая бо вина была толь долгому твоему отлучению, яко едва другое уже лето окончеваемое возврати тебе к нам? Не ветры противные, не кони ленивые таковому замедлению виновны суть; виновно есть добро общее, и внутрь и вне искомое. О дивнаго и не многия образцы имущаго тщательства! Коликих собственных убылей[н] требует толь долгое странствие в имении, во времени, во здравии, в сожитии любимой крови! Вся сия презрел, всех не пощадел еси, едину имея честную несытость, еже бы паче и паче Россию пользовати.

Таковая твоя ловитва, Петре российский, кого не возбудит к благодарению? Разве бы кто не видел или ненавидел в тебе добра своего. Твоими трудами почиваем, твоими походами стоим незыблемы, твоими (да тако реку) многими смертьми живем. И како не воскликнем с радостию и благодарствием: благословенныи входи и исходи твоя! Благословен ты богом вышним, тако в тебе на пользу нашу действующим! Благословенна Россия, толиких тобою благ сподобльшаяся, яко и на сынах ея сбыватися слову Псаломническому: «Сынове Сиони возрадуются о царе своем!».

Но да крепко и долголетно будет сие наше блаженство, к тебе с молитвенным гласом обращаемся, царю веков, российскаго государя и государства защитниче, боже наш! Не молим тебе (яко же не утвержден еще верою Симон творяше), да изыдеши от нас, понеже грешни есмы, но и паче, понеже грешни есмы, не отходи от нас, не отступай нас, но в благословенной тебе Российской монархии, паче же в сем Петровом граде, аки в корабли Петровом, пребываяй благодатным твоим присущием и, пребывая, проповедуй нам временных и вечных благ благовестие. Проповедуй царю нашему, яко же Давиду иногда, о его наследии: «От плода чрева твоего посажду на престоле твоем»; проповедуй о его делах и деяниях: «Ловитву его благословляя, благословлю»; проповедуй о врагах его: «Враги его облеку студом, на нем же процветет святыня моя»; проповедуй и всем обще слово спасения, глаголы живота вечнаго, рцы души нашей: спасение твое есмь аз. А слово твое — дело твое. Аминь.

[н] *В издании* обилей

СЛОВО ПОХВАЛЬНОЕ

В ДЕНЬ СВЯТЫЯ ВЕЛИКОМУЧЕНИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ, НА ТЕЗОИМЕНИТСТВО БЛАГОВЕРНЫЯ ГОСУДАРЫНИ ЕКАТЕРИНЫ, ЦАРИЦЫ ВСЕРОССИЙСКИЯ, СКАЗАННОЕ В САНКТПИТЕРБУРХЕ В ЦЕРКВИ ЖИВОНАЧАЛЬНЫЯ ТРОИЦЫ ЧРЕЗ РЕКТОРА, ЧЕСТНЕЙШАГО ОТЦА ПРОКОПОВИЧА

Крепка яко смерть любы

Песнь песней, 8 (6)

Аще о истинной любви к богу, аще о любви истинной к ближнему изречем слово сие: «крепка яко смерть любы», истинну изречем, но силы слова сего совершенно уразумети не может, разве кто самою вещию искусил и познал, что есть и как сильно действуется в сердце не притворная, но самая истинная и искренняя любы. Познают сие о любве к ближнему материнство чадолюбное, и супружество верное, и, аще сицевое обретается где, взаим усердствующее дружество. А о любве к богу — тии сие познают слуги и угодницы его, которыи могут нелицемерно с Давидом созгласити: «Что бо ми есть на небеси? И от тебе что восхотех на земли? Исчезе сердце мое и плоть моя; боже сердца моего, и часть моя боже во век».[а] Воистинну бо в таковой любве сила смертная является. Единаго бо желая бога, отлагает желание всех земных и небесных благ: «Что бо ми есть на небеси? И от тебе что восхотех на земли?»; нерадит же и о крайних бедствиях и скорбех, сердце и плоть снедающих, единым тем доволяяся, яко бога любит: «Исчезе, — рече, — сердце мое и плоть моя; боже сердца моего, и часть моя боже во век». Не мертв ли есть сей, который не точию никиихжде угодий и сладостей жаждет, но ниже внутренних в себе чует болезний, весь не свой, не в себе, не с собою, но, аки бы преселенный инамо от себе, весь в бозе пребывает? И то есть, еже глаголет Иоанн в послании: «Бог — любы есть; пребываяй в любве в бозе пребывает и бог в нем пребывает». О любы крепкая! Крепкая яко смерть любы! Како далека ты от сердец наших! Како же и помышлением нашым странна и неудобвительна!

Аще познаем, о слышателие, сицевую любовь, мню, яко и пожелаем ея. Аще же пожелаем, надеюся, яко и самою вещию будем оной причастницы; сия бо суть степени в поискании добра: познати, вожделети и обрести.

[а] *На полях* Псал., 72 (25—26)

Самый же лучший познания способ сей мнится быти: первее увидети лице притворныя и лицемерныя любве, потом же предложити образ истинный и сердечный; се же как в люблении бога, так и ближнего. Противная бо близ себе положенная лучше познаваются. Образы же обоея любве представляет нам день сей в преславной мученице Екатерине, летною своею памятию ныне нас увеселяющей, в ней же ясно увидим силу слова онаго: «крепка яко смерть любы», аще на любовь ея к богу, аще на любовь к ближнему посмотрим. Которой спасительной нужде послужу кратким словом моим, помощию человеколюбца и любви законоположника бога нашего.

Но покажем, в первых, лице притворной к богу любве, а сея нарицается лицемерие; есть же сугубое: тонкое и дебелое.

Тонкое нарицаю лицемерие, когда самих себе прельщаем, мняшеся быти боголюбцы, а от любве божией далече отстояще. Се же бывает, егда, внешный некий вид святыни имеюще, доволяемся тем, ни мало внутряго ищуще исправления. Например, постится некто телесне, а не духовне; молитвы творит многословием, а не духом и умом; велеречит о нестяжании, а сам и крадет; славит милостыню, а сам и ограбляет и сим подобная. Аще же к тому сотворит нечто внешнее: подаст в храм божий приношение или убогому цату, тысящную сотней части от излишества своего, и то ведущей шуйце его, что творит десница его, — уже безстрашен и безпечален ходит, аки бы не должник, но заимодавец божий. Сия не любы есть к богу, но вид притворный любве. Таковую любовь обличает бог у Исаии пророка: «Сии людие устнами мене чтут, сердце же их далече отстоит от мене».[6] И что дивнее: сам узаконил бяше Израилю жертвы и приношения и различная празднования; обаче тая вся, без истинной веры и любве сердечной бываемая, аки некия скверны и мерзости отмещет, глаголет бо, или паче рещи, страшно гремит у тогожде пророка: «Что ми множество жертв ваших? — глаголет бо господь. — Исполн есмь всесожжения и тука агнча, и крови юнчей и козлей не хощу. Идеже аще приходите явити ми ся, кто бо взыска сих от рук ваших? Ходити по двору моему не приложите. И аще принесете ми муку пшеничну, — всуе: кадило — мерзость ми есть; новомесячия ваша, и субботы, и велика дне не приемлю. Пост, и празднования, и праздники ваша возненавиде душа моя: бысте ми до сытости, к тому не уйму грех ваших. И аще воздвигнете руце ваши ко мне, отвращу очи мои от вас; и аще умножите мольбу, не послушаю вас». Чесо ради тако, господи? Чесо ради отвергаеши

---

[6] *На полях* Исаиа, 29 (13)

сия, яже сам творити и тебе приносити повелел еси? Дает абие вину таможде: «руки бо ваши полны крове».

Но се еще лицемерие тонкое. Обаче толь богу мерзское, то кольми паче другое оное дебелое мерзско есть. Се же есть, егда не сами мнимою нам святынею прельщаемся, но нарочно притворяем ухищренный вид святости в прельщение людей, се же ради легкаго прибытка и приобретения суетной славы. То творим, егда пред людьми воздержницы быти показуемся, опрятаемся от ястия и пития, аще и мернаго, аще и благочестию не противнаго, и помрачаем лица (а есть хитрость на тое), да видими будем пред человеки постящеся; смыжаем очи, умильно осклабляемся, главы прекривленны носим, плачь явити тщимся, хотя не текут слезы; употребляем часто онаго лжеучительства: «Не коснися, не вкуси, не осяжи»,[в] ни мало радяще, яко сие от апостола укоренно есть. И куды взошло лукавство сие? Сония и видения божественныя притворяют святии сии идоли, да бы прельстити к себе сердца незлобивых и снискати честь и имение. И как то смешно, а им благополучно деется: тое приобретают ложным сном, чего другии не могут истинным трудом. Сии суть, их же нарицает господь наш Иисус Христос «снедающих домы вдовиц и непщеванием долго молящихся».[г] И апостол Павел: «имущих образ благочестия, силы же его отвергшихся»,[д] «пониряющих в домы, пленяющих женищца, отягощенны грехами, водими похотьми различными, всегда учащася и николиже в разум истинный приити могуща». И се паче перваго притворное лице любве к богу не точию бо не любы есть, но и паче укорение. Таковии бо боголюбцы ниже помышляют о бозе, смеются же без меры внутрь себе, что в удачу им хитрость их. Егда же тако лицемерную любовь увидели мы, лучше уже можем познати, кая есть истинная любы к богу. Аще бо кто любит господа своего не с таковым притвором, яковый видим в лицемерии дебелом, и не с таковым льщением, каковое видим в тонком лицемерии, любит тот самою истинною, и ходит духом божиим водимь, и имеет любовь, извещенную оным правилом апостольским: «Конец завещания есть любы от чиста сердца, и совести благи, и веры нелицемерны».[е] И сие самое любве истинной познание довольное есть. Но покажем уже силу ея во образе.

Сила любве истинной подобная есть силе смертной, яко же во основательном слове речеся. Таковая сила живет во всех истинных любителех божиих, является же в позор видимый

[в] *На полях* Колос., 2 (21) [г] *На полях* Марк., 1 (40) [д] *На полях* II Тим., 3 (5, 6, 7) [е] *На полях* 1 Тим., 1 (5)

в злоключениях, скорбех и бедствиях. О нетвердой бо вере и любве рече господь: «Во время веруют и во время напастей отпадают».[ж] О вере же и любве истинней сказует Петр святый, в первом послании во главе первой: «О нем же радуетеся, мало ныне (аще лепо есть) прискорбны бывше в различных напастех, да искушение вашея веры многочестнейше злата гибнуща, огнем же искушенна, обрящется в похвалу и честь и славу, во откровении Иисус Христове».[з] Кто ж не видит, что таковое любве искушение наипаче бывает на святых мученицех, горькими скорьми и самою смертию неизменную свою веру свидетельствующих!

И се того образ нам великомученица (ея же память ныне празднуем) Екатерина: позванна, просвещенна и обращенна к богу духом его, раждежеся того ж духа действием в любовь божию. Кая же и коль крепкая любы ея бяше, засвидетельствова лютая напасть, страшными мучении и горькою смертию любве ея не победившая. Чти историю страдания ея и помысли, в себе разсуждая, аще бы едину некую сего часть претерпел сильный исполин, — не было бы ли вельми дивно? Не часть же едину, но вся толикая удручения кто понесе и кто ими не одолен есть? Женский пол по естеству безсильный, тонкий; не просто же пол женский, но девица благородная, красная, богатством, и славою, и многими природными добротами цветущая, а еще во оных летех, в самую весну юности, когда самая сладость жития. Таковая дева и в таковое сладчайшее время не точию вознерадела о всех красотах и утехах своих, но во узы, и темницы, и на позорище безчестное, на орудия мучительския и на самую поносную и горькую смерть с таковым благодушеством устремися, с каковым, не мню, аще идут инныя в чертог брачный. Аще бы пред очима нашима делалося сие, могли бы ли мы терпеливне смотрети на сие? А младая девица возмогла стерпети. О, воистинну крепка, яко смерть, любы, но и смерти крепчайшая! Одоле смерть житию, но не одоле любению; растерза утробы, но не вреди усердия к богу; сокруши скудельный сосуд, но не украде сокровища; разлучи в конец душу от тела, но не разлучи от любве божия. Не ей ли свойствуется глас помянутый псаломнический: «Изчезе сердце мое и плоть моя, боже сердца моего, и часть моя боже во век». Не ей ли приличествует слово апостолское: «Кто ны разлучит от любве божия: скорбь ли, или теснота, или гонение, или глад, или нагота, или беда, или мечь?»[и] и прочая.

[ж] *На полях* Лука, 8 (13) [з] *На полях* 1 Пет., 1 (6, 7) [и] *На полях* Рим., 8 (35)

И что много глаголати нам о сем? К изречению бо никоеже довольно слово, а к поучению в любви истинной к богу и едино точию воспоминание сего довольно есть.

Еще о любви к искреннему, но яже по бозе любы есть, разсудим нечто и зде увидим тожде: сиесть вид притворный любве, а не любы самая, бывает часто не точию не полезный, но и вельми вредный, кроме единыя сея пользы, что изрядно обучает простыя сердца опасно поступать в избрании дружества. Посмотрим убо и на сие политическое, тако рещи, лицемерие, да от его познаем лучше и самую истинную любовь. Аще же и вемы, яко притворная любы далече пространнее населяема есть в мире сем, неже любы истинная, повседневным бо искусом учимся, како сильно есть слово оное псаломническое: «Суетная кийждо глагола ко искреннему своему»; [к] обаче и сей неложный глагол есть тогожде пророка: «приступит человек в сердце глубоко». [л] А се тожде есть, еже Иеремиа глаголет: «Строптиво сердце человеку и не испытанно; кто е познает?». [м] Ибо, кроме единаго сердцевидца бога, «кто весть от человек, яже в человеце, точию дух человеческий, живущий в нем?» [н] — по глаголу апостольскому.

Обаче суть некая и знамения того: яко же бо в притворной к богу любви свойственный характир есть бездельное суеверие, тако и в любве к ближнему, непостоянной и ложной, характиры суть некия суетныя почести. Хвалит все, что либо у любимаго видит, аще и воспоминания, не точию похвалы не есть достойное. Хвалит и природная и случаемая: как изрядный ход! Как пригожее платие! Найдет, чаю, как бы похвалить и кашель господский; а хвалит с таковым намерением, каковое было у оной лисицы Есопиной, когда врана, брашно во устах держащаго, видя, похваляла от красоты лица и просила, да бы испустил сладчайший еще глас свой, сиесть да бы тако ей снедь оную уронил. Притворяет же себе и подобонравие, и подобострастие: услышит некий не добрый случай господину, умышляет свое нещастие и с повестию онаго приходит; услышит о болезни, тотчас, предваряя, свои ломы и шумы повествует, каков в историях хитрец знаем есть, некто из Дариевых по́другов, Клеон именем, который, как скоро уведал, что Дарий ногу себе повредил, тотчас храмати начал с великим стенанием. О, есть ли бы было до сердца человеческаго светлое окно (как то желал некий Момос в фабулах стихотворских), коль противное все было бы видети в нем внешнему лицу! Увидел бы еси под красным цветом змия, под видом веселия желчь горькую, под видом плача радость, под видом похвалы хулу, под видом приязни ярость убивственную. А всех таковых притворов

[к] *На полях* Псал., 11 (3) [л] *На полях* Псал., 63 (7) [м] *На полях* Иерем., 17 (9) [н] *На полях* 1 Кор., 2 (11)

изобретательница показалася бы таможде лесть самолюбная и своих точию корыстей ищущая.

Аще бо обычную таковую любовь хощем живописием изобразити (как то и древнее и нынешнее обыкновение любит), мое таковое о сем есть мечтание: написать особу, лицем скаредную и яростную, но машкаркою хорошею себе от части покрывающую, седящую на крокодиле, пестро одеянную, на лоне лиса живаго держащую, на главе флачок ветреный, а по всем кругом теле рюмки, лжицы, мешееки, ковчежцы и прочая несытости орудия и влагалища, а подписи и толкования не требе. Кто бо от сего не познает лестную мира сего любовь быти!

А от сего прелестной любви сказания яве показуется, каковая есть любы нелестная, сиесть каковую описал апостол: «Любы долготерпит, милосердствует, любы не завидит, любы не превозносится, не гордится, не безчинствует, не ищет своя си, не раздражается, не мыслит зла, не радуется о неправде, радуется же о истине; вся любит, всему веру емлет, вся уповает, вся терпит. Любы николи же отпадает».[o] Вся бо сия противная суть вышепомянутому люблению лестному.

Но узрим любовь истинную и во образе, в лице святыя великомученицы Екатерины. Единож довольно се буди (еже историа о ней повествует), яко лютых соперников своих не точию не возненавиде, но и от погибели, яко орудие божие, избави. Что они были, разве осуетившися в помышлениях своих, глаголющися быти мудры, обьюродевшии и внешним убо видом о многочисленных своих бозех поборяющии, а самою вещию единому богу — чреву своему служащии, которых видети нестерпимая богомудрым людем болезнь есть, якоже засвидетельствова о себе Давид святый: «Видех неразумевающыя и истаях».[n] Истаяваше сердцем и девица блаженная, видяще их; но истаяваше о неразумии их и неразумию последующей погибели. Блисну же и на их духа святаго благодать, прогна тьму неразумия, осия светом евангелия. Что же Екатерина возревнова ли или вознегодова? Уподобися ли оному завистнику, которому ответ дан был: «Аще око твое лукаво, яко аз благ есмь?»![p] О, коль инная была страсть в сердце ея! Где не было времени и мыслити о других, находящу толь страшному подвигу, она тамо попечением чуждаго спасения забыла настоящаго бедствия своего, возрадовася о обращении тех, иже бездушне тщахуся совратити ю, возвеселися о спасении искателей погибели ея. И кто не видит и сию в ней любовь крепку яко смерть быти, егда за радость о блаженстве ближняго наведе нечувствие толиких болезней, безчестия и самой лютой надходящей смерти!

[o] *На полях* 1 Коринф., 13 (4, 5, 6, 7, 8) [n] *На полях* Псал., 118 (158) [p] *На полях* Матф., 20 (15)

Видим убо, о христиане, видим, что и какова есть любы истинная к богу и ближнему, коль разнствует от притворнаго люблення. Екатерина есть нам того учительница, дева наставляет нас, но коль добре и коль довольне, не ведали сего многословнии любомудрцы, книжницы и совопросницы века сего. И кратко рещи: толь совершенную показа нам философию младеница сия, яко ничтоже инно остается нам слышати, точию оное слово господне: «Аще сия весте, блажени есте, аще творите я».[c]

Егда же тако удивляемся великому любы образу Екатерине, видим и другий того прúклад, тебе, благоверная государыня нашя, царице всероссийская.

О, как не всуе и ты день сей празднуеши, и мы, сопраздноующе, поздравляем тебе! Поздравляем тезоименитую святой сей девице, но видим ей же и подобонравную. Аще бо и не тыяжде виды на сей и на оной видим, обаче видим тоежде к богу и к искреннему любве плоды. Предстанут ми сего свидетели мнози, которых не крайняя злоба помрачает, не так славе на ней царственной, яко матернему ко всем усердию удивляющиися и везде, безпристрастне, но и беззавистне, матерь свою нарицающии.

А ему же особенный любве закон привяза тебе, о матерь российская, коликими знамении засвидетельствовала еси о вседушном к ему люблении твоем! Да едино, еже вместо всех будет, воспомянем. На оном и самою памятию страшном молдавском поле, егда, наказующему нас премудрому смотрению божию, отчаялися вси мы жития своего, а богом венчанный супруг твой готовил душу свою положити за люди своя;* в оное, глаголю, время, дымное и мрачное, смертными отвсюды громы духи отъемлющее, кто не видел, како действова в тебе любы искренняя, видя тебе не своей, но искренняго твоего смерти безмеры боящуюся и истаявающую? Видехом тогда, о Россие, любовь монархини твоей крепку яко смерть быти: своя ей яве искала смерть, а именно и пулею пушечною, пред ногами ей падшею, приближившаяся, но паче сердце ея умираше боязнию смерти супружеской. Борьба то воистинну была любве и смерти, егда и сия, и оная на едину особу равне нападение сотворили. Что же! Которая от них преуспе и превозможе! Тело в руках смерти было, но дух, любовию пленен, аки бы инамо от состава своего преселився, не знаяше, что с собою деется, не видяше смерти своей, пред очима ходящей, но весь последова мужеви и его смертными бедствии уязвляшеся. И сим, воистинну, люблення образом истолковася нам оное (еже темно

[c] *На полях* Иоанн, 13 (17)

быти мнится) премудраго Августина слово: «Душа, — рече, — больше живет в том, его же любит, нежели его же животворит». О коль немного таковых любве образов имеет мир!

А еже первее сказати нам подобаше, нелицемерна любы к богу колика есть в сердце венценосной сей героини? Аще и крыется от очес человеческих того самого ради, яко истинная и нелицемерная есть, обаче якоже огнь где либо сокровен есть, действием своим ощущаем есть, тако и верное ея к господу своему усердие не может не познано быти, произнося великия изветы благочестия, различныя плоды духовныя; в благополучии благодарствие, в злоключении упование, приязненной и противной фортуны обуздание, в молве дому толикаго неотлагаемое словословие божие и прочия таковому лицу подобающия добродетели. А что паче всех дивнейшее есть: в толикой чести и славе, в толиком величестве, на самом версе желаний людских, словом рещи, в царствовании — кротость, благость, умерение духа; в царствовании же не природном, се бо не толь дивно, но над чаяние, по смотрительному божию благоволению, полученном. Ибо кто с таковым щастием сопрягает кротость, той на себе показует нечто вышше нравов человеческих.

Не можем же умолкнути зде изряднейшаго дела твоего, монархини богомудрая, которым единым твою и к богу и к ближнему любовь не точию являеши на себе, но и в сердца протчиих честнейших лиц, аки семя плодоносное, всеевати тщишися, се же есть новоуставляемый от тебе преславный чин кавалерии, именем тезоименитыя твоея мученицы Екатерины * и титлою заступления божия красящийся. Есть то благодарственная память божиих благодеяний, обильно излиянных на монарха нашего, егда его во многих внешних и внутрних бедах, наипаче же в оном лютом прутовом обстоянии, цела и невредима сохрани господь. И се любы к богу есть и се купно любы ко искреннему. Полагается же в чину семь закон собственнаго боголюбия и славословия божия: се любы к богу; полагается закон и собственной к царскому величеству верности: се любы к ближнему. Належит долженство искупляти пленники от ига поганскаго: се любы к ближнему; належит долженство всяким тщанием правильным обращати ко Христу неверныя: се паки и к богу и к ближнему купно сопряженная любы, единым делом сим и славы божией, и спасения человеческих душ поискующая. Егда убо видим на персех твоих сего преславнаго чина знамения, видим купно в сердце твоем живую спасительную утварь, самую истинную к богу и к ближнему любовь.

И да не стужим кротости твоей нашим велеречием, наипаче яко толикия добродетели твоя вышше суть не точию сего дебелаго слова, но и всякаго лучшаго риторства. Вместо долгой

похвалы краткое, но усердное приносим желание: да законоположник любве бог сугубую, юже сам насади в тебе, любовь сию согревает своею вседействующею любовию в возращение временных и вечных благ. Вас обоих, богомвенчанная двойце, и взаим себе, и все отечество наше прямо отечески любящих, да не престанет любити и миловати отец щедрот и бог всякия утехи, отражая далече от вас и всей палаты вашей вся навет-ныя злобы, раздизая к люблению вашему подданных и союзных сердца, враги же и супостаты под ноги вам покаряя. Егда бо таковое видим на вас божие благословение, неложно и о всей вашей России восклицаем: избра господь Сиона и изволи его в жилище себе! Аминь.

СЛОВО

О ВЛАСТИ И ЧЕСТИ ЦАРСКОЙ, ЯКО ОТ САМОГО БОГА В МИРЕ УЧИНЕНА ЕСТЬ, И КАКО ПОЧИТАТИ ЦАРЕЙ И ОНЫМ ПОВИНОВАТИСЯ ЛЮДИЕ ДОЛЖЕНСТВУЮТ; КТО ЖЕ СУТЬ И КОЛИКИЙ ИМЕЮТ ГРЕХ ПРОТИВЛЯЮЩИИСЯ ИМ. ЛЕТА ГОСПОДНЯ 1718 ГОДУ, АПРИЛЛИА В 6 ДЕНЬ, В ЦАРСТВУЮЩЕМ САНКТ-ПИТЕРБУРХЕ, В НЕДЕЛЮ ЦВЕТНУЮ

О чем нынешнее время, и благовременне и безвременне, проповедати нам повелевает, того вину подает торжественный во Иерусалим вход Христов. Видим, коликая в народе радость, коль благоприятное сретение; на самый слух пришествия мессиина движется весь град, мнози постилают по пути ризы своя, мнози режут и произносят вайа, победительная знамения; вси вопиют торжественный глас «осанна!» — и малыи отроцы тожде творят. Негодуют о сем архиерее и книжницы, но не успевают; рвутся завистию святии фарисее и пресещи торжество тщатся, но не могут.

Не видим ли зде, кое почитание цареви? Не позывает ли нас сие, да не умолчим, како долженствуют подданные оценяти верховную власть и коликое долженству сему противство в нынешнем у нас откры́ся времяни! Ниже да помыслит кто, аки бы намерение наше есть земнаго царя сравнити небесному. Не буди нам тако безумствовати; ниже бо иудеи, усретающии Иисуса, ведали его быти царя небеснаго. И от священных убо писаний и Ветхаго завета мочно было знати, яко мессиа грядущий бог есть; обаче во времена Христова было уже у иудей слепая богословия, многими баснями наполненая, такожде и мессии ниже по ипостаси, ниже по деле ведущая; царство мессиино мнилося им быти земное и избавление не инное, точию рода единого иудейского от области язык освобождение. Самые ученицы Христовы в невежестве том были. То бо мыслил Петр,

егда, произвещающу господу о страдании и смерти своей, рече: «Не буди тебе, господи» и получи ответ: «Иди за мною, сатано! Не мыслиши бо, яже суть божия, но яже человеческая».[а] То мыслил тойжде, егда, усладився преображения видением, воскликну: «Добро нам зде быти».[б] То думали сыны Заведеовы, егда первенства себе в славе Христовой возжелали, и не лучший и прочий их разум; прорицающу бо Христу о смерти и о воскресении своем, «тии ничесоже от сих разумеша; и бе глагол сей сокровен от них, и не разумеваху глаголемых»,[в] — свидетельствует Лука святый. Аще же апостоли, близ света ходящии, тако слепотствуют, то что речем о прочиих, раббийскими предании помраченных? Понеже убо иудеи, и так низкое мнение имевшии о царствии Христовом, толикую честь воздати ему потщались, яко дерзнули на приход его составити праздник необычный, — ибо сия вайеносная церемониа навершалась точию в великий праздник потчения сеней, — то не имамы ли правильной зде вины о чести, царем достойной, глаголати?

Но что ни мыслили о мессии иудее (буди мыслили, яко бог есть, не спорю, хотя не верую), обаче и тако предложение наше имеет зде место. Имеем бо образцы в слове божии от божией части и любве заимствовати вину к чести и любве человеческой, не в равенство, но в приклад. Глаголет Иоанн апостол: «Аще кто речет, яко люблю бога, а брата своего ненавидит, лож есть; ибо нелюбяй брата своего, его же виде, бога, его же не виде, како может любити».[г] Глаголет Павел: «Муж глава есть жене, яко же и Христос — глава церкви, и той есть спаситель тела. Но яко же церковь повинуется Христу, такожде и жены своим мужем во всем. Мужие, любите своя жены, яко же и Христос возлюби церковь».[д] Глаголет паки тойжде: «Никто же сам себе приемлет честь, точию званный от бога, яко же и Аарон. Тако и Христос».[е] И множайшая бы таковая собрати мощно.

Достодолжно убо есть, да от нынешней торжественной почести, царю Израилеву возданной, приемше вину, послужим словом простым и ясным нужде нашей, за грех, во времена сия в России приключившийся. Нужде, глаголю, нашей да послужим; не малую бо часть людей, в таковом невежестве пребывающую, видим быти, яко не знают христианскаго учения о властех мирских. Паче же о самой высочайшей державе не знают, яко от бога устроена и мечем вооружена есть и яко противитися оной есть грех на самого бога, не точию времян-

---

[а] *На полях* Матф., 16 (22—23) [б] *На полях* Матф., 17 (4) [в] *На полях* Лук., 18 (34) [г] *На полях* I Иоан., 4 (20) [д] *На полях* Ефес., 5 (23—25) [е] *На полях* Евреем, 5 (4—5)

ной, но и вечной смерти повинный; но мнози помышляют быти сие от промысла просто человеческаго или от превозмогшей силы, и яко боятися властей за гнев их точию сильный и страшный, а не за совесть боятися подобает.

Сие убо безумное мнение божиею помощию опровергнем ныне и разрушим, произнося непобедимыя словеса божия и на них же утвержденное и человеческое свидетельство, и надеемся по господней благодати, яко всяк простосердечный и истинне повинующийся поплюет помянутое о властех мнение; аще же кто нарочно хощет слеп быти, того кратким словом апостольским отправляем: «Аще кто не разумеет, да не разумевает»,[ж] или апокалиптическим: «Скверный да сквернится еще».[з]

Что же первее речем? Суть нынешние, были и древнии настоящему учению противницы, которые не невежди себе мнятся быти, но богословствуют от писания; да так, как то летают прузи, животное открылателое: да что чревище великое, а крыльца малые не по мере тела; воздоймется полететь, да тот час и на землю падает. Тако и они суще книгочии, аки бы крылатые, покушаются богословствовати, аки бы летати, да за грубость мозга буесловцами являются, не разумеюще писания, ни силы божия. Сим первое дадим место, сих первее послушаем, да истинна, аки солнце по прогнании тьмы, яснейшая произыдет.

Древнии монархомахи, или цареборцы, проявились еще за времен апостольских; на них бо гремит Петр святый во втором своем послании, в главе второй: «Весть господь благочестивыя от напастей избавляти, неправедники же на день судный мучимы блюсти, наипаче же во влед похоти сквернения ходящыя и о господьстве не радящыя, продерзателе — себе угодницы, славы не трепещут хуляще».[и] О тех же и апостол Иуда подобными словесы, но жесточайшими, сказует, диаволом бо и содомляном уподобляя их, глаголет: «Такожде и сии, сония видяще, плоть убо сквернят, господьства же отметаются, славы хуляще не трепещут».[к] На тех же аки перстом показует Павел, учя в посланиях своих покорятися властем, яко же послежде увидим.

Но на чем назидали мнение свое древнии оные лестцы? На свободе христианстей. Слышаще бо, яко свободу приобрете нам Христос, о ней же и сам господь глаголет и на многих местех в посланиях апостольских чтем, помыслили, будто мы и от властей послушания свободны есмы и от закона господня. Сице бо о ных глаголет Иуда: «Привнидоша нецыи человецы,

[ж] *На полях* I Коринф., 14 (38) [з] *На полях* Апок., 22 (11)
[и] *На полях* II Петр., 2 (9—10) [к] *На полях* Посл. Иудин., 1 (8)

древле предуставлении на сие осуждение, нечестивии, бога нашего благодать прелагающии в скверну»;[л] подобне и Петр святый на помянутом месте глаголет о них, «яко свободу ученником своим обещают, сами же суть раби тления».[м]

Не ведали или паче не хотели ведати окаяннии, в чесом свобода наша христианская. Свободил есть нас Христос крестом своим от греха, смерти и диавола, сиесть от вечнаго осуждения, аще во истинном покаянии веруем в него, что тожде есть, еже и от клятвы законныя искупленным нам быти; тожде, еже не быти нам под законом, но под благодатию; тожде, еже умрети нам закону, да богови живи будем; тожде, еже избавитися нам от власти имущаго державу смерти, сиесть диавола, и аще кая иная словообразия суть в писании.[н] Свободил же нас Христос и от обрядовых законоположений, и от самоизвольных человеческих, аки бы ко спасению нужных, изобретений, о чем неоднократно поучает апостол. Но подробну о том сказывати не время сие. А от послушания заповедей божиих и от покорения властем предержащим должнаго не подал нам Христос свободы, но и паче оное утвердил, яко же после покажется.

И се о древних продерзателех. Суть же и в нынешние времена оным последующии: яко же папа, себе и клир свой от властей державных изимающий, но и мечтающий данную себе власть даровати и отъимати скипетры царския, и яко же анабаптисты, человеку христианину имети власть запрещающии, — которая буесловия в слове последующем сами разорятся.

Еще точию о наших некиих мудрецах нечто воспомянем. Суть нецыи (и дал бы бог, да бы не были многии), или тайным бесом льстимии, или меланхолиею помрачаеми, которыи таковый некий в мысли своей имеют урод, что все им грешно и скверно мнится быти что либо увидят чудно, весело, велико и славно, аще и праведно, и правильно, и не богопротивно. На пример: лучше любят день ненасливый, нежели ведро; лучше радуются ведомостьми скорбными, нежели добрыми; самого счастия не любят. И не вем, как то о самих себе думают, а о протчиих так: аще кого видят здрава и в добром поведении, то конечно не свят; хотели бы всем человеком быти злообразным, горбатым, темным, не благополучным и разве в таковом состоянии любили бы их. Таковых еллини древнии нарицали мисанфропи, сиесть человеконенавидцы. И есть давная и дивная повесть о некоем таковом, Тимоне именем, жителе афинейском. Той толико болезновал сею страстию и, ненавидя добраго поведения в людех, толь жаждно желал злоключения отечеству своему, что послежде сшел с ума и таковый обморок

[л] *На полях* Посл. Иудин., 1 (4) [м] *На полях* II Пет., 2 (19)
[н] *На полях* Галат., 3 (13); Рим., 6 (15); Галат., 2 (19); Евреем., 2 (14).

и мечтание возимел, аки бы ему подлинно некто донес, будто афинеи вси хотят вешатися; тот час же рад и весел вылетел в народ и таковую возгласил проповедь: «Мужие, — рече, — афинейстии! Есть у мене в вертограде древо великое, и много крепких ветвей на нем, да для потребного на месте том здания срубить хощу; скоро же, молю вас, идите вешайтеся, ибо долго ждать не могу». Не обретаются ли и ныне таковыя? Аще и не в таковой мере, обаче суть тако злобнии и понурыи.

И сии наипаче славы безчестити не трепещут и всяку власть мирскую не точию не за дело божие имеют, но и в мерзость вменяют, не ведуще бо, что есть смирение истинное, что есть нищета духовная; но по внешнем виду тое разсуждающе, все, еже велико и славно есть, презирают, и в грех ставят, и тако о державе верховной ниже помыслити хотят быти ю праведну и от бога узаконенну.

Однако и сии не безоружни являются: мнятся нечто имети богословское от священнаго писания; не аки бы от писания несразуменного совратилися (как то иным случается), но к своей готовой злобе привлекли не познанное писание. Самого Христа, глаголют, слово есть: «Яко еже есть высоко в человецех, мерзость пред богом»; [о] от сего наводят мудрость, силу, славу и всякую власть человеческую мерзску быти пред богом. Видим высоту богословную, слышателие! Кто ж не видит, коль сильна она и действенна простым и невежливым, наипаче егда умягченным словом и лицем умиленным с воздыханием и покиванием главы провещевается? Тако ангел тьмы преображается во ангела светла! Да открыем убо скаредность его и отъимем ему мнимое сие оружие! Вопрошаем вас, о изрядныи богословцы, что имамы разумети, егда слышим псаломника, о сем самом прославляюща промысл божий, яко воздвизает от земли убога и возводит от гноища нища, посадити его с князи, с князи людей своих. Что разумети имамы зде? По вашему мудрованию тако толковать нужно: воздвизает от земли убога и от гноища возносит нища, сиесть отъемлет ему святыню; посадити его с князи людей своих, сиесть вовреши его в мерзость; «еже бо высоко есть в человецех, мерзость есть пред богом». Видите, в каковую мерзость погрязнем, аще вам последуем! Стойте же и силу слова господня зрите! Слово сие изрече господь к фарисеем, учение его ругающым: «Вы есте оправдающии себе пред человеки, бог же весть сердца ваша: яко еже высоко есть в человецех, мерзость есть пред богом». Зрите зде, кую высоту нарече мерзость. Оправдание фарисейское, еже есть видом святости чванится, лицемерием уловляти очеса человеческая.

[о] *На полях* Лука, 16 (15)

Аще бо и вся правды наша, яко порт нечистый пред очима божиима, яко же глаголет Исаиа,[n] и аще Павел так не удивлялся исправлениям своим, яко и во тщету и во ометы оныя вменил, где бы их положить пришло[p] в цену спасения, то кольми паче мнимые добродетели мерзски суть пред богом. Таковая высота была у онаго праведника, тако о себе повествовавша пред богом: «Несмь, яко же прочии человецы: пощуся два краты в субботу»[c] и прочая. Таковою возносился окаянный Пелагий. И кто еще таковою велик и высок есть? Вы, слепии (хотел рещи — святии), вы сами (с которыми речь нам сия) тако высоки есте! Вы внешнею худостию, помраченными лицы и всею фарисейскою кожею удивляете (вещь, плача достойная!), удивляете человеки и прельщаете сердца незлобивых! Слово убо сие господне не есть на высоту державных властей, ибо любимая богу нискость бывает и в порфире, егда царь грешна себя быти исповедует пред богом и на едину милость его уповает, яко же Давид, Константин, Феодосий и прочии. Вопреки же: высота фарисейская и в нищетном платье живет. И тут наипаче помянутое убо господне слово на вас, окаяннии святцы, гремит, — и не ощутисте: «Вы есте оправдающии себе пред человеки, бог же весть сердца ваша: яко еже высоко есть в человецех, мерзость есть пред богом».

Но уже таковых мерзословов, аки блата избывше, изидем на чистый и гладкий путь и разсмотрим, каковаго помысла о державе человеческой учит нас и самое естество и слово божие. А сия речь уже есть не к единым мрачным смиренником, но ко всякому и полу, возрасту, и чину человеческому, ко убогим и богатым, немощным и сильным и славным, и просто ко всем, которые только не скоты, не звери суть.

Вопросим первее самаго естества нашего, что нам сказует о сем. Ибо, кроме писания, есть в самом естестве закон, от бога положенный; глаголет бо апостол: «Егда языцы, не имуще закона, естеством законная творят, сии, закона не имуще, сами себе суть закон: иже и являют дело законное, написанное в сердцах своих».[r] Таковыя законы суть в сердцы всякаго человека: любити и боятися бога, хранити свое житие, желати неоскудевающаго наследия роду человеческому, не творити другому, еще себе не хощещи, почитати отца и матерь. Таковых же законов и учитель и свидетель есть совесть наша. Что бо есть, яко и о тайном, нам точию ведомом, злодеянии, некое чуем грызение в наших помыслех? Разве яко от создателя сила сия в естестве нашем всеянна есть. Того ради и Павел, сказуя закон, на сердцах написанный, в помянутом

[n] *На полях* Исаиа, 64 (6); Филип., 3 (8) [p] *В издании* пришлю
[c] *На полях* Лука, 18 (11—12) [r] *На полях* Рим., 2 (14—15)

слове, показует того известие и глаголет; «являют дело законное, написанное на сердцах своих, спослушествующей им совести, и между собою помыслом осуждающым или отвещающым, в день, егда судит бог тайная человеком».

Зри же, аще не в числе естественных законов есть и сие, еже быти властем предержащем в народех? Есть тако воистинну! И се всех законов главизна. Ибо понеже с стороны одной велит нам естество любити себе и другому не творити, что нам не любо, а со другой стороны злоба рода растленнаго разоряти закон сей не сумнится, всегда и везде желателен был страж, и защитник, и сильный поборник закона, и то есть державная власть. Не приходит сие многим на мысль, да для чего? Для того, что, безопасно под таковыми стражами пребывающе, не разсуждают добра своего, яко обычного. Аще же бы кто вне таковаго строения пожити с людьми хотел, уведал бы тот час, как недобро без власти. Имамы повесть о Вейдевуте, первом пруском и жмудском властелине.* Народ его, еще не под властию бывший, егда многое от чуждих и междоусобно сам об себе терпел бедствие, понужден был у его, яко мужа разумнаго, просити советов ко отраде своей. Вейдевут же таковую к ним речь произнесл: «Аще бы, — рече, — о людие, не были вы глупшии от пчел ваших, было бы добро вам». Вопросили, в чем они глупшии от пчел. «В том, — рече, — яко пчелы, малые и безсловесные мухи, имеют царя, вы же, человецы, не имеете». Восплеснули на совет и тогож часа самого его государем себе быти понудили. Но на довод сего не достало бы времяни свидетелей приводити. Кратко рещи: свидетель есть весь мир, вси народи свидетели. Аще же когда обретаем некое грубое народище безглавное (хотя и не весьма такое; ибо поне во всяком домовстве свой правитель есть), таковых человек скотом обычне уподобляем[у] и описуем их сею притчею: «ни царя, ни закона». Известно убо имамы, яко власть верховная от самаго естества начало и вину приемлет. Аще от естества, то от самаго бога, создателя естества. Аще бо первыя власти начало и от человеческаго сословия и согласия происходит, обаче понеже естественный закон, на сердце человеческом от бога написанный, требует себе сильнаго защитника и совесть тогожде искати понуждает (яже и сама семя божие[ф] есть), того ради не можем не нарещи самого бога властей державных виновника. От сего же купно яве есть, яко естество учит нас и о повиновении властем должном. Вниди внутрь себе и помысли сие: власть державная естественному закону есть нуждна. Не скажет ли абие тебе совесть твоя: убо

[у] *В издании* уподобляет [ф] *В издании* божия

власти не повиноватися, на закон естественный грешити есть? Помысли сие: власть творит, яко безбеднии пребываем. Не скажет ли абие совесть: убо властей не хотети, есть хотети погибели человеческой? Еще помысли: вижду власть от бога быти нашим здравым разумом нам узаконяемую. Не наведет ли совесть: убо властем противитися, есть противитися богу самому? И то то есть, что и самыи афеисты (хотя таковии по совести своей не суть) советуют, дабы в народе бог проповедан был. Чесо ради? Инако, рече, вознерадит народ о властех. Яве убо, яко совесть человеческая от бога власть быти видит и бога ради властей боятися понуждает.[х]

Да слышим же уже известнейшее слово божие написанное, и, сверх бо того, что чрез нашу нам совесть указует бог властелинство, увидим, что и собственным своим промыслом входит в сие, и учинение властей (коим либо праведным способом бываемое) благословением своим заключает, и оным повиноватися заповедует. Каковый же зде свет является? Коликая крепких изветов жатва? Полны суть книги, и законныя и историческия, и псаломския и пророческия, согласуют и евангельская и апостольская писания. Кто подробну исчислити сия и кое слово вместити может! Довлеет некая воспомянути. Слышите убо, всякий чин и возрасте! Слышите высокую проповедь: «Мною царие царствуют, и сильнии пишут правду».[ц] Кто глаголет? Предвечная и отцу соипостасная премудрость — не довольно ли сие едино? Божия премудрость сказует[ч] великия славы своя и сим делом своим хвалится: «Мною, — рече, — царие царствуют». Кого сие едино не устрашит? Якова не сокрушит духа? Разве словеса божия, яже суть «словеса чиста, сребро раздеженно, искушенно земли, очищенно седмерицею»,[ш] разве, глаголю, словеса божия дерзнем мы, христиане, в басни вменити? Слышим же еще тогожде духа органы согласныя. Гласит Даниил в слух мира всего: «Да увидят, — рече, — живущии, яко владеет вышний царством человеческим и, ему же восхощет, дает е ».[щ] Взывает тожде: «Буди имя господа бога благословенно от века и до века, яко премудрость и смышление и крепость того есть. Той бо пременяет времена и лета, поставляет царя и преставляет».[э] Проповедует Приточник: «Яко же устремление водное, тако и сердце царево в руце божии: и аможе аще восхощет обратити, тамо уклоняет е».[ю] Увещевает Петр апостол: «Повинитеся всякому человечу созданию господа ради: аще царю, яко преобладающему, аще ли же князем, яко от

[х] *В издании* понуждают [ц] *На полях* Прит., 8 (15) [ч] *В издании* сказую [ш] *На полях* Псалом 11 (7) [щ] *На полях* Даниил, 4 (14) [э] *На полях* Даниил, 2 (20—21) [ю] *На полях* Прит., 21 (1—2)

него посланым во отмщение убо злодеев, в похвалу же благотворцем. Яко тако есть воля[л] божия благотворящым обуздовати безумных человек невежество».[а] Вопиет учитель народов: «Всяка душа властем предержащым да повинуется. Несть бо власть аще не от бога; сущыя же власти от бога учинены суть».[б] И да бы не помыслил кто: како не имамы повиноватися! Сильны и страшны суть, неволею преклонят к поминовению себе. Предваряет таковый помысл и отвергает апостол; учит ясно, яко не ради страха, но и за совесть повиноватися долженствуем и яко не покаряяйся властем богу противится. Сказал бо, яко власти от бога учинены суть, наводит абие: «Темже противляяйся власти божию повелению противится; противляющыяся же грех себе приемлет». И паки: «Божий слуга есть, тебе во благое. Аще ли злое твориши, бойся. Не бо без ума мечь носит: божий бо слуга есть, отмститель в гнев злое творящему. Темже потребно повиноватися не токмо за гнев, но и за совесть. Сего ради и дани даете: служители бо божии суть, во истое сие пребывающе». Дивная воистинну вещь! Рекл бы еси, что от самаго царя послан был Павел на сию проповедь; так прилежно и домогательно увещавает, аки млатом толчет, тожде паки и паки повторяет: несть власть аще не от бога, власти от бога учиненны, божий слуга, божий слуга, служители божии суть. Не тождесловие тщетное се. По данной бо себе премудрости учит. Не ласкательство се. Не человекоугодник бо, но избранный сосуд Христов глаголет. Но да чувственных и бодрых христиан сотворит и да не попустит ниже мало дремати всем, так подвижно долбет. И молю всякого разсудити: чтоб вящше рещи могл самый вернейший министр царский?

Приложим же еще учению сему, аки венец, имена и титлы, властем высоким приличныя; не суетныя же, ибо от самаго бога данныя, которые лутче украшают царей, нежели порфиры и диадимы, нежели вся велелепная внешняя утварь и слава их, и купно показуют,[в] яко власть толикая от самаго бога есть.

Кия же титлы? Кия имена? Бози и христы нарицаются. Славное есть слово псаломское: «Аз рех: бози есте, и сынове вышняго — вси»,[г] — ибо ко властем речь оная есть. Тому согласен и Павел апостол: «Суть бози многи и господие мнози».[д] Но и прежде обоих сих Моисей такожде имянует власти: «Богом да не глаголеши зла и князю людей твоих не рцы зла».[е] Но кая вина имени толь высокаго? Сам господь сказует у Иоанна евангелиста своего, яко того ради бози нарицаются,

---

[л] *В издании* волю [а] *На полях* 1 Пет., 2(14—15) [б] *На полях* Рим., 13 (1—2, 4—6) [в] *В издании* показует [г] *На полях* Псалом 81 (6) [д] *На полях* 1 Кор., 8 (5) [е] *На полях* Исход, 22 (28)

понеже «к ним бысть слово божие».[ж] Кое же иное слово? Разве оное наставление, от бога им поданое, еже хранити правосудие, яко же в том же помянутом псалме чтем. За власть убо свою, от бога данную, бози, сие есть наместницы божии на земли, наречены суть. И изрядно о сем Феодорит: «Понеже есть истинно судия бог, вручен же суд есть и человеком; того ради бози наречены суть, яко богу в том подражающии».

Другое же имя христос, или помазанный, так частое в писании, что долго бы исчисляти. И кому ж потребен толк, чесо ради тако нарицаютца царие! Само бо имя сие «помазанный» ясно есть; сие есть: поставлен и оправдан от бога царствовати. Но помазан глаголется от древней оной церемонии, когда елеом помазаны были избранныи на царство в знамение милости божией, благоволящей о том.

И сия, за краткость слова, довлеют к совершенному извету, яко власти державныя суть дело самого бога.

Время показати, каковую должны есмы властем честь, любовь, верность, каковый страх и повиновение. Но се мнится быти слово лишнее: кто бо ведый совершенно, яко власть от бога есть, сумнитися или вопрошати может о почести оной? Разве сумнитца он и о почитании самого бога.

И уже в прешедших словах слышали проповедь апостольскую, яко противляющийся властем богу противится и яко треба повиноватися не токмо за гнев, но и за совесть. Слышали о том же Петрово учение; слышали, яко Петр и Иуда поносят[в] безумных оных свободолюбцов, иже хулити славы не трепещут: слышали заповедь божию у Моисеа: «Богов да не глаголеши зла и князю людей твоих не рцы зла».

Приложим к сему и последующая Павлова наставления: «Раби, послушайте господий ваших своих по плоти со страхом и трепетом, в простоте сердца вашего, яко же и Христа, не пред очима точию работающе, яко человекоугодницы, но яко же раби Христовы, творяще волю божию от души, со благоразумием служаще, яко господу, а не яко человеком».[и] И тожде повторяет к колоссаем, в главе третией: «Раби, послушайте по всему господий ваших плотских, не пред очима точию работающе, аки человекоугодницы, но в простоте сердца боящеся бога. И всяко, еже аще творите, от души делайте, яко же господу, а не человеком, ведяще, яко от господа приимете воздаяние достояния: господу бо Христу работаете. А обидяй восприимет, еже обиде, и несть лица обиновения».[к] И к Тимофею: «Елицы суть под игом раби, своя господы всякия чести

[ж] *На полях* Иоанн, 10 (35) [в] *В издании* поносит. [и] *На полях* Ефес., 6 (5—7). [к] *На полях* Колос., 3 (22—25)

да сподобляют, да имя божие не хулится и учение».[л] Заповедует и Титу, да бы увещевал: «Рабы своим господем повиноватися, во всем благоугодным быти, не прекословным, не крадущым, но веру всяку являющым благу, да учение спасителя нашего бога украшают во всем».[м] Аще толь сильное апостольское учение есть и о всяком господстве, и о всяком рабстве (ибо в обществе глаголется), то кольми паче сильно и крепко оно есть о власти державной, и о подданных людех, яко христу господню, яко наместнику божию.

Но что вельми удивляет нас и аки адамантиновою бронию истинну сию утверждает, сего преминути не можем. Се же есть, яко не точию добрым, но и стропотным и неверным властем повиноватися велит писание. Ведомо бо всякому оное Петра святаго слово: «Бога бойтеся, царя чтите. Раби, повинуйтеся во всяком страсе владыкам, не точию благим и кротким, но и строптивым».[н]

Но может кто помыслити, яко совет есть се, а не повеление, и яко за смирение и кротость, а не по самой правде и долженству сие надлежит христианом. Но лестный сей помысл и суетное сумнительство. Зри бо, како сему согласуют иная писания, како сие заключили словом и делом и праотцы в завете Ветхом, и под благодатию прямии христиани.

Кто был Саул царь, кому не известно? Яко же о нем владычествии мыслил Давид (Давид, глаголю, не кто-либо), Давид, ведущий Саула отверженна быти от бога, сам на царство уже помазанный?[о] Что ж Давид? Егда советовали ему други его, да бы Саула, врага своего, убил, с самых словес таковых убоявся, возопи: «Не буди мне ничтоже от господа, аще сотворю глас сей господину моему, христу господню, еже воздвигнути руку мою на него, яко христос господень есть».[п] Тожде рече и в другое время подобным советником и, по убиении Саула, убийцу его умертвити повеле,[р] всегда едину вину предлагая, яко христос господень есть.

Речеши: каков ни был Саул, обаче явным повелением божиим на царство помазанный был и того ради таковой чести сподобился. Добро, рцы убо мне: кто был Кир, царь персицкий? Обаче его бог нарицает христом своим у пророка Исаии.[с] Кто был Навуходоносор вавилонский? Обаче велит бог Исраилеви, да служит ему, у Иеремии пророка.[т] Кто был Нерон римский? Обаче учит Петр, учит прилежно Павел почитати его

[л] *На полях* 1 Тим., 6 (1) [м] *На полях* Тит, 2 (9—10) [н] *На полях* 1 Пет., 2 (17—18) [о] *На полях* 1 Цар., 24 [п] *На полях* 1 Цар., 24 (7) [р] *На полях* 2 Цар., 1 [с] *На полях* Исайя, 45. [т] *На полях* Иерем., 27

и за совесть. И коль было крепкое сие учение у христиан, закон божий добре ведущих, многие веки и на разных местах засвидетельствовали: повиновалися христиане властем в Персиде и Парфии; повиновалися во Африке под вандалами, повиновалися во Итталии под лонгобардами. Что же речем о христианах во всем пространнейшем тогда государстве Римском! От начала прроповеди апостольской даже до Константина Великаго, чрез триста лет, были лютейшыя десять гонения, толь многое воинство мученическое показавшые, а хотя б о малом некоем христианском бунте слух прошел когда, отнюдь его нет.

Не не вем, что мыслит зде сердце упрямое: силы столько не было христианом. Да то говорит невежество историй древних. Около двую сту лет по рождестве Христове толикое множество христиан было, что, по свидетельству Киприана священномученика в послании его к Димитриану, довольная сила была оборонити себе от похищений и терзаний мученических. И благоволите послушати, что о том свидетельствует еще прежде Киприана Тертуллиян. Сице бо он в своей Апологии к неверным римляном глаголет: «Аще бы, — рече, — явне мы вам неприятельми восхотели быти, не то что отмстительми тайными, скудная ли была бы нам сила множества и воинства? Знать большее число есть мавров, маркоманиов, и самих парфян, и коликих либо иных народов, единаго однак места и своих особь пределов, нежели всей вселенной? Вчерашнии есмы и вся ваша собою наполнили: грады, островы, крепости, слободы, собори, обозы, самые плетенья области, палату, сенат, торжище — единыя вам божницы оставили. Аще бы мы толикое множество людей отторгнули от вас в далекую мира сторону, посрамил бы государствование ваше толь многих каковых либо жителей убыток, но и самим лишением показнил бы вас. Ужаснулися бысте воистинну на пустыню вашу, на глухоту и нечувствие, аки умершаго града, искали бысте киими владети». До зде Тертуллиан. И по сем сказует, яко закон христианский бунтоватися им запрещает и в таковом смирении содержит. Аще убо тако есть, аще и строптивым владыкам и неверным должни суть христиане повиноватися, то колико должни суть все тое правоверным и правосудным государем! Оные бо суть господия, сии же и отцы. И что глаголю! Сей, и вси, и всякие самодержцы отцы суть. В которой бо иной заповеди даси место сему долженству нашему, еже почитати от души и за совесть власти, аще не в сей: «чти отца твоего»! Тако вси богомудрии учителие твердят, тако сам законодавец Моисей толкует. И что больше? Власть есть самое первейшее и высочайшее отечество, на них бо висит не одного некоего человека, не дому одного, но всего великаго народа житие, целость, безпечалие.

И уже время бы окончити. Но остается едино сумнительство, которое аки терн в совести может быти; тое исторгнем вкратце и окончаем слово.

Помыслит бы кто (и многия мыслят), что не вси весьма людие сим долженством обязаны суть, но некии выключаются, имянно же священство и монашество. Се терн, или паче рещи жало, но жало се змиино есть, папежский се дух, но не вем, как то досягающий и касающийся нас: священство бо иное дело, иный чин есть в народе, а не иное государство.

А яко же иное дело воинству, иное гражданству, иное врачам, иное художникам различным, обаче вси с делами своими верховной власти подлежат; тако и пастырие, и учителие, и просто вси духовнии имеют собственное свое дело, еже быти служители божиими и строители тайн его, обаче и повелению властей державных покоренны суть, да в деле звания своего пребывают, и наказанию, — аще не пребывают, кольми паче аще общаго себе с протчиим народом долженства не творят. Может быти, подумает кто, что се уже чрез излишество говорим; но молю, послушай первее терпеливно, аще имамы на сие доводы сильные, и потом суди как хощеши.

Еще прежде закона писаннаго, устроевая бог Моисея вождом быти Израилю,[у] егда посылает его к фараону и придает в помощ Аарона, на священство намереннаго, заповедует Моисею, да будет в бога Аарону.

Аще же посмотрим на церковь ветхозаконную, нет места сумнению;[ф] известно бо, что там все священство и левиты царем израильтеским во всем подчинены были. Дадим некия образцы того.[х] Разделяет Давид священники на двадесяте четыре чреды, определяет всякому их чину дело служения. Тойжде, посылая священника Садока и пророка с ним Нафана помазати на царство сына своего,[ц] нарицает себе господином их. То Давид. Что же Соломон? Авиавфтара первосвященника, пособствовавшаго брату его Адонии похитить престол царский мимо воли отчия,[ч] низлагает со священства и осуждает на смерть, а за прежнюю его службу ко отцу своему дарует животом. И множайшыя таковыя суть приклады. Сам Христос велит даяти кесарева кесареви, се же велит архиереом, и книжникам, и старцем, яко же докладно пишет о том Марко[ш] святый и Лука.[щ] Аще же тако в Ветхом, почто и не в Новом завете! Закон бо сей о властех не обрядовый есть, но нравоучительный, в самом десятословии корень имущий, и того ради не пременный, но вечный, с пребыванием мира сего пребывающий.

[у] *На полях* Исход, 4 [ф] *На полях* 1 Парап., 23 [х] *На полях* Там же [ц] *На полях* 3 Цар., 1 [ч] *На полях* 3 Цар., 2 [ш] *На полях* Марк, 12 [щ] *На полях* Лука, 20

Обаче и особь вопросим Новаго завета. И зде яснее еще видим истинну.[э] Кроме бо того, что сам господь даде властем дань от себе,[ю] и что Павел на суд кесарев позывает, и что Петр послание свое первое, в нем же почитати царя учит, пишет не точию к мирским, но и ко священству, яко же яве есть от главы пятой.

Кроме сих и сим подобных, непобедимое слово Павлово есть: «Всяка душа властем предержащым да повинуется».[я] Чесо бо ради глаголет «всякая душа»? Разве да всех подвержет властем, без выбору, без выключения. И трудно ли было бы придати «всякая душа, кроме пресвитеров или пастырей»? Егда же кругом объемлет — «всякая душа», како может изъимать оттуда священство! Разве яко тако мудрствует страсть наша. Но что моими словесы подвизаюся? Слышим вселенскаго учителя Златоустаго: «Показуя, — рече, — яко всем сия заповедует, и священником, и иноком, а не токмо житейским; от начала то явленно сотворил есть, сице глаголя: всяка душа властем предержащым да повинуется, аще и апостол еси, аще и благовестник, аще и пророк, аще и кто либо».[а] Чесо ж больше хощем? Сие токмо внушити подобает, что и Павел так прилежно поборствует по властех,[б] а сам извещение имел, яко страдати ему подобает, и Златоустый так докладно слово Павлово толкует, что рекл бы еси его нанятаго на сие; каковый же был человекоугодник, довольно на себе показал.

Подобало бы еще привести на сие свидетельство: и уставы соборов, учителей и царей христианских. И оных бо слово на слове божием основано есть. Но за краткость, аки мимоходя, точию коснемся некиим. Соборы вселенския повелением царей собиралися;[в] на тех же соборах правительствовали судии, от царей поданныи: они смотрили, да бы чинно дело шло, они мятеж и шум епископов укрощевали, яко же случилося в Халкидоне,[г] их просили епископы повеления, аще послание прочесть, аще что на словах донести кто хотел, — что деяния соборная ясно показуют. И аще не тако есть, самым лутчим лживцом мене назови. Во время собору Никейского перваго епископы на епископов челобитные подавали Константину, и хотя Константин не изволил клеветы оныя разыскивать и епископские челобитные сжегл, однак зделал то, негодуя о междоусобии священства, яко о деле чину тому не приличном, а не аки бы не имел власти судити их. Тойжде монарх и на томжде соборе указал епископом, да бы не иными доводами, точию от священных писаний искали истинну. На пятом соборе царя Иустиниана пове-

---

[э] *На полях* Марк, 17 [ю] *На полях* Деян., 25 [я] *На полях* Рим., 13 (1) [а] *На полях* Злат., глава 13 к рим. [б] *На полях* Деян., 9 и 23 [в] *В издании* собралися [г] *На полях* Собора Халкидонскаго деяние 1

ление было, да бы председатель был Мина патриарх константинопольский. Тойжде царь Вигилия папу римскаго за упрямство и молвотворство жестоко наказал, яко же пишет Никифор, в книге 26, в главе 17; не праведных бо дел не приводим. На шестом соборе сам председателен был Константин Погонат.

Что ж речем о законах царских, где[д] епископом, и пресвитером, и всему клиру церковному подаются различные уставы, повеления и за вину наказания! Много того видим в составе законов древних, повелением Иустиниана собранных, которая книга кодекс именуется; много во афентиках самого Иустиниана, много в новеллях последнейших царей.

Но аще бы подробну все то исчисляти, книга была бы, а не слово обычное. Любителем истинны и сия довлеют; твердым бо и жестоковыйным ничтоже довольно быти может.

Егда убо толь многия, аще и не вся, и толь сильныя изветы и доводы видим о не вредимом и не удобь прикасаемом державных властей величествии, яко аще бы вси слушали совести своей, то лутче бы царие щитом сея истинны безопасны и безпечальны пребывали, нежели окружающею их силою воинскою, — то кто уже не поплюет легкодушнаго о властех мнения! Кто не вознегодует о гордом презорстве, не больше оценяющем славныя державы, паче превозмогающей исполинской силы!

Засвидетельствова нам естество, засвидетельствова неложное слово божие, яко власть высокая от бога есть; научиша довольно писания, коликое повиновение властем, не токмо добрым, но и строптивым, не токмо за гнев, но и за совесть, должни вси; показа ясно и божие, купно и человеческое свидетельство, яко без выбору всякая душа сему долженству подлежит. Где ж уже ныне древнии оные свободолюбцы, продерзателие, славы хулити не трепещущии? Где глава безглавная римская, скипетро и мечь царский свое быти орудие мечтающая? Где святцы смиреннолукавии, толикое сие дело божие, в крепость миру поданное, в мерзость вменяющии? Увы окаянства! Увы злоключения времен наших! Да какое негодование равное возъимем зде? Киими слезами не плачемся? Киим сердцем довольно возревнуем? Коль противное дело толь твердой истинне показали нам нынешняя времена! Державной власти, царю богоданному не честь умалити (еже и самое к вечному осуждению довольно), но и скипетра и жития позавидети схотелося! Но кому похоть сия? Не довлели мски и львы; туды и пръзи, туды и гадкая гусеница.

До того пришло, что уже самыи бездельнии в дело! Да в дело и мерзское и дерзское! Уже и дрождие народа, души деше-

---

[д] *В издании* зде

выя, человеки, не к чему иному, точию к поядению чуждих трудов родившиися, и те на государя своего, и те на христа господня! Да вам, когда хлеб ясте, подобало бы удивлятися и глаголати; откуду ми сие? Возобновилася нам воистинну историа о Давиде, на его же и слепии и хромии бунт поднесли.[е] Помыслят: да что ж он блюзнерит! Не на худость, но на совесть смотрел бы! Хорошая совесть! И зерцало представим ей.

Два человека вошли в церковь, не помолитися, но красти. Один был в честном платье, а другий в рубище и лаптях. А договор был у них не во общую корысть збирать, но что кто захватит, то его. Лапотник искуснейший был и тотчас в олтарь да на престол и, обираючи, заграбил что было там. Взяла зависть другаго. И аки бы с ревности: «Ни ли ты, — рече, — боишшися бога, в лаптях на престол святый дерзнул». А он ему: «Не кричи, брат, бог не зрит на платье, на совесть зрит». Се совести вашей зерцало, о безгрешники! Полагати совесть на языце и тогда совестию хвалитися, когда плакати и стеняти подобает. Да еще треба и сны видети людем на беду! Себе прочее спите, волхвы! Ей, нечувствен! Кто не обоняет в вас духа афеистского.

Но к вам да обратится слово, честнии, благородныи, чином и делом славнии и таковии, их же мочно общенародным имянем позывати: о Россие! Сумнюся я, да не худость проповедника много убавит важность слову, и исповедую недостойна мене быти таковых слышателей. Но молю вас, егда слышите Евангелие, от каковаго либо человека чтомое, не веруйте ли? Тако и зде: не на лице глаголющаго, но на слово божие зриге и не со мною, но кийждо с своим разумом сочините разговор.

Аще тако о высокой державе от бога нам заповедуется, то каковыя вины извинят нас, аще кто державе не повинитися[ж] дерзнет! И аще противится богу самому противляяйся властем строптивым и бога не знающым, то кое воздадим слово, не просто противляющеся, но и большее дерзающе на монарха благоверного и толико Россию пользовавшаго, яко от начала государства Всероссийского, еликия могут обрестися истории, сему равного не покажут. Ибо понеже на двоих сих вся государская должность висит, на гражданском, глаголю, и воинском деле. Кто у нас когда обоя сия так добре совершил, яко же сей? Во всем обновил, или паче отродил, Россию? Что ж, сие от нас награждение будет ему? Да его же промыслом и собственными труды славу и безпечалие все получили, той сам имя хульное и житие многобедное имеет? Кая се срамота! Кий студный по-

---

[е] *На полях* 2 Цар., 5

[ж] *В издании* поведитися

рок! Страшен сый неприятелем, боятися подданных понуждается! Славен у чуждих, безчестен у своих! И когда многими попечении и подвиги сам себе безвременную старость привлекает, когда за целость отечества, вознерадев о своем здравии, аки скороходным бегом сам спешит к смерти, тогда некиим возмнился долго жити! Аще бы не закон божий обуздовал нас, самый таковаго неблагодарствия студ силен был бы обуздати! Так сего единаго на себе поречения вси народи не терпят, еже государю своему неверным явитися, ибо вопреки: в великую все себе вменяют славу, еже и умрети за государя! Ты ли едина, о Россие, от всех народов в сем останешися? Прежних лет иноземныи писателие, аще и во многих неисправлениях народ наш поносили, обаче в верности к государю своему так славят, что его во образ прочиим представляют. Егда же все прежнее поношение толикою славою истребил уже Петр, тогда прежняя верности слава увядати начнет! Щастие ли таковое России, еже бы не имети полной славы? Удивляются сему самии лютейшии враги наши, и хотя и приятны им сии о нас вести (угождают бо зависти их), однако же таковое неистовство обругают и поплюют. И смотрим, да бы не выросла в мире притча сия о нас: достоин государь толикаго государства, да не достоин народ таковаго государя.

Но не награждается единым студом грех сей, влечет за собою тучу, и бурю, и облак страшный безчисленных бед. Не легко со престола сходят царие, когда не по воле сходят. Тотчас шум и трус в государстве: больших кровавое междоусобие, меньших добросоветных вопль, плачь, бедствие, а злонравных человек, аки зверей лютых, от уз разрешенных, вольное всюду нападение, грабительство, убийство. Где и когда нуждею перенеслося скипетро без многой крови, и лишения лутчих людей, и разорения домов великих? И яко же, подрывающе основание, трудно удержати в целости храмину, тако и зде бывает: опровергаемым властем верховным, колеблется к падению все общество. И сия болезнь в государствах мало когда не бывает к смерти их, яко же можно видети от всемирных историй. Но коих мы требуем историй? Не сама ли Россия довольная себе свидетельница? Мню бо, яко не тако скоро забудет, что претерпе по злодействии Годуновом и как не далеко была от крайняго своего разрушения. О, аще бы (паки глаголю) и не ведом нам был закон божий, не довольно ли было бы к научению сие едино искуснейшее следующих видение? Но то зло неудобь врачуемое, яко беснующиися человецы ниже взирают на бывшая, ниже будущая разсуждают, но, некиим лестным мечтанием услаждающеся, слепо устремляются к погибели своей.

Того ради тое на конец представляем всякому, еже во всяких делах и начинаниях наших и первее, и послежде, и непрестанно помышляти долженствуем и учению нынешнему аки свойственная печать потребна есть: се же есть неумытный и неизбежный суд божий. Не льстимся, о православнии! Предложенное зде о державных властей почести учение истинное есть; ибо и писание священное истинное есть самого бога слово, внутренними своими изветами, и сильнодействительною силою, и великих пророчеств сбытием свидетельствуемое.

Не сумнимся убо, яко и грядет суд божий на противляющихся слову его. Да когда сие будет? Не стужи, приидет господь и не закоснит. Не глаголи: медлит господь. Се бо судия при дверех стоит; смотри точию, кое слово воздаси ему о сем. Аще бо укоряющих юродством братию судит повинных геенны огненной, то кий суд издаст на нерадящих о господстве и славы хулити не трепещущих. Аще не сотворших милости единому от малых, аки себе самому не сотворших осуждает, то како осудит наветующих на наместника своего, имени божия участника, христа господня? О, крайняго нечувствия, аще сие кого не устрашает! Зде бо не точию противляющиися властем, но и повинующыяся за гнев, а не за совесть, трепетати понуждаются.

Избегнут бо таковии меча царского, понеже за гнев повинушася, обаче не избегнут суда божия, понеже не повинушася за совесть. Где ж вы будете, которые, и гнев царский и совесть вашу презревше, на скипетро и на здравие властей дерзаете? Есть ли вам ужас или ни? Нам всем ужас есть, да бы за сие не ускорил гнев божий и временным своим отмщением на отечество наше.

Но лучшая, лучшая промышляй о нас, боже наш! Предвари нас милосердием своим! К многому неблагодарствию и сие приложихом, яко многих благодеяний твоих, в Петре нам показанных, не познахом; исповедуем убо недостойных себе быти, его же неблагодарнии явихомся. Обаче не в едином мире грех наш и милость твоя! Не сотвори с нами по беззакониям нашым, ниже по грехом нашым воздаждь нам. Господи, спаси христа твоего и услыши его с небесе, святаго твоего! Господи, спаси царя и услыши ны! Возвесели его о спасении твоем! Предвари его благословением благостынным! Да обрящется рука твоя всем врагом его, да обрящет десница твоя вся ненавидящыя его; вознесися, господи, силою твоею, воспоем и поем силы твоя. Аминь.

СЛОВО

В ДЕНЬ СВЯТАГО БЛАГОВЕРНАГО КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА НЕВСКАГО, ПРОПОВЕДАННОЕ ФЕОФАНОМ, ЕПИСКОПОМ ПСКОВСКИМ, В МОНАСТЫРЕ АЛЕКСАНДРОНЕВСКОМ ПРИ САНКТ-ПИТЕРБУРХЕ 1718 ГОДУ

Учителю благий, что сотворив, живот вечный наслежду?

Лук., гл. 10. зач. 25

Се тот есть, о христолюбивии слышателие, вопрос, от ветхаго законника предложенный Христу, который и ныне мнози предлагати обыкоша: как мне спастися? И ежели вопрос сей по самому истинному сердечному желанию предлагается, а не так, как вопрошает законник господа, искушая его, воистинну не может сего быти нужднейшее слово во всем житии человеческом. Аще бо потребныя и нуждныя вопросы суть, како от бед избавитися, како от тяжкия болезни уврачеванну быти, како взыскати премудрости, обрести богатство, получити победу и славу, и сим подобная, — то кольми паче нуждный вопрос есть: како живот вечный наследити? Разве не веровал бы кто, яко инаго живота и того безсмертнаго и вечнаго ожидаем, той бы токмо не исповедал, яко все сие временное что либо есть, того ради самаго, яко временное есть и конец свой имеет, есть против вечности соние, мечта и привидение. Добре сие разсуждал Петр святый, егда многим от Христа отходящым и вопрошающу учеников своих господу, еда и они хотят отъити от него, отвещал сим словом: «Господи, к кому идем? Глаголы живота вечнаго имаши».[a]

Мы убо, христиане, егда взыскуем и вопрошаем, како спастися, уподобимся Петру святому, не отходим сердцем и умом от Христа, глаголы живота вечнаго имущаго; ибо аще слышим, аще сами чтем слово божие, весьма веровати долженствуем, яко сам то глаголет к нам Христос. Что бо смотрети, чиим языком вещается или чиим пером пишется. Токмо аще божие слово пишемо есть или вещаемо. А я, убогий служитель Христов, на вопрос сей спасенный: что сотворив, живот вечный наслежду? — предложу любви вашей часть ответа господня, законнику нынешнему поданнаго.

Часть, глаголю, ответа. Ибо ответ господень сугубое дело содержит, яко же от евангельской повести слышахом: «Возлюбиши господа бога твоего и ближняго твоего». О любви самаго бога оставим ныне, точию о любви ближняго разсудим. И се о таковой любви, которая всякаго в своем звании одолжает.

---

[a] *На полях* Иоанн. глава 6, зач. 68

Аще бо и все, еже на пользу ближняго видим угодное, должни есмы хранити, но наипаче то, еже всякому по его чину, яко дело, от бога врученное, належит.

О сем ныне слово нам будет, ибо о сем наипаче ведати хотят вопрошающии: как спастися? Мню бо, яко не усумневаются, что без веры невозможно угодити богу, и яко в самом отрождении нашем сотворихомся наследницы богу и сонаследницы Христу. Точию сумнение есть, что должни мы творити, усыновленни суще богу неизреченною его милостию, и да воздамы господеви, возлюбившему нас, благодарение и да не отпадем даннаго нам наследия.

Аще же и мнится мне, яко не сего слова слышати в день нынешний надеяшеся зде собравшееся о имени господни христолюбивое сословие, но паче желали бы слышати достодолжную похвалу святаго благовернаго князя Александра Невскаго, котораго ныне достохвальная празднуется память. Обаче не усумневаюся, яко святии угодницы божии, безпечальнаго онаго уже доплывши брега, аки обратившеся, посматривают на море житейское и нас, братию свою, волнящыхся еще и бедствующих видят, не так своих себе от нас похвал хотят, суще от самаго славы господа прославленни, — яко тогожде нам блаженства желают, которое они получили, сиесть наследования живота вечнаго. Сообразующеся бо совершенно уже воли божией, того нам хотят, чего хощет общий их и наш господь. И понеже суть они плоть от плоти нашея и кость от кости нашея, яко единаго и тогожде с нами тела Христова уди, желают воистинну, да не отторгнемся от них, да вечно с ними совокупимся, да достигнем тамо, аможе они достигоша, идеже предтеча наш взыйде Христос. Но и наше исправление, к сожитию их ведущее, вменяют себе в самое лучшее прославление свое, о чем многократно воспоминаше в своих праздничных проповедех Златоустый святый, научая, яко всуе хвалит святых той, иже не подражает святыни их, якоже и апостол учит: «На кончину, — рече, — взирающе их, подражайте вере их». Того ради и святому ныне празднуемому Александру довольную от нас, а ему благоприятную похвалу сочиним, аще предложенное учение разсудити потщимся и самаго его добродетели в утверждение слова на конец представим.

Всему же разсуждению сему, якоже основание буди сие ведение: яко к получению спасения не запинает человеку ниже различие пола, яко се муж, а то жена есть; ниже различие отечества, яко се еллин, а то иудей; ниже неравенство фортуны, яко се раб, а то свободь или и господин; ниже разнствие[6] возраста, яко се млад, а то стар есть, и прочая. Явственно

[6] *В издании* неразнствие

о всех тех разнствиях глаголет писание: «Елицы во Христа крестистеся, во Христа облекостеся. Несть иудей, ни еллин; несть раб, ни свободь; несть мужеский пол, ни женский: вси бо вы едино есте о Христе Иисусе».[в] Зде разнствие фортуны: несть раб, ни свободь; рода: несть иудей, ни еллин; пола: несть мужеский пол, и прочая — не ставится в препятие спасения. А о возрасте тож являет Иоанн Богослов, егда и старым и младым пишет: «Пишу, — рече, — вам, отцы!»[г] и прочая. Сумнение бяше у коринфян о брачном и безженном житии, и о том апостол, подая наставление, аще и угоднейшее, яко менших печалей, житие безбрачное нарицает, обаче то с разсмотрением разнаго дарования, якоже и Христос («не вси, — рече, — вмещают»), обаче и сие различие брачных и безбрачных не ставит во вред ко спасению. И егда в триста лет по том Евстафий, севастийский епископ, ересь лицемерную вводя, начал учити, яко неприятно есть богу житие брачное, обличи таковое, яко лживое учение, и анафеме предаде, яко богопротивное, премудрый собор святых отец в Гангрех. Но довольно к сему едино слово апостольское: «Кийждо в звании, в немже призван бысть, в том да пребывает»,[д] — что и не единожды повторяет.

Сие же, тако уведавше, видим, как суетное (да не жесточае что речем), как суетное и непотребное многих есть роптание. Глаголют бо или думают: чтож? Я не монах, человек многосуетный; а к монахом глаголют: вы едини блаженни, вам единым спастися. И от таковаго, чаю, мнения родилося оное к монахом приветствие: спасай душу. Будто брачный и безбрачный чин разделились между собою, чтоб сему спастися, а другому бы зде точию нажится. Худое воистинну (аще тако есть) и безбожное мнение!

Сие же, яко основание подложивше, уже видим, яко предложенное слово наше истинное есть: да всяк, хотяй ити путем спасения, прилежно хранит, что творити имать по званию своему, сиесть: что царь, что подчиненный ему судия и правитель, что воин, что купец, что брачный и что безженный творити и чего не творити долженствует.

Аще бо всем спасение предложено, не смотря на различие чинов, то что иное остается, разве да всяк по званию своему ходит? И се едино довлеет, и больше доводов не требе. Не отмещет бог, но и паче похваляет различие чинов, то не иного чего требует, точию да пребываем кийждо в дело чина своего и противнаго званию нашему да не творим. Яко же и апостол,

---

[в] *На полях* Галатом, 3, зач., 27—28 [г] *На полях* 1 Иоанна, 2
[д] *На полях* 1 Коринф., глава 7, стих 20

разсуждая чин свой апостольский. «Тако, — рече, — да иепщует нас человек, яко служители божии и строители тайн его»; абие прилагает сие: «Прочее, да верен кто обрящется». Се едино разсуждение не вем кому недовольно есть.

Обаче понеже обретаются тако упрямии и жестокосердии, яко и самой паче полудне светлой истины видети не хотят и, тщащеся противо рожна прати, а не имуще ответа разумнаго, безразумным сим словцем отговаривают: «да однакож», — на таковых уст заграждение представляем и своего и их естественнаго разума, и писания священнаго силу.

Вопросим естественнаго разума. Ты, кто либо еси, имееш невольныя рабы или и вольныя служители, скажи же, молю тебе, когда служащему тебе велиш: подай пить, а он шапку принесет, угодно ли? Знаю, что скажеш: и вельми досадно. Чтож, когда велиш ему на село ехать осмотреть работников, а он ниже мыслит о том, но, стоя пред тобою, кланяется тебе и хвалит тебе многими и долгими словами — сие уже и за нестерпимую укоризну тебе почитать будеш. Еще вопрошаю: пошлеш ты его коня седлать, а он, тое оставя, пойдет в жерновах молоть, — не досадно ли? Не достоин ли жестокаго наказания? Извинится ли тем, что труднейшее дело делал, аще бы и целыя сутки молол? Да для чего ты не далал повеленнаго? — кричать будеш. И таковый крик и наказание преслушнику воистинну праведное есть, и разве скот, а не человек будет, который бы к сему не приговорил.

Помысли же от сего и о бозе. Вемы, яко все наше поведение его премудрым смотрением определяется: кому служить, кому господьствовать, кому воевать, кому священствовать и прочая. Егда убо на каковый чина степень восходиш или и в рабском гноищи обретаешися, божие то определение есть, и бог сие или оное дело тебе вручает. Что же, егда не повинешися воли его и ино что делати начнеш, а не то, что тебе вручил бог? То ли путь богоугодный? Разве помыслим, яко человек точию гневается, когда слуга его не по его воли делает, а бог любит, аще противное воли его творим? Омрачение бы то было, а не разум, иже бы так мыслил.

А от сего является, коликое неистовство тех, котории мнятся угождати богу, когда оставя дело свое, иное, чего не должни, делают. Судия, на пример, когда суда его ждут обидимии, он в церкви на пении. Да, доброе дело. Но аще само собою и доброе, обаче понеже не во время и с презрением воли божия, како доброе, како богоугодное быти может? Ищут суда обидимии братия и не обретают; влечется дело, а оным бедным самое продолжение прибавляет обиды: странствуют, тоскуют, иждивают много, далече от дому, и там не строятся, и зде разо-

раются. А для чего? Судия богомольствует. О, аще кая ина есть, яко сия молитва в грех! Сие же разсуждение не для судий единых, но на пример токмо; тожде бо и о прочиих малых, и великих, и малейших чинах годствует.

Но посмотрим, аще тако, яко же разум естественный, и священное писание, самаго бога слово, научает нас.

А зде двоя сия ведати подобает. Первое: яко бог не благоволит от нас приимати службы, яковую бы мы выдумали и нам бы показалася добрая, но велит испытовати, что воли его величества приятно есть. Тако бо усты апостола своего глаголет дух святый: «Не сообразуйтеся веку сему, но преобразуйтеся обновлением ума вашего, во еже искушати вам, что есть воля божия, благая, угодная и совершенная».[е] Идеже непросто глаголет, яко испытовати долженствуем, что есть угодно богови; но и не испытуя творити нарицает сообразование века сего. Второе: яко всякий чин, правильно приемлемый, от самаго бога подается. Много о том в писании: «Бог судиа есть: сего смиряет и сего возносит».[ж] Ныне же довлеет сие апостольское слово: «Несть власть аще не от бога».[з] От сих двоих ведений ясно знати может всяк про себе, кое ему належит дело. Аще бо испытовати долженствуем, что есть воля божия, яко же являет первое ведение, то не то должное нам и богу угодное дело, которое нам мнится быти таковое. Аще же всякий чин от бога есть, якоже ведение второе показует, то самое нам нужднейшее и богу приятное дело, его же чин требует, мой — мне, твой — тебе, и тако о прочиих. Царь ли еси, царствуй убо, наблюдая да в народе будет безпечалие, а во властех правосудие и како от неприятелей цело сохранити отечество. Сенатор ли еси, весь в том пребывай, како полезныя советы и суд не мздоприимный, не на лица зрящий, прямый же и правильный, произносити. Воин ли еси, не обязуйся куплями, не обиди своих, во всех воинских уставах обучайся. Пастырь ли духовный еси, смотри, чесого требует от тебе пастырей начальник Христос: испражняй суеверие, отметай бабия басни, корми словом божиим овцы врученныя и оберегай от волков, кожами овчими одеянных. И тако подобне да смотрят родители, что они чадом своим, чада — что родителем, мужие — что женам, жены — что мужем своим должни суть. Тако и господие о управлении и награждении рабов и рабы о угождении господий пещися долженствуют. И просто рещи, всяк разсуждай, чесого звание твое требует от тебе, и делом исполняй требование его.

[е] *На полях* К рим., 12, зач. 2 [ж] *На полях* Псалом 74, 8
[з] *На полях* Рим., 13 зач. 1.

И то дело спасенное, то дело богоугодное и всякому по чину звания своего первейшее, главнейшее и нужднейшее. И зри о сем силу писания, где кого хвалит или хулит: хвалит наипаче за дело звания его исполненное, хулит же за дело не исполненное. Хвалит Моисея апостол, яко верен бе во всем дому божии. Похваляемь есть Давид, яко лучше мужествовав паче Саула, убил тьмы неприятельския. Хвалими суть богатыри Давидовы, яко государю своему мужественно споспешествовали в бранех. Дается похвала Иоасафату царю за соделанныя крепости, и оружейныя грады, и добре исправленное воинство. И како сия исчисляти возможем подробну? Прочти, кто хощеш, седмь глав Иисуса Сирахова от четыредесят четвертой до конца пятдесятой, узриши [и] тамо многая лица и разных чинов похваляемая, а всем оным похвалы соплетаются от дел звания их.

А вопреки: не пребывших в своем звании охуждает писание. Зри псалом осмьдесят первый, како обличаеми суть неправии в деле своем судии. Зри пророка Малахии вторую главу, како ругаеми суть священницы, в наставлении народа нерадивии. Зри первыя Книги царств, главу вторую, кое прещение слышит Илий священник, понеже не наказал и от злодеяния не востягнул сынов своих, и родительское на себе долженство пренебрег. Что же учитель языков Павел святый? Как плачевно порекает на лжеучителей, за попечением земных корыстей дело свое пренебрегающых, в послании к филипписием, глава 3! Как жестоко наступает на других обманщиков, в лености своей чуждыя труды туне поядающих, в послании втором к солуняном, глава 3! Как прилежно претит на разных местах и епископам, и диаконам, и вдовицам, и господиам, и рабом, и родителем, и чадом, и прочиим чинам, дабы всяк знал звания своего должность и в деле бы своем не оставался. Тожде ясно видим и в некиих христовых притчах: о худом домостроителе, о злых винограда делателех, о лукавом рабе, сокрывшем талант господина своего.

И мощно ли вся собрать во единое краткое слово, о чем везде много в Ветхаго и Новаго завета книгах!

Посмотрим токмо еще, яко на живый сего учения образ, на приснопамятнаго (его же ныне празднуем) государя российскаго святаго Александра. Жаль вельми, яко времена оная, малоискусная в деле книжном и неприлежная ко историам, не оставиша нам пространной о нем повести, а имели бы мы, надеюся, много полезнаго учения. Но обаче и от краткого воспоминания, аки от оставленнаго мелкаго следа, можем познати, коликий сей муж был, како не всуе нарицался великий

[и] *В издании* узрити

князь российский, како разсуждал должность звания своего и не титлу токмо государственную, но и тяжесть государственных дел со усердием носити тщался. Довольно о сем засвидетельствуют лютая оная времена, в ня же он корму держал отечества своего. Внутрьуду немощна, от внеуду бедна бяше Россия, весьма отчаянному кораблю подобна: от единыя страны насильствие татарское, от другой нападение свейское, яко ветры жестокии, а внутрь отечества от мимошедших междоусобий и несогласий повреждение силы, аки великая скважня. Мощно же знати, о слышателие, яко не спал кормчий сей, егда в таком волнении корабль цел сохранил. В мирное время народ великий управити ума великаго требе есть, а в таковом бедствии невредно отечество сохранити требе есть и труда великаго, мудрых советов, многоочитых промыслов, неусыпных попечений, неистомленных подвигов. Виктория оная преславная, которую он на сих местах над свейским королем получил, не то ли гласит и доселе нам проповедует? И аще победы сея история — краткая вельми и необстоятельная, и имя паче, нежели история, яко от века онаго невелеречиваго до нас пришла, обаче мощно по сему знать дела того величество, яко победитель Александр от реки сея, при которой победил, новое себе приобрел прозвание, Александр Невский нареченный. Думал бы кто, яко он при Неве родился, понеже от места рождения обычно происходят прозвания, — но он при Неве, вознерадив о житии своем и на кровавую смерть за целость государства своего устроив себе, благословенным же оружием умертвив смертоноснаго супостата, отродил Россию и сия ея члены, Ингрию, глаголю, и Карелию, уже тогда отсещися имевшия, удержал и утвердил в теле отечества своего и, прозван быв Александр Невский, свидетельствует и доселе, яко Нева есть российская. Но и се известно, яко победители, иже от мест победительных или народов побежденных заимствовали себе прозвания (якоже бе обычай у древних римлян) не за некое легкое с неприятелем сражение, но за многоподвижный бой и за полную и великую викторию, таковая прозвания куповали себе, — то и наш Александр не могл бы прозван быти Невский, разве за таковую при Неве победу, которая яко неприятелю совершенное бедство, тако России совершенное безпечалие подала. Того ради и самое прозвание Александра Невскаго довольно являет, каковыя он труды и подвиги поднял, и последовательне, коль тщателен был, како бы в долженстве звания своего не оскудети и не постыдитися пред господом, егда вопросит его о слове великаго сего домостроительства, врученнаго ему.

А от толиких его военных действий кто не познает, како он обходился и в гражданском народа своего управлении?

Подвизался он с крайним бедствием на неприятелей, — то како бы обленился со властию наступать на внутренних врагов, воров, хищников, клеветников, убийцев, кривосудцев и иных злодеев? Готов был за люди своя положити душу свою, — то како был бы тяжек о общем добре попечение приложити? Умрети хотел, отечество свое заступая, — то како бы той не хотел трудитися управляя? Воистинну может всяк по званию своему ходящий государь, и могл Александр наш неложно о себе с Давидом воспевати: «Милость и суд воспою тебе, господи» и прочая словеса псалма того, в котором государских должностей аки зерцало представляется.

И се уже, слышателие, имеем довольный ответ ко всегдашнему многих у нас вопросу: как спастися? Уведали мы и от разума естественнаго, и от священнаго писания, и от дел ныне празднуемаго угодника божия, что творити имамы, аще хощем путем спасения шествовати и наследия живота вечнаго не лишитися. Се же то есть (аще все сокращенно речем), да, основани суще на камени веры, сверх общих всему христианству добродетелей верно и тщательно творим всяк своего звания дело, яко дело, от бога нам врученное. Яко же и креститель Иоанн, егда кающымся людем заповедывал творити плоды, достойны покаяния, и вопрошаху его мнози о плодах оных, имянно: обще всему народу, общую любве ко ближнему заповедь предложил, а мытарем свое собственное и собственное свое воином долженство представил и сказал бы воистинну и прочиим, что должни они, аще бы и от прочиих вопрошен был.

О сем убо довольно известившеся, о христиане, не имамы прочее усумневатися, как нам спастися. Видиши всяк пути твоя, тецы. Веси всяк подвиги твоя, подвизайся.

Тако и богу верный раб явишися, данный тебе талант делая трудолюбне. Тако и закон любве к ближнему исполниши, ибо тогда наипаче и новое стяжавается, и готовое сохраняется добро общее, егда вси званию своему довлетворят. О, аще бы вси тако мудрствовали и по мудрствованию сему делали, коль благополучное было бы отечество! Не были бы нестроения, свары, зависти, суды неправыя: вся бо сия от того происходят, яко не ведаем, или ведати не хощем, или, и ведая, не тщимся творити всяк своея должности.

И каковое неистовство в сердца многих вселилося! Аки бы другий желает как спастися, а что по званию своему должен, о том ниже помышляя, но и многажды еще званию своему противное творя, ищет пути спасеннаго у сынов погибельных и вопрошает: как спастися? У лицемеров, мнимых святцев и разве для того безгрешных, яко о грехах своих не помышляют.

Что же они? Видения сказуют, аки бы шпионами к богу ходили, притворныя повести, то есть бабия басни, бают, заповеди бездельныя, хранения суеверная кладут и так безстудно лгут, яко стыдно бы воистинну и просто человеком, не точию честным нарещися тому, кто бы так безумным росказщикам верил. Но обаче мнози веруют. Увы окаянства! О слепии спасения искатели, которых такое буесловие услаждает! Сей ли путь спасения? Яко помрачен забобонами не знаеш, что ты должен еси богу, государю, отечеству, всякому собственно ближнему, словом рещи: что должен званию твоему? А не ведати сего и не творити — не есть ити спасенным путем; ибо не есть то ходити по воли божией, но паче воли божией противитися. Речет кто: чтож, когда я не ведаю моих долженств? Студное невежество! Лучше бы тебе не ведати имени твоего, нежели дела твоего! Лучше бы забыть тебе, как тебе зовут, нежели, что от тебе требует чин твой — слуга ли еси или господин, воин, или судия, или пастырь духовный и прочая. Да не льстимся, о христиане! Приидет час той, когда общий наш господь, страшный и неумытный судия, вопросит нас не о роде, не о имени, но о деле и о данных всякому талантех стязатися начнет. Предпомысли убо всяк себе, каковый тогда глас к тебе будет его? Сей ли? «Благий рабе и верный, в мале был еси верен, над многими тя поставлю: вниди в радость господа твоего». Или сей другий? «Неключимаго раба вверзите во тьму кромешную: ту будет плач и скрежет зубом». Да не сей убо лютый и жестокий, но да первый оный вожделенный услышим глас, предложенное ныне учение затвердим крепко в памяти нашей, держим пред очима во всяком начинании, храним прилежно во всяком деле. Сие учение по силе своей крепкое, божие бо есть, по разуму всем внятное, по действу всем спасительное. И не сумнимся заключити оное сим Павла апостола словом: «Елицы сим правилом жительствуют, мир на них и милость, и на Израили божии».[к]

А егда тако о должностех наших поучаемся и ставим в образ того святаго Александра Невскаго, видим другий образ, живое зерцало тебе, Александров не токмо в державе, но и в деле наследниче, богом данный монархо наш. Кто тако, якоже ты изучил и делом показал еси артикул сей, еже ходити по долженству своего звания? Мнози царие тако царствуют, яко простой народ дознатися не может, что есть дело царское. Ты един показал еси дело сего превысокаго сана быти собрание всех трудов и попечений, разве что и преизлишше твоего звания, являеши нам в царе и простаго воина, и многодельнаго май-

[к] *На полях* Галат., 6, зач. 16

стера, и многоименитаго делателя. И где бы довлело повелевати подданным должная, ты повеление твое собственными труды твоими и предваряеш и утверждаеш.

И благословил довольно вышний царь толикое тщание твое толь многими на войне и в дому успеянии, которых слава наполняет подсолнечную. Се, идеже Александр святый посея малое семя, тебе превеликая угобзися нива. Где он трудился, да бы не безвестна была граница российская, ты престол российский тамо воздвигл еси. Кратко рещи: аще бы всех прежних князей наших и царей целая к нам пришла история (яко же оскудела), была бы то малая книжица против повести о тебе едином; толико сия оную и множеством, и различием, и величеством дел превосходит. И не ласкательное сие слово быти сама (надеюся) исповесть зависть, истинною побежденная.

Желаем убо от усердия, да тако тебе благословивый бог свое толикое к роду российскому тобою показанное благоволение утвердит твоим же здравым, победительным и долгоденственным житием. Аминь.

СЛОВО ПОХВАЛЬНОЕ

О ФЛОТЕ РОССИЙСКОМ И О ПОБЕДЕ, ГАЛЕРАМИ РОССИЙСКИМИ НАД КОРАБЛЯМИ ШВЕДСКИМИ ИУЛИА 27 ДНЯ ПОЛУЧЕННОЙ. ПРОПОВЕДАНО ПРЕОСВЯЩЕННЫМ ФЕОФАНОМ, ЕПИСКОПОМ ПСКОВСКИМ, В ЦАРСТВУЮЩЕМ САНКТПИТЕРБУРХЕ ПРИ ПРИСУТСТВИИ ЦАРСКАГО ПРЕСВЕТЛАГО ВЕЛИЧЕСТВА И ВСЕГО СИНКЛИТА 1720 ГОДА, СЕПТЕМВРИА 8 ДНЯ

Продолжает бог радости твоя, о Россие, и данная тебе благополучия новыми и новыми благополучии дополняет. Тот год прошол без виктории твоея, в который не понудил тебе неприятель обнажить оружия. Аки бы рещи: тогда нам жатва не была, когда они не сеяли. Не воспоминая прежних, в прошлом году, когда крыемое долго сосед наших немиролюбие яве откровенно стало, кия плоды пожал мечь российский видели мы с радостию, видели они с великим своим плачем и стенанием. Лето нынешнее было, по видимому, в нечаянии новых славы прибылей, понеже корабельный флот, смотрением политическим удержан, из гавани не выходил. И се над чаяние прилетает к нам 6-го дня июня весть радостная щастливаго наших воев действия с немалою неприятеля утратою.* Еще же ведомость тая, почитай, говорити не перестала, и се летит другая и гласит нам викторию, в 27 день иулия полученную. Се уже пред очима нашима и плоды ея довольнии; взятии фрегаты, и

воинство, и аммуниция, честный и богатый плен. Продолжает воистинну и умножает бог радости твоя, о Россие!

Как же умолкнем тако обрадовании? Как умолчим о сем? Разве были бы добра нашего не любители и добра того подателеви богу нашему не благодарни! Но что предложим? Что скажем ныне, дабы слово было и сему благополучию прилично, и нам не безполезно? Двое усмотреваю, беседы и разсуждения достойное: первое — милостивое к нам божие смотрение, таковых водных викторий виновное, то есть что благовременне подвигнул бог державнейшаго государя нашего к устроению морскаго флота; второе — присмотретися собственно лицу виктории сея. В первых, яко собственное было божие смотрение, когда воспламенися царево сердце к водным судам, таже и к устроению флота великаго; яве показуется отсюду, яко охота тая в сердце его родилась от малаго случая, от обретения некоего ботика обветшалаго, о чем пространнее любопытный увидит в предословии морскаго регуламента.* Не слышал монарх в младости своей пространных о морском плавании повестей, не наводил его к охоте сей никто учением, советом, предложением многих нужд. Хотя бы и так было, и то было бы не без смотрения божия, без него же ничто же бывает, но было бы то смотрение обычное. А что без таковых явных причин и поводов деется, еже мы нарицаем случаем, то деется собственным и чрез обычайным вышняго смотрением. Что бо мы нарицаем случаем, случай нам есть, понеже без нашего намерения и чаяния стается, но у бога не случай есть, без его же воли и определения ниже малая птица падает. Тако, например, не произвольное убийство, когда кто кого стрелою, иным намерением пущеною, умертвит, случай у нас нарицается, а писание то восписует действующему богу; тако бо не волею убиеннаго нарицает закон от бога на смерть преданнаго: Исход, глава 21. Где бо не видим внешних дела некоего вин, там знатнее являет себе действие божие.

Аще же тако о божии смотрении мудрствовати долженствуем и в всякаго человека случаях, кольми паче в случаях, царем бываемых, на них бо состояние всего отечества висит. И смотрение божие, сердца их управляющее, есть общее ко всему народу смотрение. Того ради и собственно о них глаголет Премудрый: «Сердце царево в руце божией». И от сего известно, что случай оный найденаго ботика был по собственному божию смотрению. И зри, как премудрый бог, который являет силу свою в малых и не сущих вещех, и зде подобне сотворил. Понеже бо и богатство, и повеление царское сильно есть, только бы к чему была воля его; того ради вся великая дела, царским повелением творимая, разум человеческий наречет

просто человеческая, не усмотревая в делах таковых, яко от сильнаго творимых, другой невидимой силы. И тако смотрети подобает на начало дела, от которой и каковой вины двигнулася к тому воля царева. Аще бо и зде будет некая вина сильная, царское сердце к делу понуждающая, яко например: нашествие неприятельское понуждает собирати воинство, делать крепости, сооружати аммуницию и прочая, то и зде еще человек, не глубоко разсуждающий, не увидит смотрения божия, но все тое просто человеческим промыслом назовет. Аще же некая вещь малая, не нуждная и презренная, двигнет дух монарший, и произыдет он к делу великому, не видеть зде видимаго промысла, но мощно видеть смотрение невидимое. Тако, когда Ассвер царь персидский не возмогл единой ночи уснуть и скука тая позвала его ко чтению книг памятных, и, нашед в них прислугу к себе верную Мардохеа, первее двигнулся к награждению мужу оному единому, а потом и весь народ иудейский не точию от губительных наветов Амановых избавил, но и вопреки, предав Амана на смерть, сотворил иудеи беспечальны и сильны. Кто не исповесть, что неспание оное Ассверово и истории чтение, толикому людей божиих благополучию виновное, было от нарочитаго смотрения небеснаго? И того ради, мнится мне, неспание оное, о котором еврейский текст просто глаголет, что не могл уснути Ассвер, седмьдесят же перевели с толком тако: «Господь отъя сон от царя в нощи оной».

Смотрим же, не тако ли действовал бог и у нас, когда Россию флотом морским вооружити благоволил? Была нужда России имети флот, яко не единаго моря пределами своими досязающей, но нужды той еще никто, еще и сам монарх российский, не ощущал. Видел един всевидец бог главную флота нужду, определяя нам на времена сия завладение сего помория. А от человек кто сие провидети, кто пророчествовати могл? И то первый знак, что возбужденная в монаршем сердце к морскому плаванию охота не от промысла человеческаго была. Да еще же, что охоте той вину подало? Негде по случаю найденый (яко же выше помянуто) малый, ветхий, презренный ботик. О том стал первее легкий вопрос, а с полученнаго ответа возгорелась охота, да еще только к водному гулянью; скоро же, больше и[a] больше разгараяся, сердце пролилось, аки пламень, ко устроению великаго флота. Кто зде не видит явнаго божия смотрения? Не той ли сие действовал, который и о умножении церкве своея предложил притчу? «Подобно, — рече, — есть царствие небесное зерну горушичну, еже взем человек всея на

---

[a] *В издании* но

селе своем. Еже малейше убо есть от всех семен: егда же возрастет, более всех зелий есть, и бывает древо: яко приити птицам небесным и витати на ветвиях его». А кто же не скажет, что малый ботик против флота есть, аки зерно против древа? А от того зерна возрасли сия великая, дивная, крылатая, оруженосная древеса. О ботик, позлащения достойный! Тщалися нецыи искать на горах Араратских доски ковчега Ноева; мой бы совет был ботик сей блюсти и хранити в сокровищах на незабвенную память последнему роду.

Удивило себе еще божие смотрение, подая сердцу монаршему неусыпное тщание и благословя дело сие дивным благопоспешеством, так, что и лютая и еще тогда нам тяжкая война не могла зделать препятия, и воевано, и строено подобне, как о иудеях, Иерусалим по возвращении вавилонском созидающих, пишется: «Единою рукою своею творяху дело, а другою держаху мечь».[6]

Но се паче всего дивнейше есть: возбужденный к делу сему монарх, недоволен прилежным своим попечением и тщанием, недоволен учением подданных своих, сам корабельной архитектуре, — еще и то мало, — сам архитектуры тоея древоделию учитися потщался, отложив весь покой, восприяв трудную и не безбедную перегринацию.* Образ в свете еще неслыханный! А где уже онии римскии Квинтии и Фабрикии, которым удивляются историки, что, бывше на время диктаторы, не возгнушалися паки трудитися в земледелии? Помрачил славу их Петр, который купно и скипетр, и мечь, и древодельная орудия носит, не урод телом, но дивен делом, многоручный нарещися достоин.

Кто всего сего смотрению божию не воспишет, тот смотрению быти не доверяет.

Мы же, познавше с предложеннаго разсуждения, яко нарочитое и собственное к делу сему было смотрение божие, еще посмотрим, как тое смотрение милостивое есть к роду российскому, а сие познаем с превеликия пользы, которую отечеству нашему флот морский подает.

Суесловие есть, естьли не безумие, некиих стихотворцев, котории так плавания воднаго ненавидят, что и первых того изобретателей проклинают. Обычно господа онии вымыслы своя нарицают некиим восхищением, или восторгом, — да часто им в восторгах своих недоброе снится. Охуждают навигацию, но плодов ея не отметают.* Подобне они же страхов воинских, правительских попечений и судебных трудов не любят и вельми похваляют покой жития сельскаго, а не разсуждают того, что

---

[6] *На полях* Неемиа 4 (17)

покой сей без воинских, правительских и судебных непокоев быти не может.

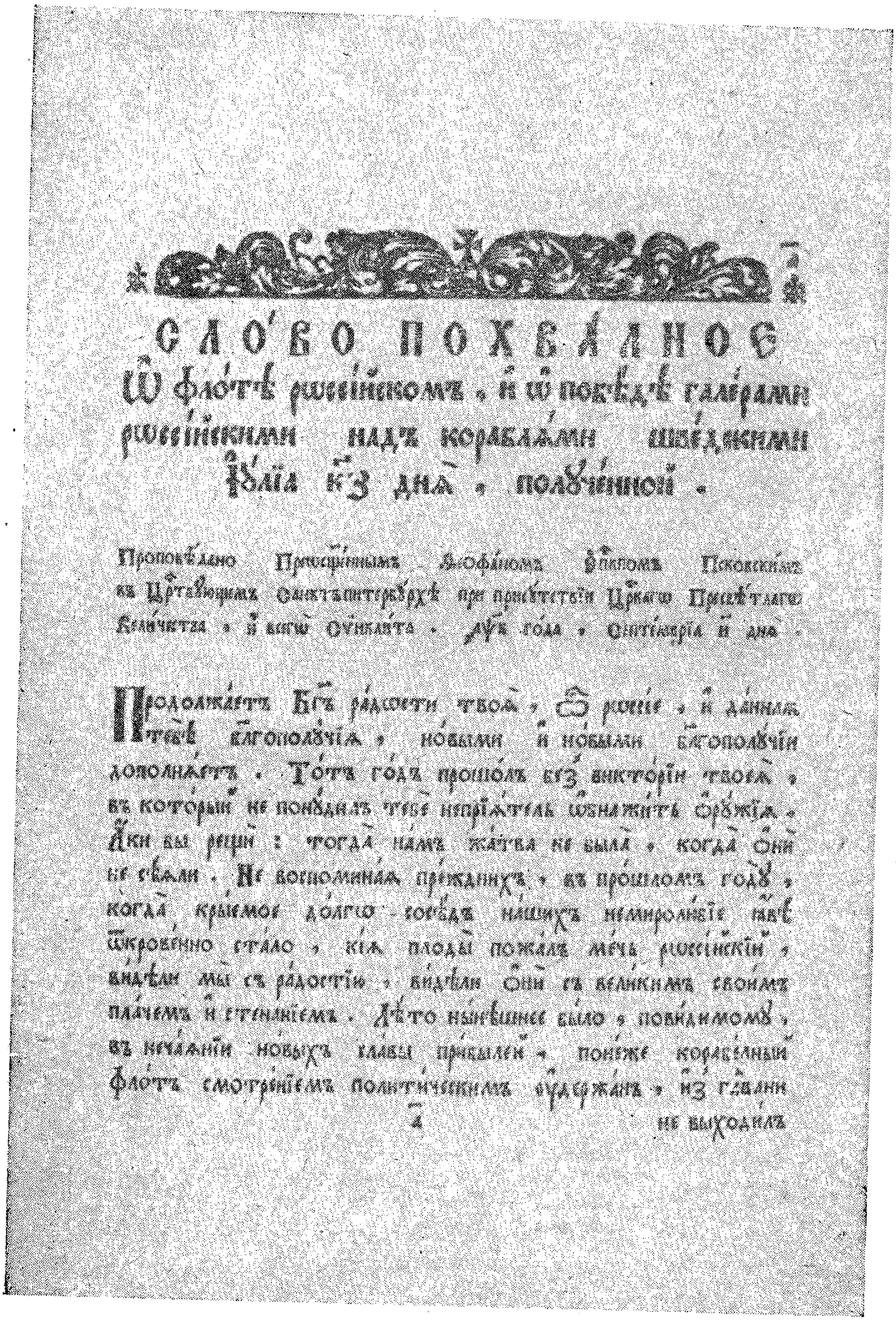
Противное нам показует самый здравый разум, создания божия разсуждающий. Да разсудит бо всяк, к чему толь пространная поля водная, моря и безмерный океан создал бог. К питию ли? Довлели бы на сие реки и источники, а не толикое вод множество, большую часть земноводнаго сего круга объемшее, еще же и питию человеческому весьма неугодное. Сия того вина есть (яко премудре разсуждает Василий Великий в своем Шестодневии), что премудрый мира создатель, промышляя человеком взаимное друголюбие, не благоволил всем странам земным всякие плоды, житию нашему потребныя, произносити, ибо тогда сии жители на оных, а оныи на сих ниже посмотрели бы, един от другаго помощи не требуя. Разделил убо творец земная своя блага различным странам по части, да бы так, едина от другой требуя взаимнаго пособия, лучше в любовный союз сопрягатися могли. Но понеже не возможно было людем иметь коммуникацию земным путем от конец до конец мира сего, того ради великий промысл божий пролиял промеж селения человеческая водное естество, взаимному всех стран сообществу послужити могущее. А от сего видим, какая и коликая флота морскаго нужда; видим, что всяк сего не любящий не любит добра своего и божию о добре нашем промыслу не благодарен есть.

Но обще о пользе флота много бы глаголати, но не нуждно, яко всякому благоразсудному известно есть. Мы точию вкратце разсудим, как собственно российскому государству нуждный и полезный есть морский флот. А во первых, понеже не к единому морю прилежит пределами своими сия монархия, то как не безчестно ей не иметь флота? Не сыщем ни единой в свете деревни, которая над рекою или езером положена и не имела бы лодок. А толь славной и сильной монархии, полуденная и полунощная моря обдержащей, не иметь бы кораблей, хотя бы ни единой к тому не было нужды, однакоже было бы то бесчестно и укорительно. Стоим над водою и смотрим, как гости к нам приходят и отходят, а сами того не умеем. Слово в слово так, как в стихотворских фабулах некий Танталь стоит в воде, да жаждет. И по тому и наше море не наше. Но смотрим, как то и поморие наше. Разве было бы наше по милости заморских сосед, до их соизволения?

Что бо, когда благословил бог России сия своя поморския страны возвратити себе и другия вновь завладети, что было бы, аще бы не было готоваго флота? Как бы места сия удержати? Как жить и от нападения неприятельскаго опасатися, не токмо что оборонитися?

Земный неприятельский приход издалече слышан и нескор, есть время приготовится и предварить его. Не так морский: не летают пред ним голосныя вести, не слышатся шумы, не видно дыма и праха; в который час увидиши его, в тот же и надейся пришествия его. Есть ли бы к нам добрии гости, не предвозвестя о себе, морем ехали, узревше их, не мощно бы уготовать трактамент для них. Как же на так нечаянно и скоро нападающаго неприятеля мощно устроить подобающую оборону? Едина конфузия, един ужас, трепет и мятеж. А хотя бы кто и предвозвестил о походе его, то как же еще знать, на который он берег выйдет? На который город нападет? Как многии поморскии городы, не весьма флота не имевшии, но не имевшии флота довольнаго, погибли, разоренни, не от сильнаго супостата, но от пиратов, то есть морских разбойников, полны суть истории. А есть ли же иногда морский неприятель и не получит своего желания, однако ж, настращав и поругався, отступает без урону своего, не отлагая злобы, но храня яко неотмщенную на иное время. Приходящаго его не начаешся, отходящаго нельзя догонять. Кратко рещи: поморию, флотом не вооруженному, так трудное дело с морским неприятелем, как трудно связанному человеку дратся с свободным или как трудно земным при реке Ниле животным обходится с крокодилами.

Так же то трудное было бы тебе, о Россие, на помории твоем с неприятелем обхождение, аще не бы милостивый промысл божий предварил тебе благословением благостынным и не возбудил бы в тебе тщаливаго духа ко устроению флота и ко обучению морскаго плавания: не был бы укрощен на лучшее, но только раздражен на горшее супостат твой. Объяла и завладела рука твоя сие толь славное и великое поморие, яко возмездие и обильный плод всех войны сея трудов и иждивений. Но возмогла ли бы и удержать надолго единою земною силою? Великое сумнительство. Есть ли же бы не могла, что следовало? Испразднилася бы слава толиких викторий. Не меньшая бо слава есть удержати завоеванное, нежели завоевать, — давная есть пословица. Отродилася бы неприятелю сила: паки бы было ему с Ливонии, Ингрии, Карелии, Финляндии множество и воинства, и имения, и хлеба; паки бы походы его и нападения на твоя внутренняя. Ныне же что? Наготствует, скудеет и глад терпит. И вместо того, что бы на пределы наши нападал, своих видит разорение, и вместо того, что бы имел нам страшен быти, чуждее себе заступление купует, хотя и не вельми щасливым торгом.* Видиши, о Россие, пользу флота твоего! Не только бо готова и сильна тебе от нападения неприятельскаго оборона, которой бы не имела еси, не имущи флота, по вышепредложенному разсуждению, но и наступательная на онаго сила велика и вик-



СЛО́ВО ПОХВА́ЛНОЕ
Ѡ̂ флотѣ россійскомъ, и ѡ̂ побѣдѣ галерами
россійскими надъ кораблями шведскими
Іюлїа кз҃ дня, полученной.

Проповѣдано Преосщеннымъ Ѳеофаномъ Епископомъ Псковскимъ
въ Цр҃тствующемъ Санктъпитербурхѣ при присутствіи Цр҃скаго Пресвѣтлаго
Величества, и всего Сѵнклита. ҂аѱ҃ года, Сентемврїа и҃ дня.

Продолжаетъ Бг҃ъ радости твоя, ѡ̂ россіе, и даннаѧ
тебѣ бл҃гополучїа, новыми и новыми бл҃гополучїи
дополняетъ. Тотъ годъ прошолъ безъ викторїи твоея,
въ который не понудилъ тебе непрїятель ѡбнажить оружїя.
Аки бы рещи: тогда намъ жатва не была, когда они
не сѣяли. Не воспоминая прежднихъ, въ прошломъ году,
когда крыемое долго сосѣдъ нашихъ немиролюбїе явѣ
ѿкровенно стало, кїя плоды пожалъ мечь россійскїй,
видѣли мы съ радостїю, видѣли они съ великимъ своимъ
плачемъ и стенанїемъ. Лѣто нынѣшнее было, повидимому,
въ нечаянїи новыхъ славы прибылей, понеже корабелный
флотъ смотренїемъ политическимъ удержанъ, изъ гавани
а҃ не выходилъ

Слово похвальное о флоте российском (СПб., 1720, л. 1).

тории нетрудны. И что вельми дивно, сами неприятели тесноту свою, истиною понужденни, засвидетельствовали, когда на монетах, недавно в память падшаго короля своего изданных, льва, вервием обвязаннаго, напечатали.*

И уже посмотрим на прекрасное лице нынешния виктории; она бо вся доселе описанныя к флоту морскому нужды и вся тогожде флота пользы явно показует.

Чему бы Россия не могла и верити, аще бы в корабельной войне не была искусна, то ныне сама зделала славная всегда водная виктория, хотя равныя обоих сторон силы. Аще бо где — тут наипаче военное действие марсовым жребием нарицати подобает. Не как коня, так и корабля удобно управить. А ветр и море, яко непостоянныя елементы, так ненадежныи и помощники: кому помогут и кому сопротивятся, не известно. В таковом убо неизвестии, сумнительстве, бедствии получить викторию — необычная воистинну слава есть.

Но прочии морскии виктории против нынешней российской мощно нарещи общии и обычныи. В прочиих равныя сражаются силы, а тут галеры с кораблями; прочиим помогает, а тут мешает ветр. Сии две трудности толикую победы важность показуют, что и сказать трудно.

Галерам наступать на корабли, котории оных не стрельбою огненною, но единым нашествием не победить, но в щепы разбить могут, обычное ли дело? В таковом сил неравенстве дерзнуть на бой дивно, вступить в бой предивно, а победить — и удивление побеждает. Что бо сему обрящем подобное? Есть повесть еллинская, что Геркулес в челюсти кита великого вскочил с мечем и, три дни утробу его разоряя, умертвил его. Было бы се ныне виктории нашей подобное, да есть фабула, знатно из истории пророка Ионы выплетеная. Есть повесть в книгах Маккавейских, что Елеазар под военнаго, неприятельскаго, воинство на себе носящаго слона подскочил со оружием и убил его. Было бы и се победе нынешней подобное, но Елеазар тот и сам, падением зверя разгнетен, умре, победив и побежден. Мощно бы уподобить сие человеческому над зверьми превосходству, понеже человек, которому естество не дало великой силы, но скудость тую умом наградило, земных и водных зверей, величиною и силою без меры его превосходящих, побеждает. Но и се не подобно, ибо воинству российскому дело было не со зверьми, но с людьми, с людьми, умом и мужеством славными, а людей тех, кораблями наступающих, галерами победило. Ничтоже прочее остается, точию удивлятися, никоего же подобия не видя, не обретая.

Но придает удивления то еще, что великую акции трудность ветр делал. На тишине водной галерам единым нападать на ко-

рабли стоящыя и то не легко; есть бо подобное аттакованью крепких фортец. А галерам с кораблями сражатся в погоду — кажется и чаянию противное. Тот же ветр, который кораблю ко обращению его служит, галерам мешает. Нельзя не сказать, слышателие, что сия виктория сталась от собственного божия смотрения. И большую зде видим милость господню, нежели где провиденциа ветры на помощь посылала. Помогли тучы Марку Антонину на немцов; пособили ветры Феодосию Великому на Евгениа; послужила буря Елисавефи британской на ишпанов. Но оным (и аще иннии нецыи подобнии суть) пособствовало смотрение ко отражению токмо неприятеля, а не ко умножению славы. Ибо когда слышим помянутыя и им подобныя победы, нарицаем щасливыя, благополучныя, угодныя и аще кая инная имена обрящем, но славными нарещи не можем. Аще бо не всю викторию, то поне великую виктории часть ветрам восписать подобает; понеже бо ветры помогли, то в сумнительстве осталося мужество победивших, — кто весть, что бы было, аще бы не помогли ветры?

Инако и лучше ныне российскому на мори воинству благословил бог. Не хотел, да бы воздух делился с нами славою виктории, но и вопреки: умножил ветром трудность к морскому бою, да бы умножилася слава победителем; послужил и нам ветр, да противством своим; послужил к славе, а не к победе. И понеже противился победе нашей, того ради явственно показал славу нашу, так что виктория нынешняя может таковым надписанием украшенна быти: неприятель и ветр побежден есть.

Тако продолжает радости твоя, тако славы твоя умножает бог, о Россие! Прославим убо прославившаго нас, благодарим обрадовавшему нас! Его дело есть флот российский, его благословение есть толикая сила и толикия плоды флота российскаго. Он смотрением своим навел очи монаршии на презренный ботик; он царское сердце зажегл ко архитектуре корабельной; он, предопределяя России возвращение своих и получение новых поморских стран, предварил ю благословением своим, сильну же и действенну на мори сотворил, вооружив флотом и толикими ущедрив победами. Благословен бог наш, изволивый тако! Буди имя господне благословенно от ныне и до века!

Благословен же и ты богом вышним, державнейший монархо российский, яко толь милостивое к достоянию твоему божие смотрение не вотще тобою действует. Как многими Россию твою одолжил еси благодеянии! Тебе должна есть исправление, красоту и толикую силу свою; тебе должна всю толь дивную и славную измену свою, что презренна прежде и поруганна всем, ныне славна и страшна всем есть, на мори и на земли побе-

ждает. Торжествуй и радуйся толико благословен сый богом! Радуйся богу, помощнику твоему!

Но и сынове Сиони да возрадуются о царе своем. Видите благополучие ваше, сынове российстии, народе славенский! Видите, как имя ваше, славе тезоименитое, уже аки бы угасший свет свой и почернелое злато свое толь изрядно в премудром сем самодержце вашем обновило, яко аще когда, ныне наипаче по достоянию славяне нарицаемся.*

А вам, о мужественнии военачальницы и воини, котории на сей толь трудной и страшной акции труждатися не устрашилися есте и толь славную получили викторию, вам, о вернии монарха вашего служителие и истиннии его же подражателие, что речем? Кий венец соплетем? Кая победительная пения сочиним? Не краткаго слова, но вечнаго прославления достойни есте. Должни блажити вас старии, должни на образ ваш смотрети юнии, должен нынешний век величати, должен будет славити и последний род.

О премилостивый господи и боже наш, от его же вседаровитыя десницы толикая приемлем благодеяния, запечатлей милостию твоею данныя нам дары твоя, подаждь доброте нашей силу. Многолетны сохрани благовернейшаго государя нашего царя, вернаго министра твоего Петра Перваго и его благовернейшую царицу, государыню нашу Екатерину Алексиевну, царство их недвижимое, воинство непобедимое сотвори, все отечество наше благосостоянием и миром благослови, воззри и на супостаты наша и по толикой, немиролюбием их излиянной крови приити уже в чувство и мира возжелати повели. Аминь.

СЛОВО

О СОСТОЯВШЕМСЯ МЕЖДУ ИМПЕРИЕЮ РОССИЙСКОЮ И КОРОНОЮ ШВЕДСКОЮ МИРЕ 1721 ГОДА, АВГУСТА В 30 ДЕНЬ, И ДОЛЖНОМ НАШЕМ ЗА ТОЛИКУЮ МИЛОСТЬ БОЖИЮ БЛАГОДАРЕНИИ, ПРОПОВЕДАННОЕ ПРЕОСВЯЩЕННЫМ ФЕОФАНОМ, АРХИЕПИСКОПОМ ПСКОВСКИМ И НАРВСКИМ, В ЦАРСТВУЮЩЕМ ГРАДЕ МОСКВЕ, В ЦЕРКВИ СОБОРНОЙ УСПЕНИЯ ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ, 1722 ГОДА, ГЕНВАРЯ 28

Премудрое, яко и вся прочая, и, дерзаю рещи, богодухновенное державнейшаго императора нашего уставление, да за благополучный свышше нам данный мир сей тройственным всенародным благодарением воздадим славу господеви богу нашему.* Показал того изрядное приличие, понеже мимошедшая война продолжилася чрез трилетные седмицы,* лета вместо дней исчис-

ляя, как то исчисляют и в священном писании, у Езекииля и Даниила пророков, и у тайнозрителя Иоанна. Но то токмо прилучие. А самая сущая тройственнаго благодарения вина тая есть, которую самодержец наш в прошлом 1721 году, октября в 22 день, во обрадовательном своем ко подданным своим слове предложил,* увещевая объяснить народу российскому, да бы ведали вси, коликия в прешедшей войне явил нам бог милости своя, благословенным же сим миром заключил и запечатлел. И по тому помышляли бы, колико должни есмы благодарити божию к нам милосердию. Что же се? Тройственное ли токмо в прешедшей войне получили мы божие благодеяние, понеже тройственное составляем благодарения торжество? Не благодарен был бы, аще бы кто толь многия нам явленныя щедроты божия в так малом числении заключити хотел? Но понеже тройственное число, как в священном писании, так и в действиях человеческих, часто и обычно употребляемо бывает за число довольное и совершенное (о чем пространно беседовать ныне не время), того ради тройственное монаршим указом совершаем благодарение, соборно, торжественно и чрез обычайно, да познаем от сего, что повседневно, и непрестанно, и вечно долженствуем благодарити вышнему, яко премногая и безмерная мимошедшею войною данная и миром утвержденная благодеяния от всещедрой десницы его приемшыи.

Но да бы сие наше долженство не только всем известно, но и приснопамятно и незабвенно в сердцах наших пребывало, долг великий лежит на всех, как духовных пастырях, так и мирских начальниках и прочих, кто либо и известнее ведает и яснейше сказати может о богоданных нам в прошедшей войне поспешествах и благополучиях. Долг на всех таковых лежит беседами, разговорами, проповедьми, пении и всяким сказания образом толковать и изъяснять в слух народа, что мы прежде войны сея были и что уже ныне, какова была Россиа и какова есть уже, коликую сотвори с нами измену десница вышняго.

Сей долг видя и на худость мою собственным повелением возложенный, исповедую, понеже и ощущаю трудный мне быти и тяжелый к исполнению. Но надеяся на благоразсудное снизхождение толь честнаго слышателей собрания, на твое во первых великодушие, державнейший повелителю всероссийский, что не по достоинству глаголемых вещей, но по силе глаголющаго слово приемлеш, со дерзновением и радостию предложу, коликое могу, о сем разсуждение и оное дерзну вовреши в пребогатая славы твоея сокровища, хотя и не не вем, что подаянию двоих лептей есть подобное.

Молю же благоразсудных слышателей помыслить со мною, не то ли всякому истинно покажется, что моему помыслу, на на-

чало мимошедшей войны посматревающему, является. Когда бо воспоминаю, кто, и каков, и кого, и когда досадами и обидами воздвигл к войне, тот час приходит на мысль сие подобие. Когда бы кто ненавистник чий, сильный и яростный, и добре вооруженный, и всякия к одолению удобствия имущий, напал на нелюбимаго себе человека, нечающаго, и неоружнаго, и спящаго, каковое удобство было бы сему, нечаянным нападением возбужденному, воспрянув от сна, дрался с готовым и, ничего имея в руках, войти в бой с вооруженным, — так удобно было, по моему мнению, России вступить в войну с силою шведскою.

Посмотрим только на обе стороны, и признает всяк, надеюся, все предложенному образу подобное.

Во первых, кто и каков неприятель явился, который многими причинами возбудил Россию на брань с собою? Аще не отмещем древняго философскаго догмата, что добрыя свойства и в неприятеле хвалити подобает, признать мусим, что шведский народ многим временем предварил нас, как во всех прочиих учениях, так и в воинском искусстве, все давно уже возъимев, что к непостыдному ополчению нуждно есть — нуждныя суть советы и промыслы, далече впредь видящыя и намеряемо дело кругом по всем обстоятельствам осматривающыя. Довольна в том Швециа, которая не вчера уже твердит философию политическую и в школах, и в сенате, и в учении, и в практике.

Нужда иметь к войне искусныя военачальники; исполнила себе нужду сию Швециа и домашним наставлением, и внешними от перегринаций перенятыми прикладами, и не одноличною войною с разными и не одним видом и оружием воюющыми народами. Нужда к войне иметь воинство не новое, но изученое и обыкшее; — где тое лучшее, как в Швеции, которая людей своих и учением и делом так в военном обхождении исправила, что, кажется, ничего иного кроме войны не умеют! Нужда есть и великая, да бы рядовой воин был сильный и во всяких трудах и безгодиях терпеливый; и того ради славные оные спартаны, как об них истории повествуют, закон или обычай имели младенцов своих в студеной воде купать, да бы от рождения терпения навыкали. А Швециа не требует таковаго предоберегательства, ибо, понеже терпеливодушие воинское на сугубой силе, аки на двоих раменах утверждается, на природе и искусстве, — обое то имеет шведский народ. Природою самый северный (зимних бо климатов народи, яко удобнейшые к войне, паче прочиих от политиков похваляются), а искусством от частых походов ко всяким тягостям, как железо закаленый и славному железу своему подобный.

Еще нужда есть к войне, да бы сердца, как военачальников, так и воинства, были нетрепещущая, но упования и великих на-

дежд полная. И сия нужда, моим мнением, есть паче всех нужд нужднейшая; без добраго бо куражу, без сердца упованельнаго советы не помнятся, искусство правителей помрачается, учение воинское забывается и самое терпеливодушие робеет и не действует. Кто же и сея толикия и толь нуждныя силы не видел прежде в соседах сих наших? Многая прежде сего на многих войнах поспешества, и полученныя виктории, и разсеянный оружия своего страх по всей Европе, и слава по всем свете толико умножили им сердца, что воевать им, как бы на готовый лов ходить казалося.

И се краткая, да самая нужднейшая опись того, который возбудил Россию к войне. Что бо еще прочее требуем? Богатства ли? Имели довольное. Оружия ли? И материя, и дело домашнее и преизрядное. Того ли, дабы множайшая часть была своего, нежели наемного, воинства? Вси свои были: и единоземнии, и единовернии, и единодушнии, и, что всего есть большее, вси равно и по государе и по отечестве своем ревнующыи.

Посмотрим же на другую сторону, посмотрим на лице твое, о Россие! Какова ты была прежде войны сея и како устроена к войне? Аще бы не известно было нам твое, державнейший монократор, и смиренномудрие, котораго силою недостатки своих яко своя исповедуеш, и правдолюбие, которым и о чуждей славе свидетельствуеш, — воистинну и опасно и стыдно было бы сказывать, что сказать мне надлежит. Прочиих же слышателей молю терпеливо понести повесть преждних скудостей наших. Ибо соразсуждение бывших наших немощей с силою противившейся нам стороны покажет ясно, какое милостивое сотворил с нами смотрение свое вышний в прошедшей войне чрез сего великаго министра своего, державнейшаго нашего императора.

Яковую емблему вымыслило монаршее остроумие о зделанном от него флоте и введенной в Россию навигации? То есть образ человека, в карабль седшаго, нагаго и ко управлению карабля неискуснаго.* Таяжде емблема, тот же образ служит ко изъявлению и всего воинскаго России состояния, каковое было в начале войны бывшия. Нага воистинну и безоружна была Россия! Зде бо именем оружия не просто оружие, то есть железо и медь, на вред супостатом устроенныя, разумею, но доброе оружия употребление. Надобе, на пример, чтоб был мечь из добраго железа; да без соравнения больше висит на том, да бы сильная и искусная рука оным действовала. Якоже бо одним пером неравно пишет ученый и неученый писец, одним органом неравно слух веселит искусный и неискусный музык, одним серпом неравно нажинает сильный и немощный жатель, так и одно оружие неравно в разных руках действует. И где нет силы, искусства, еще же к тому и мужественнаго сердца, там оружие не

помощь, но паче тягота и помешательство. О чем всуе много говорить и пред рядовым воинством, кольми паче пред воинскими учительми!

А мало не то было у нас из начала мимошедшия войны.

Еще древле у еллин и римлян, за частыми войнами, от искуса дел усмотрены были от военачальников и философов изрядные уставы и регулы воинские, а к ним много еще прибавлено в последнейшые лета. Разсеялося и принято оное учение мало не по всей Европе, а российский народ не имел того ни в умах, ни в делах, ни в книгах. Какая ж могла быти надежда народу сему, вступающему в войну с народом сильным и обученым и с которым мы давно уже не воевали? Воспомянем ли бывшыя у нас войны с татарами? — Богу благодарение давшему и тогда крепость царем нашым и не точию варваров оных оружием российским смирившему, но и покорившему Российской державе. Однакож войны и виктории татарския весьма не в пример; не смотря на старики, что ни скажут — нам вопреки. Славите вы, батюшки, походы вашы, на татар бывшыя: да славите во угле и в компании вашей, а где речь о войне шведской — молчите, пожалуйте! Приходит тут на мысль, что пишет Тит Ливий. Когда Александр Македонский воевал персов, между тем временем дядя его, другий Александр, епиротский король, воевал с римлянами; тот, с крайним своим бедством узнав силу римскую, побежден весьма и сам смертно ранен, умирая сказал: «Племянник, — рече, — мой с женскими силами воюет». Так опорочил асийския силы против римских. Но тожде ли и мы скажем, примеряя татарские к шведским силам? Оставляю всякому в разсуждение.

Еще ж хотя и великая противных сила, да была бы нам ведома! Ведомо было бы нам коликое множество и каковое их действо. Как приводят и ставят на бой? Как разделяют, как совокупляют партии? Какие имеют прочые порядки и вымышляют ли стратагемы? Подобне, какое обозов положение, как крепкие фортеции и в них гварнизоны, аммуниции и припасы прочие? То хотя бы воевать с ними страшно было, однакож можно бы было лучшее иметь опасение. А то всего того мы не ведали, а раздраженни дерзнули. Сверх всего, каковый наш воин был? Старочинное стрелецкое воинство как дельно было, всем доселе есть известно. И добро, что тогда ексавторовано и отставлено: была бы то гангрена некая, свое, а не чуждее тело вредящая.* И то едино к так страшной и лютой войне сделано полезное, что от такого внутряго вреда Россию уврачевано. Начиналось и преполезнейшее дело богомудрым монархом — воинство регулярное, да только ж начиналося: новый и скоростию набраный воин, когда требовал еще учения, послан на дело яко искусный. Никто

не смеет неученными коньми ездить. Россиа дерзнула необученным воинством воевать и от потешных ексерциций, от притворных баталий в самый жесточайший марсовый огонь вскочила. О дело ужасное! Уже слава богу удалося, уже произошло в пользу неописанную. Однакож, таковыя начатки воспоминая, содрогается сердце. Не явственный ли се образ емблемы императорской? Не видим ли Россию в тогдашные времена, аки бы человека некоего, простаго, неискуснаго, нагаго, на морския волнения дерзающаго? Но и сверх того, была тогда Россиа, по предложенному в начале слова сего подобию, подобна человеку безоружному и спящему и аки от сна метнувшемуся на раздражившаго себе противника, сильнаго, вооруженнаго, готоваго.

Известно всем уже от изряднаго разсуждения, о долговременной войне сей напечатанаго,* что еще Кароль единонадесятый, отец воевавшего с нами Кароля дненадесятого, намерял и готовал войну на Российское государство, и все уже к действу тому потребное предусмотрено было; то когда сын его крайне раздражил главу российскую, тогда вооруженный и весьма готовый был. С нашей же стороны ни мало о их намерении не было ведомо. А се есть сну подобное, и вящше подобное по сему еще, что российской силы все иное было намерение; на главнаго христиан гонителя, на разорителя восточныя церкве намеряемо было руское оружие.* То раздраженная от Швеции Россиа воистинну яко с просония на противника своего устремилася. Сталося же еще и другое нечто тако от сна возбужденному подобное. Якоже бо возбужденный от напастника и на его метнувшийся и сперва нечаяния ради не знает, кто и как сильный раздражил его, а сплетшеся с ним борьбою, тотчас силу его ощущает, — так и Россиа, метнувшися на Швецию, силы оной не разсуждала. Да тот час нарвскою язвою ощутила,* и умножали страх многии легкодушнии из наших, разсевая отчаятельныя слухи: швед непобедимый! трудно! Что делать с ним! Нам ли с шведом воевать? Непобедимый швед!

Видим, слышателие, и довольно видим, хотя не все и не довольно слышим, коликое неудобство наше было в начале мимошедшыя войны! И как то истинно, что Россия слаба и нага, но и еще, аки от сна возбуждена, метнулася на напастника своего давно сильнаго и уже весьма на вред ея готоваго.

Разсудим уже вкратце, что сталося, тако бо увидим неизреченное и паче надежды явленное нам божие милосердие. Древнее пословие есть: льва спящаго не буди. А тут было противное: бывшый наш противник как народным знамением, так и самым делом лев, не спящый, но бодрствующый, возбудил обидами и досадами своими, раздражил нас и возбудил аки сонных. И то с ним сделалось, чего ради спящаго льва возбуждать

опасаемся. Всякому чаянию, и нашему, и шведскому, и всего мира, сталося противное. Нам непочему было надеятися не только одолети, но и устояти. Супостат, о победе своей несумнящыйся, аки по победе торжествовал. Мир весь со удивлением смотрел на дерзнутое от нас дело, и иннии сболезновали, иннии и ругалися нам. Да тако с нами удивил милость свою господь, что всех мнения и чаяния, аки бы реки, вспять возвратилися. Начало войны такое было, что могли многии, наипаче же неверии и безбожнии, ругательно сказовать о заступнице нашем, бозе Иаковле, как иногда филистины ругалися: сном уснул или вином упился бог их. Да сталося так, что и нам со псаломником воспети мощно: «Воста яко спя господь, яко силен и шумен от вина».

О всемирнаго удивления! Как незапно да вельми знатно в войне сей стала в славу и пользу возрастать Россиа! Растет человек, растет древо, ведаем, да ни какими очима не можем усмотрети растительнаго движения. А мир весь ясно видел, как народ российский, когда весьма ему исчезнути многии провещали, возрастал высоко и аки бы подымался — от гнушения в похвалу, от презрения в страх, от немощи в силу. Желает, желает со играниem сердце именно воспомянути ращение оное или восхождение, или иным некиим именем наречем толь чудесное благопоспешество! Но как настоящаго, так и будущаго рода опасаемся. Настоящаго, да не вознегодует, что скудным и неравным словом толикой вещи касаемся и не всю, как подобает, объемлем; будущаго же, аще или слово сие, или иные получит повести, да не возмнит, яко безмерные или притворные речи. Сами убо, слышателие, сами памятию себе представляйте страшные оные, да вечную нам славу приобретшые и необоримую силу соделавшые марсовые акции, по Ливонии, и Курландии, и в Польщи под Калишем, и в Белой России под Добрым и под Лесным, и в Малой под Полтавою, частных некиих действий и не воспоминая. Потом уже и на море, где прежде и мирнаго шествия мы не умели, полученныя дивныя виктории и богатыя корысти! Представляйте себе пред очи трудные оные приступы и аттаки, да все получением окончанныя, — неприступнаго Ноттенбурха, междоречных Канцов, сугубокрепостной Нарвы, твердаго Выборха, крепких и богатых Дерпта, Ревеля, Пернова, Риги, и на чюждую пользу, а по тому на большую нам славу, Странзулда, и Штетина в Померании! И что воспоминать городы? Великия княжения и провинции предстоят, Финляндиа, Карелиа, Ингриа, морем и землею богатящаяся Ливониа и по морю островы угодные!

О, аще бы остановится нам похотелося при всяком воспоминаемых дел месте, коль много было бы, чему присматреватися

и удивлятися! Не вышло бы из меры своей слово, которому в кратком времени вместитися невозможно.

Да и кратко вся воспоминать великое неудобство: се бо, воспоминая поспешества воинская, только что незабвением прошли гражданская. Вещ воистинну неслыханная! В одном времени и вооружала и украшала себе Россиа! Когда нужда настала прилежно смотреть, как бы целость отечества сохранить от толь сильных супостатов, было ли время и помыслить строить многотрудныя и многоценныя флоты? Помышлено и сделано. Было ли время созидать крепости, наипаче же превеликий новый град царствующый? И то не оставилося. Было ли время сочинять и писать разныя законы, уставы, регламенты гражданския, и земныя воинския и воинския морския и уставлять соборныя правительства? И то в конец свой произошло. Чудо чудес, что новое в России воинство вдруг и воевать училось и победительне воевало. Что же речем, когда еще и мирная дела, строения, учения, исправления с войною толь страшною в одном времени вместитися возмогли!

И наше ли се единых разсуждение и удивление! Весь мир согласно о сем засвидетельствует, вси народи скажут то, что сказующую слышали мы Корону Польскую, которая в прошлом годе, усты полномощнаго посла своего, к лицу державнейшаго императора нашего изъявила в том великое свое удивление: что единому монарху и в кратком времени благословил и поспешил бог толь многая, и разновидная, и трудная дела совершить, которыя дивно бы было, аще бы многие государи и долгим временем соделати возмогли. Едина сего зависть не скажет, да и зависти являтися стыдно уже.

Таковую и толикую видяще измену, толикое России в славу преложение, кто не видит пребезмернаго к нам благоутробия, милосердия, благодеяния божия? Кто не исповесть, что сия сотвори величия с нами сильный, и свято имя его! Сотвори сия животворящый мертвыя, и нарицающый несущая, якоже сущая, и всяческая от не сущых в бытие приводящый: не сущыи воистинну и мертвии были мы, аще посмотрим на прежняя времена и соразсудим нас с народами прочиими. И се уже созда и оживотвори нас десница вышняго. Но коим смотрением сотвори сия бог? О том всякому подобает и прилежно разсуждати и незабвенною твердити памятию.

Главное дело смотрения божия — данный России во главу толикий и толь дивными талантами обогащенный муж. Видимо смотрение от начала царствования его. Коль страшные безбожных мятежников востания, с лютостию, и кровопролитием, и нападением на неприкосновенный монаршый дом! * Ужасно и воспоминати: мощно знать, что шатался то диавол. Однакож все

оное шатание, не человеческою, но некоею невидимою силою укрощено, намереннаго конца своего не получило.

Когда же воспоминаем, что вышепомянутым злодеям или помогало, яко собою возъярившымся, или вместо орудия вражды своея, яко на зло готовых, употребляло лице другое, — кто таков, которое лице? Увы бедствия и студа! Срамно говорить, да ко славе дивных о монархе нашем божиих судеб говорить потребно: лице ему единоутробное, по близости крови ко братскому, а по возрасте своем и ко матерьнему люблению, не токмо всеми законами, но и самим естеством одолженное! Да кто же он таков? Оле! Трепещет язык таковаго имени в таковом деле произносить: Оле, увы! Сестра! Родная сестра, да природному своему званию противная и аки бы утробу свою от себе извергшая. Сие, слышателие, когда воспоминаем токмо, чие сердце, только бы не весьма каменное было, чие у нас сердце не многими и различными ранами терзается — и страхом, и удивлением ужасным, и горькою жалостию, и негодованием, и ревностию, и безмерными болезньми! Чие же и лице стыдением не горит, воспоминая так черный порок рода российскаго? И то воспоминая токмо, как же легко было видети сие! Однакож видети было. Видим же и предивное смотрение вышняго, который во отчаянных, по видимому, злоключениях уготовлял вышшую всякого чаяния славу избранному своему. Видимо смотрение от воспитания его. Кто наставлял коронованнаго отрока? Кто путь ему к толь высокой политики показовал? Кто поощрял сердце его прикладами славных самодержцов и храбрых богатырев? И говорить нечего! Однакож туды устремился и достигл, куды многии прочии, от мудрых наставников руководими, далече не достизают.

Зрите же паки и ужасное, и жалостное, и студное искушение! Зрите, что паки на зло наше завидяй добра диавол затеял и чего паки дивный в судьбах своих бог к показанию смотрения своего употребил! Когда уже сие солнце наше, разбивши многия, изначала дне его и изблизка и издалече возносившыяся облаки, темныя и кровавыя, восходило на высочайшее течения своего место, на полудне славы своея, — тогда, аки луна некая, подойти под него и помрачить потщалася измена жестокая, или бунт, или мятеж, или не вем как и нарещи зло оное. Паки бо зде неслыханное и необычное бедство. Паки ум смущается, терзается сердце, уста в сказании трепещут, и срамота очи помрачает. Да и сказания не требуете, слышателие! Еще бо прошлый по тысящи и седмсот осмнадесятый год, аки бы не минувший и не прешедший, пред очима нашима стоит, который открыл нам и разрушил преужасную, которая уже уготована была, трагедию. О стыдения лица! О тяжести сердца нашего! Чего не желаем

слышати в чуждых народах, тое мы понуждени были видети дома у нас. Сыновнее (како сказати сие, да как же и умолчать!), сыновнее на отца востание! * Да неполная речь се: сыновнее и подданское, на отца и государя своего, — да каковое? И сродными, и кровными сковники вооруженное и разнообразных злодеев, лукавых рабов, и лицемерных святцов, и силных, и немощных, и богатых, и нищых суккурсами подкрепленное. Кроме срама и различных сердечных болезней, кого благоразсуднаго сие тогда обличенное зло весьма не помрачило удивлением? Дивная была и вышепомянутая на монарха сего в начале владения его измена, но без соравнения дивнейшая сия новая явилася. Тогда он мал был, отрок был, новый был и, яко солнце при восхождении своем, не силен, и понеже неизвестно было еще, что ему смотрение небесное уготовляло; того ради страха божия не имущым и не страшен был. Но когда возрастом и силою (не о теле глаголю, но о славе и храбрости) превеликий уже исполин показался, когда сильный соперник, в борьбу с ним вшедшый, изнемогл весьма и о дерзости своей раскаялся, когда и далекия страны от грома оружия его содрогнулися, не дивно ли, что и тогда нецыи от подданных и от ближайших своих дерзнуть на его не усумнилися? Как было не славити толь уже славнаго? Как не любити и нашея славы виновнаго? Как не боятися сильнаго, победительнаго и всюду страшнаго? Видяще же его не видимым щитом божиим, но явно покрываемаго, как было злое на него не ужаснутися и помыслить? Однакож иначе сталося. Виждь зде, всяк не крайне ослепленый, зри и виждь слепоту мятежников, шатание диавола, искушение самодержца, бедство всего отечества, но зри и виждь и чудесное божие смотрение.

Великая оная напасть не токмо многия могущества своего имела надежды от домашних, но и от чуждих сил. Что же сделалося? Чуждым советы помешалися, домашних коварства открылися: пожар, как было видети, великий начинался и долго Россию разрушать имущий. А промыслом божиим вся оная лютость вскоре исчезла, и, яко сено воспламенувшися, сама, без вреда отечества, незапно сгорела. Живый на небесех посмеялся им, и господь поругался им. Разоряяй советы язык, отметаяй мысли людей и отметаяй советы князей вся оная лютая начинания упразднил.

Видимо же наипаче стало смотрение в начатии, и продолжении, и благополучном окончании бывшей войны.

Кроме бо силы и искусства неприятельскаго вышепомянутого, и зде от своих подданных великое, и не одно, оружию самодержца нашего было, как добре ведаете, помешательство и препятствие. Свирепый бунт донский и жестокий мятеж астраханский * мало ли монаршему сердцу смущения, отечеству же от-

чаяния приносил? И от тех же наших бедствий не великия ли неприятелю возрастали надежды преуспеяния своего? Что же речем о измене окаяннаго Мазепы? Когда он не в начале войны, не в некоей небольшой опасности, но в крайнем добра или зла нашего чаянии, к помощи супостат и к разорению отечества нашего, бесом влекомый, устремился? Не сему ли сие подобное явилося, когда бы кто на горящый дом солому и сено бросал или в лютейшем волнении скважни в корабле делал? Что тогда было на сердце тако искушаемаго и аки бы уже предаемаго государя, сам он тогда показал, возгласив жалостне к богу при всенародном молении псалом оный, на льстивых рабов и врагов отмщения просящый: «Боже хвалы моея не премолчи».

И то искушение, — зрите же и божие смотрение, что в таком добра нечаянии или паче отчаянии сталося? Отложился вред, которого на себе изблизка мы ожидали, а пришло благополучие, которого и издалече надеятися трудно было.

Естьли бо на давнейшыя и новейшыя напасти, на его величество бывшыя, посмотрим и прикладов им в писании поищем, увидим ясно, что от многих и разных претерпенныя беды сей един претерпел и понесл на себе. Было уже на него востание и Каиново на брата, и Авесоломово на родителя, и Исмаилово на свободнаго, и Симеево на государя, и Иудино на христа господня. В таковых огнях, в таковых горнилех искушено было злато сие. А из сего что видим? Не видим ли, како высокий промысл божий разделенныя иным, ему совокупленная даровал щедроты своя, всем оным бывшим искушениям воздання, а имянно: ублажение (аще событием и разное) Авелево, наследие Исааково, спасение Давидово; прославление, не по равенству, но по подобию, Христово. И сему бо помазаннику своему, первее страдати повелев, благословил внити во славу свою, во славу, мир весь исполняющую, в славу сию, о ней же не постыдно хвалимся и не всуе радуемся, в славу, которой не токмо сказания, но и удивления равнаго не имеем. Разве малым некиим примерцем и малой ея части показанием славы сея величие покажем. Да якоже от единаго перста исполиннаго познаваем, коликое все тело было, тако и пользы и славы монарха нашего и нашей им полученной множество объявлением некоея частицы уведаем. И мое о том разсуждение такое есть.

Аще бы не сей сосед наш, но ин кто либо к войне возбудил Россию, все не то было бы, что уже есть. Мало то, что отнятые некие страны не были бы возвращены, но то большее, что не умела бы еще Россиа и трактовать и воевать с европейскими народы, не разумела бы намерений, претенсий и хитростей их, не ведала бы сил и регул воинских, не отворила бы себе моря Севернаго и к честной с лучшым светом коммуникации и к без-

опаснейшему пределов своих охранению. И яко не великая польза в храмине закутать стену южную, естьли скважни не заделаны от ветра полунощного, так и нам, хотя бы сделалось безпечалие от иных стран, но остался бы великий страх от сильнаго и разорительнаго Севера. Ныне божиим премилосердым промыслом чрез сию войну получила Россиа лучшее, изучилася недоведомых себе, земный и водный путь к пользе и славе своей отворила и великим безопасием оградила отечество свое. Оградила, глаголю, то есть отвсюду аки бы адамантовыми стенами обвела. По моему бо мнению, аще бы других не так сильных и укротила противников, сумнительна бы еще была сила ея, понеже остался бы сильнейший еще; но когда сильный самый, который всем прочым страшен был, а с нами и воевать негодовал, когда тот изнемогл, мощно знать, что о силе российстей прочыи народи разсуждают. Тако премудрый в советах своих бог долголетною мимошедшею войною Россию от вышеописанной преждней грубости и немощи произвел в силу, честь и славу толикую, коликой ниже мы, ниже весь мир надеялся. А когда дарованная нам толикая чрез войну благодеяния сим честным, и полезным, и весьма благословенным миром заключил, воистинну милость свою нерушимою печатию закрепил и утвердил то, еже сотворил в нас.

Видели милость божию. Что же, не видим ли нашего к благодарению долженства? Но что воздамы господеви о всех, яже воздаде нам? За безмерная его благодеяния подобало бы нам воздать ему и безмерное благодарение. Но понеже немощни и скудни есмы, то поне по силе, от него ж нам подаемой, воздадим славу ему. Величия сотвори с нами в мимошедшей войне, познаваймо же и исповедуймо величество его нелицемерным страхом. Мир даде нам и миром прежде данныя щедроты своя заключил; исповедуймо его безприкладную благость, неисчетное милосердие, отеческое благоутробие вседушною любовию. Неславных, и презираемых, и в притчу и поругание соседом нашым бывших нас, толь высоко превознес и прославил нас; прославим убо его не усты токмо, но и сердцем, не словом токмо, но и делом, тако обновляя и исправляя житие наше, да не имя прославившаго нас хулится в нас. Изрядное благодарение сделаем, когда, по имени православнии словуще, пребудем в непокаянии, в суеверии, в лихоимстве, в хищении, в кривосудии, в безумной гордости и проч.[a] Се же да ведаем, о православнии, что никогда же так жестоко не раздражается бог, яко егда, многая показав милости, непрославлен и презираем пребывает. Когда убо толиким его благоволением, нам явленным, радуемся, вострепещим

---

[a] *На полях* Ирониа, си есть наругание

купно и убоимся, да не в горшее преджних злоключение низпадем!

Главнейшее же благодарствия нашего долженство сие есть, да того служителя божия, державнейшаго нашего монарха, чрез него же толикая благая свышше получили мы, непритворною любовию и всежелательными сердцы объемлем и почитаем. Оружие, от него сделанное нам и изощренное, да будет нам любимо и содержимо, яко великий дар божий. Кое бо бывши может горчайшее и злейшее неблагодарствие, яко великий дар повреща на землю? Да и увещавати к сему не требе, нужда уже, нужда великая настала того. Всуе думают, аще кии легкодушники думают, что может Россиа по прежнему и без правильнаго воинства безпечальна пребывати. Деялось так, хотя и то на малое время, ово забвением, ово нерадением, ово же презорством окрестных народов. Отселе, когда так высоко рамена оружеиосная своя подняла и на весь свет показала Россиа, когда самыи сильнейшыи, чего никто не надеялся, дознали, когда народы европскии, чего боялися, да некогда будет у нас, дождалися, — воинства регулярнаго, страшной артилерии, флота морскаго, — яко зело о своем нерадении раскаеваются так, аще бы узрели нас в прежднюю грубость и невежество отпадшых, воистинну не токмо исправитись не допустят, но и свободно жити не дадут. Нужда убо, нужда есть исправленное Петром Великим оружие держати крепко, искусно и неусыпно. И се не мое учение: учат нас многия разоренных таковым то оружия небрежением государств приклады; учит нас преважнейшее и присной памяти достойное слово самодержца нашего, который поздравлен от подданных своих толикою дел своих славою, предложил им и сие в ответе своем,* дабы не вознерадели и в мирном состоянии о искусстве воинском, и аки перстом показал горький и всем страшный таковаго нерадения плод — падение Греко-римской империи. И сие должно от нас первое во главных благодарение вышнему. Како бо не должно? Когда видим кого хлеб на землю метающа, укоряя его, выговариваем, что то дар божий есть. А когда искусство воинское, толь дивним смотрением божиим данное нам, и толикой пользы и славы нашей виновное, и толь и впредь потребное и нуждное нам, что без него не токмо славы, но и свободы и веры лишитися можем, оставим и пренебрежем, — не дар ли то божий повержем на землю? Не допустит сего неусыпный отечества страж, монарх наш милостивейшый. Но мы должни, не за страх токмо, яко раби, но и искреннею любовию, яко сыны, и прямою совестию, яко правоверии, исполнять волю его.

Второе же благодарение главное есть сие, которое також предложил нам державнейшый отец наш. Да будет в правитель-

ствующих лицах прилежное разсуждение и попечение о том, как бы лучше и коими угоднейшыми средствии произвесть всенародную пользу, обрадование, облегчение! Изряднейшее сие нашего к богу благодарствия было бы действие. Когда бо человеколюбивый бог по тяжкой и многолетней войне благословил нас толь честным, радостным и славным миром, яве есть, что не по достоинству нашему, но по своему благоутробию милосердствует еще о народе сем, утешитися же и обрадоватися благоволит ему. Како же обрадуется народ миром, аще сладких плодов его не причастится? Мира плоды, от вне: безпечалие от нашествия и безопасные к чуждым странам, купли ради и политических польз многих, исходы и входы. Но сия уже благополучным самодержца нашего оружием получили мы. Плод же мира от внутрь есть умаление народных тяжестей. Что будет, если не будет расхищение государственных интересов: плод мира есть своей всякому чести и имения целость, щитом правды сохраняема. Что будет, если не будет в судех тлетворныя страсти и злодейственных взятков: плод мира есть общее и собственное всех изобилие. Что будет, если переведется многое множество тунеядцов, искоренятся татьбы и разбои и искусство экономическое заведется: плод мира есть всяких честных учений стяжание. Что будет, естли, отложа высокое о нас мнение, гнушатися начнем грубости и невежества и детям нашым лучшаго во всем (ревнуя прочым честным народам) исправления возжелаем. Но не моего искусства есть о сем подробну разсуждати: искуснее о сем разсудят высокоправительствующыя сословия. Скажем только, коликая о сем должность их. Како бо малую наречем? Бог сам, мир даруя нам, благополучия народу сему желает, — мы же о том не помыслим? Бог добра нам нашего хощет, — мы пресечем и не допустим? Смотрим на великий благодарнаго сердца образ, на державнейшаго монарха нашего: оставил народу многочисленныя долги, отпустил всем тяжчайшыя вины, разрешил узы, отверзл темницы, испразднил катарги.* О, коль многие домы исполнил радостию! Великое то воистинну господеви своему воздал благодарение! Смотрите же на сие прочии, которым бог и государь попечение о добре общем вручил, и аще оное нерадением вашим упущено будет, кий о неблагодарствии ответ воздасте, разсуждайте!

Сия о главных благодарениях разсуждая, и всяк собственно помыслит о себе, что мы должни господеви за толикое к нам милосердие его. И понеже вкратце сказати сего не можем, то приведем себе на память краткое, но многосильное слово Павла Великаго, которое и долженства наша заключает и мира божия обещанием утешает нас, и одни к другим глаголем оное: О братие наша! Елика суть истинна, елика честна, елика праведна,

елика пречиста, елика прелюбезна, елика доброхвальна, аще кая добродетель и аще кая похвала, сия помышляим, сия творим, и бог мира будет с нами.[б]» Аминь.

СЛОВО

НА ПОГРЕБЕНИЕ ВСЕПРЕСВЕТЛЕЙШАГО ДЕРЖАВНЕЙШАГО ПЕТРА ВЕЛИКАГО, ИМПЕРАТОРА И САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССИЙСКАГО, ОТЦА ОТЕЧЕСТВА, ПРОПОВЕДАННОЕ В ЦАРСТВУЮЩЕМ САНКТПЕТЕРБУРГЕ, В ЦЕРКВИ СВЯТЫХ ПЕРВОВЕРХОВНЫХ АПОСТОЛ ПЕТРА И ПАВЛА, СВЯТЕЙШАГО ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СИНОДА ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТОМ, ПРЕОСВЯЩЕННЕЙШИМ ФЕОФАНОМ, АРХИЕПИСКОПОМ ПСКОВСКИМ И НАРВСКИМ, 1725, МАРТА 8 ДНЕ[а]

Что се есть? До чего мы дожили, о россиане? Что видим? Что делаем? Петра Великаго погребаем! Не мечтание ли се? Не сонное ли нам привидение? О, как истинная печаль! О, как известное наше злоключение! Виновник безчисленных благополучий наших и радостей, воскресивший аки от мертвых Россию и воздвигший в толикую силу и славу, или паче, рождший и воспитавший прямый сый отечествия своего отец, которому по его достоинству добрии российстии сынове безсмертну быть желали, по летам же и состава крепости многолетно еще жить имущаго вси надеялися, — противно и желанию и чаянию скончал жизнь и — о лютой нам язвы! — тогда жизнь скончал, когда по трудах, безпокойствах, печалех, бедствиях, по многих и многообразных смертех жить нечто начинал. Довольно же видим, коль прогневали мы тебе, о боже наш! И коль раздражили долготерпение твое! О недостойных и бедных нас! О грехов наших безмерия! Не видяй сего слеп есть, видяй же и не исповедуяй в жестокосердии своем окаменен есть. Но что нам умножать жалости и сердоболия, которыя утолять елико возможно подобает. Как же то и возможно! Понеже есть ли великия его таланты, действия и дела воспомянем, еще вящше утратою толикаго добра нашего уязвимся и возрыдаем. Сей воистинну толь печальной траты разве бы летаргом некиим, некиим смертообразным сном забыть нам возможно.

Кого бо мы, и каковаго, и коликаго лишилися? Се оный твой, Россие, Сампсон, каковый да бы в тебе могл явитися никто в мире не надеялся, а о явльшемся весь мир удивился. Застал он в тебе силу слабую и зделал по имени своему каменную,*

[б] *На полях* К филип. глава 4, стих. 8, 9

[а] *В издании опечатка* 10 дне

адамантову; застал воинство в дому вредное, в поле не крепкое, от супостат ругаемое, и ввел отечеству полезное, врагом страшное, всюду громкое и славное. Когда отечество свое защищал, купно и возвращением отъятых земель дополнил и новых провинций приобретением умножил. Когда же востающыя на нас разрушал, купно и зломыслящих нам сломил и сокрушил духи и, заградив уста зависти, славная проповедати о себе всему миру повелел.

Се твой первый, о Россие, Иафет, неслыханное в тебе от века дело совершивший, строение и плавание карабельное, новый в свете флот, но и старым не уступающий, как над чаяние, так вышше удивления всея селенныя, и отверзе тебе путь во вся концы земли и простре силу и славу твою до последних окиана, до предел пользы твоея, до предел, правдою полагаемых, власть же твоея державы, прежде и на земли зыблющуюся, ныне и на мори крепкую и постоянную сотворил.

Се Моисей твой, о Россие! Не суть ли законы его, яко крепкая забрала правды и яко нерешимыя оковы злодеяния! Не суть ли уставы его ясныя, свет стезям твоим, высокоправительствующий сигклит и под ним главныя и частныя правительства, от него учрежденныя! Не светила ли суть тебе к поисканию пользы и ко отражению вреда, к безопасию миролюбных и ко обличению свирепых! Воистинну оставил нам сумнение о себе, в чем он лучший и паче достохвальный, или яко от добрых и простосердечных любим и лобызаемь, или яко от нераскаянных лестцов и злодеев ненавидимь был.

Се твой, Россие, Соломон, приемший от господа смысл и мудрость многу зело. И не довольно ли о сем свидетельствуют многообразная философская искусства и его действием показанная и многим подданным влиянная и заведенная различная, прежде нам и неслыханная учения, хитрости и мастерства; еще же и чины, и степени, и порядки гражданския, и честныя образы житейскаго обхождения, и благоприятных обычаев и нравов правила, но и внешний вид и наличие краснопретвореное, яко уже отечество наше, и отвнутрь и отвне, несравненно от прежних лет лучшее и весьма иное видим и удивляемся.

Се же твой, о и церкве российская, и Давид и Константин. Его дело — правительство синодальное, его попечение — пишемая и глаголемая наставления. О, коликая произносило сердце сие воздыхания о невежестве пути спасеннаго! Коликия ревности на суеверия, и лестническия притворы, и раскол, гнездящийся в нас безумный, враждебный и пагубный! Коликое же в нем и желание было и искание вящшаго в чине пастырском искусства, прямейшаго в народе богомудрия и изряднейшаго во всем исправления!

Но о многоименитаго мужа! Кратким ли словом объимем безчисленныя его славы, а простирать речи не допускает настоящая печаль и жалость, слезить токмо и стенать понуждающая. Негли со временем нечто притупится терн сей, сердца наша бодущий, и тогда пространнее о делах и добродетелех его побеседуем. Хотя и никогда довольно и по достоинству его возглаголати не можем; а и ныне, кратко воспоминающе и аки бы токмо воскрилий риз его касающеся, видим, слышателие, видим, беднии мы и нещастливии, кто нас оставил и кого мы лишилися.

Не весьма же, россиане, изнемогаим от печали и жалости, не весьма бо и оставил нас сей великий монарх и отец наш. Оставил нас, но не нищих и убогих: безмерное богатство силы и славы его, которое вышеименованными его делами означилося, при нас есть. Какову он Россию свою зделал, такова и будет: зделал добрым любимою, любима и будет; зделал врагом страшную, страшная и будет; зделал на весь мир славную, славная и быть не престанет. Оставил нам духовная, гражданская и воинская исправления. Убо оставляя нас разрушением тела своего, дух свой оставил нам.

Наипаче же в своем в вечная отшествии не оставил нас сирых. Како бо весьма осиротелых нас наречем, когда державное его наследие видим, прямаго по нем помощника в жизни его и подобонравнаго владетеля по смерти его, тебе, милостивейшая и самодержавнейшая государыня наша, великая героина, и монархиня, и матерь всероссийская! Мир весь свидетель есть, что женская плоть не мешает тебе быть подобной Петру Великому. Владетельское благоразумие и матернее благоутробие, и природою тебе от бога данное, кому не известно! А когда обое то утвердилося в тебе и совершилося, не просто сожитием толикаго монарха, но и сообществом мудрости, и трудов, и разноличных бедствий его, в которых чрез многая лета, аки злато в горниле искушенную, за малое судил он иметь ложа своего сообщницу, но и короны, и державы, и престола своего наследницу сотворил.* Как нам не надеятся, что зделанная от него утвердиш, недоделанная совершиш и все в добром состоянии удержиш! Токмо, о душе мужественная, потщися одолеть нестерпимую сию болезнь твою, аще и усугубилася она в тебе отъятием любезнейшей дщери * и, аки жестокая рана, новым уязвлением без меры разъярилася. И якова ты от всех видима была в присутствии подвизающагося Петра, во всех его трудех и бедствиях неотступная бывши сообщница, понудися такова же быти и в прегорьком сем лишении.

Вы же, благороднейшее сословие, всякаго чина и сана сынове россиистии, верностью и повиновением утешайте государыню и матерь вашу, утешайте и самих себе, несумненным познанием

петрова духа в монархине вашей видяще, яко не весь Петр отшел от нас. Прочее припадаем вси господеви нашему, тако посетившему нас, да яко бог щедрот и отец всякия утехи ея величеству самодержавнейшей государыни нашей и ея дражайшей крови — дщерям, внукам, племянницам и всей высокой фамилии отрет сия неутолимыя слезы и усладит сердечную горесть благостынным своим призрением и всех нас милостивне да утешит. Но, о Россие, видя кто и каковый тебе оставил, виждь и какову оставил тебе. Аминь.

СЛОВО

НА ПОХВАЛУ БЛАЖЕННЫЯ И ВЕЧНОДОСТОЙНЫЯ ПАМЯТИ ПЕТРА ВЕЛИКАГО, ИМПЕРАТОРА И САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССИЙСКАГО, И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ, В ДЕНЬ ТЕЗОИМЕНИТСТВА ЕГО ПРОПОВЕДАННОЕ В ЦАРСТВУЮЩЕМ САНКТПЕТЕРБУРГЕ, В ЦЕРКВИ ЖИВОНАЧАЛЬНЫЯ ТРОИЦЫ, СВЯТЕЙШАГО ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СИНОДА ВИЦЕПРЕЗИДЕНТОМ, ПРЕОСВЯЩЕННЕЙШИМ ФЕОФАНОМ, АРХИЕПИСКОПОМ ПСКОВСКИМ И НАРВСКИМ

Се день, о сынове российстии, прежде нам великую материю радости подававший, ныне же непрестающую скорбь и печаль вящше возбуждающий, день тезоименитства Петра Великаго! Прежде в сей день торжествовала Россиа, благодаря смотрению божию за дарованнаго себе монарха, перваго толикия славы в царех российских первому апостолу тезоименнаго и не всуе имя сие имевшаго, твердаго в вере, крепкаго в деле и как на утверждение отечества, так и на сокрушение супостат наших каменю подобнаго. Ныне же день сей, тоежде блаженство наше нам воспоминая, но уже от нас взятое, всех обще сердца наша, доселе от горести не услажденная, еще и паче огорчевает. Но что на пользу весьма побеждатися болезнию, когда так не возвратим, чего мы лишилися! Не лучше ли то нам зделать, что и богу и Петру нашему должни мы? То есть предложить на среду славныя таланты, дела же и действия Петрова. Вем, что сих воспоминание покажет, коликая нам зделалася трата, и тако великая в нас возбудит стенания. Обаче, о слышатэлие, каковаго нас чудный муж сей исполнял духа, то есть крепкаго, мужественнаго и в христианской философии искуснаго, таковым духом и сие последнее послужение наше совершить ему долженствуем. Скорбим и сетуим, но не яко окамененнии; плачимся и рыдаим, но не яко отчаяннии; тужим от горести сердца, но не яко немии и чувств лишившиися. Многая одолжают нас, да не умолчим

богоданных дарований, которыми нас обогатил изобильно, а весь свет довольно удивил сущий сей отец наш Петр воистинну Великий. Требует того от нас превысокое не по власти токмо, но и по силе достоинство его; требует раболепное и сыновнее благодарствие наше; требует и наипаче явленное нам чрез него великое благодеяние божие. Петрова бо дела предлагая, предложим дела божия, которая по всей селенней проповедуемая; аще мы умолчим, то якоже отъятием делателя недостойни их являемся, тако и молчанием неблагодарни богу явимся.

Того ради, исполняя по силе сие наше долженство и приступая к некоему Петровой славы повествованию (к некоему, глаголю, повествованию, не равному и не довольному, которому разве великия книги могут быть довольныя), молю и прошу христолюбие ваше не о чем обычно просят слышателей проповедники, то есть да нестужительне слышать изволите, но что напомянулося прежде, — да мужественное, и любомудрое, и Петрову сердцу подобное возъимеете великодушие и терпение, еже бы слышащым толикая благая, которых совершитель оставил нас, в конец душею не ослабеть.

Тебе во первых и наипаче касается наше сие прошение, державнейшая монархиня наша, сильная сильнаго наследница! Потщися одолети нестерпимую болезнь твою известным всем в женской плоти твоей мужеством, подержи терпеливне вонзенный в сердце твое терн сей и оружие, душу твою проходящее. Аще бо и прежде, сопутствуя Петру в великих и трудных походах его и всякия страхи мужественне презирая, едиными его самаго бедствии ты сокрушалася, — то кто исповесть нынешнюю твою горесть, Петра отъятием вшедшую в тебе! Того ради, при слышании Петровых дел, славою оных услаждай сердце твое и толикое лишение крайним великодушием понеси. Аз же надеюся, что повествованием сим не токмо возбудимся к благодарению божией милости, много нам в Петре нашем благодеявшей, и Петру, много милостию божией действовавшему, но и в настоящей скорби нашей получим отраду и утешение.

Не тако бо нас, о россиистии сынове, не тако оставил нас отец наш, аки бы вся своя с собою унесл, но оставленным оставил нам неисчетная богатства своя и различная дарования: ово во учении и образе, ово же и в содеянных делах, великих и безчисленных. Трудность только предлежит, како бы оная обнять и представить словом, а еще кратким и малоискусным. Вижду бо пространный облак сил и дел добродетельных, и что первее, что потом, что же послежде сказать, но и что воспомянуть, что же за краткость времене и оставить, недоумеваю. Посмотрим на двойственную должность и дело, первое, яко просто царя, второе, яко царя христианскаго, и каков и

колик во обоих сих Петр показался, нечто, аще и несовершенно, сказать довольно будет. Чин же и порядок слова сего приимем от премудраго Иисуса Сирахова, который, похваляя Давида царя, первее воспоминает труды его человеческия, отечество пользовавшыя, потом же дела богословская, благоверию и церкви пособившая.

Посмотрим же и мы первее на труды монарха нашего аки бы просто человеческия, хотя и не много в человецех подобная обретаются, и кия он пользы отечеству нашему, богоданному достоянию своему, сотворил. А к сему великому делу нужда есть монарху, аще имя свое не вотще носит, нужда есть иметь аки две некие не телесные, но умные руки — силу, глаголю, воинскую и разум политический: едино из них к защищению, а другое к доброму управлению государства. И непристойно еще руками сия нарицаю, понеже невозможно и двема рукама двоих дел купно, а еще разстоящих и разноличных делать; лучше так сказать, что таковому человеку нужда есть быть сугубым человеком: был бы он и в деле воинском искусный и храбрый, и в деле правительском премудрый и прилежный. Много ли же таковых государей в историах обрящем? А Петр наш есть, и будет в последния веки таковая то историа, и чудная воистинну и веру превосходящая.

Хощеши ли видеть его силу воинскую? С природы охотный к оружию и жаркий к огню военному, во отроческом возрасте как играл и в чем забавлялся? Водить и строить полки, созидать крепости и тыяжде доставать, и оборонять, и полевым боем сражатся — то его забавы и потехи, то его младенческая играния. И что весьма пречудно, когда не пора еще было быть ему учеником воинским, он уже аки старый того учитель, прежднее неправильное воинство яко слабое к защищению, но токмо к разорению отечества сильное узнав, презирать и отставлять, а новую регулу вводить потщался. И если бы таковый отрок у римлян оных древних, языческим суеверием ослепленных, явился, вси бы воистинну веровали, что он от Марса рожден есть. Скоро же тогда малыя и не довольныя земныя походы показалися ему. Увиденный по случаю или паче по смотрению божию ботик оный, древо тогда презренное, ныне же преславное, толикую разжегло в пространном сем сердцы охоту к навигации, что успокоитися не могл, донележе не достигл совершенчаго воднаго безпокойства. Кто же не удивится, как скоро и коль высоко от отроческих оных забав выскочил! В потешных войнах аки бы в прямых и великих обучився, возрадовася аки исполин тещи путь, и позван от европских потентатов в конфедерацию на турка, не дожидаяся начинания их, устремився на лютаго онаго супостата Христова и отъятием крепких его щи-

тов — Кезикермена, где силою и повелением, и Азова, где лицем и действием, присутствовал. Много отъял у него высокоумнаго духа и показанным на мори Черном флотом, до толь неслыханным, в страх и в сумнение привел его. И тако не отечества токмо своего, но всего христианства защитник показался.

И туды он весь дух свой простирал. Крепкое его намерение было попрать и умертвить дракона магометова или поне изгнать его из рая восточнаго. И небезнадежное того чаяние было, аще бы ты, о добрая Европо, отстала нрава и обычая своего, то есть несогласия и рвения, и аще бы друг другу в общем всех бедствии не завидел, но споспешествовал.

Но бог дивный в судьбах своих благоволив в Петре явити силу и славу российскую и мир весь удивити, пресечением тогда турской войны не отъял у него, но пременил благословение свое.

Преставшей бо от Юга, востала буря от Севера, война Шведская воспланулася. О и имя страшное! Шведская война! Где в свете ни услышано, что Русь с шведами в войну вступили, согласно говорено, что России конец пришел. И как не так было прорицать? Шведская сила всей Европе была страшная, а российская едва некоею силою нарицатися могла. Что же зделалося? Оное многих о крайнем падении российском пророчество весьма ложное показалося. Но мало то. Ложное было бы оное пророчество, хотя бы мы, сразившеся с неприятелем, равным щастием и нещастием разошлися. Но то зделалося, о чем не токмо никто прорицать, но чего никто и надеятися не могл. Ибо кроме того, что не сильное, и необыкшее к войне, и еще букваря, тако рещи, оружейнаго учитися начинающее воинство вступило в брань с сильными, и давно искусными, и везде единым звуком оружия своего страх и трепет носящими, еще так неравныя случаи и обстоятельства и поведения обоих сторон явилися, что неприятелю мощно было наше уже своим нарицать, а нам не отчаяватися нашего трудно было. Не в одну сторону принуждены делать експедиции, не на одном, но на многих местах вступать в действия, в Ингрии, Карелии, в Естонии, в Ливонии, в Курляндии, в Литве, в Польше, потом же и в Белой и в Малой России, еще потом и в Молдавии (ибо война и турская, от шведской зажженная, шведским огнем и громом нарещися может), еще тогда же и в Померании, и Голштинии, и в Финляндии, и в прочиих странах. Помыслит же некто, что и противной стороне многие оные места проходить нужда была, и тако нам и им равные труды, равные и бедства, — но весьма слеп тот, кто не видел, как то были равные: таковое то было равенство, что откуду противным получены многие корысти, оттуду нам зделалися убытки. Посмотри на Саксонию; где оным явное и действительное приятельство, тамо нам или

сумнительная дружба, или известная вражда и противность. Посмотри на Польшу; и у кого получили они прибежище и защиту, от того мы терпели сильное востание. Посмотри на Порту Оттоманскую; в таковом же и в так бедственном походов многоместии каковыя действия были? Единоличныя ли, каковыя прежде России случалися? Все иное: многовидныя и разнообразныя были подвиги и баталии не с одним народом и не одних воинских регул употребляющым, не только же на земли, но и на мори. Еще же и доставать противных и самих себе оборонять в крепостех; их доставать в крепостех твердых, себе оборонять в некрепких и слабых. Так много видеть было трудностей, что в оной войне многие были войны. И как вкратце представить возможно вся бедствия? Воспомянеш некая, и кажется, что хотя много да только всего того, и се яко тучы находят другия. Каковое бо се и коликое, — чего только я не проронил! Противный монарх в скором времени смирил и сломил двоих наших союзников и одного из них тихо сидеть понудил, а другаго с престола низринул: * убыло же ему противности, а нам помощи. Но и то еще да судит кто не великим. Что же когда и внутренния российския силы начали терзатися! Бунт донский, бунт астраханский, измена Мазепина — не внутреннее ли се терзание? Не самой ли утробы болезни? И тако до того пришло было, что во оной войне не просто уже не крепкая, но больная сущи Россиа со Швециею, паче прежняго возсилевшею, воевала. Каковаго же, — разсудите, — каковаго и коликаго государя оное толь лютое время требовало? Многоочитаго воистинну и многорукаго, или паче многосоставнаго, и на многия места и дела разделять себе могущаго. Тот же то и таков был Петр наш! Петр — сила наша, которою и по смерти его мужествуем! Петр — слава наша, которою до скончания мира российский род хвалитися не престанет! Не доставало ли ему бодрости, трудолюбия, терпения, который толь многия, далекия, безгодныя походы поднял? Не доставало ли ему мужества и храбрости, который сам и в земных, и в морских баталиах, и в приступах, и атаках городовых присутствовал? Не доставало ли ему высокаго разума, котораго и чужие глубокосовестные мудрования и внутренняя изменническая каварства не заплели и не уловили? Но все оныя и от вне и от внутрь вставшыя бури укротил, разсыпал и прогнал Петр. И тогда победил, когда самому ему побеждену быть многие надеялися. И так немощными и изнемогшими победил сильных, как мало и сильнии немощных побеждают. И шлюся я на всех не нашего отечества, но коей нибудь нации не по страстем судящих мужей, не засвидетельствуют ли яко истинному моему сему изречению, что с так славным и страшным (какий наш был) сопротивником

вступить в войну, разве по многих уже со многими народами войнах, было бы нечто не безнадеждно. А Петр, кроме похода Азовскаго, по детских игралищных войнах своих, будто он уже и с спартанами, и с африканами, и с македонами довольно навоевался, вступил в сию многобедную и ужасную войну и на толикую высоту славы востекл, до которой и по многих военных искусствах не мнози добираются. И что же дивно, что он всему миру дивен стал, что и по далечайшим иноземным странам, куды прежде имя российское слухом не доходило, славятся дела его! Но мне еще всемирнаго удивления большее судится быть сие, что и главный его бывший сопротивник со временем силе и мужеству его удивился и от котораго толикия принял язвы, уже того любить начал и, всех прочиих презрев, с ним единым не токмо примирится, но и в союз дружеский совокупится возжелал.* Таковаго воистинну свидетельства сильнейшее в свете никогда не бывало. И слава ли только толикому воспоследствовала мужеству? И то великое приобретение, великая прибыль славы; ибо таковая слава не токмо народам честь приносит, но и, противников сокрушая страхом, лучшее подает безпечалие. Но Петровы труды многия, и кроме славы, породили плоды сладкия и нам и нашим союзникам: земель наших отнятых возвращение, новых завоеванных присовокупление, твоего, польский Августе, престола возставление, твое, короно Датская, охранение,* наше паки славное благополучие, вожделенный, честный и корыстный мир, мир милующаго бога всещедрый дар и обоих народов веселие. Наконец, до толикой славы купно и пользы возросло российское оружие, что и далечайшыя народы протекции и защищения у нас требуют: прибегает о том бедная Иверия, просила и просит корона Персидская,* горские же и мидские варвары, единым оружия нашего зрением устрашени, одни покорилися, другие разбежалися.

Видевше тако, слышателие, каков Петр наш был в деле воинском, что надлежит к заступлению и разширению государства, посмотрим еще, каков и в политическом или гражданском деле был, которую силу должен всяк государь иметь к управлению и исправлению своего отечества, а зде тотчас нечто чудное и дикое нам является. Не скоро таковаго обрящем, который бы и к воинским и к гражданским делам угодный и охотный был: иные весьма военные от политических помыслы, иные советы, иные и, почитай, противные искусства; инаго сие, а инаго оное сердца, нрава и охоты требует, и едва не тако обоим сим в едином человеке трудно быти, как бы буре и тишине быть во одно время и на одном месте. Собственно же то невместимо по видимому быть имело в Петре нашем. И есть ли бы кто, не ведая, коль пространный ко всему дух его был, разсуждал только со-

став тела его, судил бы о нем, что к единому делу воинскому родился он: таковый его возраст, таковое зрение, таковое движение. А то вместилося в нем и сие и оное, и действовало превосходно и необычно, и еще в юношеской плоти мужеская намерения восприял. Великий бо сей монарх, пресекшейся по взятии Азова войне турской, получив мирный покой, праздну быть и без дела в грех себе поставил. Похитили сердце его чужие страны, разными учении и искусствы словущые. Там ему не побывать возмнилося равне, аки бы и отнюдь не быть в мире сем; не видеть и не научится действ математических, искусств физических, правил политических и известнейшия к тому гражданския, воинския и карабельныя архитектуры, — тех и прочиих учений не перенять и аки дражайших товаров не вывесть в Россию, равне аки бы и не жить судилося ему. Жалостно было отлучится отечества и дому, матери своей благоутробнейшей и любезнейшей фамилии отлучился. Тяжело было поднять на тело юношеское неспокойства и безгодия, еще же и бедствия дорожныя — поднял. Трудно было перебыть завистная препятствия, ово тайная и лестная, ово же и явная, — перебыл. Так охотно избегл от отечества ради отечества, как бы другий уходил из плена и неволи; так к трудам спешил, как бы кто к царствованию; и так весело в деле корабельном и прочиих вышепомянутых учениях трудился, как весело никто не седит и на брачном пировании: даже получил, чего желал, даже иный от себе, даже сам от себе лучший возвратился.

Что же, сам ли только лучший стал? Сам ли себе только добр и совершенен показался? Вемы воистинну дух мужа сего, что единоличное свое и собственное добро, есть ли бы не сообщил всему отечеству своему, никогда бы в добро себе не поставил. Прямая то была глава российская, не превосходством точию власти, но и самым делом. Яко же бо глава зделанныя в себе духи живительныя по всем членам и составам роздает, тако и сей монарх, наполнен быв разными исправлении, наполнять теми же и вся чины отечества своего прилежно потщался. И мало ли тщанием своим зделал? Что ни видим цветущее, а прежде сего нам и неведомое, — не все ли то его заводы? Есть ли на самое малейшее нечто, честное же и нуждное, посмотрим, на чиннейшее, глаголю, одеяние, и в дружестве обхождение, на трапезы и пирования и прочия благоприятныя обычаи, — не исповемы ли, что и сего Петр нас научил? И чим мы прежде хвалилися, того ныне стыдимся. Что же рещи о арифметике, геометрии и прочих математических искусствах, которых ныне дети российстии с охотою учатся, с радостию навыкают и полученные показуют с похвалою! Тыя прежде были ли? Не ведаю, во всем государстве был ли хотя один циркли к, а прот-

чаго орудия и имен не слыхано; а есть ли бы где некое явилося арифметическое или геометрическое действие, то тогда волшебством нарицано. Что о архитектуре речем, каковое было и каковое ныне видим строение? Было таковое, которое насилу крайней нужде служило, насилу от воздушной противности, от дождя, ветра и мраза охранять могло, а нынешнее сверх всякаго изряднейшаго угодия красотою и велелепием светлеется. Что еще и о воинской и о карабельной архитектуре? Того у нас прежде и живописцы правильно изобразить не умели. Но тако, по единому дела Петрова исчисляя, никогда конца не дойдем. Лучше все двема силами оглавить, которых себе от государей своих всякий народ требует: сия же суть народная польза и безпечалие.

Хощем ли видеть пользу? Смотрим на правительства, Берг-коллегию, Камор-коллегию, Коммерц-коллегию, Манифактур-коллегию и Магистрат главный. Смотрим на многая заведенная от него, ово для пресечения убытков, ово и для приискания прибылей способы: на заводы минеральныя, домы монетныя, врачевския аптеки, холстяныя, шелковыя и суконныя манифактуры, на предивныя бумажныя мельницы, на разных судов купеческих строения и иная многая у нас прежде небывалыя майстерства, и для удобнейшаго с места на место сообщения корыстей сведенныя перекопами реки и покопанныя каналы, то есть реки новыя и плодоносныя.

Хощем ли познать разныя и многовидныя безпечалия и охранения нашего виды? Смотрим на правительство юстиции, — сие страхом меча праведнаго от внутренних обид, напастей и прочиих злодейств защищает нас; на коллегию вотчинную, — сия всякаго собственныя оберегает пределы; а понеже внутренний за грехи нашя умножился вред, домашнее неприятельство, разбой, — есть и на него собственное гонительное воинство. А от внешняго страха, от супостатскаго нападения ограждая отечество свое, что оставил и чего к тому надлежащего не зделал многоочитый Петр? Адмиралтейским и воинским правительством устроил на мори и на земли аки защиты и адамантова забрала. И какия к тому пособия приложил? Оныя походныя, тако рещи, фортецы крепкия и страшныя, и не токмо к обороне, но и к наступательной войне угодныя; флот, глаголю, воинский, толь и сильный и славный; оныя безопасныя от морской свирепости и свирепейших моря неприятелей гавани или пристанища; оныя непрестанно множащыяся артилерии; оныя новыя по рубежам регулярныя крепости. И что еще? Крепости, штурмом взятыя, того ради самаго, что сам оныя непобедимою силою сокрушить и достать могл, вменив не крепкия, тыя же без сравнения крепчайшыя поделал. Сие наипаче место, неславное

прежде и в свете незнаемое, а ныне преславным сим царствующим Петрополем и толь крепкими на реке, на земли и на мори фортецами утвержденное купно и украшенное, — кто по достоинству похвалить может? Не видим ли зде и пользу и защиту российскую? Се и врата ко всякому приобретению, се и замок, всякия вреды отражающий: врата на мори, когда оно везет к нам полезная и потребная; замок томужде морю, когда бы оно привозило на нас страхи и бедствия. Вся же та как пользованию нашему, так и охранению изобретенная, введенная, зделанная, да бы и правильно и крепко содержатся могли. И о том неусыпное было Петрово попечение: что ни обретается в уставах и законах исправнейших в Европе государств, к исправлению отечества нашего угодное, все то выбирать и собирать тщался и сам к тому много от себе придал и довольныя регламенты, и многия скрижали законныя сочинил. И да бы от судей и управителей небрегомо то или и развращаемо не было, желая себе всевидящия человечески очи иметь, уставил чин прокуроров, то есть правды оберегателей. И да бы всякое злодейство, яко в зелии ехидна, сокрытися не могло, чин фискальства определил и одолжил оное не токмо траты государственнаго интереса, но и персональные подданных своих обиды усматривать и объявлять, таковых наипаче бедных человек, которые суда и управы искать или ради худости своей не могут, или ради силы обидящих не смеют. Все же то утвердил и заключил высоким правительством сенатским. Сенат — действительная рука монаршая; Сенат — орудий орудие и правительство правительств. Коллегии прочие, яко весла и парусы, а Сенат — кормило. Се видим безчисленная приобретения и пользы, се благонадежныя защиты наша. И все ли то видим, все ли словом заключить можем, чем нас изобильно ублажил и благополучных и славных сотворил Петр Великий! Удивлятся токмо возможно, а выговорить весьма неудобно.

Да еще дивная в дивных и чюдная в чюдных показал, так что довольно и удивлятся не можем. Ибо есть ли бы едиными воинскими токмо делами или едиными токмо исправлении политическими так пользовал Россию, и то было бы дивно. Было бы дивно, есть ли бы одно один, а другое другий государь зделал: как римляне первых своих двоих царей, Ромула и Нуму, похваляют, что он войною, а сей миром укрепил отечество; или как и в священной истории Давид оружием, а Соломон политикою блаженство Израилю сотворил. А у нас и се и другое, да еще в безчисленных и различных обстоятельствах, совершил един Петр. Нам и Ромул, и Нума, и Давид, и Соломон — един Петр. Се не мы только говорим, говорят со удивлением вси иностранные народы; как то в прошлом 1722 году великий посол

польский, именем государя своего и всея республики, в приветствии своем пред фроном и лицем императорскаго величества публично исповедал.

И сия о воинских и гражданских делах, хотя неравная словом предложения, показуют довольно, каков и коликий государь был дивный наш Петр. Но когда речь есть о государе христианском, невозможно не вопросить, каков он был и в делах, к другому оному вечному и безконечному житию надлежащих, ибо хотя непосредственное звание сие есть чина пастырскаго, однакож высочайшее сего смотрение положил бог на предержащих властех. И яко не должни царие воинствовати, разве или за нужду, или за охоту свою, а, да бы порядочно действовало воинство, — смотреть должни, и яко упражнятся купечеством не царское дело, а, да бы обманства в куплях не было, — наблюдать дело царское есть. И тожде разуметь о учениях философских, и о разных майстерствах, и о земледелии, и о всей прочей экономии. Тако хотя проповедию слова утверждать благочестие на царех не лежит долг, однакож долг их есть, и великий, о том пещися, да бы и было, и прямое было учение христианское, и церкви христовой правление. Много о сем учит нас священное писание, наипаче же в царских историях, где в повествовании жития царей иных за доброе церкви управление похваляет, а других за нерадение или развращение правоверия обличает. И по таковаго царскаго долженства исполнению Константин Великий нарицается у Евсевиа Кесарийскаго превосходительне «епископ».

Петр же наш приснопамятный остался ли и в сей славе от лучших израильских и христианских владетелей? Мнится, что нельзя и некогда ему было иметь попечение о церкви, когда весь занят был походами, и действии военными, и строением флота и крепостей, и иными безчисленными делами. Но яко во всем прочем, тако и в сем дивнаго его показал бог: во всем отъятом ему чрез многоделия времени нашел он время пещися и промышлять и о исправлении церковном. И коликое о том было в нем желание, некиими прикладами дел его покажем.

Ведал он, каковая темность и слепота лжебратии нашея раскольников. Безприкладное воистинну безумие, весьма же душевное и пагубное! А коликое беднаго народа множество от оных лжеучителей прельщаемо погибает! И по отеческому своему сердоболию не оставил ни единаго способа, чем бы тьму оную прогнать и помраченных просветить: велел писать увещавания, и проповедьми наставлять, и обещанием милости, и некиим утеснением, то есть десными и шуими от заблуждения отводить, и на мирный разговор призывать. И не безплодное попечение его явилося: многия тысящы обращенных на письме имеем, а упря-

мии и жестоковыйнии горшаго себе осуждения яко безъответнии ожидают.

Ведал он, коликое зло суеверие, которое, когда далече от бога отводит, мнится к богу приводит и душепагубное наносит безопасство; в прочиих бо грехах ведает себе человек грешна быти, а в суеверии мнится службу приносити богу и, тако погибая, мыслит о себе, что спасается, и, завязавши очи себе, безпечально приближается к стремнине адской. Сие ведая и разсуждая, Петр возбуждал аки от сна чин пастырский, да бы суетная предания исторгали, в обрядах вещественных силе спасительной не быть показовали, боготворить иконы запрещали и учили бы народ духом и истинною покланятися богу и хранением заповедей угождати ему.

Ведал он, каковый вред происходит от лицемерия. Лицемеры бо, святыню себе притворяюще, прямые суть безбожники и точию чрево свое имеют в бога, простый же народ к своему скверноприбыточеству уловляюще, непрестанными вымыслами помрачают свет евангельский и люди от любве божия и ближняго отводят, — неба купно и земли, церкви и отечества злейшыя враги. И от сея сладкия отравы всякими образы поддан-ных своих оберегать тщался: притворная чюдеса, сновидения, беснования искоренял, лестцов, колтунами, железами, и рубищами, и лукавым смирением, и воздержанием к виду святости, позлащающих себе, познавать учил и ловить и истязовать приказовал. Так треклятаго сего фарисейства ненавидел, что противное тому простосердечие, аки бы всего протчаго лучшее (как и воистинну есть), в крайней любви содержал. И вечной памяти имеем мы наставление его. Бывшей бо в Синоде конференции о кандидатах на архиерейския степени, сие премудрейшее изрекл слово: «Понеже, — рече, — трудно у нас изыскать к таковому делу совершенне угоднаго, то который явится не лукав, не коварен, не лицемер, но простосердечный, тот буди нам и угодный и достойный». И воистинну слово сильное: ибо простосердечный христианин духом божиим водимь есть и потому и без многокнижнаго учения к своему и к братнему исправлению умудрится.

Ведал же еще Петр, и с великою горестию сердца своего видел, коликое в народе российском умножилося было безсовестие — от исповедания грехов и от причастия вечери господней весьма удалятся. О крайняго бедствия! Удалятся от того, что едино есть нам жизни вечныя виновное! Сие едино услаждает нас в печалех грехопадения нашего, сие поддержит нас, да не во отчаяние впадем, сие от громов гнева и суда божия покрывает нас. Что же и о сем устроил Петр, всем известно.

А всего того, о чем помянулося, к пособию что мог знать, или от слуха и совета, или от своего разсуждения, ничего не упустил. И сюды надлежат повеленныя им заводы школ, сочинения книжиц богословских, древних учителей и историков церковных переводы и перевода священнаго писания исправление; сюды смотрили и старинныя артикулы монашеския возобновленныя, и правила священства и всего церковнаго клира, и, да бы в семени и корени начиналось добро, поданое отроком веры прямой и заповедей божиих учение. И да бы все то происходило, возрастало и утверждалося уставлен духовный правительствующий Синод.

И се, о слышателие, в Петре нашем, в котором мы первее видели великаго богатыря, потом же мудраго владетеля, видим уже и апостола. Таковаго его царя, и царя христианскаго, показал бог!

Но о благоутробнейшаго отца и бодрейшаго монарха нашего! Устроив нам и утвердив вся благая, к временной и вечной жизни полезная и нуждная, ведая же, что все то на нем, яко на главном основании стоит, помышляя же всегда, чего мнози вовсе забывают, что хотя и по составу тела и по силе державнаго достоинства своего крепок и тверд есть, однакож по перстному естеству, нетление в первом прародители погубившему, смертен есть человек, — возъимел прилежное попечение, как бы все от него устроенное не токмо при нем, но и по нем цело пребывало, и его бы самаго долговремением превзошло, и, тако утвердившеся, нерушимо происходило бы во многие веки. И се то прямое царское и отеческое попечение. И не тако пекущиися, которые то только наблюдают, да бы добро было в отечестве при животе их, весьма не радея, что будет по смерти их, не токмо не царски и не отечески, но ниже економски делают и подобни суть путником, шалаши или хижины строящым, которыя да бы целы были и по отшествии их, нет им и помысла. Что же Петр Великий к долговремению устроенных нам благ наших примыслил? Примыслил и зделал то, на чем ныне видим и вся наша и нас самых утверждаемых. Положил другое себе подобно основание, подал нам другаго себе, высокодержавную наследницу, всепресветлейшую августу нашу Екатерину. Ея благонравие долголетным сожительством искусив, ея любомудрие и великодушие в веселых и печальных, в щастливых и бедственных случаях довольне познав, яко же прежде судил быть достойную ложа своего, тако потом и достойную престола своего показал и не просто для чести, как в иных государствах делается, диадимою империи своея венчал ю, но да бы по нем и на малое время не был празден престол его, и смерть бы его не нанесла смущения, и крови, и многих в народе смертей, как прежде

бывало, но и умершу ему, аки бы живу сущу, мир и тишина и дел его крепкое состояние пребывало. И такое свое о коронации супруги своея намерение, в прошлом 1722 году, готовяся в поход Персидский, объявил нам. Как то и сталося по намерению его и по желанию его деется неизреченным к нам милосердием бога нашего, яко в Петре благословившаго нас, тако и в Екатерине благословящаго. И тако Петр, оставляя нас, не токмо оставил нам неисчетная богатства своя, что уже довольно показали мы, но, и оставляя нас, не оставил нас.

Сия же вся от нас предложенная прочиим, издалече его видевшым или только слышавшым, паче меры удивительна покажутся, а вам всем, которые изблизка знали его во всем действующа и пекущася, обхождением же и беседами услаждалися, мню, яко сие о нем слово наше не токмо не дивное, но и не довольное и скудное является. Весте бо, каковая живость памяти, острота ума, сила разсуждения была; как ему не мешало безчисленное преждних случаев множество, что когда ни деялось, к делу настоящему воспомянуть; как скоро и чисто и довольно на трудныя предложения и вопросы ответствовал; как ясныя и полезныя на темныя и сумнительныя доклады подавал резолюции. И понеже в мире сем коварном много утайкою и лестию деется, не токмо между чуждыми себе, но и между своими и домашними, — весте, како он тайно строимая постизал догадами, и что быть хощет и куды выдет аки бы пророчески доходил и опасством своим благовременне предварял, и како, где подобало, знание свое покрывал, что политичестии учители диссимуляцию нарицают и в первых царствования полагают регулах. Дивно всякому было легко разсуждающему, где он и от кого тако умудрен был, понеже ни в какой школе, ни в какой академии не учился. Но академии были ему грады и страны, републики и монархии и домы царские, в которых гостем бывал; учители были ему, хотя и сами про то не ведали, и к нему приходящии послы и гости и его угощающии потентаты и управители. Где ни быть, с кем ни побеседовать случилося ему, то едино смотрел, да бы оное соприсутствие не праздно было, да бы не отъити и не разойтися без некия пользы, без некоего учения. Много же еще ко всему пособило ему, что, изучився некиих европских языков, в исторических и учительских книгах частым чтением упражднялся. И от таковых то учений происходило, что разговоры его о коем либо деле изобильные, хотя не многоречивые, были, и о чем ни произошло слово, тотчас слышать было от него разсуждения тонкая, и доводы сильныя, и, между тем, повести, притчи, подобия с услаждением купно и удивлением всех присутствующих. Но и в разговорах богословских и других слышать и сам не молчать не токмо, как прочии обыкли, не стыдился, но

и с охотою тщался, и многих в сумнительстве совести наставлял, от суеверия отводил, к познанию истинны приводил, что не токмо с честными делал, но и с простыми и худыми, наипаче же когда случилося с раскольниками. И готовое ему на то аки всеоружие было: изученные от священных писаний догматы, наипаче Павлова послания, которыя твердо себе в памяти закрепил. И таковая Петрова дарования нам, добре ведущым и из близкаго и частаго сообществования видевшым, не дивна, но разве недостаточная есть, яко же помянулося, вся вышереченная повесть о воинских, гражданских и церковных делах и попечениях его.

Коликому убо риторству и красноречию быти подобает, которое толь многия и толь честныя силы, добродетели, деяния и дела по достоянию бы их украсить и возвеличить возмогло? И по единому из оных всякое требует к похвалению своему сильнаго витийского искусства. Наше же сие слово, которым хотя не вся, однакож многая Петрова величия предлагать силимся, како оныя украсить может, которых скорым и простым исчислением, и то не вся именуя обстоятельства, с трудностию перебежать возмогает? Но и к чему зде утвари и цветы риторские? Толикая добродетель не требует внешних украшений, сама собою честна и красна, сама себе преузорочная доброта и лице благообразнейшее. А есть ли бы и отвне убор некий потребен был, и того не в наших скудных сокровищах искать, но давно уже уготован есть всемирныя славы богатством. Слава всемирная есть достойная Петрова проповедница. То ему к вечному имени своему довольно, что в иноземных всех странах с великими похвалами возносимь есть и без удивления не воспоминается. Где не скажут, что доселе Россиа толикаго государя не имела? Где не засвидетельствуют, что от него перваго и единаго тако славный везде и великоименитый показался народ российский? Но и собственные того имеем свидетельства в печатных в Липске латинских ведомостях,* где извествуют о кончине Петра нашего, нарицают его безсмертия достойнейшим. Вышла же недавно книжица о житии его, образом разговора. И тамо, в начале, показует автор, что Петр превозшел Ксеркса, Александра Великаго, Иулиа Кесаря. И некто от политических французских писателей Петра российскаго не мало выше кладет от своего государя славнаго онаго Великаго Лудовика. И тожде слово согласием своим утверждает другий, который о неудобности нашего с римлянами соединения пишет.* И как не так! Вси бо оные и прочии монархи застали во отечестве своем всякая учения и майстерства, воинство доброе и искусных военачальников и градоначальников. Петр же все тое делать и вновь заводить принужден был, купно же теми и действовать и совершить толикая возмогл. Но то еще похвалы хотя

СЛО́ВО
На похвалу

Бл҃же́нныѧ и҆ вѣ́чнодостоі́йныѧ па́мѧти ПЕТРА Вели́кагѡ, І҆мпера́тора и҆ Самоде́ржца Всеросі́йскагѡ, и҆ прѡ́чаѧ и҆ прѡ́чаѧ и҆ прѡ́чаѧ: въ де́нь тезоимени́тства є҆гѡ̀ проповѣ́данное, въ Цр҃твꙋ́ющемъ Санктъпетербꙋ́ргѣ, въ цр҃кви живонача́лныѧ Тр҃цы, Ст҃ѣ́йшагѡ Прави́тельствꙋющагѡ Сѵно́да Вїцепрезїде́нтомъ, Преѡсщ҃е́ннѣйшимъ Ѳеофа́номъ А҆рхїеп҃копомъ Псковски́мъ и҆ Нарвски́мъ.

Се де́нь, ѿ сн҃ове Рѡссі́йстїи, пре́жде на́мъ вели́кꙋю матерїю ра́дости подава́вшїй, нн҃ѣ же непреста́кщꙋю скорбь и҆ печа́ль, вѧ́щше возбꙋжда́ющїй, де́нь Тезоимени́тства Петра̀ Вели́кагѡ! Пре́жде въ се́й де́нь торжествова́ла Рѡссі́а, бл҃годарѧ̀ смотре́нїю Бж҃їю

за

Слово на похвалу блаженныя и вечнодостойныя памяти Петра Великого (СПб., 1725, л. 1).

от иноземных человек, да приватных и единоличных, которых и без числа собрать бы мощно, а се тожде и всенародными голосами проповедуется. Что сказал о славе его великий посол польский, уже прежде от нас помянулося. Воспомяните же и что говорил персидский посол, который между иными похвалами славу дел его, всюду проходящую, уподобил солнцу, мир весь озаряющему.* И когда прошением нашим убедили мы его принять звание Великаго и императора (каков и прежде был и от всех нарицался), везде сие похвалено и утверждено. Что же и по смерти его от разных дворов в сожалетельных к ея величеству посланиях написано и какими похвалами от всех монарх наш возвеличен, сие предлагать не достанет времене.

Возлетел же ты на самый верх славы, великоименитый муже! Ни для чего нам пещися о похвалах, о прославлении твоем. Не имел ли ты нужды завидеть кому, как другие другим завидели величающаго стихотворца, и память хранящих статуй, и тропеов! Дивная дела твоя суть твоя тропеи. Россиа вся есть статуа твоя, изрядным майстерством от тебе переделанная, что и в твоей емблеме неложно изобразуется;* мир же весь есть и стихотворец, и проповедник славы твоея. И когда всемирныя о тебе песни и проповеди умолкнут? Ибо есть ли славятся кто и где первый вымыслил фалангу, то есть образ некий собственнаго строя и действия воинскаго, и кто таковое изобрел оружие или выдумал стратагемму, и кто сего или онаго града создатель, — о тебе, который (генерально сказать) весьма вся нам подал, и не город, но всю Россию, каковая уже есть, зделал и создал, когда и где умолкнут многовещанныя повести?

Имеем же еще, о россиане, и вышшее, ибо высочайшее, о Петре нашем свидетельство. Довольно о нем засвидетельствовал бог, сый свидетель на небеси верен, который чудесным смотрением во многих бедствиях сохранял его, во оных трудных крепостей аттаках, во флотовых на мори сражениях, на баталии под Лесным, где изнемог и, оледенев, принужден был почить на неизвестном месте, не ведая стана своего;* на баталии Полтавской, где так далече смерть от него была, как далече шляпа от головы, на Прутовой акции, то есть в самых смерти челюстях. Свидетельствовал о нем бог, когда покрыл его от предстоящих и соседящих ему неоднократно изменников, от связавшихся на живот его сковников, от возъярившихся бунтовщиков. Всего же дивнейшее было божие к нему призрение, еще отрока его суща и к толикой славе намеряемаго, от бесноватой стрельцов лютости сохранившее тогда, когда оные звери царских служителей и сродников не из дому токмо, но и из рук его на убиение похищали. О времене ужаснаго! Далече ли было злодейство оное от самаго крайняго дерзновения?

Засвидетельствовал же наконец бог о нем и в блаженной кончине его, сильно действующею благодатию своею присутствовав и даровав ему толикое благочествия чувство, прямое покаяние, живую и твердую веру, что аки бы ощущаемая была десница вышняго. Чудное было видение и дивный позор,* слезящих многих, кто присутствовал, о надходящей кончине его, понудил слезить и от умиления. Ибо когда от духовных укрепляющих его воспоминание спасительной нам смерти сына божия услышал, аки бы забыв нестерпимое свое внутреннее терзание, веселым лицем, аще и осохшим языком, неоднократно воскликнул: «Сие, — рече, — едино утоляет жажду мою, сие едино услаждает мене», — перенося ум свой от веществennаго, которым уста промачивал, пития, до духовной оной и спасительной прохлады. Утверждаемый паки в вере, очи и руки, елико могл, поднимая в гору, «верую, — рече, — господи, и уповаю. Верую, господи, помози моему неверию». Когда же и речь весьма оскудела, и тогда на частыя предложения о суете мира сего, о милосердии божии и о вечном на небеси царствовании, и восставать, и руку в гору подымать, и крестное знамение изображать силился, и к радости лице устроевал, и весьма в болезни торжествовал, яко несумнительный вечных благ наследник. Сия же вся действовал многострадальный монарх чрез все время смертнаго подвига своего, который до пятинадесяти часов продолжился. И хотя в шестый еще день страдания своего, по исповеди грехов своих, тела и крови господней причастился, но и в подвизе оном, вопрошен, аще паки желает вечери христовой, поднятою рукою желание свое показав, паки сподоблен есть.

Толикая же, о слышателие, божия благостыни, к отцу нашему и в жизни и в кончине его явленная, показуют, что он и всемирных, оных похвал себе не требует. Похвалы его суть наши похвалы; он же небесной со Христом славы достиг, вся земная ни во что ставит, и нам хвалить и славить его понуждающымся, мнит ми ся, сими или сим подобными ответствует словесы.

Как плакатися о мне, так и прославлять мене, сынове мои, мало есть на потребу. Избегл я многомятежнаго и многобеднаго жилища, аще, по мнению вашему, и вельми щастливаго, и сие не плача, но радости достойно есть. Получил я неувядаемый венец от всещедраго человеколюбца, милостивне мене за кровь сына своего, в наследие свое приемшаго, и сие всякия земныя ваша славы без сравнения превосходит и к тому не потребныя показует. И аще кая польза в приобретенной от мене на земли славе есть, — ваша есть. А аще оную целу сохранить желаете, сохраните дела моя, не забудите наставления моего, наипаче же нелицемерною любовию и верностию послужите любезнейшей наследнице моей, поданной от бога чрез мене самодержице, и

тоежде имейте усердие ко всей крови моей дражайшей. Прочее, тако живите на земли, да не лишитеся небесной жизни; тако тецыте на подвизе житейском, да всеблаженнаго места сего достигнете.

Положим убо слова конец, положим купне и слез умерение. Яко славословить его по достоянию неудобно, тако и плакатися о отъятии его довольно не можем, аще бы и дана была главе нашей вода и очима нашима источник слез, чего желал плачевный пророк. Но хотя, похваляя Петра, и не достигнем словом славы его, однакож от сыновняго долженства нечто выплатим. А без меры сетуя и рыдая, зделаем и обиду добродетели его, и на славу его не мало погрешим, ибо тако покажем, будто лишением его всех благ лишилися мы, как плакатися подобает по умершем великих надежд отроке, с которым вся от него чаянная умирают. Петр же наш, премногая благая совершив нам и самих нас лучших нам сотворив, хотя и слезить нас понуждает отшествием своим, но и радоватися повелевает безчисленными и с ним ее умершими благодеянии своими.

Благодушествуй же и ты, державнейшая государыня наша, матерь всероссийская, всего великодушия, всего любомудрия твоего употреби, еще бы утолить и победить тебе скорбь толикую! Молит тебе о сем отечество, да не умножиши печали общей, но яко же владением веселиши, тако и отрадою твоею всех обрадуеши. Ищет сего и просит у тебе кровь, и племя, и сродство твое, вся высокая фамилиа, да и не от них возъимееши вину утешения, и их цвету увядать не попустиши. Требует сего от тебе Петр, да не ослабелою рукою держиши скипетр его, и как содеянная им утвердить, так и подобная делать возможеши. Но тожде и сам бог повелевает тебе, да не жалостная сия тьма помрачит в тебе милость его. Отвержеся утешитися душа твоя, помяни бога и возвеселися. Он тебя дивными судьбами избрал, Петру сочетал и на толикую высоту возвел, он и утвердит, и безбедну сотворит тебе. Уповай на его, на него же единаго уповал Петр. И который сохранил Петра во всех путех его, сохранит и тебе. О буди, господи, милость твоя на нас, яко же уповахом на тя! Сей глас присно к тебе возносил Петр наш, сей и мы от глубины сердца воздвизаем. И не престани миловать помазанницу твою, нашу самодержицу, и горесть ея на сладость претвори, и укрепи державу ея, и при ней все отечество наше, миром, безмятежием, изобилием плодов земных и всяких благ исполнением благослови. Аминь.

Владимир

трагедокомедия

ВЛАДИМИР

ВСѢХ СЛАВЕННОРОССИЙСКИХ СТРАН КНЯЗЬ И ПОВЕЛИТЕЛЬ, ОТ НЕВѢРИЯ ТМИ ВО ВЕЛИКИЙ СВѢТ ЕВАНГЕЛСКИЙ ДУХОМ СВЯТИМ ПРИВЕДЕН В ЛѢТО ОТ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА 988; НИНѢ ЖЕ В ПРЕСЛАВНОЙ АКАДЕМѢИ МОГИЛО-МАЗЕПОВИАНСКОЙ КѢЕВСКОЙ, ПРИВѢТСТВУЮЩОЙ ЯСНЕВЕЛМОЖНОГО ЕГО ЦАРСКОГО ПРЕСВѢТЛОГО ВЕЛИЧЕСТВА ВОИСКА ЗАПОРОЖСКОГО ОБОИХ СТРАН ДНЕПРА ГЕТМАНА И СЛАВНАГО ЧИНУ СВЯТОГО АНДРЕЯ АПОСТОЛА КАВАЛИЕРА ИОАННА МАЗЕПИ, ПРЕВЕЛИКАГО СВОЕГО КТИТОРА, НА ПОЗОР РОССИЙСКОМУ РОДУ ОТ БЛАГОРОДНИХ РОССИЙСКИХ СИНОВ, ДОБРѢ ЗДЕ ВОСПИТУЕМИХ, ДѢЙСТВИЕМ, ЕЖЕ ОТ ПОЕТОВ НАРИЦАЕТСЯ ТРАГЕДОКОМЕДИЯ, ЛѢТА ГОСПОДНА 1705, ИЮЛЯ 3 ДНЯ,[а] ПОКАЗАННИЙ[1]

Дѣйствие 1

Явление 1

Ярополк, брат Владимеров, от него ж убиенний (пронесшейся славѣ, яко Владимер Христову вѣру хощет прияти), изходит от бездн адових, аки би посланний от дѣмонов, братнему намѣрению творити препятие.

Явление 2

Ярополк, обрѣт верховнаго жерца и волхва, именем Жеривола, открывает ему мисл Владимерову, притом и коим сам образом от брата убиен бист повѣтствует. Жеривол, разъяренний, обѣщается всю свою волшебную силу на князя подвигнути.

---

[1] *В Т Д заглавие читается* Владимир (*Д* доб. всѣх) славеннороссийских стран князь и повелитель, от невѣрия тмы в (*Д доб.* великий) свѣт евангелский приведенний духом святим (*Д* духом святым приведенный в лѣто) от рождества Христова 988, нынѣ же в православной академии Могилеанской Киевской на позор российскому роду от благородных российских сынов, добрѣ здѣ воспитуемых, дѣйствием, еже от пиит (*Д* поэтов) нарицается трагедокомедиа, лѣта господня 1705, июля 3 дня, показанний

[а] *В списке Л указания на день нет; восстановлено по ТД.*

Дѣйствие 2

Явление 1

Празднику бога Перуна пришедшу, жрец Курояд трубит, гласяще людей к приношению жертви.

Явление 2

Исходит ин жрец, Пиар именем, и запрѣщает Курояду, да не движет всуе народа, не имущей бити жертвѣ; се же того ради, яко позна бити неготова велебнаго Жеривола, сказуя, како его видѣл сквозѣ пустиню бѣгающа и дѣмонов зовуща.

Явление 3

Смутившимся жерцем, приходит скорбний Жеривол и, всуе от другов потѣшаемий, сказует же о обѣщанной помощи. Но зде странним видѣнием (трус [2] идолов узрѣв) устрашен, поет пѣснь волшебную, глася духов на помощ.

Явление 4

Бѣс мира и бѣс хули на глас жерцов приходят и желаемую помощ обѣщают.

Явление 5

Бѣс тѣла, или похоти плотския, мало нѣгдѣ умедлѣвши, прибѣгает и такожде пособствовати глаголет себе готова.

Хор или Ликование

Жерци, от бѣсов потѣшеннии, чарами оживляют идолов и с ними купно пред побѣдою торжествуют и скачут.

Дѣйствие 3

Явление 1

Владимер с Борисом и Глѣбом, сынами, бесѣдует о послѣ, от царя греческого присланном и совѣт о восприятии вѣри Христовой дающем.

Явление 2

Жеривол, вохода ко князю испросив, скорбную вѣсть приносит, аки би бози зѣло разболѣшася; на что от Владимера помощи и милости просит. Но княз, суетную печаль смѣхом избив, аки еще не вѣдущу совѣт царский, отсилает же волхва на время, повелѣвая, да, егда придет посел, возвратится и да препрется словом.

Явление 3

Вшедшу послу, входит и Жеривол с другами. Повелѣнием же княжим начинает прѣние с философом и многии буесловнии вопроси с гордостию и кѣчением предлагает. Дерзостию же его прогнѣванний князь вон изгонит жерцов.

---

[2] Л тус

Явление 4

Философ проповѣдь простирает: 1) яко аще и невидим ест бог, обаче бити его явѣ ест; 2) яко един бог; 3) яко вѣк будущий ест; 4) о создании мира и человѣка; 5) о человѣчем падении; 6) о воплощении сына божия и [3]прочее о откровенних тайнах;[3] 7) наконец проповѣдует будущий день судний. И конечнѣ Владимира к вѣрѣ преклоняет.

Дѣйствие 4

Явление 1

Владимер сином своим сон повѣтствует: в нем же наваждением дияволским от различних видов устрашися.

Явление 2

Владимер, отслав сини, терпит искушения. Мир бо ему горделивия, бѣс же хули хулния, плоть же плотския помисли наводят. Он же, тако бѣтствуя, наконец вся искушения побѣждает и идет к исполнению волѣ господней.

Хор

Прелесть со многими другинями зовет Владимера, да возвратится, и различними страстми, веселими и скорбними, лик свой мѣшает. Не услишанна же сущи, отмстити ему грозит.

Дѣйствие 5

Явление 1

Курояд и Пѣяр жерци плачут о опровержении идолов, еже бисть в Кѣевѣ повелѣнием Владимера, такожде и о болѣзни честного Жеривола.

Явление 2

Мечислав,[4] вожд воев российских, пут..... аем,[6] находит на жерцов и, видя идоли стояща, сварится на преступников воли княжей. Они же о сем аки би не вѣдали, много лгуще, отрицаются. Мечислав, укорив и изгнав жерцов, идоли со вои крушит. Се сотворше, един от воев, именем Храбрий, повѣтствует Мечиславу (не бившу при крещении Владимера), коим образом и чином к крещению идяше Владимер и како храм украшен бяше.

Явление 3

Приходит вѣстник ко Мечиславу со епѣстолиею от Владимера, в ней же Владимер повѣствует о своем крещении и како чешуя от очес его чудеснѣ отпадоша. Посилает же в дар Мечиславу щит и хоругов, обое крестом знаменанно. Мечислав со вои торжествует.

[3—3] *Л* прочии откровенних тайнах

[4] *Л* Мечислув

[6] *Текст прочтению не поддается; расплылись чернила.*

Хор

Андрей святий радуется о исполнившемся его проречении (еже иногда, водрузив крест на горах киевских, проглагола о имѣвшем просияти благочестии). Таже духом пророчествует и о еще будущих в Росии вещех: о мучениках, о преподобних печерских, о церквах многих, о нашествии Батиевом, потом и о нинѣ славою цвѣтущих российских свѣтилах, панах и ктиторех и благодѣтелех наших.

ПРОЛОГ К СЛЫШАТЕЛЕМ

Служаще обичному уставу, в академии нашой от лѣт многых хранимому, се и мы, аще и послѣднѣйшии, недозрѣли плоди трудов нашых на позор вам производим, великоименитие и благороднии слышателие! А яко не ино что, токмо повѣсть о обращении к Христу равноапостолного князя нашого Владимира, обичним дѣйствием представити умислихом. Вина бяше, яко то и мѣсту сему прилично и свойственно слышателем мнится быти: приличен дому ест образ господина; свойственная память сыном стшедшаго далече отца своего. Се же и дом Владимиров, се и Владимирова чада, крещением святим от него рожденная (что паче всѣх изящнѣе на тебѣ является, ясневелможний пане, ктиторе и добродѣю наш, ему же и строение сего отчества Владимероваго по царю от бога врученно ест, и Владимировимы идяй равнимы ему побѣдами, равною в России икономиею, лице его, яко отческое сын, на тебѣ показуеш). Убо сего изображение прийми от нас, яко того ж великий наслѣдник, вмѣсто привѣтствия. Зри себе самаго в Владимерѣ, зри в позорѣ сем, аки в зерцалѣ, твою храброст, твою славу, твоей любвы союз с монаршим сердцем, твое истинное благолюбие, твою искренную к православной апостолской единой кафолической вѣры нашой ревност и усердие.

Дѣйствие 1

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Ярополк

З бездн подземных, з огненной выхожду геенни
Ярополк, братним мечем лютѣ убиенный,*
Брат князя Владимира. Ни! Глагол сей ложний.
[1]Не Владимир мой брат ест, но враг мой, безбожний[1]
Братоубийца. Кая лесть! Многажди красно
имя будет, но своей[2] вещи несогласно.

[1–1] *Л К У Д* Не Владимер мой брат ест, брат мой ест безбожний; *М* Яко не Владимер мой брат есть, но безбожний [2]*М* в своей

Владимир — владѣние мира знаменует,
а брат мой с родственною кровию воюет.
Брат мой, — о горе! — и сей глагол неистовий:
враг мой, [3]супостат лютий, жрец моея кровы.[3]
[4]Сие ли знамение[4] братней любвы? Сие
усердие ко брату? О вѣк мой! О дныe
Лукавы! Да помрачит вас мрак нечаянний!
Но гдѣ есм? О лютѣ мнѣ! Гдѣ есм, окаянний?
Что вижду? Киев се ест. Горе мнѣ! О горе!
Умерши[5] единою, се уже повторе
Умерти чаю. Почто, плачевний удоле
адский, послал мя еси сѣмо? Сие поле
Болшую скорб и позор[6] лютѣйший имѣет:
увидит мя Владимир и паки убиет.
Аще же и не может меч духа убити,
обаче кая туга, кая скорб видѣти
Мѣста сия! Здѣ княжий престол, здѣ державу
[7]всероссийской области и толику славу
Брат завистний содержит; аз же приях рани,[7]
аз смерть подъях горкую, тоеяжде страни
Отчич, дѣдич, наслѣдник. Кто от вас, о бозы,
тако владѣет миром? Един или мнозы
Промисл вещей[8] имате? Такова ли ваша
правда? Братоубийцы чест за казнь прияша!
А его же убиша, смерти неповинна,
еще низвержен ест в ров темний! О безчинна
Сонма вашего, бозы! Но кая мя сила,
ния вражда на сие мѣсто понудила
Изийти з бездн адовых? Скорб тамо велика,
но горѣе от огня гризет человѣка
Зависть неутолима. Здѣ убо утробу
мою зависть снѣдает; здѣ мене ко гробу
Болѣзнь влечет внутрняя. Лучше бы умрѣти
паки; тако не могу, окаянний, зрѣти
На цвѣтущую област враждебнаго брата.
Здѣ его сокровища, здѣ царска полата;
Здѣ враг мой, на престолѣ сидя превысоком,
сам честен сий, протчиих величавим оком
Презирает. Сам токмо драгий, свѣтлий, златий;

[3—3] *М* супостат мой, жрец моея есть крови. [4—4] *Л К М У Д* сия ли знамения [5] *Л К М У Д* умерший [6] *У* печаль [7—7] *М У* брат завистний содержит и толику славу | всеросийской области; аз же приях рани [8] *Л* ве_ем; *М* вещий

протчии, пред ним просто не смѣюще[9] стати,
Гиблют себе смиренно; иний же, под нозѣ
пав,[10] лежит и бездушен трепещет на мнозѣ.
Мнозы от иноземных[11] приходят со дари,
господем зовут; он же, окружен боляры,
Легким[12] степенем сѣмо и овамо ходит
и, всѣх удивляюще,[13] бров горду возводит.
О лютѣ мнѣ! Лютѣ мнѣ! Весма ищезаю!
Весь гину от зависти! И не ощущаю
Утроб во мнѣ зажженных.[14] Вещ ест невозможна
не завидѣти тому, иже брат сий ложна
Имене искренному брату своей[15] части
завидит и завистной [16]не наситит страсти,[16]
Аще не в братней кровѣ меч лютий упоит.
Коих убо зол ему желати достоит?
О граде тяжкий моим очесам! О злаго
жилище разбойника! Добрѣ таковаго
Князя достоин еси, аще болѣзнь чужда
не болить тебѣ, аще неправда и нужда
Мѣсто имать у тебе. И еще повсюду
проносится[17] вѣсть, не вѣм, изшедше откуду,
Аки би христов закон в тебѣ имать быти
и з богамы Владимир дерзнет бран творити.
Христе, аще ты еси цар и господь всея
твары, гдѣ суд истинний? Гдѣ правди твоея
Неложное мѣрило? Убийца во славѣ
от тебе вѣнчан будет и тако державѣ
Твоей угождается! Сродственния кровы
губитель любим тебѣ? О суд неистовий!
Но вы, бозы лучшие, привратѣте сѣмо
умы прозорливие, виждте, что творимо
Здѣ будет: Владимиру брата не довлѣет
убити, брань вознести на богов имѣет.
[18]Что вам мнится?[18] Тебѣ же найпаче, державний
Перуне? Видѣл еси, когда мя злославний
Убиваше мучитель, и стрѣл огневидных
отнюд не пустил еси и сим[19] всѣх безбѣдных
Разбойников сотворил.[20] Вижд, что имат быти:
брат мой тебе[21] самаго хощет сокрушити.

---

[9] *Л* могуще [10] *Л К М У Д* пад [11] *М* иноземцов [12] *У* Рѣдким [13] *Л* уничижающе, [14] *Л* ражженних; *М У* разженных. [15] *М* в своей [16—16] *Л* не наситится страсти; *М* наситится страсти; *У* насытитись страсти, [17] *Л* приносится [18—18] *Л У Д* Что ся вам мнит; *К* Что ся вам мнится? [19] *Л У* сих [20] *Л М У* сохранил; *К Д* сотворив. [21] *Л М У* тебе ж

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Жеривол волхв, Ярополк

Жеривол

Кто здѣ тако на богы хулит?

Ярополк

Стой, не бойся.

Жеривол

О лютѣ мнѣ!

Ярополк

Не бойся.

Жеривол

Перуне, устройся.
Помозы, силний боже!

Ярополк

Что тако безумен
Стал еси, Жериволе? Или дѣтоумен
вѣк тебѣ возвратися? Ни ли мене вѣси,
Кто есм аз? Стой, не бойся. Кии тамо[22] бѣси
[23]смущают тя и мещут?[23]

Жеривол

Вѣм тя, о владыко!
Князь Ярополк еси ти.

Ярополк

Что убо[24] толико
Вид мой [25]тя ужасает?[25]

Жеривол

Мертва тя слышахом,
того ради, видя[26] тя, колѣблюся страхом.

Ярополк

Вѣм,[27] яко на мертвецов[28] и зрѣти живии
от трепета не могут. Но позори сии
Тебѣ, мню, не страшны сут: ты тайнимы словы

---

[22] *Л К М У Д* тако [23—23] *М* возмущают и мещут? [24] *М* уже [25—25] *Л М У* устрашает тя? [26] *Л К У Д* видяй [27] *Исправ. по Л К У Д; М* Всѣм; *Т* Вѣм се (*лишний слог*). [28] *К Д* мертвих

каменния[29] от гробов откриваеш кровы
И гниющия уже возбуждаеш тѣла;
к тому воздушных, лѣсных и геенских сила
Духов повинуется тебѣ, а на чары
твоя солнце мѣнится, померкают зары,
День во тму облачится. И недавно, в темной
сѣтующе геоннѣ, [30]слышахом от земной[30]
Страни глас проходящий,[31] — пѣние то бяше
таин твоих. Абие все сонмище наше
Вострепета, сам токмо цар не ужасеся
и позна глас и, егда многое стечеся
К нему полщиче духов, «Поспѣшно летѣте, —
рече, — Жеривол гласить; что велит, творѣте».
И многих посла к тебѣ.

Жеривол

Всегда аз доволний
любвы[32] его, за что есм сам ему[33] неволний,
Ни свобод, в раба ему з тѣлом и душею
вѣрно[34] себе написал[35] кровию моею.
Недавно [36]он мнѣ присла[36] дар неоцѣненний,
[37]злат сосуд, нѣкоея[37] сили исполненний,
От него же аще что мало испиваю,
абие со мертвимы и[38] бѣси дерзаю
Сходитися. Тебе же нынѣ устрашихся,
яко сили тоея еще не напихся.
Прости, о владыко мой! Не буди твоему
[39]величию противно,[39] дам[40] крѣпост моему
Малодушию.

Ярополк

Нѣсть в сем моей укоризни,
не требѣ гнушатися царской даровизни.

Жеривол

[41]О вѣсти сей веселой![41] Кого вижу,[42] княже!
Ярополк еси, [43]добрѣ познаю. Коя же[43]
Выни к нам пришел еси от мертвих?

---

[29] *Л К Д* каменнии; *М* камение [30—30] *М* слышах от подземной [31] *Л К М У Д* приходящий [32] *М Д* любвѣ; *У* любовию [33] *Л К М У* в себѣ; *Д* себѣ [34] *М* вѣчно [35] *Л М У* написах [36—36] *Л* мнѣ он присла; *К Д* мнѣ присла он [37—37] *Л* злат сосуд, нѣкия; *М У* златий сосуд, нѣкия [38] *Л К У* со; *Д* с [39—39] *Л К М У Д* противно величию, [40] *Л М У* дажд [41—41] *Исправ. по М; Т Л К Д* О вѣсти веселой (*в стихе недостает слога*); *У* о вѣсти превеселой! [42] *Л К У* вижду, [43—43] *Исправ. по ЛКД; Т* добрѣ познаю. Коея же (*лишний слог*); *М У* добрѣ знаю. Коея же

Ярополк

Вас ради.

Жеривол

Како?

Ярополк

В бѣдах вам ваших желая[44] отради.
Не прийде ли во слух вам, что ваш умишляет
князь на ви?

Жеривол

Что новое? Он давно являет
Сверѣпство свое: уби тебе, брата родна.

Ярополк

Жертва великих богов нѣсть к тому свободна.

Жеривол

Что слишу?

Ярополк

Християнский закон восприяти
Умысли, от богов же всячески отстати
хощет.

Жеривол

Га! Га! Га! Га! Га! Истинное слово.
Аз сам без вѣсти сея (повѣм нѣчто ново
и вам невѣдомое[45]), аз (глаголю вѣрно),
[46]Аз первий в сем подозрѣх его. Лицемѣрно[46]
начат богом служити. Слиши тайну странну.
Первѣе он ко богом и жерцом пространну
имѣ руку и, егда жертву приношаше,
Радость, праздник, торжество, веселие наше
бѣ тогда; волы толсти и тучние кравы
Убиваемы бяху, и доволны[47] стравы
не боги токмо, но и жерци имѣяхом[48]
И не токмо ни мало тогда не алкахом.[49]
Но — вѣруй ми, о княже! — жрец Перуна бога
Добрѣ чрево исполнил[50] от тука премнога.
Со Перуном (вѣси, что имам глаголати),
Со Перуном [51]могох мя, грѣшна,[51] соравняти.

---

[44] *Л* желаю [45] *Л М У* несвѣдомое [46—46] *М* Аз первый подзрѣл его, яко лицемѣрно [47] *К У Д* доволно; *М* доволство [48] *М* не зъядахом [49] *М У* стужахом. [50] *Л У Д* исполнив [51—51] *Л* мя, гримя, могох; *К Д* могох мя, гримя (*в Д стихи 149—150 переставлены*); *М* могох мя (*исправ. на* его) в тѣлѣ; *У* могох ли в тѣлѣ

Но уже тую щедрость измѣни. О студа!
Даде вчера едного козла, тако худа,
тако престарѣлаго, тако безтѣлесна,
Тако изнуренного, изсохша, безчестна,
тонка, лиха, немощна, безкровна, безплотна, —
Еще ножа не приях, а смерть самохотна
постиже его. Гнѣв ли уби его божий,
Или яко не бѣ в нем, кромѣ лихой[52] кожи
и под кожею костей, тѣлесе ни мало.*
Что убо мнится тебѣ? Кое се настало
время! Не нам се нужда творится, но, стада
Не ядше, измрут бозы.

Ярополк

Еще прежде глада
побиет их Владимир; дерзнувший пролити
Кров братнюю, дерзнет он и богов[53] побити.

Жеривол

О лютой[54] дерзости! Но повѣжд мы[55] подробну,
Молю, коим образом тако неподобну[56]
смерть подъял еси. Аз бо ничто же вѣм ино,[57]
Токмо яко брат брата умертви безчинно.[58]

Ярополк

Вѣдом есть вам давний наш свар. Но се не буди
Дивно: претикаемся часто, суще люди.
[59]Зри же, како не равни братние бывают[59]
Сердца. [60]Уви, над мѣру[60] себе возвышают.
Владимир, мний возрастом, долженства своего
[61]Ни мало не помяну, ни проси моего
он, престарѣлой отец сущи злобы, мира.
Аз просих, но не бяше злобѣ его мѣра.
Всемощний, но не могий явним и оружним[61]

---

[52] *М* едной [53] *ЛКМД* боги; *У* бога [54] *М доб.* сей [55] *ЛКМУД нет* [56] *М* неудобну [57] *ЛКМ* инно, [58] *КУД* безвинно. [59—59] *Л* Зрите, яко неравние братие бивают; *КД* Зри же, яко не равны братние бывают; *М* Зрѣте, яко не равни братния бывают; *У* Зрите, яко не равна братняя бывают [60—60] *М* Иже вышь мѣры; *У* Как выше мѣры [61—61] *ЛКД* Ни мало не помяну, ни проси моего | мира. Аз убо просих но не бяше мѣра | злобѣ его. Не могий явним и оружним; *М* Ни мало не помянув, ни просил моего | мира. | Аз убо просих, но не бяше его мѣра | злобѣ. Не могий убо явним и оружним; *У* Ни мало не помяну, ни проси моего мира. | Аз убо просих, но не бяше мѣра | его злобѣ. Не могий явним и оружным

Видом мя побѣдити, побѣди безмужним.
Лесть приять вмѣсто меча; мнится быти мирний
Во словѣ, во сердцѣ же ношаше яд звѣрний.
[62]З моего ж смирения он хищния сѣти[62]
Соплет[63] на мя, взивает дому посѣтити
и утвердити завѣт. Аз прост и ничтоже
Злаго в толицей любвѣ чаях,[64] — не бо може
вѣрная любов быти, ни распра почиет,
Где[65] любвы знамения вѣра[66] не имѣет, —
пойдох аки ко брату. О день и[67] и час лютий!
Камо идох, безумен? Три крати на пути
конь преткнуся, три крати вран прелетѣ черний,
Третий час дне три крати нарекох вечерний.
[68]И воспящаше мя друг,[68] даяй совѣт здравий,
Но не воспященни суть божия устави.
Прийдох уже ко дверем, чая[69] яко тѣмы
Вхожду в дом братний, — во мрак вѣчний внийдох имы.
Егда бо праг[70] преступих, отсюду и сюду
На мечы мя подъяша.* Моих же оттуду
всѣх воев воспятиша; един со двоимы
Всуе брахся, весь лютѣ на мечах носимий,
яко медвѣдь, ему же в перси ловец силний
[71]Рожен вонзет,[71] мещется[72] всуе и бездѣлний
гнѣв ярит, и елико борется крѣпчае,
Толико в онь желѣзо входит глубочае;
сице аз, бѣдний, брахся, послѣди же тамо
Падох и, валяяся сѣмо и овамо
в кровѣ моей, сугубим путем пустих душу.

Жеривол

Не могу се[73] слишати, но отмстити мушу!
О бозы, помозѣте! Аще мои пѣсны
Силни сут и могут что, да пройдут[74] в безвѣстны
мѣста, в дебри, в пещеры, в рѣкы, в бездны, в гробы,
В глубокия великой матеры утробы.
Подвигну мертвих, адских, воздушних и водних
Соберу духов, к тому звѣрей многородных

62—62 *Л* З мое же смирения он хѣщний сѣти; *К Д* З моего ж смирения хищний он сѣти; *М* З моего он хи ний смирения сѣти; *У* С моего смирения хищныя он сѣти 63 *М* Соплел 64 *Л* чая; *К М Д* чаяй, 65 *Исправ. по Л М У Д*: *Т К* Зде 66 *У* отнуд 67 *К М У Д* о 68—68 *Л* И воспящашеся друг; *М* Воспящаше мя и друг, 69 *Л М У* чаях; *Д* чаяй 70 *У* порог 71—71 *Л К М У Д* Вонзет рожен, 72 *М* мечется 73 *Л нет; М* аз 74 *М У* пойдут

[75]созову купно,[75] прийдут змии[76] страховидни,
Гади, смоки,[77] полозы, скорпии, ехидны;
совлеку солнце з неба, помрачу свѣтила,
День в нощ претворю: [78]явѣ будет[78] моя сила.

Дѣйствие 2

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Куроядж рец[1]

Слышѣте празнична рога!
День прийде Перуна бога,
День шумний, бурний, ужасний,
празник громний,[2] велегласний.
Слышѣте, рустии люди!
Домы, орудия, труды,
Торгы, купля оставѣте,
спѣшно на празник идѣте!
Воли, кравы избирайте,[3]
[4]толстии жертвы давайте![4]
Он есть бог молниелучний,[5]
любит мяса зѣло тучны.
[6]Слышѣте празнична рога!
День прийде Перуна бога,[6]
[7]День шумний, бурний, ужасний,
празник громний, велегласний.[7]

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Пиар с Куроядом

Пиар

Курояде, престани, престани, престани!

Куроядж

Что тако, о Пиаре?

Пиар

Всуе нынѣ страни
Оглашаеш, не будет, не будет днес жрома
жертва; не движи людей.

[75—75] *М* и совокупно, [76] *Исправ. по Л К М У Д; Т* звѣры [77] *У* прузи [78—78] *Л М У* будет явѣ

[1] *Л доб.* поет. [2] *Исправ. по Л К Д; Т М У* громкий [3] *У* убивайте, [4—4] *Л* толсти жертви подавайте! [5] *Исправ. по Л К М Д; Т* молнийилучний; *У* молниилучний, [6—6] *М У нет.* [7—7] *Восстановлено по Л; в Т К М У Д эти два стиха отсутствуют.*

Курояд

Невѣже! Ест грома

Праздник.

Пиар

Честний Жеривол [8]не готов есть.[8]

Курояд

Како

Жеривол [8]не готов ест?[8]

Пиар

Не готов есть всяко.

Курояд

Ко чему ест не готов?

Пиар

Не готов ест жерти.

Курояд

Дадѣте мы, о бозы, да аз тако терти
Возмогу куры моя,* яко он всецѣло
трет волы безмѣрния! И на сие дѣло
Что ест нужно, молю тя, повѣжд.

Пиар

Нѣст удобна

времени, яко вижу.

Курояд

Рѣч[9] се неподобна.
Жерти ему нѣсть время? Прелщаешся, друже,
[10]и вѣруешь; аз же ни, но чаю, что уже[10]
Он бы хотѣл, дабы был праздник непрестанний.[11]
Дивну вещ реку: видѣх, когда напитанний
Многимы он жертвамы лежаше во хладѣ,[12]
а чрево его бяше превеликой кладѣ
Подобное; обаче в ситости толикой
знамение бѣ[13] глада и алчбы[14] великой:

[8—8] *Л К М У Д* есть не готов? [9] *М У* Вещь [10—10] *М* и вѣру, еши тако, я вѣры неймуже. [11] *Л М* безпрестанний. [12] *М* в охладѣ [13] *Л К М У Д* бысть [14] *У* жажды

Скрежеташе зубамы, на мнозѣ без мѣри
движи[15] уста и гортань. И достойно вѣри
Слово твое, Пиаре: «время не имѣет».
И во снѣ жрет Жеривол.

Пиар

Се не разумѣет
Любимий мой Курояд Пиарева слова!
Рѣх «не имать времени», видя не готова
Его быти.

Курояд

Мню, зубов не изостри или
не испраздни стомаха.

Пиар

Ругаешся; ни ли
Во грѣх не вмѣняеши дерзок смѣх творити
с мужа толь велебнаго!* [16]Что ж имѣет быти,
Увѣси потом.

Курояд

Почто[16] праздника не творит?

Пиар

[17]Нинѣ сие довлѣет.[17]

Курояд

То он нас поморит
Гладом.

Пиар

Нужда терпѣти.

Курояд

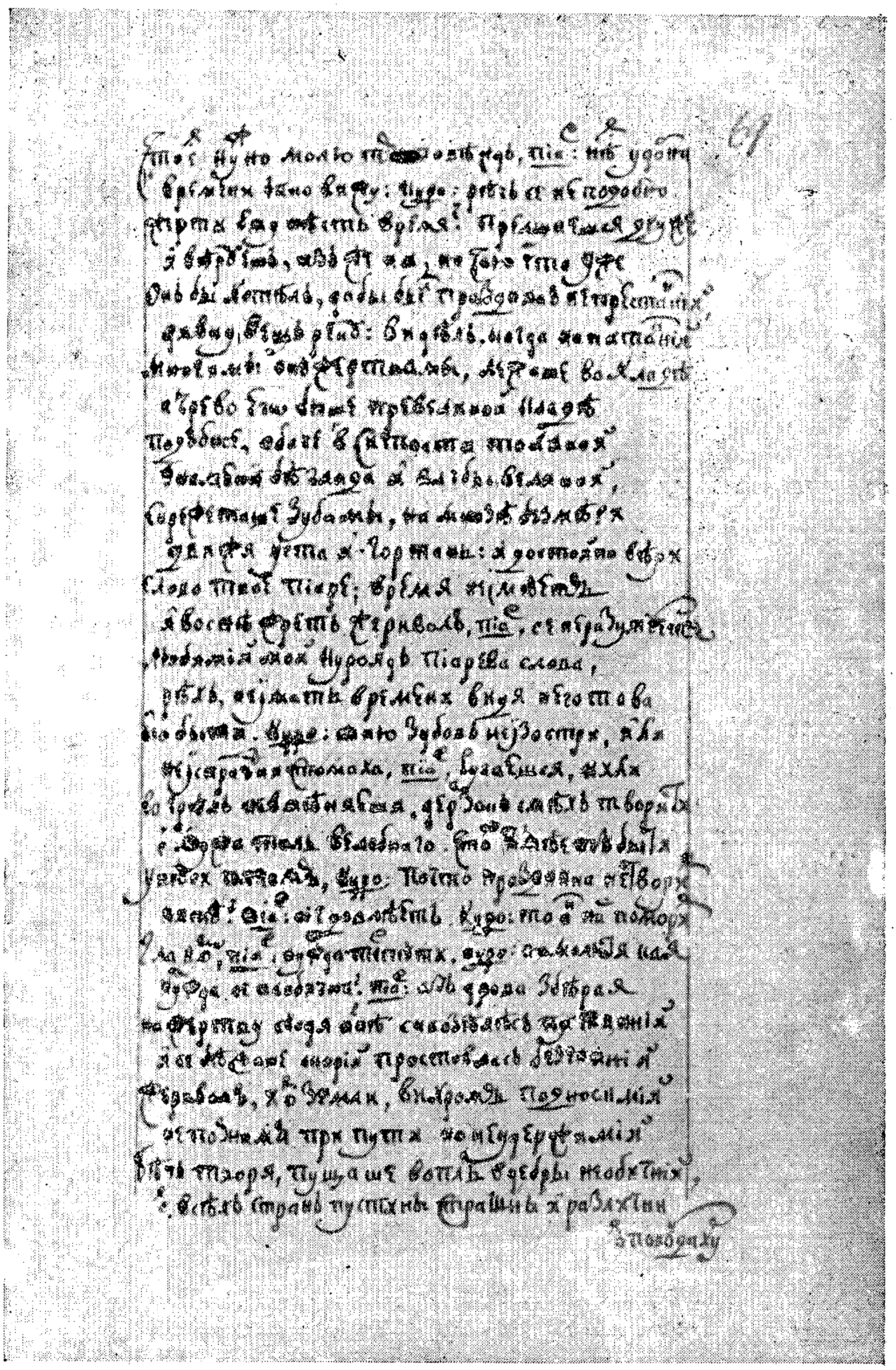
Но молю тя, кая
нужда се необична?

Пиар

Аз, дрова збѣрая
На жертву, ходя[18] нынѣ сквозѣ лѣс пустинний,
и се бѣжаше скорий,[19] простовлас, безчинний

---

[15] *Л К М У Д* движа [16–16] *Л К М У Д нет* (*см. стр.* 13). [17–17] *М* Нынѣ и се довлѣет; *У* Нынѣ се ти довлѣет. [18] *Л* ходил; *К М Д* ходях; *У* ходих [19] *М* скоро,



Трагедокомедия «Владимир» (Рукоп. ГПБ, собр. Толстого, О. XIV. 2, л. 69).

Жеривол и, от земли [20]вихром подносимий,[20]
не позна мя при пути, но неудержимий
Бѣг творя, пущаше вопль в дебры[21] необичний,
от [22]всѣх же[22] стран пустины страшны и различни
Отповѣдаху гласи, и свисти, и кихти.

Курояд

Скорб нѣкую имѣет.

Пиар

Сего[23] ради рѣх ти,
Яко нѣсть готов жерти.

Курояд

Убо потерпѣмо,
что се будет. Но се он, се он бѣжит сѣмо!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТОЕ

Жеривол, Курояд, Пиар

Жеривол

Скорб велия! Лютѣ мнѣ! Скорб, братие, зѣлна!

Курояд

Что ти есть, Жериволе? Престани! Бездѣлна
Толикая печаль есть. Аще и что злое
[24]случится ти,[24] сотворше совѣт, можем тое
Исправити и в добрий случай премѣнити.

Пиар

Скажи, да совѣтуем.

Жеривол

Ничтоже совѣти
Успѣют, аще самы не потщатся бозы.
Не вѣсте ли, о друзы, яко зѣло мнозы
Супостати на богов и на нас восташа?
Воводят христов закон.

20—20 *У* вѣтром возносимый 21 *У* бездны 22—22 *Исправ. по Л К М У Д; Т* всѣх (*недостает слога в стихе*). 23 *Л К М У Д* Того 24—24 *М* прилучи тя; *У Д* случися ти,

Пиар

Убо, честност ваша,
Призови силу богов: твоих оны пѣний
слухати навикоша, ниже повелѣний
Преступают.[25]

Жеривол

Нынѣ бѣх в дебрех непроходных
и созвах безчисленних, лютих, страхородних[26]
Сонм духов неизчетний.[27] Егда же познаша
нужду мою, скоро вси равним совѣщаша
Гласом, яко не требѣ вести всего полка.
«Мы, — рекше, — увидѣхом[28] от слов Ярополка,
Яко князь ваш Владимир, иже скорб толику
наводит, страст имѣет зѣлну и велику
Ко похоти тѣлесной и ко мирской власти.[29]
Того ради цариков, иже тѣмы страсти
Владѣют, звати треба. Трие сут: бѣс мира,
бѣс плоти, бѣс противства божия. Тѣм вѣра,
Нам неблагоприятна, колѣблется всюди.
Но тии где-сь[30] странствуют. Убо наши труди
Будут в том, да поищем и пришлем их скоро».
Се рекше, полетѣша поспѣшно и споро.
Тих на помощ аз чаю.

Курояд

Лютѣ! Что се странно?

Жеривол

Что ти ест, Курояде?

Курояд

Бозы нечаянно
Вострепеташа.

Пиар

Нѣсть то, развѣ примрак нѣкий
и мечтание [31]ти быст.[31]

---

[25] *Исправ. по Л К М У Д; Т* Приступают. [26] *У* страховидных [27] *Л М У* неизчетных. [28] *К У Д* увѣдахом [29] *М* сласти. [30] *Исправ. по Л К М Д; Т У* здесь [31—31] *Исправ. по Л К М У Д; Т* быст *(недостает слога в стихе).*

Куроядъ

О позор великий!

Смотри ж сам.

Жеривол

Знамение сие ест ужасно!

Пиар

Зови сих, Жериволе! Трубы велегласно!

[32]Пѣснь Жеривола[32]

[33]Аде, на помощ[33] востани,
спѣшно [34]двигни твоя[34] брани,
двигни сили, двигни власти,
твоя имать честь упасти.[35]
Вѣтре пернатий, воскорѣ
преносяй корабль по[36] морѣ,
помощной[37] нам адской силѣ
подажд воскорие крилѣ.
Летѣте, дуси, летѣте
нам на помощ, не медлѣте!
Изострѣте гнѣва жало:
люто время нам[38] настало.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Бѣс мира, Жеривол

Бѣс мира

Что се тако нужное[39] и кая потреба
тако скорой помощи, Жериволе?

Жеривол

С неба

О господие мои, послаша вас бозы.
Не вѣсте ли, в Киевѣ что творится?[40] Мнозы
Лжемудрцы, лжепророки, хулники восташа:
пасти имать закон ваш,[41] пасти вѣра наша.

Бѣс мира

Кто такых злых навѣтов вина?

[32—32] *Восстановлено по К Д; Т Л нет; М У* Жеривол богов на помощь зове[т]. [33—33] *У* Адова помощь [34—34] *Л К М У Д* твоя двигни [35] *Л М У* пропасти. [36] *М* на [37] *Исправ. по Л К У Д; Т М* помози; *в Т на полях:* помощной [38] *У* се [39] *У* нуждно есть [40] *Л* сътворися? [41] *Л У Д* наш,

Жеривол

Князь велможний.

Бѣс мира

Не бойтеся, дерзайте! Ни ли он, безбожний,
Приймет моих совѣтов, аз отмщу сторично.
Обаче не мню тако: князю ли прилично,
Да свою распятому и нищему вию[42]
Христу приклонит? Лютѣ! Аз недоумѣю
Объяти се мислию, ниже помисл умний
может сие сказати. И аще безумний
Сотворить тако, аще от греков прелстится,
вѣсте ли вы, кому [43]он в сем[43] уподобится?
Константину оному, иже риболова
Петра, всѣх худѣйшаго, и с ним неистова
Шатерей дѣлателя Павла, во снѣ пьяний
узрѣв, тако восприять совѣт их поганий,
Акы бы был болярский, и себе в неславу
толикую воверже, яко злату главу
Не усрамися[44] старцу Силвестру худому
преклонити смиренно. Вси царскаго дому
Возсмѣяшася тогда; мы же наединѣ
на мнозѣ плакахомся и даже донинѣ
[45]Плачем, толику[45] его погибель помняще.
О Христе! Аще прелстиш и сего и аще
Поймеши Владимира, буди (яко лживий
твердит о тебѣ народ), буди бог правдивий!
Аз же да не буду цар, да не буду честний,
да не буду всесилний. Калугеров лестний
Вожд,[46] о мой Жериволе, [47]язик да устроит[47]
и да много глаголет; мнѣ же недостоит
Словом прелщати, дѣлом хощу показати,
что могу.

Жеривол

Равно тебѣ благодарствовати
Не можем ми, о царю! Твоя будет слава,
аще твоя сих лестцов побѣдить держава.

Бѣс хули

Не менш о сем потщуся и аз, Мире златий!
Зрѣте же, аще любит истинну распятий.

---

42 У вѣру 43—43 *Л* он сим; *М* оний сим 44 *М У* посрамися
45—45 У Плачемся, тую 46 *Л К М У Д* Род 47—47 *К У Д* языки да строит

Яко сам злодѣй бяше (не бо средѣ двою
злодѣю распят бы был), тако со собою
И полки злодѣйския вести зѣло любит.
Кому се нѣсть извѣстно? Сам он гласно трубит
В своем евангелии. «Не прийдох призвати[48]
праведников, — глаголет, — но грѣшних взискати».
Тожде дѣлом являет. Донелѣ[49] державний
Владимир [50]имя имѣл доброе[50] и славний
Мужеством бѣ, [51]и Христу он мняшеся[51] быти
непотребен. Но егда сродную пролити
Дерзну кров и княжеский сан сотвори мерзкий, —
сотвори себе Христу любима, да дерзкий
Будет оттол разбойник: убо[52] богов сила
ненавидит всячески толь сквернаго дѣла.
Но недолго грѣх ходит волний и безказний,[53]
во слѣд злодѣяния пойдет неприязний
Гнѣв мой: вложу в мисл ему христоненавистны
помисли, на язик же наведу безвѣстны
Хули. Мняшеся тебѣ, о тектонов сыну,
яко Владимир будет равен Константину, —
Будет противу[54] тебе Иулиян вторий.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Бѣс тѣла и Жеривол

Бѣс тѣла

Простѣте, аще мало закосних; аз скорий
[55]Всегда на сицевую[55] помощ, днес ея же
ищеши, Жериволе!

Жеривол

Ни, о любви княже,
Не на мя пущай стрѣли: вѣм, яко твоего
лука язви сладки сут, но тѣла мосго
Вси уди, вси утробы твоих ран сут полны.
Язви князя нашего.

---

48 *ЛКД* возвати 49 *ЛМ* Доселѣ 50—50 *ЛКУД* имя добро имяше; *М* добро имя ношаше 51—51 *ЛК* Христови мняшеся; *М* Христови он мняшеся; *УД* Христови мняшеся он 52 *ЛКМУ* ибо 53 *Исправ. по ЛК; ТМУД* без казни 54 У противник 55—55 *ЛКМУД* Всегда есм на сицеву

Бѣс тѣла

Но он весь ест болний
От стрѣл моих: триста стрѣл, ядом напоенних,
внурих ему во сердце, триста жен сочтенных
Бѣсится любовию.

Жеривол

Но вся отринути
хощет уже.

Бѣс тѣла

Кто тако жестокий и лютий
Любов ему[56] отъемлет?

Жеривол

Един, убо вѣси,
един безчеловѣчний всесладкия бѣси
Христос от душ изгонит и всѣм ест противний.

Бѣс тѣла

Не скорбѣть.[57] Покажу вам образ зѣло дивний
Християнской чистоты. [58]Яко к вам[58] позванний,
не скор прийдох; не вѣсте, чим бых удержанний.
В далекой странѣ, Христа держащей уставы,
двое суть [59]княжения особной[59] державы.
Двоим ихь[60] князем любов ко единой дѣвѣ
влиях в сердце; недолго убо в тайном гнѣвѣ
Прибыша со собою, скоро, ярость звѣрну
откривше, лютую брань и силу безмѣрну
Двигнуша и единой жени ради тако
кров людей безчисленных проливают, яко
Троянская иногда брань долго лияше,
когда греком Елена похищенна бяше.
[61] Тако мя побѣждают християне! [61]

Жеривол

Убо
со Владимиром тебѣ братися сугубо
Удобнѣйша брань будет: понеже бо зѣло,
яко повѣтствуеши,[62] едной жени тѣло

---

[56] *Л М* мою
[57] *Читать следует:* скорбить; *Л К М У Д* скорби
[58—58] *М* Я ко вам
[59—59] *Исправ. по Л К; Т У Д* княжеския особной; *М* княжения особни
[60] *М* тѣм
[61—61] *Л М* Тако я побѣждаю християне[и]!
[62] *Л К М У Д* повѣствуеши

Двох мужей побѣждает; колмы паче триста
связати единаго могут и от мѣста
Двигнутися не дадут, аще приложиши
о том попечения.[63]

Бѣс тѣла

Всуе тя трудиши,
Жериволе! Наша в том печаль, наши труды.
Ты отселѣ, молим тя, [64]безпечален буди.[64]

Жеривол

Братия, радуймося: еще [65]не у может[65]
Христос торжествовати, ни ему поможет
Многорѣчие жерцов его.

Пиар

Нам прилично
еще пред побѣдою пѣти краснолично.

Куроядъ

Прилично воистинну.

Жеривол

Устройтеся спѣшно,
спѣшно до скакания, аз же вам утѣшно
Явлю зде знамение: понеже имамы
[66]сладкие пѣти пѣсни, бозы же со намы
Будут скакати, токмо первие им мушу[66]
пришептати и дати коемуждо душу.[67]

Идолы со жерцамы, [68]поющимы пѣснь, [68] скачут,

Дѣйствие 3

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Владимир, Борис, Глѣб

Владимир

Борисе, чадо мое!

Борис

Что, отче, велиши?

---

[63] *М У* попечение [64—64] *М* печален не буди [65—65] *У* не усможет [66—66] *Л К М У Д* от богов сих трепета страх, убо со нами | да скачут нынѣ они (*Л* убо они). Но первѣе мушу [67] *Л доб.* Хор [68—68] *К М У Д* поюще,

Владимир

Видѣл еси от греков посла? Что ты мниши
О его вѣщании?

Борис

Закон свой прияти
совѣтует, но требѣ болѣе слышати
О том, да вся извѣстна будут.

Глѣб

Аще волно
[1] что мнится мнѣ [1] сказати, о отче?

Владимир

Доволно
Глаголи, чадо Глѣбе!

Глѣб

Аз отнюд не знаю
в чем стоит закон христов; обаче не чаю,
Даби не любве ради посла сицеваго
послал царь вызантийский. Аще бо бы злаго
Был он ухищрения, з лукавим навѣтом,
не то би своим тебѣ представлял совѣтом,
Что самим им свято ест, велико и честно.
Но егда что сам любит, [2]то давать[2] не лестно
Мнится дарование. К тому кой зде быти
может [3]подзор лукавства?[3] Егда бо смѣсити
Кров их с намы хощеши, чаю, видят ясно,
яко мир им даеши, ниже что ужасно
Или враждебно от нас себѣ ожидают.
Врагы не сим образом кровь свою смѣшают.
Убо молю,[4] не спѣшно и не без ответа
отслеши философа, но, его[5] совѣта
Не возгнушався,[6] вели ему, да подробну
закон христов изъяснит и вѣры удобну
Покажет вѣру свою.

Владимир

Аки би едино
сердце имамы, Глѣбе! Аз ничтоже ино

1—1 *Л* что ми ся мнит; *К У Д* что ми мнится; *М* мнѣ что тебѣ 2—2 *Л К М Д* то дает; У подает 3—3 *Л* позор лукавий; У позор лукавства? 4 *Л К М У Д* мню, да 5 *Л* сего 6 *У Д* возгнушайся

Помишляю; прочее вѣруйте ми, чада:
мнозы к нам прихождаху з Вызантии града
Царскии посланницы, обаче еднако
имѣх сердце, ниже что внутр имѣх. Инако
От сего сотворися: едва бо он слово
прорече ми и Христа помяну, что-с ново
Не вѣм и дивну в сердцы ощутих измѣну
и, что всѣх ест дивнѣе, аки не едину
Рѣчь слышах, двоих нѣких устен слово бяше.
Философ убо, стоя, своя глаголаше.
В мисли же моей нѣкто тайним си языком
(отселѣ, мню, не слишан быст он человѣком)
Повѣсть философову крѣпкимы[7] извѣти
утверждаше. Моя же утроба горѣти
Мняшеся, и страх нѣкий пронзе мя; оттолѣ
не вѣм, како ко[8] моей прилѣпися волѣ
Имя християнское, нашы же мнѣ[9] мертвы
[10]бозие мнятся[10] быти и мерзки их жертвы.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Вѣстник, Владимир, Жеривол

Вѣстник

Жеривол входа просить, княже!

Владимир

Невозбранно.
Повѣмы ему о сем слово нечаянно.

Жеривол

Именем богов наших многих лѣт желаю,
княже, державѣ твоей.

Владимир

Что новаго чаю
Слишати, Жериволе?

Жеривол

Велможний владико!
Желал би лучшую вѣсть носити. Велико
И страшно знамение бозы нам дадоша:
зѣло разболѣшася.

---

7 *Л* краткими 8 *М* до 9 *Л К У Д* ми 10—10 *Л У* бози мнятся; *М* бози мняхуся

Владимир

Но не у помроша?

Жеривол

Не буди то, господи!

Владимир

Се убо не тако
страшно, яко рекл еси.

Жеривол

Умирати всяко
Бозы не могут, их бо вредити ничтоже —
ни огнь, ни меч, ни вода, ни земля — не може.

Владимир

Не вѣм сего.

Жеривол

Есть един вред смертний: от глада
умирают иногда, того ради стада
Тучнии им на жертву обыкоша слати
боголюбцы, от них же перваго тя знаты
Должни есмы, о княже!

Владимир

Но рцы, в чем болѣют
бозы твои.

Жеривол

Первѣе твои сут. Имѣют
Сокрушенны нѣкие кийждо своя уди.
[11]Милостив убо буди им, молю тя, буди
Милосерд.[11]

Владимир

Что же творим? Послухай моего
совѣта, Жериволе! Иннаго коего
Болшаго взищѣм бога.

Жеривол

Быти се не может.
О княже, како един толиким поможет
Народом твоим?

11—11 *К М У Д* Молю тя убо, буди им милосерд, буди | Милостив

Владимир

Ни ли един аз владѣю
всѣм народом? Что се ест, аз недоумѣю
Сказати.

Жеривол

Нѣст се дивно, нѣст ни мало чудно.
Ти болш смисла имаши, им же тако трудно
Мудрствовати. Ти, егда изийдеш от тѣла
(не лгу,[12] ни ласкателно глаголю), до зѣла
Превознесен будеши и над всѣх не мало
богов болий: мал тебѣ Позвизд, мал Купало,
Мал Мошко, мал Коляда, мал Волос; сравненний
с тобою и сам Перун будет умаленний.*

Владимир

Аз толик сий, обаче от меча боюся
смерти. Богов же како (что се ест, дивлюся),
Богов како не может тоежде вредити?

Жеривол

Рѣх, яко кромѣ глада не могут умрѣти.

Владимир

Вѣм убо, Жериволе, како тя сотворим
безпечална, да гладом болних[13] сих поморим.

Жеривол

Что слишу? Аз погибох. О княже всезлатий,
вседрагий, вселюбимий,[14] всемощний, богатий!
Престани сих помислов! Буди милосердний!
Вижд слезы, вижд трепет мой, вижд плач мой усердний.
О княже! О господи! О владико! Кую
злобу богов видиши, яко сицевую
Ярость на них воздвиже?[15]

Владимир

Аз от любви сие,
не от ярости творю, да бозы благие
В болѣзни не мучатся. К тому, что ползуют
болни? На что потребни суть?

---

[12] *Л нет; К М У Д* лщу [13] *М* богов [14] *М* вселюбезний
[15] *М* возводишь

Жеривол

Ясти требуют.

Владимир

Жериволе, вижу тя великаго быти
боголюбца; но сие нужно отложити
На ино время. Нынѣ послушай моея
потребы. Дойде ли вѣсть честности твоея
О прибывшем к нам послѣ царском?

Жеривол

Слышах, княже.

Владимир

Мню убо, яко вѣси и вину, ея же
Приход его ест?

Жеривол

Не вѣм, но боюся зѣло
прихода его сѣмо: имать быти дѣло
Ратно, немирное.

Владимир

Ни, еще завѣщанний
мир со намы крѣпчае хощет сей посланний
Утвердити; совѣт же дает [16]в крѣпост[16] мира,
да и от нас христова восприймется вѣра.

Жеривол

О княже! Что се слишу? Се[17] мир? Се брань зѣлна,
яковой от лѣт древних Россия всесилна
Еще не имѣяше.

Владимир

Не нанесет брани
цар, аще и не приймем вѣри их. Престани
Всуе скорбѣти. Твой же кой[18] совѣт [19]ест? Како[19]
на се им отвѣщаеш?[20]

Жеривол

Не хощем вас всяко
Послушати, ни ваша прияти совѣти.
Мы болш богов имѣем.

[16—16] *ЛТ* вмѣсто; *в Т поправка на полях:* в крѣпост [17] *М* Селы [18] *ЛКМУД* кий [19—19] *М* и како [20] *КМУД* отвѣщаем?

Владимир

Но на их извѣти,
Ими же нас приводят, что рещи имами?

Жеривол

Вѣм, что се ест: прѣтися словом хощут с намы.
Аще тако, добрѣ ест; всуе уповаша,
яко нѣст ум[21] в России, яко област ваша
Мудрецов не имѣет. Да уразумѣют
невѣжу Жеривола.

Владимир

Скоро зде имѣют
Быти, аз бо их просих. Ти же удалися
мало; им же пришедшим, паки возвратися.
Дерзок ест, но не чаю, не препрѣн от слова
мудрец наш аще будет.

Глѣб

Обично такова
Дерзость величавая в дѣлѣ не бывает
многомощна и себе суетну являет.

Борис

Посел, яко же слишах, велми ест славимий
во Греции философ, и между своимы
Едва ему, глаголют, обрѣтеся равен.
Искусен в учении, красомовством славен;
К тому же и страннии изучи язики,
умѣет и наш руский. Муж же сий толикий
Не кичится, глаголют, но кроток ест в нравѣ.

Владимир

Вѣрно слово: бесѣда его творит явѣ,
Яко славное его имя не ест тощно,
з бесѣди бо, каков кто внутр ест, знати мощно.

Вѣстник

[22] З Греческой землѣ посел паки входа просит.

---

[21] *Исправ. по Л; Т К М У Д* им

Владимир

Да прийдет здѣ, иже нам добру вѣсть приносит.[22]

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТОЕ

Философ, Владимир, Жеривол

Философ

Первий мой приход, княже, велѣнний ми бяше
царем моим, нынѣ же величество ваше
Прийти велѣл ми еси. Аз яко моего
царя и величества, такожде твоего
Творити волю готов: оному повинно,
тебѣ любовно должен, обоим всечинно.

Владимир

Сие ти усердие и любов толика
велит ми потщатися, да царь и владика
Твой мене не побѣдит, [23]ниже да превзийдет[23]
в любвѣ своей ко тебѣ. Но да болший прийдет
Сей долг на мя любовний; молю тя, не буди
тяжек (аще хощеши, да не всуе труди
Путы твоего пойдут[24]), скажи нам подробну
глави[25] вашых уставов; сотвори удобну
Увѣрению быти вѣру нам Христову,
да увѣмы, какову[26] взяти и какову
Отвергти подобает.

Философ

Во всякой потребѣ
[27]должен тебѣ есм,[27] в сей же найпаче ест требѣ
[28]Да служу нелѣностно;[28] на дѣло бо сие
не токмо мя царь посла, но и[29] прилѣжнѣе
Сам бог[30] завѣщавает.

Жеривол

Что ми велит ваше
величество? Се прийдохь.

[22—22] *Л К М У Д* Посел входа просит. Есть ли ти блажимо (*Л Д доб.* владико)? — Слуги да устроятся и да прийдут сѣмо. [23—23] *Л К М У Д* ни да превозийдет [24] *Л* будут [25] *Л* главу [26] *У* якову [27—27] *М* поволен ты есмь; *К Д* поволен тебѣ есм; *У* поволен есмь, [28—28] *У* Да услужу неложно; [29] *Л М Д У* се [30] *М* мнѣ

Владимир

Давно ми мисл бяше
Призвати честность твою; угодна обаче
не бѣ времени, нынѣ есть.[31] Тебѣ найпаче
Достоит се вѣдати, кия ми совѣти
преподает царь римский: закон измѣнити
Совѣтует, ти же нам закона начало.

Жеривол

Непотребна измѣна, идѣже ни мало
Зла не обрѣтается. В нашем же уставѣ
кий порок ест? Развѣ то вѣдомо державѣ
Твоей буди![32] Болшие жертвы приносити
богом должно ест; зри бо, что нам сотворити
За нелюбов прещают. В сию нощ до ложа
приступи ко мнѣ нѣкто худ, сух, кост и кожа
Едина; аз не познах, Купало же бяше.
И, скорбен, возрѣв на мя, рече: «Чесо
Беззаконие растет, малит же ся зѣло
боголюбство? Видиши, Жериволе, тѣло
Мое кое ест? Гдѣ суть многотучны жертвы?
Мните ли, яко бозы силнии суть мертвы?
И не требуют ясти? И тебе самаго
козлоядом назвати требѣ. Таковаго
Зла не терпим[33] прочее! Не даете ясти!
Мы убо вас жаждею сотворим пропасти.
Изсушим Днѣпр или бѣг его воспят пустим,
но и самий по[34] малѣ род скупий опустим».[35]
Се рек, мняшеся на Днѣпр скоро отходити,
аз же остах трепетен. Что убо творити
Имамы и коей нам требѣ ест измѣни?
Отсюду познай, княже!

Философ

Сонния то сѣни
Бяху и позорище трезвым не ужасно.
Слиши, что не от нощна примрака, но ясно
Пред всѣмы ти глаголю: не токмо вод рѣчных
не изсушать вам бозы, но, аще от вѣчних
Обителей бог призрит милостивно на вы,
в водѣ той богов ваших сокрушатся главы.

---

31 *М Д* же. 32 *К М У Д* будет! 33 *М У* стерпим
34 *Л К М У Д* во 35 У испустим»; *Д* спустим».

Жеривол

Да на твою то прежде обратится, мерзкий
хулниче, клеветниче!

Владимир

Что [36]ти тако[36] дерзкий,
Жериволе? Посел ест и откуду, вѣси,
[37]и до кого прислан есть.[37] Или в словѣ нѣси
Искусен? Словом чинним, не сваром преприся.

Жеривол

Аще тако велиши, княже, добрѣ случися
Час мнѣ сей. Но что имам глаголати с вамы?
Един вам токмо ест бог?

Философ

Едного имамы.

Жеривол

Слишах тако. Се же что? И како[38] он нужди
всѣх человѣк понесет? Како ему чужди
Скорбы во сердце внийдут? К тому аще бозы
вам кромѣ единаго не суть, почто мнозы
Жерцы во вас? Един ли всѣм тим доволствует
вол на жертву? Что се ест? Сам же что готует
Ясти себѣ бог? Рци мы. Велѣл еси, княже,
словом препиратися; аз никоеяже
Не вижу в нем мудрости: молчит, не вѣщает.

Философ

Таков слову твоему ответ подобает.

Жеривол

Таков и аз, вѣм, ибо аще достизати
высоти моих словесь не можеш, молчати
Нужда ти есть. Но рци ми, коей найболш сласти
в ядении бог ищет? Что найпаче ясти
Любит он? Рци, молю тя.

[36—36] *Л* так еси ко кому есть посланий.

[37—37] *Л К У Д* и к (*К* ко) кому послан ест; *М* и

[38] *Исправ. по Л К М У Д; Т* как (*недостает слога*).

Философ

Аще би не тако
земен был, [39]могл бы еси знати, яко[39]
Дух сокрушенний — богу жертва ест любима.

Жеривол

Ха, ха, ха, ха! Слишѣте! Слишѣте славима
Бога християнского! Убо ниже пиет;
жаждний, гладний и бѣдний — дух ему довлѣет,
Парею сит.

[40] Вси жерци смѣются [40]

Философ

О, смѣх ваш достоин слез многих.

Жеривол

Мы же богов имамы не тако убогих:
Упиваются медом;[41] гусей, курей страви
тучат их, а найпаче тучнѣйшие кравы
И волы пожирают. Еще ти немногу
вещ реку: кое лице [42]свойственно ест[42] богу,
Красное ли бѣлое? Кий [43]шар им[43] приемний?

Философ

Вѣм, кий вид богов ваших — черны сут и темны.

Жеривол

Ваш же каков?

Философ

Не вѣмы, ест бо невидимый.

Жеривол

Слишѣте, что нам сказа? Се ли он хвалимий[44]
Философ? Чуждих богов вѣст, не вѣсть своего!
Не вѣст, в кого вѣрует. Княже, вижд коего
Учителя имаши.

Владимир

Престани! Стижуся
красомовства твоего.

[39—39] *М* знал бы зѣло о сем, яко
[40—40] *К М У Д нет.*
[41] *М* вином;
[42—42] *Л К М У Д* свойствуется
[43—43] *Исправ. по Л К М У Д; Т* ни шар
[44] *Л* славимий

Жеривол

Владыко, чуждуся
Твоему величеству. Вѣруй ми, нигде же
тишайшия бесѣди не сут, но[45] понеже
Кратким[46] словом истинну[47] хранити нѣст волно,
дѣлом смирю хулника а[48] смирю доволно.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Философ, Владимир, Борис, Глѣб

Философ

Не буди величеству твоему в досаду, —
се ли в вас мудрецы сут? Аз овчему стаду
Не дал би[49] сицеваго вождя.

Владимир

Сие восписати
не требѣ ест закону, ниже порицати
[50]Державу нашу:[50] род наш жесток, и безсловний,
и писмен ненавидяй — [51]сему ест[51] выновний.
Но не во всем Жеривол глагола безумнѣ:
како ест бог невидим, не вѣм аз.

Философ

Разумнѣ
Отсюду начал еси. Аще бо видимий
был бы бог человѣком, не был бы множимий
Собор многобожия, но ниже би вѣрѣ
возмогло тогда быти мѣсто во всем мирѣ.
Вѣра ест вѣровати во вещ таинственну,
ниже ест неприлично быти сокровенну
От очес смертних богу. Солнце, ходяй горѣ,
обаче дерзких очес не терпит: воскорѣ
Отвращает зѣницу. И вы, земны суще
[52]и тожде со иннимы[52] естество имуще,
Чести ради не всѣм вас хощете являти,
многим на престол царский неволно взирати.
К тому бог дух ест, ниже вещество[53] имѣет,
и тако до зрѣния его не довлѣет

---

45 *М* и 46 *К М У Д* Кротким 47 *Л К М У Д* истинны[и] 48 *У* и 49 *Л К У* би[ѣ]х; *Д* бѣх вам 50—50 *Л К М У Д* Нашу державу: 51—51 *Л* есть тому; *М У Д* есть всему (*У Д* сему) 52—52 *Л* и тоежде со ними; *М У* и тоежде с иными 53 *М* естество

Око плотское. Се же явѣ ест отсюду,
яко и души нашей не можем отнюду
Видѣти,[54] какова ест.

Владимир

Како убо вѣмы,[55]
яко бог ест, понеже нам ест невидимий?

Философ

Сей разум от естества имѣет начало.
[56]Древнии бо[56] еллини, не суще ни мало
От бога изученни, сие имѣяху
познание. Егда бо весь мир разсуждаху,
Видяще в нем толь многу твар и толь различно
здание и всѣм вещем данное прилично
Свойство и согласие, яко и в толиком
множествѣ не ратуют на ся, но в великом
Мирѣ стоят и в един конец намѣрают,
ниже когда данний им чин свой измѣняют.
Свой путь имут свѣтила, свой брег знают води,
свое время вѣдает земля, из ней плоди
Исходят, кийждо[57] от них во время подобно.
То зряще, философы рѣша: «Неудобно
Быти сим без начала и потребной[58] власти.
[59]Но нѣкто созда сия[59] и держай упасти
Не дает и премудрим смотрением строит:
убо того и богом нарещи достоит».
Тако вси мудрствоваху.

Владимир

Добрѣ се. Но кая
нужда ест, да, многия твари разсуждая,
Познаим токмо быти единаго бога?
Многих бо создателей твар требует многа.

Философ

Ни, княже! Не может бо что началом быти,
аще не ест едино: началу имѣти
Первенство подобает. Убо аще мнозы
суть во вас; вси ли тие первие сут бозы?

---

54 *М* Вѣдати, 55 У вѣси, 56—56 *М* Древни убо 57 *Исправ. по Л К М У Д; Т* кий *(недостает слога в стихе)* 58 *Исправ. по Л К М У Д; Т* потребно жь 59—59 *М* Нѣкто создал есть сия

Аще ни, един убо; аще же вси, како
в многом числѣ нѣсть вторий, ни третий? И тако
Всѣм вину подобает имѣти едину.

Владимир

Но откуду вѣстно ест, яко еще инну
Жизнь глаголете[60] быти и вѣк инний новый,
сему преставшу?

Философ

[61]Сие извѣщенно словы
Пророков нам ест;[61] ниже вѣру невозможно[62]
отъяти,[63] ибо о[64] них многажди неложно
Событие познахом. Но и сие вѣстно
бысть древним любомудрцем. [65]Платон бо извѣстно[65]
Творит в едной[66] бесѣдѣ, яко душа наша
ест безсмертна, и его разум вси прияша;
Един токмо Эпикур не хощет прияти.
Еще же и отсюду [67]тожде само знати[67]
Мощно ест. Бог, всякоя вещы сий начало,
имать вси[68] совершенства, от них же ни мало
Видим в различной тварѣ. Аще убо цвѣти
красния зрим, должно ест тожде разумѣти
И о бозѣ, яко ест всей красоти полний.
Видим свѣтила, убо свѣта ест доволний
Источник бог. Чудимся величеству мира:
[69]велик убо и бог ест,[69] и нѣсть ему мѣра
Равна[70] в тварѣ словесной. Знаем всемогуща,
видяще крѣпост мужей; знаем всеимуща,[71]
Зряще на власть царскую; мудра быти знаем
от мудрости созданной. Сице устрояем
[72]Правди его извѣти; сие же едино[72]
доволно показует, яко имать инно
Житие быти кромѣ временнаго, еже
во различних случаях преходит. Понеже
Не равна дѣла нынѣ творят человѣцы:
ин добронравен, ин ест лукав; в сем же вѣцѣ
Не вси по дѣлом своим мзду и казнь приемлют;
многажди добри страждут, лукави же вземлют

---

[60] У глаголеши [61—61] У Сие есть извѣстно словы | От пророков нам; [62] *М* ѩм возможно; У неможно [63] У не яти, [64] *М* от [65—65] У Сам Платон извѣстно [66] *Исправ. по М; Т Л К Д* единой (*лишний слог*); У одной [67—67] У тож само познати [68] *Л* всяк; *К М У Д* вся [69—69] У великий убо бог есть, [70] *Л К М* Равнѣ. [71] *У* силна суща, [72—72] *Л М У* Правды его извѣт ест; сие же (*М* а еже) едино

Чести превысокия, убо не вѣнчает
на земли бог праведних, ни злых осуждает.
Како убо сам прав ест, аще здѣ кончати
всю нашу жизнь имами, ни иной чаяти?
Обаче не тако ест: бог, правди хранитель,
ин вѣк нам уготова, в нем же и отмстител
Злим будет, а праведним [73]воздаст мзду[73] сторичну;
сим радост безконечну, оным же казнь вѣчну.

Владимир

Прежде твоей бесѣди сим образом тое
поразумѣвах всегда: егда бо что злое
Аще и втай[74] сотворих, совѣсть мя мучаше.
Размишлях, что боюся: все житие наше
Здѣ кончается, мнѣ же кто здѣ может бити
судия? Но так внутрней скорби утолити
Не могох. Скажи еще: како о сем[75] мирѣ,
како о человѣцѣ, како о сей[76] вѣрѣ
Христовой мудрствуете?

Философ

Прежде всего вѣка
бог, сий доволен в себѣ, созда человѣка
Во времени, от своей благости[77] единой,
не да здѣ живет присно, но ко лучшей инной[78]
Жизни да[79] свой пут творит. Мир же сей всеродний
дал[80] ему в напутие, дабы путь угодний[81]
Имѣл, и того ради лице понуренно
иним даде животним, нам же возвишенно,
Да идѣже отчество, тамо ум возводим.
Сего и от еллинской мудрости доходим.
Но человѣк, своея не разумѣв чести,
ни познав благодати, сведен же от лести;
Скотом, от них же лицем разнствует, тѣм страстно
сердцем уподобися. И мню, яко ясно
Вѣси, яже о падшем Адамѣ обично
повѣтствует:[82] тебѣ бо со всяким различно
Общество ест народом, и со християны
бесѣдуеши часто. И оттуду на ны,

73—73 *Л К М У Д* мзду воздаст 74 У втай что 75 У всем 76 *Л К М У Д* всей 77 *Исправ. по Л К М У Д; Т* благодати (*лишний слог*). 78 У оной 79 *М* он; У *нет*. 80 *Л К Д* даст 81 *М* удобний 82 *Л* повѣтствуют; *К М У Д* повѣствуется.

Аки от источника, вся нужди и скорбы
истекоша, болѣзны, распри, браны, борбы,
Глади и губителства; сама смерть тогожде
корене и, что смерти лютѣйше ест, тожде
На разум наш наведе облак нѣкий темний,
им же быв ослѣпленний[83] человѣк, весь земний
Сотворися; горѣ же мало кто возводит
сердце, и [84]сим идолом[84] чест скверную родит.
Сим[85] себе весь мир тако обезумил бяше,
яко кромѣ иудей весь род[86] почиташе
Мертво дѣло рук своих. Но смотри, коликий
бог наш ест во милости; не терпит во вѣки
[87]Мир тако погибати,[87] хощет воздвигнути
лежащих от падежа,[88] не вѣдущих пути
Исправити, плѣненных [89]з ада[89] свободити,
еще же да и правдѣ удовлетворити
Божией[90] за преступство человѣк возможет.
Но понеже ни ангел, ни человѣк может
Извести сия в дѣло, созданну бо силу
превосходит,[91] сам к тому (дивная вещ!) дѣлу
[92]Снийде. И зри,[92] коль мудрѣ![93] Сам плот человѣчу
восприять на ся, прошед утробу дѣвичу,
И бысть бог и человѣк, единѣм связуем
лицем в двою естеству. Того именуем
Христа; той бо[94] пострада и утоли за ны
гнѣв божий, той смертию своею от страны
[95]Адскоя возведе нас,[95] той научи, како[96]
о бозѣ да мудрствуем. И сказа нам, яко
Един ест бог истинний, но лице тройственно —
отец, сын и дух святий; отцу ест свойственно
Раждати от нѣдр сына, духа изводити,
онѣм же от едина отца исходити.
Сын убо плоть изволи нашу восприяти
от дѣвы, в той пострада, на крестѣ распятий,
Умре и погребен быст, воскресе и явно
многим сие сотвори, потом же, преславно
Возшед на небо, сѣде одесную бога.

---

83 *Исправ. по Л К М У Д; Т* сълѣплен (*недостает слога в стихе*). 84—84 *Л К М У Д* се идолов 85 *Л К М* Сам; У Тѣм 86 *М* мир 87—87 *М* Миру тако погибнуть, 88 *Л К Д* падежи; У падежей 89—89 *Л* в адѣ; *К М У Д* во ад 90 *Исправ. по К М У Д; Т* Божей (*недостает слога в стихе*); *Л* Божие 91 *К М Д* превосходят; У свободить, 92—92 *М* Снийде с небес 93 *Исправ. по Л К М У Д; Т* мудрий! 94 *М* коле 95—95 *Л К М У Д* Возведе нас адския, 96 *М У* тако

Суть же и инна, яже даде нам премнога;[97]
Но не всѣм вся годствует повѣдати. Когда
облечешся во Христа крещением, тогда
И инная увѣси. Нинѣ еще сие
увѣдай и у память паче всѣх силнѣе
Водрузи: мы вѣруем извѣстно и ясно,[98]
яко будет [99]день судний,[99] страшно и ужасно
Время, день стенания, день туги, день гнѣва
божия, вон же люта и неувѣтлива
Мест погубит грѣшников,[100] блазы же вѣнчанны
будут во славѣ. Прежде убо нечаянний
Глас трубы пройдет землю, той мертвих возбудит
(дивна вещ воистинну!) и на суд понудит
В едино собратися; во огнь облеченний
судия сядет, здѣ же и полк безчисленний
Огненних слуг предстанет. [101]Да и всѣм же вѣрний[101]
свидѣтель — [102]совѣст своя[102] вся бо наша знает
Тайная; той судия и сердца пронзает.[103]
Разлучить убо благих и злих на двѣ части:
Тих в радость воведет, а им же мира сласти
препяша путь спасенний пошлет во огнь вѣчний.
Вѣчний огнь! Се страшно ест. Кто безчеловѣчний
тако будет, его же не устрашит сия!
Княже, добрѣ о себѣ разсмотры. Виждь, кия
совѣти даю тебѣ. Первѣе вся мира
Состави разверзутся,[104] неже наша вѣра
измѣну приймет: сию нам предвозвѣстиша
Пророцы неложнии, в пѣснех предгласиша
и древния сивилли, еллинские дѣвы,
Но вземшии от бога разум прозорливий.
Сию царие, сию прияша всецѣло
Премудрии людие,[105] и многия зѣло
чудеса утвердиша, и мнозы за сию
Кров свою излияти,[106] под меч нести вию,
нищету, изгнание, темницы, оковы
И вся нужди терпѣти бываху готовы.
Богатства, слава и чин княжеский великий

---

[97] У преславна; [98] У явно, [99—99] У оный судный, [100] *Л К* грѣшники *М* грѣшника, [101—101] *Л М* Всѣх же будет вѣрний; *К У Д* Всѣм же вѣрный [102—102] *Исправ. по Л К М У Д; Т* совѣст своя будет (*два лишних слога в стихе*). [103] У *Д* познает. [104] *Л К М Д* разверзутся; У развергу вся, [105] *Исправ. по Л К М У Д; Т* люде (*недостает слога в стихе*). [106] *Исправ. по Л К М У Д; Т* иливати,

Минут скоро и стати не могут во вѣки,
яко же и прочиих минуша; но яже
Аз глаголю не имут конца никогда же.

Владимир

Дар, его же нам посла цар ваш, честен бяше;
Но безцѣнний ест бысер, его же ми ваше
благородие нынѣ дарует. Той убо
Должна мя в любвѣ моей творит, да сугубо
вѣрну[107] приязнь утвержду, аки ко моему
Брату; но за премудра словеса твоему
благородию в том мя должна знаю быти,
Да буду тя отселѣ во отца имѣти:
царевѣ бо дар за дар отслати довлѣем,
За твой дар равно дати ничтоже имѣем.

Дѣйствие 4

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Владимир, Борис, Глѣб

Владимир

Имате ли нѣкое сумнѣние, чада,
во[1] словѣ философа?

Борис

Мнѣ еще отрада
Великая на сердцы; егда бо он слово
простираше, [2]мнится мнѣ[2], яко вино ново
Вливаше [3]мы во[3] сердце.

Владимир

И аз таковую
радость имѣх, но нынѣ инну во мнѣ чую
Измѣну: сон мя нѣкий устраши[4] до зѣла.
Нѣкиим черним мужем изведен от тѣла
Мняхся бити и водим[5] сквозѣ дебр пустинну,
потом ввержен в дол темний, потом же ко ину
Мѣсту, свѣтлу и злачну, но не вѣм, коего
страха полну, приведен, — доселѣ моего
Покоити не могу сердца. К тому громы

---

[107] *Исправ. по Л К М У Д; Т* вѣрно

[1] *К М У Д* о

[2—2] *К Д* мнится ми; *М* внимах аз; *У* мнит ми ся

[3—3] *Л* мнѣ в; *М* в мое

[4] *Л* утруди

[5] *М У Д* ведом

зѣлния слишах,[6] потом весь от огня[7] жгомий
Лютѣ бых; отвсюду же псы лаяху мнозы.
Боюся,[8] да не гнѣв свой поощрают бозы.

Глѣб

Истинна ест, яко гнѣв поощрают бѣсы,
но суетний их меч той. Вѣмы, яко нѣси
Сам устрашен. Нашего сердца испитати
хощеши, отче! Мы же тебѣ подражати
Во всем приобикшии,[9] ни мало в сем дѣлѣ
не разнствуем от тебе; бѣсовской же силѣ
Весма поругаемся: во снѣ страх наводят.
Почто, аще силны сут, явѣ не исходят
На брань? Аки татие, покровенны тмою,
дерзают на спящаго и сѣнь со собою
Ведут на помощ. Лютий полк сут и ужасний,
лаяху же, яко псы, добрѣ; ибо[10] гласний
Крик имуть, но ничтоже криком успѣвают,
не ложни в том, яко в псы себе притворяют.[11]
Мы, отче, велѣния от твоей державы
ожидаем; аз сею рукою им главы
Покрушу, аки скудель.

Борис

И о мнѣ не ино
имѣ разумѣние, отче! Непремѣнно
Согласие наше ест; ниже кров сродственна
тако нас вяжет, яко вѣра божественна.

Владимир

Радуюся, о чада, яко ко благому
преклонны есте зѣло; обаче влекому
Волю ко желанному не всегда ползует
свободно простирати, но да совѣтует
Первѣе трезвий разум на мнозѣ, и тогда
безбѣдно пойдет воля: она бо иногда,
Мняще быти вещ добру, избирает злую.
Отидѣте на время. Аз здѣ совѣтую
Наединѣ со мною. З воску имут дѣти
сердце, скоро их на вся преклониш совѣти.

---

[6] *Исправ. по Л К М У Д; Т* слишахох, [7] *М* него [8] *Л* Боях ся, [9] *Л К М У Д* обикнувшии, [10] *Исправ. по Л К М У Д; Т* ибо суть (*лишний слог*). [11] *Л М Д* претворяют.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Владимир, помислы гордие

Владимир

помишлением гордим

Коль многы совѣти суть, их же лице красно
мнится быти, но, егда разсмотриш[12] опасно,
Инако являются.* Первое се явѣ:
[13]породится от сего укоризна[13] славѣ
Нашей. Не повергу ли греческим под нозѣ
царем вѣнца моего? И их же на мнозѣ
Усмирих побѣдамы, тѣм[14] сам подчиненний
буду? Не оружием, едним побѣжденний
Словом философовим! Инако же носит
обичай: да закона[15] побѣжденний просит
От побѣдника, сей же тому да владѣет.
К тому мир знает, яко сили ми довлѣет,
Да с римским царем сяду купно же и равно,
не тако, аще [16]его ученик есм.[16] Явно
Се всѣм укорение. Но уже и время
мину ученичества; егда мал бѣх, бремя
[17]Сие на мнѣ не бяше, — нынѣ,[17] на престолѣ
княжем[18] сидяй, поддам[19] мя[20] учителской волѣ?
оселѣ бѣх невѣжа, и невѣжи бяху
князы праотцы мои; вси бо почитаху
Сих богов несумѣнно. «Убо от безумних
порожден ест Владимир?» — Кто от многоумних
Боляр не повѣст тако? [21]И не[21] токмо сие
рекут, но (что ми сердце уязвит лютѣе)
Рекут, яко не ради вѣри приях вѣру,
но страха ради, хотяй завѣщанну[22] миру
Крѣпост дати, аки би страшна мнѣ со греки
бран была. Но что сия возмогут вопреки
Оглашенной истиннѣ? Что сего порока
множае аз боюся, неже цар? Высока
Велми и его слава. Но нам совѣтуя,
[23]крестится не рече,[23] да не аз, дряхлуя,

---

[12] *М У* разсмотрѣм [13—13] У породятся от сего укоризны [14] *Л* сим [15] *Исправ. по Л К М У Д; Т* закон [16—16] У кто ученик есть. [17—17] *Исправ. по Л К М У Д; Т* Сие на мнѣ бяше, но нынѣ, [18] У князем [19] *Исправ. по Л К М Д; Т* подам; У поддамся [20] *У нет.* [21—21] *М* Ниже; У Но [22] *Л* извѣщанну [23—23] *Исправ. по Л; Т* крестится ми рече; *К М Д* крестися ми не рече; У креститися ми не рече.

Творити се явлюся. Аще же и тое,
еже аз мишлю, будет, что же се ест? Кое
Зло ест хулиму быти от рода лукава?
Дим ест един[24] — людская и хула и слава.
[25]А яко стар[25] учуся, то ли будет бѣдно?
Учитися добраго во всяком не стидно
Ест времени: «До смерти (обще[26] гласит слово)
всяк человѣк учится». Но на мнѣ се ново
Явится — от праотец никто же не бяше
християнин. Что[27] к тебѣ? [28]Аще бо и наше[28]
Не было бы от князей сродство, князем быти
не требѣ бы нам было! Како же смирити
Имамы[29] славу? Ни ли и во християнех
суть князы? Сут царие, сут крѣпкы во бранех
Воины. Аще же то и не будет тако,
что ест цвѣт мира сего? Не видиш[30] ли, како
Цвѣтуще увядает![31] Вся, аки дождевний
туман, аки дим, аки крин единодневний,
Аки сон, ищезают! [32]А и сие[32] благо
толь худое колико имат в себѣ злаго,
Вражд, завистей, болѣзней, случаев различных!
Сия ли мя усладят? Сия от благ вѣчних
Удержат мя? Не буди! Но камо идеши,
[a]княже бѣдний? Триста жен гдѣ сут? Небрежеши?
Всѣх отвращаешися? Убо ти звѣр дивий,
а не человѣк еси; тако горделивий
Будеши, хотяй быти смиренний. И сию[33]
мзду воздаси за любов? Уви мнѣ! Весь тлѣю,
Жегом огнем сердечним,[34] вес внутр изгаряю,
пламень внийде в утробу. О горе! Не чаю
Жив быти, аще прийму закон нелюбимий,
иго тяжкое, ярем неудобносимий.
Аще же ми испервa сие повѣданно
было бы, когда еще не бѣ привязанно
Сердце мое [35]толь долгим[35] обичаем сластей,
удобнѣе было бы. Нынѣ же огнь страстей,
Толику силу вземши,[36] како ест удобно
угасити? Отсюду мнится неподобно

---

[24] *М* токмо [25—25] *М* Яко в старость [26] *М* еще [27] *Исправ. по Л К М У Д; Т* Кто [28—28] *Л* Аще убо наше; *К У Д* Аще бы и наше; *М* Но аще бы наше [29] *Л К М У Д* Имаши [30] *Л* видим [31] *Л* увядают! [32—32] *М* Аще сие; *У* А сие. [33] *М* сию ль [34] *У* злосмрадным, [35—35] *М* томимим [36] *М* вземший,

[a] *На полях* Плот искушает

Учение христово: учит утоляти
[б]похоть плотскую. Како се ест — уязвляти
Естество? Естеству се наносится нужда.
Како убо он ест бог? Воля его чужда
Ест смотрения, богу отнюд не свойственна.
Аще он ест создатель мира вещественна,
То почто созданию своему противний
закон вносит? Аще же кто ин мир сей дивний
Произведе в бытие, ин убо кто мира
начало ест, убо ест ложна о нем вѣра.
[в]Владимире, что тако бѣснуешься?[37] Кия
бѣси (о лютѣ тебѣ!) [38]наводят ти[38] сия
[39]И мисли, и[39] глаголи? Тако еси краткой
памяти, забы уже проповѣди сладкой
Философа? Что бо он рече неизвѣстно?
Что противно разуму? Откуду безмѣстно
Помишление сие? Естества начало
извѣстно показася Христос, но ни мало
Он всякому естеству не творит обиди.
Аще вожд даст[40] воину меч, да тѣм побѣди
Ищет, или лѣт ему ест употребити[41]
на зло и вмѣсто врага [42]тѣм друга убыти?[42]
Тако похот плотскую бог всѣя во плоти
нашей, но да ей чинно, не яко же скоти,
В ситост употребляем.[43] Здравому согласно
се ест разсуждению,[44] но мрачить мнѣ[45] страстно
Ум, обикновение, обичай сломити
[46]обичаем противним.[46] Аще же се[47] быти
Трудно мнится; трудно ест, обаче возможно;
трудно, но удобие зло ест и безбожно;
Трудно, но мзди без труда никто [48]не имѣет;[48]
трудно, но помянути на труд сей довлѣет
Огнь вѣчний. О Христе мой! (Моим нарицаю,
чужд тебе, окаянний!) В твоей уповаю
Помощи; твоим быти желаю всецѣло,
тебѣ мою отдаю и душу и тѣло.
Угаси огнь, отжени и хулния бѣси,
едину ми сохрани славу, ибо вѣси,

---

[37] *Исправ. по Л К М Д; Т У* бѣснуешися (*лишний слог*). [38—38] *М* наваждают [39—39] *Л* И помисли и; *К М Д* Помисли и; *У* Помыслы [40] *Л* дает [41] *М* употребляти; *У* потребити [42—42] *К У* друга тѣм би[ы]ти; *У* друга убивати? [43] *У* употребляют. [44] *Исправ. по Л К М У Д; Т* разсуждение, [45] *Л М Д* ми [46—46] *Л К М У Д* противним обычаем. [47] *М* мнѣ [48—48] *Исправ. по Л М У; Т К Д* имѣет;

[б] *На полях* Хулнии помисли [в] *На полях* Совѣст

Коль род мой горделивий княжеской державѣ
поругается, аще вѣрую[49] в тя явѣ.
Буди угодно тебѣ, да оттай[50] крещуся.
О нечувства моего! Кого аз стиждуся
И пред ким? Во студ мнѣ[51] ест, безумну, цар вышний?
Честен же мнится бы́ти лукавий и грѣшний
Род сей? Не тако. Всюду да проходят[52] вѣсти
о мнѣ: се явѣ иду Христа исповѣсти.
Се иду, творю[53] волю божества твоего,
и закон твой посредѣ чрева ест моего.

ХОР

Прелесть

Возврати, Владимире, возврати бѣг спѣшний,
негли постой и[54] слиши плач мой неутѣшний!
Познай, любезне,
Кто зовет слезне.
Кого любиши?
Камо бѣжиши?

В кия идеш страни?
Откуду гнѣв на ны?
Плач тя не утолит,
Глас мой не умолит.

Тако еси твердий,
Тако жестосердий!
Любви ми едина!
Кая се измѣна!

Помяни, Владимире, дны прежние тие,
когда тя обятие имѣяше сие.
Кое тогда пространство, кая радост бяше!
Триста жен лобзание[55] сердце вомѣщаше.
Скоки и плясания бяху непрестанно,
сласть всякая течаше в душу невозбранно.
Коих тогда сладостей не бывахом сити!
Поминати сладко ест, что ж дѣлом творити!
Вспомни,[56] когда ко сердца охладѣ[57]
бых с тобою в красном вертоградѣ,
Естество цвѣт являше различний;
аз представлях жены красноличны.

---

49 *Т* ввѣрую 50 *У* втай 51 *Л К М У Д* ми[ы] 52 *У* приходят
53 *М* творя 54 *Л К М* а 55 *К М* лобзания 56 *Л К У Д* Помни,
57 *Исправ. п Л К М У Д; Т* отхладѣ

Красно мѣсто от цвѣтов тѣх бяше,
но краснѣйше[58] позорище наше;
Стидашеся всюду цвѣт червленний,
живих цвѣтов лицем побѣжденний.
Гдѣ дни тие? Заидоша в дол[59] подземний,[60]
помрачи их вечер темний,
Померче день свѣтозрачний,[61]
найде — лютѣ! — облак мрачний.
Владимире, возлюбленна главо!
Кто тя сведе так[62] лукаво?
На самаго себе лютий
хощеши гнѣв воздвигнути.
О мои люди!
То вам не буди,
путем христовим не идѣте!
Жесток ест зѣло,
удручит тѣло,
тяжкаго ига не носѣте!
Кая лютость, о княже!
Благ моих новий враже!
Аще тебе самаго
[63]мучити мнится благо,[63]
Что инних тебе ради
жаль мучит без отради!
Триста [64]сердец вздихает,[64]
шестьсот очес ридает.
Се аз [65]умножаю всуе[65] плач безмѣрний,
не слишит той каменний, той и зловѣрний.
Не от княжа он ест[66] рода,
но от тигров[67] лютих плода,
весь ест звѣрний,
Весь каменний, весь желѣзний, весь жестокий,
нечувственний, страховидний,[68] яроокий!
Хулит он наша совѣты
и побѣди мнить то быти
верх высокий.
Воистинну отмщу тебѣ, звѣре дивий,
отмщу тебѣ сей [69]наш укор[69] горделивий.
Увѣси от мести данной,
како любвы поруганной
жаль гнѣвливий.

---

58 У краснѣе 59 *Исправ. по Л К М Д; Т У* дом 60 У побѣжденный, 61 У свѣтозарный, 62 *Л К М У Д* толь 63—63 *М* мучит тяжесть всезлаго, 64—64 *Л* жен воздихает, 65—65 *Л К М У Д* всуе умножаю 66 *Л* се 67 *Л* ирод 68 *М* яровидний, 69—69 *К М У Д* укор наш

Дѣйствие 5

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Курояд, Пиар

Курояд

Ясти мнѣ хощется, о ясти! Горе! Ясти!
Ясти хочу. Горе мнѣ! Приходит пропасти.

Пиар

Курояде, гдѣ ти был? Гдѣ был еси нынѣ?

Курояд

Даби тако не жив был князь наш (наединѣ
С тобою бесѣдую), яко богом жертва
чрез него вся оскудѣ! О, аще бы мертва
Слышах его, слышах бы вѣст радостну, нову.

Пиар

[1]Кая вина?[1]

Курояд

Увѣрив философа слову,
Запрѣти приносити жертву[2] по всѣм градом.

Пиар

Мала се еще злоба.

Курояд

Убывати гладом
Малу злобу зовеши? А[3] еще пречестных
жерцов и молебников за вес мир[4] нелестных!
Се аз ходих на село курей куповати.
И когда сие бяше!

Пиар

Горшее слышати,
Вижу, ти[5] не случися? Что глаголют мнозы,
молю тя, кто болий ест — жерци или бозы?

[1-1] *М* Почто тако? [2] *Л* жертв; *К М У Д* жертви [3] *М* Да
[4] *К М У Д* род [5] *Исправ. по Л К М У Д; Т* тя

Курояд

Вѣм, что вопрошаеши: аки би[6] скорб сию
о мнѣ имѣл. Ни, друже! Мене не жалѣю.
Жалѣю богов. Ибо аще оскудѣет
жертва, аз куплю мяса, [7]но бог[7] не имѣет
Пѣнязей и не пойдет на село: глад убо
нам — ему смерт готова. И сие сугубо
Печалива мя творит.

Пиар

Еще ти не вѣси
злобы его горшия? Како[8] его бѣси
На богов возъяриша? Повелѣ повсюду
крушити боги. Видѣх, како уд от уду
Отторжен валяшеся, многым носи, нозы
урѣзание[9] видѣх. О благие бозы!
Болѣю за вас зѣло. Чи не скорб се, друже?
Ладо не может уже плясати, ему же
Сие дѣло от богов всѣх ест порученно,*
но токмо лакти движет всуе недѣйственно.
Мошко же отнюд кадил не возможет чути,
а Позвизд (О скорб моя! О [10]жалю мой лютий![10])
Пребиту голень имать и храмлет стеняя.
Но слиши множайшия и крайная злая.
[11]Что видѣх, окаянний! Зри вещ неподобну:
дѣти студнии, кумир разсѣкши подробну,[11]
Во главу, аки в сосуд, испраздняют стомах.

Курояд

Что главѣ творят?

Пиар

Стомах испраздняют.

Курояд

Ах, ах!
Да како их не пожрет земля, се видяще!
Вѣсть ли сие[12] Жеривол?

Пиар

Курояде, аще
[13]Увѣсть сия Жеривол,[13] предасть духа богу.

---

[6] *Л К Д* бих [7—7] *М* бог же [8] *Л К М У Д* Тако [9] *Д* урѣзанные [10—10] *М* жал мой вселютий! [11—11] *Л К М У Д* дѣти студнии, кумир разсѣкше подробну,—что видѣх, окаянний! Зри вещ неподобну *(в Л последнего стиха нет)*. [12] *М* сия; У се [13—13] *Л К М У Д* Жеривол увѣст сия,

Курояд

Но гдѣ он ест? Не вѣси?

Пиар

Впаде во премногу
Болѣзнь от скорбей многих и едва возможет
убѣжати от смерти. Зѣло бо не может
Ясти, ни вкуса чует; третий день минает,
отнель[14] он единаго[15] токмо пожирает
Бика на день.

Курояд

О лютѣ! Всѣ мы измрем гладом!
О княже беззаконний! Да бы ти над адом
Царствовал, не над намы, не над руским родом!

Пиар

Молчи! Тѣшимся твоим, господи, приходом.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Мечислав, вождь Храбрий, Пиар, Курояд

Мечислав

Кое зде[16] дѣло, жерцы? Воистинну дивний
упор сей! Вы едины имате противны
Быти волѣ княжеской? О столпи безумны!
Скоты безсловесния! Старцы дѣтоумны!

Курояд

Что толиким, господи, движеши нас страхом?

Мечислав

[17]Ни ли слишасте воли княжей?[17]

Курояд

Не слышахом

Воистину. Кая ест?

---

[14] *Л К М У Д* яко [15] *М* ужь едного [16] У ж се [17–17] *М* Не слышасте княжеской волѣ?

Храбрий

Убо еста глуха?
Трубний глас извѣщаше.[18]

Пиар

Но не дойде слуха
Нашего. Ми зде равно прийдохом от пути;
не быхом днесь в Киевѣ. Но воспомянути
Изволте, господие, кой[19] указ ест княжий.
Мы творим волю его. Воистинну вражий
Дух бы был, аще бы кто противился волѣ
толикаго владикы.

Мечислав

Убо вам дотолѣ
Нѣсть вѣстно, яко всюду крушити кумиры
князь повелѣ, наставшей християнской вѣрѣ?

Пиар

Се новое [20]слишим мы.[20]

Курояд

Ниже нам чаянно.

Мечислав

Како? Вся вѣсть Россия, вам же неслиханно
Доселѣ ест. Лжете, псы!

Пиар

О господи, буди,
яко же глаголеши; обаче мы люди
Простии, не слишахом.

Курояд

Да не прогнѣвится
власт твоя, ваша повѣсть отнюд быти мнится

---

[18] *Л* вѣщаше. [19] *Л К М У Д* кий. [20—20] *Л К М У Д* мы слышим.

Неудоб вѣрителна: наш боголюбивий[21]
князь есть.

Мечислав

О горе тебѣ! [22]Ти ли мнѣ, псе[22] лживий,
Лгати велиши? Убо от твоего ж дѣла
явлю истинну: круши идоли.

Куроядъ

Сѣчила
Не имам со собою.

Мечислав

Воины, дадѣте
оружие.

Куроядъ

Милости прошу, не мучѣте
Болнаго. Виждте, яко[23] не могу подъяти.

Мечислав

Уд непослушний[24] мечем достоит отъяти.

Куроядъ

Лютѣ мнѣ!

Мечислав

Достизайте! Ты на мѣстце друга
наступи. Ни ли и ти тогожде недуга
Вредом ослаблен еси?

Пиаръ

Послухай мя мало,
владико! Се Ладо ест бог, а се Купало,
А се Перун великий; с тѣмы убо, яко
хощете вы творѣте, сего же никако
Не вредѣте, молю вас. Ах,[25] с коликим[26] страхом
поминаем, что о нем от древних прияхом.
Прорекоша древние жерцы, яко аще
вредит кто бога сего, тогда, то видяще,

---

21 *Л* благолюбивий 22–22 *Л К У Д* Или мнѣ, псе; *М* Или мнѣ ти
23 *Л К М У Д* како 24 *М* непослушлив 25 *Л К М Д* Ох,
26 *Л* великим

Солнце лучи закриет, Днѣпр же воспятится,
Киев, трусом низвержен, во прах обратится.
Молю вас, не дерзайте.

Храбрий

[27]Друзы, дерзнѣм сие[27]
увѣдати: дѣло нам страх сей явственнѣе
Покажет. О великий! О боже преславний!
Не прогнѣвайся на ны: что велѣ державний
Князь достоить творити. Аще погибаем,
яко же прещаеши,[28] обаче дерзаем.

Пиар

Не дерзайте, молю вас. О лютѣ! О горѣ!
Зрѣте: трясется земля, падет град воскорѣ.
Падет град! Что творите? Не могу стояти
на ногах.

Мечислав

Лживий лестче! Не досит[29] ти лгати?

Пиар

Солнце измѣняется.

Мечислав

О колико бяше
лщение! Колико же невѣжество наше!
Кая слѣпота! Камень и древо бездушно,
аки бога, лживаго,[30] усердно, вседушно
Умилно почитати и тих рабом быти,
их же раб мой,[31] художник, обиче творити.
Христе, свѣте истинний! Что тебѣ имамы
воздати за толику милость, юже с намы
Нынѣ сотворил еси!

Храбрий

Но не изволися
власти вашей[32] видѣти, како князь крестися?

[27—27] *М* Дерзнѣм ибо сие [28] *Исправ. по К М У Д; Т* прещаеш (*недостает слога в стихе*); *Л нет* [29] *Л* достоит; *К М У Д* годѣ [30] *Л К М У Д* живаго, [31] *Л К М Д* твой; *У* той, [32] *Л М* твоей

Мечислав

Желал[33] от усердия; воинское дѣло
удержа мя, не могох настигнути. Зѣло
Жалѣю[34] того. Ти же добрия нам вѣсти
подажд, видѣл бо еси.

Храбрий

Но кто исповѣсти
Предивний позор может! Никогда толика
торжества аз не видѣх. Два полка велика
Идяху стройно, в едном[35] славенноросийский,
в другом бяше избранний[36] народ византийский,
Двор свѣтлаго деспоты, иже восприяти
князя [37]послан ест царем;[37] на всѣх воех[38] златий
Цвѣт в одеждах ткан[39] бяше; броня же толикий
свѣт испущаху, яко зрящым и страх нѣкий
И радость родяшеся.[40] В толиком позорѣ
прийде князь наш ко храму. Храм низу и горѣ
Весь иконы украшен; посредѣ стояше
сосуд сребран великий, яко в нем можаше
Един погрузитися человѣк; на десной
странѣ стояше престол утвары пречестной —
Первому епископу сѣдалище, инным —
мало нижайша[41] бяху; ошуюю чинним
Образом вся особно бѣлия лежаху
одежди, бѣлостию крины побѣждаху.
Утвар сию деспота Владимиру, сину
духовному своему, сотвори по чину
Древнему у християн. Вся же та[42] полата,
аки звѣзд, полна бяше кованных от злата
Лампад и свѣтилников. От восточной страни
сладкая исхождаше воня безпрестани.
Ставшу при дверех князю, се златимы враты
от олтаря идяше клир весь. Аз, объятий
Страхом радостним (вѣруй,[43] благородство ваше!),
забых, гдѣ есм; сердце [44]же во мнѣ трепеташе.[44]

---

[33] *Л К М У Д* Желах [34] *К Д* Жалую [35] *Л* едином; У одном [36] *М* изрядний [37—37] *К М У Д* царем послан есть; [38] *Исправ. по Л У; Т* своих; *К М* воев; *Д* воевод [39] *М* там [40] У раждашеся. [41] *Л М* нижайше [42] *М* внѣ [43] У повѣрь, [44—44] *М* радостно играше.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТОЕ

Вѣстник, Мечислав

Вѣстник

Великий князь Василий здравие и радость
благородству твоему посилает.

Мечислав

В сладость
[45]Приемлю такую вѣсть.[45] Но кое гласиши
имя ново — Василий? Чаю, приходиши
От князя ти нашего.

Вѣстник

Наш мя посилает
князь к тебѣ, Мечиславе, но тебѣ желает
Здравствовати Василий.

Мечислав

Тайно твое слово.

Вѣстник

Владимир в крещении прият имя ново,
Василий нареченний. Хартия извѣстно[46]
сия[47] явит.

Мечислав

Храбрий, чти,[48] да все[49] будет вѣстно.

Храбрий

чтет послание Владимирово

Владимир, в святом крещении нареченний Василий, князь киевский и всѣх российских стран повелитель, Мечиславу, вѣрному воев нашых вожду, здравствовати.

Не случися доселѣ ниже мнѣ писати,
ни тебѣ чести сие, что от благодати
Божией прияхом; и юже получаю
радость нынѣ [50]ни в коем прежде нам[50] случаю
Не бысть когда,[51] аще бо[52] и многия гради

45—45 *Л К Д* Приимую таку (*К* таковую) вѣст; *М* Вѣсть такую приемлю. 46 *Исправ. по Л К М У Д; Т* извѣстна 47 *Л К М У Д* вся 48 *Л К М У* прочти; *Д* почти, 49 *Л К М У Д* всѣм 50—50 *М* кая ни в коем же прежнем 51 *Л К М У Д* прежде, 52 *Л К М Д* бы

во плѣнь прияли быхом. Убо аще ради
Побѣд нашых должно вам[53] радостнимы быти,
колми паче достоит нынѣ вам имѣти
Торжество с намы. Вѣсте, яко по совѣту
царску, по милости же божией, ко свѣту
От тми прейдох, еже ест, оставлше кумиры
бездушния, восприях истинния вѣры
Истинний закон христов. Сие нынѣ дѣло
тогожде помощию крайнѣ и всецѣло
Соверших: приях бѣлу, сложих утвар черну,
во Христа облекохся и древнюю скверну,
В ней же [54]и родихомся,[54] омих совершенно
тайною крещения. [55]Се же[55] извѣщенно
И от бога чудеснѣ[56] бысть нам, ибо когда
[57]внийдох в святую купель, абие же[57] тогда
Отпаде ми безбѣдно сквернивая[58] тина
от очес, но и по всем тѣлѣ ни едина
Вреда видѣх прочее. Божие то бяше
призрѣние и милость, яже мя учаше,
Простаго и невѣжду, явѣ и чудеснѣ,
яко внутр очистихся, очищен тѣлеснѣ.
Сия вѣсть да радостна будет вам и честна,
аще в вас ест истинна, вѣрна и нелестна
Любов ко нам; се бо мя украшает паче,
неже тисяща вѣнцев побѣдных. Обаче
Что сам обрѣтох, того и инным желаю,
совѣтую же токмо, не повелѣваю.
[59]Се же[59] повелѣние наше ест, да всюди
идоли сокрушатся, и оттоль не буди
На корогвах[60] военних ни громовой стрѣли,
ниже [61]вѣнцев купалних,[61] ни инних[62] бездѣлий;
Знамение крестное да будет прекрасно
изображенно всюди, сие бо ужасно
Всему противству будет: сим вооруженний
Константин он Великий погна безчисленний
Полк Максентиев. При сем полку посилаем
хоругов, тебѣ же щит крестом знаменаем.

---

53 *Л* нам 54—54 *Исправ. по К М У Д; Т* и родихся (*недостает слога в стихе*); *Л* уродихся, 55—55 *М* Сие 56 *М* живаго 57—57 *М* внийдохом во святую купель, вскорѣ 58 *Л К М У Д* скверновая 59—59 *М* Сие 60 *Л К М* хоругвах; *У Д* хорогчах 61—61 *М* вѣнец купалний, 62 *К М У Д* инших

Мечислав

Совѣт княжий усердно приемлю, понеже
прежде Христа вседушно возлюбых и[63] еже
Идоли сокрушити[64] дѣлом исполнихом,
что творити указом первим должны быхом.
За коругов[65] усердно полк благодарствует,
за щит же тако крѣпкий велми долженствует
Мечислав, да сам своя персы вмѣсто щита
дасть ему, от всякаго вражия навѣта
Защищая[66] власть его. О вои! Се златий
возсия день; достоит всѣм торжествовати.

ХОР[67]

Андрей апостол со ангелы

Се уже день возсия, — о радости многа! —
день прийде, извѣщенний мнѣ прежде от бога!
Се той ест свѣт, его же, духом зде водимий,
обѣщах ти, Киеве, граде мой любимий! *
Дотоль во тмѣ был еси, и зрак твой, пред миром
свѣтел от дѣл преславних, но яко кумиром
Темным бяше подчинен, бяше зѣло черний.
Се цѣло тя просвѣти свѣт он невечерний!
Но гдѣ есм? Что се вижду? Кия еще лѣта
откриваеш мнѣ, царю вѣков? Свѣт от свѣта
(Вижду) умножается, — яко бо в началѣ
мал поток з[68] гор исходит,[69] потом же во малѣ
Умноженний от инних, стекшихся в едино,
пространнимы лиется струямы. Не[70] инно
Чудо о твоей славѣ вижду, граде божий! *
Се ти мученической кровы растут рожы:
Борис, Глѣб, вѣтвы святи корене святаго.
Лютѣ! Уже мещет бѣс брата проклятаго,
Уже, вижу, копие и нож поощряет!
Но радуйся, о граде! Зѣло украшает
Скорб сия лице[71] твое. Се же что? О странно
чудо! Горы, зрящии [72]на юг,[72] нечаянно

---

[63] *Л К М У* а; *Д* в [64] *Л* сокрушати [65] *Л К М У Д* хоругов
[66] *Л* Защищати [67] *Л* Зде Хор гласится [68] *М* от [69] *К М Д* сходит, [70] *Исправ. по Л К М У Д; Т* И не (*лишний слог*).
[71] *Т* лите [72–72] *К М У Д* наю,

Свѣт велий испустиша. Вы же, сѣдиною
честнии, о мужие (ибо предо мною
Не криет вас и земля), что творите тамо?
Свѣтло вас двоих вижу, и се, един прямо
Другому, в горах себѣ глубокия ямы
копают изсохшимы от поста рукамы.*
Коль же многы приходят к оным[73] от стран многих!
Но и князы славнии — чудо! — у убогых
Старцев богатства ищут. О коль [74]много честных
лиц[74] вижду! Не толикий от кругов небесных,
Коликий свѣт изийде от пещер тих темних.
Россие! Се ти небо в пропастех подземних!
Но и вся[75] киевския горы драгоцѣнну
утвар приемлют всюди. Всюди благочинну
Красоту вижу; аки во вѣнцы драгие
бысеры, по всѣх горах зрю храмы святие.
Увы мнѣ! Укроти гнѣв, царю прогнѣванний!
Что прещение сие? Что страх[76] нечаянний,
Граде, велик гнѣв на тя приять огнепална
мест божия? Велми тя сотворить печална!
Нѣкоему Батию меч подасть [77]огненний,
тѣм погублен будеши и тѣм посѣченний
Цвѣт людей твоих падет и скоро повянет.
Но не до конца забвен будеши: востанет,
Востанет избран богом, иже тя возставит,
возвратит ти доброту и паки прославит.
Седмий бо вѣк отнынѣ свѣтила премнога
на златой колесницы везет ти от бога.
Вижу мужей премудрых, [78]учителных, силных,[78]
к тому и храбрых в брани, [79]к тому ж многодѣлних,[79]
Посредѣ же всѣх оных велия свѣтила
два сияют.[a] Един власом убѣлен до зѣла,
Митра же ему злата сѣдину пречестну
украшает; * в другом[80] же знамени небесну
Вижу утвар: звѣзды бо купно со луною
и в небо перущою зрымы суть стрѣлою.*
О церквы российския! Коль много ти свѣта
от сих свѣтил прибудет во оние лѣта!

---

[73] *Л К М Д* ним [74—74] *Л* многочестний | лик [75] *М У* всѣ [76] *М* се [77] *К М У Д* дает [78—78] *М* вижду учителных; *У Д* учителных, [79—79] *М* и многодѣтелных, [80] *Л К М У Д* родном

[a] *В стихе нет лишнего слога; в соответствии с украинским произношением читать следует: сяют.*

Другаго же воинску вижу бронь носяща,
всего пламенна, всего палимим[81] горяща
Гнѣвом.* И вижу купно, како полкы многы
вражия устрашает и ломит им рогы.
Вижу и се: вражия Махомета грады
трясутся пред ним, падут, не чают отради.
Но нѣкий лев ярится и на мужа силна
ногты острить. Но ярост твоя есть бездѣлна,
Звѣре гордий! Поспѣшно, о вожде великий,
поспѣшно иди, будет сверѣпий и дикий
Хищник раздран от тебе * и издше[82] воскорѣ,
ты же наречешися от всѣх Сампсон вторий.
Но он на се от мене оружия просит.
Почто? Твое бо в щитѣ благородство носит
Крест самаго господа,* на вся супостати
страшний. Обаче мнится он мнѣ[83] глаголати:
«Твоим быти воином велит ми, Андрею,
цар Петр,* за помощию ратую твоею».
Ратуй мнѣ,[84] оружниче! Ратуй, вожде мощний!
Аз, аще в чем[85] возмогу, буду ти помощний.
Се же кий во слѣд его позор поспѣшает?
Образ [86]вижу аз нѣкий,[86] его же являет
Предзрѣние божие. Многа и чудесна
вижу на нем зрѣния. Зде равнонебесна
Обитель Печерская каменния стѣны
подносить,* а дѣвая исполнь своей сѣны
Намет распростирает,[87] намет свѣта полний,
намет, ко Мариину жилищу доволний.
Зде[88] инно чудо вижу: аки би забвенний,
акы не бывий[89] еще, давно поверженний
Престол переяславский и лежавший долѣ
востает уже красно; * на том же престолѣ
Посажен быст муж нѣкий честен, добронравен,
древным оным пастирем ревностию равен.
Зде инние многие зрю домы святие.
От всѣх же краснѣйшое позорище сие:
Зиждется дом учений.* О дней тих блаженных,
Россие! Колико бо мужей совершенных

---

81 *Л К* хвалимим; *М* пламенним 82 *Л К М Д* издшет 83 *Л К У* ми; *М* нам 84 *К М У Д* мой, 85 *К М Д* чом 86—86 *К М У Д* нѣкий аз вижду, 87 *М* распространяет, 88 *Исправ. по Л К М У Д*; *Т* се 89 *К М У Д* бывший

Произведет ти дом сей! Над всѣмы же симы
храминамы зиждитель Иоанн славимий
Начертан зрится. Боже дивний и великий,
откривий[90] мнѣ толику радост и толикий
Свѣт на мя излиявий! Дажд крѣпост и силу,
дажд многоденствие, дажд ко всякому дѣлу
Поспѣх благополучний, брань всегда побѣдну!
Дажд здравие, державу,[91] тишину безбѣдну!
Дажд сия царю Петру, от тебе вѣнчанну,
и его вѣрнѣйшему[92] вожду Иоанну!

---

[90] *К М* открывший; *У* открывше; *Д* открывши [91] *Исправ. по Л К М У Д; Т* державну [92] *Л* вѣрному; *М У* первѣйшому

Стихотворения

1

ЕПИНИКИОН

сиест пѣснь побѣдная о тоейжде преславной побѣдѣ

Аще когда найпаче нынѣ нам желати
Достоит многих устен, ибо ниже златый
Орган рифмотворческий воспѣти довлѣет
Нашей нынѣ радости, ниже что успѣет
Вѣтийских устен слово. О боже всесилный,
Еще наш приял еси вопль и плач умилный,
Еще нас не судиши в конец отринути!
Побѣдихом! Падеся супостат наш лютый,
И отступник приять казнь, отчества враг велий,
Ко нам же возвращенный грядет мир веселий
И безбѣдно здравие ведеть со собою.
Нынѣ и день лучшею красен добротою,
И солнце множайшая луча испущает,
И лице краснѣйшее цвѣт полный являет.
Но коим прийде видом побѣда нам сия
И погрузи во крови главы проклятыя,
Ты рци, славо гласная! По всей же вселенной
Разсѣй велегласие вѣсти торжественной!
Уже брань десятое лѣто начинаше
(Время брани Троянской), егда уже бяше
Внутр отчества супостат сверѣпий и дивый,
Змѣнническим полчищем силу умноживый.
Тогда бог всемогущий, с высоты небесной
Призрѣв на люди своя и не терпя лестной
Ереси на избранных вию находити,
«Всуе, — рече, — вся сия вражия навѣты,
Да и всю лютость и вес изнурит яд звѣрный,
Хотя церковь попрати и род благовѣрный.

Аще рука змѣннича тебѣ прилучися,
О свѣю, моя, яже в силѣ прославися
И сотре ад, десница со Петром на брани
Будет, и узрим, коей побѣда ждет страни».
Сия изрек, абие ожесточи тогда
Сердца супостатския; яко же иногда
Лютаго фараона обять убо дивна
Гордость ум их и мечта, естеству противна.
Помыслиша бо себѣ от твердой сложенных
Руды и во стикгийской водѣ измовенных,
И не мощи своему язвитися тѣлу:
Таковую безумнѣ мняху в себѣ силу.
В полках же православных бог непостижимый,
Хотя им дати крѣпость и щит нерушимый,
Всѣх сердца осязает и мысли подробну,
И, аще страх и трепет или неудобну
Ярость ко согласию тайнѣ ощущает,
Изъемлет, и всѣх дивнѣ духи сопрягает
Крѣпким любве союзом, и вливает тверду
Дерзость, но не безбожну и не жестосерду,
Дабы ни на смертную силу полка многа,
Ни на лук свой уповал воин, чтущий бога.
Твое найпаче сердце смотрителнѣ строит,
О Петре, царей славо, и, яже достоит,
Потребныя времени подает совѣты
И благополучными веселит обѣты.
Тако егда обоим странам бог высокий
Судбы своя устрои, абие жестокий
Марс сию часть и ону начат поощрати;
Скорим бѣгом и вѣтру подобним до рати
Полки устремишася; сих ревность по вѣри
И отчествѣ раждеже, овѣх же без мѣри
Распали бѣс яростный и жаждущий крови.
Летит свѣй, летит купно змѣнник неистовый,
Камо духом бѣсовским бѣжиши носимий,
Студе вѣку нашего, вреде нестерпимий?
На отца отчествия мещеши меч дерзкий!
О племя ехиднино! О изверже мерзкий!
Забыв любов отчую и презрѣв самаго
Твердий закон естества! Обаче се благо,
Яко скорий ест на казнь, косний сий на дѣло.
Бѣжѣте, скорой мести требѣ, скорой зѣло!
Но и здѣ непостоян злый змѣнник явися,
Змѣнив царю и Марсу: егда бо открися
Поле бою страшнаго, не токмо входити

Епїнїкіон

сіёсть пѣснь побѣдныхъ,
ѡ тоёйжде прелѣпной Побѣдѣ.

Ꙗ҆ко когдѧ҆ нанпе́рвѣе вы́нѣ вы́шла сїдѣ́ти
Достопе́тая мнѡ́гихъ ꙋ҆стре́тла: пе́сно ны́нѣ зѣ́лѣти
Ѻрга́нѣ Ритмотво́рчій согла́сно дозво́лити
На́шей ны́нѣ ра́дости: ны́нѣ что҆ ꙋ҆чи́нити
Кви́тѣющихъ ꙋ҆стна́ сло́во. ѻ҃ Кїе́ вели́кій,
Єдѝ на́ша прїи́ма ёсѝ вопль и҆ пла́чъ ꙋ҆ны́лый!
Єдѝ на́ша пе́сньми ѣ҆ конца́ ѡ҆живи́ти!
Побѣди́хомъ: падо́ша сопоста́ты на́ши лю́тыи:
И҆ ѡ҆тчи́знѣ прїи́дѣте кли́кнѣ, ѡ҆ко́нчена врата́ вїи́ї,
Ко на́мъ вожделѣ́нный гряди́тъ ми́ръ вели́кій.
Нездра́вно зара́нѣе сѣдѣ́ти со сосо́ми.
Нн҃ѣ и҆ дн҃ь лу́чшимъ кра́сенъ доро́гомъ:
И со́лнце многожа́ждемъ лу́чъ и҆спу́щаетъ,
И҆ нощѝ кра́тчайшѧ цвѣтъ по́лный ѡ҆блета́етъ.
Но коне́цъ прїи́де вре́домъ побѣдѣ на́шей сі́и,
И҆ погрѣ́зи во кро́ви главы́ прегла́тїи
Тѣ́ рцы́ сло́во гла́сныя: по вся́кїи вели́кой.
Ра́зумѣй вы́слѣдитъ вѣ́сти Торжества́нной.
Ѹ҆жѝ вре́мя дре́вле кто́ пропита́ше
(Вре́мя вре́мя Троя́нской) е҆гда҆ ꙋ҆жѝ кля́ше
Кто́ждо Ѿ́ѣчествѣ со́вѣтствѣ сопоста́ты сердцѣ́мъ и҆ дро́мъ,
Замы́шленнѣ́ишихъ полу́нощныя сла́въ ꙋ҆множи́вый:
Тогдѣ҆ Бг҃ъ всемогу́щій с҃ вы́сотѣ Не́бной
Призре́въ на лю́ди свои́, и҆ ки́пящѣ ли́тной
Е҆ллі́ни на Иезра́иныхъ вре́мя находи́ти:
Бѣ́ѣ, рцы́, всѣ́мъ сі́мъ вре́мїи надѣ́ѣтъ:
Да и҆ѣ́мъ лю́тость, и҆ вы́ну и҆спу́стятъ ѿ́дра добры́и
Хотѧ́ Ц҃рковь попра́ти, и҆ Ро́дъ бгоотве́рзный:
Ли́цы ра́зна замы́шлша тѣ́мъ прилѣ́пити.
Ѻ҃ сла́вы: моѧ́, ѣ҆́же и҆ сла́ву прослави́ти.
И тогдѣ҆ а҆дъ зѣ́ва со Пе́клемъ на вре́мя
Кѣ́дитъ, и҆ ꙋ҆зра́въ кій побѣды жа́ждетъ стра́стн.
Сі́мъ ѩ҆́ростнѣ, а҆ки́ ѡ҆гнемъ тогдѣ҆
Се́рдца сопоста́тскїа: и҆ки́мъ ѩ҆ногда҆
Ли́ванъ Фара́она: ѿ́ѣ́тъ ꙋ҆́бо дре́вле
Го́рдостїю ꙋ҆мъ ѩ҆хъ, и҆ ме́ста ѣ҆́ктѣѣ҆ протѣ́кла:
Помѣ́шанна со сѣ́ѣ ѿ твёрдой сло́жныхъ
Ре́къ, и҆ со Стигі́йской водѣ҆ ѩ҆мо́йныхъ:
И нѣмощїи свои́мъ ѩ҆́ростнѣ мнѣ́ѣтъ,
Такова́я вы́зывъ мнѧ́хѣ҆ и҆ сѣ́ѣ сі́ѣ.

«Епиникион» Ф. Прокоповича (Панегирикос, или Слово похвальное о преславной над войсками свейскими победе..., Киев, 1709).

Во ратный огнь, но ниже издалече зрѣти
Не дерзну; но сугуб студ приять вмѣсто рани,
Непостоян во вѣрѣ, трепетен во брани.
Зрѣм же, что и свѣй дерзкий силою своею
Успѣ храброй России, боряся со нею.
Блисну огнем все поле; многия воскорѣ
Излетѣша молния; не таков во морѣ
Шум слышится, егда вѣтр на вѣтр ударяет,
Ниже тако гром з темных облаков рыкает,
Яко гримят армати, и гласом и страхом,
И уже день помрачи дым, смѣшен со прахом.
Страшное блистание, страшний и великий
Град падает желѣзный; обаче толикий
Страх не может России сил храбрих сотерти:
Не боится, не радит о видимой смерти.
Но егда тя, о царю и воине силный,
Узрѣ посредѣ огня, объять ю страх зѣлный,
Вострепета и крайней убояся страсти,
Да бы в едином лицу всѣм не пришло пасти.
Но не попусти прийти бѣдству таковому
Бог силный. Абие бо от горняго дому
Низпосла щит (щит, им же во лютое время
Хранит грады, и царства, и людское племя)
И вся на главу твою и на твоя силы
Летущия сотвори бездѣлныя стрѣлы.
Свѣй же, во оружии своем уповая,
Гинет явственнѣ, егда[а] коей избивая
Смерти, огнем летущой; лиется кровь всюду;
Стелет землю трупие; мало уже люду
Зрится во полках его. И недолго бяше
Сумнительна побѣда. О блаженство наше!
Царю богом вѣнчанный, ты, силен о бозѣ,
Сокрушив, повергл еси гордаго под нозѣ.
О день благополучний! Кий язык и кое
Слово изрещи может блаженство такое!
Укри труп свѣйский поле, падеся род лютый,
Наша покусивыйся главы низринути.
Что о воех и вождах речем во плѣнь взятых?
О користех, знаменах и бронях богатых?
Аки бы з тым супостат пришел к нам совѣтом,
Да бы нас наслѣдники благ своих[б] завѣтом
Крайним явѣ сотворил; инных скороногий

[а] *В издании* едда
[б] *В издании* своим.

Страх изнесе, и уже во силѣ немногий
Сам лев, иже многия устрашаше грады,
В лѣсы, в чащы побѣже искати отрады.
С малою ли бѣжиши, звѣре, срамотою,
Хоботом заглаждая слѣд твой за собою?
Кое убо торжество, кий лик будет равный
Сей побѣдѣ? Тебѣ же, монархо державный,
Что в дар твоя Россия принесет и кия
Воспоет пѣсни? Ибо побѣдити свѣя
Коим либо образом дивно бы всѣм дѣло
Было, яко в повѣстех славимаго зѣло.
Что же, егда лютая в отчества предѣлы
Внийде брань и ко врагом змѣнничия силы
Приставше зваху роди, царствию твоему
От древле враждебныя, ко числу своему;
И молвы великия повсюду восташа,
И аки море земля потрясеся наша.—
Коликия зде врагом возрастоша роги,
Тебѣ же неудобства и труды премноги!
Требѣ бяше на много частей раздѣляти
Воинство и многия грады укрѣпляти,
Укрощевати молвы, предѣлы хранити,
Блюсти и познавати двоих врагов сѣти.
Обаче в толь тяжкий год (О безсмертной славы
Дѣло!) побѣдил еси. Позна величавый
Свѣй суетну бров быти гордины своея
И, поражен силою десници твоея
Аки с небес молнием, достиже злонравный
В конец Фаетоновой погибели равный.
Тѣмже прийми, о храбрий царю, цвѣт побѣдный
И силы, яже в тебѣ Марс сей многобѣдный
Изнури и сотрясе трудом непрестанным,
Обновляй всерадостнѣ торжеством избранным.
Совосплещут градове на слух сей веселий,
Пройдет стѣны и врата глас торжества велий.
Нынѣ тебѣ родися слава, царству равна,
И титла, паче царских титл честна и славна,
О сем преславном дѣлѣ, в пѣснех неслыханном:
Пѣти будет веселник по морю пространном;
Пѣти будет на холмѣ путник утружденный,
И оповѣсть иногда лѣты изнуренный
Старец внуком, и, яко своима очима
Видѣ то, внуци старца нарекут блажима.
Мало се: пройдет скоро глас сей торжественный,
На мир весь сугубому верху подложенный.

Всяк слышай сумнѣнныя мысли в сердцѐ приймет,
И всѣх силы твоея страх велий обиймет;
Вси твоей начнут дружбы, вси мира желати
И не дерзнут рускаго Марса раздражати.
Бог же, сие блаженство давый нам тобою,
Тожде твоим здравием и дний долготою
Да укрѣпит, желаем, всегда ти побѣдну
Дая помощ, да бы и лютую ехидну,
Пиющую кровь святых, твоим же убити
Дал тебѣ оружием, и вся сокрушити
Темници варварския и ярем безмѣрный,
И от долгих узилищ извести род вѣрный,
Да же, вся побѣдныя совершивше рати,
Крест на стѣнах Сионских водрузиши златый.

2

ЗАПОРОЖЕЦ КАЮЩИЙСЯ

Что мнѣ дѣлать, я не знаю,
А безвѣстно погибаю:
Забриол в лѣсы непроходны,
В страны гладны и безводны;
Атаманы и гетманы,
Попал я в ваши обманы.

Пропадить вы за пороги,
Лиш бы не збытся з дороги,
Не впасть бы мнѣ в силны руки,
Не принять бы страшной муки;
Иду же я на путь преждний,
Под кров мнѣ зѣло надежный.

Прогнѣвил я самодержца
С малоразсуднаго сердца.
Да мой же в том разум твердый,
Что бог и царь милосердый:
Государь гнѣв свой отставит,
И бог мене не оставит.

3

ЗА МОГИЛОЮ РЯБОЮ

За Могилою Рябою
над рѣкою Прутовою
было войско в страшном бою.

В день неделный ополудны
стался нам час велми трудный,
пришол турчин многолюдный.
Пошли навстрѣчь козацкия,
пошли полки волоския,
пошли загоны донския.
Легкий воин дѣлав много,
да что был[а] числа малого,
не отнял мѣста лихаго.
Поял[б] то был город близкий,
врагом добрый, бо был ниский,
дал бы на вас пострѣл рѣский.
Пришли на Прут коломутный,
тут же то был бой окрутный,
тут же то был нам час смутный.
Стали рядом уступати,
иншаго мѣста искати,
а не всуе пропадати.
Скоро померк день неделный,
ажно российския силы
[в]на отворот загримѣли.[в]
Страшно грѣмят и облаки,
да страшный там Марс жестокий
гримѣл на весь пляц широкий.
Зоря з моря выходила,
ажно поганская сила
в тыль обозу зашумѣла.
Всю нощь стуки, всю ночь крики,
всю ночь огонь превеликий:
во всю нощь там Марс шел дикий.
А скоро ночь уступила,
болшая злость наступила,
вся армата загримѣла.
Не малый час там стреляно,
аж не скоро заказано,
Не судил бог христианства
«На мир, на мир!» — закричано.
освободить от поганства,
еще не дал збить поганства.
Магомете, Христов враже,
да что далший час покаже,
кто от чиих рук поляже.

[а] *В рукоп.* было [б] *В рукоп.* Пояс
[в—в] *В рукоп.* вси на отворот загримѣли. [з] *В рукоп.* аж

4

К ПЕТРУ ВТОРОМУ

Дал Петру стадо свое упасти спаситель,
дабы тѣм дѣлом Христов явился любитель.
Бог и Петру Второму вручил стада многа
и сотвори извѣстно, коль любит он бога.

5

ПЛАЧЕТ ПАСТУШОК В ДОЛГОМ НЕНАСТЬИ

Коли дождусь я весела ведра
и дней красных,
Коли явится милость прещедра
небес ясных?
Ни с каких сторон свѣта не видно, —
все ненастье.
Нѣт и надежды. О многобѣдно
мое щастье!
Хотя ж малую явит отраду
и поманит,
И будто нѣчто полготить стаду.
да обманит.
Дрожу под дубом; а крайним гладом
овцы тают
И уже весма мокротным хладом
исчезают.
Прошол день пятый, а вод дождевных
нѣт отмѣны.
Нѣт же и конца воплей плачевных
и кручины.
Потщися, боже, нас свободити
от печали,
Наши нас дѣды к тебѣ вопити
научали.

6

ФЕОФАН АРХИЕПИСКОП НОВГОРОДСКИЙ «К АВТОРУ САТИРЫ»

1

Не знаю, кто ти, пророче рогатий,
знаю, коликой[б] достоин ти[б] славы.

[а—а] к сочинителю сатир [б—б] ты достоин

Да почто ж было имя укривати?
Знать, тебѣ страшны силных глупцов нравы.
Плюнь на их грозы! Ти блажен трикрати.
Благо, что дал бог ум тебѣ тол здравий.
Пусть весь мир будет на тебе[в] гнѣвливый,
ты и без щастья[г] доволно щасливий,

2

Объемлет тебе Апполин великий,
любит всяк, иже[д] таинств его зрител.
О тебѣ поют парнасские лики,
всѣм честным сладка твоя добродѣтель
И будет сладка в будущие вѣкы,
а я и нынѣ сущий твой любитель.
Но сие за верх [е]славы твоей[е] буди,
что тебе злие ненавидят люди.

3

А ти, как начал, течи путь изрядний,[ж]
коим книжнии теклы исполины,
И пером смѣлим мещи порок явний
на нелюбящих ученой дружини
И разрушай всяк обичай злонравний,
желая [з]в людех доброй[з] перемѣни,
Кой плод учений не един искусить,
а [и]злость дураков[и] язик свой прикусит.

7

НА ДЕНЬ 25 ФЕВРАЛЯ

В сей день августа наша свергла долг свой ложный,
растерзавши хирограф на себе подложный,
И выняла скипетр свой с гражданскаго ада,
и тѣм стала Россия весела и рада.
Таково смотрение продолжи нам, боже,
да державѣ Российской не вредит ничтоже.
А ты всяк, кто ни мыслиш вводить строй обманный,
бойся самодержавной, прелестниче, Анны!
Как оная бумажка, всѣ твои подлоги,
растерзанные, падут под царские ноги.

[в] тебя [г] *В рукоп.* щастия [д] кто есть [е—е] твоей славы [ж] преславный, [з—з] доброй в людях [и—и] дураков злость

8

ПРОЧЬ УСТУПАЙ, ПРОЧЬ

Прочь уступай, прочь,
Печалная нощь!

Солнце всходит,
Свѣт воводит,
Радость родит.

Прочь уступай, прочь,
Печалная нощь!
Коликий у нас
Мрак был и ужас!

Солнце Анна возсияла,
Свѣтлый нам день даровала.

Богом вѣнчанна
Августа Анна,
Ты наш ясный свѣт,
Ты и красный цвѣт.

Ты красота, ты доброта,
Ты велие веселие.

Твоя держава
Наша то слава.
Да вознесет бог
Силы твоей рог,

Враги твоя побѣждая,
Тебе в бѣдах заступая.

Рцыте, вси люди:
О буди, буди!

9

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ НА ПРИШЕСТВИЕ В СЕЛО ПОДМОСКОВНОЕ ВЛАДЫКИНО

Анна милости тезоименита
и самим дѣлом имени согласна;
Сущи вышняго причастница свѣта,
сущи и тѣлом и духом прекрасна,
Буди образом веселаго лѣта,
всѣх благ цвѣтами и плодами рясна.

То, рабы твои, от сердца желаем,
когда вид лѣтний на вход твой являем.
Кто же сих тебѣ не желает с нами,
той сам своему добру враг жестокий,
Ибо когда ты вышняго судбами
вступила на сей престол твой высокий,
Стала нам солнцем, грѣющим лучами
твой всероссийский вертоград широкий.
Наша ж то нужда, солнце несозданно
да хранит свѣт твой, солнце наше Анно!

Храни, о боже, сию в долготу дний,
исполняя в ней имя благодатно,
И подданных ей, народ многолюдный,
просвѣщая твоим многократно.
А врагом нашим посылай страх трудный,
прогоняя их в бѣгство невозвратно.
Да всегда щит твой Россиа имѣет,
дондеже в мирѣ луна оскудѣет.

10

О ПРЕСЛАВНОМ НОВОМ МОНАРШЕМ ДОМѢ САМОДЕРЖАВНѢЙШЕЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРАТРИЦЫ АННЫ ИОАННОВНЫ

новоселием ея величество поздравляя, смиренный Феофан архиепископ Новгородский нижайше воспѣл

Анна держит толику область широтою,
что ей не наполняет одна Русь собою.
Видим и дом сей Анны толь чуднаго дѣла,
что такого Россия до днесь не имѣла.
Но не вмѣщает в себѣ Аннииых дѣл славы
ни дом сей, ниже область Аннииой державы.

11

О ЛАДОЖСКОМ КАНАЛѢ

Гдѣ Петрополю вредил проѣзд водный,
плодоносныя судна пожирая,
Там царским дѣлом стал канал всеплодный,
принося ползы, а вред отвращая.

Сим страх отставлен ладожский безгодный,
сим невредима пловут к нам благая.
На твою, Анно, дѣется то славу,
и вода идет по твоему нраву.

12

НА ПРИХОД ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА АННЫ ИОАННОВНЫ, КОГДА НАС, В ПРИМОРСКОЙ МЫЗКѢ НАШЕЙ, ПОСѢТИТЬ ИЗВОЛИЛА

Малое се жилище, и жители мали,
хотя б и с хозяином к оцѣнкѣ предстали,
Но стала быть деревня велика и славна,
когда прибыл дражайший гость, Анна державна.
Драгая ж то честь мѣсту, щастие наше драго
видѣть очи свѣтлыя гостя таковаго.
Бог же ей да умножит царство всемогущий,
когда входом ей славны и селские кущи.

13

НОВОПРЕСТАВЛШЕМУСЯ ИЕРОДИАКОНУ АДАМУ ЭПИТАФИОН

Смеялся ты, Адаме, как мир суестрастный,
и сам его ж дурости быв нѣчто причастный;
Как то сей и той жарко праздных честей жаждет
и от сего смертную в сердцѣ болѣзнь страждет;
А другий и дни без сна проводит и ночи,
как бы злата кучами повеселить очи;
А кто мощнѣйших господ за ножки хватает,
тот ничего и в бѣдность и в стыд не вмѣняет.
Ты ж то ругал. Позван же в небесныи горы,
еще смѣшняе начал ругать наши здоры.
А мы плачем о тебѣ горко, неутѣшно,
что на тебе нашла смерть так рано, так спѣшно.
Да ты стал и на сие смѣхотворно вракать,
и мы ж уже по тебѣ перестаем плакать.

14

О СТАНИСЛАВѢ ЛЕЩИНСКОМ, ДВАЖДЫ ОТ КОРОНЫ ПОЛСКОЙ ОТВЕРЖЕННОМ,

по толку имени его и по приличию древней римской истории, когда римляне на войнѣ с сабинами, устрашась, бѣжали с поля, а первый их король Ромулус молился Иовишу, дабы их в побѣгѣ том остановил; что когда здѣлалось, Иовиш от Ромула назван Статор, то есть Удержатель, или Остановник

Что слава Станислава богом своим славит,
Станислав бо в имени будто славу ставит.
Сама она не в одном показала дѣлѣ,
в какой ты, Станиславе, славу ставиш силѣ.
Не так, как в бѣгствѣ римский полк остановился,
когда о том Иовишу король их молился.
Она не прочь избѣгнуть; но будто с тобою
жить хотѣла, влекома разною маною,
И дважды не от дому, но в дом твой бѣжала
и, внутрь внити торопясь, не дошла и стала.

К ЛУКѢ И ВАРЛААМУ КАДЕЦКИМ, КОГДА ПИТОМЦЕВ ДЕНГАМИ ПОДАРИЛИ

Сами бѣдны сверх наших питомцев дарили,
которым не брать наша правила учили.
И как вам ваши ж денги вредны при отходѣ,
так оным вредны стали при оных приходѣ.
Скажи, солнце, какое сѣчь лѣкарство нада?
Говорит: развѣ денги отослать отрада?

16

К ТѢМЖДЕ

Рано, Лука, в сундуки свои кладеш руку!
Из порожняго черпаеш, легчиш легка в звуку,
Сѣеш сребром, сундуки ж еще не вмѣщают.
Много даеш, а мало имѣеш — вси знают.
Повѣрь мнѣ, Лука, что ты дѣлаеш противно:
прежде сам разбогатѣй, потом дать недивно.

17

БЛАГОДАРЕНИЕ ОТ СЛУЖИТЕЛЕЙ ДОМОВЫХ ЗА СОЛОД НОВОВЫМЫШЛЕННЫЙ ДОМОВОМУ ЭКОНОМУ ГЕРАСИМУ

От Ильи интенданта[a]

Честный отец Герасим,
чим мы тебе украсим
За хлѣбец твой питейный,
обиходец келейный?
Кто пьет его, тот пляшет
да и рукою машет.
А я хоть отвѣдаю,
что дѣлать не вѣдаю.
Хвалят тебе вси явно,
хотя не весма славно.
Благодарен же и я,
вѣрный твой друг Илия.

От Неймана жида

Берет мене на сие питейцо оскома,
а то есть честный промысл отца эконома.
Люблю; сладко, приятно,
в рот течет невозвратно.
Коли б прадѣды наши такого достали,
в пустыни на Мойсея вѣк бы не роптали,
Но взявшися за боки,
всѣ б поднялися в скоки.
Горко было бѣдным им, а нам сладко нынѣ.
Хвалят тебе, батюшка, в Карповской пустыни,
Хвалит сам архиерей,
колми паче я, еврей.

От учителя Федоровича

Солод твой, о эконом, кажется сад Ноев,
и сей бо дает напой лучший всѣх напоев.
Но там отец насмѣшкѣ, а сын подпал гнѣву,
а твоему порок той не прилежит пиву.
И честен ты за сие, не боишся срама,
не как он обруганный от мерзкаго Хама.

---

[a] *В рукописи* интендента

От козака

Бѣжит прочь жажда, бѣжит и печалный голод,
гдѣ твой, отче эконом, находится солод.
Да и чудо он творит дивным своим вкусом:
пьян я, хотя омочусь одним толко усом.

От малых дѣтей

Гдѣ ты, о бородушка,
залучил солодушка,
Какова здесь не было?
Так то приятен зѣло.
Гдѣ-сь ты ѣздил далиоко?
Гдѣ птичее молоко?
Понеже, слово-слово,
так сладко и здорово.

От новгородских дворян

За честь твоего солоду
лобзаем твою бороду,
батюшка наш кормитель!
Никто не может сказати,
в какой стала благодати
твоя нам добродѣтель!
Когда трудов твоих пиво,
что имѣется за диво
прилѣжно разсуждаем,
Новгородския шалыги,
которую пьют ярыги
[б] весма уж забываем.[б]
Да то чюдо весма странно,
что хотя и непрестанно
пивце то с бочки льется
И течет по вся недѣль,
а нам еще и доселѣ
дивно как не припьется.

18

К ЛИХОРАДКѢ В ЛИХОРАДКѢ

О лихорадко, тебе за богыню
говѣйно чтили древние народы,
Знать, то вѣдая твою благостыню.
Но мнѣ бедныя суть твои приходы.

[б—б] *Исправ. по изданию В. Науменко; в рукоп.* весма забываем

Всего терзаеш образом различным:
се хлад наводиш, се жар зловиновный,
И грызением, ехиднѣ приличным,
лютѣ пронзаеш состав мой членовный.

19

К СЕЛИЮ

Говорит, что бога нѣт, Селий богомерзский,
и небо пустым мѣстом зовет злодѣй дерзкий,
А тѣм утверждается в догматѣ нечистом,
что хорошо розжился, как стал афеистом.

20

К СЛОЖЕНИЮ ЛЕКСИКОВ

Если в мучителския осужден кто руки,
ждет бѣдная голова печали и муки.
Не вели томить его дѣлом кузниц трудных,
ни посылать в тяжкия работы мѣст рудных.
Пусть лексики дѣлает: то одно довлѣет,
всѣх мук роды сей один труд в себѣ имѣет.

21

РѢЧЬ ГОСПОДНЯ К РАБУ МАЛОДУШНОМУ

Не бойся ни мало, понеже я с тобою!
Не смотри на страхи, когда ты со мною.
О сердце трепетное! Перестань дрожати,
полагай надежду в моей благодати.

22

ВСЯК СЕБЕ В ПОМОЩЬ ВЫШНЯГО ПРЕДАВЫЙ

Всяк себе в помощь вышняго предавый
живет под кровом божией державы.
Той вездѣ радость обрѣтаяй многу
веселым гласом возопиет к богу:
Ты мой заступник, ты мой и щит твердый,
в тебѣ надежда, ты бог милосердый!
О, блажен еси, в бозѣ уповая,

он бо от тебе отвратит вся злая,
Измет от сѣти ловец злонадежных
и предочистит от словес мятежных.
Он своих рамен и своих крыл щитом
тебе покрыет пред всяким навѣтом.
Истинна его, аки страж оружный,
тебе отвсюду оградит в час нужный.
Не страшен тебѣ нощный вран и стрѣлы,
ими же сѣет злый случай в день бѣлый;
Ни блѣдый примрак, в тмѣ людей страшащий,
ниже бѣс черный, в полудни ходящий.
И будет егда от обоей страны
тысяща и тмы упадет на брани,
Но к тебѣ в той час и время то злое
не приближится бѣдство ни малое.
А над врагами узриши твоими
достойную казнь, сам сый невредимый.
Богу бо себе вручаю твоему,
имаши бога в крѣпость незыблему.
Не прийдет к тебѣ зло люто до зѣла,
рана твоего не угрызнет тѣла.
Велит бо своим слугам велелѣпным
стрещи тя вездѣ оком неусыпным.
На руках возмут и на всяком пути
не дадут тебѣ ног твоих преткнути.
Стрѣнет иногда аспид звѣрь нелѣпый,
или василиск, или лев свирѣпый, —
На тых безвредно будеши ступати
и по змиевых хребтах шествовати.
Слыши самаго неложное слово,
тебѣ ко всякой помощи готово:
В моей он силѣ надежду имѣет,
и сила моя онаго покрыет.
Познай мя, бога, аз готов внимати,
егда мя будеш на помощь взывати.
С ним есмь во скорби и подам избаву
и еще к тому неложную славу,
И дам вѣк ему долгий и пространный
и введу его в живот обѣщанный.

23

О СУЕТНЫЙ ЧЕЛОВѢЧЕ, РАБЕ НЕКЛЮЧИМЫЙ

О суетный человѣче, рабе неключимый,
Как то ты далеко бродиш мечтанми твоими!

А незапно день послѣдный
Разрушит твой живот бѣдный.
И в той час темный
Пойдеш в ров земный
И в прах твой наслѣдный.

Как же то предстанеш богу, невидѣвший бога?
И коль страшна правда его и милость коль многа!
А безумныя печали
Знать того не допускали,
И злоба звѣрна
И спесь безмѣрна
Зѣло в том мѣшали.

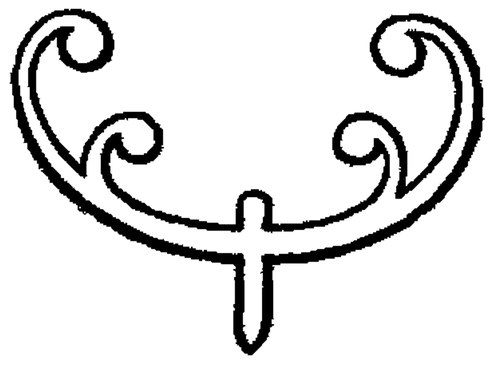
Прошло же все временное, сониям прилично,
Непрестанное настало, мучащее вѣчно.
О прегоркая година,
Еще ж бы была кончина!
Но в той болѣзни,
В той лютой жизни
Ни смерть, ни отмѣна.

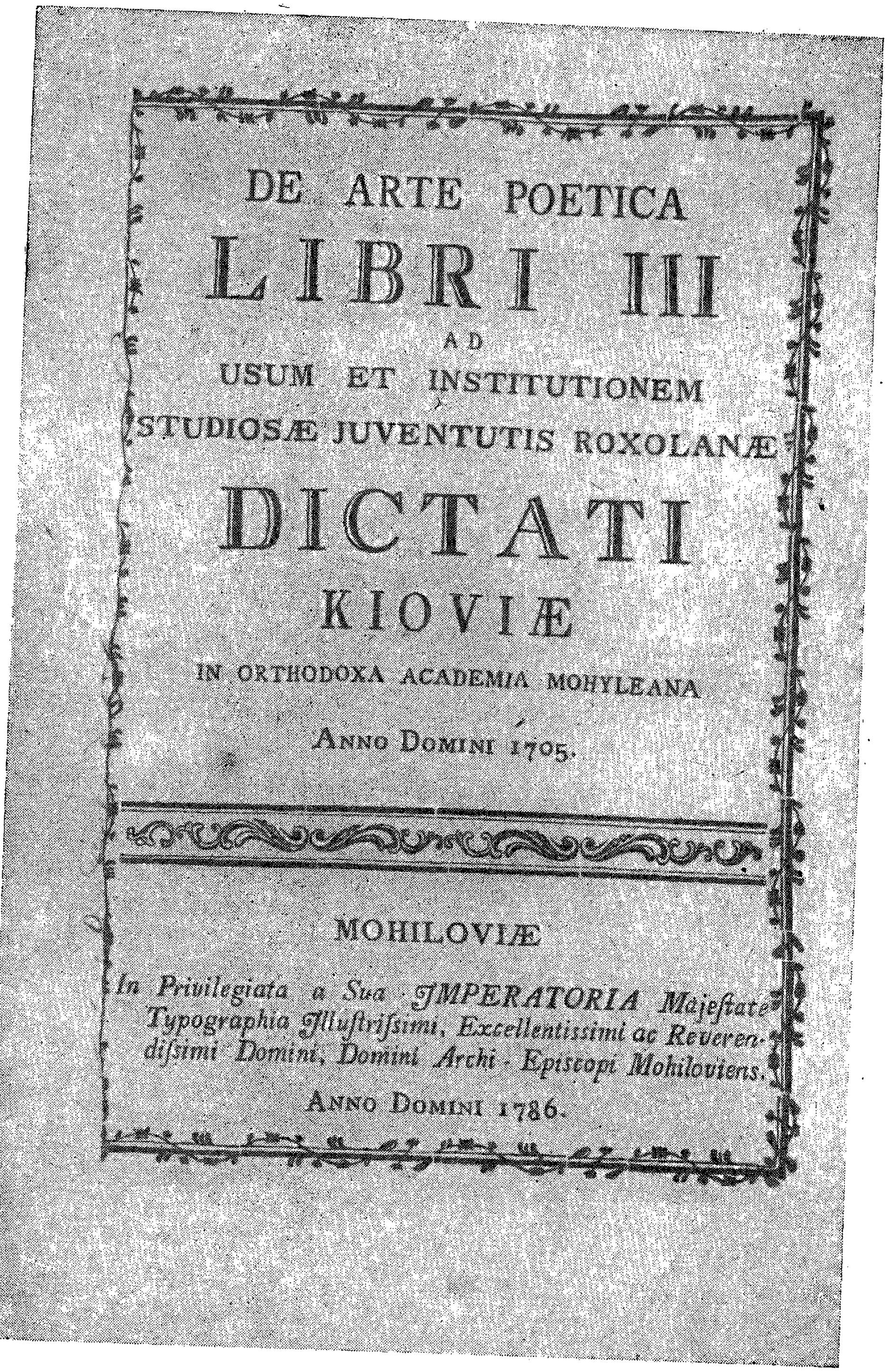
24

КТО КРѢПОК НА БОГА УПОВАЯ

Кто крѣпок на бога уповая,
той недвижим смотрит на вся злая;
Ему ни в народѣ мятеж бѣдный,
ни страшен мучитель звѣровидный,
Не страшен из облак гром парящий,
ниже вѣтр, от южных стран шумящий,
Когда он, смертнаго страха полный,
финобалтицкия движет волны.
Аще мир сокрушен распадется,
сей муж ниже тогда содрогнется;
В прах тѣло разбиет падеж лютый,
а духа не может и двигнути.
О боже, крѣпкая наша сило,
твое единаго сие дѣло,
Без тебе и туне мы ужасны,
при тебѣ и самый страх нестрашный.

De arte poetica




DE ARTE POETICA
LIBRI III
AD
USUM ET INSTITUTIONEM
STUDIOSÆ JUVENTUTIS ROXOLANÆ
DICTATI
KIOVIÆ
IN ORTHODOXA ACADEMIA MOHYLEANA
ANNO DOMINI 1705.
MOHILOVIÆ
In Privilegiata a Sua IMPERATORIA Majestate Typographia Illustrissimi, Excellentissimi ac Reverendissimi Domini, Domini Archi-Episcopi Mohiloviens.
ANNO DOMINI 1786.

Титульный лист трактата «De arte poetica» (Могилев, 1786).

PRAEFATIO

Multi antiqui nec pauci recentiores cum Graeci tum Latini probatissimi quique auctores fuere, qui editis luculentissimis commentariis institutiones poeticas pertractarunt eo studio & diligentia, ut nec desiderari quidquam, nec addi posse videatur. Tantosque jam ars haec, una omnium longe pulcherrima atque jucundissima habuit praeceptores, quantos eius dignitas postulabat. Unde non immerito mirabitur forte aliquis, nos etiam de paupere vena conari nonnihil adjicere, ubi tantae ingeniorum opes affatim congestae sunt. Hoc enim idem fere est, atque soli lucem addere, aut mari guttam digito adspergere. Haec me & talia cum maxime ab incepto absterrerent, subiere tamen nonnula, quae cogitatum hunc qualemcunque laborem non modo non redarguerent ut inanem, verum & adhortarentur tanquam necessarium. Inter quae non postremum est, quod aetate hac nostra per omnia fere gymnasia mos obtinuerit, ut utriusque humanitatis professores non ab aliis evulgatam, sed quasi de sua penu depromptam doctrinam discipulis suis exponant: duplicem nisi fallor ob causam, partim ut certantibus in eadem arena & quodammodo aemulis ingeniis crescat in diem accessio artis, partim ut antiqua etiam inventa, dum extimam mutant faciem, & a nomine styloque auctorum speciem novitatis accipunt, maiore vi & illicio ad se pertrahant sui studiosos. Utcunque se res habet, certe oportuit me etiam sequi consuetudinem, nec in tanto magistrorum agmine asymbolum inveniri. Accedit, quod tametsi plerique de Arte poetica perfectas, & quibus nihil deesse potest, scripserint commentationes; tamen quod illae aut ob subtilitatem arduae, aut ob exactam luculentamque tractandi rationem copiosae & longae sint, nec imbeciliore ingeniorum captu attingi possunt, & maiores videntur esse, quam ut annuo studio pertractentur. Hanc ob rem operae pretium fore duco, si obstrusioribus & minus obviis praetermissis, faciliora, quaeque minus implicata sed magis necessaria, in unum congeram, aeque non grandi volumine comprehensa sed veluti in arctum collecta nodum,

quanta potero brevitate perstringam, commodi magis & utilitatis discentium studiosus quam famae propriae ex multis chartis farciendae: in quod Horatius salubri admodum monet consilio Lib. de Arte poetica v. 335.

> Quidquid praecipies, esto brevis, ut cito dicta
> Percipiant animi dociles, teneantque fideles.
> Omne supervacuum pleno de pectore manat.

Porro totum hoc nostrum opusculum in tres omnino libros placet dividere: sunt enim quaedam, quae veluti praeludia et apparatus praemitti debent operi poetico, quippe quae communiter instruunt seu Heroicum, seu Lyricum, seu Tragoedum, sive alius generis vatem; & de his in Imo libro tractandum est. Jam vero ipsa poemata non genere tantum, verum & mole operis & argumenti praestantia inter se distinguuntur: alia quippe sunt graviora, magis seria & magis operosa, ingenti spiritu, magnis viribus, nec minore & conatu & spatio indigent, quorumque molem parvi humeri ferre recusant: ut poema Heroicum, Tragicum, & id genus; atque his pertractandis singularem librum dabimus IIdum. Alia vero sunt, quae in omni fere momento superioribus concedunt: ut odae, hymni, dithyrambi, universa cum suo comitatu poesis lyrica, epigrammata item & epitaphia, et elegiae, & eclogae bucolicae, & alia ejusmodi: haec enim omnia ut minore constant mole corporis, ita mediocribus etiam ab ingeniis audentius assumuntur, facilius tractantur & absolvuntur celerius; & horum omnium tractatum IIItio complectemur. Ordo quidem praeceptorum postulabat, ut prius de parvis his & tandem de illis grandibus tractaremus; quod scilicet omnis ars a facilioribus ad difficiliora gradum faciat: datum tamen est dignitati epici & tragici poematis, ut medio praestantiore loco disponerentur. Idemque ipsum suadent studia discipulorum, plerumque ad finem anni languentia, & quae exspectatione vacationum inescata nihil minus quam eruditionis disciplinam curant aut cogitant. Quamobrem grandius onus in debiliores quam in languidiores humeros tutius conjici posse visum est. Vos autem, quorum erudiendis ingeniis libentissime locamus operam, dignum professione vestra, dignum mea exspectatione afferte huc animum, curam, sollicitudinem; quo & me non vanam de indole vestra spem concepisse ostendatis, & intentum hoc vestrum, vel sola rei praesumptione nobile, conatu & constantia efficiatis nobilius. Invitat vos ad id artis pulcherrimae dignitas, utilitas, praestantia, tantaque (quod in ipsa singulare & divinum est) vel in usu vel in exercitio amoenitas et voluptas, ut non fructus modo ex ipsa collecti, verum & ipsi, quantiquanti fuerint, labores dulcissimi esse videantur. Atque ego eum, qui dum Musis insudat, laborem suum persentiscit, non natum esse ad poesim, nec dignum qui poeta audiat, tuto pronuntio. Quae ut bene & ex voto meo succedant, in primo

facultatis huius limine, sapientissimo illo philosophi monito probe vos instructos volo, quod ad omnes fere disciplinas commune quoddam adminiculum est, nimirum: ut discentium singulare officium esse sciatis, credere docenti. Ita fiet, ut & ego, quae possidere videor, edisseram libentius, & vos nisi ipsorummet vestro profectui velitis esse invidi, studium hoc alacrius percurratis.

LIBER I

IN QUO COMMUNIA, QUAE AD INSTRUENDUM POETAM FACIUNT, PERTRACTANTUR

CAPUT I

ORIGO, PRAESTANTIA & UTILITAS ARTIS POETICAE

Quod de ortu Nili decantati in Aegypto fluvii proditum est, idem fere de poeseos origine dici potest; occuluisse caput suum Nilus dicitur (ut est apud Ovidium lib. II. Metam.) ideo, quia ignotum est, unde oriatur: non minus poeseos exordia ab humana cognitione & memoria aufugerunt, non quod obscura sit ars haec, una omnium clarissima, sed guod initii sui indagatores tantam abducit in antiquitatem, ut quemcunque putaveris auctorem ejus esse, posteriorem ipsa invenias. Homerus ab aliis primo loco ponitur, forte quod ingenio (cui palmam ingeniorum Plinius adjudicat) non tempore ceteris praecesserit. Num & coaetaneus ejus erat Hesiodus, qui primus dicitur de agricultura versibus scripsisse, eumque postea imitatus esse Virgilius in suis Georgicis: & ante Homerum celebris nominatur Dares, qui scripsit de bello Trojano, cujusque adhuc poema extat. Item Musaeus & Orpheus, quorum primus insigni elogio a Virgilio celebratur lib. VII Aeneid[os] v. 661.

> Musaeum ante omnes: medium nam plurima turba
> Hunc habet, atque humeris exstantem suspicit altis.

Et Julius Scaliger adeo illum ipso Homero cultiorem dicit, ut si non exstarent historiae, Homero putaretur junior. Orpheus vero, quod eloquii suavitate efferos etiam & agrestes homines permulserit, occasionem fabulae dedit, ferasque & arbores dicitur ad saltum carmine excitasse. Nec his tamen primum ortum debet poesis, nam Orpheo antiquior praeceptor suus Linus fuit: hunc primum ferunt a Phoenicia ad Graecos litteras adtulisse. Sed & Syagrum quendam poetam Orpheo & Musaeo antiquiorem dicit esse Aelianus, eumque primum de bello Trojano scripsisse. Hic vero vel ipsa antiquitas tantas tenebras & caliginem offundit, ut quaerendi etiam, nedum inveniendi auctoris, modus deesse videatur. De Musis enim ipsis adeo apud auctores non convenit, ut alii eas Pieri Macedonis filias

fuisse, artemque ab eo Musices & nomina accepisse autument: quorum opinioni repugnat fabula, de qua Ovid. Metam. lib. V, filias videlicet Pieri alias a Musis fuisse, easque cum temere ad certamen canendi Musas ipsas provocassent, victas & in picas mutatas esse. Alii idem malint dicere de Osiride, alio nomine Dionysio, qui & Apollo a nonnullis putatur: rex ille primum Argivorum tum Aegyptiorum fuisse dicitur, & quod musices voluptate mirifice caperetur, habuisse apud se peritas quasdam virgines citharistrias, quae, ut plerique volunt, Musae dictae sunt, & nomina dearum meruerunt. Sed quid nos facultatis poeticae originem ibi quaerimus, ubi illa non nata est? nam cum Divinum donum sit, ut & caeterae bonae artes, & ortus ejus apud impietatis cultores non appareat, minime ambigendum est, quin illa apud Judaeos sit exorta, unde fere omnes scientiae emanarunt. Id quod probatae fidei auctores produnt: Eusebius enim lib. III de praeparatione Evangelica asserit, poesim apud antiquissimos Hebraeorum, qui multo ante Graecorum poetas fuerunt, primum floruisse: & quod Moses superato rubro mari Eucharisticum illud suum carmen hexametro versu conceptum Deo cecinerit. Quod testatur & Josephus Judaeus lib. II Antiquitatum. Idemque ipse Josephus lib. VII Antiq[uitatum] ait, Davidem cantica in Deum hymnosque vario metro composuisse, alios quidem trimetros, alios vero pentametros. Divus autem Hieronymus praefatione in Chronicon Eusebii varium in scriptura genus carminis agnoscit, & in psalmis quidem dicit, & iambos & alcaicos et sapphicos et semipedes versus esse; Deuteronomii autem cantica, & Aesaiae & Job & Salomonis libros hexametro & pentametro esse conscriptos. Sed ne hic quidem primum exordium poeseos debere poni videtur: nam pridem ante diluvium, & non longe post ipsa exordia mundi, Jubal Lamechi filius dicitur in Scriptura auctor cythara canentium Geneseos cap. IV. Necesse autem fuit, ut prius caneretur voce humana, tanquam propiore & innato instrumento, quam cythara: cantus sine versu, hos est, certo & ad modulandum apto vocum numero esse non potuit; antiquior igitur ipso quoque Jubale ortus poeseos fuit, atque adeo cum ipsis exordiis mundi in primo homine cepisse illam minime dubitandum est. Et puto ego praeter arcanam Dei largitionem, si naturam spectes, affectum humanum, & in specie amorem, primum fuisse auctorem poeseos. Amantes enim vel tenentur desiderio rei concupitae vel gaudent ex possessa: & tunc quidem appetitus impatientia moventur ad quasdam teneras lamentationes: cum vero quod cupiunt assequuntur, mox impotenti laetitia jubilum nescio quid & exsultans vel inviti occinunt, und carmen oriri palam est; in utroque autem casu (ut patet bene consideranti) furor quidam mentem corripit, qui conceptus poetici semen est. Et hoc modo de origine cantus Plutarchus philosophatur in Libris symposiacis. Huic tam vetusto poeseos origini subscribere videntur omnes antiqui

poetae, qui Musarum patrem Jovem ipsum, matrem vero aiebant esse Mnemosynen, quod nomen memoriam Graecis significat, quo significare voluerunt, Musas a naturae auctore emanasse, earumque memoriae omnia patere, utpote omnia posteriora esse. Ad quod respexit Virgilius in illo suo elegantissimo versu:

Et meministis enim divae, et memorare potestis.

Sic igitur in ipsius naturae incunabulis exorta poesis per multa saecula paulatim, ut fit, sumebat vires; tandem eam Orpheus & deinde Homerus & Hesiodus Graecorum poetae illustrarunt, quod auctore Porphyrione asserit Polydorus Virgilius lib. I de rerum inventoribus cap. II. Apud Latinos autem quidam Livius Andronicus fabulam primus dedit teste Cicerone lib. I. Tusculanarum quaestionum, & Fabio Quintiliano lib. X. Et haec quantum attinet ad antiquitatem poeseos.

Jam de ejus praestantia parum aliquid disseramus: et quidem quam nobilis sit haec facultas, vel sola ejus antiquitas & ortus ab initiis mundi repetitus luculenter testatur, quod ipsum luculentius declarat priscorum poetarum fabula, quae Musas ortas ex Jove & Mnemosyne (uti nunc vidimus) nutricem suam habuisse Euphemen perhibet, id est, bonam famam: sapientum enim praemium bona fama est. Nec immerito sic commenti sunt: nam primo arqumentum ipsum, quod tractare solet poesis, ingens & pondus illi & pretium facit: scribuntur laudes magnorum virorum, eorumque praeclara facinora ad memoriam posteritatis transmittuntur, ut heroica gesta Ulyssis ab Homero, Aeneae navigationes & bella a Virgilio, bella Romanorum cum Annibale a Silio Italico, civile bellum Pompei cum Caesare a Lucano, & aliorum ab aliis descripta sunt. Deinde arcana naturae, caelestium cursuum observationes a multis evulgata. Item laudes Sanctorum, laudes ipsius Dei ejusque miracula a Mose, praecepta & jussa a Solomone, venturi Christi mysteria a caeteris prophetis vario carminum genere sunt edita. Nec obesse tanto poeseos nomini possunt obscaena quaedam a nonnullis etiam ingentis sed impudici ingenii hominibus cantata poemata, quae omnia philosophia politica (utpote quae ab Aristotele cunctarum artium & scientiarum judex & moderatrix constituta est) tanquam contagiosa & honestati noxia in numerum Musarum non admittet. Nec dubium est, quod non alios nisi hujusmodi poetas ex commentitia illa sua civitate Plato ejiecerit. Videlicet, qui inique & impudenter in nomen poetarum invaserunt, postquam specie quadam poeseos & numerosae orationis lenociniis (quibus mollem suum & enervatum animum honestare conabantur) litterariae plebi imposuissent. Et si bene consideres, ut nullam difficultatem, ita virtutem nullam, atque adeo nullam artem in propudiosis illis versificationibus deprehendes. Quid enim facilius est, quam liquescenti prae amoris insania homini & meditari & dicere ridiculos illos

hortulos, rivulos, flosculos, & genas cerussatas, & auro intertextos crines & alias hujusmodi comptas nugas? haec & rude vulgus oestro libidinis concitum per vicos passim & trivia vagum decantat. Ut jam similes ineptiae quantumvis a magno ingenio depromptae, meretriciae potius femellanum cantilenae aut quidvis aliud, quam carmen poeticum dicendae sint. Neque metuo, ne objiciantur hic mihi quidam ex antiquis omnium judicio in numerum poetarum relati, qui tamen admodum obscoena carmina ediderunt: ut Plautus, Catullus, Ovidius, Martialis & alii: nam illi omnes ob alia honesta opera nomine poetico digni visi sunt. Ceterum qua parte impuris scriptis poesim polluerunt, & probitati vitae humanae struxerunt insidias, miltum eos peccasse contra artem, quam professi sunt, constanter pronuntio, quippe qui contra finem poeseos fecerunt, cuius finis est juxta Horatium aut prodesse, aut delectare, aut utroque modo juvare vitam humanam. Et ubi delectare dixit, si verum delectamentum intelligere vis, sanum dicito non contagiosum. Unum est, quod forte hac in re facessit mihi negotium. Thalia est ex novem una Musis, cujus officium lascivo sermone gaudere dicit Virgilius. Unde & heresiarcha Arius Thaliam inscripsisse dicitur librum suum, quem de obscoenis amoribus scripsit, & quem postea magnus Constantinus severo sanctoque edicto conquiri & comburi jussit. Sed & hoc oppositum minimi fere negotii est, quo in sacram &, ut antiqui aiebant, divinitus affatam facultatem, lascivia & impudentia inducatur. Quod enim Thaliam lascivo ore Virgilius dixerit, voluit eam significare esse deam & principem comoedorum, quibus actiones hystrionicas ad voluptatem & risum spectantium producere mos est. Asperius itaque & paulo facinorosius hic nomen est apud Virgilium, quam res ipsa per nomen significata. Cur enim comoediarum voluptas non possit esse, quin simul tollatur honestas? Et quod Plautus ceterique antiqui comoediarum scriptores multis ejusmodi sordibus scateant, factum est ex moribus corrupti saeculi, non ex ratione comoediae. Idque ipsum dicendum est de scriptis insolentis Arii nomine Thaliae petulanter adornatis. Vel ex ipso igitur argumento, quod tractat, magna momenta pretii sui accipit poesis. Adde, quod ingens illud mentis humanae lumen philosophia aut nata aut enutrita a poesi est: qui enim de variis sectis & diverso genere philosophorum scripserunt auctores, primam eamque vetustissimam philosophiam dicunt esse poeticam: quod scilicet antiquitus, quidquid veritatis homines philosophando indagassent, id totum carmine & fabularum involucris tectum aliis proponerent. Sive id ex more Aegyptiorum factum est (qui primi videntur coepisse philosophari) illi enim omnia diviniora sensa hyerogliphicis & signis quibusdam sub similitudine involvebant: sive quod eo tempore augustius censerent & majestati rerum aptius, carminibus complecti & grandiore sono efferre, ut observat, Justus Lipsius lib. I manuductionis ad philosophiam Stoicam, dis-

sertatione 1. Floruerunt autem tunc vetustissimi illi philosophi simulque poetae; Musaeus, Lynus, Orpheus, Hesiodus, Homerus & cet. primusque quidem Pherecides mutata illa philosophandi ratione, solutis verbis scribere coepit, philosophiamque in Musarum penetralibus prope adultam cum vulgo discere loqui coegit. Quae omnia id nobis persuadent, ut sicut virum aliquem, quantae sit auctoritatis in republica, ex assignata illi provincia cognoscimus, ita praestantiam poeseos ex tot tantisque nobilibus materiis perdiscamus. Multa praeterea sunt, quae id ipsum confirmant: nam & in magno honore semper habebantur optimi poetae: de Homero septem civitates, singulae eum sibi vendicantes ut civem, certabant acerrime:

Smyrna, Rhodos, Colophon, Salamin, Chios, Argos, Athenae.

Cumque Thebas expugnaret Alexander, familiae Pindari pepercit. Euripides apud Archelaum Macedoniae regem & Athenienses in tanto erat pretio, ut hi quidem corpus demortui poetae enixe apud Regem petierint, ille idem ipsum veluti thesaurum pertinaciter retinuerit. Horatius deinde Maecenati, Virgilius eidem & Augusto maximo in honore erant. Claudiano post mortem statua decreto senatus populique Romani posita est. Et ipsi insuper viri principes, quosque sanguis, vel virtus, vel honor, vel simul haec omnia claros reddiderunt, poeticae navarunt operam, scribendisque carminibus invigilarunt, veluti magna momenta ad augendum decus suum inde commodaturi. Sophocles, celeberrimus ille tragoediarum scriptor, praetor erat Atheniensium. Augustum imperatorem non delectabant tantum Musae sed & occupabant. Domitianum poema edidisse de bello Capitolino testis est Martialis. Reperiuntur quaedam carmina sub nomine Constantini Marni. Eudocia Theodosii junioris uxor & Leo Sapiens, & alii imperatores Constantinopolitani editis versibus testati sunt de se quid sentirent de poesi. Et quod augustius est: plerique ex Sanctis patribus egregia poemata ediderunt: ut Cyprianus, Hylarius, Damasus, Paulinus, Prudentuis, Synesius Johannes Damascenus, sed inter alios eminuit Divus Gregorius Nazianzenus, qui non plus operum suorum soluta quam ligata oratione evulgavit, & carmina etiamnum senex scriptitasse solebat. Multi deinde etiam ethnicorum poetarum versus passim in suis scriptis adducere non putabant indecorum, in quod maxime praestant idem Gregorius & Basilius Magnus & Synesius in suis epistolis, divusque Basilius praescripta certa cautionis regula etiam ad sedulo legenda poetarum scripta adolescentes cohortatur in oratione de legendis Graecis auctoribus. Sed quod caput rei est: Magnus ille Paulus, vas electionis, scripta se poetarum lectitasse testatur eo ipso, quod Actorum cap. VII verba Arati, & ad Titum cap. I carmen Epimenidis [a] adduxerit.

---

[a] *Исправлено вместо* Eumenidis

Haec satis superque dignitatem poeseos demonstrant, quam digniorem adhuc facit immensa utilitas, quae inde in bonum hominum luculenter derivatur. Utraque vitae ratio civilis & bellica docetur ex scriptis poetarum: peregrinationibus & proeliis Ulyssis Homerus, navigationibus & bellis Aeneae Virgilius domi & foris vivere civem & militem optime instruunt. Caeteri quoque probatissimi facultatis nostrae auctores toti sunt in benefactorum commendatione, maleficiorum vituperatione, gloriae cujuslibet ac infamiae amplificatione. Quod cum faciunt & virtutes animis inserunt, & vitia radicitus extrahunt, & homines omni carentes cupiditate, omni honore ac laude dignissimos efficiunt: eo etiam facilius ac melius, quod propter numerum ac ordinem & quae ex utroque exsistit, voluptatem & libentius audiuntur & suavius perleguntur & ediscuntur facilius, & mentibus penitus inhaerescunt. Quoque mirabilius est, satyrae etiam eorum et dirae, hoc est acrius & amarius medicinae genus, fictione ac versu, veluti melle atque nectare, conditae, efficiuntur acceptabiles. Poesi adeo ipsam rhetoricam juvari putavit Cicero, ut perfectam sine ejus cognitione eloquentiam nullam esse prodiderit. Poesis non parum momenti etiam ad incitandos in bello heroicos spiritus affert: plusque carminibus Homeri, quam tubis & tympanis ad Martem accendebatur Alexander: cumque se vel adaequasse vel superasse laudes Achillis existimaret, hoc solum invidere ei se fassus est, quod ille laudum suarum Homerum praeconem habuerit. Ad extremum: quid magis vitam humanam seu, juvat seu instruit quam exempla majorum, quae fortiter, quae sapienter fecerint, transmissa ad memoriam posteritatis, eaque summis laudibus exornata? quod felicissime sola prae caeteris praestat facultas poetica, prisca gesta & heroicas virtutes carminibus celebrando, & quodammodo efficiendo aeterna, quae si tacuerit, perenni memoria dignae res simul ac transierint, etiam gloriam suam ad oblivionem quasi ad tenebrosum sepulchrum secum traxissent. Eleganter in hanc rem Horatius lib. IV carm. ode 9.

Vixere fortes ante Agamemnona
Multi: sed omnes illacrimabiles
Urgentur ignotique longa
Nocte, carent quia vate sacro.

CAPUT II

ARTIS POETICAE NECESSITAS, NOMINIS NOTATIO, DEFINITIO NATURAE, MATERIA & FINIS POESEOS

Imo. Artis poeticae necessitas

Quamquam, ubi de origine facultatis nostrae dictum est, ad ipsius naturae primordia omni arte antiquiora eam revocaverimus, & antiquissima opinio sit divino quodam & caelesti afflatu poetas ad

scribendum incitari, vulgoque etiam dicatur, quod poetae nascantur & oratores fiant; nihilominus etiam hujusmodi studium certis legibus & praeceptionibus magnopere indiget. Imo caelestem illum, ut dicunt, mentis impetum, quem furorem alii, alii enthusiasmum vocavere, si ope praeceptorum destituatur, nihil prodesse dicendum est, si credimus Horatio dicenti lib. de Arte poetica v. 400.

> Ego nec studium sine divite vena:
> Nec rude, quid prosit, video ingenium: alterius sic
> Altera poscit opem res, et conjurat amice.

Quodque Hermogenes in libris suis rhetoricis de oratore, hoc ego de poeta tuto pronuntio: videlicet citius ingenio praeditum sed arte destitutum, quam eum, qui imbutus praeceptis pauperioris venae est, errare posse. Unde multi nimis confisi ingenio veluti indomiti equi, excusso artis freno, insania, potius quam sacro illo & docto furore corripi & ferri videntur. Quorum exemplo docemur, artem certis legibus & praeceptionibus constantem non modo utilem poetae, sed imprimis esse necessariam.

IIdo. Nominis notatio

Porro nomen poetae, poematis & poeseos derivatum est a voce Graeca *poiein*, quae singnificat *facere* vel *fingere:* unde & poeta, si usus obtinuisset, recte dici posset *factor*, *fictor* vel *imitator* fingere enim vel effingere est imitari rem illam, cuius, simulacrum & similitudo effigitur, unde & imago effigies dicitur; quod vero sola haec facultas poeseos nomine appellatur, cum nominis significatio sit communis & ceteris artibus, factum est per antonomasiam ob excellentem videlicet, quam poetae habent, faciendi & fingendi rationem. Quid vero & qualis sit illa fictio, dicetur inserius.

IIItio. Definitio naturae

Nomini suo correspondet natura poeseos: est enim ars effingendi humanas actiones, easque ad vitae institutionem carmine explicandi. In qua definitione vides poesim ab historia et a dialogismis philologorum, cum quibus aliquid commune habet, perfecte differre & distingui: historiae enim simpliciter res gestas enarrant, nec effigendo eas imitantur: dialogistae vero imitantur quidem & effingunt, sed soluta oratione non metro id faciunt. Poeta vero, cui & factoris & fictoris nomen est, carmina facere, res fingere, id est, efficta canere debet.

IVto. Materia

Ex hac naturae poeseos explicatione facile est cognoscere, quae ejus sit materia, circa quam versatur: quae tametsi a Cicerone lib. I de Orat[ore] innuitur esse omne id, de quo carmina scribi possunt, id est, res omnes, quae & artis oratoriae materia sunt; nihilominus

tamen pressius naturam poeseos considerando dicimus, ejus materiam esse maxime propriam & accommodatam, actiones hominum ligata oratione effingendas.

VIto. Finis poeseos

Finem autem duplicem assignat Horatius, delectationem et utilitatem, celebri illo versiculo lib. de Arte poetica:

Aut prodesse volunt, aut delectare poetae.

Uterque, si seorsim accipiatur, imperfectus finis est. Quod enim poema delectat & non prodest, vanum est & puerili strepitaculo simile. Quod vero prodesse nititur sine delectatione, vix proderit: ad lectionem enim poetarum accedimus illecti styli voluptate & elegantia, & quaerendo delectationem invenimus simul utilitatem. Unde utrumque simul perfectum finem efficiunt, ut & ipse ibidem subjungit Horatius.

Aut simul & jucunda & idonea dicere vitae.
Omne tulit punctum, qui miscuit utile dulci.

Quapropter ea sibi tractanda assumet poeta, quae vitae humanae prodesse poterunt, & tractare eo modo curabit, quo lectorem valeat delectare.

CAPUT III

DUO OMNINO REQUIRI, QUAE POETAM FACIUNT, & QUORUM ALTERUTRO DESIDERATO NEMO IN POETARUM NUMERUM A GRAVISSIMIS AUCTORIBUS ASCIRI PERMITTITUR EAQUE SUNT: FICTIO SEU IMITATIO, & NUMERUS ORATIONIS CERTA LEGE MUNITUS SEU CARMINUM ARTIFICIUM

Imo. Fictio

Primum est, quod in omni poemate praecipuum sibi jus vendicat, fictio seu imitatio, quae si desideretur, quotquot fuerint versus compositi, nihil aliud quam versus erunt: poema certe immerito vocabuntur, aut si velis poema dicere, mortuum appelabis. Imitatio enim est anima poeseos, sicut ex definitione planum est. Unde Aristoteles comparando Homerum, qui cum idonea fictione pertractavit proelia & errores Ulyssis, cum Empedocle, qui libros de rerum natura versibus conscripsit, sic de eis pronuntiat: Homero & Empedocli nihil commune est praeter metrum, quapropter illum quidem poetam, justum est nominare, hunc vero physiologum non poetam. Et rursus ait: licet Herodoti scripta ad metrum redigantur, manebit tamen historia, ut prius, non poema. Dicit hoc philosophus, ut refellat multorum errorem, qui solam versificationem putant sufficere ad poetae officium: historia enim, cui lex imponitur & res vere gestas & eo modo, quo gestae sunt, describere, caret licentia fingendi verisimilia. Quaprop-

ter etiam versu descripta manebit historia non poema. Per fictionem vero seu imitationem intellige non solum contextum fabularum, sed totam eam scribendi rationem, qua actiones humanae, tametsi verae sint, verisimiliter tamen effinguntur. Qua de causa nec Lucanus e numero poetarum ejiciendus est, quem aliqui eo, quod veras res cecinerit, ejiciendum putarunt teste Scaligero. Porro fictionis hujus natura plenius explicabitur lib. IIdo ubi de poesi heroica.

IIdo. Artificium carminum

Alterum est, quod poema necessario habere debet, metri, artificium seu numerus orationis certa lege adstrictus, sine quo poeta pariter dici non potest. Nihilque desideratur, ut Aesopus, Lucianus, Apulejus, ipseque adeo Cicero in suis dialogis, multique alii nomina poetarum induant, praeter solum carmen: illi enim omnes, qui sensa sua per dialogismos explicant, utuntur imitatione plane poetica, cum personas colloquentes secum introducunt, cum varios earum affectus et gestus depingunt; nihilominus tamen, qui ea omnia solutis verbis & non carmine pertractant, poetae non vocantur. Accepimus de Virgilio, eum celebre illud Aeneidos suum opus prius soluta oratione conscripsisse: & tunc nondum poema erat, nec ipse auctor, nisi carmine totum hoc exposuisset, quod fecit, audiret unquam poeta. Carmen enim est veluti vehiculum quoddam & currus nobilis, in quo illa multiformis rerum effigies, imitatio inquam seu fictio poetica, sublimior fertur, & majore ubique plausu excipitur. De his praemoniti accingamur jam ad untrumque bene cognoscendum & feliciter praestandum. Id vero facile fiet, si prius nos iis probe instruamus, sine quibus nec fingere nec canere possumus. Eaque sunt: copia verborum, delectus sententiarum, varium orationis genus, ornatus cum in verbis tum in sententiis, ut figurae & id genus ornamenta poematis, tandem ipsum artificium carminum, & quid in unoquoque versuum genere spectandum, quid fugiendum sit perfecta notitia.

CAPUT IV

DE NECESSITATE & UTILITATE STYLI, DE USU & MODO EIUS, & DE VARIIS EXERCITATIONUM GENERIBUS

Imo. Necessitas & utilitas styli

In primis commendatam discipulis meis volo continuam styli exercitationem, & frequentem usum scribendi. Usus enim, sicut in omni alia, ita in hac potissimum arte, non modo multum confert subsidii, sed etiam consensu omnium est optimus magister, plusque valet quam ipsa ars: & constanter assevero, plus in arte poetica profecturum eum, qui saepe scribendo sese exercet, tametsi viva praecep-

toris voce sit destitutus, quam eum, qui omnia quidem praecepta probe tenet, sed raro aut nunquam ad scribendum manum admovet. Quod vel ipsa docet experientia cum in hac tum in aliis artibus: ut si quis optime sciat praeceptiones artis pictoriae de symmetria membrorum in pingendis humanis corporibus, de variis gestibus & affectibus exprimendis, de distantibus & propinquis pingendis rebus, de usu & ratione umbrae, lucis variorumque colorum, si inquam haec & talia plene & perfecte quis cognoverit, nunquam tamen pinxerit, minime is poterit dare imaginem. Quapropter sicut Apelli nulla dies erat sine linea, ita qui vult in hac nostra facultate proficere, adjiciat animum ad assiduum scribendi exercitium, atque singulis diebus vel unam lineam ducendam curet, hoc est, vel unum versiculum componendum, nisi frustra exspectare velit, quod se enixe cupere & quaerere profitetur.

IIdo. Usus & modus eius

Circa exercitationem vero & stylum tria saluberrima praecepta suggerit Fabius Quintilianus.

Imum. Ne in scribendo praepropere festinemus. Cito, ait, scribendo non fit, ut bene, bene scribendo fit, ut cito scribamus. Primum hoc constituendum est, ut quam optime scribamus; celeritatem dabit consuetudo.

IIdum. Ut quaeramus optima, nec primo se offerentibus gaudeamus. Delectus rerum & verborum habendus est, & pondera singulorum examinanda, non quodque se proferet verbum, occupet locum.

IIItium. Si quid longiusculum scribimus, ut hoc felicius prosequamur, repetenda (verbis ejus loquor) saepius erunt scriptorum proxima; nam praeter id, quod sic melius junguntur prioribus sequentia, calor quoque ille cogitationis, qui scribendi mora restrixit, recipit ex integro vires, & veluti repetito spatio sumit impetum. Haec sunt ex ⌐uintiliano. Addo

IVtum monitum ex Horatio lib. de Arte poetica v. 38 ut videlicet non majora viribus nostris, nec quae aut ingenium aut peritiam[a] superant, sed aeque nobis, nostroque captui facilia deligamus; verba ejus sunt:

> Sumite materiam vestris, qui scribitis, aequam
> Viribus, & versate diu, quid ferre recusent,
> Quid valeant humeri, cui lecta potenter erit res,
> Nec facundia deseret nunc, nec lucidus ordo.

Hoc modo & Ovidius lib. IIdo Trist[ium] purgat se apud Augustum, cur non res potius bellicas nec laudes Caesaris sed nugas amatorias cecinerit. Porro ne si in iisdem semper vesamur, languo-

[a] *Исправлено вместо* pueritiam

rem pariat suborata satietas, taedioque resoluti reddamur pigriores, & supini ab incepto relabamur; subjicio hic aliquot exercitationum genera, quorum varietate delectetur, & tractatione excolatur ingenium tironis.

IIItio. Varia exercitationum genera, imprimis synonymia

Et prima quidem exercitatio sit, unam eandemque rem diversis verbis, diverso aut eodem metri genere exprimere; quae dicitur synonymia, estque maxime utilis, & quae vel una summam facilitatem affert componendi carmina. Primo enim sic verborum ad eandem rem pertinentium copia comparatur, adeoque hoc modo exercitatus, si rem quampiam describere velit, non multum morabitur in verbis colligendis, multa se ultro offerent, & tantum delectus habendus erit. Deinde non raro evenit, ut saepius eadem in uno poemate repetamus: cui necessitati optime consulitur hujus modi exercitio; nam eadam res modo his modo illis verbis facile exponi poterit. Ita Virgilius noctem concubiam lib. II Aeneid[os] his verbis exposuit:

> Tempus erat, quo prima quies mortalibus aegris
> Incipit, & dono Divum gratissima serpit.

Idem vero ipse eandem rem aliter alibi effert. Lib. VIII Aeneid[os].

> Nox erat, & terras animalia fessa per omnes,
> Alituum, pecudumque genus sopor altus habebat.

Et diei ortum lib. III Aeneid[os] sic quidém:

> Postera jamque dies primo surgebat Eoo,
> Humentemque Aurora polo dimoverat umbram.

Libro autem IVto Aeneid[os] aliter:

> Oceanum interea surgens Aurora reliquit.

Et adhuc aliter Aeneid[os] lib. XII.

> Postera vix summos spargebat lumine montes
> Orta dies, cum primum alto se gurgite tollunt
> Solis equi, lucemque elatis naribus efflant.

Ovidius vero ad comparationem parvae rei cum magna hunc accessum posuit:

> Si licet exemplis in parvo grandibus uti.

Id ipsum alibi sic expressit:

> Grandia si parvis assimilare licet.

Et alibi ita:

> Si parva licet componere magnis:

Et adhuc aliter alio in loco:

> Quid vetat a magnis ad res exempla minores
> Sumere.

In hac synonymica exercitatione, ne sis adeo sollicitus, ut verba idem prorsus sonantia conquiras, qualia sunt, ensis & gladius; sed sufficient illa, quae conjuncta eandem rem exprimunt, tametsi sigillatim sumpta nihil tale significabunt: unde & signa rei pro re, & pars pro toto, & genus pro specie & materia pro eo, quod ex illa factum, adhiberi possunt. Exemplo sit vel una haec Senecae Tragici sententia:

> Quisquis in primo obstitit
> Repulitque amorem, tutus ac victor fuit:
> Qui blandiendo dulce nutrivit malum,
> Sero recusat ferre, quod subiit jugum.

Ubi vides amorem in singulis versibus memorari, sed in primo proprium est amoris vocabulum; in secundo per synecdochen genus pro specie, in tertio jugum per metaphoram. Unde bene observa, tropos esse opulentissimum promptuarium pro sensibus synonymicis.

Hoc genere exercitii & maxime delectatum & non parum profecisse principem poetarum Maronem, exempla ejus abunde testantur: quorum aliqua adhuc exstant, & unum perquam elegans hic subjicio de amne in glaciem concreto, in quo ille hanc sententiam, ubi prius navis currebat, nunc transeunt currus, undecies elegantissimis distichis exposuit.

> Qua ratis egit iter, juncto bove plaustra trahuntur,
> Postquam tristis hiems frigore vinxit aquas.
>
> Sustinet unda rotam, patulae modo pervia puppi,
> Ut concreta gelu marmoris instar habet.
>
> Quas modo plaustra premunt undas, ratis ante secabat,
> Postquam brumali diriguere gelu.
>
> Unda rotam patitur, celerem nunc passa carinam,
> In glaciem solidam versus ut amnis abit.
>
> Quae solita est ferre unda ratem, fit pervia plaustris,
> Ut stetit in glaciem marmore versa novo.
>
> Semita fit plaustro, qua puppis adunca cucurrit,
> Postquam frigoribus bruma coegit aquas.
>
> Orbita signat iter, modo qua cavus alveus exit,
> Strinxit aquas tenues ut glacialis hiems.
>
> Amnis iter plaustro dat, qui dedit ante carinae,
> Diriget ut ventis unda, fit apta rotis.
>
> Plaustra boves ducunt, qua remis acta carina est,
> Postquam diriguit crassus in amne liquor.

Unda capax ratium plaustris iter algida praebet,
Frigoribus saevis ut stetit amnis iners.

Plaustra viam carpunt, qua puppes ire solebant,
Frigidus ut boreas obstupefecit aquas.

Virgilianam hanc exercitationem nostra etiam comitetur, carminis artificio impar & forte minus latina, eo tamen consilio facta, ut veluti recentior tironi poetae sit pro exemplo. Assumpsimus brevem situs urbis Kijoviae descriptiunculam: quod scilicet urbs haec ab oriente fluvium vicinum sibi habeat, ab occidente autem montibus objecta sit.

Amne Borysthenio sonat urbs, qua Lucifer exit,
Montibus assurgit, qua trahit umbra diem.
Occiduas urbis cinxere cacumina partes;
Aurorae oppositum perluit unda latus.
Montibus objecta est, serus venit Hesperus unde,
Perstrepit urbs fluvio, Phosphorus unde venit.
Undis pulsantur primum spectantia solem;
Hesperiam versus moenia monte tument.
Pars natat urbis aquis, solem quae spectat Eoum;
Multus in occidua mons regione tumet.
Qua primos solis radios videt, imminet amni,
Qua videt extremos, urbs juga celsa tenet.
Surgentem spectans solem urbs fremit amne propinquo;
Erigitur celsis, qua cadit ille, jugis.
Solis ab exortu ferit unda Borysthenis urbem;
Mons sed ab occidua moenia parte tegit.
Prima natare dies vicinis fluctibus urbem,
Ultima montosum tergus habere videt.
Unde dies surgit, fluvius praeterfluit urbem;
Multus ab hesperia parte tuetur apex.
Undosa est urbis facies, quae spectat ad ortum,
Montosa est serum, quae videt esse diem.
Larga fluenta videt, roseum qua prospicit ortum,
Urbs, sed ab occasu culmina montis habet.
Unde venit Titan, allabitur aedibus amnis,
Assurgunt montes, respicit unde cadens.
Ortum undosa [a] diem videt urbs, sed monte superbit,
Qua videt occidui solis abire jubar.
Solis ad occasum vertit terga ardua montis
Urbs, orientalem sed lavat amne plagam.
Allatrant urbi fluctus Titanis ab ortu,
Tollit ad occiduam mons juga multa plagam.
Moenia flumen adit, Titan solet unde venire;
Mons obstat, madidis nox venit unde rotis.
Tergus ad occasum, frontem urbs convertit ad ortum,
Hanc munit fluvius, plurimus illud apex.
Montis ab occiduo munita urbs climate tractu est,
Currit ab Eou plurima parte Thetys.
Surgenti soli vicinum urbs objicit amnem,
Occiduum superat monte frequente diem.

---

[a] *Исправлено вместо* undosae.

CAPUT V

ALIA EXERCITATIONUM GENERA

Imo. In quo consistit genus exercitationis secundum

Alterum exercendi styli genus est non absimile priori, aeque utile & magis jucundum: videlicet, scriptum alicujus auctoris alio metri genere, vel alio idiomate, vel fusius id, quod ille breviter, aut contra efferre, aut solutam alius orationem versu exponere.

IIdo. Usus huiusmodi exercitationis

Prodest hoc non modo ad stylum exercendum, sed etiam ad eam imitandi rationem, qua alterius auctoris sensa pro suis venditare: hoc enim modo nec facile deprehendi poterit imitator, & si fuerit deprehensus, minime reprehendetur aut ex rapto vivere censebitur: id quod de Virgilio pervulgatum est, in cujus Aeneide oculati lectores multa notarunt, quae apud Homerum viderunt.

Missis hic fere innumeris exemplis, in quibus auctores unam sententiam verbis quisque suis tanta cum varietate exposuere, ut quae una & ab uno profecta est, multiplex esse & multorum partus censeatur: insignem hic & jucundam observationem placet adducere, quomodo tres auctores eundem conceptum quasi una mente pepererint; singulorum tamen esse videtur proprius, quod singuli suo quisque modo & verbis diverse eum exposuerint. Servius Sulpitius in epistola consolatoria ad Ciceronem, mortem filiae suae Terentiae lugentem (quae epistola est numero 5ta lib. IV epist[olarum] Cicer[onis]) inter alia sic de fragilitate vitae humanae disputat. «Ex Asia rediens, cum ab Aegina Megaram versus navigarem, cepi regiones circumcirca prospicere: post me erat Aegina, ante Megara, dextra Piraeeus, sinistra Corinthus, quae oppida quodam tempore florentissima fuerunt, nunc prostrata ac diruta ante oculos jacent. Coepi egomet mecum sic cogitare: hem nos homunculi indignamur, si quis nostrum intersit aut occisus est, quorum vita brevior esse debet, cum uno loco tot oppidorum cadavera projecta jaceant». Haec ille sapienter certe & eleganter. Vide autem, quomodo eandem cogitationem habuerit Torquatus Tassus poeta Italicus eversam Carthaginem contemplando, cantu XV in Gottfred stropha 20, cujus sensum, quia ignoto nobis idiomate scriptus est, exhibeo hic polonice, sicut eum exposuit rarus poeta Polonus Kochanowski.

Leży Kartago, y ledwie zostają
Znaki jey sity y dawney możności:
Miasta y wielkie Państwa upadają,
Nakrywa piasek pompy y wielkości.
A ludzie nędzni na swój się gniewają
Koniec, y swey się wstydzą śmiertelności.

Id vero ipsum non minus eleganter, longe tamen aliter canit Actius Sannazarius in limatissimo suo poemate de partu Virginis lib. II.

Devictae Carthaginis arces
Procubuere jacentque in vasto litore turres
Eversae. Quantum illa metus, quantum illa laborum
Urbs dedit insultans Latio & Laurentibus arvis!
Nunc passim vix reliquias, vix nomina servans,
Obruitur propriis non agnoscenda ruinis.
Et querimur genus infelix humana labare
Membra aevo, cum regna palam moriantur & urbes.

Vides in hoc auctorum consensu, quantum valeat & quem in usum serviat hujusmodi exercitium. Haec autem etiam pro exemplis hic sunto. Addamus vero aliquid & de proprio.

IIItio. Exercitium alio efferendi idiomate

Ovidianos versus aliquot (qui sunt initium elegia 7, lib. I Trist[ium] in amicum, qui in adversis fidem ei fefellit), placuit nobis olim exercitii gratia Polonico pruis, tum & Sclavonico idiomate exposuisse. Versus Ovidii sunt:

In caput alta suum labentur ab aequore retro
Flumina, conversis Solque recurret equis.
Terra feret stellas, caelum findetur aratro,
Unda dabit flammas, & dabit ignis aquas.
Omnia naturae praepostera legibus ibunt.
Parsque suum mundi nulla tenebit iter.
Omnia jam fient, fieri quae posse negabam,
Et nihil est, de quo non sit habenda fides.
Hac ego paticinor, quia sum deceptus ab illo,
Laturum misero quem mihi rebar opem.

Idem polonice.

Wspak od morża do źrzodeł póydą rżeczne tonie,
Nawtęcz y Słońce swoie zakieruie konie.
Zaorżą Niebo, ziemia w gwiazdy się rozswieci,
Ogień wodę wytoczy, woda ogień wznieci,
Wszystko póydzie na przeciw prawu przyrodzenia,
Iść swym trybem niezechce żadna część stworżenia
I co iest niepodobne, to się wszystko stanie,
Aby y nayfalszywsze, niech ma wiare zdanie.
To ja wieszczę, bom tego doznał na mnie zdrady,
Od którego w przygodzie czekał zdrowey rady.

Sclavonice vide in tabula ad finem hujus operis.

IVto. Exercitium exponendi alio atque alio metri genere vel, quod breviter, tractandi fusius & e contra

Eidem exercitationis generi subjicitur (ut ab initio capitis diximus) non minus utile exercitium, si quae alius auctor uno genere carminum

scripsit, nos alio atque alio efferamus; aut si quae ille brevius expressit, nos pertractemus fusius. Exemplo sit exercitatio nostra circa hos versiculos Catulli:

Soles occidere & redire possunt;
Nobis cum semel occidit brevis lux,
Nox est perpetua una dormienda.

Hi versus dicuntur Phaleucii, quos ita Sapphicos reddidimus:

Occidunt seri, redeuntque soles;
Cum semel nobis brevis occidit lux,
Una & aeterna trahimus rigentem
Nocte soporem.

Et eosdem in Horatianos sic convertimus:

Quod nunc Iberis fluctibus abdidit
Phoebus, serenum cras revehet jubar;
At nostra si lux in sepulchrum
Occidat, haud poterit redire.

Idem vero iterum metro Phaleucio, sed fusius sic exposuimus:

Emensi rapidis diem quadrigis
Soles Hesperiam cadunt in undam;
Sed non perpetuo latere possunt,
Ad nostros properant redire tractus
Ut lucem revehant sereniorem.
Nobis cum semel occidit brevis lux,
Immiti propere trahente fato
Frustra cras tibi polliceris ortum,
Et lapsum revocas diem redire;
Nimirum exoritur semel caditque.
Post primum tibi vesperem peractum
Nox est perpetua una dormienda.

Vto. Parodia

Huc etiam spectat celebre & a multis usitatum exercitationis genus, quod dicitur parodia. Videlicet cum ad normam poematis ab aliquo auctore editi nostrum opus ita aptamus, ut veluti vestigiis insistentes, & verba verbis, & sententiis sententias similes vel, si libuerit, contrarias & e regione oppositas conferamus. Et in hunc modum gratia exercitii finximus elegiam Divi Alexii, in qua ille liberum suum & spontaneum exsilium describit modo, quo Ovidius descripsit suum lib. I elegia 3 quae sic incipit: Cum subit illius tristissima noctis imago.

Elegia

in qua Divus Alexius spontanei sui exsilii seriem narrat

Illius cum scena subit faustissima noctis,
Quae mihi supremum clausit in orbe diem.

Cum recolo noctem, qua tot mihi vincula rupi,
Nunc quoque plena meo gaudia corde fluunt.
Aptum tempus erat, quo me de sede paterna
Praecipuus Christi cedere jussit amor.
Apta viae non hora fuit nec cura parandi,
Haerebam incertae spe trepidante fugae.
Exciderant animo famuli comitesque legendi,
Exciderat longam vestis egere viam.
Sic tremui, ceu claustra parans evadere, quemque
Spes alit effugii destituitque sui.
Ut tamen has animo tenebras ipse ausus abegit,
Consilioque suo mens recreata stetit,
Extremum nullos compello habiturus amicos.
Copia quos multos conciliarat opum.
Quod mea si nosset, quam me nova nupta teneret!
Et quanto miseras spargeret imbre genas!
Ipsa procul genetrix celsa distabat in aede,
Nec poterat facti certior esse mei.
Quocunque adspiceres, plausus citharaeque sonabant,
Laeta tui festi lux, Hymenaee, fuit.
Omnis conjugii capit aetas gaudia nostri.
Festus & in tota perstrepit aede chorus.
Grandia si parvis licet assimilare triumphis,
Talis erat facies, Roma superba, tuf.
Tamque quies hominum voces premit alta canumque,
Lunaque sublimem carpit in axe viam.
Hanc ego suspiciens, & ab hac templa omnia cernens,
Quae nostram circum crebra fuere domum.
Divi, inquam, quorum resonant hae laudibus aedes.
Tectaque jam pedibus non adeunda meis,
Vosque pio insignes heroum sanguine clivi,
Salvete ad tempus, quod volet ipse Deus.
Et quanquam clypeo non nostrum hoc munio corpus,
Flere tamen cunctos hanc prohibete fugam;
Desertoque patri, quis me subduxerit ardor.
Dicite, deflendum ne putet esse malum;
Ut quod vos scitis, genitor quoque sentiat ipse:
Irato possum non pius esse patre.
Sic ego placabam superos, verum inscia conjunx
Vota dabat votis invidiosa meis.
Illa suo fervente etiam prece pectore fusa,
Crebra fronte sacram percutiebat humum;
Verbaque in adversos effudit plurima caelos
Pro reditu dempti non valitura viri.
Nec jam cunctando spatium nox multa sinebat,
Vertebatque suos Arctos in axe gyros.
Quid facerem? patris, fateor, retinebar amore;
Sola sed ista meae nox fuit apta fugae.
Ah quoties humana mihi, quo pergere, dixit
Mens, vel quo properas ire, vel unde, vide!
Ah quoties dubiam questa est fallaciter horam,
Dandaque non certis vela negabat aquis!
Ter limen tetigi, tarde ter pondera carnis
Ad pulchra accinctos: impediere pedes.
Saepe celer factus, rursus me tardior ipso
Ingenio patriae pelliciente fui.

Saepe meum votum firmaram, & saepe refelli
Respiciens oculis tecta relicta meis.
Tandem, quid cunctor? Syria est, quo tendimus, inquam,
Roma relinquenda est, hic mora neutra bona est.
Uxor deseritur? liber mihi vindicor ipsi;
Et domus? & blandae retia rumpo domus;
Quique mihi pravo nocuissent more sodales?
O mihi perpetuo damna tremenda metu!
Dum licet, effugiam; nunquam fortasse licebit
Ulterius; damno, qua moror, hora mihi est.
Nec mora cunctari, suadentia comprimo verba,
Conduco Syriam, nec piger intra ratem.
Dum vehimur, caelo laetus mihi Lucifer alto,
Non alius nostris maestior ortus erat.
Divisum haud aliter quam si sua membra revulsa
(Ut mihi narratum est) me doluere mei.
Sic Jacob doluit, dulcis cum viscera nati
A saevis didicit dilacerata feris.
Tum vero in tetricum vertuntur gaudia luctum,
Et quae plaudebat, pectora dextra ferit.
Tum vero conjunx frustra inclamare maritum,
Et planctu profugum non revocante sequi:
Non potes avelli, sequar, ah! sequar usque per undas,
Atque exul conjunx exilis, inquit, ero;
Meque invitat iter, meque invocat extera tellus,
Nec nimium profugo sum grave navis onus.
Te jubet exilium Christi dilectio ferre,
Meque eadem solam jure manere negat.
Talia tentabat, sancti tenuere parentes,
Vixque suo suasu consilioque stetit.
Evasi (nec enim fuit hoc periisse putandum)
Squalidus illotas crine tegente genas.
Illa diu densas luctu effundente tenebras,
In media jacuit mortua pene domo.
Utque resurrexit, resolutaque membra levavit
Pulvere foedatis tristis imago comis,
Tum modo se, thalamos modo complorasse relictos
Fertur, & absentem saepe vocasse virum;
Nec gemuisse minus, quam si mea fata videret,
Et tumulo corpus traderet ipsa meum;
Et petiisse Deum, vellet sibi tollere vitam,
Sed tamen ad reditus spem revocasse meos.
Vivat & in melius convertat vota precesque,
Vivat & absenti fida sit usque viro.
Incubuit placidis Zephyrus lenissimus undis,
Aequoreasque suo flamine mulcet aquas.
Et nos Ionium securi findimus aequor,
Nec reddit trepidos ulla procella metus.
O me felicem! mitis mare permeat aura,
Summaque censetur ludere sponte Thethys.
Non quatit obversam proram puppimve retundit,
Sed tantum celerem promovet unda ratem.
Pinea texta volant, non strident vincla rudentum.
Prosperat & nostram pulsa carina fugam.
Navita securo confessus gaudia cantu
Ad propellendam non eget arte ratem.

Utque regit domitum non duris vector habenis
Et facili freno flectere suevit equum:
Sic tunc quo voluit, quo illum res ipsa vocabat,
Impavidus ventis navita vela dedit.
Quod nisi favisset divina his gratia ventis,
Tangere quis portum me potuisse putet?
Iam procul Italiae ripis post terga relictis
Dilectae Syriae litora cerno meae.
Annuat optatas, quaeso, mihi tangere terras,
Et mecum magno pareat unda Deo.
Dum loquor & trepidis attingo litore votis.
Festivam permix impulit aura ratem.
Pellite caerulei, me pellite flamina ponti,
Haec mihi propitii sit nota clara Dei.
Ponite me profugum peregrino in litore, si, quae
Terra Dei est, dici terra aliena potest.

CAPUT VI

ALIA GENERA EXERCITATIONIS EX APHTHONIO SOPHISTA

Imo. Utilitas horum exercitationis generum

Quae Aphthonius Sophista ante ingressum in rhetoricam tractanda suadet, vocatque progymnasmata seu praeexercitamenta, quasi prae foribus gymnasii oratorii exercenda, eorum aliqua si tiro poeta tractet, maximas illum vires ad grandiora quaeque poemata assumpturum puto. Sunt enim nonnulla, quae frequentem usum habent in poesi: ut descriptio, narratio, ethopoeia, comparatio, fabula, laudatio & vituperatio, de quibus hic breviter.

IIdo. Descriptio

Descriptio est oratio expositiva, quae narratione id, quod propositum est, veluti oculis subjicit. Aphth. cap. II. Describuntur autem, quae hoc versiculo comprehensa sunt:

Personae, res, gesta, ferae, loca, tempora, plantae.

Omnium descriptionum communes & praecipuae virtutes duae sunt, claritas & brevitas. Utraque facit ad rem oculis subjiciendam. Quomodo enim cerni potius quam audiri videatur id, quod, si obscure sit descriptum, etiam mentis nedum oculorum aciem subterfugiet? Sed & breviter res describi debet, ut non sensim neque per partes, sed veluti uno momento temporis totum ostendatur. Si usquam tamen alias, hic potissimum male cauti scriptores impingere solent in alterum ex illis scopulis, quod observavit Horatius lib[ro] de Arte poetica.

Maxima pars vatum (pater & juvenes patre digni)
Decipimur specie recti: brevis esse laboro,
Obscurus fio.

Videlicet aegre conciliantur istae virtutes & saepe brevitas claritati, claritas brevitati officere solet. Utraque igitur aeque curanda est, & ita breviter scribendum, ne ob hoc ipsum obscura fiat, ita clare, ne longior, quam res postulat, effundatur oratio. Ut sit ergo justa & innoxia brevitas, nihil ponatur supervacuum, nec eadem crebrius repetantur; ne longioribus periodis aut multis versibus res trahatur; cavendae longae & crebrae parentheses; synonymiae quoque frustra non congerendae; sed & nihil mancum, nihil concisum & decurtatum sit: hoc enim modo, qui brevis esse studet, fiet obscurus. Optimum sane de brevitate praeceptum est Divi Gregorii Nazianzeni epistola ad Helladium: ut scilicet narrationem aut descriptionem rerum rebus ipsis non verbis aut versibus metiamur. Ut autem sit descriptio clara, fugienda est verborum aut sententiarum ambiguitas, nimia subtilitas, frequentia acumina, neque nimia personarum rerumque congeratur multitudo; sed maxima cura sit deligere verba usitata & propria, propria dico, quae rei conveniunt, eamque bene exprimunt & enucleant, tum bonus nexus rerum, & verborum junctura adhibeatur. Vide itidem quid cujusque rei descriptio singulare sibi vindicet,

a) Loca. Et in describendis quidem locis, ut fluviis, campis, montibus & cetera tria potissimum notanda censeo, magnitudinem, habitum seu qualitatem, & circumstantias; seu considerandum est, quanta sit res, longa, lata, spatiosa, alta, profunda et cetera. Deinde qualis, quibus naturae dotibus praedita, amoena an tristis, dulcis an amara, obscura an lucida & cetera. Tum quae sibi vicina sint aut jungantur ubi videlicet in unius loci descriptione alia quoque loca attinguntur; quod v. gr. dextra montes sint, sinistra mare, ad ortum silvae, ad occasum fluvius & cetera.

b) Tempora. Descriptio autem temporis includitur in descriptione aliarum rerum potissimum locorum. Cum tempus non aliter describatur nisi quo ad habitum & mutationem locorum tali tempore accidentem; videlicet temperiem, calorem aut frigiditatem aeris, ventorum violentiam, frequentiam tonitruum & imbrium, amoenam vel tristem faciem camporum, hortorum, fluviorum, item aliarum rerum, hominum, avium & caeterorum animalium.

c) Plantae aliaeque mutae res. Plantae & aliae res mutae; ut artefactae machinae, instrumenta, arma, imagines, aedificia, vasa, vestes & id genus omnia eadem ratione describi possunt, si singulas videlicet earum partes; quales & quantae sint, & quo ordine dispositae, affabre exprimamus.

d) Personae & ferae. Nec multum differt personarum descriptio, quae eadem esse potest, & ceterorum animalium, quadrupedum, piscium, avium & cetera. in illis enim omnibus partium fit enumeratio; nisi quod, cum bruta describuntur, depingenda eorum etiam sint ingenia, feritas, astutia, velocitas, strenuitas, timiditas, sagacitas, sollertia & cetera & in personis mores ponendi ob oculos, quod ethopoeia

dicitur, de qua paulo infra breviter & plenius dicemus lib[ro] II ubi de decore poetico tractabimus.

e) Gesta sive narratio. Descriptio rerum gestarum dicitur narratio (quanquam etiam in rebus gestis narrandis singulare aliquid facit descriptio) de qua plene, ubi de magna narratione epici poematis. Hic tantum breviter dico, breves quasdam cum oratoribus tum etiam poetis accidere narrationes, quae praeter brevitatem & claritatem requirunt tertiam virtutem probabilitatem quae facit narrationem fide dignam. Erit autem probabilitas, si potissimum tria vitentur, inconvenientia, impossibilia & repugnantia. Haec breviter de descriptione & narratione, quam Aphthonius singulare ponit progymnasma, ut vere est; sed nos brevitati studentes ad unum cum descriptione titulum contraximus. Nunc ad alia transeamus.

IIItio. Ethopoeia

Occurrit autem hic ethopoeia, quam alii a prosopopoeia non distinguunt, est autem expressio vel imitatio vitae & morum alienorum. Per mores intellige non actiones modo sed & sermones, quod ipsum & prosopopoeia praestat, verum si eam ab ethopoeia distinguas, hoc habebit singulare, quod ethopoeia notae personae effingit mores, prosopopoeia vero & mores & personas fingit: hic tamen utramque sub uno nomine comprehendimus, eamque, non ut figura est (de qua loco promisso dicemus) sed, ut est certum exercitationis genus ab Aphthonio c. VI tractatum, contemplamur. Huius igitur exercitationis officium non aliud est, nisi fingere verisimiles sermones laetos vel tristes personae verae vel fictae. Et hoc modo stylum exercere valebit pro heroico & maxime pro tragico poemate, ut v. gr. quid Niobe dixisse potuit amissis liberis, quid latitans Helena, dum Troja caperetur & cetera. Pro faciliori artificio ethopoeiae assignat Aphthonius tria tempora observanda, praesens, praeteritum & futurum, in quae veluti in certa capita distinguatur tota illa vel laeta vel lugubris oratio. Quid autem in singulis temporibus dicendum sit, ille non docet; sed quia vel ipsa docente natura, cum tristia deploramus, haec dicimus, quae patimur cum vero prosperis efferimur, haec dicimus, quibus fruimur; praeterea in movendis hisce etiam affectibus praecipuam regulam esse dicunt rerum tristium vel laetarum descriptionem magistri eloquentiae: ideo hic quoque non aliunde sit artificium nisi ut, qui se hoc modo exercet, ingeniose describat statum praesentis & praeteriti temporis; & si quidem diversi fuerint, laetas res praesentes vel tristes eo ipso laetiores vel tristiores videri efficiet, quod ea cum praeterita longe alia fortuna comparabit; sin vero praesentia similia sunt praeteritis, hoc est, laeta laetis vel tristia tristibus successere, tunc vel utraque secum conferendo praeterita elevabit, & hoc ipso amplificabit praesentia, vel fortunam accusabit adeo sibi inimicam, ut

sublatis aliis alia mala suppeditet, aerumnasque aerumnis & luctus luctibus accumulet. Futurum autem respiciens, in prosperis quidem melioris & melioris fortunae spem concipiet; in adversis autem metum & desperationem de futuris malis profitebitur, pejoresque eventus sequi praesagiet.

CAPUT VII

SUBJICIUNTUR EXEMPLA EXERCITATIONUM CAPITIS PRAECEDENTIS

Imo. Exempla descriptionis poeticae

a) Loca. Tartarus. Aeneid[os] lib. VI, v. 548.

Respicit Aeneas subito & sub rupe sinistra
Moeni lata videt, triplici circumdata vallo & cet.

Idem apud Ovid. lib. IV Metamorph[oseon] v. 434.

Styx nebulas exhalat iners, umbraeque recenies.

Elysii campi Aeneid. lib. VI, v. 637.

His demum exactis.

Caci spelunca Aeneid[os] lib. VIII, v. 190.

Jam primum saxis suspensam hanc aspice rupem.

Officina Cyclopum eorumque opera VIII Aeneid[os] v. 416.

Insula Sycanium juxta latus.

Frigida regio Scythiae III Georg[icon] v. 382.

Illis clausa tenent.

Magnifica regia VII Aeneid[os] v. 170.

Tectum augustum, ingehs, centum sublime columnis.

Regia Solis Ovid. II Met[amorphoseon] statim ab initio.

Regia Solis erat sublimibus alta columnis.

Fons Hippocrene Ovid. V Met[amorphoseon] v. 264.

Quae mirata diu factas pedis ictibus undas.

Labyrinthus Daedali VIII Met[amorphoseon] v. 159.

Daedalus ingenio fabricae celeberrimus artis
Ponit opus.

Domus Somni. Ovid. XI Met[amorphoseon] 592.

Est prope Cimmerios longo spelunca recessu.

Domus Famae. XII Met[amorphoseon] v. 39.

Orbe locus medio est.

Loca varia Hispaniae Martial. lib. II, epigr. 42.

Vir Celtiberis non tacende gentibus.

Faustini villa apud eundem lib. III, epigr. 44.

Bajana nostri villa, Basse, Faustini.

Horti Julii, Mart[ialis] lib. VI, epigr. 51.

Juli jugera pauca Martialis.

Litus Formianum elegantissime describitur a Martiale lib. X, epigr. 28.

O temperata dulce Formiae litus!

Aetnae descriptio singularis apud Claudianum & apud Virg. lib. III Aeneid[os] v. 570, quae, quia elegantissima est, tota hic ponatur.

Portus ab accessu ventorum immotus & ingens
Ipse: sed horrificis juxta tonat Aetna ruinis,
Interdumque atram prorumpit ad athera nubem
Turbine fumantem piceo & candente favilla,
Attollitque globos flammarum & sidera lambit;
Interdum scopulos avulsaque viscera montis
Erigit eructans, liquefactaque saxa sub auras
Cum gemitu glomerat, fundoque exaestuat imo.

Addatur huic non minus elegans amoenissimi fontis descriptio ex Ovid. lib. III Met[amorphoseon] v. 407.

Fons erat illimis, nitidis argenteus undis,
Quem neque pastores neque pastae monte capellae
Contigerant aliudve pecus: quem nulla volucris
Nec fera turbarat nec lapsus ab arbore ramus.
Gramen erat circa, quod proximus humor alebat.
Silvaque sole lacum passura tepescere nullo.

b) Tempora & rerum vices. Nox tempestiva Aeneid[os] IV, v. 522.

Nox erat, & placidum carpebant fessa soporem
Corpora per terras.

Subita tempestas Aeneid[os] I, v. 88.

Incubuere mari totumque a sedibus imis
Una Eurusque Notusque ruunt & cet.

Idem lib. III Aeneid[os] v. 194.

Tum mihi caeruleus supra caput adstitit imber.

Idem Ovidius lib. XI Met[amorphoseon] v. 480.

Cum mare sub noctem tumidis albescere coepit
Fluctibus.

Terrae motus. Ovid. lib. XV Met[amorphoseon] v. 299.

Vis fera ventorum caecis inclusa cavernis.

Pestilentia Ovid. VII Met[amorphoseon] v. 532.

Lethiferis calidi spirarunt flatibus Austri.

Terrae incendium Ovid. lib. II Met[amorphoseon] v. 210.

Corripitur flammis, ut quaeque altissima, tellus.

Quattuor aetates Ovid. lib. I Met[amorphoseon] v. 89.

Aurea prima sata est aetas & cet.

Vernum tempus. Horat. lib. IV, ode 7.

Diffugiunt nives.

Crepusculum eleganter tribus versiculis sic descripsit idem auctor Met[amorphoseon] IV, v. 399.

Jamque dies exactus erat, tempusque subibat,
Quod tu nec tenebras nec posses dicere lucem,
Sed cum luce tamen dubiae confinia noctis.

Prae ceteris autem digna est, quae tota hic oculis subjiciatur descriptio diluvii apud eundem Met[amorphoseon] lib. I, fab. 9.

Exspatiata ruunt per apertos flumina campos,
Cumque satis arbusta simul, pecudesque virosque,
Tectaque, cumque suis rapiunt penetralia sacris.
Si qua domus mansit, potuitque resistere tanto
Indejecta malo: culmen tamen altior hujus
Unda tegit, pressaeque latent sub gurgite turres.
Jamque mare & tellus nullum discrimen habebant:
Omnia pontus erat: deerant quoque litora ponto.
Occupat hic collem: cymba sedet alter adunca,
Et ducit remos illic, ubi nuper ararat.
Ille super segetes, aut mersae culmina villae
Navigat: hic summa piscem deprendit in ulmo.
Figitur in viridi (sic sors tulit) anchorae prato
Aut subjecta terunt curvae vineta carinae:
Et modo qua graciles gramen carpsere capellae:
Nunc ibi deformes ponunt sua corpora phocae.
Mirantur sub aqua lucos, urbesque, domosque
Nereides, silvasque tenent delphines, & altis
Incursant ramis, agitataque robora pulsant.
Nat lupus inter oves: fulvos vehit unda leones:
Unda vehit tigres; nec vires fulminis apro,
Crura nec ablato prosunt velocia cervo.
Quaesitisque diu terris, ubi sistere possit,
In mare lassatis volucris vaga decidit alis.
Obruerat tumulos immensa licentia ponti:
Pulsabantque novi montana cacumina fluctus.
Maxima pars unda rapitur: quibus unda pepercit,
Illos longa domant inopi jejunia victu.

c) Personae earumque affectus & actiones. Persona ficta **Famis** describitur. Ovid. lib. VIII, fab. 14.

Quaesitamque Famem lapidoso vidit in agro. & cet.

Item Invidiae. Ovid. Met[amorphoseon] VI, fab. 16.

Concussae patuere fores & cet.

Item Famae. Virg. Aeneid[os] VI, v. 173.

Extemplo Lybiae magnas it fama per urbes & cet.

Famelici & voracis. Ovid. Met[amorphoseon] VIII, fab. 15.

Lenis ad huc somnus placidis Erysichthona pennis
Mulcebat & cet.

Item describitur Argus homo centoculus. Ovid. Met[amorphoseon] I, fab. 16.

Centum luminibus vinctum caput Argus habebat & cet.

Species & actio furentis in Athamante. Ovid. Met[amorphoseon] IV, fab. 12.

Protinus Aeolides media furibundus in aula & cet.

Habitus Furiae. Ovid. Met[amorphoseon] IV, fab. 11.

Nec mora: Tisiphone madefactam sanguine sumit
Importuna facem & cet.

Hercules furens Ovid. Met[amorphoseon] lib. IX, fab. 3.

Incaluit vis illa mali & cet.

Ejusdem furores fusius describuntur a Seneca Tragoedo in tragoedia Herculis Furentis.

Hippomenes cum Athalanta cursu decertans, ubi pulcherrima exponitur species currentium. Ovid. Met[amorphoseon] X, fab. 15.

Signa tubae dederant & cet.

Cyllarus Centaurus formosissimus. Ovid. Met[amorphoseon] XII, fab. 5.

Barba erat incipiens & cet.

Herculis & Acheloi lucta. Ovid. Met[amorphoseon] IX, fab. 1.

Congrediturque ferox & cet.

Pugna Aeneae & Turni. Virg. Aeneid[os] XII, 710.

Atque illi, ut vacuo patuerunt aequore campi & cet.

Ira Cyclopis Polyphemi. Ovid. Met[amorphoseon] XIV, fab. 5.

Ille quidem totam gemebundus obambulat Aetnam & cet.

Ejusdem Polyphemi speciem totam hic subjicere placet ex Virg[ilio] III Aeneid[os] 618.

Domus sanie, dapibusque cruentis,
Intus opaca, ingens. Ipse arduus, altaque pulsat
Sidera (dii talem terris avertite pestem)
Nec visu facilis, nec dictu affabilis ulli.

Visceribus miserorum, & sanguine vescitur atro.
Vidi egomet, duo de numero cum corpora nostro
Prensa manu magna, medio resupinus in antro
Frangeret ad saxum sanieque aspersa natarent
Limina. Vidi atro cum membra fluentia tabo
Manderet, & tepidi tremerent sub dentibus artus.

Sit & perelegans exemplum, in quo species moribundi hominis expressa exhibetur, in Didone moriente. Virg. Aeneid[os] IV, v. 688.

Illa graves oculos conata attollere, rursus
Deficit; infixum stridet sub pectore vulnus.
Ter sese attollens, cubitoque innixa, levavit:
Ter revoluta toro est, oculisque errantibus alto
Quaesivit caelo lucem, ingemuitque reperta.

d) Ferae. Draco & ejus pugna cum Cadmo. Ovid. Met[amorphoseon] III, fab. 1.

Et specus in medio virgis ac vimine densus & cet.

Alius draco Ovid. Met[amorphoseon] VII, fab. 1.

Pervigilem superest herbis sopire draconem & cet.

Serpens Calabricus Virg. Georgic[on] III, v. 425.

Est etiam ille malus Calabris in saltibus anguis.

Tauri Aeripedis. Ovid. Met[amorphoseon] VII.

Ecce Adamanteis vulcanum naribus efflant
Aeripedis tauri & cet.

Morbo infectus equus. Virg. Georg[icon] III, 495.

Labitur infelix studiorum atque immemor herbae
Victor equus & cet.

Equus generosus. Virg. Georg[icon] III, 75.

Continuo pecoris & cet.

Pugna taurorum & ferocia, Georg[icon] III, 220.

Illi alternantes & cet.

Bos formosus. Ovid. Met[amorphoseon] III, fab. 17.

Induitur faciem tauri & cet.

Phoenix. Ovid. Met[amorphoseon] XV, fab. 5.

Una est, quae reparet, seque ipsa reseminet ales & cet.

Taurus peste infectus apud Virgilium, lib. III Georg[icon] v. 515, cujus descriptio tota hic subjicitur:

Ecce autem duro fumans, sub vomere taurus
Concidit et mistum spumis vomit ore cruorem
Extremosque ciet gemitus; it tristis arator
Maerentem abjungens fraterna morte juvencum
Atque opere in medio defixa relinquit aratra.

Non umbrae altorum nemorum, non mollia possunt
Prata movere animum, non qui per saxa volutus
Purior electro campum petit amnis. At ima
Solvuntur latera, atque oculos stupor urget inertes,
Ad terramque fluit devexo pondere cervix.

e) Res inanimatae, v. g. Ramus aureus. Virg. Aeneid[os] VI, 137.

Aureus & foliis & lento vimine, ramus.

Ibidem paulo inferius idem ramus describitur v. 204.

Discolor, unde auri per ramos aura refulsit.

Textura telarum cum imaginibus. Ovid. [Metamorphoseon] VI, fab. 2.

Cecropia Pallas scopulum Mavortis in arce & cet.

Sed omnium longe elegantissima descriptio. Virg. Aeneid[os] VIII, 625, qua clypeus Aeneae a Vulcano excusus cum imagine futurorum eventuum Romanorum a fabro exprimitur; aliquam ejus partem placet hic subjicere.

Clypei non enarrabile textum
Illic res Italas, Romanorumque triumphos,
Haud vatum ignarus, venturique inscius aevi,
Fecerat ignipotens: illic genus omne futurae
Stirpis ab Ascanio, pugnataque in ordine bella
Fecerat & viridi foetam Mavortis in antro
Procubuisse lupam; geminosque huic ubera circum
Ludere pendentes pueros, & lambere matrem
Impavidos; illam tereti cervice reflexam
Mulcere alternos, et corpora fingere lingua.
Nec procul hinc Romam & raptas sine more Sabinas & cet.

IIdo. Exempla narrationis poeticae

a) De Orpheo. Virg. Georg[icon] IV, 464.

Ipse cava solans aegrum testudine amorem & cet.

b) De Niso & Euryalo. Aeneidos [a] IX, 308.

Protinus armati incedunt & cet.

c) De Caco. Aeneid[os] VIII, 190.

Jam primum saxis suspensam hanc aspice rupem & cet.

d) De eodem. Ovid. I Fast[orum].

e) De expeditione sua in exsilium. Ovid. Trist[ium] I, eleg. 3.

Cum subit illius tristissima noctis imago & cet.

f) De nece Polydori. Aeneid[os] III. 22.

Forte fuit juxta tumulus & cet.

---

[a] *Исправлено вместо* Georg.

g) De astu Tarquinii & ejus filii. Ovid. Fast[orum] II, 685.

Nunc dicenda mihi Regis fuga & cet.

h) De Batto. Ovid. Metam[orphoseon] II, fab. 14.

Senserat hoc furtum nemo, nisi natus in illo
Rure senex & cet.

i) De Philemone & Baucide senibus. Ovid. Met[amorphoseon] VIII, fab. 10.

Sed pia Baucis anus parilique aetate Philemon & cet.

Totum deinde heroicum poema Virgilii, omnes libri Metamorphoseon Ovidii ejusdemque Fasti ceterorumque poetarum scripta heroica selectissimis narrationibus referta sunt. Placet hic unam vernaculo idiomate subjicere, ex Torquato Tasso polonice reddito. Paeane IX. 27.

Wtym z jedney roty która nastąpiła
Skoczył Włoch jeden przy Tybrze zrodzony:
Którego siły ani okrociła
Praca, ani wiek laty nachylony.
Piąci mial synow, ktoremi gdzie była
Naysroższa bitwa, chodził otoczony,
A z młodu jeszcze wyknęli do zbroje,
W czas się na przyszłe zaprawjąąc boje.

Za oycowskiemi y teraz przykłady,
Ostrzyli na krew, y serca y broni:
Pośpieszmy, dzieci, tam kędy szkarady
Pastwi się Tyran, y lud płochy goni.
Żaden się nie trwoż, żaden nie bądź blady,
Że naszych biją, że są we złey toni.
Mała ta sława, moja droga młodzi,
Która bez żadney przewagi przychodzi.

Tak Lwica sroga Libiyskiey Pustyniey
Dzieci, u których jeszcze zęby małe,
Małe paznokcie, wywodzi z jaskiniey
I wprawuie je w zwierze okazałe.
A one matki posłuszne mistrzyniey:
W co urodziwszych tylko zęby śmiałe.
Biorąc z macierze przykład utapiają,
A źwierz co mnieyszy imo się puszczają.

Szedł za młodemi dobry Oyciec syny,
I Solimana wszytka sześć opadli:
Chcąc go wraz wszyscy wziąć na rohatyny,
Które mu w boki z obie stronie kładli.
Ale syn starszy uprzedził rodziny,
I kiedy bracia z Oycem na nim padli:
On rżucił oszczep, y z tasakiem spodnim,
Skoczywszy podeń, chciał konia skłóć pod nim.

Lecz jako kamień niepożytey skały
Co do pól bokow w morzu wielkim stoi:
Odpiera deszcze, wiatry, gromy, wały,

I Jowiszowych gniewów się nie boi.
Tak na oszczepy, na miecze niedbały,
Bespieczny stoi poganin w swey zbroi.
I temu co chciał dosiąc sztychem brzucha
Jego koniowi, przeciął leb do ucha.

Aramant widząc że brat jego miły,
Już był na ziemi tak srodze raniony:
Chciał go wznieść, ale próżne pracy były,
Bo y sam na nim poległ obalony.
Podciął mu wszytkie u ramienia żyły,
I tak upadał koniem potrącony.
Jeden na drugim obadwa konają,
Oba krew y dech ostatni mieszaią.

Przeciął we srzodku oszczep u Sabina,
Którym go sięgał z daleka po oku:
Lecz y ten ranę wziął od poganina,
Cięty w słabiznę u lewego boku
Długo się męczył, y nie chciał chudzina
Wielkim oporem do wiecznego mroku.
Dusza przez dzięki ciała odbiegała,
I przez gwałt prawie świat zostawowała.

Lorenc z Bonfinem ci byli zostali
Oba bliznięta, a tak jednakowi:
Że się rodzicy sami omylali
I często swemu śmiali się błędowi.
Ale się teraz barzo rożni stali
Bo łeb do czysta uciął Lorencowi,
Tobie (o twarda różnico) Bonfinie,
Z piersi rościętych krew strumieniem płynie.

Ociec, nie więcey Ociec (o żałości)
Straciwszy wszytkie syny nieszczęsliwy:
Patrzy na trupy, a żal mu przez kości
Przeymuie serce wielkie przeraźliwy.
Żaden tak mocney nie widział starosci,
Że żywy został, u mnie wielkie dziwy:
I bił się przecie, pono z tey przyczyny,
Że konające nie patrzył na syny.

Więc y życzliwe ciemnosci tak chciały,
Że mu częsc żału zakryły onego:
Nie chce w nim umysł zwycięstwa wspaniały,
Gdzieby nie zgubił sam siebie samego.
Żywotem wzgardził, o swą krew niedbały
Nieprzyiaciela krwie pragnie swoiego:
I nie rozeznać, co chce y co woli,
Umrzeć, czy zabić, tak go serce boli.

Zawoła potum: Takli to wzgardzona
Ta moja ręka, y takeiy słabosci:
Że wszytką siłą na cię usadzona,
Nie może na mię wzbudzić twey srogości.
W tym ją wyniesie, ona wyniesiona
Spadając z góry przecięla do kości
Lewego boku, tak że mu krew z ciała
Polerowaną zbroję popluskała.

Za oną raną, za onym wołaniem
Obróci się nań Tyran jadowity:
Przeciął mu zbroię przeciął Puklerz na nim,
Choć siedmioraką skórą był okryty.
I w brzuchu mu miecz utopił, że za nim
Wyradła dusza pospuli z jelity.
Mdleje nieborak, a krew na przemiany
To z gęby leje to z otwartey rany.

Iako na Tatrach dąb nieprzełomiony,
Na gniew Jowiszow długi wiek niedbały:
Gdy go na koniec wsciekłe Aquilony
Wywrócą, wali za sobą las mały.
Tak y ten poległ, a z obojey strony
Kupami trupy na koło leżały.
Z taką cny rycerz umierał ozdobą,
Ciągnąc na on swiat tak wielu za sobą.

IIItio. Exempla ethopoeiae poeticae

a) Evandri filium cum Aenea in bellum expedientis. Virg. Aeneid[os] VIII, 560.

O mihi praeteritos referat si Juppiter ànnos & cet.

b) Aeneae cum Pallanta filium regis Evandri a Turno occisum deploraret. Virg. Aeneid[os] XI, 42.

Tene, inquit, miserande puer, cum lata venirent,
Invidit fortuna mihi & cet.

c) Ejusdem Aeneae, ubi milites ad fortia quaeque cohortantur. Virg. Aeneid[os] I, 202.

O socii! neque enim ignari sumus ante malorum & cet.

d) Ejusdem. Aeneid[os] VI, 56. cum jubente Sibylla deos precaretur.

Phoebe, graves Trojaesempermiserate labores & cēt.

e) Apud Propertium janua in domo meretricis queritur, I, 16.

Quae fueram magnis olim patefacta triumphis.

f) Ovidii vel cujuscunque alius sub Ovidii nomine nux lamentans:

Nux ego juncta viae, cum sim sine crimine vitae & cet.

g) Terrae, incendium a Phaetonte excitatum non ferentis & cum dolore indignationeque sic conquerentis in Jovem. Ovid. Met[amorphoseon] II, 3.

Si placet hoc meruique, quid o tua fulmina cessant
Summe deum? liceat perituraе viribus ignis,
Igne perire tuo clademque auctore levare.
Vix equidem fauces haec ipsa in verba resolvo:
(Presserat ora vapor) tostos en aspice crines,
Inque oculis fumum: volitant super ora favillae.
Hos ne mihi fructus? hunc fertilitatis honorem,

Officiique refers, quod adunci vulnera aratri
Rastrorumque fero, totoque exerceor anno?
Quod pecori frondes, alimentaque mitia; fruges
Humano generi; vobis quoque thura ministro?
Sed tamen exitium fac me meruisse: quid unda?
Quid meruit frater? cur illi tradita sorte
Aequora decrescunt, & ab aethere longius absunt?
Quod si nec fratris, nec te mea gratia tangit:
At caeli miserere tui: circumspice, utrinque
Fumat uterque polus, quos si violaverit ignis;
Atria vestra ruent. Atlas en ipse laborat,
Vixque suis humeris candentem sustinet axem.
Si freta, si terrae pereunt, si regia caeli,
In chaos antiquum confundimur. Eripe flammis,
Si quid adhuc superest, & rerum consule summae.

CAPUT VIII

DE ALIIS APHTHONII PRAEEXERCITAMENTIS, COMPARATIONE, LAUDATIONE, VITUPERATIONE, ET FABULA

Imo. Comparatio

Comparatio est oratio ex collocatione aliquid disquirens, quo id, quod comparatur, in majus extollat, aut ostendat aequale. Sic comparationem explicat Aphthonius, cujus ultimis verbis haec debere adjungi videntur: aut in minus deprimat. Quando scilicet rem cum re alia comparamus in aliquo, & comparando disquirimus, quaenam res aliam rem superet, aut superetur ab alia. Ex hac comparationis explicatione palam fit, quis sit ipsius usus? Nimirum potissimum per comparationem assequimur, si aliquando parvum amplificando efficere magnum volumus: aut vice versa. Idque fit duplici modo:

1) Si id, quod comparo, huic, cui comparo ostendam esse aequale.
2) (Quod quidem potentius est) si ostendam majus vel minus esse.

Porro modus comparandi talis fere est: non tota res toti conferri debet, hoc enim esse supinum & inefficax dicit Aphthonius: sed unius rei membra cum membris alterius sigillatim collata indicentur: quod facile fiet per considerationem adjunctorum utriusque rei, quae comparatur. Ut, si vitam divitem cum privata conferre velis, & intendas beatiorem ostendere hanc, quam illam; considera utriusque adjuncta & primo quidem: locum, quod scilicet aedes divitum centum columnis incumbant, aureis fastigiis rutilent, pretiosis intus aulaeis vestiantur. Pauperum contra, parvae & humilis casae palustri arundine tectae, ligneis furcis suffultae, atque in eum duntaxat usum exstructae sint, ut caeli intemperiem & injuriam temporum arcere valeant. Deinde divitum & pauperum considerabis cultum, & illos quidem auro distinctis vestibus, hos simplici panno & centonibus involutos videbis. Tum victum, & videbis illic exquisita & longinquo

ab aequore portata edulia; hic autem facilem & parabilem mensam, eamque non satietati, nec deliciis, sed vix necessitati naturae sufficientem. Tum frequentiam comitum utrinque conspicies, ex parte quidem divitum quod ait Claudianus:

Turba salutatum laetas ibi perstrepit aedes;
Hic avium cantus, labentis murmura rivi.

Ut unam rem comparando cum alia extollas supra alteram, vel deprimas infra, efficies id:

1) Si singula utriusque capita per se sibi adversa, aut sese superantia erunt.

2) Si in singulis illis comparationis capitibus plus, aut majus aliquid uni, quam alteri rei tribuetur.

3) Si jam in extremo tale aliquid in una re ostendetur, quo solo omnia alterius rei capita superabuntur.

E. g. De privata & regia vita disputans, post comparationem & collationem omnium adjunctorum dixisses in fine: omnia quidem hic splendida esse, sed omnia non secura periculi & metus plena; contra ibi obscura quidem cuncta, sed tuta tamen nec invidiae obnoxia.

Multa sunt poeticae comparationis in scriptis poetarum exempla, praecipue apud Martialem item Ovidium Trist. & de Ponto, quae hic vacat exprimere. Subjiciantur autem pro exemplo illustrissimi & doctissimi viri bene de collegio nostro meriti, pauci versiculi sclavonici, in quibus ille cum Beatissima Virgine sic pie sese confert. Quos versiculos vide in tabula ad finem hujus operis.

Subjicio huic, non ut comitem, sed ut pedisequam famulam nostram etiam exercitationem, in qua beatam vitam monasticam cum aerumnosa civili comparamus. Idque facimus ficto ut declamatorum moris est casu.

Comparatio vitae monasticae cum civili, in qua filius ad monasterium sponte profugus respondet patri ab incepto illum retrahenti

Quid me sollicitis retrahis, pater anxie, votis
Securum in tuto nec sinis esse loco?
Quo me caece rapis? quo tecum ignare viarum
Ibimus? errandi qua via crebra patet.
Scilicet, ut demens votum inviolabile frangam?
Et tantum patrio prodiit ore nefas!
Quid tandem est quod me divina hac compede solvat
Et captum in mundi retia dura trahat?
Praesideas judex & vitam confer utramque.
Haec citra dubium portus; at illa mare est:
Illic angorum curarumque aestuat aquor;
Hic sobriae mentes, hic manet alta quies:
Ambiguis illic dubiisque agitatur in undis;
Hic currit Zephyro morigerante ratis;
Vos strepitus rumorque trucis circumsonat urbis.
Atque animum juris non sinit esse sui;

Nos retinent tacitae tranquilla silentia cellae,
Aut silvae umbrosae pacificumque nemus:
Nos magni vates cinxere patresque diserti;
Vos scurrae & vilis plebs olidique coci.
Nutatis pavidi crebros atrocis ad ictus
Fortuna assiduo faucia corda metu.
Arbitrium caecae dominae contempsimus ultro,
Ridemusque minas blanditiasque suas.
Quaeso quid est, quod tanta pati vos, tanta subire,
Et quod nos aliam cogit inire viam?
Fluxum, nescio, quid vobis & inane paratur;
Aeternum nostra quaeritur arte decus.
O quot te miserum est opus objectare periclis,
Dum petitur vani parvus honoris apex!
O quantum trepidante jugum cervice ferendum est,
Principis offensus dum reparatur amor!
Non ea mens nostri est; non haec sunt pectora regis;
Dum parcit facilis; dum dat opimus adest.
Quid memorem tristes casus tragicasque querelas,
Quas subitas vobis ferre vel hora potest?
Nos quoque ploramus; sed quam diversus ab illo
Hic dolor est! (dici si dolor iste potest);
Flemus, ut aeterna mereamur gaudia vitae;
Fletis, quod laeti praeteriere dies.
Interea propius male cauti accedítis Orco,
Et teritis dirae limina maesta domus.
At nos prospicimus plenis caeli atria votus,
Firmaque spes magni stat pietate Dei.

IIdo. Laudatio

Laudatio est oratio bona alicujus enumerans. Et vituperatio est oratio recensens mala.

Laudantur singulari quidem nomine personae, ceterum & omnes res aliae seu laudem, seu vituperationem admittere possunt, adeo ut Catullus passerem, Virgilius culicem, Martialis catellam lib. I epigr. 88, Majoragius lutum laudaverint. Encomia ejusmodi seu animi gratia, seu ad fallendas horas, seu ad ingenii dexteritatem ostentandam fecerunt illi auctores. Ceterum etiam seriae laudes avium, piscium, quadrupedum, locorun, temporum, plantarum aliarumque rerum sensu & animo carentium accidere solent.

Artificium laudis & vituperii idem fere est, petiturque ex adjunctis rerum, quaerendo in illis seu bona seu mala rei propositae, quae in laudem aut vituperationem enumerentur. Tamen praeter boc generale praeceptum singularia quaedam, circa aliquas ex enumeratis rebus observanda sunt. Et quidem:

a) Personae laus in hisce fere momentis continetur omnis:

1) Quale genus habuit? Genus autem dividitur in patriam, majores, parentes. Quae si digna fuerint, dices virum illum, quem laudas accepisse splendorem ab iis, sed in se magis auxiise, & ipsam patriam ipsumque genus longe clarissimum clarius adhuc virtute sua

veluti luce luci addita effecisse. Quodsi fuerit patria aut genus ignobile, dices illum praeclaris suis facinoribus patriae ac generis obscuritatem illustrasse.

2) Quae fuerit educatio? Educatio consistit in pietate erga Deum & parentes, in disciplina civili, in institutione morum in bonarum artium studiis. Hic dicendum sub quibus aut praeceptoribus in litteris, aut ducibus in militia profecerit.

3) Praecipuum laudum omnium caput enumerare dotes personae, quae sunt triplicis generis: corporis, animi & fortunae.

Corporis bona sunt: proceritas, agilitas, velocitas pulchritudo & cet. Quomodo Virgilius laudat Aeneam:

Os humerosque deo similis.

Et multas hujusmodi laudes cum in ipsius Aeneide, tum in Ovidii Metamorphosi invenies.

Dotes vero animi sunt: ingenium, memoria, judicium. Huc spectat, quidquid juste, temperate, fortiter, sapienter factum sit, omniumque virtutum congeries, quae non simpliciter omnes enumerari debent, sed potissimum amplifacandae sunt. De amplificatione tamen nihil hic, sed lib. II, ubi de poesi Heroica. Hic tantum dico amplificationem omnem sumi potissimum ex adjunctis. Ea autem adjuncta colligenda sunt, quae rem propositam augere videntur. Ita fiet, ut res, quae non est, vel non videtur esse magna, subinde maxima appareat, sicut parvus torrens confluentibus undique in unum rivis, in ingentem fluvium solet excrescere.

Dotes fortunae habentur: principatus, honores, potentia, divitiae, amici & cet.

a) Non parvum momentum laudi affert etiam comparatio, per quam persona, quae laudatur aut coaequata alteri, aut praelata altius extollitur.

Nota hic tamen non omnia haec semper enumerari debere, sed pleraque per figuram praetermissionis perstringi possunt, pleraque prorsus subticeri. Maxime enim laus exsurget, vel ex sola virtutum commemoratione, quarum tamen praecipuis tantum & principalibus ad longiorem amplificationem selectis, ceterae breviter amplificatae percurrantur.

b) Animalium ratione carentium laus in descriptione corporis, in enumerandis proprietatibus mirisque dotibus naturae, in usu, qui ex ipsis percipitur, consistit. Adduntur & singularia quaedam, ut voces, loquelae & gestus mirabiles, quae omnia per industriam hominum animantes solent addiscere. Horum multae laudes sunt apud Virg. lib. III, & IV, Georg[icon]. Ut & haec brevis sed sufficiens laudatio boum est apud Ovid. lib. XV Metamorph[oseon] fab. 2.

Quid meruere boves animal sine fraude doloque,
Innocuum, simplex, natum tolerare labores?

c) Plantae ut vitis, oliva, malus, lilia, rosae, violae & cet. laudantur a descriptione formae, a colore, odore, ab innatis dotibus, ac potissimum ab utilitate, quam in usum vitae humanae conferunt. Et hujus generis exempla quaere apud Virg. lib. I & II Georgic[on].

d) Temporum laudatio, ut veris, aestatis, autumni, hiemis, noctis, diei & cet. tota fere est in enumerandis commodis & utilitatibus, quas secum afferunt, interdum etiam in descriptione.

e) Locorum laudatio est omnium frequentissima & sumitur:

1. A quantitate & qualitate.
2. A rebus circumjacentibus.
3. A commodo & utilitate.

Inter omnia vero loca urbes praecipue sunt, quae sibi laudem vendicare solent. Eas vero laudandi ratio triplici fere hoc momento constat:

1) Quae praesentem urbis statum longe antecesserunt eaque sunt: conditor, antiquitas, cives atque earum gesta, bella, victoriae, triumphi.

2) Ea, quae sunt nunc praesentia, domus, aedificia, templi, civium cultus, divitum, fortium, doctorum religiosorum frequentia, eventus varii insecuti prosperi vel adversi. Urbes enim, non modo, quod floreant, sed & quod per varios fortunae casus defloruerint, merentur laudem. Quod enim hostium invidiam in se concitarunt, luculentum testimonium habent, fuisse illas amplas, opulentas, potentes.

3) Ea quae perpetuo urbi adjuncta sunt: ut, loci amoenitas, aeris salubritas, fertilitas agrorum, vicinitas & utilitas fluminum, montium, camporum, silvarum, situs a natura munitus & cet.

Animadverte hic, quod laudationes plantarum, locorum & temporum similes ac fere eaedem sunt cum descriptionibus: hoc tantum inter eas discrimen intercedere, quod laudatio ea duntaxat enumerat, ex quibus laus rei oriri possit; simplex vero descriptio omnia sive in malam sive in bonam partem sumatur,[a] modo in re, proponit ob oculos.

Laudataio Borysthenis

Salve, magne Pater, magnarum dives aquarum,
Ut cunctos opibus vincis, sic laudibus amnes
Exsuperare potes. Quae tam spatiosa fluenti
Est moles? Ultra teli disjuncta volantis
Litora sunt jactum. Fusa est speciemque referre
Aequoris & Ponti fieri Thetis aemula gaudet.
Aut quaenam ista furit rapidi violentia fluctus
Annosis quercus radicibus abstrahit altis;
Quin etiam excelsi vehemens ingentia montis
Membra rapit patiturque nihil durare, quod obstet,
Cursibus horrisonis; tractumque exosus eundem
Saepe locum mutat, spretasque relinquit arenas.

---

[a] *Исправлено вместо* sumantur

Praetereo puris nitidus quod fulgeat undis,
Quod potus faciat sitienti dulce palato
Libamen, crudosque cibos fervore subactus
Molliat exiguo, fundo quod flavus in imo
Clareat & fallax mentitum venditet aurum.
Quis satis istarum mirari possit amoenos
Riparum tractus, ut lucet utrinque decora
Naturae facies! Roseum Titanis ad ortum
Pinguia prata virent, pecorique alimenta ministrant;
Occasum versus montana cacumina surgunt,
Innumeras ubi nutrit apes densissima silva.
Et bene majores dixere Borysthenis amnem
Jam mellis plenos, jam lactis volvere fluctus.
Quid memorem laetis tot rura, tot oppida ripis,
Tot positas urbes quae tot tibi tantaque vitae
Munera & ingentum fluviorum maxime partem
Acceptam referunt? Et, quae suprema tuarum
Sunt laudum monumenta, tibi tot commoda debet
Urbs hac ipsa, decus patriae, materque potentis
Imperii. Illius tu moenia perluis ampla
Exhilarasque plagam, solis quae spectat ad ortum.
Quid quod comportas tantas ad litora merces,
Lignorum lapidumque struem calcemque tenacem
Materiam templis & magnis aedibus aptam.
Adde, quod instructas numeroso milite naves
Expedias, ipsique minas gelidumque timorem
Incutias Ponto: patriam sed fortior omni
Muro defendas & dirum finibus hostem
Excludas aditumque tui formidine claudas.

IIItio. Fabula

Fabulam, quae apud Aphthonium primo loco inter progymnasmata posita est, non eam fictionem intellige, quam heroici vel tragici poetae ad ornanda sua opera invenire solent, sed brevem quandam parabolam seu narrationem non veram quidem, at verosimiliter fictam, qua non poetae duntaxat, verum & oratores passim utuntur, quod admonitionibus sit idonea & erudiendis imperitioribus apta, inquit Aphthonius.

Ea fere sit ex similitudine aliqua seu vera, seu verosimili. Sed a similitudine differt ratione & modo, quo tractari solet. Tractatur enim potissimum apud poetas cum effictione, hypotiposi, ethopoeia, prosopopoeia. Finguntur personae agentes, colloquentes; variis turbatae affectibus; nec homines tantum, verum & aves, & ferae, & pisces, & res aliae inanimatae actum & animos assumunt. Unde triplex genus fabularum est: Aliae enim sunt rationales, quibus fingimus hominem aliquid facere. Aliae morales, quae ratione carentium mores imitantur. Aliae mixtae, in quibus utrumque rationale & irrationale jungitur.

Varias deinde habent appellationes receptis pro inventorum varietate nominibus, nam modo dicitur Sybaritica, modo Cylix, modo Cypria, modo Lybica, modo Aesopica.

Sybaritica dicitur a Sybaritarum gente voluptati deditissima, quae cum omnia ad luxum verteret, etiam in sermone contemnebat seria; sales vero, lepores, & fabellas ad voluptatem effingebat.

Cylix a Cylicia minoris Asiae regione nomen traxit; Cylices enim ut vani & nugaces olim notati fuerunt Graecorum proverbio, quod latine sic redditur; Cylix haud facile verum dicit. Et aliud proverbium est: tria kappa pessima, per quod notabantur gentes Cappadoces, Cretenses & Cylices.

Cypria a Cypro, quae inter Siriam & Cyliciam in mari Carpathio insula est luxu pariter & deliciis famosa; unde & Venus voluptatum dea in Cypro maxime colebatur, dictaque est Cypria, Cytherea, Paphia a locis Cypriis illi consecratis.

Lybica, cujus meminit Priscianus in praeexercitamentis, dicta est a Lybia, quae ut variarum ferarum ac monstrorum est ferax, ita hominum ingenia ad fabulas propensa habuit; ex quo crevit proverbium: Lybica fera, id est homo vafer, callidus, versipellis, variis moribus ancipitique ingenio ut ait Erasmus in Libro proverbiorum.

Vulgatiore tamen titulo Aesopicae fabulae appelantur, tum quod plures, tum quod elegantiores & magis ad sapientiam accommodatas Aesopus conscripserit, quare & in numero sapientum habitus est, & cujus fabulae in tanto fuerunt usu, ut qui eas non legisset, indoctior reputaretur, rudesque homines ejusmodi carperentur proverbio: ne Aesopum quidem trivisti teste Scaligero Libro proverbiorum.

Fabula duas partes de more sortita est: Promythion id est praefabulationem seu ipsam fabulam, & Epimythion id est affabulationem, in qua videlicet, quod fabula doceat, propriis verbis exponitur.

Etiam ratio tractandae fabulae duplex est: brevior & fusior.

Brevius tractatur fabula, quae profertur simplici narratione, ut fere omnes suas Aesopus tractavit.

Fusius vero, si sermo personis inductus fingatur, earumque mores, ritus, gestus, consilia, affectus exprimantur. Utriusque tractationis exempla hic subjicio. Est fabula apud Horatium lib. II Satyr. 6 de urbano & rustico mure, quam ille fuse exposuit, nos exercitationis gratia sic breviter complectimur:

Exemplum fabulae brevius tractatae de rustico & urbano mure

Rusticus urbanum murem mus paupere tecto
Excepit, rurisque dapes porrexit inemptas.
Et laeta petiit, foret hospes, fronte; sed urbis
Incola pauperiem mensamque perosus agrestem,
Urbis ad illecebras invitat gratus amicum.
Conveniunt. Lauto fiunt obsonia luxu:
Verum epulas inter medias fortuna favorem
Inconstans vertit, verso fit cardine stridor,

Diffugiunt ambo: notum petit aulicus antrum,
Rusticus ignotas calles fraudesque viarum.
Multum luctatus, caeca cum nocte pererrat,
Vixque dein trepidus certas evadit ad oras
Ac specum, subiens: salve, inquit, paupere victa
Paupertas secura: vale male tuta voluptas,
Atque alios post hac pretiosis decipe mensis.
Nec me munde dehinc ad munera magna vocabis,
Invidiosa nimis, multis objecta periclis.
Dulcior exiguo facilique parabilis aere
Caena est, non trepida liceat quam sumere dextra;
Quam si ad regifico convivia marcida luxu
Assideam trepidus varios exsanguis ad ictus
Fortunae instabilis. Nocet empta dolore voluptas.

Exemplum fabulae ejusdem fusius tractatae de mure rustico & urbano sic Horatius

Rusticus urbanum murem mus paupere fertur
Accepisse cavo, veteram vetus hospes amicum:
Asper & attentus quaesitis, ut tamen arctum
Solveret hospitiis animum: quid multa? neque illi
Sepositi ciceris, nec longae invidit avenae:
Aridum & ore ferens acinum semesaque lardi
Frusta dedit: cupiens varia fastidia cena
Vincere tangentis male singula dente superbo:
Cum pater ipse domus, palea porrectus in horna
Esset ador, loliumque, dapis meliora relinquens:
Tandem urbanus ad hunc: Quid te juvat (inquit), amice,
Praerupti nemoris patientem vivere dorso?
Vis tu homines urbemque feris praeponere silvis:
Carpe viam, mihi crede, comes: terrestria quando
Mortales animas vivunt sortita. Neque ulla est
Aut magno aut parvo leti fuga; quo, bone, circa
Dum licet, in rebus jucundis vive beatus.
Vive memor, quam sis aevi brevis. Haec ubi dicta
Agrestem pepulere, domo levis exsilit; inde
Ambo propositum peragunt iter urbis aventes
Moenia nocturni subrepere. Jamque tenebat
Nox medium caeli spatium, cum ponit uterque
In locuplete domo vestigia, rubro ubi cocco
Tincta super lectos canderet vestis eburnos,
Multaque de magna superessent fercula cena,
Quae procul exstructis inerant hesterna canistris,
Ergo ubi purpurea porrectum in veste locavit
Agrestem, veluti succinctus cursitat hospes
Continuatque dapes, nec non verniliter ipsis
Fungitur officiis, praelambens omne, quod affert,
Ille cubans gaudet mutata sorte, bonisque
Rebus agit laetum convivam, cum subito ingens
Valvarum strepitus lectis excussit utrumque.
Currere per totum pavidi conclave magisque
Exanimes trepidare, simul domus alta Molossis
Personuit canibus. Tum rusticus, haud mihi vita
Est opus hac (ait) & valeas! me silva cavusque
Tutus ab insidiis tenui solabitur ervo.

Haec sufficiunt exercitationis genera & exempla, Potest vero poeta exercere se etiam circa integra quaedam, sed brevia minorisque negotii poemata, qualia sunt: elegiae, odae, hymni, epigrammata, epitaphia & cet. Sed de his omnibus suo loco dicetur; nunc breviter dicamus adhuc de imitatione.

CAPUT IX

DE IMITATIONE

Imitationem hic intellige non illam, quae effingendo actiones hominum dicitur imitari, eademque est cum effictione poetica, de qua aliquid jam cap. III hujus libri dictum est, & libro II plura dicentur, sed diligens studium & operam lectioni auctorum dandam, quae scilicet praestantis alicujus poetae similes studemus evadere. Sciendum enim est, nec artem, nec exercitationem solam sufficere, nec utrumque satis esse, quo quis excellens poeta efficiatur, nisi habeamus duces, id est praestantissimos quosque & in arte poetica commendatos auctores, quorum vestigiis insistentes ad eandem cum illis metam perveniamus. Ut vero utiliter imiteris, haec, ego censeo, memoria probe teneas.

a) Neminem posse perfecte poetari, qui diu in legendis poetis non fuerit versatus. Imo si quis non perspectis bene auctoribus adjiciat animum ad pangendum poema, carmen quantocunque studio & ingenio compositum, & quantalibet diligentia limatum tantum aberit a stylo & germana locutione poetarum, ut prudentibus & in arte hac versatis lectoribus facile prodat, auctorem suum scripta poetarum non legisse.

b) Cum proficuum sit, ut omnes insigniores poetas perlegas diligenter, tum maxime necessarium, ut quod genus poematum tractare volueris, illum auctorem assumas legendum, qui in eo canendi genere maxime ab omnibus celebratur. Quodque probe memineris: cum aliquid scribere intendas, ne prius ad scribendum manum adjicias, quam diu & multa cum sollertia celebratum in simili argumento auctorem teras. Sic facturus poema heroicum, lege prius Virgilium; cantaturus tragoediam, percurre Senecam; in comoedia imitare Plautum & Terentium; in elegiacis Propertium & Ovidium; in satyris Persium, Iuvenalem, & Horatium; in lyricis Horatium solum; in epigrammatibus solum sequere Martialem.

c) Non cursim, non praecipitanter, nec perfunctorie verum sedulo & cum omni observatione auctor legendus est; nec satis tibi puta semel legisse, sed eatenus victo omni taedio legere & relegere oportet, donec tibi illum facias familiarem, & veluti totum in memoria impressum habeas. Ita enim mens sylo auctoris assuefacta in

mentem ejusdem converti videtur, minimoque cum negotio similia illi parere solet, adeo ut in alieno opere veluti quaedam semina Virgilii, Horatii, Ovidii, aliorumque cognoscere interdum liceat.

d) Sunt quidam tam superstitiosi imitatores, ut singula, quantamvis minima imitari studeant. Quin imo etiam vitia quaedam, quibus magnorum quoque virorum opera aliquando non caret. Nam

Quandoque bonus dormitat Homerus,

& hos jure merito Horatius libro de Arte poetica appellat servum pecus, quippe qui aliena tantum spirent anima & ab alienis inventis, veluti ab uncis, toti anxii dependeant. Quodque pejus est: multi quae in aliquo auctore majore digna sunt observatione, illa vel negligunt vel caeci omittunt. Si vero minutias nescio quas expresserint, v. gr. si ab iisdem verbis, a quibus incipit Virgilius, carmen suum ordiantur, & in eadem saepe finiant, phrasesque nonnullas Virgilio familiares inculcent ad nauseam; putent se nihilo differre a principe poetarum germanosque esse Marones, veluti quosdam refert Quintilianus, qui se Ciceronis imitatores arbitrabantur eo, quod fere omnem periodum istis verbis terminarent: esse videatur.

e) Observa igitur quae in quoque auctore sunt summa, quam graves sententiae, quam apposita fictio seu imitatio, ut decorum ubique servatur, ut suae cuique partes tribuuntur, ut ingeniose invenerit, artificiose disposuerit, mirifice exornaverit. Et quia poetae officium est delectare, videas quaeso, qua vi teneat auditorem, videlicet, quibus figuris utatur, quas similitudines adhibeat, quibus narrationibus passim opus distinguat. Deinde omnis delectationis mater varietas notanda est. Praeterea verborum momenta, pondera, delectus, numerus, copia observanda, carminum artificium & elegantiae, orationis nitor, proprietas, suavitas, nervus, fluiditas totiusque styli rebus cum ipsis consonantia. Postremo vide, an omnia haec apud Virgilium ipsum inveniantur, an aliqua tantum. Qua observandi ratione & quantus sit poeta, & quomodo ipsum imitari debeas, facile edisces.

f) Non parvum igitur momentum ad utiliter imitandum afferri posse arbitror, si cum sedula & secundum superius monitum omnia observante lectione conjungatur etiam propria exercitatio hunc modum: lecto aliquo auctoris poemate & bene quo ad omnia considerato fingamus nobis simile argumentum, & quod pari ratione tractari possit, illudque ad normam laudati poematis conemur exponere. Si id saepius fiat, sperare licebit, ut Virgilium aliumve aliquem, si non aequare, quod paucissimis concessum est, saltim non admodum longo intervallo sequi possimus. Et ejusmodi exercitationem tradidimus jam libri hujus, cap. V.

g) Sciendum est praeterea non in hoc sitam esse seriam imitationem, ut aliquid vel simili prorsus modo cum Virgilio tractemus,

vel narrationes ipsius, fictiones, aut phrases, aut aliquid aliud ex ipso ad nostra transferamus, hoc enim est vel parodiam facere, vel, si nimium fuerit, plagiarium agere. Sed hoc tantum conceditur, ut exercere nos in imitando & per hujusmodi exercitium assuefacere stylo, quem imitatur, possimus. Imitatio erga posita in quandam mentis nostrae cum probati alicujus auctoris conformatione, ut tametsi nihil ex ipso excerptum a nobis sit & translatum ad nostra, tamen veluti ejusdem & non nostrum opus esse videatur, adeo stylus similis esse poterit. Et ita legendo epistolas Christophori Longolii, nisi nomen ipsius praefixum esset, Ciceronem putassem. Pari modo Actius Sannazarius in poemate de partu Virginis videtur sonare Virgilium.

h) Licet tamen aliquando & plurimum juvat, vel simile quid ad normam fictionis Virgilianae v. gr. fingere, vel eodem modo tractare, vel etiam aliquid ab ipso mutuari: ea tamen lege id licebit, ut aut, unde translatum sit, difficillime cognoscatur; aut si excerptum esse deprehendatur, pulchrius & melius apud imitatorem, quam apud auctorem esse videatur. Plurima Homerica fere excerpsit Virgilius, ut omnes testantur, & quorum partem maximam enumerat Scaliger in libro Artis poeticae dicto Critico. Sed omnia fere meliora sunt apud Maronem, quam Homerum, ut videre est ex comparatione ab eodem Scaligero facta. Ut cetera omittam Homerus fingit Vulcanum cudisse clypeum Achilli & in clypeo mundi imagimen depinxisse. Imitatus est hoc Virgilius, clypeumque Aeneae ab eodem excusum canit, sed quam prudentius! Fingit enim in clypeo excusas res non alienas aut communes cum aliis, verum proprias Aeneae, omnes videlicet Aeneadum hoc est Romanorum futuros eventus a deo praescio futurorum expressas ibi comminiscitur. Vide elegantissimam descriptionem lib. VIII Aeneid[os] ad finem. Non vacat hic aliorum imitationes congerere. Unam tantum Torquati Tassi, qua Virgilium imitatur, quia praestantissima est, placet subjicere. Virg[ilius] lib. II Aeneid[os], v. 602 fingit Venerem in ipsa eversione Trojae, Aeneae apparuisse, detractaque ab oculis ipsius mortalitatis nube ostendisse, quomodo dii deaeque Trojanis infesti variis in locis Trojam everterent, hunc in modum:

Verum inclementia divum
Has evertit opes, sternitque a culmine Trojam.
Aspice (namque omnem, quae nunc obducta tuenti
Mortales hebetat visus tibi, & humida circum
Caligat, nubem eripiam: tu ne qua parentis
Jussa time, neu praeceptis parere recusa)
Hic ubi disjectas moles, avulsaque saxis
Saxa vides, mistoque undantem pulvere fumum,
Neptunus muros, magnoque emota tridenti
Fundamenta quatit, totamque a sedibus urbem
Eruit; hic Juno Scaeas favissima portas,

Prima tenet, sociumque furens e navibus agmen
Ferro accincta vocat.
Jam summas arces Tritonia (respice) Pallas
Insedit nimbo effulgens, & Gorgone saeva.
Ipse pater Danais animos, viresque secundas
Sufficit: ipse deos in Dardana succitat arma.

Quod Torquatus Tassus in divino suo poemate expugnationem Hierosolymae canens elegantissime imitatus est, cantu XVIII, stropha 92.

W ten czas Archanioł Michał niewidziany
Od inszych dał sie widzieć Goffredowi
Niebieskim na bok mieczem przepasany
Swiatłem jasnemu podobny słońcowi.
A to jasny dzień przyszedł pożądany,
Już czas z niewoley wyniść Syonowi:
Podnieś Goffredzie, podnieś wzgórę oczy,
Patrz jako gęste z nieba masz pomocy.

Woysk nieśmiertelnych zebrane gromady
Masz na powietrzy w niebieskiey ozdobie:
A jać śmiertelnych zmysłow twych zawady
Zdyimę z zrzenice w cudownym sposobie,
Że nagie duchy krom żadney przysady
Będziesz mógł widzieć w ich własney osobie,
I chwile zniesiesz zakrytych obłokiem
Anielskich twarzy blask smiertelnym okiem.

Patrz na tych, którzy byli Rycerzami
Chrystusowymi, a teraz są w Niebie:
Jako się biją z Pogany y z wami
Chcąc być koniecznie w tak zacney potrzebie.
Tam gdzie się miesza kurzawa z dymami,
Gdzie gęste trupy leżą podle siebie,
Ugon się bije, y gdzie pilniey strzeże
Poganin, gwałtem mocne tłcze wieże.

Tam patrzay, jako Dudon w swietney zbroi
Podsadza ognie pod pułnocną bronę:
Stawia drabiny na mury, a twoi
Bieżą za jego powodem w tę stronę,
Ten za się który na pagórku stoi,
A ma Kapłańską na włosach Koronę,
Biskup jest Admar: patrzay jako (prawi)
I teraz żegna, y lud błogosławi.

Podnieś wzrok wyżey na powietrze, kędy
Aniołow poczet stoi niezliczony:
On oczy w znioszky, widział, że stał wszędy
Lotnych Rycerzow zastęp uskrzydlony.
Trzy pułki były, a pułk we trzy rzędy,
Każdy się kołem ciągnał rozdzielony.
Koła zaś zwierzchne barziey się szerzyły,
Lecz wnętrzne mnieysze; y scisleysze były.

LIBER II

DE POESI EPICA DRAMATICA

CAPUT I

ANTIQUITAS, NOTATIO NOMINIS, DEFINITIO, MATERIA EPICAE POESEOS & GENUS CARMINIS, QUO SCRIBI DEBEAT EPOPOEIA

Decurso spatio, quod in omnem fere partem poeseos extendebatur, id est, absolutis generalibus praeceptis, faciamus gradum ad singularia. Inter quae quia principem locum tenent magisque operosa sunt epopoeia & drama, hoc libro tractabuntur.

Principio igitur epopoeiae origo antiquissima est, & fere certa notari non potest; nam adhuc Homerus & ante illum Linus & Orpheus & Musaeus hoc genere canendi usi sunt. Nomen vero trahit ex Graeca voce *epos*, quae significat verbum seu locutionem, & *poiein*, hoc est facere seu fingere. Unde epopoeia idem sonat, quod fictio seu imitatio oratione ligata vel soluta expressa. Dicuntur autem soli poetae epici, non alii fabularum aut dialogorum scriptores, propter excellentiam carminis & fictionis, eo fere modo, quo solis ipsis & poetarum nomen tribuitur, cum tamen poeta factorem vel fictorem significet. Alio nomine dicitur heroica, ex eo, quod heroum id est virorum illustrium vitam & gesta describat.

Est etiam materia epopoeiae:

Res gestae regumque ducumque & tristia bella.

Atque hinc definiri potest poesis hexametro carmine res gestas virorum illustrium exponens cum fictione.

Hexametro autem hoc poema scribere usus obtinuit, quod scilicet genus hoc carminis caeteris plenius, gravius, magnificentius, adeoque magnis etiam canendis rebus accomodatius est. Et quanquam alia quoque praeter res heroum hexametro scribi soleant, ut satyrae apud Juvenalem & Persium, epistolae apud Horatium, pastorum conversationes et rei rusticae notitia apud Virgilium, quin etiam epigrammata aliquot apud Martialem: ob dictam tamen rationem praecipuo nomine heroibus vendicatur. Unde & heroicum dicitur. De ejus vitiis & virtutibus paulo infra tractabitur.

CAPUT II

DE TRIBUS PARTIBUS EPOPOEIAE, AC PRIMUM DE PROPOSITIONE & INVOCATIONE

Partes epopoeiae sunt tres: propositio, invocatio, narratio.

Propositio est initium poematis, in quo quid dicturus sit exponit poeta.

Invocatio subjicitur rei propositae, in qua numen aliquod ad ferendam opem scribenti imploratur.

Narratio deinde totum est poematis corpus, ubi res heroum gestae enarrantur.

Hae partes sunt poemati pernecessariae, tum quod ab omnibus poetis citra exceptionem observantur, tum quod a rei natura videntur postulari. Cum enim omnis oratio, tum potissimum longa aliqua, qualia sunt poemata heroica, indiget, ut prius auditor praesumat breviter argumentum, alioquin non bene ad audiendum praeparabitur. Et hoc rhetoribus est, docilem facere auditorem. Propositio igitur necessaria est, in qua res narranda, antequam aperiatur tota, breviter, quaenam illa sit, proponatur.

Sed & opem numinis implorant non sine magna ratione. Cum enim etiam rerum abditarum, etiam animorum momenta atque discursus canere instituunt; verisimile est, non nisi deorum immartalium spiritu afflatos ea consequi posse, inquit Scaliger lib. Critic. cap. 71.

Narratio autem ipsum poema est. Jam videamus, quid in propositione servandum est, & qualis invocatio esse debeat; tandem sequenti capite & reliqua de narratione praecepta expediemus.

Propositio igitur tres potissimum virtutes habere debet, ut sit: brevis, clara, & modesta.

Brevis erit, si ea tantum dicturos nos propanamus, quae praecipua sunt in fabula, non etiam minoris momenti res, casus & eventus; deinde si id ipsum paucis, & quantum satis est, verbis exponamus; postremo si nihil eorum commemorabimus, quae aut praecesserint fabulam, aut consequuta fuerint, quaeque in contextu poematis non describentur, nisi forte ex occasione: unde illa apud Virgilium non adeo probantur a criticis:

Genus unde Latinum,
Albanique patres, atque altae moenia Romae.

Res enim Albanorum & Romanorum nec a Virgilio in toto opere, nisi per occasionem commemorantur, & post Aeneam subsequutae sunt.

Claram vero propositionem faciemus, si nihil proferamus dubium, anceps aut perplexum. Nec tamen idcirco oportet, ut principem in fabula personam, ejusque gesta singularia personamque aliam illi adversam nominatim attingamus; ut si v. g. cantaturus quis navigationes & bella Aeneae, quae res Virgiliani operis sunt argumentum, dixisset; Aeneam cano ejusque navigationes, quomodo naufragium passus est, ut hospitio a Didone exceptus, ut deinde alios in mari casus subierit adieritque loca inferorum, ac tandem qua bella cum Turno gesserit, & cet. Hoc enim cum frigidum sit, tum languorem auditori affert & subtrahit delectationem; debet enim in propositione auditor non satiari, sed veluti irritata fame per sustentationem exspectationemque ad cetera cognoscenda provocari. Unde nec Homerus Ulyssis nec Virgilius Aeneae in propositione nomen

exprimunt; ita tamen de iis loquuntur, ut facile intelligas de quibus sermo futurus sit. En exemplum Virgilianae propositionis.

Horrentia Martis
Arma virumque cano, Trojae qui primus ab oris
Italiam, fato profugus, Laviniaque venit
Litora: multum ille & terris jactatus, & alto
Vi superum, saevae memorem Junonis ob iram,
Multa quoque & bello passus, dum conderet urbem,
Inferretque deos Latio: genus unde Latinum,
Albanique patres atque altae moenia Romae.

Sed potissimum modestia in proponendo curanda est, nec quidquam ita officit toti operi, quam si tumidum fuerit initium, propterea quod ex eo oritur suspicio ostentationis & affectatae gloriolae; atque adeo in ipso exordio, ubi rhetores captandam auditorum benevolentiam docent, adversum animum accipit auditor. Proinde nec sint longae periphrases, nec verba nimis tumida, inflata & ut ait Horatius sesquipedalia; non tropi aut figurae nisi rarissime adhibeantur. Denique cultus & hic debet esse in verbis & sententiis, verum talis, ut natus hic, non quaesitus esse videatur. Videamus antiquorum & recentiorum quorundam vitia & virtutes. Horatius lib. de Arte poetica, v. 137 Cyclicum, nescio quem poetam reprehendit, quod sic orsus est:

Fortunam Priami cantabo & nobile bellum.

Eumque festivo joco carpit:

Quid dignum tanto feret hic promissor hiatu?
Parturient montes, nascetur ridiculus mus.

Homerum vero laudat, quod modeste exorsus ab humilioribus ad sublima paulatim se extulit.

Quanto rectius hic, qui nil molitur inepte!
Dic mihi, Musa, virum, capta post tempora Trojae,
Qui mores hominum multorum vidit & urbes.
Non fumum ex fulgore, sed ex fumo dare lucem
Cogitat, ut speciosa miracula promat
Antiphatem Scyllamque & cum Cyclope Charybdim.

Simili censorum virga dignum profecto est tumidissimum illud Lucani exordium:

Bella per Emathios plus quam civilia campos,
Jusque datum sceleri canimus, populumque potentem
In sua victrici conversum viscera dextra:
Cognatasque acies & rupto foedere regni
Certatum totis concussi viribus orbis,
In commune nefas: infestisque obvia signis
Signa, pares aquilas, & pila minantia pilis.

Cui, quaeso, sedati ingenii viro placebunt ista? Quorsum hi subiti clamores? quorsum congestae synonymiae, longae periphrases,

plura in unam sententiam cumulata verba? Certe sicubi Scaligero Lucanus latrare visus est, hoc in loco nemini non videbitur. Longe pacatius orditur opus suum Torquatus Tassus, ut vel in ipso initio maximam auctoritatem & legentium amorem mereri videatur; sic enim ille:

Woyne pobożną śpiewam y Hetmana,
Ktòry Swięty grob Pański wyswobodził.
O jako wiele dła Chrystusa Pana
Rozumem czynit, y ręką dowodził.
Darmo miał sobie przeciwnym Szatana,
Co nań Libią y Azyą zwodził:
Dat mu Bóg że swe ludzie rosproszone
Zwiodł pod chorągwie święte rościągnione.

Rara ejusmodi laus etiam apud antiquos; rarissima vero apud recentiores inveniri potest. Nam ecce tibi enthusiasmum decantati recentioris, qui bellum Chotinense adeo insolenti carmine describit, ut strepere non canere; adeo obscuro, ut non bellum scribere, sed nocturnam pugnam agere videatur. In ipso operis exordio, vide, qualem se gerat; sic enim incipit:

Edomitum bibe penna Tyran, sic Bistone tabo
Potus mucro jubet, quia enim tibi sepia chartae
Tingit ebur pallente Theti! vel fluctuet atro
Canna vado, madidae fuliginis ebria limo?
Dat latices Aurora novas ac decolor undis
Bistonia de caede Tyras & cet.

Hic sane non tumor, sed furor vocandus est, ut cetera omittam: voluit hic homo legi, sed noluit intelligi; totum enim ejus seu poema, seu aliud aliquid tam alte attolit, ut illud humanis mentibus assequi non liceat, nec alii magis competit commendatio illa Horatii lib. de Arte poetica ad finem:

Nec satis apparet, cur versus factitet utrum & cet.

Circa invocationem haec pauca notanda sunt: primo ut numen imploretur, quod habeat quandam relationem ad argumentum propositum. Sic Virgilius lib. II Georgicon exordiens invocat Bacchum, Satyros, Driadas & cet. Quippe illi dii victium, frugum, pecorum ceterarumque rerum, quarum hic tractatum instituit hic poeta, curam gerere putabantur. Claudianus de raptu Proserpinae deos deasque inferorum poscit & Acheronta movet. Ovidius in Metamorph[osibus] quia omnes universim deos implorat, subjuncta ratione pulchre eos conjungit cum suo argumento:

Dii coeptis (nam vos mutastis & illas)
Aspirate meis: primaque ab origine mundi
Ad mea perpetuum deducite tempora carmen.

Ceterum Musae ut praesides poeseos communiter in quacunque materia invocari solebant. Christianus tamen poeta prorsus cavet

ab ejusmodi deorum invocatione. Quid enim sibi vult per tales preculas? Num vere & serio poscit opem & impium se prodit: si vero per jocum id facit, ridiculus sane est; primo enim ejusmodi jocatio est frigida; quid enim, quaeso, leporis habet supplicare Apollini, ut in tuum pectus intret? Deinde in gravi materia, quales sunt actiones heroum, nullus jocis maxime ab initiis locus est. Quodsi quis dicat, se nomine deorum gentilium intelligere vel Deum nostrum, vel aliquem ex Sanctis; turpius labitur, quasi vero ornabit Deum Ter Optimum Maximum, si ei Diaboli nomen imponat? Quae societas luci ad tenebras? & quae conventio Christi ad Belial! Sane si divus Hieronymus obscuras gentilium obtestandi formulas arcet ab ore Christiano (absit inquit, ut ab ore Christiano sonet Juppiter omnipotens, & me Hercle, & me Castor & cetera magis portenta quam numina, epist. 146 ad Damasum). Quanto magis fugienda est turpium deorum imploratio. Ineptissime igitur ut omnia supra memoratus Tyrae potator contempto Apolline, ut ipse ait (& recte id quidem, nihil enim sapit Apollineum) Martem vocat in praecordia, nisi forte per Martem regem intelligat.

Tu Lechice Mavors
Quem nuper gelidi tremuit domus ardua Daci
Tu mihi Phoebus eris? valeant & Apolline pulso
Tota mihi torvum spirent praecordia Martem.

Nec placet illud Sannazarii initio poematis de partu Virginis:

Nec minus o Musae vatum decus, hic ego vestras
Optarim fontes, vestras, nemora ardua, rupes & cet.

An enim angelos hic intelligat, haud scio; suspicor tamen ex eo, quod addat ibidem:

Etenim potuistis & antrum
Adspicere & choreas: nec vos orientia caelo
Signa, nec Eoos reges latuisse putandum est.

Sed quomodo angeli aspexere choreas, qui ipsi choreas duxere, relinquo hoc doctorum judicio. Christianus igitur vates invocabit Deum T[er] O[ptimum] M[aximum], opem Beatae Virginis, suppetias Sanctorum implorabit. Praeclare Torquatus Tassus in divino suo opere ficta dea palam rejecta Beatae Virginis opem poscit:

Panno, nie ty co laury nietrwałymi
Zdobisz w zmyślonym czoło Helikonie:
Lecz mieszkasz między Chory Niebieskimi
Z gwiazd nieśmiertelnych w uwitey Koronie
Ty sama władni piersiami moimi
Ty day głos pieśni & cet.

Sciendum tamen est nomine Musae vel Musarum proverbialiter intelligi artes litterarias & scientias; adeoque hoc modo nobis uti

concessum est. Verum cum invocata Musa sonat deam fabulosam, & sic abstinendum est a Musae nomine.

Hoc praeterea bene notandum est, quod poetae non solum initiis operum suorum invocare solent, sed etiam in medio opere & proponunt & invocant, si venerint ad aliquid novum, insolitum, magnum enarrandum. Ut Virgilius Aeneid[os] VI, 266 loca inferorum descripturus deos implorat:

Di, quibus imperium est animarum, umbraeque silentes.

Et lib. VII cantaturus Aeneae bella:

Tu vatem tu diva mone dicam horrida bella
Dicam acies actosque animis in funera reges & cet.

Elegantissima invocatio Sannazarii lib. II, de partu Virginis loco maxime opportuno, ubi scilicet ad ipsius partus expositionem pervenit, in qua longe prudentius quam in supra dicto [a] canit:

Nunc age Castaliis quae nunquam audita sub antris,
Musarumve choris celebrata, aut cognita Phoebo,
Expediam: vos secretos per devia calles
Caelicolae, vos (si meruit) monstrate recessus
Intactos: ventum ad cunas, & gaudia caeli,
Mirandosque ortus & tecta sonantia sacro
Vagitu, stat ferre pedem, qua nulla priorum
Obvia sint oculis vatum vestigia vestris.

Et iterum sane poetice ubi propius ad eandem rem accedit:

Quis me rapit? accipe vatem
Diva tuum, rege diva tuum, feror arduus altas
In nubes: video totum descendere caelum
Spectandi excitum studio. Da pandere factum
Mirum, indictum, insuetum, ingens; absistite curae
Degeneres, dum sacra cano.

CAPUT III

DE NARRATIONE AC PRIMUM DE CARMINIS HEXAMETRI VITIIS & VIRTUTIBUS

Quia hexametro carmine scribitur poesis epica, prius quam ad regulas bonae narrationis accedamus, expedire hic placet quasdam leges de versu hexametro recte construendo; & prius quidem ejus vitia, tum virtutes explicabimus.

Vitia hexametri

1) Ut in omni oratione, ita hoc potissimum in carmine asper concursus similium syllabarum, vel ejusdem litterae crebra repetitio vitium est. Tale notatur Ennii carmen:

O Tite tute Tati tibi tanta Tyranne tulisti.

---

[a] *Исправлено вместо* dicta

2) Si a principio nulla caesura fuerit, principio enim duae solent esse caesurae, vel pentemimeris, quando scilicet post duos pedes syllaba longa terminat dictionem, ut: *arma virumque cano*; vel trochaica, quando post duos pedes terminat dictionem choreus. Ut *infandum regina*. Si alterutra ex illis desideretur & neutra ponatur parum sapere videtur versus.

3) Si ad finem duae, vel, quod peius est, tres aut quattuor voces dissillabae ponantur: ut in hoc Tibulli:

Semper ut inducar blandos offers mihi vultus.

4) Hexametrum optime desinit in trisyllabam, non male in dissyllabam dictionem (vitato tamen superiore vitio); in monosyllabam tunc bene terminatur, quando rei alicuius imminutio, decrementum, descensus, ruina vel his aliquid simile exprimitur, de quo postea. Vitium ergo est, si in tetrasyllabam (excepto spondaico) aut plurium syllabarum dictionem exeat; invenitur ejusmodi versus apud Horatium.

Quisquis luxuria tristive superstitione.

Quale et hoc vulgatum distichon nescio quo auctore:

Conturbabantur Constantinopolitani
Innumerabilibus sollicitudinibus.

5) Deforme carmen est, in quo singulos pedes singulae voces absolvunt; ut illud celebre carmen:

Aureae scribis carmina, Juli, maxime vatum.

6) Sed longe foedissima nota est, si finis carminis pari sono, & simili exitu syllabarum correspondeat caesurae pentemimeri, aut si duo versus in eundem exitum desinant, Leonini vulgo dicuntur, quales sunt a medicis Cordubensibus, quasdam salubres observationes complexi in libro Schola Salernitana inscripto editi:

Si vis esse levis, sit tibi cena brevis,
Singula post ova pocula sume nova & cet.

Magnis etiam poetis nescio quomodo per imprudentiam exciderunt. Ovid. lib. Heroid[um] in epistola Ulyssis:

Si Trojae fatis aliquid restare putatis.

Et in epistola Hermiones ad Orestem:

Vir, precor, uxori, frater succurre sorori.

Et Virg.

Ora citatorum dextra contorsit equorum.

Abhinc ante ducentos annos & amplius rudis illa aetas maxime ejusmodi nugas admirabatur, censebatque, credo, optimum poetam,

qui hasce pueriles consonantias crepare didicerat; in quod insignes magnarum aedium & operum inscriptiones Romae passim testantur, quarum aliquas iucundae narrationis gratia subjicere hic placet. In ecclesia Sancti Clementis prope amphitheatrum haec leguntur in abside altaris.

Ecclesiam Christi viti similabimus isti,
Quam lex arentem, sed Christus facit esse virentem.

Supra porticum Sanctae Mariae dictae Majoris:

Tertius Eugenius Romanus Papa benignus
Offert hoc munus, Virgo Maria, Tibi,
Quae Mater Christi fieri merito meruisti
Salva perpetua virginitate Tua.

In ecclesia Sanctae Crucis in Jerusalem moles marmorea altari imposita sic inscripta est.

Tegmen id Ubaldus fecit fore cardiquenalis
Vir prudens, clemens, disertus & spiritualis.

Sed, quod caput ineptiarum est, celebris illa basilica Lateranensis pontificum Romanorum sedes hos versus in fronte habet cubitalibus litteris incisos:

Dogmate Papali datur ac simul Imperiali,
Ut sim cunctarum mater, caput ecclesiarum:
Hinc Salvatoris caelestia regna datoris
Nomine sanxerunt dum cuncta peracta fuerunt.

Cetera vetustate absumpta non videntur.

Virtutes & elegantiae hexametri

1) Non vacat enumerare figuras, quibus veluti gemmis heroicum carmen distinctum niteat; aliunde hujusmodi ornamenta colligat tiro vates; hic tantum observo, repetitionem, conduplicationem & polysyndeton maximam vim habere cum in aliis tum etiam in hexametris versibus: nec oneranda est charta exemplis, cum plurima ejusmodi in scriptis poetarum facile occurrent.

2) Ut deforme diximus carmen esse, in quo singuli pedes singulas & integras sibi dictiones vendicant; ita speciosissimum judicatur, in quo ejusmodi pedum junctura est, ut in singulis dictionibus prior desinat, & sequens pes incipiat, ut:

Infandum regina, jubes renovare dolorem.

3) Ajunt quoque jucundum videri, si a spondaeo versus incipiat, non finita tamen dictione cum pede eique duo dactyli subjiciantur, ut:

Desertosque videre locos litusque relictum.

Discurrunt variantque vices fusique per herbam.

4) Maxima elegantia hexametri censetur, si versus respondeat argumento eique musico quodam artificio consonet; id est si rem,

qualis est in se, veluti translata in orationem facie aptissime imitetur. Quod ut feliciter succedat, haec tria in carmine notanda sunt: sonus verborum, numerus & quantitas pedum; & utriusque, hoc est, soni & numeri complexio. Quantus ergo ad verba attinet; ea, si res humilis tractatur, debent esse obvia, vulgaria nec adeo tonantia, qualia pleraque videre est in Bucolicis Virgilii, ubi pastores colloquentes inducuntur. Si vero aliquid grande, admirabile, ingens describitur, quaerenda sunt verba sonantiora; si quid vero inter in infima & summa medium fuerit, pariter & voces similes conquirendae, videlicet, nec adeo sonantes & altae, nec humiles aut mutae. Sonum vero ex litteris notare hic longum esset, aures cujusque optimum de hoc ferant judicium. Quantitas vero syllabarum, & pedum numerus alius est tardus, alius velox, alius mixtus. Tardus ex solis spondaeis, velox ex solis dactylis, mixtus ex utrisque componitur. Si itaque res fuerit dolorosa, ampla, ingens, tarda, admiranda & cet., versus spondaeis abundare debet: contra dactyli frequentes sint, si quid laetum, praeceps, frequens describendum erit; dactyli autem cum spondaeis tum temporis misceantur, quando aliquid hiulcum, interruptum, aut quasi pendulum, dubium, suspensum & in utramque partem vibrabile accidet. Quodsi & sonus verborum & pedum numerus in eodem versu conveniant & utrinque rei correspondeant, tunc elegantissimum carmen iudicabitur. Singularum ex his tribus observationum videamus exempla.

Vulcanus Aeneid[os] lib. VIII, v. 439, venit in Siciliam ad officinam Cyclopum, eosque cunctis in praesens abjectis clypeum Aenaea fabricari jubet. Unde ergo hic urgentis instantiam, frequentia & celeritate dactylorum, expressam:

> Tollite cuncta (inquit) caeptosque auferte labores,
> Aetnaei Cyclopes, & huc advertite mentem.
> Arma acri facienda viro: nunc viribus usus,
> Nunc manibus rapidis, omni nunc arte magistra.
> Praecipitate moras.

Dicto parent Cyclopes, & dum se ad assignatum opus accingunt, vide ut festinant operantes, cui festinationi celeritas & volubilitas carminum correspondet. Aenèid[os] VIII, 444:

> Ocius incubuere omnes, pariterque laborem
> Sortiti; fluit aes rivis, aurique metallum
> Vulnificusque chalybs vasta fornace liquescit.

Eorundem jactationem malleorum, quia ejusmodi jactatio lenta & gravis est, in omnibus locis praeter penultimum, soli spondaei exprimunt:

> Illi inter sese multa vi brachia tollunt.

Sic alibi navigantium atque remos agentium labor depictus est:

> Adnixi torquent spumas & caerula verrunt.

Dum oppugnatur regia Priami, Aeneid[os] lib. II, 464. Trojani defendentes altissimam turrim de summis tectis in hostem dejiciunt, cujus celerem prolapsum mirifica celeritate expressit poeta:

Convellimus altis
Sedibus, impulimusque; ea lapsa repente ruinam
Cum sonitu trahit, & Danaum super agmina late
Incidit.

Senex Latinus ferocem & audacia turentem juvenem Turnum compescere aggreditur, cujus utpote gravis & senilis orationis tarditatem tardo versu imitatur Virgillius. Aeneid[os] XII, 18.

Olli sedato respondit corde Latinus.

Trepidantium vero & iratorum sermo, quia & praeceps est & vehementi affectu interruptus, atque hiulcus, pulchre exprimitur modo citis, modo tardis numeris, spondaeis & dactylis alternatim mixtis. En iratam Didonis vocem:

Ferte citi flammas, date vela, impellite remos.

En autem Trojani cujusdam adventante Rutulorum infesto exercitu trepidam orationem, lib. IX, 36:

Quis globus, o cives, caligine volvitur atra!
Ferte citi ferrum, date tela, scandite muros,
Hostis adest.

Exempla versuum, in quibus verborum sonus rem ipsam imitatur

Signa futurae tempestatis sonantissime expressa sunt Georg[icon] I. 356.

Continuo ventis surgentibus, aut freta ponti
Incipiunt agitata tumescere, & aridus altis
Montibus audiri fragor; aut resonantia longe
Litora misceri & nemorum increbrescere murmur.

Item illud Aeneae exordientis narrationem de expugnatione Trojae. Aeneid[os] II. 3.

Infandum, regina, jubes renovare dolorem.

In quo versu nota etiam numerum, ab initio positos duos spondaeos ad exprimendum suspirium, quod principio talium orationum excitari solet. At vero illud ibidem pressiore sono, qui magis ad commiserationem accedit, exponitur:

Sed si tantus amor casus cognoscere nostros,
Et breviter Trojae supremum audire laborem:
(Quanquam animus meminisse horret, luctuque refugit)
Incipiam.

Illa pariter Sinonis lamentantis muta videntur. Aeneid[os] lib. II, 69.

Heu quae nunc tellus, inquit, quae me aequora possunt
Accipere? aut quia jam misero mihi denique restat,
Cui neque apud Danaos usquam locus; insuper ipsi
Dardanidae insensi poenas cum sanguine poscunt.

Exempla in quibus utrumque sonus & numerus rem assimilat

Sed longe pulcherrimum mirique artificii carmem erit, in quo utrumque ex praedictis, hoc est, & sonus & numerus verborum rei faciem quodammodo accipient. Ut illud Virgilii de cursu veloci equorum:

Quadrupedante putrem sonitu quatit ungula campum.

Et illud de grandine:

Tam multa in tectis crepitans salit horrida grando.

Ubi vides & celeritatem pedum, praeceps enim res describitur, & in primo quidem obtusos & graves litterarum sonos, quale reddunt equorum ungulae; in secundo vero asperum quendam litterarum crepitum, qualis est grandinis.

Elegantissimus & hic versus, in quo pariter verborum sonus & numerus pedum terribile monstrum Polyphemum exprimit:

Monstrum horrendum informe, ingens, qui lumen ademtum.

5) Huc etiam spectat scire de carmine spondiaco, quod etiam rebus exprimendis inservit. Spondiacum dicitur eo, quod quinto loco extraordinaria lege habeat spondaeum, qui tamen non temere neque sine causa adhiberi debet (alioquin vitium erit), sed potissimum ad alicujus rei magnitudinem exprimendam. Hanc tamen legem observare debes in spondiaco, ut quarta regione dactylus ponatur terminetque dictionem; deinde ut reliqui duo spondaei ad finem tetrasyllaba dictione constent. En isti, quia hoc non servatum est, minus suaves:

Aut leves ocreas lento ducunt argento.
Saxa per & scopulos & depressas convalles.

Hi vero elegantissimi Virg. Aeneid[os] lib. II, v. 68.

Constitit atque oculis Phrygia agmina circumspexit.

Ubi multitudo populi & oculorum longa circumlatio exprimitur.

Ovidius vero I Metamorph[oseon] eleganter aquarum extensionem hujusmodi carmine complexus est.

Nec brachia longo
Margine terrarum porrexerat Amphitrite.

Illud vero qua admiratione dignum, in quo idem poeta, lib. VI Metam[orphoseon] gravem morientium exspirationem spondiaco imitatus est.

Suprema jacentes
Lumina versarunt animam simul exhalarunt.

Nec minus decorum illud Catullianum:

Aequoreae monstrum Nereides admirantes.

6) Sed dignum observatione est, quod etiam in monosyllabam dictionem exit carmen. Plerique critici & maxime Servius Virgilii commentator non intellecta ratione hujusmodi versuum vitio illos vertunt Virgilio; sed juste hac in re a Scaligero reprehenduntur. Optime ergo in monosyllabam exit versus, quando scilicet volumus exprimere vel rei parvitatem, vel imminutionem, vel finem, vel conversionem in nihilum, vel descensum ad vile & futile aliquid, vel his similia. Sic Horatius irridendo magna molimina in futilem exitum perventura a polysyllabis dictionibus incepit & in monosyllabam terminavit versum:

Parturient montes, nascetur ridiculus mus.

Artificiosa & haec Virgiliana:

Sternitur exanimisque tremens procumbit humi bos.
Dat latus, insequitur cumulo praeruptus aquae mons.
Vertitur interea caelum & ruit Oceano nox.

Optimam in his observationem facit Scaliger lib. IV, cap. 48 ajens contra Servium (ut inquit corruit taurus, & confluxit in unum montem mare, ita corruit versus in monosyllabam: copia multarum syllabarum in unam syllabam coacta est). Idem ibidem dicit, id fieri, aliquando propter vehementem instantiam, aut indignationis acrimoniam, ut: En haec promissa fides est. (Nihil enim, inquit, aptius indignationi, quam oratio desinens in manosyllabam, vel evolve Demosthenis orationes, quotnam ejusmodi periodes invenies; inverte modo, nihil frigidius).

7) Est quoque quaedam suavitas & decor, si in versu spondaei cum dactylis ponuntur, etiam citra illam rationem, quam numero 4, ob trepidationem similiaque observavimus. Ut:

Obstupuit, retroque pedem cum voce repressit.
Semper honos nomenque tuum laudesque manebunt.

8) Curandum est, quantum fieri potest, ut adjectiva praeponantur substantivis, nisi forte aliud usus sententiae postulaverit. Propterea non indecorum erit si adjectiva non modo praeponantur, sed etiam aliquo intervallo, hoc est una vel altera interjecta dictione, a substantivis distent ut:

Aeneas maesto defixus lumina vultu.

Item illud Ovidii:

Jam mea cygneas imitantur tempora plumas.

Sed de collocatione verborum non vacat hic minutatim agere: usu & continua lectione addiscitur.

9) Elisio etiam non modo necessitati, verum aliquando & elegantiae inservit, & tantum parit decorem, ut minus suavis versus esset, si illa caruisset. Optima autem tunc temporis est, cum magnitudo vel majestas rei multarum indiget syllabarum. Non necessitate compulsum Virgilium censeo ad has & similes elisiones. Aeneid[os] lib. I. v. 264:

Magnanimum Aeneam.

Item lib. II, v. 551:

Regnatorem Asiae.

Item v. 561:

Ut Regem aequaevum crudeli vulnere vidi
Vitam exhalantem.

Item lib. XII, v. 655:

Dejecturum arces Italum excidioque daturum.

Et Sannazarium ad has: lib. II. de partu Virginis:

Da pandere factum
Mirum, indictum, insuetum, ingens & cet.

10) Observatur elegantia non in singulis modo verum etiam in conjunctis versibus, & praecipua est, ut non in omni versu sententia finiatur; hoc enim nimis inconcinnum & dissolutum esset, verum sicut in collocatione pedum dictio ab uno ad alium pedem transire debet, ita ab uno versu ad alium transeat sententia, donec aliquot hoc nexu conjunctis & evolutis versibus, carmen simul & sententia absolvatur.

Exemplorum plena sunt omnia, quale & hoc Virg. Aeneid[os] X, 467:

Stat sua cuique dies; breve & irreparabile tempus
Omnibus est vitae, sed famam extendere factis,
Hoc virtutis opus. Trojae sub moenibus altis
Tot gnati cecidere deum; quin occidit una
Sarpedon, mea progenies: etiam sua Turnum
Fata vocant, metasque dati pervenit ad aevi.

Si tamen raro ponatur, uno versu absoluta sententia addit non contemnendam elegantiam.

Discite justitiam moniti & non temnere divos.
Tu regere imperio populos, Romane, memento.

Sed suavissimam versuum juncturam & quasi aliquem perpetuum aquarum fluxum reddit horum omnium varietas; ut scilicet modo sententia uno versu, modo duobus, modo pluribus absolvatur; ipsi deinde versus modo dactylis, modo spondaeis abundantes sint; modo caesuram pentemimerim, modo trochaicam habeant, aliquando omissa utraque heptemimeris ponatur; & alii quidem versus congestis commatibus constent, alii perpetuo tractu sententiam extrahant. Pro exemplo

totus est Virgilius; placet tamen ex Claudiano mirae varietatis carmina hic subjicere.

Non tibi delicias molles, nec marcida luxu
Otia, nec somnos genitor permisit inertes:
Sed nova per duros instruxit membra labores,
Et cruda teneras exercuit indole vires
Frigora saeva pati, gravibus non cedere nimbis,
Aestivum tolerare iubar, tranare sonoras
Torrentum furias, ascensu vincere montes,
Planitiem cursu, valles & concava saltu,
Nec non clypeo vigiles perducere noctes.

CAPUT IV

POETICAE & HISTORICAE NARRATIONIS DISCRIMEN

Poeta cum historico, praeter hoc solum, quod uterque narrat, non video in quo conveniat. Quod enim hic nescio quomodo poeticam phrasim aliquando usurpet, id & rarum est, & ad nomen iustae cognationis parvum admodum. Miror vero Pontanum Jesuitam, alioquin virum doctum, in hoc etiam historiarum scriptorem poetae propinquum facere, quod aliquando illius scriptis liceat observare versus; id enim & rarissime & per imprudentiam auctoris excidit, & ut ob alia quaedam, ita ob hoc etiam a Famiano Strada in prolusionibus rhetoricis arguitur Tacitus, quod versu incepit historiam:

Urbem Romam a principio reges tenuere:

Jam vero in quo dissideant, plura sunt. Aliqua hic utriusque narrationis discrimina observo.

1) Differt poeta ab historico, genere orationis quod hic soluta, ille ligata utatur. Quanquam & hoc discrimen non adeo magnum esse censet Aristoteles dicitque historiam Herodoti, si versibus efferatur, fore tamen historiam non poema.

2) Cum narrationis historicae tres potissimum sunt virtutes: brevitas, perspicuitas & probabilitas. Poeta duas posteriores observare debet de brevitate non sollicitus: imo data opera id, quod ab historico paucis dici potest, amplissime dilatat, exceptis brevioribus narrationibus, quae in fabula parvae partes sunt; sed & in his longior & copiosior est poeta.

3) Historicus sequitur naturalem rerum ordinem & ea prius ponit, quae prius gesta sunt, ea vero posterius, quae posterius evenerunt; at poeta artificioso ordine opus suum disponit licetque ipsi incipere a fine, desinere in principium; vel finem in medio, medium in principio, principium ponere in extremo, ut infra patebit.

4) Stylus & ornatus poeticae narrationis longe diversam eam facit ab historia; maxima enim libertas concessa est poetis omne genus ornamenti perquirere, modo non sit affectatum, & decoro non

officiat. At narratio historica & oratoria compta quidem, sed non calamistrata esse debet; & oratoria tamen ornatior, historica vero minus culta, ita ut historicus nimis in verborum delectu debeat esse circumspectus & parcus, audacior & abundantior orator, poeta liberrimus & liberalissimus. Ut hoc planius perspicias, censeas narrationem historicam grandaevae alicui matronae similem esse, oratoriam reginae, poeticas vero veluti novam nuptam omni genere elegantiarum fucatam incedere. Unde historicus de irato dixisset: ira exarsit; orator dicere potuisset: prae impotenti irae affectu & furore propemodum in flammas abiisse visus est; poetae soli tantum ita licet:

Ignescunt irae & durus dolor ossibus ardet.

Et longius Ovidius de Hercule Furente. Metamorph[oseon] lib. IX, fab. III.

Saepe illum gemitus edentem, saepe frementem
Saepe retentantem totas infringere vestes,
Sternentemque trabes, irascentemque videres.

5) Sed potissimum inter poetam & historicum discrimen est ab Aristotele observatum, scilicet, quod historicus rem gestam, & quomodo gesta est, enarrat; at poeta vel totam narrationem fictam habet, vel si veram scribit, scribit non quomodo gesta est, sed quomodo potuit aut debuit geri. Idque totum praestat fictio seu imitatio, de qua, tempus postulat ut breviter disseramus.

CAPUT V

DE FICTIONE POETICA

Fictio est duplex: altera rei, altera modi, quo res gesta est.

Fictio rei est, quando poeta totam aliquam rem, quae non est, nec fuit unquam, effingit.

Modi vero fictio est, quando veram quidem rem tractat, neglecto tamen modo, quo illa fuerit gesta, fingit de suo verisimilem,[a] hoc est, quomodo decuit aut oportuit esse, ut ista res gereretur. Dicamus planius aliquid de utraque.

Fictio rei pariter est duplex: quae est, & sed non videtur esse fictio; ilia quae est et videtur.

Prima est, cum alicui casus & eventus hominum qui non fuerunt per modum narrationis historicae effinguntur, nihil eis insolitum, aut supra fidem appingendo, quales sunt variae narrationes in libro Aeneidos, ut in II, quomodo permutat arma sua Aeneas cum armis Graecorum a se interemptorum, quomodo Cassandra raptatur, quomodo alias strages edit & accipit collecta ad Aeneam manus. Talis alibi de Niso & Euryalo narratio.

---

[a] *Исправлено из* verosimilem

Secunda vero est, quando aliquid inhumanum, aut hominibus insuetum fingitur, ut deorum dearumque consilia, altercationes, prodigia & id genus cetera, quae facile apparent esse ficta, ut dum Aeneas ad inferos descendit, eventus rerum futurarum ediscit, Venerem toties sibi apparentem videt, & Hectorem de excidio Trojae per somnum se admonentem & cet. Priores fictiones inveniuntur propter delectationem & varietatem longae narrationis, posteriores vero propter aliquod significandum mysterium, Dei opem, auxilium, iram, vindictam, futurorum revelationem.

Nota hic priori modo fingendi ita Christianus vates, ut etiam ethnicus citra haesitationem uti potest; at posteriorem longe alia ratione usurpabit. Primo non debet inducere deos vel deas ethnicorum ad aliquod Dei nostri opus, aut etiam heroum virtutes significandas, nec dicat Palladem pro sapientia, Dianam pro castitate, Neptunum pro aquis, pro igne Vulcanum, quorum tantum nomina metonymice adhibere licet. Verum potest ille primo veras personas Dei, angelorum, sanctorum, daemonum inducere, affingendo ipsis verisimiles[6] actiones. Item virtutes divinas & spirituum beneficio prosopopoeiae inducet veluti personas iisque animos, vultus & actus tribuet. Deinde res omnes spiritibus proprias poterit a similitudine petitis quibusdam veluti imaginibus insignire, v. g. Dei, angelorum & daemonum fingere vestes, arma, instrumenta, currus ceterumque cultum humano similem, quae tamen omnia debent aliquid denotare. Licebit etiam in caelo, in aere & in inferno invenire varios locorum situs, exstruere urbes, statuere domos, variaque aedificia; & quod haec liceant, planum habemus ex sacris litteris, in quibus veluti in scaena quaedam ad captum humani intuitus virtutes & opera sua Deus ostendit, ut sunt currus & thronus apud Ezechielem; multae personae, dracones & ferae, arma & urbs illa superna variaeque aliae figurae apud Johannem in Apocalypsi. Exemplo nobis sint duo ex recentioribus praestantissimi poetae Actius Syncerus Sannazarius & Torquatus Tassus. Multa in utroque pulcherrime & ingeniosissime conficta sunt, ex quibus singulis parva singula subjicio exempla. Sannazarius itaque vestem Dei Omnipotentis, vide, quanto cum artificio excogitat, de partu Virginis, lib. III:

Ipse sedens, humeris chlamydem fulgentibus aptat
Ingentem, & caelum pariter, terrasque tegentem.
Quam quondam (ut perhibent) vigilans noctesque diesque
Ipsa suo nevit rerum natura Tonanti:
Adjecitque sacrae decus admirabile telae,
Per medium, perque extremas subtegminis oras
Immortale aurum intexens, grandesque smaragdos.
Illic nam varia mundum distinxerat arte
Gnara operum mater, certisque elementa figuris,
Et rerum species, animasque & quidquid ab alta

[6] *Исправлено из* verosimiles

Fundit mente pater. Generis primordia nostri,
Cernere erat limum informem. Jam praepete pennae
Deferri volucres liquidum per inane videres:
Jam silvis errare feras, pontumque natari
Piscibus, & vero credas spumescere fluctu.

Torquatus autem fingit in caelo esse armamentarium in quo multa arma, per quae vindictam Dei, & inter alia ingentem clypeum suspendit, per quem Dei protectionem significat. Cantu VII., v. 81:

Tam oszczep, którym ogromnego smoku
Przebito wisi u jedney komory:
Tam strzaly które strzelają z obłoku,
Placzliwe woyny, y śmiertelne mory.
Tam y pioruny niewidome oku,
Tam y chowają Trozab wielki spory:
Którym z samego gruntu ziemie maca
I wielkie miasta Stworzyciel wywraca.

Między inszymi Puklerz niebieskiemi
Rynsztunkami się śniał dyamentowy:
A był tak wielki, że zajął na ziemi,
Od Kaukazu po wierzchu Atlantowy
Co świętych Panow y z sprawiedliwemi
Miasty, pobożnych Królow strzeże głowy.

Fictio vero modi ita se fere habet: percepta re gesta, non inquirit poeta quomodo gesta fuerit, sed contemplatus, quomodo geri potuerit, exponit. Fingit itaque personarum varios affectus animi & corporis: timorem, dolorem, iram, cupiditatem, invidiam, dubitationem & cet. corporeasque affectiones: trepidationem, pallorem, erectionem capillorum, vultus excandescentiam, ruborem, appingitque gestus varios, quomodo intuitus sit; an manus elevavit, an depressit vultum, an stetit immotus, an prae furore huc atque illuc cursitavit? Praeterea varias collocutiones inducit, varios casus invenit, eaque omnia duabus potissimum figuris, ethopoeia & hypotyposi exsequitur. Denique eo prorsus modo sive in fictis sive in veris rebus narrandis gerere se debet, quo pictor in depingendis; nam sicut hic audita aliqua historia cogitat primum & sibi loca & personas ponit ante oculos diuque meditatur, quomodo, si proelium fuerit, alii sagittis eminus, alii cominus hastis & gladiis rem egerint; ut hi quidem in fugam conversi aut dissipati, illi persequuti fuerint; ut alii obruti & saucii, diversi diverso modo spiritum emiserint, quae omnia pictor prius in mente sigillatim veluti depicta, tandem in tabulam transfert, atque affabre singula efformat, ita prorsus poeta etiam veram historiam debet penitius mente inspicere sibique verisimilia [в] fingere. Atque, ut ego quidem censeo, poeta eandem omnino cogitationem habet cum pictore, sed opere tantum differt, quod hic quidem cogitata coloribus in tabulam, ille vero figuris & versibus in paginam transferat. Et ob

[в] *Исправлено из* verosimilia

hanc, puto, cognationem poeseos cum pictura proverbium celebratum est, quo dicitur poesis esse loquax pictura; pictura autem muta poesis.

Describere etiam res & maxime proelia aliter poeta debet, quam historicus; hic enim exposito prius copiarum ordine & instructione utriusque aciei, universim dicit, hoc vel hoc modo concursum & tamdiu pugnatum esse, & ut se tandem victoria ad aliam partem inclinavit; personas sigillatim non attingit, nisi forte aliqua insigne quid & memoria prae ceteris dignum gesserit. Poeta vero & aciem ipse sua prudentia instruit & in medio conflictu multas sigillatim personas, quomodo pugnaverint, vicerint, ceciderint, singulisque earum varios & diversos casus sive prosperae sive adversae pugnae affingit. Sed & in aliis rebus describendis longe curiosior poeta est atque etiam minuta oculis subjicit, quae si in historia hypotyposi ponerentur vana & supervacua essent.

Potissimum tamen sive totam rem, sive rei modum tantum fingit, hoc unice spectare poeta debet quod optime Aristoteles in libris de Arte poetica observavit, videlicet, in personis certis & singularibus virtutes aut vitia tractare generalia. Quod ut melius intelligas, scito actiones humanas dupliciter considerari & dividi posse: aliae sunt, quae ita fiunt, ut earum auctori placet & videtur, sive conveniat, sive dedeceat illas fieri; aliae vero, quae sive fiant, sive non, considerantur ita, ut debeant fieri exigente illas indole, genere, fortuna, officio vel dignitate personae alicujus; v. g. inebriari, vagum per urbem cursitare, obvios quosque impetere & alia ejusmodi possunt accidere principi, sed haec non competunt ipsius dignitati, quin imo potest princeps pingere, canere, aut pulsare cytharam, quae dignitati quidem ipsius non officiunt, ut homini tamen privato, non ut principi inserviunt. At vero prudenter rempublicam administrare, leges ferre, jura ponere, damnare, dividere praemia, haec spectant ad principem & ex his ipsis princeps cognoscitur; ex illis vero minime, nisi nomen addatur regis, ducis, consulis. Has igitur posteriores voco generales, quia conveniunt omni principi & ut princeps est; illas vero privatas seu singulares, quia contingunt in principe non ex publico ipsius officio, sed ex privato arbitratu, & ut ille non ut princeps, sed ut Annibal, aut Alexander, aut Philippus, aut Pyrrhus est. Historicus igitur & has & illas fideliter narrat, prout in re ipsa fuerint, adeoque ejusdem Annibalis & vitia & virtutes exponit Livius; eundem Alexandrum Curtius modo inducit liberalem, mitem, in victoria non insolentem, in victos misericordem, modo vero ebrietati deditum, superbia inflatum, cultus Persicos affectantem, ira victum, trucidantem amicos & cet. Poeta autem neglectis illis prioribus posteriores in aliquo heroe actiones considerat, hoc est, non scribit, quae ab aliquo gesta sunt, sed quae geri potuerunt, aut debuerunt. Si vult ducem fortem canere; non scrutatur curiose, quomodo ille bella ges-

serit, verum considerat, quomodo quicunque dux fortis debeat gerere atque eum modum tribuit heroi suo. Et ob hanc causam Aristoteles poesim dicit esse praestantius quiddam & magis philosophicum quam historicum; philosophia enim contemplatur res in genere sumptas non singulas, cum de particularibus (ut dialectici loquuntur) non detur scientia; dissidet tamen hac in re & a philosophia poesis; nam philosophus generalia generaliter pertractat, nec ea adstringit singularitate. Poeta vero generalia quidem seu vitia, seu virtutes depingit, sed tanquam singulares alicuius personae actiones. Politicus philosophus docet talem debere esse virum fortem, poeta canit talem fuisse Ulyssem, talem Aeneam. Poesis igitur & distat a philosophia atque historia, & illas veluti duplici bracchio quodammodo attingit. Scribit poeta res gestas certarum personarum, quod facit historicus; sed historicus, quomodo gestae sint, poeta quomodo geri debuerint, exponit. Item contemplatur poeta generales hominum actiones, sicut & philosophus; sed philosophus eas nudas & sine exemplo considerat, poeta certis personis attribuit. Causa est cur hoc modo res tractare debeat poeta; quia poetae intentum non est, sicut historici res gestas ad posteritatis memoriam transmittere, sed docere homines, quales hoc vel in illo vitae genere esse debeant, id quod faciunt etiam politici philosophi; poeta tamen civilem suam doctrinam, veluti in speculo quodam, in rebus gestis herois alicujus ostendit, eumque laudando ceteris proponit pro exemplo. Sic Homerus in Ulysse expressit disertum & prudentem & rerum usu exercitum ducem. Virgilius vero in Aenea proponit principem magnanimum & pium; & vide quanta sapientia Aeneidem suam composuit. Quia ad omnem principem spectat duas callere artes belli & pacis; sapientissimus vates in utroque rerum statu principes instituere volens, sex libris prioribus navigationes Aeneae complexus est, in quibus veluti in imagine vitae civilis, praecepta regendae reipublicae subministrat; sex vero posterioribus libris canit bella ejusdem, quae pro exemplo bellicae peritiae tradit. Fecerunt hoc aliqui etiam solutae orationis scriptores, ut Xenophon in Vita Cyri, Philo Judaeus in Vita Abrahae aliorumque.

CAPUT VI

DE EPICAE NARRATIONIS DISPOSITIONE

Sciendum est duplicem esse narrationem; alia est integra, quae per totum poema diffunditur, & est universa fabula ad tractandum proposita. Alia est non integra, brevior & pars illius integrae, quales narrationes in singulis libris comprehenduntur. Longa enim narratio multas res gestas unius viri, aut totam vitam continens, ut Aeneis, in qua itinera & proelia Aeneae descripta sunt, non debet uno perpetuo tractu duci, sed sicut tragoedia in actus, ita heroicum poema in certas

partes dividi solet, iisque singulis libri singuli assignantur. Talis narratio est libro II Aeneid[os] de eversione Trojae, & VI,[a] de descensu ad inferos & cet. Porro sicut in corpore membra suos articulos, ita hae majores poematis partes suas habent particulas, id est breviores narrationes; easque potissimum fictas de variis casibus & prodigiis. Hic ergo sermo non est, quomodo hae minimae, aut illae mediae narrationes, sed quomodo tota fabula disponi debeat.

Dispositio autem duplex est: altera a natura, altera profecta ab arte. Prima est, sequi naturae ordinem, & ea quae prius acciderunt, primo loco; ea vero, quae evenerunt posterius, quaedam medio & quaedam extremo ponere. At vero artificiosa dispositio non ducitur naturae filo; sed sibi proprium quendam excogitat ordinem, ita ut prius posteriora, priora posterius, locare ei liceat. Primo modo rem suam tractant historici, secundo poetae: sed quaenam ratio sit ita disponendi, jam accipe.

Debet poeta considerare totius fabulae res, ex iisque magis praestantem & illustriorem eligere, utque eam in principio poematis tractandum assumere; ut in ipso initio alacrem faciat auditorem, eumque veluti quodam illicio tractum deducat ad ulteriora. Nec minus insignis exitus esse debet; reliqua vero conjiciantur in medium. Ut autem quae posterius fuerunt gesta, prius poni patiantur, & vice versa, priora in medium, aut in extremum transeant, non est certa lex praeter ingenium & judicium uniuscujusque. Fit tamem hoc potissimum per inductionem narrantium personarum ita fere: exorditur poeta res aliquas narrare, quae posterius evenerunt, & multis sic enarratis, invenit prudens occasionem, in qua personarum colloquium inducit facitque aliquam narrare ea, quae priora sunt omnibus his, a quibus est carmen inchoatum. Hoc vel simili modo etiam reliqua permiscet. Pro regula & exemplo videamus hic, quomodo Virgilius tres priores libros disposuit:

Artificium Virgilii, quo disposuit priores tres libros Aeneidos

Rerum in his tribus libris Aeneidos contentarum naturalis ordo hic est:

1) Trojam, quam integro decennio Graeci oppugnaverant, nec ulla vi poterant expugnare, tandem anno decimo arte Ulyssis, qui fatalem illum equum excogitavit, capiunt, ferroque & igni solo aequant.

2) Ex quo incendio Aeneas collectis suorum reliquiis parataque classe venit in Thraciam, ibique urbem ponere aggressus erat; sed territus prodigiis, primo Delum, deinde accepto oraculo Apollinis Cretam adnavigavit; unde tamen postea expulsus in Italiam instituit

---

[a] *Исправлено вместо* VIII.

iter, in quo itinere variis casibus jactatus venit in Siciliam, ubi pater ejus Anchises fatis concessit. Haec per sex annorum spatium gerebantur.

3) Ex Sicilia Italiam petiturus immissa ab Aeolo subita tempestate in Africam ejicitur excipiturque hospitio a Didone regina.

Hanc rerum seriem hoc modo pervertit Virgilius:

1) Quod erat extremum, ab hoc orditur; naufraga enim Aeneae jam septimo anno jactatio & hospitium Didonis primo libro describitur.

2) At quod primo evenit, hoc posuit in medio: expugnationem enim Trojae libro secundo narrat.

3) Medios vero eventus rejicit in extremum; nam totum post captam Trojam Aeneae exsilium libro tertio complexus est. Liber igitur secundus juxta ordinem naturae est primus, tertius vero secundus; primus vero ultimus.

Hujus autem perversionis ejusmodi artificio usus est: libro I canit Aeneam multum in mari jactatum ejectumque in litus Africae tandem Didonis hospitio fuisse exceptum. Regina heroem obsecrata est, ut sibi eversionem Trojae exponeret, cujus votis non abnuens Aeneas libro II Trojani excidii seriem narrat. Libro vero III idem Aeneas suam ex incendio fugam, variaque difficilia itinera persequitur.

Haec ideo paulo fusius exposui; ut ex hoc exemplo cognoscatur quanam ratione naturalis rerum series turbanda est. Scaliger heroico poetae enixe suadet legendam Heliodori fabulam soluta oratione scriptam, quae dicitur Aethiopica, & alio nomine Chariclea, quod totum illud opus eo modo disposuerit auctor, quomodo solent poetae. Ego insuper censuerim praestantissimum opus Johannis Barclai Argenidos inscriptum (qui liber frequentissimus hoc tempore circumfertur) diligenter perlegendum; sane enim vir ille & invenit ingeniose & summo cum artificio prima extremis, extrema mediis & primis permiscuit.

CAPUT VII

QUAE PRAECIPUA SUNT AD ORNANDAM EPICAM NA ATIONEM

1) De elegantia carminis heroici, ex quo summus decor nascitur narrationi, superius jam diximus. Praeterea cum omnis oratio versetur in sensu & verbis, ita & epica narratio utroque genere figurarum ornari potest. Et ex figuris quidem verborum (nomine autem figurarum etiam tropos intelligo) praecipuae sunt, quae huc faciunt: metaphora, synecdoche, metonymia, antonomasia, metalepsis, repetitio, conduplicatio, polysyndeton & adjunctio. Ex figuris vero sententiarum: allegoriae, periphrasis, hyperbole, apostrophe, ethopoeia, hypotyposis, prosopopoeia, parenthesis & epiphonema. Hae inquam

sunt praecipuae, cum in persona sua loquitur poeta; at cum alias personas inducit colloquentes, in sermone earum omnes omnino figurae habent locum, potissimum vero: concessio, praetermissio, interrogatio, apostrophe, ironia, distributio, optatio, exsecratio, exclamatio, emphasis, aposiopesis. Nam istae maxime inserviunt affectibus exprimendis; personae autem in poemate loquentes, causam loquendi plerumque affectum habent amorem, dolorem, iram, sollicitudinem etc.

2) Ne taedium auditori ex perpetuo narrationis tractu suboriatur, memor officii sui poeta, quod debeat delectare, occurrit satietati hoc posissimum modo: multos in bello, multos in itinere casus & eventus, inexpectatos variisque affectibus, dolore, admiratione, terrore plenos fingit; item varias excogitat breves narrationes & nominatim certas personas magnum aliquid & singulare aut gessisse, aut fuisse passos comminiscitur. Quas narrationes paulo superius vocavimus fictiones, quae tales esse non videntur, quibus etiam, sed rarius, intermiscet apertas fabulas de deorum consiliis, auxiliis, prodigiis & cet.

3) Mirum in modum ornant epopoeiam appositae similitudines, quibus propterea frequentissime utuntur poetae heroici, non raro tragici, easque paulo fusius tractare solent. Hoc tantum observa in invenienda apta similitudine: ut non tantum imaginem rei quaeras, sed etiam quandam symmetriam seu commensurationem. Hoc est, si res fuerit magna, quanquam ei simile aliquid fuerit in parvis; non tamen a parvis, sed a magnis pete similitudinem: si dolorosa; non a laetis sed a tristibus: si terribilis, ab iis, quae plena terroris sunt. Mollia in mollibus, tenera in teneris, iucunda in iucundis exprimere adnitaris, contra quam faciunt dialectici; illi enim similitudine utuntur tantum ad probandam vel illustrandam rem nec quidquam pensi habent, an ex similitudine accedat ornatus rei; poeta vero per similitudinem non tam probare, quam illustrare, ornare & augere rem satagit. En ex mille optimis unam & alteram apud Virgilium: prima sit de recens interfecti juvenis Pallantis corpore lib. XI, v. 67.

> Hic juvenem agresti sublimem in stramine ponunt:
> Qualem virgineo demessum pollice florem
> Seu mollis violae, seu languentis hyacinthi,
> Cui neque fulgor adnuc, nec dum sua forma recessit,
> Non jam mater alit tellus, viresque ministrat.

Haec rei tenerae & miserandae a re pariter tenera, a decerpto, scilicet, flore effigies petita est. Jam vero idem ferocem in pugna Mezentium omnium in se impetum aequo animo excipientem immobili marinae rupi similem facit, Aeneid[os] X, 692.

> Uni odiisque viro telisque frequentibus instant.
> Ille velut rupes, vastum quae prodit in aequor,
> Obvia ventorum furiis, expostaque ponto,
> Vim cunctam, atque minas perfert caelique marisque
> Ipsa immota manet.

4) Ceterum, quod saepius inculcamus, haec ipsa ornamenta ornatiora efficiet varietas, quae in hoc consistit, ut non sint frequentes similes figurae in narratione, multo minus simul ponantur; sed modo repetitio, modo conduplicatio, modo aposiopesis, modo reliquae aliae; neque perpetuo & continuo una aliam sequatur & veluti unda undam impellat, quamquam illae diversae fuerint. Verum aliquando magna intervalla quasi non ornata relinquantur. Et hoc modo ipso cultus contemptu fient venustiora. Praeterea ingeniosa etiam inventa, fictae, inquam, narrationes, cum varietate miscendae sunt. Hoc est, nec una post aliam nec plures similes sibi ponantur; sed una ab alia & spatio distet, & longe diversam faciem habeat.

5) Usus vero omnium talis fere est: ubi frequentia rerum occurrit quum omnes unum agunt, vel easdem vices subeunt; tunc opportuna est figura adjectio & polysyndeton, non raro etiam repetitio ut Aeneid[os] lib. X, v. 747.

Caedicus Alcathoum obtruncat, Sacrator Hydaspem,
Partheniumque Rapo, & praedurum viribus Orsen,
Messapus Cloniumque, Lycaoniumque Erichaeten.

Et Ovidius Metamorph[oseon] II, fab. 2:

Ardet Athos, Taurusque Cilix, & Tmolus & Oete,
Et tum sicca, prius celeberrima fontibus Ide
Virgineusque Helicon & cet.

Conduplicatio vero servit vel cum, dicta re aliqua, convertimur ad illam explicandam, aut planius dicendam, ut Virgil[ius] Aeneid[os] X, 180:

Sequitur pulcherrimus Astur,
Astur equo fidens, & versicoloribus armis.

Vel reddendo rationem quare sic diximus, ut Aeneid[os] II, 405:

Ad caelum tendens ardentia lumina frustra;
Lumina: nam teneras arcebant vincula palmas.

Inservit maxime affectibus loquacibus & impatientibus, quales sunt: ira, laetitia, item gementibus & hiulcis, ut amori & miserationi, ut Aeneid[os] II, 769:

Implevi clamore vias maestusque Creusam
Nequicquam ingeminans, iterumque iterumque vocavi.

Elegantissime Virg[ilius] Georg[icon] IV prope finem de Orphei rescisso capite & per Hebrum fluvium natante, ereptamque conjugem Euridicen tum quoque invocante.

Euridicen vox ipsa, & frigida lingua,
Ah miseram Euridicen! anima fugiente vocabat.

Ad idem genus exornationis pertinet, cum ob mutationem fortunae animi aut corporis, eandem personam quasi diversam inducimus,

nomen ipsius duplicantes. Ut Ovidius de Niobe Metamorph[oseon] VI, fab. 3:

Heu quantum haec Niobe, Niobe distabat ab illa!

Et Virgilius de Hectore in somnis Aeneae apparente. Aeneid. II, 274:

Hei mihi, qualis erat! quantum mutatus ab illo
Hectore, qui redit exuvias indutus Achillis!

Dum ad aliquid magnum, terribile, miserandum, inexplicabile pervenitur, apostrophe commoda est, vel cum invocatione numinis vel convertendo sermonem ad certas personas, res, loca, tempora & cet. ut Aeneid[os] II, 240 ubi fatalis equus Trojam intravit:

Illa subit, mediaeque minans illabitur urbi.
O patria: o divum domus Ilium, & inclyta bello
Moenia Dardanidum!

Ovidius Metamorph[oseon] III, fab. 8 ad Narcissum puerum suos ipsius vultus in fonte admirantem amantemque veluti alienos:

Credule, quid frustra simulacra fugacia captas?
Quod petis, est nusquam, quod amas, avertere, perdes.

Praeclare Torquatus ante certamen duorum noctu fortiter initum, primum ad heroes, deinde ad noctem sermonem convertit. Cantu XIII, stroph. 54.

Jasnego słonca godne to czynienie
Wasze tam było, o Rycerze wzięci,
A ty o nocy, coś na nie swe cienie
I płaszez z zawisney kładła niepamięci:
Dopuść mi, proszę, y day pozwolenie,
Aby mym piorem byli z niey wyięci.
Niechay trwa wiecznie sława ich dzielnośći.
I niech ich swieci pamięć z twey ciemnosci.

Praeclare Torquatus ante certamen duorum noctu fortiter initum, aut interponendae admirationi, commiserationi, gemitui, suspirio ceterisque affectibus, qui sermonem nostrum solent interrumpere commode inservit; ut Aeneid[os] X, 723:

Impastus stabula alta leo ceu saepe peragrans,
(Suadet enim vesana fames) si sorte fugacem
Conspexit capream & cet.

Et Aeneid[os] IV, 453:

Vidit, turicremis cum dona imponeret aris
(Horrendum dictu) latices nigrescere sacros.

Ubi ventum est ad aliquem memorabilem locum, intercepto tractu narrationis, hypotyposis, seu descriptio loci sedem sibi vendicat, & incipit ex abrupto; ut Aeneid[os] VI, 236:

His actis propere exsequitur praecepta Sibyllae.
Spelunca alta fuit, vastoque immanis hiatu,
Scrupea & cet.

Ubi notatur tempus noctis, aut diei praecipua pars, locus est periphraseos, ut Virg[ilius]

Oceanum interea surgens aurora reliquit.

Hic etiam metalepsis usum suum habet.

Ubi mores personae secundum decorum tangendi sunt, usus est ethopoeiae, de qua plenius infra, ubi de decoro.

Non mediocris elegantia est, ex certo quodam usu verbalium temporum & quarundam particularum, quae in hypotyposi plerumque & in brevi narratione locum habent. Ex iis praecipua & frequentissima haec notanda sunt:

1) Primo hypotyposis locorum fere semper incipit a verbo *sum, est, erat, fuit* & cet. ut:

Est prope Cymmerios longo spelunca recessu.

Item:

Est in conspectu Tenedos & cet.

2) Breves vero narrationes frequenter a verbo praeteriti imperfecti vel plusquamperfecti inchoantur.

3) Si quid inexspectatum acciderit, infertur per particulam, *ecce*; ut:

Ecce trahebatur passis Priameja virgo
Crinibus!

Item Aeneid[os] II, 318:

Ecce autem telis Panthus elapsus Achivum!

Si vero quid insolitum, horrendum, ingens, magnum contigerit, monstratur per particulam *tum vero* denotando tempus, ut: Aeneid[os] II, 624:

Tum vero omne mihi visum considere in ignes
Ilium & cet.

Vel *hic vero* denotando locum, ut:

Hic vero ingentem pugnam & cet.

4) Istae deinde particulae, *ter* & *quater* solent bis iterari ubi aliquod omen, aut prodigium exponitur, ut: Aeneid[os] II, 242:

Quater ipso limine portae
Substitit, atque iterum sonitum quater arma dedere.

Vel cum aliquid frustra tentatum est, ut: Aeneid[os] VI, 700:

Ter conatus ibi collo dare brachia circum,
Ter frustra compressa manus effugit imago.

Ubi insignis & memorabilis narratio est finita, aut affectus alienus ingens descriptus, vel aliquem defunctum multis periculis exponimus, epiphonematis locus est. Sic Virgilius exposito, quomodo Nisus pro amico suo Euryalo ultro se hostibus occidendum offerebat, commodissime acclamavit, Aeneid[os] IX, 430:

Tantum infelicem nimium dilexit amicum!

Ibidem inferius absoluta de Niso & Euryalo narratione, narratis eorum ausis & interitu, acclamat cum apostrophe ad interemtos heroes, v. 446:

Fortunati ambo! si quid mea carmina possunt,
Nulla dies usquam memori vos eximet aevo.

Prosopopoeia non temere adhibenda ubique, sed cum magno judicio hoc ornamenti genere utendum est. Duplex vero est, vel cum sensum & actum, vel etiam cum sermonem damus rebus mutis, aut sensu carentibus. Prima frequentior est & saepe cum apostrophe & epiphonemate componitur ut:

Improbe amor, quid non mortalia pectora cogis!

Et Ovidius Metamorph[oseon] XI, fab. 2.

Te maestae volucres, Orpheu, te turba ferarum,
Te rigidi silices, tua carmina saepe secutae
Fleverunt silvae: positis te frondibus arbos
Tonsa comas, luxit, lacrimis quoque flumina, dicunt,
Increvisse suis.

Hae figurae sunt, quibus extra locutionem personarum poeta suo ore loquens uti solet. Nam illae, quibus inducta alicujus oratio ornanda est, ultro se offerent consideranti, ubi tempus postulaverit. Neque hic certum & unicum figurarum usum exposui, quasi praeter hunc alius esse nequeat, sed tantum id feci subministrando qualemcunque normam, ex qua facile cognoscatur, quibusnam in locis ejusmodi ornamenta ponenda sint.

De usu vero similitudinis haec singularis regula atque certa mihi quidem videtur. Quidquid tale est, quod spectando simile esse videatur dignumque spectatore, vel quod idoneum censeri potest, ut coloribus depingatur in tabula, huic apposita similitudo quaerenda est. Nam cum similitudo sit veluti quaedam imago rei, utique quod imagine dignum erit, erit hoc dignum & similitudine. Patebit hoc facile legenti poetarum scripta & similitudines observanti.

CAPUT VIII

DE AMPLIFICATIONE, PATHO & DECORO

Superest, ut aliquid dicamus de praecipuis virtutibus, quae non modo epopoeiae, verum & aliis poeticae facultatis speciebus sunt communes. Ea vero sunt: amplificatio, pathos & decorum. Illas tamen hoc loco tractare placet, quod heroica poesis reliquarum omnium princeps sit, & ita inter ipsas emineat, ut inter ceteros mortales heroes. Qua propter reliqua poemata ab epopoeia veluti a regina suas opes derivabunt.

I. Amplificatio

Amplificatio est non, cum id, quod paucis absolvi potest pluribus effertur, haec enim est periphrasis: verum est, cum res aliqua magna in suo genere ostenditur, quae alioquin talis esse non videretur sive paucis, sive pluribus verbis exposita esset. Ut Virgilius Aeneid[os] I, 592:

> Restitit Aeneas, claraque in luce refulsit;
> Os humerosque deo similis: namque ipsa decoram
> Caesariem nato genetrix, lumenque juventae
> Purpureum, & laetos oculis afflarat honores.

Si dixisset formosissimum, profecto non ita formam ejus commendasset, quam dum ex comparatione dei & quarundam partium demonstratione fecit ingentem speciem. Multa multi de amplificatione, sed ego haec breviter ad tres species revoco: incrementum, comparationem & congeriem.

Incrementum est, quando aliquid per unum, duos, vel plures gradus beneficio gradationis augemus, ut Aeneid[os] VI, 782:

> Imperium terris, animos aequabit Olympo.

Vel cum in summo gradu ponimus, ut Aeneid[os] VII, 649:

> Quo pulchrior alter
> Non fuit, excepto Laurentis corpore Turni.

Et Ovidius Metamorph[oseon] XIII, fab. 13, ubi Polyphemus enumeratis aliquot pecoris gregibus sic dicit:

> Nec, si forte roges, possem tibi dicere quot sunt.

Comparatio est, cum aliquam rem, cum alia magna una vel pluribus conferimus, iisque illam vel aequalem, vel majorem dicimus. Sic Virgilius Aeneid[os] VI, 801. Caesarem Augustum plures terras peragrasse & subegisse dicit, quam Herculem & Bacchum:

> Nec vero Alcides tantum telluris obivit:
> Fixerit aeripedem cervam licet, aut Erymanthi

Placarit nemora & Lernam tremefecerit arcu.
Nec, qui pampineis victor juga flectit habenis,
Liber, agens celso Nysae de vertice tigres.

Et Ovidius Metamorph[oseon] XIII, fab. 13 in cantilena de obstinatione Galateae:

Saevior indomitis eadem Galatea juvencis,
Durior annosa quercu, fallacior undis,
Lentior & salicis virgis, & vitibus albis:
His immobilior scopulis, violentior amne,
Laudato pavone superbior, acrior igni,
Asperior tribulis, foeta truculentior ursa,
Surdior aequoribus, calcato immitior hydro.

Nota hic, hyperbolem, quae fit per comparationem & similitudinem, quae rem non illustrat, quam auget, multum valere.

Congeries vero multos modos amplificandi in se continet.

1) Partium enumerationem: partes vero sunt, vel alicuius rei totius, vel generis universi. Quaedam enim res, si in genere, aut nomine totum comprehendente efferantur, non ita magnae videntur esse, quam si earum partes subjiciantur oculis. Sic Claudianus ubi posset dicere: non otia, sed labores docuit te genitor, enumerando species otii & laboris, mirum in modum rem amplificavit: Non tibi delicias molles & cet. Vide cap. III hujus libri ad finem. Ita & Horatius, quod paucis absolvisset verbis dicens: Justum virum nihil frangere potest, species difficultatum congessit. Carm. lib. III, od. 3:

Justum & tenacem propositi virum,
Non civium ardor prava jubentium,
Non vultus instantis tyranni
Mente quatit solida: neque Auster,
Dux inquieti turbidus Hadriae.
Nec fulminantis magna Jovis manus,
Si fractus illabatur orbis,
Impavidum ferient ruinae.

Et Virgilius Aeneid[os] V, 626 viae longitudinem sic amplificavit:

Septima post Trojae excidium jam vertitur aestas,
Cum freta, cum terras omnes, tot inhospita saxa & cet.

2) Effectorum Aeneid[os] VI, 857:

Hic rem Romanam, magno turbante tumultu,
Sistet eques: sternet Poenos, Gallumque rebellem,
Tertiaque arma patri suspendet capta Quirino.

Ibidem paulo superius v. 836:

Ille triumphata, Capitolia ad alta Corintho,
Victor aget currum, caesis insignis Achivis & cet.

Et Aeneid[os] IV, 373. Dido queritur beneficia sua exprobrans Aeneae:

Nusquam tuta fides! ejectum litora, egentem
Excepi, & regni demens in parte locavi;
Amissam classem, socios a morte reduxi.

3) Synonymorum cum verba aut sententiae fere idem significantes rem fadiunt auctiorem. Plautus in Bacchidibus actu V, scaena 1, sic nimiam cujusdam stultitiam exaggeravit:

Quicunque ubi sunt, qui fuerunt, quique futuri sunt post hac,
Stulti, stolidi, fatui, fungi, bardi, blenni, buccones,
Solus ego omnes anteeo stultitia & moribus indoctis.

Et apud Virgilium Aeneid[os] IV, 309, querula de Aenea Dido:

Num fletu ingemuit nostro? num lumina flexit?
Num lacrimas victus dedit! aut miseratus amantem est?

4) Adjunctorum, qui sons uberrimus est amplificationis; cum apud oratores, tum apud poetas: videlicet, quando adjuncta rei talia congeruntur, quae ipsam magnam efficiunt. Sciendum autem est, poetas aliquando fingere adjuncta, ut, cum dicunt, aliquem non ex homine, sed ex fera progenitum. Sic Dido adversus Aeneam Aeneid[os] IV, 365:

Nec tibi diva parens, generis nec Dardanus auctor,
Perfide: sed duris genuit te cautibus horrens
Caucasus, Hyrcanaeque admorunt ubera tigres.

Frequentissimae ejusmodi amplificationes apud poetas sunt, maxime vel cum loci distantiam, vel temporis longitudinem ostendunt, ut Aeneid[os] VI, 795.

Super & Garamantas, & Indos
Proferet imperium; jacet extra sidera tellus,
Extra anni, solisque vias, ubi caelifer Atlas
Axem humero torquet stellis ardentibus aptum.

Et Aeneid[os] I, 611. Longitudo temporis sic protracta est:

In freta dum fluvii current, dum montibus umbrae
Lustrabunt convexa, polus dum sidera pascet;
Semper honos nomenque tuum laudesque manebunt.

Nota hic, non qualiacunque, nec quocunque modo seu adjuncta, seu effecta, seu partes, seu alia id genus congerenda sunt, sed ea tantum & in hunc modum, ex quo res major, grandior amplior reddi posse videatur.

II. Pathos

Pathos graece, latine passio, seu ut vulgo exponitur, affectus, id est, interna quaedam hominis motio vocatur, dum scilicet homo laetis, aut tristibus gaudio, voluptate, amore, iracundia, metu com-

movetur. Eodem modo vocari solet oratio, quae ejus modi affectum exprimit. Et hic quidem de oratione sermo est, quam scias duplicem considerari posse, & maxime apud poetas.

Alia est, quae alienos affectus graphice depingit, videlicet, quid iratus, quid amans, quid tristis & dolens gerat aut patiatur?

Alia est, quae procedit ex aliquo affectu, seu quid & quomodo tristis aut laetus dicat, quae sensa sua, quae cogitationes sunt? Et ejusmodi orationes potissimum in personis tragicis theatralibus, deinde etiam in illis fiunt, quae in ethopoeia loquentes inducuntur; inserviunt etiam luctui elegiaco.

Prima, illa nihil aliud est, quam laetantium, tristium, iratorum ethopoeia, ut Aeneid[os] IV, I, mores amantis in Didone notantur:

> At regina gravi jamdudum saucia cura,
> Vulnus alit venis, & caeco carpitur igni.
> Multa viri virtus animo, multusque recursat
> Gentis honos: haerent infixi pectore vultus,
> Verbaque: nec placidam membris dat cura quietem.

Et paulo inferius v. 68.

> Uritur infelix Dido, totaque vagatur
> Urbe furens.

Et item paulo inferius v. 74.

> Nunc media Aeneam secum per moenia ducit,
> Sidoniasque ostentat opes, urbemque paratam.
> Incipit effari, mediaque in voce resistit.

Denique perfectissimam & summo ingenio expressam amantis ethopoeiam habes per totum IV librum Aeneidos, ad cujus exemplar, poteris aliis etiam commotos affectibus effingere.

Altera autem perdifficilis est; concipienda enim sunt sensa ponderosa, nervosa, subtilia, acuta, affectum apprime exaggerantia, & veluti vividos igniculos vibrantia. Quod ut facilius fiat, habe tibi generalem regulam hanc: finge te per intentam meditationem simili (quem describis) affectu tangi. V. g. si tristis est, finge tibi ejusmodi occasionem, subiisse, teque ob aliquid vehementer dolere et sic in ceteris; & hoc modo affectata mens naturae quodam impulsu incidet in cogitationes dolorosissimas, quas introductae in carmine tuo personae prudenter applicabis. Haec regula etiam a magistris rhetoricis pro tractandorum animorum assignatur, nec scio, an alio modo in exprimendis affectibus poeta ullus usus sit. Pro norma tamen & exemplo aliquot hic subjicio singulares observationes, quas in poetarum scriptis utcunque notavi, maxime circa affectum dolorosum & tragicum; hic enim frequentius humanum vitam urgere solet.

1) Ipsa brevis descriptio rei tristis, calamitatis, tyrannidis, mortis, vulnerum & cet. Aeneid[os] II, 270.

In somnis ecce ante oculos maestissimus Hector
Visus adesse mihi, largosque effundere fletus,
Raptatus bigis, ut quondam, aterque cruento
Pulvere perque pedes trajectus lora tumentes.
Hei mihi, qualis erat! quantum mutatus ab illo
Hectore, qui redit exuvias indutus Achillis!

Plena ejusmodi affectibus est apud Ovidium elegia 5, lib. I Trist[ium].

2)Quando inter mala, malorum pessimum nobis contigisse querimur, amplificando calamitatem nostram. Ita Ovidius Trist[iun] III, eleg. 10, postquam longe descripsit incommoda & pericula regionis, in qua exsulabat, exclamat in fine:

Ergo tam late pateat cum maximus orbis,
Haec est in poenam terra reperta meam!

3) Quando querimur, ejusmodi esse nostram calamitatem, ut omni etiam solatio destituamur. Trist[ium] V, eleg. 2:

Quo ferar, unde petam lapsis solatia rebus?
Anchora jam nostram non tenet ulla ratem.

4)Quando prae magnitudine doloris, si quid accidit paulo serenius, dicimus nos non credere esse id verum, vel vix credere, vel fingimus putare somnium illud aut ludibrium oculorum esse. Sic Andromache Hectoris uxor, dum Aeneam in itinere vidit post excidium Trojae fugientem & ipsa tunc exsul in Epiro quaerit an vera facies Aeneae ipsi offeratur, & an vivat ille? Aeneid[os] III, 308:

Diriguit visu in medio; calor ossa reliquit:
Labitur, & longo vix tandem tempore fatur.
Verane te facies? Verus mihi nuncius affers,
Nate dea? aut si lux alma recessit,
Hector ubi est? dixit lacrimasque effudit & omnem
Implevit clamore locum.

5) Quando dicimus aliquid prosperi vel boni habere nos, deinde per correctionem id ipsum vocamus miserum & lugubre, nomenque tantum vitae vel fortunae. Sic Aeneas ad Andromachen superius interrogantem respondet, ibid.:

Vix pauca furenti
Subjicio & raris turbatus vocibus hisco;
Vivo quidem, vitamque extrema per omnia duco.

6) Dum commovemur ex commemoratione secundae prioris fortunae, conferendo eam cum praesenti calamitate. Et hic locus affectuum uberrimus est. Aeneas Andromachen ibidem sic compellat:

Heu quis te casus dejectam conjuge tanto
Excipit aut quae digna satis fortuna revisit?
Hectoris, Andromachen? Pyrrhin, connubia servas?

7) Quando nostra mala cum alienis comparamus, nostraque illis vel aequalia, vel majora dicimus. Dido ad Trojanos Aeneid. I, 632:

Me quoque per multos similis fortuna labores
Jactatam, hac demum voluit consistere terra.

Et Ovidius de se ipso. Trist[ium] V, eleg. 7:

Et quota fortunae pars est in carmine nostro?
Felix qui patitur, quae numerare valet!

8) Dum dicimus nos aut sperare aliquid gravius, quam patimur, aut omnem sereniorem fortunam desperare, Sinon apud Virgilium Aeneid[os] II, 137:

Nec mihi jam patriam antiquam spes ulla videndi,
Nec dulces natos exoptatumque parentem:
Quos illi fors ad poenas ob nostra reposcent
Effugia, & culpam hanc miserorum morte piabunt.

9) Cum aliena mala ita dolemus, ut illa nostra esse dicamus, vel alterius calamitatem in nos potius optamus transferendam, id vero facimus ob amorem, quo erga miseros affecti sumus. Anna ad Didonem morientem Aeneid[os] IV, 682.

Exstinxti te, meque soror, populumque, patresque
Sidonios, urbemque tuam.

10) Cum contrarium evenisse querimur, quam quod exspectavimus; idque fit per interrogationem commiserationis. Mater Euryali ad occisum filium Aeneid[os] IX, 481:

Hunc ego te, Euryale, aspicio? tunc ille senectae
Sera meae requies? & cet.

Et Aeneas ad interfectum Pallantem Evandri filium Aeneid. XI, 45:

Non haec Evandro de te promissa parenti
Discedens dederam, cum me complexus euntem
Mitteret in magnum imperium, metuensque moneret
Acres esse viros, cum dura proelia gente.

Observa hic saepe tristibus rebus solere imponi laeta nomina, velut per ironiam, ut ibidem Aeneas de morte Pallantis, v. 54.

Hi nostri reditus, exspectatique triumphi?

Huc pertinet & illud Ovidii Trist[ium] III, eleg. 2:

Ergo erat in fatis Scythiam quoque visere nostris.

11) Quando, nisi malum removeatur, mortem expetimus ob impatientiam doloris. Aeneas Aeneid[os] V, 689, dum incensa classis arderet, sic exclamat ad Jovem:

Da flamman evadere classi
Nunc, Pater, & tenues Teucrum res eripe letho!
Vel, tu, quod superest, infesto fulmine morti,
Si mereor, demitte tuaque hic obrue dextra.

Et mater Euryali Aeneid[os] IX, 493:

Figite me, si qua est pietas in me omnia tela
Conjicite, o Rutuli, me primam absumite ferro!

12) Proximo simile est & illud cum ob praesentem calamitatem anxii dolemus nos non periisse tunc, cum ceteri peribant vel cum occasio pereundi fuit. Ovidium, Trist[ium] III, eleg. 2, postquam multos itineris sui casus enumeravit dolorosissime exclamat:

Hei mihi, quod nostri toties pulsata sepulchri
Janua, sed nullo tempore aperta fuit!

Vel cum eos dicimus felices & beatos, qui mortui vel interemti sunt, quod scilicet morte praevēnti, miseriam, quam ipsi patimur, effugerint. Aeneas in naufragio territus, Aeneid[os] I, 98:

O terque, quaterque beati,
Quis ante ora patrum, Trojae sub moenibus altis
Contigit oppetere! O Danaum fortissime gentis
Tydide, mene Iliacis occumbere campis
Non potuisse? tuaque animam hanc effundere dextra?

Et Andromache, Aeneid[os] III, 320:

Dejecit vultum, & demissa voce locuta est:
O felix una ante alias Priameja virgo,
Hostilem ad tumulum Trojae sub moenibus altis
Jussa mori! quae sortitus non pertulit ullos,
Nec victoris heri tetigit captiva cubile.

13) Quando dolens quasi prae dolore impos sui secum ipse pugnat loquendo, & quae prius dixit, ea negat, doletque se id dixisse. Ovid[ius] Trist[ium] III, eleg. 8:

Nunc ego jactandas optarem sumere pennas,
Sive tuas, Perseu, Daedale, sive tuas.
Ut tenera nostris cedente volatibus aura
Adspicerem patriae dulce repente solum.
Desertaeque domus vultum, memoresque sodales,
Caraque praecipue conjugis ora mihi.
Stulte, quid o frustra votis puerilibus optas.
Quae non ulla tulit, fertque feretque dies?

Ejusmodi affectibus plena est oratio Medeae lib. Metamorph[oseon] VII, ubi Medea secum ipsa deliberat, an debeat fugere cum Iasone, multaque eadem & negat & probat, & in utramque partem pendula, continuo secum pugnat. Dominatur hic figura dubitationis. Estque hoc genus pulcherrimum tragicarum orationum, quales & apud Senecam tragoedum videre est.

14) Optimi affectus eruuntur ex contrariis adjunctis simul accidentibus; ut si quid ploramus triste factum laeto tempore, captam urbem diebus festis, vel cum ceteri omnes laetantur, nobis aliquid lugubre accidisse; vel nostra etiam gaudia superveniente calamitate turbata esse. Aeneas ad Pallantem occisum Aeneid[os] XI, 42:

Tene, inquit, miserande puer, cum laeta veniret
Invidit fortuna mihi? ne regna videres
Nostra, neque ad sedes victor veherere paternas?

Sic Ovidius Trist[ium] III, eleg. 12, ubi descripsit vernum tempus, deplorat, se loca inamoena inhabitare:

O quater & quoties non est numerare beatum,
Non interdicta cui licet urbe frui!
At mihi sentitur nix verno sole soluta
Quaeque lacu duro vix fodiantur aquae.

Et Trist[ium] IV, eleg. 2. Triumphum, qui tunc Romae de Germania agebatur, describit, & ex hoc ipso grave suum exsilium esse dicit:

Nos procul expulsos communia gaudia fallunt;
Famaque tam longe non nisi parva venit.

15) Praestantissimus etiam effectus est, cum dicimus mala nostra ejusmodi esse, ut etiam duris hominibus & barbaris, etiam inimicis, nostris, etiam nostrae calamitatis auctoribus miseranda esse videantur, & lacrimas elicere possint, ut Aeneid[os] II, 6:

Myrmidonum, Dolopumve, aut duri miles Ulyssis
Temperet a lacrimis?

Et Ovidius Trist[ium] III, eleg. 11 contra inimicum jam sibi exsulanti & oppresso insultantem:

Carnifici fortuna potest mea flenda videri:
Te tamen est uno judice maesta parum.

Satis haec esse videntur & sufficere ad instruendos affectus; plurima autem sua quisque industria observare poterit.

Nota hic omnes hos & tales affectus frigidiores esse absque figuris; debent ergo figurarum acrimonia accendi, ut in omnibus fere aliis exemplis patet.

Figurae autem affectui inservientes sunt: repetitio, conduplicatio, antitheton, interrogatio, apostrophe, prosopopoeia, aposiopesis, obsecratio, dubitatio, sustentatio, parenthesis, & omnium frequentissima exclamatio.

Stylus plerumque inter summum & infimum medius, verba clara, non affectatae translationes, sententiae non circumductae, sed paucioribus verbis comprehensae, periphrasis simplicior & absque ostentatione. Et hoc naturae congruum est; homines enim graviter affecti, maxime ex tristi eventu, non habent animum fucum in verbis quaerendi, aut orationem nimia excolendi concinnitate.

III. Decorum

Decorum dicitur, quod decet, quo nomine dicta est celebris virtus poetica, qua prudenter considerat poeta, quid cui & personae, & tempori, & loco congruat, qualis hanc, vel illam personam intuitus,

incessus, habitus, cultus, totiusque corporis motus & gestus deceat, quid deinde & quomodo loqui competat. Haec prudentissima consideratio maxime necessaria heroico & tragico scriptori, & nisi eam habuerit, nec nomen auctoris assequetur; & tota facies poematis licet mille Veneres eam obsideant, deformis omnino apparebit. Sed ut optimi ingenii maturique judicii decorum nota est; ita contra ullam artis legem frequentius non peccatur quam contra decorum, maxime a quibusdam tragicis poetastris, apud quos in scena reges ineptiunt in imperando, nugantur in consultando, plorant ut feminae, irascuntur ut pueri, furiunt ut ebrii, jactabundi incedunt sicut proci, colloquuntur non aliter quam sellularii in officinis, aut in popinis rustici. Placet hic aliquod adducere exemplum, in quo hoc vitium ostendatur.

Multa igitur contra decorum apud recentiores invenies, qui se totam artem poeticam didicisse putant, si nihil in carmine contra quantitatem committant, etsi oestro quodam concitati, omnia importunis sententiis conspuant, & verba crepent sesquipedalia. En tibi Canonem [a] Jesuitam in hanc legem peccantem: in libello de Fodinis Bochnensibus inducit Kunegundam regis Polonorum filiam supplicare parenti, ut sibi salis fodinas concedat idque tanta cum subjectione rogare, ut & genibus regis advolvatur, & humi prona jaceat, & vota precesque consumat, & longa patrem pietate fatiget. Quorsum tam miserae neniae? Hoc modo debuit Kunegundae deum pro peccatis exorare, quo hic salem petit. Quid enim minus decuit, quam & reginam & filiam usque adeo abjectam rem, humilem & mercatoribus tantum optabilem petere apud patrem regem? Dicit ibidem, quod eadem regina annulum suum in antra salis injiceret, qui casu in glebam salis impressus, cum sale extractus est, quem cum tanto inquit gaudio regina accepit, ut & oscula gemmae congeminaverit, & allocuta veluti vivum fuerit, ipseque auctor non possit dicere ejus laetitiam; ita enim alloquitur:

> At tibi tunc quid mentis erat, cum de salis antris
> Acciperes reducem sed non sine faenore gemmam,
> Connubii decora ampla tui, quae gaudia pectus,
> O virgo, subiere tuum? quae flamma? quis ardor? & cet.

Certe non magis Euclio ille senex apud Plautum in Aulularia sollicitus fuit de pecuniaria sua aula, quam hanc reginam de sale & annulo anxiam fuisse suspicor, adeo, dum de sale tractabat, non sapiebat vates. Non tamen magnopere mirandum [б] est, nisi quis nimis indecore labatur, cum & apud magnos viros nasuti critici ejusmodi errata notaverint. Ut omittam reliquos, apud principem poetarum Homerum multa indecora observat & carpit Scaliger libro Critico cap. II. Quod scilicet dixerit solem ex nuntio rescivisse, devoratos

---

[а] *Исправлено из* Cononem
[б] *Исправлено вместо* mitandum

esse suos boves a sociis Ulyssis indecore; sol enim mundi oculus, rerum inspector, omnibus praesens & omnia videns passim a poetis dicitur. Deinde quod Venerem a mortali manu vulneratam cecinerit, &, quod turpius est, Achillem induxerit flere apud matrem, Martem vociferare & gemere. Item, quod in proeliis, ubi res expedita esse debet, nimis longas orationes fecerit, & multa alia. Nimirum verum hoc est, quod dicit Horatius lib. de Arte poetica, v. 359.

Quandoque bonus dormitat Homerus.

Diligenti igitur judicio perspiciendum erit, ut & gestus, & cultus, & oratio personae, loco & tempori competens tribuatur: nihil humile reges dicant, heroes etiam vulnerati non fleant, &, ut ait Horatius, ibid., v. 227:

Ne, quicunque deus, quicunque adhibebitur heros
Regali conspectus in auro nuper & ostro
Migret in obscuras humili sermone tabernas,
Aut dum vitat humum, nubes & inania captet.

Quod ut melius succedat, en aliqua exempla. Aeneid[os] IV, 447 Aeneas jussu deorum Didonem relinquens Didonis & sororis ejus Annae vocibus movetur quidem, sed non vincitur.

Haud secus assiduis hinc, atque hinc vocibus heros
Tunditur, & magno praesentit pectore curas
Mens immota manet: lacrimae volvuntur inanes.

Quare sic? nam si vinceretur fortis ille heros, nec heros, nec fortis, sed mollis & levis esset; at si ne moveretur quidem lacrimis, Stoica apathia laboraret, & esset durus & crudelis, quem ubique pium vocat Virgilius.

Aeneid[os] lib. I invitatus a Didone Aeneas, ut subiret hospitium, mittit Achatem pro Ascanio, qui in litore ad naves remanserat, decuit enim sic patrem sollicitum esse de filio magnae spei puero.

Decentissime illud & maxime naturae congruum Aeneid[os] VI, 469. Aeneas Didonem errantem apud inferos videns deprecari ceperat, quod divino nutui obsecutus ipsam reliquerit, causaque mortis ejus exstiterit; at illa quid?

Illa solo fixos oculos aversa tenebat,
Nec magis incepto vultum sermone movetur,
Quamsi dura silex, aut stet Marpesia cautes.
Tandem proripuit sese atque inimica refugit
In nemus umbriferum.

Aliter deinde Anna sororem & Euryali mater filium, aliter rex Euander filium Pallantem deplorat. En luctum femineum feminis dignum. Anna Aeneid[os] IV, 672:

Audiit exanimis, trepidoque exterrita cursu.
Unguibus ora soror foedans, & pectore pugnis
Per medios ruit, ac morientem nomine clamat.

Et mater Euryali Aeneid[os] IX, 477:

Evolat infelix, & femineo ululatu.
Scissa comam, muros amens, atque agmina cursu
Prima petit: non illa virum, non illa pericli
Telorumve memor, caelum dehinc questibus implet.

At Evander, ubi corpus interemti filii allatum est, vehementer quidem &, ut par est, angitur; sed nec comam scindit, nec foedat ora unguibus. Aeneid[os] XI, 148:

At non Evandrum potis est vis ulla tenere;
Sed venit in medios pheretro Pallanta reposto
Procumbit super, atque haeret lacrimansque gemensque.

Decore item Aeneid[os] V. Daretem in certamen prodeuntem, quia juvenis erat, dicit caput altum tollere, humeros latos ostendere alterna brachia jactare & verberare ictibus auras. Conta ibidem senex Entellus, ubi se prius modeste excusavit, opus fortiter aggreditur.

Ovidius etiam ingenio par, judicio Maroni concendens, decorum tamen diligenter observat. Metamorph[oseon] II, fab. 5 Juppiter solem precatur, ut redeat ad officium (quod ille propter dejectum Phaetontem detrectabat), & quia princeps deus inferiorem & sibi subditum precari dictus est, decentissime addit poeta:

Precibusque minas regaliter addit.

Sed optima & certissima pro hac re exempla petantur ex orationibus Ajacis & Ulyssis pro armis Achilleis certantium Metamorph[oseon] XIII, fab. I. Aiax, quia nihil aliud, quam miles erat, nec excultus artibus litterarum, loquitur fervide, ferociter, jactabunde, curiose, cum contemptu, minis & indignatione, & prae irae impotentia turbate, festinanter, nec adeo copiose; at Ulyssis, ut pote viri eloquentissimi & docti, oratio plena est gravibus sententiis, argumenta fortia vibrat, facile objecta diluit, sedatior sed validior sermo, non abhorret a numeris & ornatu oratorio, verborum copia & splendore admirandus.

CAPUT IX

TOTIUS DOCTRINAE IN SUPERIORIBUS CAPITIBUS DATAE EXEMPLA SUBJICIUNTUR. AC PRIMUM NARRATIO POETICA CONFERTUR CUM HISTORICA

Ut omnes superius hoc libro datae praeceptiones uno in exemplo ceu in speculo ob oculos ponantur, solidiusque ars & perspiciatur & imprimatur memoriae; visum est utile & proficuum fore, si hic aliquas insignium poetarum lucubrationes subjiciamus, & ergo in illis servatas artis leges veluti digito demonstremus. Sit ergo hic primum narratio historica & poetica de eadem re, ex quarum collatione planum

erit discrimen huius ab illa, & hoc ipso ars narrandi poetice melius cognoscetur. Luctuosam de violata Lucteria historiam scribit Titus Livius historiarum ab Urbe cond[ida] lib. I ad finem. Eandem scribit Ovidius Fast[orum] lib. II pariter ad finem. Videamus utriusque narrandi rationem.

Narratio historica de Lucretia castissima Romanorum femina ex Titi Livii lib. I Historiarum

Tarquinius inscio Collatino cum comite uno Collatiam venit; ubi exceptus benigne ab ignaris consilii, quum post cenam in hospitale cubiculum deductus esset, amore ardens postquam satis omnia tuta circa sopitique omnes videbantur; stricto gladio, ad dormientem Lucretiam venit, sinistraque manu mulieris pectore oppresso, tace, Lucretia, inquit, Sextus Tarquinius sum, ferrum in manu est, moriere, si emiseris vocem. Cum pavida e somno mulier nullam opem, prope mortem imminentem videret, tum Tarquinius fateri amorem, orare, miscere precibus minas, versare in omnes partes muliebrem animum. Ubi obstinatam videbat et ne mortis quidem inclinari; addit ad metum dedecus, cum mortua jugulatum servum nudum positurum ait, ut in sordido adulterio necata dicatur. Quo terrore cum vicisset obstinatam pudicitiam velut victrix libido, profectusque inde Tarquinius ferox, expugnato decore muliebre esset, Lucretia maesta tanto malo nuntium Romam eundem ad patrem Ardeamque ad virum mittit, ut cum singulis fidelibus amicis veniant. Ita facto maturatoque opus esse; rem atrocem incidisse. Sp. Lucretius cum P. Valerio Volesi filio, Collatinus cum L. Junio Bruto venit, cum quo forte Romam rediens, a nuntio uxoris erat conventus. Lucretiam sedentem maestam in cubiculo inveniunt, adventu suorum lacrimae obortae, quaerentique viro, satin salva? minime, inquit; quid enim salvi est mulieri amissa pudicitia? Vestigia viri alieni, Collatine, in lecto sunt tuo: Ceterum corpus est tantum violatum animus insons: mors testis erit. Sed date dextras fidemque, haud impune adultero fore. Sextus est Tarquinius, qui hostis pro hospite priore nocte vi armatus mihi sibique, si vos viri estis, pestiferum hinc abstulit gaudium. Dant ordine omnes fidem: consolantur aegram animi avertendo noxam ab coacta in auctorem delicti: mentem peccare non corpus, & unde consilium abfuerit, culpam abesse. Vos, inquit, videritis, quid illi debeatur: ego me, etsi peccato absolvo, supplicio non libero, nec ulla deinde impudica Lucretiae exemplo vivet. Cultrum, quem sub veste abditum habebat, eum in corde defigit, prolapsaque in vulnus, moribunda cecidit. Conclamant vir paterque; Brutus illis luctu occupatis, cultrum ex vulnere Lucretiae extractum manantem cruore prae se tenens, per hunc, inquit castissimum, ante regiam injuriam, sanguinem juro, vosque, dii, testes facio, me L. Tarquinium Superbum cum scelerata

conjuge & omni liberorum stirpe, ferro, igni, quacunque de hinc vi possim, exequuturum. Cultrum deinde Collatino tradit, inde Lucretio ac Valerio stupentibus miraculo rei, unde novum in Bruti pectore ingenium, ut praeceptum erat jurant; totique ab luctu versi in iram, Brutum jam inde ad expugnandum regnum vocantem sequuntur ducem. Elatum domo Lucretiae corpus in forum deferunt, concientque miraculo, ut fit, rei novae atque indignitate homines; pro se quisque scelus regium ac vim queruntur; movet tum patris maestitia, tum Brutus castigator lacrimarum atque inertium querelarum, auctorque quod viros, quod Romanos deceret, arma capienda adversus hostilia ausos.

Narratio poetica idem quod superior continens, ex Ovidii Nasonis lib. II Fastorum

Hostis, ut hospes init penetralia Collatini:
Comiter excipitur. Sanguine junctus erat,
Quantum animis erroris inest! parat inscia rerum
Infelix epulas hostibus illa suis.
Functus erat dapibus. Poscunt sua tempora somnum.
Nox erat: & tota lumina nulla domo:
Surgit & aurata vagina liberat ensem,
Et venit in thalamos, nupta pudica, tuos.
Utque torum pressit: ferrum, Lucretia, mecum est,
Natus, ait, regis Tarquiniusque loquor.
Illa nihil. Neque enim vocem viresque loquendi,
Aut aliquid toto pectore mentis habet.
Sed tremit, ut quondam stabulis deprensa relictis,
Parva sub infesto cum jacet agna lupo.
Quid faciat? pugnet? vincetur femina pugnans.
Clamet? at in dextra, qui vetet, ensis erat.
Effugiat? positis urgentur pectora palmis;
Tunc primum externa pectora tacta manu.
Instat amans hostis precibus, pretioque, minisque:
Nec prece, nec pretio, nec movet ille minis.
Nil agis, eripiam, dixit, pro crimine vitam:
Falsus adulterii, testis adulter ero.
Interimam famulum, cum quo deprensa fereris.
Succubuit famae victa puella metu.
Quid, victor, gaudes? haec te victoria perdet.
Heu quanto regnis nox stetit una tuis!
Jamque erat orta dies. Passis sedet illa capillis,
Ut solet ad nati mater itura rogum,
Grandaevumque patrem fido cum conjuge castris
Evocat, et posita venit uterque mora
Utque vident habitum, quae luctus causa requirunt,
Cui paret exequias, quove sit icta malo?
Illa diu reticet, pudibundaque celat amictu
Ora. Fluunt lacrimae more perennis aquae.
Hinc pater, hinc conjunx lacrimas solantur, & orant,
Indicet, & caeco flentque paventque metu.
Ter conata loqui, ter destitit, ausaque quarto,
Non oculos ideo sustulit illa suos.

Hoc quoque Tarquinio debebimus? eloquar, inquit,
Eloquar infelix dedecus ipsa meum?
Quaeque potest, narrat; restabant ultima; flevit,
Et matronales erubuere genae.
Dant veniam facto genitor conjunxque coactae.
Quam, dixit, veniam vos datis, ipsa nego.
Nec mora, celato fixit sua pectora ferro:
Et cadit in patrios sanguinolenta pedes.
Tunc quoque jam moriens ne non procumbat honeste,
Respicit. Haec etiam cura cadentis erat.
Ecce super corpus communia damna, gementes
Obliti decoris, virque paterque jacent.
Brutus adest tandemque animo sua nomina fallit
Fixaque semianimi corpore tela parit.
Stillantemque tenens generoso sanguine cultrum,
Edidit impavidos ore minante sonos:
Per tibi ego hunc juro fortem castumque cruorem,
Perque tuos manes, qui mihi numen erunt,
Tarquinium profuga poenas cum stirpe daturum.
Jam satis est virtus dissimulata diu.
Illa jacens ad verba oculos sine lumine movit
Visaque concussa, dicta probare, coma.
Fertur in exequias animi matrona virilis
Et secum lacrimas invidiamque trahit.
Vulnus inane patet. Brutus clamore Quirites
Concitat, & regis facta nefanda refert.
Tarquinius cum prole fugit; capit annua consul
Jura. Dies regnis illa suprema fuit.

Notatur differentia utriusque narrationis

Nota hic prius, Ovidium istam narrationem non plane scripsisse poetice sicut & ceteras in lib. Fast. Nec enim heroicum poema facit, sed tantum ex occasione Romanorum festorum, res aliquas fictas, aut veras commemorat & eas breviter ac succincte percurrit; unde & in hac narratione exponenda, fere vestigiis Titi Livii insistit; nihilominus tamen & haec ejus narratio diversam faciem habet ab historica. Vide discrimen: historicus exponit, ut gestum est; poeta modum verisimilem fingens, de suo quaedam addit, quo haesitet diu destituta auxilio, quod diu taceat coram parente & marito, & ora prae pudore amictu celet; quod ter conata loqui non potuerit; quod dum narrat, dicat ea tantum, quae dicere potest, cetera ob verecundiam lacrimis & rubore indicet; quod & moriens respiciat, ne non procumbat honeste; quod supra corpus prolapsi obliti decoris virque paterque jacent. Et demum, quod minas Bruti jactatas in Tarquinium motu oculorum & capitis moribunda comprobet, quae omnia in historico desiderantur.

Deinde stylus & ornatus diversus est; exclamat poeta: Quantum animis & cet. luditque paradoxis: parat inscia rerum & cet. Et: instat amans hostis & cet. Haec te victoria perdet & cet. Animi matrona virilis. A quibus abstinuit historicus, poeta utitur similitudinibus: sed tremit ut quondam stabulis & cet. Item: ut solet ad nati & cet. quae

in historia supervacua essent. Quae historicus brevius, haec fusius poeta. Ille dixit: mulier opem nullam prope mortem imminentem videt; hic amplificat id ipsum: Quid faciat & cet. Jam illae figurae, quae mirum in modum in carmine placent, prorsus in historia non ferendae sunt. Subitanea apostrophe: Et venit in thalamos & cet.; et haec alia cum interrogatione: Quid, victor, gaudes et cet.; epiphonema; Heu quanto regnis & cet.; conduplicatio: tunc primum externa & cet. Et illa: nec prece, nec pretio & cet. et particulam *ter* geminans, quae cuncta nec scripsit Livius nec debuit scripsisse.

CAPUT X

DE TRAGOEDIA, COMOEDIA, & TRAGICO-COMOEDIA

Tragoedia est poesis virorum illustrium graves actiones, & potissimum fortunae vices & calamitates actu et sermone personarum imitans.

Comoedia vero poesis est, quae ad vitae institutionem & maxime carpendos pravos hominum mores, civiles & privatas vulgi actiones actu pariter & sermone personarum cum joco & facetiis exprimit.

Ex his tertium genus mixtum constituitur, quod dicitur tragico-comoedia, seu ut Plautus in Amphitryone vocat, tragoedo-comoedia, cum scilicet res ridiculae & facetae cum seriis aut tristibus, personaeque viles cum illustribus permiscentur. Tale drama est apud Plautum, quod dicitur Amphitryo.

Tragoedia a comoedia differt, quod illa res tristes, actiones serias, eventus graves virorum illustrium, haec contra humilium personarum res gestas & risu dignas effingit. Utraque vero differt ab epopoeia, quod in hac poeta sermone tantum & non actu, idque potissimum in una persona, in tragoedia vero & comoedia actu simul & sermone inductarum personarum rem tractat. Circa omnes tres aliqua hic notanda sunt.

a) Nomen dramati (per drama autem comoedia & tragoedia intelligitur) solet imponi vel a loco, vel a re, vel a persona primas partes in actione habente. A loco dicitur apud Plautum, Brundusia, apud Terentium Andria,[a] apud Senecam Thebais; a re (per rem insignes eventus vel instrumenta intellige) Plauti dicta est Aulularia, Mostellaria, Captivi etc., sed frequentissime a persona principali ducitur nomen, ut apud Senecam Hercules Furens, Hercules Oetaeus, Agamemnon, Medea, Hyppolitus, Octavia & cet.

b) Partes dramatis sunt duplices: actus, seu partes fabulae principales, & scenae seu partes partium. De illorum ordine ac numero haec nota:

---

[a] *Исправлено из* Adria,

1) Non plures nec pauciores actus debere esse, quam quinque, quod & praecepto Horatii & exemplo omnium fere tam tragicorum, quam comicorum discimus.

2) Quanquam per actus intelligantur praecipue partes fabulae; hunc tamen illorum ordinem observant praeceptores; ut in primo actu ea pars fabulae tractetur, quae summam rei totius continet, & hic actus in tragoedia dicitur prologus seu protasis; nam in comoedia prologus extra actum est, praefatio videlicet toti fabulae praemissa; in secundo res ipsa fieri incipiat, & dicitur epitasis; in tertio impedimenta & perturbationes efferantur, diciturque haec pars catastasis; in quarto fiat accessus ad rei exitum, qui pariter ad catastasim spectat; in quinto res tota absolvatur, & haec pars dici solet catastrophe.

3) Scena graece *skini*, id est umbra dicitur eo, quod primi illi comoediarum auctores caveas theatri contextu viridium arborum obumbrarent. Est vero scena pars actus in qua duae pluresve personae colloquuntur, & aliquando una solum inducitur.

4) Scenae in actu possunt esse plures, sed numerum decimum excedere non debent; una autem scena non raro in tragoediis totum actum absolvit, ut videre est apud Senecam.

5) Scaena tunc incipit alia, quando vel nova supervenit persona, vel una excedens alios colloquentes relinquit.

6) Notaverunt quidam & bene, ex perpetuis auctorum exemplis quod plures, quam tres personae in eadem scena colloqui non debeant, quanquam plures esse possint.

7) Hoc quoque scitu dignum est, quod omnes personae nisi actu finito ex theatro non debeant exire, sed ex priore scena ad aliam vel una persona semper relinquatur.

c) Est praeterea in tragoedia chorus, qui tamen inter partes fabulae numerandus non videtur, quod extra fabulae actiones sit. Chorus autem est saltus ad cantum appositus; sed per saltum hic non intellige hilarem tantum corporis motum & ab exultante animo procendentem, qualem tragoedia vix patitur, sed qualemcunque artificiosum & concinnum personarum incessum gestumque ad ea, quae canuntur, appositum. In choro multae simul personae esse possunt, sed pro una omnes habentur, quia vel una praecinente, omnes reliquae moventur, vel omnes simul idem canunt & agunt. Chorus autem semper post actum ponitur, exprimitque rerum vices & fortunae mutationes.

d) In comoedia argumentum semper fingitur. Argumentum vero tragoediae plerumque ab historia, vel a nota fabula petitur, quanquam aliquando & fingi possit. Ceterum sive ficta, sive vera res tractetur, tractari debet eo modo, quo diximus superius de heroico poemate; id est, non omnes actiones veras omnino, & ut traditae sunt ab historico inducere cogimur, sed & de nostro etiam cum personae, tum actiones vero similiter fingere licet.

e) Actores seu personae: non omnes congeri debent, quotquot in re gesta convenire poterant; ut, si tractetur historia de nece Mauricii imperatoris, non inducendi sunt, etiam milites gregarii, etiam civium vulgus, etiam corporis custodes ceterique ministri regii; sed tantum illae personae induci debent, quae aliquid praecipuum, insigne & singulare in illo fortunae ludibrio peregerunt. Unde multitudo personarum colloquentium vitiosa est, sed, ut, plerique censent, & exemplis docemur, in toto dramate plures, quam quattuordecim, aut quindecim personae non sint, nisi assistentes & mutae; alias rerum confusio & longitudo non evitabitur.

f) Comoedia stylo simplici, rustico, plebejo, quales habet actores, scribi debet. At tragoedia, quia magnas & res et personas in se continet, gravi & sublimi genere scribendi indiget. Unde Ovidius:

> Omne genus metri gravitate tragoedia vincit.

Debet ergo tragoedia plena esse affectibus, gravibus sententiis, verbis sonantioribus & periphrasi plane regia. Denique, si quae alia, haec potissimum poesis decorum servare debet, de quo fusius tractavimus superius.

g) Non omnes actiones in scena producantur, sed aliae per narrationem colloquentium personarum exprimi debent, & potissimum illae, quae vel parum vero similes fidem non merentur; vel ob rei immanitatem aut turpitudinem non dignae sunt oculis spectatorum. Unde Aeschylus teste Aristotele in lib. de Arte poetica caedes a scena removit & illas per nuntios narrari jussit; quomodo apud Senecam in Agamemnone Agamemnonis caedem vates Cassandra absens, quasi praesens & videns enarrat. Salubre hac de re praeceptum Horatii lib. de Arte poetica v. 182:

> Non tamen intus
> Digna geri, promes in scenam, multaque tolles
> Ex oculis, quae mox narrat facundia praesens:
> Nec pueros coram populo Medea trucidet,
> Aut humana palam coquat exta nefarius Atreus,
> Aut in avem Procne vertatur, Cadmus in anguem;
> Quodcunque ostendis mihi sic, incredulus odi.

Huc referenda videntur & sacrosancta fidei nostrae Mysteria, Incruentum Sacrificium, Baptismus ceteraque id genus, quae ob excellentem majestatem suam in scena proponi non debent.

h) Hoc praeterea scire maxime oportet, non debere in tragoedia totam, alicujus viri vitam actu tractari, aut etiam unam rem gestam, sed multorum mensium, aut annorum spatio absolutam, sed & unam tantum actionem, & illam, quae inter duos aut tres potissimum dies vel gesta est, vel geri potuit. Quodsi haec actio pendeat a multis prioribus, illae per narrationem personae alicujus exprimantur.

CAPUT XI

DE VERSIBUS TRAGOEDIIS COMPETENTIBUS

Sicut hexameter epopoeiae ita tragoedia iambus maxime inservit, ejus auctorem communis sententia facit Archilochum. Ut Horatius de Arte poetica v. 72:

> Archilochom proprio rabies armavit iambo.
> Hunc socci repere pedem, grandesque cothurni,
> Alternis aptum sermonibus, & populares
> Vincentem strepitus, & natum rebus agendis.

Iambi duo genera sunt: alterum perfectum, quod penultimam syllabam brevem habet; alterum imperfectum, in cuius ultima sede spondaeus est. De utroque Ovidius:

> Liber in adversos hostes stringatur iambus
> Seu celer, extremum seu trahit ille pedem.

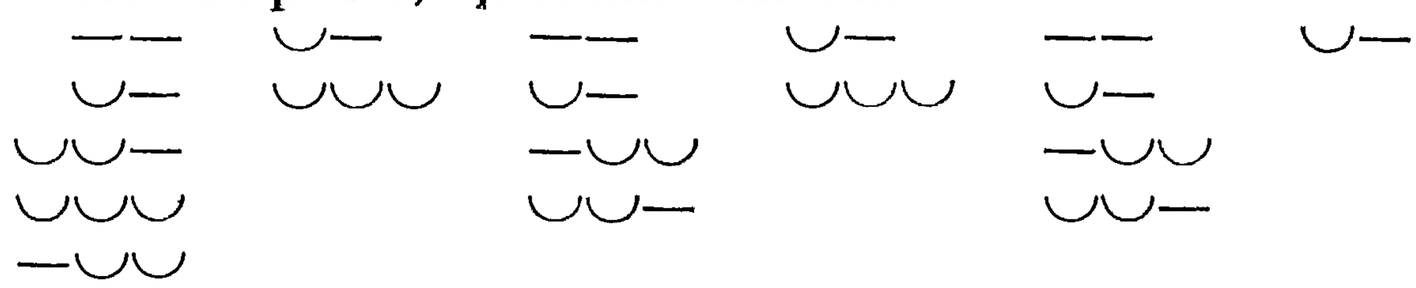
Deinde alii iambi sunt puri, qui videlicet solis iambis constant ut:

> Beatus ille, qui procul negotiis.

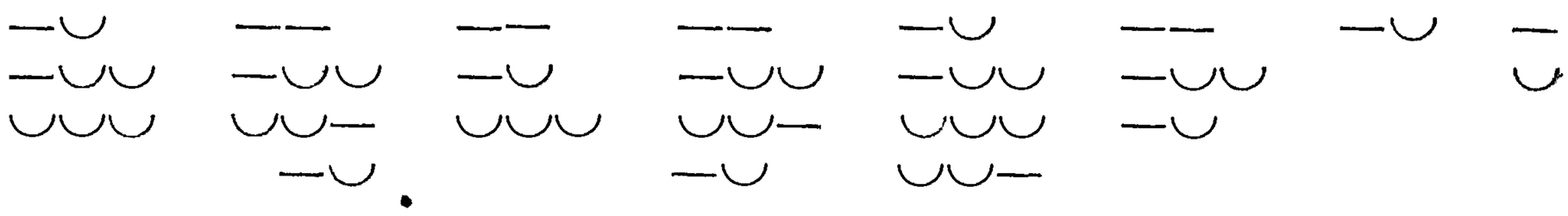
Et horum proprie Archilochus auctor est, eosque Horatius in Latinam poesim se primum invexisse testatur:

> Parios ego primus iambos
> Ostendi Latio, numeros animosque secutus
> Archilochi.

Sed tragicus non curat hos puros, nisi forte in decoro: tragoedia enim solet scribi impuris, quorum schema tale est.

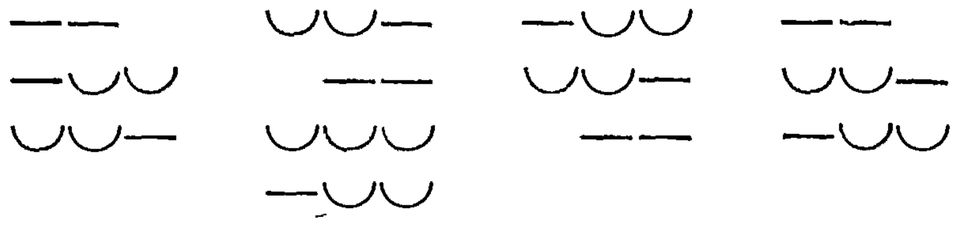


Trochaicus versus est:



> Supplicis, animae, remissis currite ad thalamos meos.
> Medea
> Ultimo quodque Proteus aequoris abscondit sinu.

Anapaesticum a dominante pede nomen dixit.



> Qui vultus Acherontis iniqui.

Dactylicum:

—⏑⏑ —⏑⏑ —⏑⏑ —⏑⏑
—— —— — — — —
⏑— ⏑⏑⏑⏑

Extimuit manus insueta aevi.

Asclepiadeum seu Choriambicum:

—— —⏑ —⏑⏑ —⏑⏑
—⏑⏑ ——

Ut primum magni natus Agenoris
Sub nostrae,ramis constitit, arboris.

Glyconicum ab auctore Glycone dictum, dicitur & Choriambicum trimetrum:

—— —⏑⏑ —⏑⏑
—⏑⏑ ——

Tibur dum putat ululat.

Plebeicum seu Hendecasyllabum:

—⏑ —⏑⏑ —⏑ —⏑ —⏑

Ter modo Antiacae graves catervae.

Sapphicum:

—⏑ —— —⏑⏑ —⏑ —⏑
——

Adonius

—⏑⏑ ——
—⏑

Et tuas lento remeare bigas
Candida Phoebe!

Si vero Sclavonico, aut Polonico idiomate componatur tragoedia, aptissimum videtur carmen, quod terdecim syllabarum numero constat, sed hac lege observata, ut raro cum versu terminetur sententia; sed fere semper ex uno in alium trahatur, alias tragicae gravitati multum derogabitur.

LIBER III

DE BUCOLICA, SATYRICA, ELEGIACA, LYRICA & EPIGRAMMATICA POESI

CAPUT I

DE POESI BUCOLICA & SATYRICA

Bucolica poesis est rusticarum actionum imitatio. Est similis comoediae; differt tamen, quod illa res etiam civiles haec tantum agrestium tractat. Fere semper, est allegorica; volens nimirum poeta exprimere bonum, vel milum affectum, vel successum suum, aut alie-

num, fingit duas pluresve personas rusticas, sub quarum nomine alios de quibus scribit, innuit miscere secum sermonem de agris, de capellis, de lacte, de bobus, & cet., sub quibus tamen designat vota, gratulationes, laudationes, obtrectationes, querimonias, gaudia & cet.; ut in prima ecloga Virgilius sub nomine Tityri pastoris, felicem fortunam suam & beneficia Caesaris, quem deum vocat, explicat.

Nomen eclogis imponitur a nomine praecipui pastoris. Scribitur carmine hexametro, quod hoc genus carminis narrandis rebus maxime accommodatum, & cunctationi rusticae idoneum. Fugiendus est, omnis cum verborum, tum sententiarum splendor, granditas & ambitus, quod rerum humilitati adversantur. Commendantur in Bucolicis versus, in quibus primo loco & quarto pedes integris vocibus praesertim dactylicis absolvantur; ut Virg. ecl. II, 56:

Rusticus es Corydon, nec munera curat Alexis.

Item ecl. III, 96:

Tityre pascentes a flumine rejice capellas.

Celebre est etiam poema, quod satyricum seu satyra nuncupatur a satyris ethnicorum silvestribus diis petulcis, dicacibus & ridiculis; videlicet, quod & satyra dicax & faceta esse debeat in carpendis hominum vitiis. Scribitur carmine hexametro.

Partes nullas certas habet, sed ad arbitrium suum, quae proposuerit poeta, illa tractat.

Ne tamen satyra, cum carpendo vitiosos mores corrigere eos satagit, magis laedat & irritet animum, quam sanet; hoc in ipsa observandum est, quod facere solent medici, dum amaras potiones aegrotis pueris propinant. De quibus sic Lucretius:

Nam veluti pueris absynthia tetra medentes
Cum dare conantur, prius oras pocula circum
Contingunt mellis dulci flavoque liquore,
Ut puerorum aetas improvida ludificetur,
Labrorum tenus, interea perpotet amarum
Absynthi laticem, deceptaque non capiatur,
Sed potius tali tactu recreata valescat.

Eodem modo & satyrae acrimonia temperari debet suavitate quadam poetica, quo circa debet in satyra esse varietas materiae, crebrae & acutae sententiae, jucundae & appositae fabellae, ceteraque omnia voluptati inservientia, sed locutio non sublimis, familiari sermoni similis, & captu facilis. Nomina personarum non tangenda sunt, sed vel de proprio excogitanda potissimum Graeca, quae habent significationem alicujus vitii; aut ex Martiale, Horatio, Juvenale sumi possunt: ut Gargilianus, Pontilianus, Tuscus, Posthumus, & cet.

CAPUT II

DE ELEGIA, UBI & DE VERSU PENTAMETRO

Elegia, ut nomen ejus sonat, est quaedam lamentabilis poesis, quod insinuat Ovidius:

> Flebilis indignos, elegia, solve capillos,
> Ah nimis ex vero nunc tibi nomen erit.

Et primum quidem tristes tantummodo res hoc genere canebantur, postea quaecunque materia coepit tractari, id quod Horatius lib[ro] de Arte poetica v. 75:

> Versibus impariter junctis querimonia primum,
> Post etiam inclusa est voti sententia compos.

Unde Ovidius etiam libros Fastorum hoc genere carminis persecutus est. Ceterum mihi quidem videtur, quanquam non semper triste argumentum elegia habere debet, tale tamen ei maxime competit, quod affectibus plenum est, irae, amoris laetitiae, doloris & cet.

Elegia nullas certas habet partes, sed quas arbitratu suo elegerit poeta. Nimirum proponit sibi vel unam aliquam, vel duas, vel plures sententias tractandas, & illas paulo fusius exponit.

Stylus elegiarum debet esse medius seu floridus, verba selecta, sed non nimium inflata, non circumductae sententiae, breves similitudines, congesta breviter exempla, sive similia, sive contraria, figurae frequentes illae potissimum, quae ad affectus exprimendos faciunt. Maxime vero elegia affectus acres & vehementes crebros habeat, de quibus lege supra, ubi de patho dictum est. Pauca hic & de versu, quo scribitur elegia notanda accipe:

1) Scribitur ergo elegia hexametro & pentametro alternatim mixtis, de quibus hoc praeceptum, sciendum est, ut sententia extra pentametrum in aliud hexametrum non trahatur, sed in singulis pentametris subsistat; sententia, inquam, saltem imperfecta per plura disticha extrahi poterit, donec tota absolvatur.

2) Pentameter versus (nam de hexametro supra diximus) optime desinit in dissyllabam, quod ex multis exemplis patet, non male etiam in quadrisyllabam exit, in trisyllabam autem non adeo sapit.

3) Monosyllaba non inelegans in fine est, si aut praecedentem vocalem elidit, ut Ovidius:

> Et solum constans in levitate sua est.

Aut si illam alia monosyllaba praecesserit, ut Ovid.:

> Praemia si studio consequar ista; sat est.

Alioquin durum hoc est Catullianum:

> Aut facere, haec a te dictaque factaque sunt.

4) In caesura partiter monosyllaba ingrata est, ut Catullus in Caesarem:

Nec scire, utrum sis, albus an ater homo?

Minus autem ingrata, si eam altera monosyllaba praecesserit, ut Ovidius:

Magna tamen spes est in bonitate dei.

5) Multo insuavior versus erit, in quo caesura in vocalem desinens, a sequenti vocali elidatur; apparet enim, neque caesuram tum fore. Non caret ejusmodi vitiis Catullus, ut:

Quam veniens una atque altera rursus hiems.
Cessarent neque tristi imbre madere genae.

Nota, etiam post caesuram, quanquam non nimis sollicite elisio cavenda est.

6) Elegans versus est, in quo post caesuram pedes nexu dictionum junguntur, ut Ovidius:

Semper ab Euboicis tela retorquet aquis.
Nam spes est animi nostra timore minor.
Temporibus non est apta corona meis.

In vernaculo nostro idiomate elegiis scribendis aptissimus videtur versus hendecasyllabus, seu undecim syllabarum.

CAPUT III

DE LYRICA POESI

Lyrica poesis duxit nomen a lyra musico instrumento, ad quod cani solebat. Estque artificium pangendi breves cantilenas, quae prius in laudem deorum, heroum & virorum illustrium canebantur, postea ad quodvis argumentum usu abhibitae sunt. Tractantur ergo lyricis etiam gaudia, triumphi, vota, exhortationes, laudes & vituperationes non personarum tantum, sed & animalium, & rerum, & temporum, & locorum. Patet hoc legenti Horatium ceterosque lyricos.

Cantus isti vocantur graece odae, quarum aliae simpliciter odae dicuntur, aliae hymni, aliae dithyrambi.

Hymni sunt, quae laudes Dei & sanctorum continent, odae quae aliis argumentis inserviunt.

Dithyrambi antiquitus in laudem solius Bacchi canebantur, nunc in qualibet laeta materia occini possunt. Odae & hymni aliquando uno genere carminis, aliquando duobus, aliquando pluribus constant, certa tamen lege, ut post aliquot diversi generis versus iterum ad primum redeatur.

Secundum ergo numerum & genera versuum, diversae etiam species odarum hymnorumque oriuntur; & secundum numerum quidem, alia est monostrophos, quae, quia omnes habet versus ejusdem gene-

ris, in singulis versibus singulas strophas seu reversiones absolvit. Alia distrophos, quae post duos versus diversi generis redit ad primum genus. Alia tristrophos, quae post tres versus. Alia tetrastrophos, quae post quattuor recidit in primum genus. Monostrophos est apud Horatium, Carm. lib. I, od. 1:

Maecenas, atavis edite regibus,
O et praesidium et dulce decus meum! & cet.

Distrophos lib. I, od. 3:

Sic te diva potens Cypri,
Sic fratres Helenae, lucida sidera.

Tristrophos rarissima est, & apud Horatium, quantum scio, unica reperitur lib. III, od. 12:

Miserarum est neque amori dare ludum & cet.

Tetrastrophos frequentissima, qualia sunt metra Sapphica, Horatiana aliaque complura. Et haec quidem odarum diversitas est secundum stropharum numerum.

Alia est divisio secundum genera carminum, quot videlicet stropharum revolutio genera versuum contineat: & sic monocolos dicitur, in qua unius generis carmina sunt. Nota autem, non posse esse monocolon, nisi sit simul monostrophos; quia revolutio stropharum non potest dari, si omnes ejusdem generis versus fuerint.

Deinde dicolos est, quae duo; tricolos, quae tria; tetracolos, quae quattuor carminum genera continet. Monocolos igitur est omnis oda, quae est monostrophos & vice versa. Dicolos autem esse potest, quae vel est simul distropha, ut lib. I, od.

Solvitur acris hiems & cet.;

vel tristropha, ut supra citata; vel simul tetrastropha, qualis sunt omnia Sapphica carmina. Idem de aliis dicendum est. Ceterum genera carminum, quibus vel solis, vel mixtis odae scribuntur longum esset recensere: omnia autem videri possunt apud Horatium lyricorum principem.

Dithyrambus autem, cujus apud Latinos rarum est exemplum, nihil aliud, nisi quaedam hilaris oda, nulla certa lege stropharum adstricta; sed varios versus, ut sese offerunt, permiscens, & modo hexametris, modo Sapphicis, modo Phaleuciis, modo Gliconicis, modo pentametris, modo aliis & aliis excurrens. Et sicut hoc carmen Baccho consecratum erat, ita propter similitudinem Bacchidum furentium sine lege cantantium est excogitatum.

Stylus in lyricis debet esse suavissimus, omnesque figurae, quae faciunt ad delectationem, adhiberi debent. Sicut enim in heroico & tragico poemate gravitas, in bucolico simplicitas, in elegiaco teneritudo & mollities affectuum, in satyrico acrimonia, in co-

moedia joci, in epigrammate acumen, ita in poemate lyrico virtus est praecipua suavitas.

Proinde odae lyricae omni genere elegantiarum, collocatione pedum, verborum & sententiarum floribus, cultu & nitore exornentur.

CAPUT IV

DE POESI EPIGRAMMATICA AC PRIMUM DE DEFINITIONE & DIVISIONE EPIGRAMMATUM

Epigramma significat inscriptionem, ducto nomine ab origine cum enim vel sepulchra, vel aedificia, vel loca insignia, vel aliquae moles insignum aut victoriae, aut proelii, aut alius eventus inscriberentur; illae inscriptiones primum rudes, artificiose ab eruditis poetis excultae sunt, factumque novum genus poematum. Sed ut de elegia diximus, ita epigramma etiam uni primum usui inservit, nempe rebus inscribendis; postea vero traductum est ad quamcunque materiam, quae hoc breviter indicari & exponi patitur.

Epigramma est breve poema rem quandam vel personam, vel factum unum, vel plura indicans simpliciter, vel cum ingeniosa expositionis deductione. Simpliciter vel cum deductione, additum est, quod scilicet epigramma universim bifariam dividatur; aliudque sit simplex, aliud compositum. Illud est, quod tantum indicat aut exponit rem aliquam: hoc vero est, quod ex indicata re aliquid argute & acute eruit. Simplex illud clypeo Abantis ab Aenea inscriptum. Aeneid[os] III, 288:

> Aeneas haec de Danais victoribus arma.

Et illud, quod sibi veluti epitaphium moriens fecit Virgilius:

> Mantua me genuit, Calabri rapuere, tenet nunc
> Parthenope. Cecini pascua, rura, duces.

Haec enim epigrammata nihil aliud nisi rem nude exponunt.

At hoc Ovid[ius] Metamorph[oseon] II, fab. 4 Phaethontis sepulchro a sororibus impressum:

> Hic situs est Phaethon, currus auriga paterni,
> Quem si non tenuit, magnis tamen excidit ausis.

Et illud ejusdem in tumulo Cajetae. Metamorph[oseon] XIV, fab. 10.

> Hic me Cajetam, notae pietatis alumnus,
> Ereptam Argolico, quo debuit igne, cremavit.

Haec, inquam, non tantum rem indicant, sed aliquid argute ex indicata re deducunt; primum, videlicet, non tantum conditum hic Phaethontem dicit, fuisseque paterni currus aurigam; sed magna etiam si non perfecisse, tamen ausum fuisse; alterum vero Cajetam ait nutricem Aeneae ereptam igni Argolico, & combustam mortuam

secundum ritum antiquorum. Simul tamen indicat pie utrumque ab Aenaea factum, quod nutricem cladi hostium eripuerit, & quod eidem justa persolverit.

Hic tamen nota duplicem, ut observo, illam esse deductionem, alia est aperta, quae clare et a re exposita sejunctim deducitur, ut haec Martialis lib. II:

Tanta tibi est recti reverentia, Caesar, & aequi,
Quanta Numae fuerat, sed Numa pauper erat.
Ardua res haec est opibus non tradere mores,
Et, cum tot Croesos viceris, esse Numam.

Ubi ex moderatione Caesaris deducitur doctrina morum generalis & distincta a rebus Caesaris.

Alia vero est latens, cum id, quod deducitur, veluti per emphasin ex eadem re, quam exposuisti, intelligitur, ut fuit in prioribus illis ex Ovidio excerptis.

CAPUT V

DE PARTIBUS & PRAECIPUIS VIRTUTIBUS EPIGRAMMATIS

Partes epigramma habet duas: expositionem & clausulam.

In expositione res tota breviter exponitur, vel narratur aliquod factum, vel aliquid laudatur, aut vituperatur, accusatur, damnatur, suadetur, dissuadetur, & quidquid in triplici illo orationis genere reciperetur.

In clausula autem fit illa acuta deductio, de qua inferius.

Virtutes epigrammatis sunt potissimum tres: brevitas, suavitas & argutia, quarum numerum, elegantissimo hoc disticho complexus est Martialis, comparans epigramma api:

Omne epigramma sit instar apis, sit aculeus illi,
Sint sua mella, sit & corporis exigui.

Per exiguitatem corporis innuit brevitatem, per mella suavitatem, per aculeum argutiam, sive acumen denotat.

Brevitas indefinita est, invenitur enim etiam monostichon, ut illud apud Martialem:

Pauper videri vult Cinna & est pauper.

Excedunt aliqua apud eundem etiam numerum viginti versuum; quod ipsi cum ab aliquo objectum esset, faceto hoc epigrammate respondit:

Scribere me dicis, Velox, epigrammata longa:
Tu, quia nil scribis, tu breviora facis.

Ceterum minus placent, si nimis fusa fuerint. Nec tamen timenda est stricta illa & rigida lex, qua, nescio quis non pluribus, quam duobus versiculis epigramma scribendum dicit:

Omne epigramma placet geminis quod versibus constat,
Si plus sint, librum, non epigramma voces.

Suavitas quam in poesi lyrica requirunt potissimum auctores debetur epigrammati; quomodo autem illa fiat, paucis accipe:

1) Ex verbis.
2) Ex rebus.
3) Ex numero seu metro.
4) Ex ornatu.
5) Ex affectibus.

Dicemus de singulis sigillatim, & breviter.

Verba ergo suavitatem pariunt, quae ipsa suavia sunt, quae rebus celeritate, vel tarditate consonant, quae sunt non vulgaria, sed delecta, sonantia & quae non illabi, sed influere in aurem videntur. Plurima talia apud Martialem.

Ex rebus oritur suavitas, quae res demulcent sensus, & mentem per se ipsas oblectant, & illarum quinque genera sunt secundum numerum sensuum. Aliae, quae delectant visum, ut lumina, sidera, loca amoena, horti flores, silvae tenerae, rivuli, fontes, colores, ornamenta varia & cet. Aliae, quae auditum, ut soni musici. Aliae, quae palato arrident ut mella, ambrosiae, nectara & cet. Aliae, quae permulcent odoratum, ut odores, aromata & cet. Aliae, quae tactum, ut teneritudines, mollitudines, & cet. Est & sextum genus earum rerum, quae sub sensum corporis non cadunt, sed solam menten oblectant, ut virtutes.

Ex metro seu versu, si observentur illae elegantiae, de quibus diximus, ubi de heroico carmine, & ubi de pentametro agebamus. Exsistit praeterea non vulgaris suavitas ex quadam versuum inter se concordia & consonantia; vel cum initium hexametri idem est cum fine sequentis pentametri, ut:

Phosphore, redde diem, quid gaudia nostra moraris?
Caesare venturo, Phosphore! redde diem.

Vel cum initia duorum versuum inter se conveniunt, ut multa passim invenies; vel cum totius epigrammatis versus continui vel alterni paulum immutatis verbis, aut verborum consonantia constant, ut Mart[ialis] lib. X, ep. 33:

Omnes Sulpitiam legant puellae,
Uni quae cupiunt viro placere.
Omnes Sulpitiam legant mariti
Uni qui cupiunt placere nuptae.

Vel cum idem versus initio & fine epigrammatis ponitur, ut illud Catullianum:

Quid est Catulle, quod moraris emori
Sella in curuli Struma Nonius sedet.
Per consulatum perjerat Vatinius
Quid est, Catulle, quod moraris emori.

Quantum pertinet ad ornatum: prosopopoeia, metaphora, allegoria, apostrophe ad se ipsum, vel ad res mutas, aut, quae non sunt personae, aposiopesis, exclamatio, distributio & cet. multam pariunt suavitatem; sed omnia, ne brevitati officiant, breviter perstringi debent.

Affectus etiam de quibus breviter lib. II egimus, suavissimum faciunt epigramma, cum vehementi expressione & energia, dolorem, amorem, pietatem & cet. exponamus. Sit pro exemplo elegantissimum hoc incerti auctoris amicum deplorantis:

Ablatus mihi Crispus est amicus,
Pro quo si pretium dari liceret;
Nostros dividerem libenter annos.
Nunc pars optima me mei reliquit.
Crispus praesidium meum, voluptas,
Pectus, deliciae: nihil sine illo
Laetum mens mea jam putabit esse.
Consumptus male debilisque vivam,
Plus quam dimidium mei recessit.

CAPUT VI

DE ARGUTA CLAUSULA EPIGRAMMATIS

Argutia quam tertiam inter virtutes epigrammatis, censuimus, singularem sibi tractatum vendicat, quod scilicet sit maxime necessaria & praecipua, sitque epigrammatis vigor & anima.

Est igitur argutia sive acumen cum ex rebus propositis aliquid eruitur auditori inexspectatum, vel etiam exspectationi contrarium. Catullus Furii pauperis villulam non alicui vento, non Boreae, non Aquiloni oppositam esse, sed ut pignus creditoribus pro credita pecunia:

Furi, villula vestra non ad Austri
Flatus opposita est, nec ad Favonii,
Non saevi Boreae, aut Apeliotae;
Verum ad millia quindecim ducenta.
O ventum horribilem atque pestilentem!

Hoc, ut planum est, inexspectatum deduxit: illud vero elegantissimum Martialis in avarum Calenum deducit contrarium, lib. I, ep. 100:

Non plenum modo vicies habebas:
Sed tam prodigus, atque liberalis,
Et tam lautus eras, Calene, ut omnes
Optarent tibi centies amici.
Audit vota deus, precesque nostras:
Atque intra, puto, septimas Kalendas
Mortes hoc tibi quattuor dederunt.
At tu sic quasi non foret relictum,
Sed raptum tibi centies, abisti
In tantam miser esuritionem;
Ut convivia sumptuosiora,
Toto quae semel apparas in anno,
Nigrae sordibus explices monetae;

Et septem veteres tui sodales
Constemus tibi plumbea selibra.
Quid dignum meritis precemur istis?
Optamus tibi millies, Calene,
Hoc si contigerit, fame peribis.

Vides hic contrarium exspectationi, exspectarem enim, ut Martialis avaro amico nihil optaret, nullasque opes apud deos ipsi peteret; ille contra facetissime dicit, se optare plurima, ut fame avarus pereat, quod & ipsum contrarium est exspectationi, sed avaro illi congruere videtur, qui dum ditior est factus, factus est sordidior & maxime famelicus.

Unde autem ejusmodi inexspectata eruantur, certa regula non est, sed cujusque felix ingenium fons est eorum; quare et alio nomine conceptus dicitur antonomastice propter excellentiam ejusmodi cogitationis seu conceptionis intellectus. Aliquot tamen hic subjicio fontes.

1) Allegoria seu metaphora elegans; tale est illud Martialis lib. IV, epigr. 75:

Pompejos juvenes Asia, atque Europa, sed ipsum
Terra tegit Libyes; si tamen ulla tegit.
Quid mirum toto si spargitur orbe? jacere
Uno non poterat tanta ruina loco.

2) Comparatio, quando, scilicet, vel majus minori, vel minus majori praeter exspectationem comparatur, vel quando par pari impar esse dicitur; tale est illud Martial. lib. Spectac[ulorum] epigr. 6:

Belliger invictis quod Mars tibi saevit in armis;
Non satis est, Caesar, saevit & ipsa Venus.
Prostratum Nemees & vasta in valle leonem.
Nobile & Herculeum fama canebat opus.
Prisca fides taceat, nam post tua munera, Caesar,
Haec jam feminea vidimus acta manu.

3) Praeclara argutia est, cum pars toti aequalis, aut toto major dicitur; ita Cicero partem dimidiam fratris sui in magna tabula depictam videns, dixit, fratrem suum dimidium majorem esse, quam totum.

4) Lusus in verbis per paronomasiam, sive unum de alio propter sonantiam vocis affirmemus, sive negemus. Tale illud cujusdam:

Pulicis & culicis quaedam est concordia, Paule:
Ante suos morsus hic canit, ille salit.

Et illud in sanctam Barbaram:

Ut Parcae parcunt, ut luci lumine lucent;
Ut bellum est bellum: sic ego Barbara sum.

Consonat huic, cum nomen rei aut personae notamus, & in id, quod videtur significare, quamquam aliud denotet, argute traducimus. Tale illud Kochanowii:

Król Jagieło zbil krżyżaki.
Pan też Krupa chce być taki.

Darmo suszysz mozg, nieboze;
Krupa Jagłą być nie może.

Et illud Martialis lib. I, epigr. 10:

Bellus homo & magnus vis idem, Cotta, videri:
Sed qui bellus homo est, Cotta, pusillus homo est.

5) Praestantissimi sales fiunt ex ambiguitate verborum, cum scilicet verbum, quod multas res significat, alio in sensu, quam auditor exspectaret, ponimus. Tale est illud elegantissimum Martialis, lib. I, epigr. 80.

Semper agis causas, & res agis, Attale, semper:
Est, non est, quod agas, Attale, semper agis.
Si res & causae desunt, agis, Attale, mulas.
Attale, ne quod agas desit, agas animam.

Et illud incerti auctoris in malum oratorem:

Quis neget orando populum te, Flacce, movere,
Orantem quando contio tota fugit:

6) A contrariis. Et hic fons est omnium fere uberrimus, variisque modis argutiae & acumina hoc modo combinari possunt. Exempla plurima cum apud Martialem, tum apud recentiores. Tale illud Mart. lib. V, epigr. 43.

Extra fortunam est, quidquid donatur amicis:
Quas dederis, solas semper habebis opes.

Et cujusdam de Deo:

Omnia cum videat, nulli Deus ipse videtur:
Solus ubique patet; solus ubique latet.

Et illud in Judam proditorem:

Nec vita dignus, nec morte videris, Juda;
Vivere sic culpa est, sic quoque culpa mori.

7) Non minus locuples est allusio etiam, cum videlicet sensum nostrum praeter exspectationem consonare facimus cum aliquo ex rei adjunctis, cum nomine, cum genere, cum loco, cum tempore, cum causa, cum modo & cet. vel etiam cum alicujus antiqui doctoris insigni dicto; tale illud in furem suspensum, in quo alluditur ad sententiam Ovidii:

Omnia sunt hominum tenui pendentia filo:
Excipitur guttur, Pontiliane, tuum.

Et illud, in quo fit allusio ad Virgilii dictum:

Omne solum forti patria est; fortem excipe nautam,
Ponti vagis nautis omne solum patria est.

Non est tamen uberior fons seu argutiarum seu acuminum, quam ut superius dixi, felix cujusque ingenium, &, quod cuique per

experientiam constare poterit, diligens & attenta epigrammaticorum poetarum & maxime Martialis lectio. Placet hic subjicere aliquod nostra propria epigrammata, quae olim animi & exercitationis gratia utcunque fecimus.

CAPUT VII

EPIGRAMMATUM EXEMPLA PROPONUNTUR

I. In Christum crucifixum:

Dum trepido, mea vita! tuas male conscius iras,
Et laceram video fulmina ferre manum:
A facie laesi soleo telisque Tonantis
Ad fixum rigidae profugus ire trabi.
Quique tua trifidum jaciebas missile dextra,
Amplecti patulo, Christe! videre sinu.
Stat semper pro parte mea justumque tremendi
Edictum dirimit Judicis iste reus.

II. In imaginem Beatissimae Virginis gladio transfixae:

Et roseas pallere genas & in ore nitorem
Virginis, & niveum fronte perire decus:
Et fundi lacrimas, & agi suspiria sensim
Et sensim gemitum corde videtis agi:
Spirat in angusta Virgo semiviva tabella.
Quasque potest hic ars exinanivit opes.
Uno est erratum, gladius cur haereat iste?
At ferus in sacro viscere totus erat.

III. In divum Hieronymum extremum judicium meditantem:

Saepe in Bethlemico latitans Hieronymus antro
Se manes inter credidit esse suos.
Jam se funereis exciri credidit umbris,
Nuntiaque angelicam dira referre tubam.
Quid faceret trepidans & ab orta profugus ira?
Suetus erat proprium tundere rupe sinum.
Jamque videbatur scruposam poscere rupem,
A tantis tegeret se quoque lapsa minis.

IV. Memoria quattuor novissimorum:

Quattuor, informi ne praeceps labe traharis
Sunt, quae pernicibus dant quoque frena notis:
Stet mors ante tuos oculos; praenuntia saevi
Judicis arrecta clangat in aure tuba;
Gaudia siderei perpende perennia regni;
Menteque Tartareas ingrediare domos.
Ibis in extremis victor discriminis istis;
Tutus at in medio non satis esse potes.

V. Urbs Roma hinc montibus inde mari cingitur:

Nubifero hinc illinc, erecta cacumine tellus,
Laurigeros dominae circumit urbis agros:
Circumit an potius circumdare poscit & usque
Claudere lunato flagrat anhela sinu.
Nam Vaticanis jurgunt quae culmina campis
Tuscula perpetuus ducit in arva viror.
Cetera circumstat pelagus praeruptaque terrae
Continuat panso marmore septa Thetis.
Terrarum dominam regnatricemque marini
Imperii tellus cingere sola nequit.

VI. In imaginem B[eati] Virginis Mariae puerum Jesum tenentis:

Quid Tyrio matris chlamydem maculare veneno?
Quid prodest sobolis tingere flore togam?
Hic nec Hydaspalos simules ardere lapillos,
Nec Libycum, pictor, finge micare jubar.
Pingatur roseis arctari dulciter ulnis
Cum Puero Genetrix, cum Genetrice Puer.
Murice nobilior, puro pretiosior auro,
Splendidior gemmis unio talis erit.

VII. De divo martyre Mammate, quem mater in carcere peperit:

Dum tenebrosa tuam premerent ergastula matrem
Et raperet gratum carceris umbra diem,
Natus eras, sed non in lucem proditus infans,
Et vitae in primo limine martyr eras,
Et qui purpureis debebas stertere cunis,
Vincula reptasti perviolenta, puer.
Primus es, o Mammas, poteras qui nomine raro
Natus in obscuro nobilis esse loco.

VIII. De fugitivo, qui vestito trunco & pro se substituto custodiae erupit:

Fallere custodum cum lumina. Batte, nequires.
Nec, quae ferret opem Colchidos herba foret:
Vicinum positis truncum clam vestibus ornas,
Teque tacens facilis surripis inde fuga.
Excubitor frustra somnos avertit, & istud
(Nox etenim fuerat) vix tenet aeger onus.
Tu furto ereptus ligni celer avia transis
An non Mercurio stipes hic aptus erat.

IX. In quendam laudes suas immodeste audientem:

Rebar ego, quod forte tuae praeconia laudum
Audisses vitae seu aliena tuae.
Utque solet, placidum cui pulchra modestia vultum
Dirigit, infecto flammeus ore fores.
Nil minus: audita (quam praeco loquebar amicus)
Totus laude tumes: parcito, vera loquor.

X. Ad sartorem:

Fecisti collare mihi, mi sartor, hiatu,
Armosi caperet quod bene colla bovis;
Non accepto: geris morem, collare resarcis,
Sed flexo digitis structius orbe facis.
Unde in me tantum tibi jus est, improbe? damnas
Ad laqueum, quoniam ferre recuso jugum.

CAPUT VIII

DE EPITAPHIO

Insignis species epigrammatum est epitaphium seu epigramma, quod sepulchro inscribi solet. Epitaphii & partes & virtutes totidem atque eaedem sunt, quae cujuscunque epigrammatis, idemque prorsus artificium. In prima parte seu expositione solent breviter enumerari insigniora gesta & facta defuncti, virtutes vel vitia; aliquando vero, status tantum vel conditio & fortuna innuitur. In secunda vero parte, seu in conclusione, si gravis fuerit persona mortua, pro acumine gravis aliqua sententia brevitatem vitae humanae, vanitatem, mortalitatem etc. innuens. Quodsi persona fuerit levis, aut ridicula, licebit hic etiam jocos & sales politicos adhibere. Nam animi & exercitationis gratia non solum regibus, heroibus, virisque illustribus, sed etiam vilibus homunculis, scurris, furibus, ebriis, parasitis, aliisque id genus scribuntur epitaphia; quin etiam animantibus ratione carentibus, avibus, feris, brutis, & cet. ut patet apud Virgilium in culicem, apud Catullum de passere, apud Martialem de ape, de formica & cet. Juvent hanc singularem praeceptionem, singularia exempla ejusmodi epigrammatum.

Epitaphium Achillis

Peleides ego sum Thetidis notissima proles,
Cui virtus clarum nomen habere dedit.
Qui stravi toties armis victricibus hostes
Inque fugam solus millia multa dedi.
Hectore sub magno summa est mihi gloria caeso,
Qui saepe Argolicas debilitavit opes.
Ille Menaetiadae subiit me vindice poenas,
Pergama tunc ferro procubuere meo.
Laudibus immensis victor super astra ferebar,
Hostilem pressi fraude peremptus humum.

Epitaphium a parente filio inscriptum

O multum dilecte puer, quae dura parenti
Fortuna invidit te superesse tuo?
Quam producebam laetus te sospite vitam,
Erepto pejor morte relicta mihi est.

Epitaphium Callimachi quinquennis pueri ex Luciano[a] auctore Graeco per Pontanum Latine sic redditum

Nil me sollicitum post quintam barbara messem
Mors puerum e vivis Callimachum rapuit.
Tu cave me plores; pauco qui tempore vixi,
Pauca etiam vidi sustinuique mala.

Lege apud Martialem lib. VI in Glauciam libertum Melioris,[6] & eodem libro in Eutychium, & lib. VII in puerum urbicum etc. Sunt etiam aliquot ridicula.

Epitaphium Vesbiae iracundae feminae

Tres habuit Furias quondam, sed Vesbia manes
Ut petiit, Furias quattuor Orcus habet.

Epitaphium cujusdam imperiti dialectici

Hic jacet magister noster
Qui argumentavit bis vel ter
Semel incelarent,
Ut omnes admirarent.
Bis in frise somorum
Requiescat in saecula saeculorum.

Epitaphium Durandi celebris Scotistarum scriptoris

Hic jacet durus Durandus sub marmore duro;
Aut sit salvandus, aut sit damnamnandus, nec scio, neque ego curo.

Epitaphium reverendi Fossae poetae non ignobilis

Hic sunt in fossa Fossae venerabilis ossa,
Qui sibi condendo versus cere comminuit brum.

Epitaphium furis tibicinis ex Cochanovio

W tym grobie Duda leży, dudy znaleziono
Po śmierći, y na starey wierzbie powieszono:
Smierć troche uprzedziła y opak się stało,
Bo co się dudom stało, to Dudzie być miało.

Aliud ebriosi

Tu pianica leży, ale tylko ciało;
Duszy niewiem jeśli się do nieba dostało:
Ale tak pewnie w niebie, jako y na ziemi
Zamykają dla zwady drzwi przed pianemi.

---

[a] *Исправлено вместо* Lucano
[6] *Исправлено вместо* Meliorem

Aliud item ebrii

W browarze się urodził, w karczmie go okrszczono,
Zdechłego od gorzałki w gnoju pogrzebiono.
Gościu miia jac tędy czyń dosyć żalobie,
Jeśli płakać nie możesz & cet.

Cum animi gratia, tum ad notandam anterioris saeculi ruditatem, nec non etiam ad perfectiorem, doctrinae epitaphicae intelligentiam, quae non minus sectando virtutes, quam etiam vitia evitando solet crescere, adverte hic aliquot epitaphia, magnorum alias virorum inepte scripta, quae Romae licuit annotare.

Epitaphium papae Bonifacii

Hic sita sunt papae Bonifacii membra sepulchro,
Pontificale sacrum qui bene gessit opus.
Justitiae costos, rectus, patiensque, benignus,
Cultus in eloquiis & pietate placens.
Flete ergo mecum pastoris funera cuncti,
Quos taedet citius his caruisse bonis.

Aliud in basilica Lateranensi cujusdam episcopi

Quisquis ad altare
Venies hoc sacrificare,
Qui vel adorare,
Velis Gerardi memorare
Natu Parmensis
Et pontificis Sabinensis.

Aliud papae Benedicti

Hoc Benedicti papae quiescunt membra sepulchro,
Septimus exsistens ordine quippe patrum.
Hic primus rettulit Franconis sparta superbi,
Culmina qui invasit sedis Apostolicae,
Qui dominumque suum captum in castro habebat,
Carceris interea vinclis constrictus in imo,
Strangulatus ubi exuerat hominem.
Cumque pater multum certaret dogmate sancto,
Expulit a se Dei iniquus namque invasor
Hic quoque praedones sanctorum falce subegit.
Romae ecclesiae judiciisque patrum.
Gaudet amans pastor agmina cuncta simul.
Hicce monasterium statuit monachosque locavit,
Qui laudes Domino nocte dieque canant.
Confovens viduas nec non inopesque pupillos,
Ut natos proprios assiduo refovens.
Inspector tumuli compuncto dicito corde:
Cum Christo regnes o Benedicte!

Sed omnium praestantissimum hoc in aede sancti Laurentii extra pomoerium cujusdam cardinalis Guillelmi.

Siste gradum clama, qui perlegis hoc epigramma,
Guillelmum plora, quem subtraxit brevis hora.

Nobis per funus, de cardinalibus unus
Prudens, veridicus, constans & firmus amicus,
Vere catholicus, justus, pius atque pudicus,
Candidior cygno, patruus quartus fuit Inno-
Centius illius, mores imitans nec alius
Romae, Neapoli, quos improba mors pharisaeat
Regia sancta poli jungit eosque beat.
Lovaniae de progenie comitum fuit iste.
Rex veniae des in requie sedem sibi Christe,
Anni sunt nati regis super astra regentis
Quinquaginta dati, & sex cum mille ducentis.

Sed jam cum funebrali hac poesi annus etiam laborque noster exspirat, cui veluti posthumam prolem, vigorem mentis, non vulgarem eruditionem, perfectam cum poeticae, tum oratoriae artis peritiam, & tandem integram sapientiam a Patre luminum omnisque scientiae fonte Deo Ter Optimo Maximo unice opto & voveo.

FINIS

DE ARTE POETICA

LIBRI III

AD

USUM ET INSTITUTIONEM
STUDIOSAE JUVENTUTIS ROXOLANAE

DICTATI

KIOVIAE

IN ORTHODOXA ACADEMIA MOHYLEANA

Anno Domini 1705

MOHILOVIAE

In Privilegiata a Sua Imperatoria Majestate Typographia Illustrissimi, Excellentissimi ac Reverendissimi Domini, Domini Archi-Episcopi Mohiloviens [*is*]

Anno Domini 1786.

О ПОЭТИЧЕСКОМ ИСКУССТВЕ

ТРИ КНИГИ

ДЛЯ

ПОЛЬЗЫ И НАСТАВЛЕНИЯ
УЧАЩЕГОСЯ РУССКОГО ЮНОШЕСТВА

ПРЕПОДАННЫЕ

В КИЕВЕ

В ПРАВОСЛАВНОЙ МОГИЛЯНСКОЙ АКАДЕМИИ

В лето Господне 1705

В МОГИЛЕВЕ

В привилегированной ее императорским величеством типографии светлейшего, превосходительнейшего досточтимейшего владыки архиепископа Могилевского

В лето Господне 1786.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Много было и в древности да немало и в новое время выдающихся писателей как греческих, так и латинских, которые с таким усердием и старанием разработали поэтические наставления и издали превосходные толкования, что, кажется, нельзя уже ничего ни пожелать ни прибавить. И это искусство, бесспорно одно из самых прекрасных и привлекательных, имело уже столько наставников, сколько требовало его значение. Поэтому не без основания кто-нибудь, пожалуй, удивится, что и мы также пытаемся прибавить нечто от наших скудных способностей к столь многочисленным трудам богатых дарований. Ведь это почти то же самое, что прибавить свет солнцу или брызнуть в море каплю воды с пальца. Хотя эти и тому подобные обстоятельства чрезвычайно отпугивали меня от намерения взяться за этот труд, однако у меня появились кое-какие соображения, которые не только не отвратили от задуманного труда, — каков бы он ни был, — как бесполезного, но даже убедили меня в его необходимости. Среди этих соображений не последнее место занимала мысль о том, что в наше время почти во всех училищах у преподавателей той и другой словесности установился обычай излагать курс своим ученикам не по изданным другими трудам, а черпая как бы из собственных запасов. Если я не ошибаюсь, это необходимо по двум причинам: отчасти для того, чтобы день ото дня возрастало мастерство посредством соревнования на одинаковом поприще соперничающих дарований, отчасти же для того, чтобы даже давно известное, изменив свою внешность, благодаря имени и стилю авторов приобрело вид новизны и сильнее привлекало учащихся. Как бы то ни было, и мне, конечно, надо было следовать обычаю и наряду с другими учителями внести свой вклад в науку. К этому присоединяется и следующее соображение: хотя уже многие авторы написали превосходные сочинения по поэтике,

к которым нечего добавить, однако их трудно осилить или по причине их изощренности, или потому что они, из-за подробного и пространного способа изложения, слишком обширны и их нельзя усвоить людям с более слабыми способностями; да, по-видимому, они и требуют срока обучения большего, чем годичный. Поэтому, я полагаю, стоит, опустив все темное и малодоступное, свести воедино в небольшом сравнительно объеме всё более легкое, несложное, но более необходимое, и, как бы собрав его в тугой узел, изложить насколько возможно кратко; заботясь при этом больше об удобстве и пользе учащихся, чем о том, чтобы раздуть свою славу множеством исписанных листов. На все это указывает Гораций, весьма здраво советуя (О поэтическом искусстве, ст. 335):

> Если ты учишь, старайся быть кратким, чтобы разум послушный
> Тотчас понял слова и хранил бы их в памяти верно!
> Все, что излишне, хранить понятие наше не может.

Далее, все это наше сочинение мы решили разделить на три книги. Действительно, кое-что следует предпослать сочинению о поэтике в качестве вступления, которое одинаково наставляет поэта в героическом, лирическом, трагическом или иного рода жанре. Это следует изложить в I книге.

Сами же поэтические произведения отличаются между собой не только жанрами, но и объемом, и значительностью содержания. Бывают поэтические произведения более возвышенные, более важные; они сопряжены с бóльшим трудом, нуждаются в мощном вдохновения и требуют бóльших усилий, да не меньше и решимости и выдержки; слабые плечи отказываются нести на себе их громаду. Такова, например, поэзия героическая, трагическая и другие в таком роде. Их изучению мы посвятим отдельно вторую книгу.

Другие же поэтические произведения уступают вышеупомянутым почти во всех отношениях. Таковы, например, оды, гимны, дифирамбы и вся лирическая поэзия с сопутствующими видами: эпиграммы, эпитафии, элегии, буколические эклоги и прочие такого же рода. Объем этих поэтических произведений гораздо меньше, поэтому к ним смелее обращаются, легче разрабатывают и быстрее завершают их даже посредственные дарования. Их разбор будет заключаться в книге III.

Естественный порядок практических указаний требовал начинать изложение с этих последних малых жанров и затем уже переходить к вышеупомянутым возвышенным произведениям, так как всякое уменье движется от более легкого к более трудному. Однако из уважения к значению эпических и трагических произведений мы поместим их в нашем изложении на более вид-

ном месте. К этому же самому нас побуждает и то, что усердие учащихся по большей части к концу года ослабевает, так как они, в ожидании заманчивых вакаций, меньше всего заботятся и помышляют об учении. Поэтому, думается, безопаснее можно возложить тяжкое бремя на более слабые плечи, чем на более утомленные.

Вы же, над развитием способностей которых мы трудимся с великой охотой, обратите к этой науке ваши помыслы, заботы и тревоги, достойные вашего призвания, достойные и моих ожиданий. Этим вы покажете, что и я не напрасно надеялся на ваши дарования, а эту вашу цель — благородную хотя бы в силу одного вашего дерзания вы сделаете еще благороднее вашими постоянными усилиями. К этому вас призывает значение, польза и достоинство этой прекрасной науки. Так велика ее приятность и услада, когда мы применяем ее или упражняемся в ней (это составляет ее божественную особенность), что не только плоды, приносимые ею, но даже и самые труды, как бы велики они ни были, представляются чрезвычайно сладостными. И я не колеблясь объявляю того, кто, трудясь для муз, тяготится трудом, не рожденным для поэзии и не достойным называться поэтом.

Чтобы ваши труды — чего я вам желаю — были успешны, я хочу, чтобы вы уже на пороге избранного вами рода занятий вполне прониклись мудрым правилом философа — оно служит как бы опорой всех наук, — а именно: знать, что особая обязанность учащихся — верить учителю. — Тогда и я с большей охотой стану излагать то, чем я, надеюсь, овладел, и вы, если только не хотите быть сами врагами своих успехов, бодрее приметесь за эти занятия.

КНИГА I

В КОТОРОЙ ИЗЛАГАЮТСЯ ОБЩИЕ ПРАВИЛА, СПОСОБСТВУЮЩИЕ ОБРАЗОВАНИЮ ПОЭТА

ГЛАВА I

ПРОИСХОЖДЕНИЕ, ПРЕВОСХОДСТВО И ПОЛЬЗА ПОЭТИЧЕСКОГО ИСКУССТВА

Что передают о начале Нила, славной египетской реки, почти то же можно сказать и о происхождении поэзии. Говорят, что Нил скрыл свою главу (как это мы читаем у Овидия; Метаморфозы, II),[1] потому что неизвестно, откуда он начинается. Не менее сокрыты от человеческого знания и памяти

людей и начатки поэзии, но не потому, что это искусство — самое славное из всех — неприметно, а потому, что оно уводит исследователей его происхождения в такую древность, что всякий предполагаемый творец, оказывается, жил позже него. Иные ставят на первое место Гомера, может быть потому, что он превзошел всех прочих поэтов дарованием (Плиний[2] присуждает ему первенство за одаренность), но он не предшествовал им по времени. Его современником был Гесиод, который, говорят, первым писал в стихах о земледелии; впоследствии ему подражал Виргилий в своих «Георгиках». А до Гомера упоминается знаменитый Дарет,[3] написавший о Троянской войне; его поэма сохранилась до сих пор. Также Мусей и Орфей,[4] из которых первый прославлен и Виргилием в знаменитом изречении (Энеида, VII, 661):

Больше всего же Мусею: в толпе многолюдной средину
Он занимал, что взирала, как он выдается плечами.

И Юлий Скалигер[5] говорит, что он, т. е. Мусей, настолько изящнее самого Гомера, что если бы не сохранилось исторических свидетельств, то можно было бы считать, что он был после Гомера.

Орфей же тем, что он даже диких и грубых людей смягчал сладостью изложения, дал повод для вымысла — уверяют, что он заставлял плясать зверей и деревья. Однако не им обязана поэзия своим первоначалом: ведь до Орфея был его наставник — Лин; он, по преданию, первым принес из Финикии в Грецию письмена. Элиан[6] же утверждает, что существовал некий поэт, еще более древний, чем Орфей и Мусей, — Сиагр,[7] и он-то первый и написал поэму о Троянской войне. Но здесь и сама древность простерла такой мрак и туман, что нет, по-видимому, способа даже искать, а не то что найти автора.

И о самих Музах у авторов нет согласия. Так, например, иные считают их дочерьми Пиэрия Македонца,[8] утверждая, что Музы от него получили мусическое искусство и свои имена. Этому противоречит сказание у Овидия (Метаморфозы, V), а именно, что дочери Пиэрия не были Музами: они неосмотрительно вызвали самих Муз на состязание в пении и, побежденные, были превращены в сорок.

Другие предпочитают рассказывать то же самое об Озирисе (под другим именем — Дионисе), которого многие отождествляют и с Аполлоном. По рассказам, он был сначала царем аргивян, а затем — египтян. Будучи страстным любителем музыки, он содержал при себе неких девиц, искусных в игре на кифаре, которые, как многие утверждают, назывались Музами и удостоились прозвания богинь.

Но почему мы ищем происхождения поэтической способности там, где она не рождена? Так как, подобно прочим благородным искусствам, она — божественный дар и начало ее у почитателей нечестия неясно, то без колебания следует признать, что она возникла у иудеев, откуда проистекли почти все науки. Об этом сообщают испытанные авторитеты в вере. Евсевий[9] в III книге «О приготовлении евангельском» говорит, что впервые поэзия процвела у древних евреев, которые жили гораздо раньше греческих поэтов, и что Моисей, перейдя через Чермное море, воспел благодарственную песнь Богу, составленную в стихах гекзаметром. Об этом свидетельствует и Иосиф Иудей[10] во II книге «Древностей»; и сам Иосиф говорит то же самое в VII книге «Древностей»: Давид сочинял песнопения и гимны Богу разными размерами; одни в триметрах, другие же — пентаметрами. Блаженный же Иероним[11] в предисловии к «Хронике» Евсевия распознает разного рода стихи в Священном Писании, причем в Псалмах, говорит он, содержатся и ямбы, и алкеевы, и сапфические, и стихи в половину (стихотворной) стопы; песни же «Второзакония» и книги Исаии, Иова и Соломона написаны гекзаметром и пентаметром.[12]

Но не здесь, однако, следует полагать первое начало поэзии. Уже задолго до потопа и немного спустя после самого начала мира Юбал сын Ламехов назван в Писании зачинателем пения под кифару (Бытие, гл. IV). Но необходимо было сперва петь человеческим голосом, как инструментом более близким и естественным, чем кифара. Песни же без стиха, т. е. без известного числа звуков, связанного с напевом, не могло быть. Итак, начало поэзии было древнее, чем сам Юбал, и даже нет никакого сомнения, что она возникла у первого человека при самом сотворении мира. И я полагаю, что — не говоря о сокровенных щедротах Божиих — если рассматривать только Природу, то убедишься, что чувство человеческое, в образе любви, было первым творцом поэзии. Ведь любящие либо охвачены томлением по желанному предмету, либо радостью обладания. И тогда-то и возникает из-за страстного нетерпения стремление к каким-то нежным жалобам. После же достижения желаемого, сейчас же, бурно, не отдавая себе отчета, радуются, ликуют, пляшут и начинают петь, даже невольно. Отсюда, очевидно, и возникла песня; но в обоих случаях (как это ясно при внимательном рассмотрении) душу охватывает некое неистовство, которое и является зародышем поэтического замысла. Так рассуждает и Плутарх[13] в «Застольных беседах» относительно происхождения пения. По-видимому, этот взгляд на такое стародавнее происхождение поэзии разделяли все древние поэты, которые называли самого Юпитера отцом Муз, матерью же — Мнемо-

сину, — это имя означает у греков память. Этим они хотели показать, что Музы произошли от творца природы и что их память простирается на все, то есть, что все является позднейшим. Это имел в виду Виргилий в своем изящнейшем стихе:

Ибо и помните вы, богини, и в силах напомнить.[14]

Таким образом, поэзия, возникнув в колыбели самой природы, в течение многих веков постепенно, как это бывает, набирала силы. Наконец, Орфей, а затем Гомер и Гесиод — греческие поэты — ее явили, что признает, на основании Порфириона,[15] Полидор Виргилий[16] (Об изобретателях вещей, гл. II). У римлян же, по свидетельству Цицерона (Тускуланские беседы, кн. I) и Фабия Квинтилиана[17] (кн. X), некий Ливий Андроник[18] первым сочинил художественное произведение. Вот то, что касается древности поэзии.

Теперь скажем несколько слов о ее превосходстве: как благородна эта способность, об этом прекрасно свидетельствует уже одна ее древность и происхождение от начала мира; еще лучше поясняется это самое сказанием древних поэтов, утверждающим, что Музы родились от Юпитера и Мнемосины (как мы только что видели), кормилицей же их была Евфема, т. е. добрая слава: ведь наградой мудрым служит добрая слава. И это они справедливо истолковали: во-первых, сам предмет, которым обычно занимается поэзия, придает ей огромную важность и ценность. Поэты сочиняют хвалы великим людям и память о их славных подвигах передают потомству. Так, Гомер описал героические подвиги Улисса, Виргилий — плавания и войны Энея, Силий Италик[19] — войны римлян с Ганнибалом, Лукан[20] — гражданскую войну Помпея с Цезарем, а другие — подвиги других. Затем многие поэты поведали о тайнах природы и о наблюдениях над движением небесных светил. Точно так же хвалы святым, хвалы самому Богу и его чудеса даны Моисеем, наставления и поучения — Соломоном, а тайны грядущего Христа — прочими пророками в разного рода произведениях.

Столь великому значению поэзии не могут повредить и некоторые срамные стихотворения, сочиненные людьми с большим, но бесстыдным дарованием.[21] Политическая философия, которую Аристотель поставил судьей и руководительницей всех искусств и наук, не допускает в число Муз все стихотворения такого рода, как распространяющие заразу и вредные для нравственности. Без сомнения, Платон не кого другого, как именно такого рода поэтов изгоняет из пресловутого, вымышленного им государства.[22] Очевидно, потому, что они неправедно и бесстыдно вторглись в число поэтов, обманув литературную чернь каким-то видом поэзии и прикрасами стихотворной речи,

которыми они пытались украсить свою слабую и дряблую душу. При внимательном рассмотрении ты заметишь, что, как в наглом их стихоплетстве нет ничего трудного, так нет и ничего хорошего и даже никакого искусства. Ведь для человека, размягшего от любовного безумия, нет ничего легче как перебирать и в мыслях, и словесно все эти забавные садики, ручейки, цветочки, набеленные щеки, убранные золотом волосы и тому подобные изящные пустяки. Это и грубая чернь, возбужденная оводом похоти, дико распевает повсюду по деревням и на перекрестках. Но подобный вздор, хотя бы и сочиненный весьма даровитым человеком, следует назвать скорее песенками распутных бабенок или чем угодно другим, но не поэтическим произведением. И я не опасаюсь, что мне поставят здесь на вид некоторых древних писателей, по всеобщему мнению причисленных к поэтам, которые, однако, сочиняли весьма непристойные стихотворения, как например Плавт, Катулл, Овидий, Марциал и другие. Все они ради других своих благопристойных произведений удостоились называться поэтами. Впрочем, я решительно заявляю, что они во многом погрешили против искусства, которому они себя посвятили, поскольку в своих нечистых произведениях оскверняли поэзию и вредили нравственной стороне человеческой жизни. Ведь они поступали против назначения поэзии, а это назначение, согласно Горацию,[23] заключается в том, чтобы или приносить пользу, или услаждать, или обоими этими способами оказывать людям помощь в жизни. И когда Гораций сказал «услаждать», то, если хочешь понять что такое истинное услаждение, назови это услаждение здравым, а не заражающим.

Есть одно обстоятельство, которое, пожалуй, причиняет мне в этом вопросе затруднение: Талия — одна из девяти Муз, — по словам Виргилия,[24] должна отличаться необузданной речью. Поэтому и ерисиарх Арий,[25] говорят, озаглавил свою книгу о непристойной любви «Талия», которую впоследствии великий Константин[26] благочестивым и строгим указом велел собрать и сжечь. Но и это возражение, пожалуй, вовсе не существенно, чтобы ради него вносить в священную — или, как говорили древние, во вдохновенную свыше способность — бесчинство и бесстыдство. Ведь, когда Виргилий сказал, что у Талии необузданная речь, то он хотел этим указать, что она — богиня, возглавляющая комических поэтов, у которых в обычае выводить лицедеев для удовольствия и смеха зрителей. Итак, здесь у Виргилия название предмета является несколько более грубым и порочным, чем сам предмет, им обозначенный. И почему же нельзя наслаждаться комедиями так, чтобы не страдала нравственность? Но если у Плавта и прочих древних авторов комедий

в изобилии встречаются подобного рода гадости, то виной этому нравы развращенного века, а не сущность комедии. То же самое следует сказать о сочинениях наглого Ария, дерзко озаглавившего их именем Талии.

Итак, даже по самому своему содержанию поэзия приобретает бóльшую ценность. Добавь к этому и то, что великий светоч ума человеческого — философия — либо рождена, либо вскормлена поэзией. Ведь те, кто писал о различных философских школах и направлениях, утверждают, что первая и древнейшая философия была поэтической, т. е., что все те истины, которые людям издревле удавалось отыскивать путем философствования, они излагали другим под покровом песен и сказаний — произошло ли это от обычая египтян, которые, по-видимому, впервые начали заниматься философией и все свои представления о божественном вкладывали в иероглифы и некие знаки по подобию, или же потому, что в те времена, по замечанию Юста Липсия[27] (Руководство к стоической философии, кн. I, дисс. 1), почитали более возвышенным и более соответствующим величию предмета выражать его торжественно звучащими стихами? Тогда процветали знаменитые древнейшие философы и в то же время и поэты: Мусей, Лин, Орфей, Гесиод, Гомер и др. Первым Ферекид[28] изменил прежние приемы философствования, начав писать прозой, и заставил философию, только что повзрослевшую в святилище Муз, научиться говорить с толпой.

Все это нас убеждает в том, что подобно тому как мы распознаем значительность какого-либо человека в государстве по отведенной ему области, так и превосходство поэзии мы узнаем по множеству вещей — благородных и великих. Кроме того, есть и много другого в подтверждение того же самого: ведь всегда наилучшие поэты были окружены великим почетом: о Гомере горячо спорили семь городов, каждый считал его своим согражданином:

Смирна, Родос, Колофон, Саламин, Хиос, Аргос, Афины.

После взятия Фив Александр пощадил дом Пиндара. Еврипида столь высоко ценили Архелай,[29] царь Македонский, и афиняне, что последние настоятельно просили царя отдать им тело скончавшегося поэта, а тот упорно удерживал его у себя как сокровище. Далее, Гораций у Мецената, а Виргилий у него же и у Августа были в величайшей чести. Клавдиану[30] после смерти была поставлена статуя по решению сената и народа римского. Кроме того, и выдающиеся люди в государстве, которые прославились знатностью, доблестью, почетом или всем этим вместе, ревностно занимались поэзией, предаваясь писа-

нию стихов; этим они признавали великую важность поэзии как распространительницы их славы. Софокл, знаменитый и прославленный трагик, был афинским стратегом. Императора Августа Музы не только услаждали, но и покоряли его.[31] По свидетельству Марциала, Домициан сочинил поэму о Капитолийской войне.[32] Находят и кое-какие стихотворения под именем Константина Великого. Евдокия,[33] супруга Феодосия младшего, Лев Мудрый[34] и другие императоры константинопольские засвидетельствовали в стихах, сочиненных ими, свое мнение о поэзии. И еще более значительным является то, что много святых отцов создавали замечательные поэмы. Таковы, например, Киприан,[35] Иларий,[36] Дамас,[37] Павлин,[38] Пруденций,[39] Синезий,[40] Иоанн Дамаскин.[41] Среди них особенно прославился святой Григорий Назианзин,[42] который опубликовал стихотворных сочинений не меньше, чем прозаических, и даже в старости обычно писал стихи. Многие из них даже не считали неуместным приводить повсюду в своих сочинениях стихи языческих поэтов.

В этом отношении особенно выделяются тот же Григорий, Василий Великий[43] и Синезий в своих письмах. Святой Василий в своей речи «О чтении греческих писателей» увещевает юношей (предписав определенные правила предосторожности) ревностно читать сочинения поэтов. Но самое главное то, что великий Павел,[44] сосуд избрания, свидетельствует о том, что много раз читал сочинения поэтов, приводя слова Арата[45] (Деяния, гл. VII) и песнь Евмениды[46] (Послание к Титу, гл. I).

Все это вполне достаточно доказывает значение поэзии, а еще более значительной делает ее та великая польза, которая обильно проистекает от нее на благо людей. Из произведений поэтов мы познаем и гражданский, и военный образ жизни. Гомер, описывая скитания и битвы Улисса, а Виргилий — плавания и войны Энея, прекрасно наставляют и гражданина, и воина, как жить на родине и на чужбине. Также и прочие отличнейшие авторы в изучаемой нами области всецело заняты восхвалением благодеяний, порицанием проступков, преумножением чьей-либо славы или позора. При этом поэты прививают добродетели душе, искореняют пороки и делают людей, раз они избавлены от вожделений, достойными всяческого почета и хвалы. И они делают это тем легче и успешнее, что стихи их в силу наслаждения, порождаемого размером и стройностью, охотнее слушаются, с бóльшим удовольствием прочитываются, легче заучиваются, глубоко западая в души.

Еще более удивительно то, что даже сатиры их и нападки, т. е. более резкий и горький род лекарства, окутанные вымыслом и стихом, словно медом и нектаром, становятся приемлемыми. Цицерон полагал даже, что поэзия помогает самой ри-

торике, и утверждал невозможность совершенного красноречия без знакомства с поэзией.

Немало способствует поэзия также возбуждению героического духа на войне. Александр [47] воспламенялся на деяния Марса более гомеровскими песнями, чем трубами и тимпанами. Полагая, что он сравнялся славой с Ахиллесом или даже превзошел его, Александр признавался, что завидует только тому, что Гомер был глашатаем славы Ахиллеса. Наконец, что же больше помогает и наставляет в человеческой жизни, как не примеры предков, их мужественные и мудрые деяния, преданные памяти потомства и украшенные величайшими похвалами?

Все это в изобилии по сравнению с другими человеческими способностями дает одна только поэзия, прославляя в стихах древние подвиги и героические доблести, делая их как бы вечными. Если бы она умалчивала об этом, то достойные вечной памяти деяния, чуть только они минуют, увлекали бы вместе с собой и славу свою к забвению, как бы в темную могилу. Прекрасно сказал об этом Гораций (Оды, IV, 9):

Не мало храбрых до Агамемнона
На свете жило, вечный, однако, мрак
Гнетет их всех, без слез, в забвении:
Вещего не дал им рок поэта.

ГЛАВА II

НЕОБХОДИМОСТЬ ПОЭТИЧЕСКОГО ИСКУССТВА. ЗАМЕЧАНИЕ О НАЗВАНИИ. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПРИРОДЫ, ПРЕДМЕТ И НАЗНАЧЕНИЕ ПОЭЗИИ

I. Необходимость поэтического искусства

Говоря о происхождении нашей способности, мы возвели ее к первоначалам самой природы, которые древнее всякого искусства. По старинному взгляду, некое божественное и небесное вдохновение побуждает поэтов писать стихи, и обычно принято даже говорить, что поэтом надо родиться, оратором же можно стать. Тем не менее, и в этом искусстве весьма необходимы определенные правила и наставления. Мало того, даже следует сказать, что и этот пресловутый, как говорят, небесный порыв, который одни прозвали восторженностью, а другие энтузиазмом, без помощи наставников окажется, если верить Горацию, бесполезным (О поэтическом искусстве, 409):

Я не вижу, к чему бы
Наше учение было без дара и дар без науки?
Гений природный с наукой должны быть в согласьи взаимном.

И то, что Гермоген [1] в своих книгах по риторике говорит об ораторе, я решительно утверждаю относительно поэта: именно, скорее может делать ошибки человек одаренный, но неискусный, чем менее одаренный, но проникшийся правилами искусства. Поэтому многие люди, по-видимому, слишком полагаются на дарование и, словно необъезженные кони, сбросив узду искусства, несутся, охваченные скорее безумием, чем этим пресловутым священным и ученым вдохновением. Мы учимся на их примере: искусство, утвержденное определенными правилами и наставлениями, не только полезно поэту, но прежде всего необходимо.

II. Замечание о названии

Далее, слово поэт, поэма и поэзия произведено от греческого слова *poiein*, что означает «творить» или «сочинять», отсюда и поэта, если бы это было в обычае, правильно можно было бы называть «творцом», «сочинителем» или «подражателем». Ведь выдумывать или изображать — означает подражать той вещи, снимок или подобие которой изображается. Отсюда и образ именуется изображением. А то, что лишь одна эта область искусства называется поэзией, хотя по своему значению это название подходит и прочим искусствам, получилось путем антономасии, именно, по причине выдающейся способности творческого воображения у поэтов. В чем состоит и каков этот вымысел — будет сказано ниже.

III. Определение природы поэзии

Природа поэзии соответствует ее имени. Ведь поэзия есть искусство изображать человеческие действия и художественно изъяснять их для назидания в жизни. Из этого определения видно, что поэзия совершенно отлична от истории и от диалогизмов [2] филологов (с которыми у нее есть нечто общее). История ведь просто повествует о подвигах и не воспроизводит их посредством изображения. Диалогисты же воспроизводят и изображают, но делают это не стихами, а в прозаической речи. Поэт же, имя которому «творец» и «сочинитель», должен слагать стихи, придумывать содержание, т. е. воспевать вымышленное.

IV. Предмет

Из этого объяснения природы поэзии можно легко узнать, в чем состоит предмет, которым она занимается. Хотя Цицерон (Об ораторе, I) отмечает, что к области поэзии принадлежит все то, о чем можно писать стихи, т. е. все то же самое, что служит предметом и ораторского искусства, тем не менее, точнее рассматривая природу поэзии, мы говорим, что ее основной

предмет приспособлен собственно к изображению людских действий посредством стихотворной речи.

V. Назначение поэзии

Гораций в знаменитом стихе из книги «О поэтическом искусстве» приписывает поэзии двойное назначение — услаждение и пользу.

Или полезными быть, иль пленять желают поэты.[3]

То и другое назначение, если их брать отдельно, несовершенны. Ведь стихотворение, которое услаждает, но не приносит пользы, является пустым и подобно ребячьей погремушке. То же, которое стремится быть полезным без услаждения, едва ли будет полезным. Ибо мы приступаем к чтению поэтов, увлеченные прелестью и изяществом стиля: в поисках удовольствия мы вместе с тем находим и пользу. Поэтому и то и другое вместе создают совершенное назначение, как добавляет там же и сам Гораций:

Иль вместе воспеть приятное и достойное в жизни.[4]
Всех голоса съединит, кто мешает приятное с пользой.[5]

Поэтому и поэт возьмет для разработки то, что может принести пользу в человеческой жизни, и будет стараться таким способом вести изложение, чтобы доставить читателю наслаждение.

ГЛАВА III

ДВА НЕОБХОДИМЫХ УСЛОВИЯ, СОЗДАЮЩИЕ ПОЭТА (ЕСЛИ НЕТ ТОГО ИЛИ ДРУГОГО, ТО НАИБОЛЕЕ АВТОРИТЕТНЫЕ ПИСАТЕЛИ НИКОГО НЕ ДОПУСКАЮТ ПРИЧИСЛЯТЬ К ЧИСЛУ ПОЭТОВ): ПОЭТИЧЕСКИЙ ВЫМЫСЕЛ, ИЛИ ПОДРАЖАНИЕ, И РИТМ РЕЧИ, ОСНОВАННЫЙ НА ОПРЕДЕЛЕННЫХ ПРАВИЛАХ, ИЛИ СТИХОТВОРНОЕ МАСТЕРСТВО

I. Поэтический вымысел

Первое, что преимущественно требуется во всяком поэтическом произведении, это — вымысел, или подражание, если его нет, то сколько бы ни сочинять стихов, все они останутся не чем иным, как только стихами, и именовать их поэзией будет, конечно, несправедливо. Или если захочешь назвать поэзией, ты назовешь ее мертвой. Ведь подражание является душой поэзии, как это ясно из определения. На этом основании Аристотель, сравнивая Гомера (который с подходящим вымыслом описал битвы и скитания Улисса) с Эмпедоклом, который в стихах написал книги о природе, так высказался о них: у Гомера нет ничего общего с Эмпедоклом, кроме стихотворного размера,

поэтому первого справедливо называть поэтом, последнего же — физиологом,[1] а не поэтом. И далее Аристотель говорит: если сочинения Геродота переложить стихами, то получится как и прежде история, а не поэма.[2] Философ этими словами хотел опровергнуть заблуждение многих людей, которые полагают, что одной лишь способности слагать стихи достаточно для того, чтобы быть поэтом. Ведь история, подчиненная закону описывать подлинные события и то как они совершались, лишена вольности измышлять правдоподобное. Поэтому, даже написанная стихами, она останется историей, а не поэмой. Под поэтическим же вымыслом, или подражанием, следует понимать не только сплетение фабул, но и все те приемы описания, которыми человеческие действия, хотя бы и подлинные, изображаются, однако, правдоподобно. По этой причине не следует исключать из числа поэтов Лукана (ведь, по свидетельству Скалигера,[3] некоторые не считали Лукана поэтом за то, что он изображал действительные события). В дальнейшем мы более подробно объясним природу этого поэтического вымысла во II книге, где пойдет речь о героической поэзии.

II. Искусство стихотворное

Второе, что обязательно должно содержать всякое поэтическое произведение, — это мастерство стихотворного размера, или ритм речи, по определенному правилу, без чего также нельзя называться поэтом. Эзопу, Лукиану, Апулею, даже самому Цицерону в его диалогах и многим другим не хватает только одного, чтобы носить название поэтов, а именно — стихотворной формы. Ведь все, кто излагают свои чувствования в диалогизмах, явно пользуются поэтическим подражанием, так как они рисуют беседующих между собой лиц, изображая их разнообразные душевные и телесные движения, однако, раз они излагают все это в прозе, а не стихами, их не зовут поэтами. О Вергилии известно, что он написал свою знаменитую поэму «Энеиду» сначала в прозе. Но в таком виде она еще не была поэмой, и сам автор, если бы не изложил в стихах все свое произведение, никогда бы не прослыл поэтом. Ведь стихотворная форма есть как бы повозка или триумфальная колесница, на которой это многообразное изображение предметов — подражание, говорю я, или поэтический вымысел — несется ввысь и повсюду встречает все большее одобрение.

Получив предварительное понятие об этом, приступим уже к подробному ознакомлению с тем и другим и к успешному их выполнению. Это будет легко, если мы сперва основательно изучим то, без чего нельзя ни сочинять, ни воспевать. Это — запас слов, отбор мыслей, различный слог речи, украшения как

слов, так и мыслей, как-то: фигуры и подобного рода поэтические украшения, наконец, и само стихотворное искусство, и полное знание, к чему надо стремиться и чего следует избегать в каждом стихотворном роде.

ГЛАВА IV

О НЕОБХОДИМОСТИ И ПОЛЬЗЕ СТИЛЯ. О НАВЫКЕ И ПРИЕМАХ СТИЛЯ И О РАЗЛИЧНЫХ ВИДАХ ПОЭТИЧЕСКИХ УПРАЖНЕНИЙ

I. Необходимость и польза стиля

Прежде всего я хочу рекомендовать моим ученикам постоянные упражнения в стиле и навыках писания. Ведь навык как во всех других, так в особенности и в этом искусстве, не только оказывает великую помощь, но даже, как все согласны в этом, является лучшим учителем и имеет большее значение, чем само искусство. Я постоянно утверждаю, что тот более продвинется в поэзии, кто часто упражняется в писании (хотя бы он даже был лишен живого слова наставника), нежели тот, кто основательно усвоил все наставления, но редко или никогда не принимается за писание.

Этому учит самый опыт этого и других искусств. Так, например, всякий, кто прекрасно знает правила живописного искусства о соразмерности членов при рисовании человеческого тела, об изображении различных телодвижений и состояний тела, о рисовании отдаленных и близких предметов, о применении и расчете теней и различных оттенков света, если кто — повторяю — все тому подобное целиком и в совершенстве познáет, но не будет упражняться в рисовании, — тот вовсе не сможет создать картины. Поэтому тот, кто хочет достичь успехов в этой нашей области, пусть, подобно Апеллесу,[1] у которого не бывало дня без линии, примет решение постоянно упражняться в писании, ежедневно стараясь писать хотя бы по одной строчке или сочинять один стих, если не хочет напрасно ждать того, к чему, по его словам, он ревностно стремится и чего жаждет.

II. Навык и приемы стиля

Относительно упражнения и стиля Фабий Квинтилиан дает три весьма полезных наставления.[2]

Первое. Не писать слишком поспешно. «При быстром писании, — говорит он, — выходит не хорошо, а если пишем хорошо, то выходит быстро». Прежде всего нужно установить, чтобы писать как можно лучше, а скорость даст привычка.

Второе. Добиваться лучшего, а не довольствоваться первым, что представится. Необходимо производить отбор предметов и слов, рассматривая важность каждого в отдельности, чтобы не всякое попавшееся слово заняло место.

Третье. Если мы пишем что-либо довольно длинное, то для большего успеха следует (я говорю словами Квинтилиана) чаще перечитывать последние строки из уже написанного. Ведь кроме того, что таким образом лучше достигается связь предшествующего с последующим, но и жар мысли, ослабевший от перерыва в писании, как бы получив разбег, вновь обретает силы и подъем. Таковы наставления Квинтилиана. Добавляю указание

Четвертое, из Горация (О поэтическом искусстве, 38), чтобы мы выбирали то, что нам по силам и не превышает наших дарований и опыта, но стоит на уровне наших способностей. Слова Горация следующие:

> Всякий писатель предмет выбирай соответственно силе;
> Долго рассматривай, пробуй, как ношу, поднимут ли плечи.
> Если кто выбрал предмет по себе, ни порядок, ни ясность
> Не оставляют его: выражение будет свободно.

Таким образом и Овидий (Скорбные элегии, II) оправдывается перед Августом: почему он не воспевал военных подвигов или хвалы Цезарю, а сочинял любовные пустяки.[3] Затем, чтобы однообразие занятий не породило пресыщения, скуки и утомления и мы, поддавшись отвращению, не стали ленивыми и не начали мало-помалу беспечно отставать от нашего начинания, я даю здесь несколько видов упражнений, от разнообразия которых новичок получит наслаждение, а его дарование — дальнейшее усовершенствование.

III. Различные виды упражнений и преимущественно — в синонимике

Первым упражнением пусть будет: выразить одно и то же разными словами, в различном или одинаковом стихотворном размере. Это называется синонимией, и весьма полезно, и даже само по себе в высокой степени облегчает сочинение стихов. Ведь, во-первых, приобретается запас слов, относящихся к одному и тому же предмету, так что после таких упражнений тот, кто пожелает описать что-либо, не будет затрудняться при подборе слов; много слов набежит само собой и только нужно будет сделать из них выбор. Затем нередко бывает, что приходится повторять то же самое в одной поэме; при этой надобности лучше всего помогает такого рода упражнение: ведь одно и то же можно будет легко выразить то теми, то иными словами.

Так, Виргилий (Энеида, II) в таких словах изображает глубокую ночь:

Был тот час, когда начинается первый для смертных
Бедных покой и богов благостыней их сладко объемлет.[4]

Сам же он в другом месте дает иное описание того же (Энеида, VIII).

Ночь наступила, везде по земле утомленных животных
Сон глубокий сковал, и птиц и скотов земнородных.[5]

И рассвет дня он изображает следующим образом (Энеида, III):

Новый уж поднимался день, при первом Эое,
И содвигала Аврора влажную тень с небосвода.[6]

Но в IV книге «Энеиды» иначе:

А покидает меж тем Океан, вставая, Аврора.[7]

И еще иначе в XII книге «Энеиды».

День грядущий, едва родившись, обрызгал сияньем
Горные выси, едва поднялись из глубокой пучины
Кони солнца, лучи из ноздрей выдувая взнесенных.[8]

Овидий же так приступает к сравнению малого с великим:

Если позволено уподоблять великое малому.

То же самое он выражает в другом месте так:

Если можно сравнить великое с малым.

А где-то так:

Если можно малое сопоставить с великим.

И еще иначе в другом месте:

Почему же нельзя брать примеры от великого к более малому.[9]

При этом синонимическом упражнении не заботься о том, чтобы находить слова совершенно одинакового значения, каковы суть ensis и gladius,[10] но будет достаточно тех, которые в соединении выражают одно и то же, хотя взятые отдельно — не будут иметь подобного значения. Отсюда можно применять признак предмета вместо предмета и часть вместо целого, род вместо вида, вещество вместо того, что из него сделано. Для образца возьмем изречение Сенеки Трагика.

Тот, кто любовь в начале подавил,
Воистину бывает победитель.
Но кто питал и лаской возлелеял зло,
Нести ярмо, которому подпал,
Отказывается, но слишком поздно.[11]

Здесь ты можешь видеть, что в каждом стихе упоминается «любовь», но в первом стихе собственно слово «любовь», во втором — через синекдоху, род вместо вида, в третьем — «ярмо», метафорически. Поэтому хорошо заметь для себя, что тропы являются богатейшим вместилищем для синонимических значений.

Что этот род упражнения был чрезвычайно излюблен и немало усовершенствован главой всех поэтов Мароном, свидетельствуют многочисленные у него примеры. Некоторые из них встречаются и до сих пор; одно весьма изящное — о реке, скованной льдом, — я приведу; здесь он выразил одиннадцать раз в изящных дистихах такую мысль: там, где прежде проходил корабль, теперь проезжают повозки.

Там, где проходил путь корабля, запряженный бык тащит повозку, после того как суровая зима сковала морозом воды. Волна, недавно доступная широкой корме, держит на себе колесо, когда, застыв от мороза, она выглядит как мрамор. Волны, на которые сейчас напирает воз, после того как они застыли от зимнего холода, прежде рассекал корабль. Волне приходится терпеть от колес, а не от быстрого корабля, чуть только река превращается в крепкий лед. Волны, привыкшие нести корабль, доступны повозке, когда они застыли, превратившись в лед, в виде нового мрамора. Там дорога для повозки, где недавно плыла изогнутая корма корабля, после того как зима холодом сковала воды. Когда ледяная зима сковала прозрачные воды, колея отмечает путь там, где недавно шло глубокое русло. Река служит дорогой повозке, а раньше — кораблю, повинуясь ветру; она становится проезжей для колес. После того как в реке замерзла густая влага, волы тянут повозки там, где корабль подгоняли весла; холодные волны, вмещающие на своих просторах корабли, открывают путь повозкам, когда река недвижима от суровых холодов. Когда Борей сковал холодом воды, повозки направляются в путь там, где обычно шли корабли.

К этому Виргилиеву упражнению [12] мы присоединим наше,[13] которое хотя и несравнимо с ним по стихотворному искусству и, может быть, менее латинское, но сочинено с целью служить более новым образцом для начинающего поэта. В нем мы даем краткое описание местоположения города Киева, так как этот город с востока непосредственно прилегает к реке, а с запада против него — горы:

Город оглашается плеском реки Борисфена,[14] оттуда, где встает Люцифер.[15] Он доходит до гор там, где тень ночи влечет за собою день. Западные части города окружены горными вершинами, а волны омывают часть, противоположную Авроре. Го-

род лежит под горой, откуда является поздний Геспер. А с другой стороны, откуда сияет Светоносец, плещутся волны. Волны омывают те части города, которые обращены к восходу солнца, а к западу горой вздымаются стены. Часть города, обращенная к восходу солнца, утопает в водах; множество гор поднимается на западной стороне. Глядя на первые лучи солнца, город шумит у реки, а там, где он озарен последними лучами, — достигает высокой горной цепи. Взирая на восход солнца, город оглашается плеском соседней реки, а при заходе солнца он высоко поднимается в горы. С востока город омывается волнами Борисфена, а гора преграждает стены с запада. Рождающийся день взирает на город, утопающий в волнах, последняя же часть дня озаряет гористую тыльную часть города. Река протекает мимо города, там, где рождается день, с запада город стережет множество горных вершин. Лик города, обращенный на восток, обилен волнами, гористый же видит вечер. Обилие вод являет город, взирая на румяный восход, а с запада он окружен вершинами гор. При явлении Титана [16] река подходит к домам, а горы поднимаются при заходе светила; волнообильный город видит начало дня, но гордится горою, озаренный сиянием заходящего солнца. Город обращает к закату крутой склон горы, а восточную часть омывает речная волна. С ревом стремятся на город волны с восхода Титана, а многовершинная гора поднимается на западе. Река омывает стены, где является Титан, а гора поднимается ввысь, где является ночь на влажной колеснице. Свой тыл город обращает к западу, а лицо на восток, здесь ограждает река, а там — множество горных вершин. С запада город преграждает полоса гор, а с востока по большей части струится Фетида.[17] Город стремит реку навстречу восходу солнца и множеством гор побеждает гаснущий день.

ГЛАВА V

ДРУГИЕ ВИДЫ УПРАЖНЕНИЙ

I. В чем состоит второй вид упражнения

Второй вид стилистического упражнения очень похож на первый, равно полезен и еще более приятен, а именно: он состоит в том, чтобы передать произведение какого-нибудь писателя другим размером, или на другом языке, или выразить более подробно то, что у него дано кратко или — наоборот, или же, наконец, прозаическую речь другого переложить в стихи.

II. Применение такого рода упражнений

Это упражнение полезно не только для выработки стиля, но также и для такого способа подражания, посредством которого можно выдать за свои переживания другого писателя. Ведь таким способом нелегко обнаружить подражателя, а если он и будет обнаружен, то вовсе не станут порицать и считать, что он живет похищенным. Это общеизвестно относительно Виргилия; зоркие читатели его «Энеиды» приметили много такого, что они видели у Гомера.

Опустим почти бесчисленные примеры, в которых писатели с таким разнообразием изложили одну и ту же мысль, каждый своими словами, что эта одна мысль одного лица почитается уже многообразной и зародившейся у многих. Но уместно привести замечательное и доставляющее удовольствие наблюдение, как у трех писателей зародился одинаковый замысел — словно из одного умонастроения; однако кажется, что этот замысел принадлежит каждому из них в отдельности, потому что все они его изложили по-своему и своими словами.

Сервий Сульпиций [1] в утешительном послании к Цицерону, который горевал о смерти своей дочери Теренции (это послание содержится в IV книге «Писем» Цицерона под № 5), между прочим, рассуждает о бренности жизни человеческой так: «Плывя, при моем возвращении из Азии, от Эгины по направлению к Мегаре, я стал смотреть на окружающую местность. Позади меня была Эгина, впереди — Мегара, справа — Пирей, слева — Коринф; города эти были некогда самыми цветущими; теперь они лежат перед глазами поверженные и разрушенные. Я начал так размышлять с собой: „Вот мы, людишки, жалуемся, если погибает или убит кто-либо из нас, чья жизнь должна быть более короткой, между тем как в одном месте лежат поверженными столько трупов городов“».

Это он выразил, конечно, умно и изящно. Но обрати внимание, каким образом ту же мысль выразил Торквато Тассо, поэт итальянский, созерцая развалины Карфагена (песнь XV в Готтфреде, строфа 20). Смысл рассуждения Тассо (так как он писал на языке, нам неизвестном) я привожу здесь по-польски, как его переложил замечательный польский поэт Кохановский.[2]

Пал Карфаген: не видно и следа
От гордых стен могучей той державы. —
Так гибнут царства, гибнут города,
Так кроют пышный блеск пески и травы!
А чванный дух наш алчет жить всегда,
Средь прочного величия и славы!

То же самое не менее изящно, но совершенно по иному воспевает Акций Санназарий[3] в весьма изящной своей поэме «О рождении Девы» (кн. II):

Побежденные твердыни Карфагена повержены, и лежат на пустынном берегу разрушенные дворцы. Сколько страха внушил этот знаменитый город, принес бедствий, глумясь над Лациумом и Лаврентскими полями! Ныне он едва хранит там и сям развалины, названия которых едва сохранились; весь город превращен в развалины, и о нем не следует упоминать. А мы, несчастный род, жалуемся на то, что старость разрушает члены, в то время как явно гибнут царства и грады.

Из этого согласия писателей ты видишь, сколь великое значение и пользу имеет такое упражнение. Пусть это служит образцом; но кое-что мы прибавим и от себя.

III. Упражнение в передаче на другом языке

Как-то захотелось нам ради упражнения изложить несколько Овидиевых стихов («Скорбные элегии», кн. I, 7 в начале: К другу, обманувшему поэта в несчастьи) сначала по-польски, а затем и на славянском наречии. Стихи Овидия следующие:

Вспять от моря к своим ключам глубокие реки
Станут течь, и коней Солнце назад повернет,
Звезды земля понесет, небеса изрежутся плугом,
Пламень волна породит, воду испустит огонь,
Наперекор все начнет ходить законам природы,
И ни одна мира часть свычным путем не пойдет,
Уже сбудется все, чего отрицал я возможность,
И ничего нет, чему веры не должно давать.
Это пророчествую, потому что я в том обманулся,
Кто несчастному мне, думал я, помощь подаст.

То же по-польски:

Вспять от моря к источникам потекут речные воды,
И солнце повернет назад своих коней.
Они вспашут небо, земля засияет звездами,
Огонь высушит воду, вода раздует огонь.
Все пойдет наперекор законам природы.
Своим путем идти не захочет никакая часть творенья,
И то, что невозможно, совершится,
И даже самое ложное суждение станет достоверным.
Я объявляю это, ибо я испытал на себе измену того,
От кого я ждал в случае нужды здравого совета.[4]

Славянский перевод смотри в таблице в конце этого труда.[5]

IV. Упражнение в передаче разными размерами и более пространно того, что дано кратко — или наоборот

К этому же роду упражнения присоединяется (как мы сказали в начале главы) не менее полезное упражнение: если один

писатель написал что-либо в одном стихотворном размере, то мы передадим это то одним, то другим размером; или, если у него что-либо дано вкратце, мы изложим более подробно. В качестве примера возьмем наше упражнение на следующие стихи Катулла:

Солнце может зайти и вновь вернуться
Если же краткий наш свет для нас угаснет,
Мы заснем беспробудным сном навеки.[6]

Эти стихи, называемые фалэическими, мы передали сапфической строфой так:

Вечером зайдет, но вернется солнце;
Если же краткий свет наш для нас угаснет,
Нас в немую ночь погрузит навеки
Сон беспробудный.[7]

Их же мы превратили в Горациевы следующим образом:

В Иберских водах Феб свой сокроет свет
Но в ясном блеске завтра восстанет вновь;
Но если свет наш в тьме гробницы
Скроется, он не вернется снова.[8]

То же самое мы снова, но более пространно изложили фалэическим размером:

Путь дневной совершив квадригой быстрой,
Солнце в глубь Гесперийских вод уходит.
Там оно ненадолго может скрыться.
Снова к нам поспешит своей дорогой,
Вновь свой свет нам вернет в сияньи чистом.
Если же краткий наш свет для нас угаснет.
Ты, судьбой беспощадной в тьму влекомый,
Тщетно ждать возвращенья к жизни будешь,
Станешь к тем, кто погиб, взывать напрасно!
Должен ты совершить свой труд вечерний
И заснуть беспробудным сном навеки.[9]

V. Пародия

Сюда также относится знаменитый вид упражнения, нашедший у многих авторов применение и называемый пародией. Именно, когда мы по образцу стихотворения какого-нибудь поэта приспосабливаем к нему наше собственное произведение: причем, следуя как бы по его стопам, мы употребляем слова и мысли, схожие со словами и мыслями или, если угодно, противоположные и из противоположной области. В таком роде, для упражнения, мы сочинили элегию блаженного Алексия, в которой он описывает свое свободное и добровольное изгнание в такой же манере, как Овидий описал свое (кн. I, 3). Элегия Овидия начинается так: Когда передо мной встает печальная картина той ночи.

Элегия

в которой блаженный Алексий рассказывает о последовательности событий своего добровольного изгнания: [10]

Лишь только предстает предо мной счастливейшее зрелище той ночи, которая заключила для меня последний день в миру; лишь только я вновь представляю себе ночь, когда я разбил столько оков, — как великая радость изливается из моего сердца. Наступил наконец час, когда великая любовь к Христу повелела мне покинуть отчий дом. Час не подходил для пути и хлопот по снаряжению в дорогу. Я колебался в беспокойном ожидании неизвестности: забыл, что нужно выбрать слуг и спутников, забыл, что долгий путь требует одежды. Я трепетал, словно узник перед бегством из темницы: то его питает надежда на побег, то покидает. Когда, наконец, само дерзание изгнало из души неизвестность, душа, вновь обретя силы, утвердилась в своем решении: наконец, я никого не заставлю быть мне другом из тех, кого сделало друзьями мое великое богатство. Если бы моя молодая супруга ведала это, как бы она старалась меня удержать! И каким потоком слез она оросила бы горестные ланиты! Сама родительница пребывала далеко в высоком доме и не ведала о моем поступке. Куда ни обратишь взор, всюду раздавались рукоплескания и звуки кифар, радостен был свет твоего праздника, о Гименей: люди любого возраста радовались нашему супружеству — и весь дом оглашался шумными хороводами. Если позволительно великое торжество сравнить с малым, то такой вид являл ты, о гордый Рим! И уже в глубоком покое смолкли людские голоса и лаяние собак, и луна плывет высоким путем по небу. Взглянув на нее, а затем переведя свой взор на множество храмов, окружавших наше жилище, я говорю: «Божества, хвалами которых оглашаются эти храмы, моя нога не должна вступать в ваши жилища. И вы, холмы, славные честно́ю кровью героев, прощайте на время, какое изволит сам Бог. И хотя этим щитом я не ограждаю моего тела, но все же возбраняйте всем оплакивать наше бегство. Покинутому родителю поведайте, сколь пламенная любовь увлекла меня от него, чтобы он не почитал нужным оплакивать несчастье. Пусть сам родитель ведает то, что ведаете вы: нет у меня благочестия, коль разгневан родитель». Так умолял я вышних, а супруга, не ведая ничего, приносила обеты, противоположные моим. Излив из глубины сердца горячую молитву, она многократно билась лбом о священную землю и произносила множество слов, которые не будут иметь силы, обращая мольбы к враждебным небесам, о возвращении отъятого супруга. И глубокая ночь уже не оставляла времени колебанию, и Арктос вращал на небе свои

круги. Что мне было делать? Признаюсь, любовь к отцу удерживала меня. Но только одна эта ночь подходила для бегства. Ах, сколько раз говорило мне человеческое сердце: смотри, куда идешь, куда спешишь или откуда; ах, сколько раз оно ошибочно жаловалось на неточный час и говорило, что не следует плыть в неведомые воды. Трижды я касался порога, трижды медленно бремя плоти удерживало мои стопы, уже готовые на подвиг. То я устремлялся, то вдруг силы покидали меня. Дух родины меня манил; то я подтверждал свой обет, то отрекался от него, бросая взгляд на мое покинутое жилище. Наконец, что же я медлю? Сирия, говорю я, страна, куда мы стремимся. Надо покинуть Рим; здесь не годится медлить. Супругу покидаю? Мне нужна свобода для самого себя. И дом? И я разрываю сети ласкового дома. И что за друзья, причинившие мне вред дурными нравами? О пороки, которые вызывают трепет и постоянный страх! Пока есть возможность, обращусь в бегство; может быть никогда уже этого мне не будет дано. Час промедления приносит ущерб, не время медлить; я подавляю доводы, советующие это. В Сирию мой путь, и быстро вхожу я на корабль. Пока мы плывем, с высоты неба сияет радостная для меня денница; но какая грусть для наших родственников была в ее восходе! Мои домашние горевали о моем отъезде (как мне рассказывали), словно оторвалась часть их тела. Так скорбел Иаков, когда узнал, что плоть и кровь любезного сына растерзана дикими зверями. Тогда-то радость становится мрачной печалью и десница, ранее рукоплескавшая, бьет в грудь. Тогда-то супруга тщетно начала громко взывать к мужу и преследовать беглеца воплями, которые уже не могли его возвратить: «Тебя нельзя оторвать от меня! Я последую за тобой, ах! Последую прямо по волнам, и буду, — говорит, — изгнанница, супругой изгнанника. Меня зовет дорога, меня призывает чуждая земля; для беглеца я не слишком большое бремя на корабле. Любовь ко Христу повелевает тебе переносить изгнание». И она говорит, что неподобает ей оставаться одинокой. Такими речами она искушала меня, а почтенные родители удержали ее. И с трудом она осталась при своем убеждении и замысле. Я спасся (ведь не следовало думать, что я от этого погиб) грязным, волосы покрывали немытые щеки. А она, изливая вопли в густой мрак, долго лежала полуживая среди жилища. И лишь только поднялась и выпрямила расслабленные члены — печальный образ с обезображенными прахом волосами, — тогда, говорят, она принималась оплакивать то себя, то покинутое ложе и часто взывала к отсутствующему супругу; и стонала так, словно лицезрела мою участь и сама предавала могиле мое тело; и молила Бога, чтобы ему было угодно прекратить ее жизнь; и

все-таки вновь лелеяла в сердце надежду на мое возвращенье. Пусть она живет и обращает к лучшему обеты и мольбы, пусть живет и остается верной отсутствующему супругу! Нежнейший Зефир приник к тихим волнам и своим дуновением ласкал морские воды; и мы безмятежно рассекали гладь Ионийского моря, и никакой буре не внушить нам трепетного страха..О я счастливец! Нежное дуновение овевает море, и можно подумать, на поверхности моря сама по себе играет Фетида. Волна не качает корабль на ходу и не бьет о корму, но только придает движение вперед быстрому кораблю. Летит сосновый остов корабля, не скрипят завязи канатов, и приведенный в движение корабль благоприятствует нашему бегству. Мореход с нескрываемой радостью беззаботно напевает: ему не нужно его уменье подгонять корабль. И подобно тому как всадник управляет объезженным конем, не натягивая поводьев, и умеет поворачивать его легким движением узды, и мореход бесстрашно распустил тогда паруса по ветру в желаемом направлении, куда его призывали сами обстоятельства. Поэтому если бы эти ветры не были под покровом божественной милости, то кто подумал бы, что я мог пристать к гавани? Уже, оставив далеко позади Италийские берега, я вижу берега моей возлюбленной Сирии. Прошу, да позволит мне пристать к желанной земле волна и да будет она как и я послушна великому Богу. Пока я говорю это и с трепетными мольбами уже достигаю берега, быстрый ветерок весело подгоняет корабль. Гоните, гоните меня дуновения лазурного моря! Пусть это будет ясным знаком Божьей милости. Пусть примет меня, изгнанника, чужой берег, если только можно назвать Божью землю чужой землей!

ГЛАВА VI

ИНЫЕ ВИДЫ УПРАЖНЕНИЙ, ПО АФТОНИЮ СОФИСТУ [1]

I. Польза этих видов упражнений

Чем советует заниматься Софист Афтоний еще до того, как приступать к риторике, и что он называет «прогимнасматами»,[2] или предварительными упражнениями, которые надо проделать как бы в преддверии ораторского гимнасия, — если хоть чем-нибудь из всего этого займется начинающий поэт, то, я думаю, он чрезвычайно много наберет сил для создания крупных произведений. Ведь некоторые упражнения находят частое применение в поэзии, каковы: описание, повествование, этопэя, сравнение, фабула, восхваление и порицание, о чем скажем здесь вкратце.

II. Описание

Описание есть объяснительное изложение, которое посредством повествования делает предмет как бы наглядным (Афтоний, гл. II). Описывается же то, что охвачено в следующем стихе:

Лица, предметы, подвиги, звери, местности, времена, растения.

Для всех описаний общими и главнейшими являются два достоинства: ясность и краткость, причем та и другая способствуют наглядности предмета. Ведь каким образом покажется ясным, — а не пустым звуком — темное описание, ускользающее даже от напряженной мысли, а не то что от взгляда?

Но необходима в описании и краткость, чтобы все обнаруживалось не постепенно и не по частям, а как бы в единое мгновение времени целиком. Именно здесь, на одном из этих подводных камней, терпят обычно крушение неосторожные писатели, что отметил Гораций в книге «О поэтическом искусстве»:

Большею частью, Пизоны, отец и достойные дети!
Мы, стихотворцы, бываем наружным обмануты блеском.
Кратким ли быть я хочу, — выражаюсь темно.[3]

Разумеется, эти достоинства с трудом соединимы: и часто бывает, что краткость вредит ясности, а ясность краткости. Надо одинаково заботиться и о том и о другом и писать хотя и кратко, но так, чтобы от этого не возникало неясности, и так ясно, чтобы в описании не распространяться далее, чем это требуется предметом. Следовательно, чтобы краткость была надлежащей и безвредной, не надо давать ничего излишнего и слишком часто повторять одно и то же, не надо излагать в слишком длинных периодах или бóльшим числом стихов; надо избегать частых и длинных вставок, и не нагромождать понапрасну синонимов, но не допускать ни в чем нехватки, никаких сокращений и искажений: ведь от этого тот, кто стремится быть кратким, становится темным.

Наилучшее наставление о краткости, конечно, содержится в послании святого Григория Назианзина к Элладию:[4] соразмерять повествование или описание предметов с самими предметами, а не со словами или стихами. Но для ясности описания надо избегать двусмыслéнных слов и выражений, излишней изощренности, частых острот и нагромождения лиц и предметов. Следует особенно заботиться о выборе слов общеупотребительных и собственных — собственными я называю те, которые соответствуют предмету и хорошо его выражают и объясняют, чем и достигается хорошая связь между предметами и сцепление

слов. Равным образом, обрати внимание на своеобразие описания, требуемое каждым предметом.

а) Местности. При описании местности, как-то: рек, полей, гор, — я полагаю, следует отметить главным образом три стороны: величину, внешность или качество и обстоятельства, т. е. надо рассмотреть, велик ли предмет, его длину, ширину, обширность, высоту, глубину и т. д. Затем — каков он, какими дарами природы отличается, приятен или неприятен, сладкий или горький, темный или светлый и т. д. Далее, какие предметы смежны или связаны с ним, т. е. когда при описании одного места затрагиваются и другие места: как например справа находятся горы, слева — море, на востоке — леса, на западе — река и т. д.

б) Времена. Описание времени включается в описание других предметов, преимущественно — местностей. Причем время нельзя иначе описывать, как только по внешнему виду и изменению местности, происшедшему в течение данного времени; разумеется: температура, теплый и холодный воздух, буйство ветров, частые грозы и дожди, приятный или унылый вид полей, садов, рек, а также других предметов, людей, птиц и прочих животных.

в) Растения и другие безгласные предметы. Растения и иные безгласные предметы, как например искусственно сделанные устройства, орудия, оружие, картины, здания, сосуды, одежды и т. д., можно описывать тем же способом, т. е. каждую из частей в отдельности; надо умело указать, какие они, сколько их и в каком порядке они расположены.

г) Лица и звери. Не многим отличается и может быть таким же описание людей и прочих живых существ, четвероногих, рыб, птиц и т. п.; ведь при описании всего этого делается перечисление частей; за исключением того, что при описании животных надо также изображать их нрав, дикость, характер, хитрость, быстроту, проворство, боязливость, чутье, смышленность и т. п.; в описании же людей — наглядно изображать нравы (что именуется этопэей), об этом мы скажем немного ниже, кратко, и полнее, в книге II, где будем разбирать поэтические украшения.

д) Деяния или повествование. Описание деяний называется повествованием (хотя даже и при повествовании о деяниях много значит описание); о чем подробнее там, где будет речь о большом повествовании эпической поэмы. Здесь я скажу только вкратце, что некоторые повествования встречаются как у ораторов, так и у поэтов; эти повествования, кроме краткости и ясности, требуют еще и третьего достоинства — правдоподобия, — которое делает повествование достойным доверия. Но правдоподобие получится только тогда, если мы в основном

будем избегать трех недостатков: несоответствия, невозможности и противоречия.

Таковы краткие сведения об описании и повествовании, которое Афтоний считает отличным предварительным упражнением, что действительно так и есть. Мы же ради краткости объединили повествование с описанием под одним заголовком. Теперь перейдем к другому.

III. Этопэя

Здесь перед нами этопэя, которую иные не отличают от просопопэи; она заключается в изображении или воспроизведении жизни и нравов других людей. Под нравами следует понимать не только действия, но и речи, что как раз дается и просопопэей; а если ее отличать от этопэи, так она имеет ту особенность, что этопэя изображает нравы известного лица, просопопэя вымышляет и нравы, и лица. Здесь, однако, мы охватываем их обеих одним названием и рассматриваем этопэю не как фигуру (о чем скажем в обещанном месте), но как определенный вид упражнения, описанного Афтонием (глава VI).

Итак, назначение этого упражнения не в чем ином, как только в том, чтобы выдумывать правдоподобные речи, радостные или печальные, подлинного или вымышленного лица. Таким образом можно упражнять свой стиль для героической поэмы, а в особенности для трагической; например, что могла сказать Ниобея, потеряв детей, и что Елена, скрываясь при взятии Трои. Для большей искусности в этопэе Афтоний советует соблюдать три времени — настоящее, прошедшее и будущее, по которым как бы по определенным разделам надо распределить всю речь, радостна ли она или печальна. Что же надо говорить в каждом отдельном времени — Афтоний не указывает. Но даже по внушению самой природы, оплакивая печали, мы говорим о том, чем мы страдаем, а при благополучии говорим о том, чем наслаждаемся. Кроме того, для возбуждения как раз этих чувств учителя красноречия считают главным приемом описание предметов печальных или радостных. Поэтому и здесь тоже искусность состоит не в чем ином, как в удачном описании обстоятельств настоящего и прошедшего времени тем, кто занимается такими упражнениями; а если обстоятельства окажутся различными, то он сделает настоящие радости и печали тем самым еще более радостными или печальными, потому что сравнит их с совершенно несхожей судьбой в прошлом. Если же настоящее подобно прошлому, т. е. радость сменяется радостью, а печаль — печалью, то тогда или он облегчит эти прошлые чувства сравнением тех и других между собой и тем самым усилит настоящие переживания, или же будет обвинять судьбу, на-

столько враждебную ему, что чуть только миновали одни несчастья, она посылает другие, нагромождая бедствие на бедствие и скорбь на печаль.

Заглядывая же в будущее, он при счастливых обстоятельствах возымеет надежду на все лучшую и лучшую участь; в несчастье же выскажет страх и отчаяние перед будущими несчастьями, в предчувствии наихудшего исхода.

ГЛАВА VII

ДОБАВЛЯЮТСЯ ОБРАЗЦЫ УПРАЖНЕНИЙ ПРЕДШЕСТВУЮЩЕЙ ГЛАВЫ

I. Образцы поэтического описания

а) Местности. Тартар (Энеида, кн. VI, 548):

Глянул назад Эней и вдруг, под утесом налево
Город обширный зрит тройной обведенный стеною...

То же самое у Овидия (Метаморфозы, VI, 434):

Мертвенный Стикс там дышит туманом, и новые тени...

Елисейские поля (Энеида, кн. VI, 637):

Это свершив наконец...

Пещера Кака (Энеида, VIII, 190):

Прежде на этот взгляни утес, над скалами нависший...

Мастерская киклопов и их произведения (Энеида, VIII, 416).

Возле Сиканских брегов... остров из моря крутой.

Холодная область Скифии (Георгики, III, 282):

В хлевах там взаперти...

Великолепный дворец (Энеида, VII, 170):

Царский чертог, огромен, на ста возвышаясь колоннах...

Дворец Солнца (Овидий, Метаморфозы, II, в начале):

Солнца дворец, утвержден на высоких столпах, поднимался.

Источник Гиппокрены (Овидий, Метаморфозы, V, 264):

Та, подивившися долго струе, добытой копытом...

Лабиринт Дедала (Метаморфозы, VIII, 159):

Славный искусством своим в строительном зва̀ньи, исполнил дело Дедал.

Дом Сна (Овидий, Метаморфозы, XI, 592):

Близ киммерийцев есть свод в горе и длинный выход пещеры,

Дом Молвы (Овидий, Метаморфозы, XII, 59):

Есть между морем... место как раз посреди.

Различные места Испании (Марциал, II, эпигр. 42):

Муж на устах Келтиберского племени...

Загородный дом Фаустина (у него же, III, эпигр. 44):

Байская вилла, о Басс, нашего Фаустина...

Сады Юлия (Марциал, VI, эпигр. 51):

Юлия малость числом десятин Марциала...

Формианское[1] побережье изящно описывается у Марциала (кн. X, эпигр. 28):

О благотворных Формий сладостный берег...

Замечательное описание Этны у Клавидана и у Виргилия (Энеида, III, 570), которое в силу его исключительной красоты приводим здесь полностью:

Сам недоступен напору ветров залив и огромен,
Только грохочет вблизи обвалами страшными Этна;
По временам до эфира черную тучу бросает,
Ту, что дымится смолистым вихрем и искрой блестящей,
Пламенем клубы она возносит и лижет созвездья,
А иногда и утесы, горы разъятые недра
Мечет она, изрыгая; рушит на воздухе с ревом
Перекаленные камни, кипит в глубинах бездонных.

Добавим к нему не менее красивое описание прелестного источника из Овидия (Метаморфозы, III, 407):

Чистый источник бежал, серебристой сверкая струей;
Ни пастух до него, ни козы с пастбищ нагорных
Не касались, ни скот никакой; его никакая
Птица иль зверь не мутил, или с дерева павшая ветка,
Дерн его окружал, питаемый близкою влагой,
Да и лес не давал нагреваться месту от солнца.

б) Времена и перемены в природе.[2] Ночная пора (Энеида, IV, 522):

Ночь была и вкушали тела усталые мирный
Сон везде на земле.

Внезапная буря (Энеида, I, 88):

На море поналегли, и, что есть, с коренных оснований
Вместе, как Эвр, так и Нот, все срывают...

То же самое (Энеида, III, 194):

Темного цвета тогда над моей головой встала туча.

То же самое у Овидия (Метаморфозы, XI, 480):

Как под вечер белеть, волнами напучившись, стало
Море.

Землетрясение (Овидий, Метаморфозы, VI, 299):

Знойная сила ветров, сокрытая в темных пещерах.

Повальная болезнь (Овидий, Метаморфозы, VII, 532):

Жар смертоносный летел в дыхании южного ветра.

Пожар земли (Овидий, Метаморфозы, II, 210):

Пламя объемлет и земли на самых возвышенных точках.

Четыре поколения (Овидий, Метаморфозы, I, 89):

Первым век золотой народился... и т. д.

Поры весны (Гораций, Оды, IV, 7):

Снег последний сошел.

Изящно в трех стихах так описывает сумерки тот же автор (Метаморфозы, V, 399):

Уже закончился день, и время уже наставало,
Что ни мраком еще, ни светом назвать невозможно,
А со светом, однако, сближенье сомнительной ночи.

Кроме прочего, стоит наглядно представить здесь все описание потопа у него же (Метаморфозы, I, 9):

Разливаясь бегут по полям открытым все реки,
И с посевами вместе деревья и скот весь уносит,
И людей, и дома, и храмы со всею святыней.
Ежели дом остался какой и мог устоять он
Пред бедой, но всю его крышу волна покрывает
Сверху, и башни попрятались под давлением бездны.
Уже не стало различия между землею и морем:
Морем все было, и уж берегов у моря не стало.
Тот взобрался на холм, другой на изогнутой лодке
Там налегает на весла, где сам пахал он недавно,
Тот над жатвою едет или над дачею даже
Затонувшей, а этот поймал на ясени рыбу.
На зеленой долине, быть может, кидается якорь
Или кривые челны виноградник залитый цепляют;
Там, где траву недавно щипали поджарые козы,
Ныне покоят свое безобразное тело тюлени.
Под водою дивятся на рощи, дома и посады
Нереиды; в лесах очутились дельфины и в ветви
Высоко забрались и толкают дубы, сотрясая.
Плавает волк средь овец, лев желтый несется волною,
Тигра уносит волна; ни в силе, с молнией сходной,
Пользы нет кабану, ни оленю в ногах его быстрых,
Долго напрасно ища земли, чтоб было присесть где,
Птица, на крыльях паря измученных, падает в море.
Уже покрыла холмы беспредельная вольность стихии,

И небывалые воды плескались по горным вершинам.
Бóльшая часть потонула в волнах, а кого пощадили
Волны, тех медленный голод гнетет убогою пищей.

в) Лица, их чувства и действия. Описывается вымышленное лицо — Голод (Метаморфозы, VIII, 14):

Голод искомый она в полях каменистых узрела.

Так же Зависть (Овидий, Метаморфозы, VI, 16):

Сотрясенные двери раскрылись.

Так же Молва (Виргилий, Энеида, VI, 173):

Тотчас идет Молва по великим Либии градам.

Голодный и прожорливый (Овидий, Метаморфозы, VIII, 15):

Короткий сон, все еще Эрисúхтона мирно крылами
Овевал... и т. д.

Так же описывается стоокий Аргус (Овидий, Метаморфозы, I, 16):

Сто вокруг головы у Аргуса глаз помещалось... и т. д.

Вид и действие безумца Атаманта (Овидий, Метаморфозы, IV, 12):

Тотчас посредине двора Эолид разъяренный и т. д.

Внешность Фурии (Овидий, Метаморфозы, IV, 11):

Тотчас взяла Тисифона сердитая кровью обмытый факел
И, кровью текущий... и т. д.

Геркулес Неистовый (Овидий, Метаморфозы, IX, 3):

Разгорелся тогда злой яд.

Более подробно описываются его же неистовства Сенекой Трагиком в трагедии «Геркулес Неистовый».

Гиппомен, состязавшийся в беге с Аталантой, причем прекрасно изображается вид бегущих (Овидий, Метаморфозы, X, 15):

Трубы лишь подали знак... и т. д.

Киллар — прекрасный кентавр (Овидий, Метаморфозы, XII, 5):

Чуть росла борода... и т. д.

Борьба Геркулеса с Ахелоем (Овидий, Метаморфозы, IX, 1):

И наступает, свиреп... и т. д.

Сражение Энея с Турном (Виргилий, Энеида, XII, 710):

А они, лишь поля опустелым открылись простором... и т. д.

Ярость киклопа Полифема (Овидий, Метаморфозы, XIV, 5):

Начал, со злости стеная, по всей он Этне носится... и т. д.

Изображение того же Полифема у Виргилия стоит привести здесь целиком (Энеида, III, 618):

...в дому чудовищных пиршеств и крови
Темно, огромном внутри. Сам высок, упирается в звезды.
Вышние боги! Такую напасть от земли отвратите!
Каждому тяжко смотреть на него, не легко говорить с ним.
Он потрохами несчастных и кровью питается черной.
Видел я сам, как два тела схватил громадной рукою
Он из числа нас и, навзничь лежа в середине пещеры,
Их раздробил о скалу, и пороги разбрызганной кровью
Облились; видел, как части, гноем текущие черным,
Он пожирал; под зубами теплые члены хрустели.

Очень изящным будет пример, когда показан вид умирающего человека, образ умирающей Дидоны (Виргилий, Энеида, IV, 688):

Та, попытавшись поднять тяжелые очи, слабела
Снова; шипит ее под грудь нанесенная рана.
Трижды вставая, она, опершись, поднималась на ложе,
Трижды падала вновь на ложе, блуждающим взором
Света на небе высоком ища, и стонала, увидев.

г) Звери. Дракон и битва его с Кадмом (Овидий, Метаморфозы, III, 1):

В нем пещера была за густым ивняком и лозою и т. д.

Другой дракон (Овидий, Метаморфозы, VII, 1):

Бдительного усыпить остается травами дракона.

Калабрийский Змей (Виргилий, Георгики, III, 425):

Водится злая змея еще в Калабрийских ущельях.

Описание медноногого быка (Овидий, Метаморфозы, VII):

Вот из булатных ноздрей быки медноногие пышут... и т. д.

Конь, пораженный болезнью (Виргилий, Георгики, III, 495):

Падает, все позабыв, и привычки и нрав свой, несчастный,
Конь победитель... и т. д.

Благородный конь (Виргилий, Георгики, III, 75):

Прежде всего табуна... и т. д.

Битва быков и дикость (Георгики, III, 220):

Попеременно они... и т. д.

Красивый бык (Овидий, Метаморфозы, III, 17):

Принимает он облик быка.

Феникс (Овидий, Метаморфозы, XV, 5):

Есть только птица одна, что себя направляет и сеет... и т. д.

Бык, пораженный чумой, у Виргилия (Георгики, III, 515). Описание его дается здесь целиком:

Вот, однако, и вол, дымясь под плугом тяжелым,
Падает, кровь изо рта изрыгает, с ней вместе и пену;
Смертный стон издает; и пахарь уходит печальный
И, отпрягая вола, огорченного смертью дружки,
Посередине труда оставляет врывшийся плуг свой.
Тут уж ни сени дубрав глубоких, ни мягкие травы
Душу его оживить не могут, ни речка, что
По полю между камней, электра чище; спадают
Снизу бока; на глаза неподвижные тупость ложится
И, тяготясь собой, склоняется доземи шея.

д) Неодушевленные предметы. Например, золотая ветвь (Виргилий, Энеида, VI, 137):

Сук таится златой и листами и ветвию гибкой...

Там же немного ниже описывается та же ветвь (204):

Где, меж ветвями сверкая, несоцветный им золота отблеск.

Ткань с изображениями (Овидий, Метаморфозы, VI, 2):

Марсов выводит утес Паллада у Кекропса в замке... и т. д..

Но бесспорно самое красивое описание — это у Виргилия щит Энея, на котором Вулканом изображена будущая судьба римлян (Энеида, VIII, 625). Некоторую часть этого описания стоит привести:

...Щита узор несказанный.
Италов здесь дела и великие римлян триумфы,
Зная вещанья волхвов и судьбы грядущего века,
Огневладыка явил: здесь весь показал происшедший
От Аскания род и войны одна за другою.
Изобразил, как лежит в пещере Марса зеленой
Плодоносящая мать волчица, у ней под сосцами
Мальчиков двое висят, играя, и матерь без страха
Оба сосут; откинув округлую шею
Лижет обоих, тела языком звериным лаская.
Рядом представил и Рим, и похищенных с гор беззаконно
Дев сабинских... и т. д.

II. Образцы поэтического повествования

а) Об Орфее (Виргилий, Георгики, IV, 464):

Сам же несчастный, в любви утешаясь пустой черепахой... и т. д.

б) О Нисе и Эвриале (Энеида, IX, 308):

Тотчас вооруженные они выступают... и т. д.

в) О Каке (Энеида, VIII, 190):

Прежде на этот взгляни утес, над скала́ми нависший... и т. д.

г) О нем же (Овидий, Фасты, I).

д) Об отправлении своем в изгнание (Овидий, Скорбные элегии, I, 3):

Когда начнет возникать печальнейший образ той ночи и т. д.

е) О смерти Полидора (Энеида, III, 22):

Холм случился вблизи небольшой и т. д.

ж) О хитрости Тарквиния и его сына (Овидий, Фасты, II, 685):

Ныне я должен сказать об изгнании царском.

з) О Батте (Овидий, Метаморфозы, II, 14):

Невдомек никому воровство, не будь тут известный
Местный старик... и т. д.

3) О Филемоне и Бавкиде в старости (Овидий, Метаморфозы, VIII, 10):

Но старушка Бавкида и ей летами под пару, Филемон... и т. д.

Затем вся героическая поэма Виргилия, все книги «Метаморфоз» Овидия и его «Фасты», а также героические поэмы прочих писателей наполнены отборнейшими повествованиями. Стоит привести здесь на местном наречии одно описание из Торквато Тассо, переданное по-польски (песнь IX, 27):

Латин меж тех был — с Тибровых брегов, —
Что тут не уступили буйным ордам.
От битв не изнемогши и трудов,
И в старости он сильным был и твердым.
Почти что равных пятеро сынов
Всегда при нем сражались строем гордым:
До время груз доспехов тяготел
На нежность лиц и недоросших тел.

Побуждены отцовским образцом,
О кровь и меч, и гнев свой изощряли,
Он им сказал: «На хищника пойдем,
Теснящего тех трусов, что бежали.
Явите дух обычный! Пусть при нем
Уж кучи окрова́вленныя пали:
Лишь та ведь, дети, истинная честь,
В которой память бывших страхов есть».

Так львица водит недорослых чад,
Чья шея не покрыта пышной гривой,
Еще длиной чьи когти не страшат,
Во рту не полон строй зубов грозливый.
Но матке вслед в опасности спешат —
С ней бросятся, в отваге горделивой,
И на ловца, врага их чащ родных,
Что гонит пред собой зверей иных.

Так с юношами двинулся Латин,
Напавши на султана, круг составил.
Порыв, и замысл был, и дух один,
И шесть он копий в одного направил.
Но, слишком поспешивши, старший сын
За меч схватился, а копье оставил.
И тщетно сделать острием желал,
Чтобы скакун под Солиманом пал.

Как при грозе могучая скала,
Высокая и вдвинутая в море,
Стоит неколебима и цела,
С ветрами и волнами в страшном споре;
Так Солиман, с величием чела,
Держался при оружном их напоре.
И вот тому он, что коня разил,
Между бровями череп раскроил.

Увидел Арамант, что слабнет брат,
И вздумал нежно быть ему опорой:
Безумец! Чуть сдержав его упад,
Он сам погиб погибелию скорой!
На руку бусурман спустил булат,
И на землю подпертый пал с подпорой.
И рухнул брат на брата, огорчен,
Смешались кровь их и предсмертный стон.

Потом Сабину древко сокруша,
Он на него с булатом напустился,
И так ударил, яростью дыша,
Что нежный отрок в прахе очутился.
Из тела рвалась скорбная душа,
И стоптанный конем дрожал и бился,
Уныло покидая юный век,
Веселья полный, сладостей и нег.

Вот оставались лишь Лаврент да Пик,
Что в час один родились у Латина:
Один был стан у них, один и лик,
Ошибок сладких частая причина.
Но различили в этот страшный миг
Их ярый враг и разная кончина:
Жестокое различье! Он срубил
Здесь голову, а там он грудь пробил.

Отец, ах, не отец уж! Страшный рок!
Быв прежде многочадным, он — бесчадный!
Пять сыновей легло в короткий срок,
И сам стоит пред смертью беспощадной.
И как еще старик сражаться мог,
Снедаемый тоскою безотрадной!
Но может быть, что лиц и муки всей
Не разглядел он павших сыновей.

Те горькия страданья от него
Отчасти тьма сочувственная скрыла.
Но уж ему б в отраду торжество,
Коль самому не пасть, не послужило;
Не жалко крови сердца своего,

А по чужой тут алчно грудь заныла:
И он не знал, сильней ли одолеть
Его теперь влекло иль умереть.

«Ужель (кричит врагу) рука сия
Уже жалка настолько и ничтожна,
Против нея что возбудить тебя
И всем ея усильям невозможно?!»
Замолк. И, кольца с бляхами рубя,
Хватил мечом, как сильно только можно,
И по султану, обагряя бок,
Горячий широко полил поток.

Тут обратил на рану и слова
И гнев, и меч свой варвар тот ужасный.
Пронзил он панцирь, щит пробив сперва,
Одетый твердой кожей семипластной,
И погрузил железо в черева.
Упал и зарыдал Латин злосчастный,
А кровь его двойной дорогой бьет
И через эту рану, и чрез рот.

Как в Апеннинах древний дуб иль бук,
Не раз лихим ветрам противоставший,
Необычайным вихрем вырван вдруг,
И гнет, и ломит лес его обставший, —
Так увлекал цепляньем сильных рук
Других с собою богатырь упавший:
Прилично храбрецу, кончая жить,
Еще при смерти рушить и крушить.

III. Образцы поэтической этопэи

а) Эвандр, отправляющий сына с Энеем на войну (Виргилий, Энеида, VIII, 560):

Если б Юпитер вернул мне прошедшие годы... и т. д.

б) Когда Эней оплакивал Паланта, сына царя Эвандра, убитого Турном (Виргилий, Энеида, XI, 42):

Отрок несчастный, ужель Фортуна, мне улыбаясь,
В том отказала и т. д.

в) Тот же Эней, когда вдохновляет воинов на подвиги (Виргилий, Энеида, I, 202):

Вы, о друзья! Ведь и раньше были нам беды знакомы и т. д.

г) Когда Эней молился богам по повелению Сибиллы (Энеида, VI, 56):

Феб, что к тягостным Трои всегда сострадал злополучьям.

д) Дверь жалуется в доме блудницы у Проперция (I, 16):

Я, которая некогда была открыта для великих триумфов.

е) У Овидия или у кого-то другого под именем Овидия орешник, горько жалуясь:

Я — орешник, прильнувший к дороге, хотя я безвинен.

ж) Земля, не переносящая пожара, учиненного Фаэтоном, со скорбью и негодованием так жалуется Юпитеру (Овидий, Метаморфозы, II, 3):

Если угодно, и я заслужила, что ж гром твой так медлит,
Бог из богов? Если мне суждено от пламени гибнуть,
Пусть от твоих бы огней, от тебя бы погибнуть мне легче.
Даже с трудом я уста для этих-то слов разверзаю...
Пар ей рот захватил... Взгляни на спаленный мой волос,
Сколько золы у меня на глазах, на лице ее сколько!
Это ль награда моя, и в этом ли шлешь воздаянье
Всем плодоносным трудам, что кирки и кривого я плуга
Язвы терплю, и меня в продолжении года терзают?
Что листву я скотам, и питанье нежнее из зерен
Роду людскому, и вам при этом я ладан готовлю?
Но допустим, что гибель я заслужила, чем волны,
Брат-то чем виноват? За что его, жребием данный,
Меняет моря удел и далее стал от Эфира?
Если ни к брату тебя, ни ко мне любовь не смягчает,
Сжалься над небом своим. Туда и сюда оглянися,
Полюсы оба в дыму; и, если огонь повредит их,
Ваши чертоги падут. Атлант сам, ты видишь, страдает.
И едва на плечах раскаленную ось уже держит,
Если моря и земля пропадут и небесное царство,
В древний мы хаос впадем. Из пламени вырви, коль только
Что уцелело еще, и размысли о благе вселенной.

ГЛАВА VIII

О ДРУГИХ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫХ УПРАЖНЕНИЯХ АФТОНИЯ: О СРАВНЕНИИ, ПОХВАЛЕ, ПОРИЦАНИИ И БАСНЕ

I. Сравнение

Сравнение есть выражение, стремящееся путем сопоставления найти, чем можно преувеличить сравниваемый предмет или показать, чему он равен. Так объясняет сравнение Афтоний, к последним словам, которого, как кажется, надо присоединить следующее: «или преуменьшить», т. е. когда мы сравниваем один предмет с другим в чем-либо и путем сравнения ищем, какой именно предмет превосходит другой или же бывает ниже другого. Из этого объяснения сравнения становится ясным, каково его применение. Если мы захотим представить посредством амплификации малое великим или — наоборот, то достигаем этого главным образом сравнением. Это делается двумя способами:

1) если предмет сравнения я покажу равным тому, с чем сравниваю; 2) если я показываю его бóльшим или меньшим (чтó действует сильнее).

Далее, способ сравнения приблизительно таков: не весь предмет целиком надлежит сравнивать с другим целым предметом (этот способ, по словам Афтония, является нерадивым и недейственным), а показывать части одного предмета в отдельности по сравнению с частями другого, что легко сделать путем рассмотрения обстоятельств обоих сравниваемых предметов. Так, например, если пожелаешь сравнить жизнь богатую и скромную, намереваясь показать, что последняя счастливее первой, то рассмотри обстоятельства каждой, прежде всего — место; чертоги богачей опираются на сотни колонн, блистают золотыми крышами, украшены внутри ценными занавесями. Наоборот, у бедняков — маленькие, убогие хижины, крытые болотным тростником, подпертые деревянными вилами, сооруженные только для укрытия от непогоды в суровое время года. Затем, ты рассмотришь уборы богатых и бедных и увидишь первых в златотканных одеждах, а вторых — облеченных в простые тряпки и лохмотья; далее — пищу, — и ты увидишь там изысканные заморские кушанья, привезенные издалека; здесь же, у бедняка, — простой и легко приготовляемый стол, не для сытости и прихотей, но едва достаточный для требований природы. Затем и тут и там ты заметишь множество спутников, притом на стороне у богатого по словам Клавдиана:

Там толпа прислужников оглашает шумом исполненный радости дом,
Здесь — пение птиц, журчание текущего ручья.[1]

Чтобы один предмет путем сравнения с другим возвысить или поставить ниже, ты достигнешь этого:

1) Если отдельные главные пункты обоих предметов будут сами по себе противоположны или будут превосходить друг друга.

2) Если каждому из этих пунктов сравнения придется чего-нибудь больше или меньше, чем другому.

3) Если уже под конец в одном предмете обнаружится нечто такое, чем одним он превзойдет все пункты другого предмета.

Например, рассуждая о жизни частной и царской, после сравнения и сопоставления всех особенностей, в конце ты мог бы сказать: все здесь блестяще, но не лишено опасности и полно страха, наоборот — там все неприметно, но зато надежно и не вызывает зависти.

В произведениях поэтов много примеров сравнения, в особенности у Марциала, а также у Овидия в «Скорбных элегиях» и «С Понта», но здесь нет возможности все это приводить. Для примера дадим, однако, несколько славянских стишков знаменитейшего и ученейшего мужа, очень заслуженного среди нашей коллегии, в которых он так благочестиво обращается

к Пресвятой Деве. Эти стишки смотри в таблице в конце этого труда.[2]

Взамен этого я предлагаю не в качестве наставника, а как провожатого слуги и составленное нами упражнение, в котором сравнивается блаженная жизнь монашеская с горемычной жизнью в миру. Это мы делаем по вымышленному поводу, как обычно у школьных риторов.

Сравнение жизни монашеской и мирской, в котором сын, добровольно собирающийся удалиться в монастырь, отвечает отцу, удерживающему его от этого намерения.[3]

Зачем, отец, ты беспокоишься, удерживаешь меня от выполнения моего обета и не дозволяешь мне безмятежно пребывать в надежном месте? Куда ты, слепец, меня увлекаешь? Куда пойдем мы с тобой, ты и пути не знаешь. Велик простор для блужданий. Ради этого мне обезуметь и нарушить священный обет? И столь великое нечестие вышло из уст отца! Что в силах освободить меня от этих божественных уз и завлечь меня в плен тяжких мирских сетей? Защити меня, о судия, и сравни тот и другой образ жизни. Одна жизнь, без сомненья, есть тихая пристань, а другая — море. Там пучина кипит терзаниями и заботами. А здесь — трезвые мысли, здесь предстоит глубокий покой. Там корабль движется среди зыбких, неверных волн, а здесь он плывет, повинуясь зефиру. Вкруг вас раздается шум и рокот враждебного города и не позволяет духу быть независимым. А нас пленяет спокойное молчание безмолвной кельи или мирная роща тенистого леса. Нас окружают великие учителя и красноречивые отцы, а вас — плуты, презренная чернь и вонючие повара. Вы боязливо колеблетесь под беспрерывными ударами грозной судьбы, ваше сердце ранено страхом, а мы добровольно презрели власть слепой Владычицы и смеемся над ее угрозами и ласками. Что заставляет вас столь страдать и терпеть, а нас побуждает вступить на иной путь? Вам готовится что-то непрочное и суетное, а мы умеем достичь вечной красы. О, скольким опасностям приходится подвергаться тебе, несчастному, стремясь к ничножной вершине суетной почести! О, сколь великое ярмо нужно нести на дрожащей выe, пока не сумеешь вновь снискать любовь государя, если ты утратил ее. Но об этом мы думаем, не таково сердце царево. Пока царь щадит, он легок, пока расточает милости, он щедр. Зачем мне вспоминать печальные случаи и трагические вопли, которые вам неожиданно приносит даже мгновение? Мы также рыдаем, но как отлична эта наша скорбь (если ее только можно назвать скорбью). Мы плачем, чтобы заслужить радость вечной жизни, а вы — оттого,

что дни радости позади. А между тем вы беспечно близитесь к Орку и обиваете печальные пороги страшного жилища. Мы же заранее приготовляем в жарких молитвах небесные обители, и на непоколебимом благочестии зиждется наше упование на великого Бога.

II. Восхваление

Восхваление есть речь, перечисляющая чьи-либо достоинства, а порицание — речь, отличающая недостатки. Восхваляются личности поименно: но, впрочем, и все другие предметы допускают хвалу или порицание. Так, например, Катулл восхваляет воробья, Виргилий — комара,[4] Марциал — собачку (книга I, 88), Майорагий[5] — грязь. Эти писатели сочиняли такие энкомии либо для души, либо для времяпрепровождения или же для того, чтобы показать ловкость своего дарования. Впрочем, бывает, что встречаются и серьезные восхваления птиц, рыб, четвероногих, местностей, обстоятельств, растений и прочих предметов, лишенных чувства и души.

Искусство похвалы и порицания почти одно и то же и основывается на свойствах предметов путем отыскивания в них хорошего или плохого для данной цели, что и перечисляется в похвалу или порицание. Однако, кроме этого общего указания, следует соблюдать и кое-какие отдельные правила относительно некоторых из перечисленных предметов. А именно. Вся похвала лицу состоит примерно в следующих частностях.

1) Какого́ он был рода? Род же делится на отечество, предков, родителей. Если таковые были у него достойными, то ты скажешь, что муж, которого ты восхваляешь, получил славу от них, но сам еще более увеличил ее в себе, и само отечество и род свой, весьма славный, он сделал еще более знаменитым своей доблестью, как бы прибавив свет к свету. Но если отечеством и родом он не был знатен, то ты скажешь, что он славными своими подвигами придал блеск безвестному отечеству и роду.

2) Каково было воспитание? Воспитание состоит в преданности Богу и родителям, в гражданском порядке, в нравственной выдержке, в занятиях благородными искусствами. Здесь надо сказать, под руководством каких наставников он продвинулся в науках или под чьим начальством служил на войне.

3) Верх всех похвал — перечислить личные дарования, каковые бывают троякого рода: телесные, душевные и зависящие от судьбы.

Телесные блага суть: статность, подвижность, быстрота, красота и т. д. Так Виргилий хвалит Энея:

Лицом и станом похожий на бога.[6]

Много подобного рода похвал можно найти как в самой «Энеиде», так и в Овидиевых «Метаморфозах».

Душевные же дарования: сметливость, память, способность суждения. Сюда относится все, что совершается справедливо, в меру, храбро и мудро; и ряд всяких добродетелей; они не должны быть просто перечислены все, но скорее подчеркнуты посредством амплификации.

Об амплификации, однако, будет сказано не здесь, а в книге II, где речь пойдет о героической поэзии. Здесь я утверждаю, только, что всякая амплификация основывается преимущественно на добавочных свойствах. Свойства же эти надо собирать, очевидно, так, чтобы они усиливали задание. Таким образом, получится, что предмет, который не велик, или не кажется таким, тотчас представляется громадным, подобно тому как маленький поток от слияния воедино ручейков вырастает в огромную реку.

Дарами судьбы считаются: главенство, почести, власть, богатство, друзья и т. д.

а) Немалое значение для похвалы имеет также сравнение. При сравнении восхваляемое лицо приравнивают к другому или же, отдав ему предпочтение, превозносят еще выше.

Заметь, однако, что здесь не всегда надо все это перечислять, но многое можно сжать посредством фигуры опущения, а о многом и вовсе умолчать. Ведь самая большая похвала происходит даже от простого упоминания доблестей, из которых, однако, выбирают только самые главные для более пространной амплификации, остальные же можно пробежать вкратце, подвергнув их амплификации.

б) Восхваление неразумных животных состоит в описании тела и перечислении свойств и поразительных природных качеств и получаемой от них пользы. Можно добавить и некоторые частные особенности, как например голос, болтовня и диковинные телодвижения, которым люди иной раз нарочно обучают животных.

Много таких похвал у Виргилия (Георгики, III и IV). У Овидия встречается хотя и краткая, но достаточная похвала быкам (Овидий, Метаморфозы, XV, 2):

> Чем провинился и вол, обманов и хитростей чуждый,
> Вовсе безвредный, простой, труды выносить порожденный?

в) Растения, как-то: виноградная лоза, маслина, яблоня, лилия, розы, фиалки и т. д. — восхваляются описанием формы, цвета, запаха и природных качеств и главным образом пользы, приносимой ими в человеческой жизни. Подобного рода примеры ищи у Виргилия (Георгики, I и II).

г) Восхваление времен, как-то: весны, лета, осени, зимы, ночи, дня и т. д., — почти целиком состоит в перечислении выгоды и пользы, которые они несут с собой, а иногда также и в описании.

д) Восхваление местностей бывает чаще всего и производится:

1. От количества и качества.
2. От окружающих предметов.
3. От удобства и пользы.

Среди всех мест наиболее важными являются города, которые иной раз бывает нужно восхвалять. Способ восхваления городов заключает в себе три стороны:

1) То, что значительно предшествовало теперешнему состоянию города, а именно: основатель, древность, граждане и их деяния, войны, победы, триумфы.

2) Настоящее состояние: дома, здания, храмы, уровень граждан, много ли богатых, храбрых, ученых, благочестивых, разные последовавшие счастливые или несчастные события. Ведь города заслуживают похвалы не только потому, что они процветают, но и потому, что они сохранились, несмотря на различные превратности судьбы. Что они возбудили против себя зависть врагов — существуют достоверные свидетельства, т. е. об их былой обширности, богатстве, могуществе и т. д.

3) Обстоятельства, постоянно связанные с городом, как-то: приятность местности, здоровый воздух, плодородие земли, близость и польза рек, гор, полей, лесов, положение, защищенное природой и т. д.

Обрати внимание здесь на то, что восхваления растений, местностей и времен схожи с описаниями и почти совпадают с ними. Разница между ними бывает только в том, что при восхвалении лишь перечисляется то, от чего может произойти похвала, простое же описание все относит либо в дурную, либо в хорошую сторону, только бы оно было кстати, и делает очевидным.

Похвала Борисфену[7]

Привет тебе, великий отец, обильный великими водами! Подобно тому, как ты превосходишь все реки богатством, так ты можешь превзойти их славой. Какая громада столь обширна для твоего течения. Твои берега отстоят друг от друга дальше расстояния полета стрелы. Фетида далеко растеклась, она любит казаться морской гладью и быть соперницей Понта. Или что за ярость бушует в стремительных волнах, вырывает многолетние дубы с глубокими корнями? Он даже уносит стремглав огромные части высокой горы и не терпит никаких препятствий грозно звучащему истоку; и, ненавидя одно и то же русло, часто

меняет его, покидая презренные пески. Опускаю то, что он, ясный, сверкает чистыми волнами; если отведать его, он сладок жаждущим устам и смягчает сырую пищу, если его подвергнуть хотя бы слабому жару; будучи желтым, он сверкает на самом дне и обманчиво являет поддельное золото. Кто достаточно может надивиться прелестному протяжению этих берегов, как сияет по обеим сторонам прекрасный лик природы! При восходе румяного Титана зеленеют тучные луга и служат пищей скоту; горные вершины возвышаются к закату, где лесная чаща кормит бесчисленных пчел. И правильно предки сказали, что река Борисфен катит волны, полные то меда, то — молока. Зачем мне упоминать о стольких деревнях на тучных берегах, о стольких селениях, о стольких городах, доставляющих тебе так много великих средств жизни, и чрезвычайных даров больших рек, и о том, что является величайшим памятником твоей славы: сколькими благами обязан тебе сам этот город — краса отечества и матерь могучей державы! Ты омываешь его огромные стены и веселишь его область, обращенную к восходу солнца. Что же сказать о том, что ты собираешь к своим берегам столь много товаров, множество бревен и камней и крепко связывающую известь, удобный строительный материал для храмов и больших зданий. Добавь, что ты снаряжаешь корабли со множеством воинов и грозишь самому Понту, внушая ему хладный страх; а отечество ты защищаешь крепче всякой стены, изгоняешь из пределов страшного врага и преграждаешь ему доступ страхом пред тобой.

III. Басня

Под басней, которую Афтоний помещает на первом месте среди «прогимнасмат», понимай не тот вымысел, который героические и трагические поэты любят придумывать для украшения своих произведений, но некую краткую притчу или повествование, хотя и не истинное, но правдоподобно вымышленное, чем пользуются не только поэты, но иной раз и ораторы, так что это, по словам Афтония, удобно для назидания и годится для обучения людей неискушенных.

Басня обыкновенно происходит от некоего уподобления истинного или правдоподобного; но от уподобления она отличается приемом и способом изложения: ведь она главным образом в употреблении у поэтов вместе с вымыслом, гипотипосисом, этопэей и олицетворением. Лица вымышляются действующие, беседующие, взволнованные различными чувствами; и не только люди, но и птицы, звери, рыбы и другие неодушевленные предметы получают способность действовать и чувствовать. Поэтому басни бывают трех родов:

Одни басни разумные, в которых мы придумываем, как человек что-нибудь делает.

Другие — нравственные, в которых подражают нравам лишенных разума.

Третьи — смешанные, в которых соединяется разумное и неразумное.

Поэтому басни имеют различные названия от различных имен их изобретателей. То она именуется сибаритской, то киликийской, то кипрской, то ливийской, то Эзоповой.

Сибаритской басня называется по имени сибаритов, народа, чрезвычайно преданного удовольствиям. Народ этот, всячески стремясь к роскоши, даже и в речи презирал серьезное и сочинял для удовольствия изящные остроты и побасенки.

Киликийская — получила название от малоазийской области Киликии. Ведь киликийцы — пустые и вздорные болтуны — некогда были отмечены греческой пословицей, которая по-латыни переводится так: киликиец нелегко говорит правду.

Другая же пословица гласит: три каппы самые худшие. Эта пословица указывает на народ каппадокийцев, критян и киликийцев.

Кипрская — от острова Кипра, который находится в Карпатийском море между Сирией и Киликией и равным образом славился роскошью и наслаждениями; поэтому и Венера, богиня наслаждений, особенно почиталась на Кипре и называлась Киридой, Цитереей, Пафией, от имен кипрских местностей, посвященных ей.

Ливийская, о которой упоминает Присциан[8] в предварительных упражнениях, получила название от Ливии: насколько она изобиловала различными зверями и чудовищами, настолько же имела и даровитых людей, склонных к басням. От этого произошла поговорка: ливийский зверь, т. е. человек лукавый, хитрый, притворщик, непостоянный, ненадежный, как говорит Эразм в «Книге притчей».

Но обычно басни называются эзоповскими, потому что Эзоп много сочинял их, да они у него изящнее и более способствуют мудрости. Отчего он и почитался в числе мудрецов, а басни его получили такое широкое распространение, что тот, кто их не читал, признавался человеком невежественным. В подобного рода невежд метит, по свидетельству Скалигера («Книга пословиц»), поговорка: даже и Эзопа ты не читал.

Басня обычно делится на две части: промифий, т. е. вступительный рассказ или сама басня; эпимифий, т. е. применение рассказа, где излагается собственными словами, чему учит басня.

Способ изложения басни также двоякий: более краткий и более пространный.

Более кратко излагается басня, которая дана в виде простого повествования, как излагал почти все свои басни Эзоп. Более подробно — если вводится вымышленная речь действующих лиц и изображаются их нравы, обычаи, телодвижения, намерения и чувства. Образцы обоих способов изложения я привожу здесь. У Горация (Сатиры, II, 2) есть басня о городской и деревенской мыши, изложенная им подробно; мы же для упражнения даем ее кратко в следующем виде:

Пример басни о деревенской и городской мыши в кратком изложении

Деревенская мышь приняла городскую в бедном жилище, подала ей деревенские яства, добытые собственным трудом, и радушно просила быть гостьей; а городская жительница, презрев бедность и деревенское угощенье, в благодарность соблазняет подругу городскими соблазнами. Сходятся. Угощенье устраивается с отменной роскошью. Однако среди пиршества непостоянная Фортуна меняет свое благоволение: раздается скрип открываемой двери, обе мыши бегут в разные стороны: придворная мышь устремляется в знакомую нору, а деревенская — темной ночью блуждает с большим трудом по неведомым тропинкам и обманчивым дорогам. И лишь только она, дрожа, выбралась и подошла к знакомым местам и к своей норе, как сказала: «Привет тебе, безопасная бедность со скудной пищей: прощай ненадежное наслаждение и впредь обманывай других дорогими яствами. Отныне, щеголиха, ты не позовешь меня в гости на роскошное угощенье, вызывающее слишком большую зависть и связанное со множеством опасностей. Более приятен обед, приобретаемый дешево и без труда, который можно получить не дрожащей рукой, чем томительный от царской роскоши пир, на котором я, бледная, буду дрожать под ударами неустойчивой Фортуны. Вредно наслаждение, купленное ценой страдания».

Пример той же басни о деревенской и городской мыши в более подробном изложении Горация

Мышь деревенская раз городскую к себе пригласила
В бедную нору — они старинными были друзьями.
Как ни умеренна, но угощенья она не жалела.
Чем богата, тем рада: что было, ей все предложила:
Кучку сухого гороха, овса; притащила в зубах ей
Даже изюму и сала, обглоданный прежде, кусочек,
Думая в гостье хоть разностью яств победить отвращенье.
Гостья же с гордостью чуть прикасалась к кушанью зубом,
Между тем как хозяйка, все лучшее ей уступивши,
Лежа сама на соломе, лишь куколь с мякиной жевала.
Вот, наконец, горожанка так речь начала: «Что за радость

Жить, как живешь ты, подруга, в лесу, на горе, одиноко!
Если ты к людям и в город желаешь из дикого леса,
Можешь пуститься со мною туда! Все, что жизнию дышит,
Смерти подвластно на нашей земле: и великий, и малый —
Смерти никто не уйдет: для того-то, моя дорогая,
Если ты можешь, живи, наслаждайся и, пользуясь жизнью,
Помни, что краток наш век». Деревенская мышь, убежденья
Дружбы послушавшись, прыг — и тотчас из норы побежала.
Обе направили к городу путь, поспешая, чтоб к ночи
В стену пролезть. Ночь была в половине, когда две подруги
Прибыли к пышным палатам; вошли: там пурпур блестящий
Пышным же ложам из кости слоновой служил драгоценным
Мягким покровом; а там в дорогой и блестящей посуде
Были остатки вчерашнего великолепного пира.
Вот горожанка свою деревенскую гостью учтиво
Пригласила прилечь на пурпурное ложе и быстро
Бросилась сразу ее угощать, как прилично хозяйке!
Яства за яствами ей подает, как привычный служитель,
Не забывая отведать притом от каждого блюда.
Та же, разлегшись покойно, так рада судьбы перемене,
Так весела на пиру! — Но вдруг хлопнули дверью — и с ложа
Бросились обе в испуге бежать, и хозяйка, и гостья!
Бегают в страхе кругом по затворенной зале; но пуще
Страх на полмертвых напал, как услышали громкое в зале
Лаянье псов. — «Жизнь такая ничуть не по мне!» — тут сказала
Деревенская мышь, — наслаждайся одна, а я снова
На гору, в лес мой уйду — преспокойно глодать чечевицу!».[9]

Достаточно этих видов упражнения и примеров. Впрочем, поэт может так же упражняться в писании каких-либо целых произведений, но небольших по объему и требующих меньшего труда, как-то: элегии, оды, гимны, эпиграммы, эпитафии и пр. Обо всех таких произведениях будет сказано в своем месте; теперь же скажем кратко о подражании.

ГЛАВА IX

ПОДРАЖАНИЕ

Под подражанием понимай здесь не то подражание, которое называется подражанием человеческим действиям путем вымысла и является тождественным с поэтическим вымыслом (о чем уже сказано кое-что в главе III этой книги и подробнее будет говориться в книге II), но прилежное занятие чтением авторов, с помощью чего мы стараемся уподобиться какому-либо выдающемуся поэту. Ведь следует знать, что недостаточно уменья и одного лишь упражнения — и даже того и другого — чтобы стать выдающимся поэтом, если у нас не будет руководителей, т. е. отличных и прославленных в поэтическом искусстве авторов, идя по стопам которых, мы достигнем одинаковой с ними цели. Но чтобы ты с пользой подражал, я полагаю, тебе следует твердо помнить следующее.

а) Никто не может в совершенстве творить, не занимаясь в течение долгого времени чтением поэтов. Мало того, даже если кто-нибудь без внимательного изучения авторов примется сочинять поэму, то с каким бы усердием и дарованием ни было сочинено его произведение и как бы старательно он его ни отделал, все же оно будет весьма далеко от стиля и оборотов речи поэтов, так что людям опытным, сведущим в искусстве будет легко обнаружить, что его автор не читал произведений поэтов.

б) Не только полезно старательно прочитать всех более выдающихся поэтов, но в особенности необходимо читать соответственно роду поэтических произведений, каким ты хочешь заняться, — того автора, который всеми наиболее прославляется в этом роде поэзии. Тебе надо хорошо запомнить вот что: намереваясь что-либо писать, принимайся за писание не прежде, как изучив в течение долгого времени весьма основательно прославленного подобным предметом автора. Так, приступая к сочинению героической поэмы, сначала читай Виргилия; собираясь писать трагедию, посмотри Сенеку; в комедии подражай Плавту и Теренцию; в элегических стихах — Проперцию и Овидию; в сатирах — Персию, Ювеналу и Горацию; в лирическом жанре — одному только Горацию; в эпиграммах следуй только Марциалу.

в) Автора не следует читать поспешно, торопясь, кое-как, поверхностно, — но прилежно и со всей тщательностью. Не считай достаточным прочесть один раз, надо читать и перечитывать, даже преодолевая досаду, до тех пор, пока основательно не познакомишься с ним и как бы целиком не запечатлеешь в памяти. Ведь мышление, освоив таким образом стиль писателя, как бы превращается в его мышление и иной раз с большой легкостью создает подобные ему произведения, так что в чужом произведении можно подчас распознать как бы некие семена Виргилия, Горация, Овидия и других.

г) Существуют настолько мелочные подражатели, что они стремятся подражать своим образцам даже в самых незначительных частностях. Мало того, они подражают даже некоторым недостаткам, которых иногда бывают не лишены и произведения даже великих мужей. Ведь:

И добрый наш старец Гомер иногда засыпает.[1]

С полным правом Гораций в книге «О поэтическом искусстве» называет их «рабской скотиной»,[2] так как они исполнены чужого вдохновения и полны робости, висят на чужих находках, словно на крюках. Но, что еще хуже, многие, словно пренебрегая, пропускают, как слепые, как раз то, что у какого-ни-

будь автора заслуживает большего внимания. Если же изображают неизвестно какие мелочи, например начинают свое стихотворение теми же словами, какие стоят у Виргилия в начале, и теми же кончают и вставляют много свойственных Виргилию выражений, повторяя их до тошноты, тогда они полагают, что ничем не отличаются от первого из поэтов и являются настоящими Маронами, подобно тем, кто, по словам Квинтилиана, считали себя подражателями Цицерона оттого, что почти каждый период оканчивали такими словами: «по-видимому, это так».

д) Итак, обрати внимание на то, что́ у каждого писателя есть наилучшего: насколько возвышенны его мысли, насколько удачен у него вымысел, или подражание, как сохраняет он всюду пристойность, как все части становятся по своим местам; как он находчив, как искусно он все расположил и чудесно изукрасил. Так как поэт должен услаждать, то посмотри, с какой силой он держит слушателя, какими фигурами пользуется, какие применяет уподобления, какими повествованиями иной раз изощряет произведение. Далее надо отметить, что материю всякого услаждения бывает разнообразие. Кроме того, следует учесть значение и важность слов, их выбор, ритм и богатство, искусность и изящество стихов, блеск речи, своеобразие, сладостность, мощь, плавность и соответствие всего стиля самому предмету. Наконец, посмотри: можно ли все это найти у самого Виргилия, или же только кое-что. При таком способе рассмотрения ты с легкостью поймешь и величие поэта, и то, каким способом ты должен ему подражать.

е) Итак, я полагаю, что не малое значение может иметь для полезного подражания усердное и внимательное чтение, согласно указанию, данному выше, в соединении с особым упражнением такого рода: прочитав какое-либо произведение поэта и всесторонне продумав его, придумаем и для себя подобное содержание, и то, к чему в нем можно подходить на таких же основаниях, попытаемся изложить по образцу прославленной поэмы. При частом повторении таких упражнений можно ожидать, что мы сможем если не сравняться с Виргилием или каким-либо другим поэтом, что дано только очень немногим, то, по крайней мере, хоть не слишком отстать от них. Такого рода упражнение мы уже дали в главе V настоящей книги.

ж) Кроме того, надо знать, что серьезное подражание состоит совсем не в том, чтобы развивать что-нибудь совершенно одинаковым способом с Виргилием или переносить его повествование, вымыслы, выражения или что-либо иное в наше произведение. Ведь поступать так — означает или писать пародию, или, при чрезмерном заимствовании, совершать плагиат. Такие при-

емы допустимы только для упражнения в подражании, чтобы таким путем мы были в состоянии усвоить стиль, которому подражаем. Подражание, следовательно, заключается в каком-то совпадении нашего мышления с мышлением какого-либо образцового автора, так что хотя бы мы и ничего не брали у него и не переносили в наше сочинение, однако оно казалось бы словно его произведением, а не нашим: до такой степени может быть похожим стиль! Так, читая письма Христофора Лонголия,[3] можно подумать, если бы в начале не было поставлено имени, что они принадлежат Цицерону. Равным образом у Акция Санназария в поэме «О рождестве Девы» явные отзвуки Виргилия.

з) Иногда, наконец, можно — и это даже очень помогает — сочинить что-нибудь, например, по образцу сочинений Виргилия, или же разработать тем же способом, или даже кое-что позаимствовать у него. Однако это последнее законно и допустимо только, если место, откуда оно взято, очень трудно распознать; если же заимствование будет обнаружено, то пусть оно окажется красивее и лучше у подражателя, чем у самого автора. Очень много заимствований из Гомера, по всеобщему мнению, у Виргилия; бóльшую часть их перечисляет Скалигер в книге «Поэтики» под названием «Критик».[4] Но почти все это у Виргилия лучше, чем у Гомера, как это можно видеть из сравнения, произведенного тем же Скалигером.[5] Так, Гомер — опускаю прочие примеры — рассказывает, как Вулкан выковал щит Ахиллеса и на нем изобразил картину мира. В подражание этому Виргилий воспел щит Энея, выкованный тем же Вулканом, но насколько более умело! Ведь Виргилий изобразил вычеканенными на щите не посторонние или обыденные вещи, но исключительно то, что относится к Энею, т. е. всю грядущую судьбу энеадов, т. е. римлян, предсказанную вещим богом, — смотри прекраснейшее описание в конце VIII книги «Энеиды».

Неуместно приводить здесь ряд других подражаний. Стоит только дать одно подражание Виргилию, именно — Торквато Тассо, потому что оно превосходно. В книге II «Энеиды» (602) Виргилий изображает явление Венеры Энею во время самого разрушении Трои: богиня совлекла с его очей мглу, свойственную смертным, и показала ему, как враждебные троянцам боги и богини в разных местах разрушали Трою, следующим образом:

...божья безжалостность, божья
Эти богатства крушит и свергает с высот ее Тройю.
Эти (ибо весь я скрываю туман, пеленой обводящий
Смертные взоры, когда ты глядишь, и тмящий вокруг все
Облаком влажным) — а ты никаких повелений не бойся
Матери, не уклоняйся ее указанья исполнить —
Здесь, где ты видишь, разъятые груды, отъятые камни

Прочь от камней и клубящийся дым, перемешанный с пылью;
Стены, великим трезубцем устои самые сдвинув
Города, зыблет Нептун и самый град с основанья
Валит; Юнона, держа, беспощадная, первой, ворота
Скейские, строй от судов союзников яростно кличет,
Преопоясавши меч.
Здесь, на высй крепостной, Тритóния Пáллада, видишь,
Гóргоной ужасая, сидит, озаренная нимбом.
Дáная, сам Отец придает и смелость и силы
Бодрые, сам богов стремит на Дáрданов войско.

Этому прекрасно подражал Торквато Тассо в своей божественной поэме, воспевая осаду Иерусалима (песнь XVIII, 92).

Гоффреду ж тут архангел Михаил
Предстал открыто, для других незримо,
В небесных латах: солнце б он затмил,
Что ни малейшей тучкой не мутимо.
«Гоффред! Вот час (сказал он) наступил,
Конец мученьям рабским для Солима!
Смотри, смотри! — очей не потупляй! —
Какое вспоможенье шлет вам Рай!

Взгляни, поднявши взоры, в вышину:
Там в воздухе собрался полк бессчетный!
Я с глаз твоих откину пелену
Телесной слепоты, покров тот плотный,
И с чувств твоих туман я отжену —
Лицом к лицу собор узришь бесплотный!
И дам, на время, слабости твоей
Сносить сиянье ангельских лучей.

Вот бывшие под знаменем святым,
Теперь граждане царствия Христова, —
С тобой в союзе, их рукой вершим
Конец счастливый подвига благого
В том месте, где смешались прах и дым,
И где обломки зданья векового,
Во мгле густой сражается Гугон:
Оплот им в основаньях потрясен.

А там Дудон у полунóщных врат
Огнем и сталью рушит все препоны:
Бойцов подвúг он, им вручил булат,
И лестницы им крепко утверждены.
Вот Адемар: там, на холме, прелат
Стоит в величьи пастырской короны, —
Блаженный дух, он с тех высоких мест
Творит над ратью благодатный крест.

Теперь туда подъемли смелый взор,
Где собраны все ангельские вои!».
Возвел он очи: полон там простор
Крылатой ратью в несчислимом рое.
Парит и плещет сомкнутый собор
И три полка в тройном являет строе:
Растянуты ряды их в виде дуг, —
Чем дальше он, тем шире полукруг.

КНИГА II

ОБ ЭПИЧЕСКОЙ И ДРАМАТИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ

ГЛАВА I

ДРЕВНОСТЬ, ОБЪЯСНЕНИЕ НАЗВАНИЯ, ОПРЕДЕЛЕНИЕ, СОДЕРЖАНИЕ ЭПИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ И РОД СТИХА, КОТОРЫМ СЛЕДУЕТ ПИСАТЬ ЭПОПЕЮ

Пройдя область, охватывавшую почти все части поэзии, т. е. изложив общие наставления, приступим к частностям. Среди них главное место занимают и являются более трудными эпопея и драма, — они и будут разбираться в этой книге.

Итак, прежде всего, начало эпопеи чрезвычайно древнее, и его нельзя в точности отметить. Ведь еще Гомер и до него Лин, Орфей, и Мусей применяли этот род песнопения. Свое название эпопея получила от греческого слова *epos*, что означает «слово» или «речь», и *poiein*, т. е. «творить» или «сочинять». Отсюда эпопея означает то же самое, что вымысел, или подражание, выраженное в стихотворной либо прозаической речи. Но при этом разумеются не всякие составители фабул или диалогов, а одни лишь эпические поэты, так как по своему стиху и вымыслу они стоят выше, — примерно по той же причине, почему только им присваивается название поэтов, хотя слово «поэт» вообще означает «творец» или «сочинитель».

Другое название — героическая поэма, оттого что в ней описываются жизнь и подвиги героев, т. е. знаменитых мужей.

Содержанием эпопеи являются:

> Грозные битвы, деянья царей и вождей знаменитых.[1]

Отсюда эпопею можно определить как поэтическое произведение, излагающее в гекзаметрах с помощью вымысла подвиги знаменитых мужей.

Такую поэму вошло в обычай писать гекзаметром, так как этот вид стиха полновеснее, величавее и великолепнее других, а поэтому более подходит к воспеваемому предмету. Бывает, что в гекзаметрах описывается и что-нибудь другое, кроме деяний героев; таковы у Ювенала и Персия сатиры, у Горация — послания, у Виргилия беседы пастухов и наблюдения над сельским хозяйством, а у Марциала даже некоторые эпиграммы. Однако, на вышеуказанном основании, гекзаметр применяют преимущественно для прославления героев. Поэтому его и называют героическим стихом. О его недостатках и достоинствах будет сказано немного ниже.

ГЛАВА II

О ТРЕХ ЧАСТЯХ ЭПОПЕИ И ПРЕЖДЕ ВСЕГО ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ТЕМЫ И ПРИЗЫВАНИИ БОЖЕСТВА

Частей эпопеи три: определение темы, призывание божества, повествование. Определение темы есть начало поэмы, в котором поэт излагает то, о чем он намерен говорить.

Призывание божества присоединяется к определению темы; в нем поэт взывает к какому-либо божеству о помощи.

Затем повествование, основной состав поэмы, где повествуется о деяниях героев.

Эти части совершенно необходимы для поэмы, как потому, что их применяют все без исключения поэты, так и потому, что они, по-видимому, требуются самой природой этого дела. Действительно, как всякое изложение, так в особенности какое-нибудь пространное изложение — а ведь таковы героические поэмы — нуждается в том, чтобы слушатель предварительно знакомился вкратце с содержанием, иначе он плохо будет подготовлен к слушанию. Задача риторов и заключается в том, чтобы сделать слушателя восприимчивым. Итак, определение темы необходимо; в нем указывается вкратце о предстоящем предмете изложения, о том, каков он, еще до раскрытия его полностью.

Впрочем, поэты взывают о помощи к божеству не без важного основания: раз они намереваются воспевать движущие причины и ход сокровенных дел и даже душевных переживаний, то похоже на правду, что постичь это можно только по вдохновению бессмертных богов, как говорит Скалигер (Критик, гл. 71).

Повествование и есть сама поэма. Теперь рассмотрим, что́ надо соблюдать в определении темы и в чем состоит призывание божества. Наконец, в следующей главе мы дадим остальные указания относительно повествования.

Итак, определение темы должно отличаться главным образом тремя достоинствами: быть кратким, ясным и скромным. Оно будет кратким, если мы решим говорить только о главном в фабуле, а не о предметах менее значительных и случайных происшествиях; затем — если это же мы изложим в немногих и достаточных словах; наконец, если вовсе не станем упоминать о событиях, предшествующих фабуле или последующих, которые не описываются в ходе повествования поэмы, разве что случайно. Поэтому критики [1] не особенно одобряют известные стихи Виргилия:

Род откуда Латинов,
И Альбы-Лонги отцы, и твердыни возвышенной Ромы.[2]

Ведь о деяниях албанцев и римлян Виргилий во всем своем произведении упоминает лишь случайно, да и совершены они были уже после Энея.

Определение темы будет ясным, если не давать ничего сомнительного, двусмысленного или сбивчивого.

Однако из этого не вытекает, будто надо поименно обозначать главное действующее лицо в фабуле с его отдельными подвигами, а также и противопоставленное ему лицо.

Например, если бы кто-нибудь, намереваясь воспеть плавания и войны Энея — что составляет содержание Виргилиевой поэмы — сказал: воспеваю Энея и его плавания, и то, каким образом он потерпел крушение, как был гостем у Дидоны, как перенес другие несчастья в море и посетил преисподнюю и какие, наконец, вел войны с Турном и т. д. Это, поскольку оно вяло, вызовет утомление у слушателя, лишая его наслаждения; при определении темы не надо насыщать слушателя, но задерживать, и заставляя ожидать, раздразнить аппетит, побуждая его ознакомиться с остальным. Поэтому ни Гомер не называет имени Улисса в определении темы, ни Виргилий — Энея. Однако они говорят о своих героях так, что легко поймешь, о ком пойдет речь в дальнейшем. Вот пример Виргилиевого определения темы:

А ныне ужасную Марта
Брань и героя пою, с побережий Тройи кто первый
Прибыл в Италию, Роком изгна́н, и Лави́нийских граней
К берегу, много по суше бросаем и по́ морю оный,
Силой всевышних под гневом злопамятным лютой Юноны,
Много притом испытав и в боях, прежде чем основал он
Город и в Лаций богов перенес, род откуда Латинов,
И Альбы-Лонги отцы, и твердыни возвышенной Ромы.[3]

В определении темы надо особенно соблюдать скромность; и ничто так не вредит произведению в целом, как напыщенное начало, так как от этого возникает подозрение, что это сделано напоказ, из-за стремления к дешевой славе, и уже от самого вступления (в котором риторы советуют добиваться расположения слушателей) слушатель выносит неблагоприятное впечатление. Поэтому не следует давать длинных перифраз и чрезмерно напыщенных высокопарных слов, по выражению Горация — «длиной в полтора фута»;[4] не стоит применять тропы и фигуры, разве что в самых редких случаях. Наконец, и здесь должен быть тщательный отбор слова и мыслей, но так, чтобы это казалось возникшим здесь само собой, а не нарочитым.

Рассмотрим промахи и удачи некоторых древних и новых поэтов. Гораций в книге «О поэтическом искусстве» (137) порицает не знаю какого киклического поэта за то, что тот начал свою поэму так:

Участь Приама пою и войну достославную Трои.

Его же Гораций поддел забавной шуткой:

Чем обещанья исполнить, разинувши рот столь широко?
Мучило гору, а что родилось? Смешной лишь мышонок![5]

А Гомера он хвалит за то, что тот, начав скромно, постепенно возвысился от сравнительно незначительного до величественности.

Лучше стократ, кто не хочет начать ничего не по силам:
«Муза! Скажи мне о муже, который, разрушивши Трою,
Многих людей города и обычаи в странствиях видел!».
Он не из пламени дыму хотел напустить, но из дыма
Пламень извлечь, чтобы в блеске чудесное взору представить:
Антифата и Сциллу, или с Циклопом Харибду![6]

Подобной же розги цензоров достойно, конечно, и известное, чрезвычайно напыщенное вступление Лукана:

Бой в Эмафийских полях — грознейший, чем битвы сограждан,
Власть преступленья пою и могучий народ, растерзавший
Победоносной рукой свои же кровавые недра,
Родичей кровных войну, распавшийся строй самовластья
И состязанье всех сил до основ потрясенной вселенной,
В общем потоке злодейств, знамена навстречу знаменам,
Схватки равных орлов и копья, грозящие копьям.[7]

Какому, скажи на милость, человеку, тихого нрава понравятся такие стихи? К чему эти внезапные выкрики? К чему нагромождение синонимий, длинные перифразы, множество слов, скученных в одном предложении? Во всяком случае, если Скалигеру показалось, что Лукан где-то лает, то всем очевидно, что это в данном месте.

Гораздо спокойнее начинает свое произведение Торквато Тассо, чтобы с самого начала заслужить и уважение, и любовь читателей. Ведь он начинает так:

Оружье верных и вождя пою,
Господню гробу давшего свободу.
Он много вынес в мыслях и в бою —
В великом деле всякую невзгоду;
Ад всуе рвался, всуе рать свою
Прислал весь Юг, из пестрого народу:
С ним было Небо, и под стяг Христов
Собрало вновь рассеянных бойцов.

Подобная похвала даже у античных писателей редкость, у новых же ее можно встретить чрезвычайно редко.

В самом деле, вот тебе восторги современного болтуна, который описывает Хотинскую войну[8] таким нелепым стихом, будто он не воспевает, а бушует, таким темным — будто не войну описывает, а ночную драку. Посмотри, каким он себя выказывает в самом вступлении своей вещи. Он начинает так:

Пей, о перо, усмиренный Тир! Так повелевает меч, напоенный бистонийской кровью, потому что для тебя ведь чернила окрашивают слоновую кость бумаги бледной Фетидой! Или пусть челн носится по черной отмели охмелевшей от грязи и влажной сажи! Аврора дает новую влагу, и Тир, помутневший волнами от бистонийской резни и т. д.

Это, конечно, следует называть не напыщенностью, а буйством, не говоря уже о прочем: этот автор желал, чтобы его читали, но не желал быть понятным. Ведь вся его поэма — нечто в этом роде — столь высоко возносится, что человеческому уму невозможно за ним поспеть; в бóльшей степени к нему относится известное замечание Горация в книге «О поэтическом искусстве», в конце:

Трудно постичь: отчего же стихи беспрестанно он пишет... и т. д.[9]

Относительно призывания божества надо отметить вкратце следующее: прежде всего следует взывать к тому божеству, которое имеет какое-либо отношение к намеченному содержанию. Так, Виргилий во вступлении ко II книге «Георгик» призывает Вакха, Цереру, сатиров, дриад и пр. Ведь эти боги почитались покровителями виноградных лоз, плодов, скота и прочего, что здесь собирается описывать поэт. Клавдиан («Похищение Прозерпины») призывает богов и богинь подземных и трогает мольбами Ахеронт. Овидий в «Метаморфозах» взывает ко всем вообще богам; приведя для этого обоснование, он прекрасно соединяет их с содержанием своей поэмы:

Боги — вы ж их изменили — придите на помощь
Начинаньям моим и прямо с начала вселенной
Непрерывную песнь до наших времен доведите.[10]

Впрочем, муз, как покровительниц поэзии, принято призывать при любом содержании. Однако христианскому поэту надо решительно остерегаться подобных призываний богов. Чего он может себе желать такими мольбами? Неужели он взаправду и серьезно просит о помощи и выказывает себя нечестивым? Если же он это делает в шутку, то становится просто смешным. Прежде всего, это тупая шутка. Что же, скажи на милость, тут остроумного: умолять Аполлона сойти в твою грудь? Затем, в предмете серьезном, какими являются деяния героев, нет места шуткам, тем более в начале; если же кто-нибудь скажет, что под именем языческих богов разумеет или нашего Бога, или кого-нибудь из святых, то он еще хуже ошибется: словно он в самом деле украсит Трисвятого величайшего Бога, если дает ему имя диавола. «Какое общение у света с тьмой? И какая связь у Христа с Велиалом?».[11] Разумно блаженный Иероним

не допускает в устах христианина темных формул языческих клятв: «Да не раздается из уст христианина, — говорит он, — „Юпитер всемогущий!“ и „клянусь Геркулесом, клянусь Кастором!“, и прочие скорее чудовища, чем божества» (Послание, 146, к Дамасу). Следует изо всех сил избегать призываний этих позорных богов! Так что сплошная нелепость, когда упомянутый выше «Тирасский пьяница»,[12] по его собственным словам, — презрев Аполлона (что правильно: так как от него даже и не отдает ничем аполлоновским), призывает Марса в свое сердце (если только под именем Марса он не разумеет короля): [13]

Ты, о Ляшский Марс, пред которым недавно дрожало высокое жилище холодного Дакийца, ты для меня будешь Фебом: и, прогнав Аполлона, пусть моя душа будет сильной, и вся она пусть дышит лютым Марсом.

Нехорошо и в начале поэмы Санназария «О рождестве Девы»:

Не меньше, о музы, краса поэтов, я устремился бы теперь к вашим источникам, вашим высоким скалам и рощам и т. д.

Может быть, он разумеет здесь ангелов? Не знаю, но подозреваю из того, что он там же добавляет:

Ибо вы могли взирать и на пещеру, и на хороводы, и не следует думать, что от вас сокрыты восходящие на небе звезды и цари утренней звезды.

Но каким образом ангелы, которые сами водили хороводы, могли смотреть на них с восхищением? — это я оставляю на суд ученых. Итак, христианский поэт будет взывать о помощи к Тресвятому величайшему Богу, к Пресвятой Деве, прибегать к заступничеству святых. Торквато Тассо в божественной своей поэме, открыто отвергнув ложную богиню, прекрасно обращается к Пресвятой Деве заступнице: [14]

О Муза! Ты, что лавров бренный прах
Не вьешь себе в венок на Геликоне,
Но меж блаженных ликов, в небесах,
Из вечных звезд горишь в златой короне!
Пусть песнь моя блестит... и т. д.

Следует знать, однако, что в виде присловья под именем музы или муз разумеется литература и науки. В таком смысле и для нас допустимо пользоваться этим. Но поскольку при призывании муза приобретает значение баснословной богини, постольку следует воздерживаться от упоминания музы. Кроме того, надо хорошо запомнить, что поэты обычно не только в начале своих произведений взывают к божеству, но также и в середине упоминают и призывают божество, если приступают к изложению чего-либо нового, необычного, великого. Так, Вир-

гилий (Энеида, VI, 266), намереваясь описывать преисподнюю, обращается с мольбой к богам:

Боги, над душами власть у коих! Безмолвные Тени!

И в книге VII, собираясь воспеть войны Энея:

Ты, о богиня, певцу ты внуши. Мне петь страшные войны,
Строи мне петь и царей, увлеченных страстями на гибель.[15]

Чрезвычайно изящно призывание у Санназария (О Рождестве Девы, кн. II), в весьма подходящем месте, т. е. там, где он приступает к повествованию о самом Рождестве — здесь он его воспевает много разумнее, чем в вышеприведенном месте:

Теперь я расскажу о том, что никогда не слыхано в Кастальских пещерах и не прославлено хороводами Муз и неведомо Фебу. Вы, о небожители, укажите тайные тропинки по недоступным местам, вы (если я заслужил) укажите неприкосновенные убежища: вот колыбель, и небесная радость, и удивительное рождение, и дом, оглашающийся священным криком; направим стопы туда, где ваши очи не встретят никаких следов прежних поэтов.

И опять-таки весьма поэтично говорит он, когда подходит ближе к тому же предмету:

Кто меня увлекает? Прими твоего поэта, о божественная; направляй, божественная, твоего поэта. Я уношусь с поднятой высоко головой к вышним облакам; я вижу, как все небо спускается, возбужденное стремлением лицезреть. Позволь возвестить, как свершилось удивительное, несказанное, необычайное, великое. Прочь низкие заботы, пока я воспеваю священное!

ГЛАВА III

О ПОВЕСТВОВАНИИ И ПРЕЖДЕ ВСЕГО О ПОГРЕШНОСТЯХ И УДАЧАХ В ГЕКЗАМЕТРЕ

Так как эпические произведения пишутся гекзаметром, то прежде чем приступить к правилам хорошего повествования, желательно здесь изложить некоторые законы правильного построения гекзаметра. Сначала рассмотрим погрешности в нем, а затем разъясним его достоинства.

Погрешности в гекзаметре

1) Как во всякой речи, так в особенности в стихе, недостатком является резкое скопление подобных слогов или частое повторение одной и той же буквы. Это замечается в стихе Энния.[1]

О Тит Татий, тиран, для себя ты столько похитил...

2) Если с самого начала не будет никакой цезуры, — ведь в начале обычно бывают две цезуры: либо пентемимерис, т. е. когда после двух стоп долгий слог оканчивает речение, например *arma virumque cano*,[2] либо — трохаическая, когда после двух стоп хорей заканчивает речение, например *infandum regina*.[3] Если не хватает одной из этих цезур или отсутствуют обе, то стих кажется безвкусным.

3) Если в конце стиха ставятся два или, — что еще хуже, — три или четыре двухсложных слова, как например у Тибулла:

Semper ut inducar blandos offers mihi vultus.[4]

4) Лучше всего, когда гекзаметр оканчивается трехсложным словом; неплохо — когда двухсложным речением (следует избегать, однако, вышеупомянутой погрешности). Односложным словом хорошо оканчивать при изображении умаления какого-нибудь пердмета, ущерба, спуска, обвала или чего-либо, подобного этому, о чем будет сказано далее. Следовательно, при окончании четырехсложным словом (за исключением спондаического) или словом с бóльшим количеством слогов получается погрешность.

Подобного рода стих находится у Горация:

Quisquis luxuria tristive superstitione.[5]

Таково и следующее пресловутое двустишие, не знаю — какого автора:

Conturbabantur Constantinopolitani
Innumerabilibus sollicitudinibus.[6]

5) Безобразен стих, в котором отдельные слова составляют отдельные стопы, как например в известном стихе:

Aureae scribis carmina, Juli, maxime vatum.[7]

6) Но еще худший признак безобразия, когда конец стиха соответствует пентемимерической цезуре и по созвучию, и по схожему окончанию слогов или если два стиха имеют одно и то же окончание. Такие стихи обычно называются «львиными». Таковы стихи, изданные кордовскими врачами в книге под заглавием «Салернская школа», содержащей некоторые наблюдения, касающиеся здоровья:

Если не хочешь быть жирным, то пусть обед будет у тебя кратким: после каждого яйца выпивай по новой чарке.

Они попадаются, не знаю как, по недоразумению даже и у больших поэтов. У Овидя (Героиды, послание Улисса):[8]

Если, полагаете вы, что-либо осталось после гибели Трои...

Также и в послании Гермионы Оресту:

Муж, отомсти за жену; брат за сестру заступись![9]

У Виргилия:

...и вспять повернул напряженной десницей
Морды проворных коней с удилами, кипящими пеной.[10]

Двести лет тому назад, в тот более грубый век, восхищались подобными пустяками и считали, я думаю, лучшим поэтом того, кто научился трещать такими ребячьими созвучиями. Об этом свидетельствуют повсюду в Риме приметные надписи на великих зданиях и сооружениях. Некоторые из них хочется привести здесь, чтобы оживить изложение. В церкви святого Климента, что поблизости от амфитеатра,[11] в алтарной абсиде можно прочесть вот что:

Церковь Христову мы уподобим такой виноградной лозе, которую закон делает сухой, а Христос процветающей.

Над портиком церкви святой Марии так называемой Старшей:

Евгений третий, римский папа, приносит этот щедрый дар, Дева Мария, тебе; ты по заслугам удостоилась стать Матерью Христовой, непорочная своей вечной девственностью.

В Иерусалиме, в церкви Святого Креста мраморная громада поверх алтаря имеет надпись:

Сень эту соорудил Удальд, чтобы она была главной, муж разумный, кроткий, красноречивый и духовный.

Но что является верхом нелепости — знаменитая латеранская базилика, кафедральный собор римских первосвященников, имеет следующие стихи, высеченные на фронтоне огромными буквами:

Папским и императорским решением установлено, чтобы я была матерью и главой всех церквей. Поэтому небесное царство Спасителя освятило меня именем дарителя, когда все было завершено.

Остальное неразличимо из-за ветхости.

Достоинства и изящество гекзаметра

1) Невозможно перечислить фигуры, которыми, словно драгоценными каменьями украшенный, блестит героический стих. Начинающий поэт пусть соберет подобного рода украшения из какого-нибудь другого руководства. Здесь я только замечу, что повторение, усугубление и многосоюзие имеют огромное значение как в прочих стихах, так и в гекзаметре. Не следует перегружать книгу примерами, так как множество их легко найти в писаниях поэтов.

2) Насколько безобразен, как мы уже говорили, стих, в котором каждая отдельная стопа занимает целиком отдельное

слово, настолько же прекрасным считается стих с таким сцеплением стоп, когда в каждом отдельном слове заканчивается и начинается следующая, например:

Невыразимую скорбь обновить велишь ты, царица.[12]

3) Утверждают также, что стих приобретает прелесть, если он начинается спондеем, причем слово, однако, не кончается вместе со стопой и за ним идут два дактиля, например:

И опустелые видеть места, и покинутый берег.[13]

Вот разошлись, череду сменяют, в траве развалившись.[14]

4) Гекзаметр считается наиболее изящным, когда стих соответствует содержанию и созвучен ему каким-то музыкальным приемом, т. е. если он подходящим образом подражает предмету каков он сам по себе — словно внешность предмета нашла себе словесное выражение. Чтобы это удачно вышло, следует учесть в стихе следующие три стороны: звучание слов, ритм и количество стоп, а также сочетание двух первых, т. е. звучания и ритма.

Итак, что касается слов — они должны быть обычными, обыденными и не слишком громкими, если речь идет о чем-нибудь простом, как это часто можно наблюдать в «Буколиках» Вергилия, где выведены беседующие пастухи. Если же описывается нечто величественное, поразительное, огромное, то следует подыскивать и слова более звучные. Но если речь будет идти о среднем между самым простым и самым высоким, то равным образом и слова нужно подбирать в таком же роде — не очень звучные и возвышенные, но и не низменные или пустые.

Здесь было бы долго отмечать звучание, соответствующее буквам: слух каждого вынесет об этом наилучшее суждение. Количество же слогов и ритм стоп бывает то медленным, то быстрым, то смешанным. Медленный ритм получается из одних спондеев, быстрый — из одних дактилей, а смешанный — из тех и других. Итак, если предмет речи будет скорбным, значительным, величественным, неторопливым, поразительным и т. д., то стих должен изобиловать спондеями. Напротив, часты дактили, если надо будет описать что-либо радостное, стремительное, частое. Смешивать же дактили со спондеями следует тогда, когда встречается нечто зияющее, или прерванное, как бы нерешительное, сомнительное, недоуменное или вызывающее колебания в обе стороны. Поэтому, если звучание слов и ритм стоп будут сочетаться в одном и том же стихе соответственно тому, о чем идет речь, то такой стих будет считаться наиболее изящным. Рассмотрим в отдельности примеры на каждое из этих трех правил.

Вулкан (Энеида, VIII, 439) прибывает в Сицилию, в кузницу киклопов и приказывает им сейчас же бросить все дела и выковать щит Энею. Посмотри, как здесь с помощью частых и быстрых дактилей выражена нетерпеливая настойчивость Вулкана:

Бросьте все, — говорит, — на́чатый труд отложите,
Этны Киклопы, и ум сюда обратите скорее.
Нужно оружье ковать для храброго мужа; потребны
Сила и рук быстрота и все наученье искусства.
Бросьте медлительность.

Киклопы повинуются сказанному; смотри, как они спешат, приготовясь к порученной им работе. Этой поспешности соответствует быстрота и легкость стиха (Энеида, VIII, 444):

Быстро на труд налегли, разделив его между собою
Поровну. Медь ручьями течет, и руда золотая,
И рано носная сталь расплавляется в горне широком.

Взмахи их молотов выражены всюду, кроме предпоследней стопы, сплошь спондеями, потому что такого рода взмахи медленны и увесисты:

С великой силой они друг за другом подымают руки.[15]

Так где-то в другом месте дана картина взмахивающих веслами корабельщиков.

Упираясь, клубят пену, синеву разгребают.[16]

При осаде дворца Приама (Энеида, II, 464) защищающиеся троянцы сбрасывают на врага с крыши высочайшую башню; быстрое падение ее поэт изображает с поразительной быстротой:

...с оснований высоких
Силой срываем и валим; в паденьи внезапном громады
Вниз она с громом влечет, на обширное Да́наев войско
Рушится.

Старец Латин пытается сдержать дикую, неистовую отвагу молодого Турна. Медлительность важной старческой речи Вергилий воспроизводит медленным стихом (Энеида, XII, 18):

Ему так отвечал Латин, успокоившись сердцем.

А речь людей, смятенных и гневных, так как она стремительна, прерывиста от сильного волнения и бессвязна, красиво выражается то быстрым, то медленным ритмом, чередованием спондеев и дактилей. Вот вопль раздраженной гневом Дидоны:

Пламя скорее несите, дайте стрелы, налегайте на весла![17]

А вот взволнованная речь одного троянца при приближении вражеского войска рутулов (IX, 36):

Граждане, что там встает, сгущаясь черным туманом?
Быстро железо сюда и с оружием лезьте на стены!
Враг подходит.

Примеры стихов, в которых само содержание воспроизводится звучанием слов

Предвестники наступающей бури переданы чрезвычайно звучно в «Георгиках» (I, 356):

Прежде всего лишь ветры поднимутся, — моря пучины
Пухнуть, волнуясь, начнут, и треск сухой от высоких
Слышится гор, а брега приходят в смятение с гулом
Широкошумным, и рощ все громче становится ропот.

Также известны слова Энея, начинающего рассказ о взятии Трои (Энеида, II, 3):

Infandum, regina jubes renovare dolorem.

В этом стихе обрати внимание и на ритм: в начале два спондея для выражения глубокого вздоха, обычно вызываемого вступлением к подобным речам.

Но там же это выражено и более сжатым звучанием, более подходящим к состраданию:

Но если так ты стремишься наши узнать приказанья,
Вкратце услышать рассказ о бедах Трои последних, —
Хоть ужасается дух вспоминать и бежит от печали, —
Все же начну.[18]

Известные жалобы Синона кажутся немыми (Энеида, II, 69):

Горе! Что за земля, — он сказал, — что за воды отныне
Примут меня? Что же мне остается несчастному больше?
Места у Да́наев нет для меня, а теперь и кровавым
Мщеньем Дарда́ниды тоже в гневе мне угрожают.

Примеры, в которых и звучание, и ритм уподобляются содержанию

Но много прекраснее и удивительно художественным будет стих, в котором обе вышеуказанные стороны, т. е. звучание и ритм слов некоторым образом наглядно передают содержание. Например, известный стих Виргилия о быстром беге коней:

Топотом звонким копыт потрясается рыхлое поле.[19]

И известный стих о граде:

...Как тучи с градом обильным
С кровли стучат.[20]

Здесь ты видишь и быстроту стоп; ведь описывается предмет, стремительно падающий. В первом стихе — приглушенные и тяжеловесные звучания букв, которые передают звуки конских копыт. Во втором же некий резкий стук букв, как бывает, когда идет град.

Весьма изящен и следующий стих, который изображает, тоже при помощи звучания слов и ритма стоп, страшное чудовище — Полифема:

Облик безóбразный, грозный, огромный, взора лишенный.[21]

5) Сюда относятся и сведения относительно спондаического стиха, который также служит для выражения содержания. Спондаическим стих называется оттого, что он в виде исключения имеет спондей на пятом месте, что, однако, не следует применять необдуманно и без причины (иначе это будет погрешностью), но главным образом для изображения значительности чего-нибудь. В спондаическом стихе надо соблюдать следующее правило: на четвертом месте ставится дактиль, оканчивающий слово; затем остальные два спондея — под конец стиха в четырехсложном слове. Вот стихи, менее красивые в силу того, что это правило не соблюдено:

Или, серебро расплавив, выковывают поножи.[22]

Через утесы и скалы и низкие долины...[23]

Следующие же стихи чрезвычайно изящны (Энеида, II, 68):

...он стал...
И, потрясенный, обвел он Фригиев строй глазами

для изображения многолюдства и далеко охватывающего взора. Овидий же в I книге «Метаморфоз» прекрасно изобразил в такого рода стихах разлив вод:

...и рук вдоль окраин
Протяженных земель не простерла еще Амфитрита.[24]

Достойно восхищения и то, как тот же поэт изобразил спондаическим стихом в VI книге «Метаморфоз» тяжкие вздохи умирающих:

Последние взоры,
Лежа, кругом обвели; да вместе и дух испустили.[25]

Не менее прекрасен известный стих Катулла:

Нереиды морские, на чудовище удивленно взирая.[26]

6) Достойно упоминания, что стих может оканчиваться даже односложным словом. Большинство критиков, и в особенности комментатор Виргилия Сервий, не понимая сути подобного рода стихов, ставят их в вину Виргилию. Но Скалигер справедливо порицает критиков в этом отношении.[27] Итак, лучше всего кончать стих односложным словом, когда мы желаем выразить как раз ничтожность предмета или его умаление, конец, уничтожение, или обращение в ничто, или переход во что-либо ничтожное и напрасное и т. п. Так, Гораций, высмеивая великие уси-

лия, приводящие к ничтожному исходу, начал с многосложных слов и окончил стих односложным словом:

Горы мучились ро́дами, а родилась всего лишь смешная мышь.[28]

Искусными являются и следующие стихи Виргилия:

Валится и бездыханный, дрожа, на земле распростерт, бык.[29]

Бок подставляет; вслед грудой отвесная встала гора вод.[30]

Движется между тем небосвод, с Океана встает ночь.[31]

Прекрасное замечание делает Скалигер (IV, гл. 48) по поводу этих стихов, выступая против Сервия.[32] Подобно тому, говорит он, как рухнул бык, и море стеклось в одну водяную гору, так и стих рухнул в односложное слово; обилие многих слогов сжато в одном слоге. Там же он говорит, что такие стихи бывают иногда выражением сильной настроенности или острого негодования. Например:

Вот это обещанная верность.[33]

(Ничто ведь так не подходит к негодованию, утверждает он, как речь, оканчивающаяся односложным словом. Раскрой хотя бы речи Демосфена — сколько ты найдешь там подобного рода периодов! Стоит только изменить стих, и вряд ли найдется что-нибудь более вялое).

7) Есть также какая-то сладость и красота, если в стихе спондеи сочетаются с дактилями; причина здесь не только в том, что указано нами в 4-м разделе относительно воспроизведения трепета и тому подобного. Например:

Он обомлел и назад с восклицанием ногу отдернул.[34]

Вечно и честь, и имя твое, и слава пребудут.[35]

8) Следует по возможности ставить прилагательные впереди существительных, если только не требует иного применение предложения. Поэтому не лишено изящества, если прилагательные не только стоят впереди, но даже находятся на некотором расстоянии от существительного, т. е. если между ними вставлено одно или два слова. Например:

Опустив глаза, Эней с опечаленным лицом.[36]

Также известный стих Овидия:

Уже мои виски похожи на лебяжий пух.[37]

Но относительно расстановки слов здесь неуместно вдаваться в подробности: этому научаются упражнением и постоянным чтением.

9) Элизия бывает не только необходимой, но иногда даже служит целям изящества. Она в такой степени способствует красоте, что без нее стих был бы менее приятен. Наиболее

кстати элизия будет тогда, когда для изображения важности и величия предмета требуется много слогов. Виргилий не из побуждений необходимости, как я полагаю, употребил такие и подобные элизии (Энеида, I, 264):

Энея веледушного.

Также (II, 551):

Владыку Азии.

Также (561):

Ибо царя, равнолетнего старца, от раны жестокой
Дух испускавшего, зрел я.

Также (XII, 655):

Италов сбросить кремли с высот и предать разрушенью.

И к этому Санназарий (О Рождестве Девы, II):

Дай открыть деяние удивительное, несказанное, необычайное, огромное и т. д.

10) Соблюдается изящество не только в отдельных стихах, но также и при их сочетании, в особенности в том, чтобы предложение не заканчивалось в каждом стихе. Это было бы чересчур нескладно и отрывисто. Но подобно тому как при расположении стоп слово должно переходить из одной стопы в другую, так пусть и мысль переходит из одного стиха в другой, разбиваясь и этой связью объединяя несколько строчек, пока не закончатся одновременно и стихотворение, и мысль. Такими примерами полны все поэтические произведения. Таково и следующее место из Виргилия (Энеида, X, 467):

Свой для каждого день: не восстановимо и кратко
Время жизни для всех; но стяжать деяньями славу —
Доблести дело. Легло под стенáми высокими Тройи
Сколько потомков богов! Не погиб ли также и самый,
Отрасль моя, Сарпедон? Ожидает также и Турна
Собственный рок: он достиг меты положенного века.

Однако мысль, завершенная в одном стихе, придает ему (при резком применении) не малое изящество.

Не презирать богов на примере учитесь и прежде.[38]
Ты же народами править властительно, римлянин, помни.[39]

Но самым приятным делается сочетание стихов, — словно некое непрерывное течение вод, — от разнообразия всех этих приемов: т. е., когда предложение заканчивается то в одном стихе, то в двух или больше; затем — если сами стихи состоят то из дактилей, то из спондеев; цезура же в них — то пентемимерис, то трохаическая; иногда же вместо той и другой ставится гептемимерис: одни стихи состоят из скопления нескольких мел-

ких предложений, в других — мысль развивается на всем их протяжении. Примером может служить весь целиком Виргилий. Однако нам хочется дать удивительные по разнообразию стихи Клавдиана: [40]

Ни тихих радостей, ни томного от чрезмерной роскоши покоя, ни снов бесполезных не даровал тебе родитель, а суровыми трудами он создал новое тело и обучил нежные еще силы незрелого нрава переносить суровые холода, не отступать перед тягостным ненастьем, терпеть лучи летнего солнца, переплывать шумящие яростью бурные потоки, преодолевать восхождением горы, равнину — бегом, впадины и ямы — прыжком и во всеоружии стоять всю ночь на страже.

ГЛАВА IV

РАЗЛИЧИЕ МЕЖДУ ПОЭТИЧЕСКИМ И ИСТОРИЧЕСКИМ ПОВЕСТВОВАНИЕМ

У поэта с историком я не усматриваю ни в чем сходства, кроме только того, что тот и другой — повествователи. Ведь, если историк иной раз употребит — не знаю как — поэтическое выражение, то это бывает редко, и этого еще мало, чтобы говорить о подлинном сродстве. Я удивляюсь, что иезуит Понтано [1] — впрочем, ученый муж — сближает историка с поэтом, потому что в сочинениях историка иногда можно заметить стихи. Это встречается у историка очень редко и непредумышленно. Фамиано Страда [2] в «Риторических опытах» как раз упрекает Тацита и в том, что тот начинает историю стихом:

Городом Римом сначала владели цари.[3]

Все же расхождений у них больше. Здесь я отмечу некоторые различия в обоих повествованиях.

1) Поэт отличается от историка самим родом речи, так как один пользуется стихотворной речью, а другой — прозаической, хотя и это различие, по мнению Аристотеля, не является слишком большим. Аристотель утверждает,[4] что если передать стихами историю Геродота, то все же это будет история, а не поэма.

2) Поскольку у исторического повествования преимущественно три достоинства: краткость, ясность и правдоподобие — поэт должен соблюдать два последних, не заботясь о краткости. Мало того, он намеренно подробно распространяется там, где историк может говорить в немногих словах; за исключением более кратких повествований, которые составляют незначительную часть в поэме. Однако и здесь поэт пространнее и более подробен, чем историк.

3) Историк следует естественному порядку вещей и излагает сперва то, что совершалось раньше, а затем то, что случи-

лось позже. Напротив, поэт располагает свое произведение в художественном порядке, и ему позволено начинать с конца и заканчивать началом или же ставить конец в середине, середину в начале, а начало в конце, как это будет выяснено ниже.

4) Стиль и украшения поэтического повествования делают его совершенно отличным от истории. Ведь поэтам предоставлена величайшая свобода отыскивать всякого рода украшения, лишь бы только они не были напыщенными и не вредили красоте. А историческое и ораторское повествование хотя и должно быть гладким, но без всяких прикрас; причем ораторское повествование более нарядно, историческое же менее отделано. Так что историк должен быть чрезвычайно осмотрителен и скуп в выборе слов, оратор — смелее и пышнее, поэт вполне свободен и щедр. Чтобы нагляднее представить это, считай, что историческое повествование подобно какой-нибудь престарелой матроне, ораторское — царице, а поэтическое выступает, словно новобрачная, прикрашенная всякого рода изяществами. Поэтому историк сказал бы о человеке разгневанном: «Он воспламенился гневом»; оратор мог бы сказать: «из-за неистовой ярости гнева, казалось, он пылал огнем». Но только поэту пристало выразиться так:

Гнев пламенеет и скорбь в костях разгорается твердых.[5]

И более пространно Овидий говорит о Геркулесе Неистовом (Метаморфозы, IX, III).

Часто б ты видел его вздыхающим, часто дрожащим,
Часто в попытках опять на себе порвать всю одежду
И деревья ломящим и раздраженным.

5) Главная же разница между поэтом и историком, по наблюдению Аристотеля,[6] заключается в том, что историк рассказывает о действительном событии, как оно произошло; у поэта же или все повествование вымышлено, или, если он даже описывает истинное событие, то рассказывает о нем не так, как оно происходило в действительности, но так, как оно могло или должно было произойти. Это все достигается благодаря вымыслу или воспроизведению, которые пора уже нам вкратце разобрать.

ГЛАВА V

О ПОЭТИЧЕСКОМ ВЫМЫСЛЕ

Вымысел бывает двояким: вымысел самого события и вымысел способа, которым это событие совершено.

Вымысел события имеет место, если поэт целиком выдумывает какое-либо событие, несуществующее и никогда не существовавшее.

Вымысел способа бывает, если поэт касается какого-либо реального события, оставляя без внимания, однако, тот способ, которым это событие осуществилось, и измышляет от себя правдоподобный способ (т. е. выдумывает, каким образом подобало или следовало этому событию совершиться). Добавим еще кое-что для объяснения того и другого.

Вымысел события равным образом бывает двояким: один подлинный, но не представляющийся вымыслом; другой — подлинный и представляющийся вымыслом.

Первый род вымысла — это когда случаи и происшествия с кем-либо, не происходившие в действительности, вымышлены по способу исторического повествования, причем к этому не присочинено ничего необычайного или выходящего за пределы вероятности. Таковы различные повествования во II книге «Энеиды» о том, как Эней меняет свое оружие на оружие убитых им греков, как похищается Кассандра, какие поражения наносит и терпит отряд сподвижников Энея. Таков и эпизод о Нисе и Евриале в другом месте.

Второй род вымысла, когда вымышляется что-либо сверхъестественное или необычайное для людей, как например совещания богов и богинь, их ссоры, чудеса и прочее в таком роде, что с легкостью обнаруживается как вымысел; например, во время нисхождения в преисподнюю Эней узнает исход будущих дел, видит столько раз ему являющуюся Венеру и Гектора, напоминающего ему во сне о разрушении Трои и пр. Вымыслы первого рода придумываются для приятности и разнообразия длинного повествования, вымыслы же второго рода — для того, чтобы указать на некую тайну, божественную силу, помощь, гнев, кару, откровение о будущем.

Заметь здесь, что первым способом вымысла можно пользоваться без колебания как христианскому, так и языческому поэту; второй же способ христианский поэт будет применять на другом основании. Прежде всего, ему не следует вмешивать языческих богов и богинь в какие-либо дела нашего Бога или также обозначать именами богов доблести героев; пусть поэт не говорит «Паллада» вместо мудрости, «Диана» вместо целомудрия, «Нептун» вместо воды, вместо огня — «Вулкан»; их имена можно употреблять лишь метонимически. Однако он может вводить, во-первых, истинные ипостаси Бога, ангелов, святых и бесов, приписывая им правдоподобные действия. Он может также ввести в виде лиц добродетели, божественные и духовные, путем олицетворения, придав им душу, лик и действия; затем все, что свойственно духам, он может изображать по сходству с какими-нибудь требуемыми как бы картинами; например, измыслить одежды Бога, ангелов и бесов, оружие, орудия, колес-

ницы и прочие уборы наподобие человеческих; однако все это должно что-нибудь обозначать. Можно также придумать на небе, в воздухе и в преисподней различное местоположение, построить города, воздвигнуть дома и разные здания. Что это позволено — нам ясно из Священного Писания, в котором Бог словно на сцене явил для восприятия людей некоторые свои добродетели и дела. У Иезекиля, например, — колесницы и престол, в «Откровении» Иоанна — много лиц, драконов, зверей, оружие, знаменитый град небесный и разные другие образы. Примером для нас пусть будут два замечательных поэта из новых — Акций Синцер Санназарий и Торквато Тассо. И у того и у другого много прекраснейших и остроумнейших вымыслов, из которых приведу по одному маленькому примеру. Взгляни-ка, с каким искусством Санназарий измышляет одежду всемогущего Бога (О рождестве Девы, III):

Сам он, восседая, надевает огромный плащ на сверкающие молнией плечи, который покрывает вместе с тем небо и земли; его некогда, как говорят, неусыпно трудясь дни и ночи, сама Природа соткала своему Громовержцу и прибавила замечательное украшение к священной ткани посередине и по краям пряжи, вплетая бессмертное злато и огромные смарагды. Ибо там разнообразным искусством испестрила убор матерь, опытная в работах, изобразив в верных образах первоначала и виды вещей, души и все, что отец породил высоким умом. Начало нашего рода — лишенную образа грязь — можно было различить. Ты мог бы увидеть, как на быстрых крыльях птицы носятся по пустому воздуху, как звери блуждают в лесах и рыбы плавают в море, и ты действительно подумаешь, что оно начинает пениться от волн.

А Торквато воображает на небе оружейную палату, со множеством оружия, что должно означать возмездие Божие; между прочим, там висит огромный щит, означающий покров Божий. (песнь VII, 81):

Хранится там копье, чем свергнут змей,
Там молнии губительные стрелы,
И те, что мчат, незримы для людей,
И глад, и мор в злосчастные пределы;
Трезубец там висит, что всех страшней,
Пред кем бегут, бледны и оробелы,
Как всколебнет основы он земли,
И, рухнув, города лежат в пыли.

Среди других оружий блещет там
Огромный щит из светлого алмаза:
Святым он градом и благим царям
Защитой верной служит, скрыт от глаза;
А кровом быть народам и странам
От Атласа он мог бы до Кавказа.

Его вот ангел взял, его, незрим,
Он над Раймондом распростер своим.

Вымысел же способа бывает примерно так: выбрав событие, поэт не исследует, как оно совершалось, но, созерцая, изображает, как оно могло совершиться. Так-то он вымышляет у действующих лиц разнообразные переживания души и тела: страх, скорбь, гнев, вожделение, зависть, сомнение и т. д., а также телесные переживания: дрожь, бледность, ужас, волосы дыбом, вспыхнувшее лицо, покраснение — и прибавляет различные движения, соответственно своему представлению, т. е. поднята ли рука, потуплен ли взор, стоит ли кто недвижим или в ярости мечется туда и сюда. Кроме того, поэт вводит разнообразные беседы, изобретает различные случаи и все это излагает главным образом с помощью двух фигур — этопэи и гипотипозы.[1] В конце концов он должен, повествуя о вымышленных или подлинных предметах, поступать совершенно так же, как поступает живописец, рисуя картины. Как художник, услышав о каком-нибудь событии, сначала обдумывает, зрительно представляет себе местность и лица и долго соображает, каким образом — если дело идет о сражении — одни мечут издали стрелы, другие сражаются врукопашную мечами и копьями, как эти обратились в бегство или рассеялись, а те их неотступно преследуют, как поверженные и раненные, каждый по разному, испускают дух, — все это художник сначала в отдельности как бы рисует в уме, наконец переносит на картину и искусно отделывает частности. Совершенно так же и поэт должен поглубже рассмотреть действительное событие умственным взором и по-своему измыслить правдоподобное. Как я, по крайней мере, считаю, замысел у поэта и живописца совершенно один и тот же; отличие между ними только в осуществлении, так как этот переносит свои замыслы красками на картину, а тот — словесными фигурами и стихами, на страницу. Вследствие этого, думаю, родства поэзии с живописью и прославилось присловье, гласящее: поэзия есть говорящая живопись, а живопись — немая поэзия.

Описывать события, в особенности битвы, поэт должен также иначе, чем историк. Ведь этот, изложив сначала по порядку численность и построение войска каждого из противников, говорит вообще, что таким-то или таким способом они сошлись и так долго сражались, пока, наконец, победа не склонилась в иную сторону; отдельных лиц он не касается, разве что кто совершит что-нибудь достойное упоминания сравнительно с прочими. Поэт же сам, по своему разумению, расставляет войско и среди битвы многих отдельных воинов, сочиняя, как они сражались, победили, пали, а также разные отдельные случаи военных удач и неудач каждого из них. Но и при описании

других предметов поэт бесспорно отличается большей пытливостью и подмечает даже мелочи, которые, будь они вставлены в историческом сочинении посредством гипотипозы, были бы бесполезны и излишни.

Однако вымышляет ли поэт все целиком событие или только способ его осуществления, он должен принять в соображение прекрасное указание Аристотеля[2] в его книгах «О поэтическом искусстве», а именно: в определенных отдельных лицах отмечать общие добродетели и пороки. Для лучшего уразумения знай, что человеческие действия можно рассматривать и разделить двояко. Одни действия совершаются так, что человеку, их творящему, исполнение их кажется произвольным, все равно, подобает ли их ему совершать или нет. Другие же действия, независимо от того, совершаются ли они или нет, рассматриваются как неизбежные вследствие природных свойств, рода, состояния, должности или звания какого-либо лица. Например, пьянство, шатание по городу, нападение на первых встречных и другие подобные действия может совершать и государь, но они не соответствуют его званию. Наоборот, государь может рисовать, петь, играть на кифаре, что не умаляет его достоинства, однако служит ему лишь как частному человеку, а не как государю. Но зато мудрое управление государством, законодательство, судебная деятельность, приговоры, распределение наград — это дело государя и по нему-то и распознают государя, а на основании вышеперечисленных действий всего менее распознаешь — если только не прибавлено обозначение — царя, полководца, консула. Итак, эти последние действия я называю общими, так как они подобают всякому государю, поскольку он является таковым; первые же — частными или особыми, потому что они касаются государя не со стороны его общественных обязанностей, а его частных вкусов и не как государя, но как Ганнибала, Александра, Филиппа или Пирра.[3] Итак, историк верно рассказывает и о том и о другом как оно было в действительности: поэтому Ливий описывает и пороки, и добродетели того же самого Ганнибала; того же самого Александра Курций[4] изображает то щедрым, мягким, не наглым в случае победы, милостивым к побежденным, то преданным пьянству, надутым надменностью, пристрастившимся к персидскому обиходу, поддающимся гневу, убивающим друзей и т. д. Поэт же, пренебрегая первыми упомянутыми чертами, рассматривает у какого-либо героя вторые, т. е. не пишет, что именно он совершил, но что могло или должно быть им совершено. Если поэт хочет воспеть храброго полководца, то не исследует пытливо, как он вел войны, но обдумывает, каким способом должен вести войну любой храбрый полководец, и этот способ приписывает своему герою. По этой

причине Аристотель говорит, что поэзия есть нечто превосходящее историю и более философское.[5] Ведь философия рассматривает вещи взятые вообще, а не каждую в отдельности, так как по словам диалектиков не бывает науки о частностях. Однако в этом отношении поэзия расходится и с философией, потому что философ разбирает общее вообще и не ограничивает его какими-либо особенностями. Поэт же, правда, рисует общие пороки либо добродетели, но как особые действия какого-либо лица. Политический философ учит, что такой-то должен быть храбрым. Поэт же воспевает, что таков был Улисс, таков был Эней. Итак, поэзия и отличается от философии и истории и каким-то образом касается их словно обеими руками. Поэт описывает деяния определенных лиц, что делает и историк; но историк излагает, как они были совершены, поэт же — как должны были совершаться. Поэт, так же как и философ, наблюдает общие действия людей, но философ рассматривает их отвлеченно, без примеров, поэт же приписывает их определенным лицам. Причина, почему поэт должен таким способом подходить к делу, заключается в том, что цель поэта не передавать потомству память о деяниях, как у историка, а учить людей, какими они должны быть при том или ином положении в жизни; это делают также и политические философы. Однако поэт выказывает свое гражданское учение, словно в некоем зеркале, в деяниях какого-либо героя и, восхваляя, ставит его в пример прочим. Так, Гомер изобразил в Улиссе красноречивого, умного и закаленного опытом вождя. Виргилий же в Энее представил мужественного и благочестивого государя, и посмотри, с какой мудростью сочинил он свою «Энеиду»! Потому что всякий государь должен знать толк в двояком искусстве — и в войне, и в мире. Мудрейший поэт, желая дать наставления государям при том и другом положении дел, в шести первых книгах описал плавания Энея, где, словно в картине гражданской жизни, преподает наставления, как управлять государством; в последующих же шести книгах он воспевает войны Энея, которые служат образцом военного опыта. Так же поступали и некоторые прозаические писатели, как например Ксенофонт в «Жизнеописании Кира»,[6] Филон Иудей в «Жизни Авраама» и других.

ГЛАВА VI

О КОМПОЗИЦИИ ЭПИЧЕСКОГО ПОВЕСТВОВАНИЯ

Следует знать, что повествование бывает двояким: или цельное, — которое простирается на всю поэму и охватывает всю фабулу, намеченную для разработки, — или же нецельное, более

краткое, составляющее часть цельного; такие повéствования заключаются в отдельных частях книги. Ведь длинное повествование, содержащее многочисленные деяния одного человека или всю его жизнь, как например «Энеида», где описаны скитания и войны Энея, не следует вести по одному непрéрывному направлению, но подобно тому, как трагедия делится на акты, так и героическую поэму обычно делят на определенные части и каждой такой части отводят отдельную книгу. Таково повествование во II книге «Энеиды» — о разрушении Трои, и в VI книге — о нисхождении в преисподнюю и т. д. Затем подобно тому, как части тела имеют свои члены, так и эти большие части поэмы имеют свои подразделения, т. е. более краткие рассказы, вымышленные, главным образом относительно различных случаев и чудес. Следовательно, здесь идет речь не о композиции этих малых или средних рассказов, а о композиции всей поэмы.

Композиция же бывает двоякой: или естественная, или идущая от искусства. Первая заключается в том, чтобы, следуя естественному порядку, ставить на первое место то, что случилось ранее; а то, что произошло позже, помещать или в середине, или в конце. А искусственная композиция не ведется по естественной нити; она сама придумывает себе какой-то собственный распорядок, так что допускается ставить впереди события более поздние, а более ранние — позже. Первым способом подходят к своему делу историки, вторым — поэты. Теперь узнай, на чем основана такая композиция.

Поэтому следует рассмотреть содержание всей фабулы, выбрать из него наиболее выдающееся и значительное, чтобы уже в начале поэмы указать, о чем будет в ней идти речь, чтобы в самом начале возбудить внимание слушателя и, словно завлекая некоей приманкой, повести его к дальнейшему. Не менее значительным должен быть и исход; остальное же сосредоточивается в середине. Впрочем, чтобы ставить впереди события более поздние, а ранние наоборот — в середину или в конец, — нет определенного правила, кроме как изобретательность и вкус каждого. Делается это, однако, главным образом посредством введения рассказчиков, примерно так: поэт начинает рассказывать о каких-либо событиях, которые произошли позже; рассказав о многих событиях, он умело находит повод, чтобы ввести собеседование действующих лиц, заставляя кого-нибудь передать события, предшествовавшие тому, с чего начинается поэма. Таким или подобным способом поэт перемешивает также и прочее.

Рассмотрим в качестве правила и образца способ композиции трех первых книг Виргилия.

Искусство композиции первых трех книг Виргилия

Естественный порядок событий, содержащихся в этих трех книгах «Энеиды», следующий:

1) Греки не могли никакими усилиями взять Трою, которую они осаждали целых десяток лет; наконец, на десятом году осады они взяли ее благодаря искусной выдумке Улисса, который придумал пресловутого коня на погибель троянцам, и огнем и мечом сравняли ее с землей.

2) Из этого пожарища Эней, собрав остатки своих и изготовив корабли, прибыл во Фракию и приступил там к основанию города; однако устрашенный чудесными знамениями он отплыл сначала на Делос, а затем, получив оракул от Аполлона, — на Крит; потом изгнанный оттуда, направил свой путь в Испанию; претерпев во время этого пути различные приключения, он прибыл в Сицилию, где судьба унесла его отца Анхиза. Все это происходило в течение шести лет.

3) Направляясь из Сицилии в Италию, он был отброшен к берегам Африки внезапной бурей, поднятой Эолом, и был гостеприимно принят царицей Дидоной.

Этот ряд событий Виргилий переставил следующим образом:

1) Что было в конце, с этого он и начинает, ведь гостеприимство Дидоны уже на седьмом году кораблекрушения и скитаний Энея описывается в первой книге.

2) А предшествующее он поместил в середине; ведь о взятии Трои он рассказывает во второй книге.

3) Промежуточные же события он отбрасывает в конец; ведь все изгнание Энея после взятия Трои заключается в третьей книге. Итак, вторая книга по естественному порядку является первой, третья же — второй, а первая — последней.

При этой перестановке Виргилий употребил приемы такого рода: в книге I он воспевает, как Эней после долгих блужданий по морю был выброшен на берег Африки и, наконец, гостеприимно принят Дидоной. Царица заклинала героя поведать ей о разрушении Трои, и Эней, выполняя ее желание, рассказывает во II книге последовательность падения Трои. А в III книге тот же самый Эней прослеживает свое бегство после пожара Трои и различные трудные скитания.

Это я изложил немного подробнее для того, чтобы на этом примере показать, в каком отношении следует нарушать естественную последовательность событий. Скалигер усердно советует эпическому поэту читать роман Гелиодора,[1] написанный прозой под названием «Эфиопика», иначе «Хариклея», потому что автор этого произведения придал ему обычную у поэтов композицию. Я же, кроме того, считал бы, что надо внимательно

перечитывать превосходнейшее сочинение Иоанна Барклая, под заглавием «Аргенида» (каковая книга в настоящее время имеет очень большое распространение); ведь этот известный писатель действительно находчив в выдумке и с величайшим искусством перемешал первые события с последними, а последние — с промежуточными и первыми.

ГЛАВА VII

ЧТО ПРЕИМУЩЕСТВЕННО УКРАШАЕТ ЭПИЧЕСКОЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ

1) Относительно изящества героической поэмы, от чего зависит и главная красота повествования, мы уже сказали выше. Кроме того, так как всякая речь содержит мысли и слова, то и эпическое повествование можно украсить и тем и другим родом фигур. Среди фигур словесных (под именем фигур я разумею также тропы), которые сюда относятся, главные — метафора, синекдоха, метонимия, антономасия, металепсис, повторение, удвоение, многосоюзие и присоединение. Из фигур же смысловых — аллегория, перифраза, гипербола, апострофа, этопея, гипотипоза, олицетворение, парентеза и эпифонема.[1] Эти последние — повторяю — употребляются в особенности, когда поэт говорит от своего лица, а когда он выводит других лиц беседующими, то в их речи имеют место вообще все фигуры, но главным образом допущение, пропуск, вопрос, апострофа, ирония, разграничение, желание, проклятие, восклицание, эмфаза, умолчание. Ведь они особенно подходят для выражения чувств; лица же, говорящие в поэме, обычно высказывают свои мысли под влиянием чувств — любви, скорби, гнева, тревоги и пр.

2) Чтобы не надоесть слушателю непрерывным ходом повествования, поэт, помня, что его обязанность — услаждать, борется со скукой лучше всего следующим образом: он придумывает множество случайностей и приключений на войне, множество в пути, неожиданных и заполненных разными переживаниями — скорбью, восхищением и ужасом. Затем он вымышляет краткие повествования и придумывает как определенные, названные по имени лица, которые либо совершали что-нибудь великое и особенное, либо претерпевали что-нибудь. Эти повествования немного выше мы назвали вымыслами, но такими, что они не кажутся вымышленными; и вот к ним поэт примешивает, но уже не так часто, явные выдумки о совещаниях богов, их помощи, знамениях и т. д.

3) Удивительно украшают эпопею добавочные уподобления, которыми поэтому очень часто пользуются героические поэты да и трагики, причем применяют их несколько шире. Подыскивая подходящее уподобление, непременно соблюдай следующее:

надо добиваться не только внешнего сходства с предметом, но также и некоторой симметрии или соразмерности; т. е., если предмет будет большим, то, хотя нечто подобное ему найдется среди малых, сравнивай, однако, его не с малыми, а с большими; если предмет будет печальным, то — с теми, которые исполнены ужаса. Старайся выражать мягкое в мягком, нежное в нежном, приятное в приятном, — противно чему поступают диалектики: они употребляют уподобление только для того, чтобы доказать или пояснить, и для них совершенно неважно, украшается ли предмет таким уподоблением. Поэт же стремится путем уподобления не столько доказать, сколько пояснить, украсить и возвеличить. Вот из тысячи прекрасных примеров один-два у Вергилия: первым пусть будет относительно тела только что убитого юноши Палланта (Энеида, XI, 67):

Юношу славного здесь кладут на злачное ложе:
Так цветок полевой, рукою девичьею сорван,
Нежной фиалки ль цветок, гиацинта ли темного прелесть
Всю сохраняет свою, не теряя блеска, хоть силы
Матерь земля не дает и больше его не питает.

Здесь образ предмета нежного и достойного жалости взят равно от нежного предмета, именно от сорванного цветка. Но тот же поэт уподобляет бесстрашного в бою Мезенция, спокойно встречающего натиск всех врагов, недвижной морской скале (Энеида, X, 692):

К единому мужу враждою
Все зажжены, одного осыпая тучею копий.
Он как утес, что стоит, над морским возвышаясь простором,
Бурям подставлен ветров и открыт волненью пучины,
Неба и моря один выносит угрозы и натиск,
Сам же неколебим.

4) Впрочем, — как мы неоднократно уже указывали — как раз эти украшения становятся еще более украшенными благодаря разнообразию, состоящему в том, чтобы не слишком часто повторялись в повествовании схожие фигуры и чтобы еще реже ставились они рядом, но чтобы были то повторение, то удвоение, то умолчание, то остальные фигуры и чтобы фигуры, хотя бы и различные, не следовали одна за другой постоянно и непрерывно, набегая словно волна на волну; но иногда в рассказе надо оставлять большие промежутки, как бы лишенные украшений; и, таким образом, как раз от того, что избегаются украшения, изысканнее делается красота.

Кроме того, и остроумные выдумки, вымышленные — повторяю — рассказы, следует примешивать разнообразно, т. е. не ставить их один за другим или же несколько схожих между

собой, но надо располагать их на известном расстоянии друг от друга, и пусть у них будет совершенно разное обличье.

5) Применение всего этого примерно таково: там, где скопляется много предметов, когда они действуют заодно или подвергаются одинаковым переменам, там пригодна фигура присоединения и многосоюзия и нередко также анафора (например: Энеида, X, 747):

Кедик рубит тогда Алкафея, Сакратор — Гидапса,
Рядом Парфения бьет Рапон и могучего Орса,
Клония режет Мессап, Ликаония с ним Эрихета...

и Овидий (Метаморфозы, II, 2):

Тавр Киликийский в огне, и Тмол с Афоном, и Эта;
Ныне сухая, дотоль ключами обильная Ида,
Дев приют Геликон... и т. д.

Удвоение применяется либо тогда, когда мы обращаемся к объяснению или уточнению ранее сказанного, как у Виргилия (Энеида, X, 180):

Прекраснейший следует Астур,
Астур уверен в коне и своих многоцветных доспехах...,

либо для обоснования, почему мы так сказали, как в «Энеиде», II, 405:

В небо взводящую очи, горящие пламенем тщетно, —
Очи, затем что в оковах никли нежные длани.

Оно служит в особенности для состояния говорливости и нетерпения, как-то: гнев, радость — а также для вздохов и чувств скорбных и алчных, как любовь и жалость. Например, «Энеида» (II, 769):

Криками улицы я наполнил и тщетно, унылый,
Я призывал, стеная, снова и снова Креусу.

Очень удачно изображает Виргилий (Георгики, IV, в конце) как отрубленная голова Орфея, плывя по реке Гебру, взывала даже и тогда к похищенной супруге Эвридике:

Эвридику еще сам голос и рот охладелый,
Ах! Эвридику несчастную звали, с душой расставаясь.

К тому же роду украшения относится и прием, когда мы выводим одно и то же лицо, словно это разные лица — настолько изменилось его душевное или телесное состояние, — и дважды повторяем его имя. Например, Овидий о Ниобее (Метаморфозы, VI, 3):

Как Ниобея теперь не похожа на ту Ниобею...

и Виргилий о Гекторе, явившемся Энею в сновидении (Энеида, II, 274):

Горе мне, был он каков! Как был не похож на того он
Гектора, кто возвращался в доспехах одетый Ахилла!

Когда речь заходит о каком-либо великом, страшном, жалостном или необъяснимом событии, то удобно умолчание либо с призыванием божества, либо с обращением речи к определенным лицам, предметам, местам, временам и т. д. Например, «Энеида» (II, 240), когда роковой конь вступил в Трою:

Тот поддается и града, грозя, вступает в средину.
Родина! Илий, богов дом! Дарда́нидов громкие брани
Стены!

Овидий (Метаморфозы, II, 8) обращается к юноше Нарциссу, который с восхищением взирал на свое лицо в источнике и полюбил его как чужое:

Легковерный, зачем ты бегущие призраки ловишь?
Нет, чего ищешь, нигде: отвернись и, что любишь, утратишь.

Прекрасно Торквато перед смелой ночной битвой двух героев сначала обращает речь к героям, а затем к ночи (песнь XII, 54):

В театре полном, при сияньи дня,
Прилично бы тем подвигам вершиться.
О ночь, что, темным лоном заслоня,
Дала бы им в забвении сокрыться,
Извлечь на свет их допусти меня,
И в поздний век пусть весть о них домчится!
Пусть памятна, при славе той сама
Блестит твоя таинственная тьма!

Парентеза удобно служит по большей части для разъяснения в чем дело, для приведения причины или вставки, выражающей изумление, сожаление, скорбь, воздыхания и прочих чувств, прерывающих подчас нашу речь, как в «Энеиде» (X, 723):

Как ненасыщенный лев, блуждая у логов глубоких,
Гладом безумным влеком, веселится, завидя случайно
Легкую в чаще козу... и т. д.

И в «Энеиде» (IV, 453):

В час, как она возлагает дары на алтарь воскуренный,
Прямо пред ней, — страшно молвить, — чернеет священная влага.

Когда речь заходит о каком-либо достопамятном месте, то, прервав течение повествования, требует себе места гипотипоза, т. е. описание, и оно начинается внезапно, как в «Энеиде» (VI, 236):

Это свершив, исполняет поспешно заветы Сибиллы.
Свод был высокой пещеры, зевом широким безмерной... и т. д.

Там, где отмечается время ночи или особая часть дня, уместна перифраза. Например, Виргилий:

И покидает меж тем Океан, вставая, Аврора.[2]

Здесь находит себе применение и металепсис.

Там, где надо затронуть нравы какого-либо лица в смысле их пристойности, применима эпопэя, о чем подробно ниже в главе о пристойном.

Очень красиво бывает какое-нибудь определенное употребление глагольных времен и некоторых частиц, что имеет место главным образом при гипотипозе и кратком повествовании. Среди них стоит отметить главные и чаще встречающиеся:

1) Во-первых, гипотипоза мест почти всегда начинается с глагола: *есмь, есть, бывал, был* и т. п. Например:

Близ Киммерийцев есть свод и длинный есть ход из пещеры.[3]

Также:

Есть Тéнед, в виду берегов... и т. д.[4]

2) Краткие же повествования часто начинаются с глагола в имперфекте или плюсквамперфекте.

3) Какое-либо неожиданное событие вводится в помощью частицы «вот», например:

Се — мы зрим: с расплетенной косой. Приамейеву деву
Тащат.[5]

Также «Энеида» (II, 213):

Се, однако, от дротов Ахивов Панф ускользнувший.

Если же происходит что-нибудь необычное, страшное, огромное, великое, то на него указывает частица «тогда», обозначая время. Например, «Энеида» (II, 624):

Тогда показалось мне, что весь в огне расседался
Илий... и т. д.

Или *здесь* для обозначения места. Например:

Здесь великую битву... и т. д.

4) Затем такие частицы, как *трижды* и *четырежды* обычно повторяются дважды, когда рассказывается о каком-либо предзнаменовании или чудесном явлении. Например, «Энеида» (II, 242):

Четырежды конь упирался на самом пороге
Врат, и четырежды звон издавали брони в утробе.

Или при напрасной попытке что-либо совершить. Например, «Энеида» (VI, 700):

Трижды пытался он там обвить свои руки вкруг выи,
Трижды, объятый напрасно, из рук выскальзывал образ.

После окончания примечательного и памятного повествования или когда описывается чье-либо сильное чувство или изображается какое-нибудь лицо, избегнувшее многих опасностей, уместно применить эпифонему. Так, Виргилий, рассказав, как Нис добровольно дал себя убить врагам за друга своего Эвриала, весьма кстати восклицает (Энеида, IX, 430):

Столь черезмерно любил своего злополучного друга!

Там же, ниже, закончив эпизод о Нисе и Эвриале и рассказав об их дерзании и гибели, поэт обращается с апострофой к убитым героям (446):

Оба блаженны! Коль есть в моих песнях некая сила,
День не придет, чтоб о вас молва замолчала в преданьях.

Олицетворение не следует необдуманно применять всюду, надо пользоваться этого рода украшением с большим разбором. Оно бывает двояким: либо когда мы придаем разумные действия безгласным или бесчувственным предметом, либо наделяем их речью. Первый случай встречается чаще и нередко в соединении с апострофой и эпифонемой. Например:

Негодный, Амур, к чему только ты не побуждаешь смертных.

И Овидий (Метаморфозы, XI, 2):

Плачут, Орфей, по тебе печальные птицы и звери,
Твердые скалы и лес, столь часто за песней твоею
Шедший вослед; по тебе с листвой оброненною плачет
Дерево, сняв волоса. Говорят, что и реки полнее
Стали от собственных слез.

Таковы те фигуры, которыми обычно пользуется поэт, говоря своими устами, помимо речей действующих лиц. Ведь те фигуры, которыми следует украшать чью-либо вставную речь, будут рассмотрены дополнительно, когда придет время. И здесь я не изложил твердо установленного и единственно возможного применения фигур, словно кроме этого не может быть другого, но дал лишь некое правило, из которого легко можно узнать, в каких местах следует применять такого рода украшения.

Относительно же того, как применять уподобление, я, по крайней мере, считаю несомненным следующее особое правило. Все, что при рассмотрении представляется сходным и достойным рассматривающего или же может считаться удобным для изображения в красках на картине — всему этому следует подыскивать подходящее уподобление. Ведь поскольку подобие есть как бы некий образ предмета, то все, что достойно изображения, будет достойно и уподобления. Это легко станет ясным для читателя произведений поэтов, наблюдающего сходство.

ГЛАВА VIII

ОБ АМПЛИФИКАЦИИ, ПАФОСЕ И ПРИСТОЙНОМ

Нам остается сказать об особых достоинствах, присущих не только эпопее, но также и другим видам поэтического творчества. Это — амплификация, пафос и пристойное. О них следует, однако, говорить в данном месте, потому что героическая поэзия возглавляет все остальные и так же выдается среди них, как герои среди прочих смертных. Поэтому прочие поэмы будут заимствовать свои богатства от эпопеи, словно от царицы.

I. Амплификация

Амплификация не заключается в том, чтобы то, чего можно коснуться вкратце, излагалось многословно; это ведь перифраза. В самом деле, если какой-нибудь предмет выделяется в своем роде величием, но вообще-то не представляется таковым, то о нем можно рассказывать и в немногих словах, и более подробно. Например: Виргилий, Энеида, I, 592:

> И появился Эней, возблистав в сиянии светлом,
> Ликом и станом подобен богам, — озаботилась ибо
> Кудри красивые сыну и юности пурпурный облик
> Матерь сама даровать и в очах благородную радость.

Если бы поэт назвал Энея просто красавцем, то он, конечно, не настолько отметил бы его красоту, как сравнив его с богом и показав некоторые отдельные его черты.

Много было сказано различными авторами об амплификации, но я сведу все к трем следующим видам: приращение, сравнение и нагромождение.

Приращение бывает тогда, когда мы что-либо увеличиваем благодаря градации на одну, две, или несколько степеней (например: Энеида, VI, 782):

> Землям власть свою, даст, а духом сравнится с Олимпом...

или когда ставим на высшую ступень (например: Энеида, VII, 649):

> Никого не было прекраснее его, за исключением лика Лаврентского Турна.

И Овидий (Метаморфозы, XIII, 13), где Полифем, перечислив скот в своем стаде, говорит так:

> Ежели спросишь меня число их, сказать не умею.

Сравнение бывает тогда, когда какой-либо предмет сравниваем с другим бóльшим или со многими и говорим, что он равен или больше их. Так, Виргилий (Энеида, VI, 801) говорит, что

Цезарь Август прошел и покорил больше земель, чем Геркулес и Вакх:

Ни даже столько земель обойти не случилось Алкиду,
Пусть медноногую лань преследовал он, Эриманфа,
Рощи умиротворил и Лерну потряс своим луком;
Ни, — кто ярмо преклонял браздами из лоз, победитель
Либер, летая с вознéсенной Нисы вершины на тиграх.

И Овидий (Метаморфозы, XIII, расск. 13) в песне об упорстве Галатеи:

То ж Галатея затем гораздо строптивей телицы
Тверже, чем дуб вековой, обманчивей даже, чем волны,
Гибче ты ивовых лоз и плетей с виноградом белесым,
Неподвижней тех скал и много неистовей речки,
Пуще павлина горда хваленого, пламени злобней,
Терния пуще колка, сердитей медведицы щеннсй,
Пуще пучины глуха, лютей растоптанной гидры.

Обрати здесь внимание, что гипербола, которая возникает путем сравнения и уподобления и которая не столько украшает, сколько усиливает предмет, имеет большое значение.

Нагромождение же содержит в себе много способов амплификации.

1) Перечисление частей: это целиком части какого-либо предмета, либо всего рода. Ведь некоторые предметы, взятые вообще или под названием, охватывающим целиком их род, могут показаться не столь великими, чем в том случае, когда они представляются нашим взорам по частям. Так, Клавдиан, там, где мог бы сказать: «не покою, но трудам научил тебя родитель», путем перечисления видов досуга и трудов, удивительно амплифицировал предмет:

Ни тебе тихих радостей и т. д.[1]

(см. главу III этой книги в конце). Так и Гораций, вместо того чтобы выразить немногими словами мысль: справедливого мужа ничего не может сломить, — перечислил различные трудности (Оды, III, 3);

Кто прав и к цели твердо идет, того
Ни граждан гнев, что рушить закон велят,
Ни взор жестокого тирана
Ввек не откинут с пути; ни ветер —
Властитель грозный, Адрия бурных вод,
Ни Громовержец дланью могучей, — нет:
Лишь, если мир, распавшись, рухнет, —
Чуждого страха сразят обломки.

И Виргилий (Энеида, V, 626) дает такую амплификацию, изображая длинный путь:

После падения Тройи уж движется лето седьмое,
Как по пучинам, по землям всяким, по диким утесам... и т. д.

2) Или подвиги (Энеида, VI, 857):

Оный Романское дело, великой взмущенное смутой,
Конник, уставит, низвергнув мятежного Галла и Пунов,
Взятое третье оружье отцу он повесит Квирину.

Там же немного выше (836):

Тот — в Капитолий высокий ведет колесницу Коринфский,
Правя триумф, победитель, разгромом прославлен Ахивов.

И в «Энеиде» (IV, 373) Дидона сетует и попрекает Энея своими благодеяниями:

Верности нет нигде. На берег выброшен, нищий,
Принят он мной, и, в безумьи, я царство с ним разделила.
Я и утраченный флот, и друзей возвратила от смерти.

3) Амплификация синонимов, когда почти однозначные слова и выражения увеличивают предмет. Плавт в «Бакхидах» (акт II, сцена 1) таким образом преувеличил чью-то чрезмерную глупость:

Где такие еще были, будут и есть
Простаки, идиоты, ослы, дураки,
Простофили, тупицы, болваны?
Я один далеко всех превысить могу
Идиотством и глупостью дикой! [2]

И у Виргилия (Энеида, IV, 373) Дидона, жалующаяся на Энея:

Он простонал ли на слезы мои? Обратил ли он взоры?
Он, побежден, зарыдал ли? о любящей он пожалел ли?

4) Побочные обстоятельства являются обильным источником для амплификации как у ораторов, так и у поэтов: а именно, когда избирают такие побочные обстоятельства предмета, которые делают его великим. Но следует знать, что поэты иногда выдумывают побочные обстоятельства, например говоря, что кто-нибудь произошел не от человека, а от дикого зверя. Так, Дидона против Энея (Энеида, IV, 365):

Мать не богиня тебе, не Да́рдан твой родоначальник.
О, вероломный! Родил, бездушными камнями страшный
Ка́вкас тебя и Гирканских сосцы тигриц напитали.

Подобные амплификации очень часты у поэтов; в особенности же при изображении пространственной отдаленности или длительности времени. Например, «Энеида» (VI, 795):

И кто к Гарамантам и к Индам
Власть донесет: лежит та земля вне пределов созвездий,
Вне года — солнца путей, Атлант где, небодержащий,
Ось на плече обращает, что яркими звездами блещет.

И в «Энеиде» (I, 611) так показана длительность времени:

Реки покуда в заливы текут, пока тени над скатом
Гор пробегают, пока пасет созвездия полюс,
Вечно и честь, и имя твое, и слава пребудут.

Заметь здесь не самый подбор или способ, которым следует накоплять либо побочные обстоятельства, либо действия, либо части предмета и другое в таком роде, а только то, отчего и каким способом нам кажется возможным изобразить предмет больше, значительнее и выразительнее.

II. Пафос

Пафос — слово греческое, по-латыни passio или как обычно объясняют «переживание», т. е. так называется какое-нибудь душевное движение, когда человек движим веселием или скорбью, радостью, удовольствием, любовью, гневом, страхом. Так же обычно называют и речь, выражающую подобного рода переживание. Здесь у нас говорится именно о речи, которую, как известно, можно рассматривать двояко, в особенности же у поэтов.

Один вид речи картинно рисует чужие переживания, а именно: как поступает и что испытывает человек разгневанный, влюбленный, опечаленный, скорбящий.

Другой вид речи изображает следствия переживаний, т. е. что и как сказал бы человек опечаленный или радостный, каковы его чувства и помыслы. Такие речи свойственны главным образом трагическим театральным лицам, затем также выводимым в эпопее говорящим лицам, и, наконец, такие речи служат и для выражения элегической скорби.

Первый вид есть не что иное, как эпопея радующихся, скорбящих, разгневанных. Так, например, в «Энеиде» (IV, 1) в лице Дидоны изображается состояние влюбленности:

Но беспощадной, царица, уже уязвленная страстью,
В жилах рану питает, сжигаема пламенем тайным,
Доблесть великую мужа в душе вспоминает и рода
Славу великую; в сердце врезаны, облик и речи
Держатся; страсть не дает отрадного членам покоя.

И немного ниже, 68:

Огнь палит Дидону несчастную; бродит в безумьи
Всюду по граду.

И также немного ниже, 74:

То за собою Энея в средине стен она водит,
Блеск Сидонийский кажет ему и город готовый
И говорить начинает, но вдруг на полслове смолкает.

Наконец, совершеннейшую и с величайшим дарованием выраженную этопэю влюбленности мы имеем во всей IV книге «Энеиды», по примеру которой можешь изображать людей, волнуемых и другими страстями.

Второй же вид речи чрезвычайно труден. Ведь следует представить себе чувства важные, сильные, тонкие, острые, весьма усиливающие переживание, словно искрящиеся живыми огоньками. Для того чтобы легче представить себе это, вот тебе следующее общее правило: вообрази с помощью усердного размышления, что ты сам охвачен переживанием, подобным тому, которое ты описываешь. Например, если переживание печальное, то вообрази, что ты претерпел подобного рода несчастье и сильно чем-либо опечален. Так поступай и в прочих случаях. Настроив себя таким образом, ты по какому-то природному побуждению станешь предаваться самому скорбному раздумью, которое и сумеешь применить к выведенному в твоем стихотворении лицу. Это правило предписывается также и учителями риторики, когда они касаются душевных явлений, и я не знаю, пользовался ли какой-либо поэт другим приемом, выражая чьи-нибудь переживания. Однако в качестве правила и примера я приведу здесь несколько особых наблюдений, которые порою отмечал в произведениях поэтов, в особенности же переживания печального и трагического — верь оно, обычно, чаще угнетает человеческую жизнь.

1) Само краткое описание печали, несчастья, тирании, смерти, ран и т. п. в «Энеиде» (II, 270):

> Се и пригрезился мне, во сне, опечаленный Гектор,
> Будто он стал пред очами и лил обильные слезы,
> Конями весь размыкан, как некогда, череп от пыли
> Окровавленный, по вздутым ногам ремнями опутан, —
> Горе мне, был он каков! Как был не похож на того он
> Гектора, кто возвращался в доспехи одетый Ахилла.

Исполнена подобного рода переживаний и элегия Овидия (Скорбные элегии, I, 5).

2) Когда в невзгодах мы сетуем, что нас постигло самое худшее несчастье, амплифицируя при этом нашу беду. Так, Овидий (Скорбные элегии, III, 10) после длинного описания тягот и опасностей края, где он находился в изгнании, восклицает в конце:

> Знать, хотя широко круг света большой развернулся,
> Мне в наказанье была эта открыта земля.

3) Когда мы жалуемся, что наше несчастье такого рода, что мы лишены даже всякого утешения (Скорбные элегии, V, 2):

> Денусь куда? У кого в бедах попрошу утешенья?
> Уж не один моего якорь не держит челна.

4) Когда от великой скорби мы говорим, что если и случится что-нибудь более радостное, то мы не верим в его истинность, или едва верим, или же притворяемся, что считаем его сном, либо обманом зрения. Так, Андромаха, супруга Гектора, увидев изгнанника-Энея после падения Трои и сама будучи изгнанницей в Эпире, спрашивает, подлинный ли образ Энея предстал перед нею и жив ли Эней? (Энеида, III, 308):

Глядя на нас, обомлела, тепло покинуло кости;
Падает и спустя лишь время долгое молвит:
Истинно ль твой это лик? Мне предстал ли, как истинный вестник,
Ты, сын богини? Ты жив? Иль, благой если день ты покинул,
Где же Гектор? Сказав, залилась слезами и рощу
Наполнила всю.

5) Когда мы говорим, что нам выпало на долю счастье или какое-нибудь благо, а затем путем исправления то же самое зовем несчастьем и печалью и только видимостью жизни или счастья. Так, Эней на вопрос упомянутой выше Андромахи отвечает (там же):

Исступленный, лишь малое мог я
Молвить в ответ и, смущенный, твержу прерывные речи:
Точно я жив, но влачу чрез все крайние бедствия жизнь я.[3]

6) Когда мы расстроены воспоминанием о прежнем счастье и сравнением с теперешним несчастьем. И это место наиболее обильно переживаниями. Эней там же так обращается к Андромахе:

Горе! Какой же судьбе, от такого отъята супруга,
Ты предана? Иль какой осенил тебя жребий достойный?
Пирру ли ты, как супруга, Андро́маха Гектора, служишь?

7) Когда свои собственные несчастья сравниваем с чужими и находим наши несчастья равными или бо́льшими. Дидона говорит троянцам (Энеида, I, 632):

Ведь и меня судьба, проведя лишь по многим подобным
Бедствиям, в сих, наконец, поселить пожелала пределах.

И Овидий о себе самом (Скорбные элегии, V, 7):

И какая доля счастья заключена в нашей песне.
Счастлив, кто в силах перечислить свои муки.

8) Когда мы говорим, что ожидаем еще большего несчастья, чем теперь испытываем, или же, что потеряли всякую надежду на лучшую долю. Синон у Виргилия (Энеида, II, 137):

Нет больше мне никакой надежды увидеть отчизну
Древнюю, милых детей, отца, желанного столько;
С них, вероятно, они за наш побег отомщенье
Взыщут, и эту вину злополучных смертью искупят.

9) Когда мы, страдая за чужие невзгоды, говорим, что они — наши или предпочитаем обратить на себя самих несчастье другого, то мы делаем это в силу любви, которую испытываем к несчастным. Анна говорит умирающей Дидоне (Энеида, IV, 682):

Ты погубила себя и меня, отцов и народ свой,
И свой Сидо́нийский град.

10) Когда мы жалуемся на то, что случилось противоположное нашим ожиданиям; это делается с помощью вопроса, вызывающего сострадание. Мать Эвриала обращается к убитому сыну (Энеида, IX, 481):

Это тебя, Эвриал, я вижу? Ты ли, отрада
Старости поздней моей? .. и т. д.

И Эней к убитому сыну Эвандра Палланту (Энеида, XI, 45):

Это ль Эвандру отцу для тебя я давал обещанье,
С ним расставаясь, когда, меня обняв, посылал он
Власти великой искать, меня предваряя со страхом,
Как свирепы враги, с каким суровым народом
В брань я вступаю?

Обрати здесь внимание на то, как часто печальным предметам придаются радостные имена, как бы путем иронии. Например, Эней о смерти Палланта (там же, 54):

Этого ль ждал от меня ты возврата, такого ль триумфа?

Сюда относится и стих Овидия (Скорбные элегии, III, 2):

Так, в моих-то судьбах было Скифью видеть и также...

11) Когда при неотвратимом несчастьи мы желаем смерти из-за нестерпимого горя. Когда запылал флот Энея, он, воскликнув, так обратился с мольбой к Юпитеру (Энеида, V, 689):

Дай флоту из пламени выйти
Ныне, отец, дело тевкров из гибели, слабое, вырви!
Иль, что останется, ты враждебной молнией смерти
(Если я стою) предай, сокруши здесь своею десницей!

И мать Эвриала (Энеида, IX, 493):

Если жалость в вас есть, в меня вонзите все копья,
Рутулы! Первой меня истребите вашим железом!

12) Схоже с последним и такое переживание: когда мы, мучаясь теперешним несчастным состоянием, горюем, что мы не погибли тогда, когда погибали прочие или когда представился случай погибнуть. Овидий (Скорбные элегии, III, 2), перечислив много несчастий на своем пути, горестно восклицает:

Горе, как часто я в дверь своей могилы стучался,
Но не бывала она все никогда отперта!

Или когда мы называем счастливыми и блаженными мертвых или убитых, именно потому, что застигнутые смертью, они избежали несчастья, которое мы испытываем. Эней в ужасе восклицает при кораблекрушении (Энеида, I, 98):

О, трижды, четырежде счастлив,
Кто на глазах у отцов, под высокими стенами Тройи
Смерть удостоился встретить! О, Да́наев рода храбрейший,
Ти́дит! И мне почему на Или́акском деле погибнуть
Не довелось, и твоя эту душу рука не исторгла?

И Андромаха (Энеида, III, 320):

Взор опустила она и гласом упавшим сказала:
О, между всеми блаженна одна Приамейева дева!
Та у враждебной могилы, высокой под стенами Тройи,
Смерть приняла, никаких жребьев об ней не метали,
Пленницу не преклонял победитель хозяин на ложе!

13) Когда страждущий, как бы не владея собой от горя, противоречит себе, отрицает то, что утверждал раньше и сожалеет, что говорит это. Овидий (Скорбные элегии, III, 8):

То бы я возложить желал для летания крылья,
Или твои, о Персей, или, Дедал, хоть твои:
Чтобы когда моему полету воздух уступит,
Сладостную увидал землю я родины вдруг,
И покинутый дом и друзей, что меня не забыли,
И, что особенно мне мило, супруги лицо.
Что же, глупец, ты кого в ребяческих хочешь мечтаньях,
День чего ни один не дал тебе и не даст?

Подобного рода чувствами исполнена речь Медеи (Метаморфозы, VII), где она обсуждает сама с собой, следует ли ей бежать вместе с Язоном, одно и то же часто и отвергает, и одобряет и, колеблясь то в ту, то в другую сторону, постоянно борется с собой. Здесь господствует фигура сомнения. Этот вид речи является прекраснейшим для трагических речей, какие можно видеть у Сенеки Трагика.

14) Наилучшие примеры переживаний можно встретить при противоположных, но одновременно случившихся обстоятельствах. Например, если мы оплакиваем печальное событие, происшедшее в радостное время; взятие города в праздничные дни или когда все прочие радуются, а с нами случилось какое-нибудь несчастье; или также наша радость нарушена постигнувшей нас невзгодой. Эней обращается к убитому Палланту (Энеида, XI, 42):

Отрок несчастный, ужель Фортуна, мне улыбаясь,
В том отказала, чтоб ты узрел мое царство и с честью
Сам победителем шел, возвращаясь к отчей державе?

Так, Овидий (Скорбные элегии, III, 12) после описания весенней поры оплакивает то обстоятельство, что он живет в суровых краях:

О, четырежды, о, не сочтешь, насколько тот счастлив,
Кто запрещенья не знал жизнь городскую вкушать!
Я же знаю, что снег от вешнего солнца растаял,
Из затвердевших озер вод не копают уже.

В «Скорбных элегиях» (IV, 2) он описывает празднование в Риме триумфа над германцами и говорит, что как раз от этого его изгнание еще тягостнее:

Изменяет вдали мне изгнаннику общая радость
И в такую молва даль лишь идет умалясь.

15) Превосходное изображение страсти бывает также тогда, когда мы говорим, что наши несчастья таковы, что они могут показаться достойными сожаления даже людям жестоким, варварам, даже нашим врагам и виновникам нашего несчастья и вызвать у них слезы, например, «Энеида» (II, 6):

Кто, о таком повествуя,
Будь иль Мирми́донин он, или Долоп, иль злого Улисса
Воин, от слез устоит?

Овидий (Скорбные элегии, III, 11), обращаясь к недругу, который глумился над ним, несчастным, в ту пору уже изгнанником, говорит:

Жребий мой палачу показаться может плачевным,
Мало принижен меж тем он по суду одного!

Кажется, приведенных примеров вполне достаточно для того, чтобы научиться изображать переживания. Еще больше каждый может наблюдать их, приложив старание.

Обрати при этом внимание, что изображение всех этих и подобных переживаний без применения фигур бывает несколько безжизненным. Следовательно, необходимо, как это явствует из всех приведенных примеров, воспламенять их острой приправой фигур.

Фигуры, служащие для изображения страстей, следующие: повторение, удвоение, противопоставление, вопрос, апострофа, олицетворение, умолчание, заклинание, сомнение, замедление, парентеза и чаще всего — восклицание.

Стиль большей частью должен быть средним между возвышенным и низким; слова должны быть ясными и метафоры естественными, мысли же не должны быть раздуты многословием, но выражены в немногих словах, перифраза — проще и не напоказ. Это соответствует природе: ведь люди, под влиянием

сильного переживания, в особенности когда оно вызвано событием печальным, не ищут словесных прикрас или чрезмерно отделанной, украшенной речи с неумеренной вычурностью.

III. Пристойное

Пристойным называется то, что приличествует. Под этим названием разумеется прославленное поэтическое дарование, когда поэт тщательно рассматривает, что соответствует такому-то лицу, времени, месту и что подходит тому или иному человеку, т. е. выражение его лица, походка, внешность, убор, разные телодвижения и жесты. Это тщательнейшее рассмотрение крайне необходимо поэту эпическому и трагическому; если этого нет, поэт не заслуживает названия творца и весь лик поэмы, хотя бы она была наполнена тысячами Венер, окажется совершенно безобразным. Но поскольку пристойное является признаком выдающегося дарования и зрелого вкуса, то никакой другой закон искусства не нарушается так часто, как пристойное, в особенности некоторыми трагическими стихоплетами; они заставляют царей на сцене давать нелепые повеления, вздорные советы, вопить по-бабьи, ребячески сердиться, буянить, словно пьяницы, выступать как хвастливые женихи, разговаривать подобно ремесленникам в мастерских или мужикам в кабаках. Хочется привести здесь один образчик такого недостатка.

Много высказываний можно найти против пристойного у новых писателей, которые считают себя уже знатоками всего поэтического искусства, если не допускают в стихе ошибок против количества; хотя, подстрекаемые каким-то неистовством, они засоряют всю поэму неуместными сентенциями и трезвонят длиннющими словами. Вот тебе пример ошибки против этого правила из сочинения Канона-иезуита [4] «О копях бохнийских». Здесь он выводит дочь короля польского Кунегунду, которая умоляет отца подарить ей соляные копи, причем она просит так картинно, что валяется у отца в ногах, лежит, повергнувшись наземь и, расточая мольбы и заклинания, надоедает отцу настойчивыми просьбами. К чему такие плачевные жалобы? Такими мольбами, как она здесь просит соли, Кунегунде следовало бы умолять Бога за грехи. Ведь что может быть более неуместного, чем заставлять дочь — королеву просить отца — короля о столь обыденном и низменном предмете, желательном только купцам? Канон говорит там же, что эта королева уронила в соляную штольню свой перстень, который случайно пристал к комку соли и был затем вытащен вместе с солью. Королева, говорит он, получив перстень, так сильно обрадовалась, что стала осыпать его поцелуями, обращаясь к нему как к живому существу, и сам

автор не в состоянии выразить радость королевы. Ведь он обращается к ней так:

А что ты переживала, когда ты из соляной штольни получила возвращенный назад не без прибыли перстень, блестящее украшение для твоего брака, какая радость в твое сердце проникла, о девица? Какой пламень? Какой пыл? и т. д.

Подлинно пресловутый старик Евклион в Плавтовой «Кубышке» не больше беспокоился о своей кубышке с деньгами, чем эта королева, как я подозреваю, волновалась из-за соли и перстня! Да такой степени, говоря о соли, был неразумен поэт.

Однако не очень-то следует удивляться, разве что кто-нибудь уже слишком погрешит против пристойного, так как ведь и у великих мужей придирчивые критики подметили подобного рода ошибки. Не говоря уже о прочих, даже у главаря поэтов — Гомера́ — много непристойного заметил и собрал Скалигер (книга «Критик», II): потому что Гомер неуместно сказал: «Солнце узнало от вестника о том, что его быки съедены спутниками Улисса»;[5] ведь поэты всюду называют Солнце оком мира, блюстителем всего, покровительствующим всему и всевидящим; затем потому, что он воспел Венеру, раненную рукой смертного и — что еще более безобразно и постыдно — как Ахиллес плачет перед матерью, а Марс — рыдает и стонет; также потому, что он допускает в битвах, где дело должно быть решительным, слишком длинные речи и многое другое. Конечно, справедливо то, что говорит Гораций в книге «О поэтическом искусстве» (359):

И добрый наш старец Гомер иногда засыпает.

Итак, предстоит тщательно следить за тем, чтобы телодвижения, одежда и речь действующего лица соответствовали месту и времени; пусть цари не говорят ничего низменного, а раненые герои не плачут и, как говорит Гораций (там же, 227):

Только совет мой: когда бог какой представляется тут же
Или герой, перед тем появившийся в пурпуре, в злате,
Не непременно, чтоб он говорил, как в харчевне, но также,
Чтоб он, уклоняясь земли, в облаках затерялся.

Чтобы это лучше удавалось, вот несколько примеров. В «Энеиде» (IV, 447) Эней, оставляя Дидону, по велению богов, тронут словами ее сестры Анны, но не побежден.

Так и героя крушат оттуда, отсюда упорно
Просьбы, и чувствует он в великом сердце томленье;
Дух его неизменен; но слезы струятся напрасно.

Почему так? Ведь если бы этот славный и могучий герой был побежден, то он не был бы ни героем, ни могучим, но мягким и нестойким. Напротив, если бы он даже не был тронут слезами,

то страдал бы стоическим бесстрастием и был бы жестоким и свирепым, а Виргилий его всюду называет «благочестивым».

В I книге «Энеиды» Эней, приглашенный Дидоной, посылает Ахата вместо Аскания, который остался на берегу у кораблей: ведь уместно было отцу так беспокоиться за своего сына, мальчика, подающего большие надежды.

Весьма уместным и в высшей степени естественным является известное место в VI книге «Энеиды» (469). Эней, видя Дидону, блуждающую в преисподней, стал умолять простить его за то, что он, следуя внушениям божества, был вынужден ее покинуть, став виновником ее смерти. И что же ответила Дидона?

Та, отвернувшись, глаза устремленные в землю держала,
И не более лик предпринятой трогался речью,
Как если бы твердый утес иль стоял Марпе́сийский камень.
Все же опомнилась вдруг и, ему враждебная, скрылась
В рощу тенистую.

Затем по-разному оплакивает Анна свою сестру, а мать Эвриала своего сына, иначе царь Эвандр — сына Палланта. Вот женский плач, достойный женщины — Анна (Энеида, IV, 672):

Слышит, уже чуть жива, и в ужасе, бегом поспешным,
Лик оскверняя ногтями, сестра, и грудь кулаками,
Рвется сквозь всю толпу, кричит умирающей имя.

И мать Эвриала (Энеида, IX, 477):

Бедная мчится она, растерзавши волосы, с женским
Воплем, несется бегом, безумная, к стенам и прямо
К первым отрядам, забыв о мужах, об опасности грозной
И об оружьи, и так наполняет стонами небо.

Наоборот, Эвандр, когда принесли тело убитого сына, сильно горюет, как это и подобает, но не рвет волос и не уродует лица ногтями (Энеида, XI, 148):

Силы нет никакой удержать Эвандра. Стремится
Он в середину. Упав на носилки, где почивало
Па́лланта тело, к нему он приник со слезами и стоном.

Так же уместно говорит Виргилий (Энеида, V), что Дарет, отправляясь в бой, так как он был молодым воином, гордо поднимает голову, выставляет широкие плечи, размахивает то одной, то другой рукой, ударяя по воздуху. Напротив, там же старец Энтелл, скромно извинившись сначала, храбро принимается за дело.

Также Овидий, по дарованию равный Марону, но уступающий ему в смысле вкуса, все-таки тщательно соблюдает пристойное. Так (Метаморфозы, II, 5), Юпитер обращается с просьбой к Солнцу вернуться к своим обязанностям (так как оно из-за низвержения Фаэтона отказывалось от них); и так как верхов-

ный бог изображен просящим низшего и подчиненного ему бога, то поэт весьма уместно прибавляет:

И к просьбам царственно добавляет угрозы.[6]

Но наиболее удачные и верные примеры в пользу этого можно почерпнуть из речей Аякса и Улисса в споре за оружие Ахиллеса (Метаморфозы, XIII, 1). Аякс, будучи всего лишь простым воином, не искушенным в словесности, говорит горячо, необузданно, бурно, хитро, с пренебрежением и под влиянием необузданного гнева беспорядочно, торопливо и не так многословно. Напротив, речь Улисса, — так как он человек весьма красноречивый и ученый, — полна важных сентенций, потрясает сильными доводами, легко опровергает возражения; это речь более сдержанная, но более сильная, не чуждая ритма и ораторских украшений, поражающая обилием и блеском слов.

ГЛАВА IX

ПРИВОДЯТСЯ ПРИМЕРЫ, ПОДТВЕРЖДАЮЩИЕ УЧЕНИЕ, ИЗЛОЖЕННОЕ В ПРЕДШЕСТВУЮЩИХ ГЛАВАХ. И ПРЕЖДЕ ВСЕГО: СРАВНИВАЕТСЯ ПОЭТИЧЕСКОЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ С ИСТОРИЧЕСКИМ

Для того чтобы представить пред глазами, словно в зеркале, на одном примере все данные выше в этой книге наставления и чтобы основательнее постичь искусство и запечатлеть его в памяти, мы решили, что будет полезным и выгодным привести здесь некоторые произведения знаменитых поэтов и словно перстом указать на применение в них правил искусства. Итак, приведем здесь сначала историческое, а затем поэтическое повествование об одном и том же; из их сопоставления выяснится различие между ними, и тем самым мы лучше уразумеем искусство поэтического повествования.

Печальную историю рассказывает об оскорблении Лукреции Тит Ливий в конце I книги «Истории от основания Рима». То же самое описывает и Овидий равным образом в конце II книги «Фастов». Рассмотрим приемы повествования того и другого писателя.

Историческое повествование о целомудренной римской женщине Лукреции из I книги «Истории» Тита Ливия[1]

Тарквиний, без ведома Коллатина, с одним провожатым, отправляется в Коллацию. Не зная о его намерении, его приняли приветливо и после обеда отвели в спальню для гостей; пылая страстью и видя, что вокруг все безопасно и все спят, обнажив меч, он явился к спящей Лукреции и, схватив ее левою рукой за грудь, сказал: «Молчи, Лукреция; я Секст Тарквиний; в руках

у меня меч; если ты издашь хоть звук, то умрешь». Испуганной со сна, беспомощной женщине, видевшей пред собою смерть, Тарквиний стал признаваться в любви, просить, примешивать к мольбам угрозы, с разных сторон действовал на женский ум. Но видя, что она упорна и не поддается даже пред страхом смерти, он к угрозе присоединяет бесчестие: убив-де ее, он положит с ней зарезанного нагого раба, чтобы говорили, что она убита во время гнусного прелюбодеяния. Когда страсть, победа которой была только кажущейся, одержала при помощи этой угрозы верх над упорным целомудрием и Тарквиний удалился оттуда, гордый бесчестием женщины, опечаленная столь великой бедой Лукреция послала одного и того же вестника в Рим к отцу и в Ардею к мужу, прося их явиться каждого с одним верным другом; так-де нужно и притом очень скоро; случилось ужасное дело. Спурий Лукреций является с Публием Валерием, сыном Волеза, Коллатин с Люцием Юнием Брутом; случайно возвращаясь с ним в Рим, он повстречался с вестником жены. Они находят печальную Лукрецию сидящей в спальне. При прибытии своих она заплакала и на вопрос мужа: «Все ли благополучно?» — отвечала: «Нет. Какое может быть благополучие для женщины, когда она потеряла целомудрие? На твоем ложе, Коллатин, следы чужого мужа; но осквернено только тело, душа ее невинна; смерть моя будет ручаться за то; но дайте руку и слово, что это не пройдет безнаказанно прелюбодею. Секст Тарквиний — тот, который, явившись врагом под видом гостя, в прошедшую ночь насильно с оружием в руках унес отсюда наслаждение, гибельное для меня и для себя, если вы мужи!». Все по порядку дают слово; утешают печальную, слагая вину с оскорбленной на виновника позора: грешит дух, а не тело, и где нет намерения, там нет и вины. «Вы решите, чему он повинен, — сказал она, — я же, не признавая за собой греха, не освобождаю себя от казни; и никакая, нарушившая целомудрие, не будет жить, ссылаясь на пример Лукреции». И она вонзила в сердце нож, который спрятан был под одеждой, и, склонив голову к ране, упала замертво. Муж и отец вскрикнули.

Пока те плакали, Брут, держа пред собой извлеченный из раны Лукреции меч, обагренный кровью, сказал: «Этою не запятнанной царской обидой кровью я клянусь и вас, боги, призываю в свидетели, что буду преследовать Люция Тарквиния Гордого с его преступной женой и всеми потомками мечом, огнем и чем только буду в состоянии и не позволю ни им, ни кому-либо другому царствовать в Риме». Затем он передает нож Коллатину, затем Лукрецию и Валерию, оцепеневшим от удивления, откуда это в Бруте неведомый доселе ум. Они клянутся, как им было приказано; затем, сменив слезы на гнев, следуют

за Брутом, призывавшим прямо оттуда же идти, чтобы отнять силою царскую власть. Вынесши тело Лукреции из дому, они идут с ним на форум и побуждают к восстанию народ, взволнованный неслыханным и возмутительным поступком. Каждый жалуется на царские злодеяния и насилие. Производит впечатление печаль отца, порицания Брута слезам и бессильным жалобам, и совет его — поднять оружие на дерзнувших на безбожное дело: так подобает мужам, так подобает римлянам.

Поэтическое повествование, содержащее то же самое, что и вышеприведенное, из II книги «Фастов» Овидия Назона[2]

В друга личине злодей в коллатинские входит покои;
Все ему рады: родства связан был узами он.
Как ошибается сердце! Сама угощает хозяйка —
Бедная жертва! — врага, козней не чуя его.
Вот и окончился ужин; уж сон себе требует дани;
Ночь воцарилась, и все в доме потухли огни.
Тихо Тарквиний встает, позолоченный меч обнажает,
Тихой крадется стопой в терем стыдливой жены;
Вот он у ложа... «Ни слова, Лукреция! Меч над тобою.
Сын я царя твоего: любит Тарквиний тебя!».
Жертва безмолвствует; силы и голос оставили члены;
Ум помутился, едва держится в теле душа;
Трепет объял ее всю... так в стойле порой одиноком,
Чувствуя гибель, овца в пасти у волка дрожит.
Где ей спасенье? В борьбе? Ненадежна для женщины сила.
В крике? Холодный булат голосу путь преградил.
В бегстве? Железные длани Тарквиния грудь ей сжимают,
Чистую грудь, что чужой раньше не знала руки.
Он ее молит, дары ей сулит, угрожает ей карой —
Тщетны посулы, мольбы, тщетны угрозы его...
«Нет, не уйдешь! — говорит он, — позор твою смерть запятнает:
Хоть я и грешник — тебя в лживом грехе уличу.
Конюх, убитый с тобой, осквернение ложа докажет!».
Страхом стыда сражена, бедная жертва сдалась.
О, не ликуй, победитель! Погубит вас эта победа:
Страшною карой твой род вскоре искупит ту ночь.
День наступил. Та на ложе сидит с расплетенной косою —
Так собирается мать сына в огне хоронить.
В стан за супругом своим и за старцем отцом посылает;
Быстро на жалобный зов к ней поспешают они.
Видят печальный наряд: «Что случилось? Зачем эти слезы?
Кто предается земле? Что огорчило тебя?».
Долго молчала она, покрывалом свой лик осеняя;
Неудержимым ключом слезы текли из очей.
Тщетно супруг и отец утешают ее, о доверьи
Просят... неведомый страх сердце обоим щемит.
Трижды пыталась она; наконец, после страшных усилий,
Не подымая очей, так начинает рассказ:
«Пусть же и это зачтется Тарквинию! Собственной речью —
О горемычная! — свой я раскрываю позор».
И рассказала, насколько могла; под конец лишь признанья

Краска покрыла лицо, голос в слезах утонул,
Оба прощают ей грех подневольный; она ж отвечает:
«В этом прощеньи сама я отказала себе».
Молвила — скрытый кинжал в свое верное сердце вонзила
Брызнула кровь, и к ногам пала отцовским она.
Долго над телом ее, пораженные общею скорбью;
Сан свой высокий забыв, плакали муж и отец.
Вот к ним является Брут; уличая облыжное имя,
Он вырывает кинжал из полумертвой груди
И, поднимая булат, благородной окрашенный кровью,
С ясной грозой на челе молвит бесстрашную речь:
«Внемли, святая! Клянусь этой храброй и чистою кровью,
Духом клянуся твоим, высшей святынею мне:
Кара царя-лиходея с отверженным родом настигнет.
Время, чтоб доблесть из тьмы лик обнаружила свой».
Точно услышав обет, она вдруг шевельнула очами;
Тихим движеньем главы благословила его.
Вот на костре уж сложили жену с богатырской душою;
Слезы текут в ее честь, слышится ропот глухой.
Рана зияет в груди. Крик Брута сзывает квиритов;
Страшный властителя грех он раскрывает толпе.
С родом Тарквиний бежит; получают годичную почесть
Консулы; так для царей день наступил роковой.

Указывается различие между обоими повествованиями

Во-первых, отметь здесь, что Овидий изложил это повествование не чисто поэтически, как и прочее в книге «Фастов». Ведь он не сочиняет героической поэмы, но только упоминает по поводу римских праздников о некоторых вымышленных или подлинных событиях и рассказывает о них кратко и сжато. Поэтому, и в этом рассказе он почти что идет по следам за Титом Ливием, тем не менее, повествование Овидия имеет совершенно отличный вид от исторического повествования. Обрати внимание на различие: историк описывает, как произошло событие, поэт же, вымышляя правдоподобный способ, прибавляет кое-что от себя: как Лукреция долго колеблется, лишенная помощи, долго молчит в присутствии отца и мужа и закрывает от стыда лицо покрывалом, трижды делает попытку и не может заговорить; как, рассказывая о своем несчастье, она говорит только то, что может сказать, а на остальное стыдливо указывают ее слезы и краска на лице; как, умирая, она заботится о том, чтобы пасть с честью; как рухнули на ее тело и лежат, забыв приличие, муж и отец; и, наконец, как умирающая движением глаз и головы одобряет угрозы Брута Тарквинию. Все это отсутствует в повествовании историка.

Затем стиль и украшения различны: поэт восклицает: «как много бывает в душе заблуждений» и т. д. и играет неожиданностями: «сама угощает, козней не чуя» и т. д. и «молит любящий гость» и т. д.; «погубит тебя эта победа» и т. д.; «жена

с богатырской душой». Поэт, чего не допускает историк, — пользуется уподоблениями: «трепет объял ее всю... так в стойле порой» и т. д.; также «так собирается сына» и т. д., что было бы излишним в истории. О чем историк пишет кратко, то у поэта — более подробно. Первый говорит: «Беспомощная женщина видит неминуемую смерть»; последний усиливает эти слова: «где ей спасенье» и т. д. Итак, те фигуры, которые удивительно уместны в поэтическом произведении, в истории совершенно невыносимы. Например, неожиданная апострофа: «тихой крадется стопой в терем» и т. д., и вот эта другая фигура с вопросом: «о, не ликуй, победитель» и т. д.; эпифонема: «увы, во что обойдется царству» и т. д.: удвоение: «тогда впервые чужой» и т. д. и другая: «ни мольбой, ни дарами» и т. д. и двойная частица «трижды». Всего этого в сочинении Ливия и не должно было быть.

ГЛАВА X

О ТРАГЕДИИ, КОМЕДИИ И ТРАГИКОМЕДИИ

Трагедия есть стихотворное произведение, воспроизводящее в действии и речах действующих лиц важные деяния знаменитых мужей и главным образом превратности их судьбы и их бедствия.

Комедия же есть стихотворное произведения, которое шутливо и остроумно изображает в действии, равно как и в речах действующих лиц, общественную и частную деятельность простого люда для наставления в жизни и в особенности для обличения дурных нравов людей.

Из этих двух родов составляется третий смешанный род, называемый трагикомедией, или, как Плавт предпочитает называть его в «Амфитрионе», — трагедокомедией, так как именно в нем остроумное и смешное смешивалось с серьезным и грустным и ничтожные действующие лица — с выдающимися. Такова драма Плавта, которая называется «Амфитрион».

Трагедия отличается от комедии тем, что первая изображает печальное — важные деяния, значительные судьбы выдающихся людей, последняя же, наоборот, воспроизводит достойные смеха похождения незначительных личностей. Но обе они — комедия и трагедия — отличаются от эпопеи тем, что в этой последней поэт ведет изложение преимущественно от одного лица, а не посредством действия; в трагедии же и комедии — одновременно: и в действии, и в речах действующих лиц. Относительно всех трёх родов здесь нужно сделать несколько замечаний.

а) Заглавие драмы (а под драмой понимается комедия и трагедия) обычно берется по имени местности, или от предмета,

или лица, играющего главную роль в действии. По имени местности у Плавта, говорят, названы «Брундизиянка», у Теренция — «Андриянка», у Сенеки — «Фиваида»; по предмету (под предметом следует понимать выдающиеся события или орудия) у Плавта названы «Кубышка», «Привидение», «Пленники» и т. д.; однако чаще всего заглавие берется от имени главного действующего лица, например у Сенеки: «Неистовый Геркулес», «Геркулес на Эте», «Агамемнон», «Медея», «Ипполит», «Октавия» и т. д.

б) Драма подразделяется двояко: на действия, или главные разделы фабулы, и на сцены, т. е. части частей. Об их порядке и числе заметь следующее:

1) В драме должно быть не меньше и не больше пяти действий; об этом мы узнаем из правила Горация,[1] и примером служат почти все драматические писатели, как трагики, так и комики.

2) Хотя под действиями понимаются преимущественно лишь разделы драматического произведения, однако наставники соблюдают такую их последовательность, чтобы в первом действии излагалась та часть произведения, которая составляет суть всего ее содержания, и это действие в трагедии носит название пролога или протазиса; а в комедии пролог находится вне действия; он является именно предисловием, предпосланным всему произведению; во втором действии пусть начинается развитие самой фабулы, что называется «эпитасис»;[2] в третьем действии вводятся препятствия и замешательства — эта часть называется «катастасис»;[3] в четвертом действии фабула пусть близится к концу, что также относится к катастасису; в пятом действии пусть будет развязка всей фабулы; и эта последняя часть обычно называется катастрофой.[4]

3) Сцена, — по-гречески *skini*, т. е. сень, — называется так оттого, что первые авторы комедий осеняли внутренность театра сплетенными зелеными ветвями деревьев. Сцена — это такая часть действия, в которой вступают в разговор два лица или больше, а иногда вводится только одно.

4) Сцен в действии может быть несколько, но число их не должно превышать десяти; в трагедии же нередко сцена занимает целый акт, как это можно наблюдать у Сенеки.

5) Другая сцена начинается только тогда, когда либо появляется новое лицо, либо одно, уходя, оставляет других разговаривающими.

6) Некоторые отметили — и правильно — на основании ряда примеров из разных авторов, что в одной и той же сцене не должно разговаривать больше трех действующих лиц, хотя участвовать в сцене может и большее количество.

7) Заслуживает также внимания и еще одно обстоятельство, а именно, что все действующие лица не должны покидать театр иначе, как только по окончании действия, но из одной сцены до другой всегда должно оставаться хотя бы одно лицо.

в) Кроме того, в трагедии есть хор; однако его не следует, как кажется, считать отдельной частью произведения, так как он вне действия произведения. Хор — это пляска в дополнение к пению; однако под словом «пляска» здесь не следует понимать одни только веселые, происходящие от душевного ликования телодвижения, которые трагедия едва ли потерпела бы; там это некое искусное соединение жестов и поступи, в дополнение к пению. В хоре может участвовать одновременно много лиц, но все считаются за одно лицо, потому что, когда один запевает, все остальные движутся либо все вместе поют и разыгрывают одно и то же. Хор всегда вводится после действия и выражает переходы и перемены обстоятельств и судеб.

г) В комедии содержание всегда вымышлено. Содержание же трагедии берется по большей части из истории или из известного сказания, хотя иногда также может быть вымышленным. Впрочем, касается ли трагедия вымышленного или основанного на действительности содержания, его следует излагать тем способом, о котором мы уже упомянули выше в главе о героической поэме, т. е. нас не заставляют выводить все вполне соответствующие действительности действия, как они передаются историком, но разрешается и от себя правдоподобно присочинить как действующих лиц, так и самые действия.

д) Что касается актеров либо действующих лиц: не следует выводить всех участников данного события. Например, если в трагедии обрабатывается история убийства императора Маврикия,[5] то не следует выводить на сцене рядовых солдат, толпу простых граждан, телохранителей и прочих царских слуг. Надо вводить только тех действующих лиц, которые совершили нечто выдающееся, заметное и исключительное в игре их судьбы. Поэтому множество занятых разговором действующих лиц является недостатком, но, как считает большинство авторов и как мы убеждаемся из примеров, в целой драме не бывает больше четырнадцати или пятнадцати действующих лиц, кроме статистов и лиц без речей; в противном случае нельзя будет избежать беспорядка и длиннот.

е) Комедию следует писать в простом, деревенском, простонародном стиле, соответственно тому, какие в ней действующие лица. Наоборот, трагедия, которая заключает в себе великие подвиги знаменитых людей, нуждается в серьезном и возвышенном роде письма. Поэтому Овидий говорит:

Важностью между письмен трагедия всех побеждает.[6]

Следовательно, трагедия должна быть исполнена душевных движений, значительных мыслей, более звучных, чем обычно, слов и истинно царской перифразы. Наконец, если уж какое-либо другое поэтическое произведение должно сохранять благопристойность, так в особенности трагедия; но об этом мы подробнее уже говорили выше.

ж) Не все происходящее следует изображать на сцене, но кое-что надо давать в рассказе беседующих лиц: в особенности же все то, что не заслуживает доверия, как малоправдоподобное или же по своей чудовищности и гнусности не достойное взоров зрителей. Поэтому-то Эсхил, по свидетельству Аристотеля (в книге «О поэтическом искусстве»),[7] удалил со сцены убийства и заставил вестников рассказывать о них, так же как и у Сенеки в «Агамемноне» пророчица Кассандра рассказывает об убийстве, словно она там присутствовала и видела, хотя ее там и не было. Полезно вспомнить здравое наставление Горация по этому поводу (кн. «О поэтическом искусстве», 182):

Однакож на сцене
Ты берегись представлять, что от взора должно быть сокрыто
Или что скоро в рассказе живом сообщит очевидец.
Нет, не должна кровь детей проливать пред народом Медея,
Гнусный Атрей перед всеми варить человеков утробы,
Прокна пред всеми же в птицу, а Кадм в змею превратиться.
Я не поверю тебе, и мне зрелище будет противно.

Сюда следует отнести и священные таинства нашей веры: бескровную жертву, крещение и прочее в этом роде, которое не подобает выставлять на сцене из-за возвышенного величия.

з) Кроме того, надо в особенности знать следующее: в трагедии не должно представлять в действии целую жизнь какого-нибудь человека, а также одно деяние, окончившееся в течение многих месяцев или лет, но только такое одно действие, которое произошло или могло произойти в течение двух или по крайней мере трех дней. Поэтому, если это действие зависит от многих предшествующих, последние изображаются в рассказе какого-либо действующего лица.

ГЛАВА XI

О СТИХОТВОРНЫХ РАЗМЕРАХ, ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ В ТРАГЕДИЯХ

Как гекзаметр для эпопеи, так ямб применяется главным образом для трагедии. Его создателем, по общему мнению, считается Архилох. Так, например, Гораций говорит (Об искусстве поэзии, 79):

Яростный ямб изобрел Архилох, — и низкие сокки,
Вместе с высоким котурном усвоили новую стопу.

К разговору способна, громка, как будто родилась
К действию жизни она, к одоленью народного шума.

Существует два вида ямба: один — совершенный, имеющий краткий предпоследний слог; другой — несовершенный, на последнем месте у которого находится спондей. О том и другом говорит Овидий:

Вольный ямб устремляется навстречу врагам или поспешно,
Или хромает на последнюю стопу.

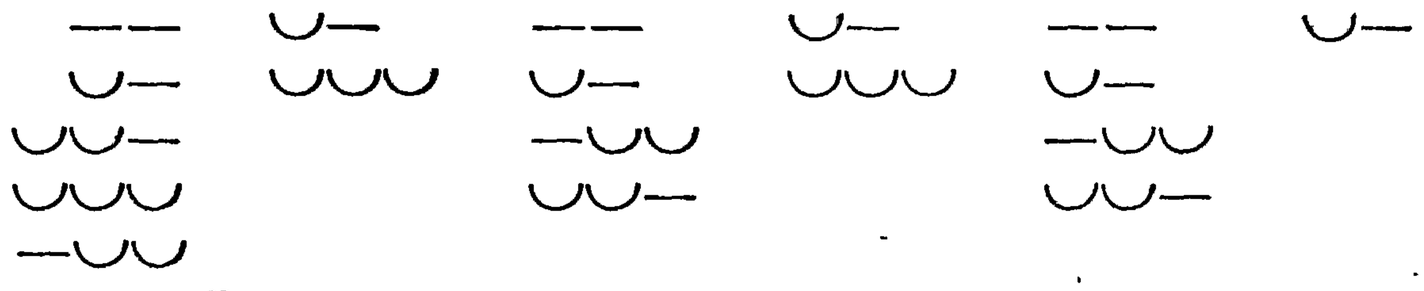
Далее, одни ямбические стихи называются чистыми, если состоят из одних только ямбов. Например:

Блажен мне тот, кто суеты не ведал.[1]

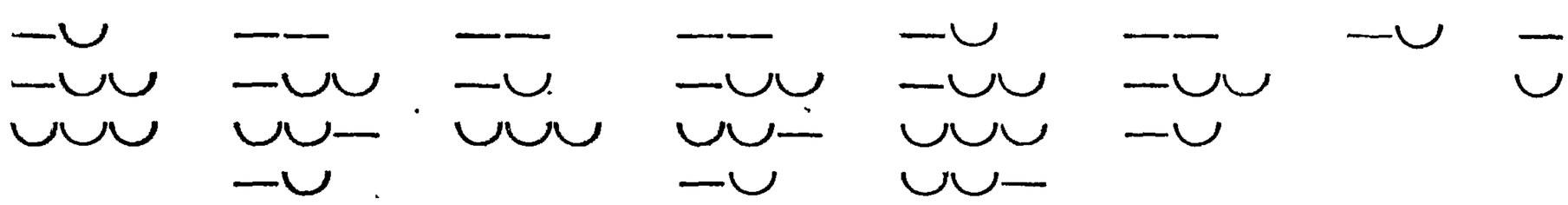
Их создателем, собственно, и является Архилох. Гораций свидетельствует о себе, что он первый ввел их в латинскую поэзию: [2]

Ибо первый паросские ямбы
Лацию я показал; Архилоха размер лишь и страстность
Брал я.

Но трагик не применяет эти чистые ямбы, разве что случайно, ради красоты: ведь трагедия обычно пишется не чистыми ямбами, схема которых такова:



Трохаический стих имеет следующую схему:

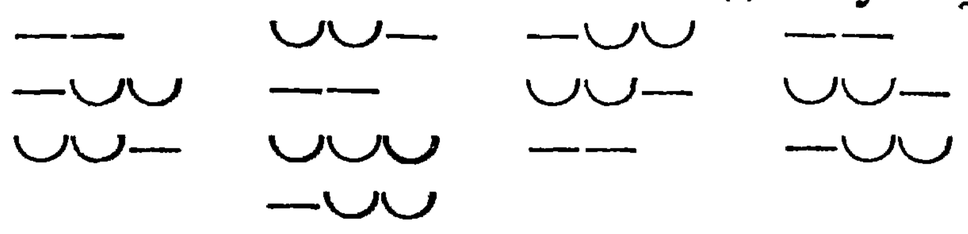


Supplicis, animae, remissis currite ad thalamos meos.[3]

MEDEA.

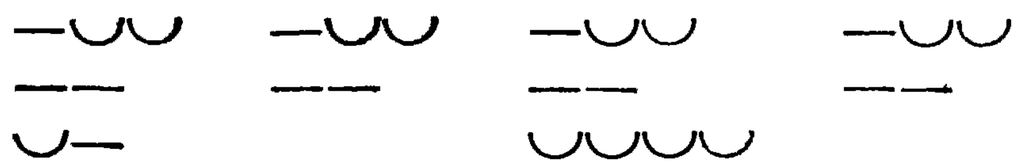
Ultimo quodque Proteus aequoris abscondit sinu.[4]

Анапест получил название от господствующей стопы.



Qui vultus Acherontis iniqui.[5]

Дактилический:



Extimuit manus insueta aevi.[6]

Асклепиадов стих или хориямб:

—— —⏑ —⏑⏑ —⏑⏑
—⏑⏑ ——

Ut primum magni natus Agenoris
Sub nostrae, ramis constitit, arboris.[7]

Гликоней назван от имени его создателя Гликона,[8] именуется также и хориямбическим триметром:

—— —⏑⏑ —⏑⏑
—⏑⏑ ——

Tibur dum putat ululat.[9]

Простонародный или одиннадцатисложный стих:

—⏑ —⏑⏑ —⏑ —⏑ —⏑

Ter modo Antiacae graves catervae.[10]

Сапфический:

—⏑ —— —⏑⏑ —⏑ —⏑
——

Адоний:[11]

—⏑⏑ ——
—⏑

Et tuas lento remeare bigas
Candida Phoebe![12]

Если же приходится сочинять трагедию на славянском или польском языке, то наиболее пригодным для этой цели представляется тот стих, что состоит из тринадцати слогов, причем соблюдается следующее правило: следует только изредка заканчивать мысль вместе с завершением стиха, но почти всегда переносить ее из одного стиха в другой, иначе может сильно уменьшиться трагическая торжественность.

КНИГА III

О БУКОЛИЧЕСКОЙ, САТИРИЧЕСКОЙ, ЭЛЕГИЧЕСКОЙ, ЛИРИЧЕСКОЙ И ЭПИГРАММАТИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ

ГЛАВА I

О ПОЭЗИИ БУКОЛИЧЕСКОЙ И САТИРИЧЕСКОЙ

Буколическая поэзия есть подражание сельским действиям, она подобна комедии, но разница между ними в том, что первая затрагивает также и дела гражданские, последняя же касается только поселян. Буколическая поэзия почти всегда бывает аллегорической. Желая изобразить хорошее или дурное переживание

или успехи — свои или чужие, — поэт придумывает двух или больше сельских лиц, под видом которых подразумевает совсем других — о них-то он собственно и пишет — и заставляет их вести между собою беседы о полях, о козах, о молоке, о волах и т. д.; он подразумевает, однако, под этими предметами: желания, благодарность, похвалы, завистливую враждебность, жалобы, радость и т. д. Например, Виргилий в первой эклоге под именем пастуха Титира изображает себя и свою счастливую судьбу и благодеяния Цезаря, которого он называет богом.

Названия эклогам даются по имени главного пастуха; пишутся они гекзаметром, потому что этот род стиха в особенности пригоден для повествования о подобных делах и прекрасно передает сельскую медлительность. Следует избегать всяких блестящих слов или мыслей, торжественности и периодов, так как это противоречит скромной обстановке. В «Буколиках» следует употреблять стихи, в которых на первом и четвертом месте стопы оканчиваются полными словами, в особенности дактилическими. Например, Виргилий (Эклога II, 56).

Ты простоват, Коридон, и к дарам равнодушен Алексид.

Также Эклога III, 96.

Титир, пасущихся козочек ты отгони от потока!

Пользуется также известностью поэтическое произведение, называемое сатирическим или сатирой, от имени шаловливых лесных языческих божеств-сатиров, язвительных и насмешливых. Поэтому, разумеется, и сатира должна быть язвительной и остроумной, бичуя человеческие пороки. Пишется она гекзаметром.

Сатира не имеет никаких определенных частей, поэт по своему усмотрению может разрабатывать в ней свой замысел.

Однако, бичуя порочные нравы и стараясь их исправить, сатира должна остерегаться, как бы скорее не причинить вреда и не раздражить души, вместо того чтобы исцелить. В сатире следует соблюдать то, что обычно делают врачи, давая горькое лекарственное питье больным детям. Об этом так говорит Лукреций:

Если ребенку врачи противной вкусом полыни
Выпить дают, но всегда предварительно сладкою влагой
Желтого меда кругом они мажут края у сосуда;
И, соблазненные губ ощущеньем, тогда легковерно
Малые дети до дна выпивают полынную горечь;
Но не становятся жертвой обмана они, а напротив,
Способом этим опять обретают здоровье и силы.[1]

Таким же образом следует до некоторой степени умерять едкость сатиры какой-то поэтической сладостью; для этого со-

держание ее должно быть разнообразным: много острых мыслей, привлекательные вставные маленькие рассказы и все прочее, что служит для развлечения, да и слог не должен быть возвышенным, а похожим на обыденную речь и легко понятным. Лиц поименно не следует затрагивать, но применять вымышленные от себя, лучше всего греческие имена, обозначающие какой-либо порок, или же их можно брать из Марциала, Горация и Ювенала. Например: Гаргилиан, Понтилиан, Туск, Постум и т. д.

ГЛАВА II

ОБ ЭЛЕГИИ, ОДЕ И ПЕНТАМЕТРИЧЕСКОМ СТИХЕ

Элегия, как гласит ее название, есть некое печальное поэтическое произведение. Об этом говорит Овидий:

> Жалобная элегия, расплети недостойные волосы!
> Ах, слишком верным будет теперь твое название.[1]

Сначала именно в этом роде воспевали исключительно печальные события, а затем начали затрагивать всевозможные предметы. Об этом упоминает Гораций (О поэтическом искусстве, 75):

> Прежде в неравных стихах заключалась лишь жалоба сердца,
> После же чувства восторг и свершение сладких желаний.

Поэтому и Овидий также в этом поэтическом роде сочинил книгу «Фастов». Мне лично кажется, впрочем, что хотя элегия и не всегда должна иметь печальное содержание, все же ей всего больше подходит содержание, исполненное переживаний, гнева, любви, радости, скорби и т. п.

Элегия не имеет никаких твердо установленных правилом частей, разве что поэт выберет их по собственному усмотрению, т. е. поэт задумывает выразить одну какую-нибудь мысль, или две, или больше и излагает их подробнее.

Стиль элегий должен быть средний или цветистый, слова — отобранные, но не слишком напыщены, изречения немногословны, уподобления — кратки, примеры — подобраны в небольшом числе: либо подобные, либо противоположные, фигуры должны встречаться чаще, главным образом такие, что служат для изображения переживаний. Лучше всего, чтобы элегия изображала сильные и пылкие страсти, о которых читай выше, где было сказано о пафосе.[2]

Относительно стиха, которым пишется элегия, ограничимся здесь лишь немногими замечаниями:

1) Итак, элегия пишется, следовательно, гекзаметром и пентаметром, соединенными попеременно. По поводу этих стихов

следует знать следующее правило: мысль не должна переходить за пределы пентаметра в другой гекзаметр, но оставаться в каждом отдельном пентаметре; а еще незаконченную мысль, повторяю, можно растянуть на большее число дистихов, пока она вся не закончится.

2) Пентаметрический стих (ведь о гекзаметре мы сказали выше) лучше всего оканчивать на двухсложное слово, что явствует из многих примеров; неплохо также, когда он кончается четырехсложным; на трехсложном же — не так хорошо.

3) Односложное слово довольно красиво в конце, если элидируется предшествующая гласная. Например, Овидий:

Et solum constans in levitate sua est.[3]

Или если ему предшествует другое односложное слово. Например, Овидий:

Praemia si studio consequar ista; sat est.[4]

Но все же такой Катуллов стих тяжел:

Aut facere, haec a te dictaque factaque sunt.[5]

4) В цезуре равным образом односложное слово некрасиво, например Катулл в эпиграмме против Цезаря:

Nec scire utrum sis, albus an ater homo?[6]

Но менее некрасиво, если ему предшествует другое односложное слово. Например, Овидий:

Magna tamen spes est in bonitate dei.[7]

5) Гораздо более неприятным будет стих с цезурой, оканчивающейся на гласный, который элидируется последующим гласным; ведь ясно, что тогда не будет цезуры. Такого рода недостатков не избежал Катулл, например:

Quam veniens una atque altera rursus hiems.[8]
Cessarent neque tristi imbre madere genae.[9]

Обрати внимание также, что после цезуры следует, хотя и не особенно тщательно, избегать элизии.

6) Изящным является стих, в котором стопы после цезуры соединяются связью слов. Например, Овидий:

Semper ab Euboicis tela retorquet aquis.[10]
Nam spes est animi nostra timore minor.[11]
Temporibus non est apta corona meis.[12]

Для сочинения элегий на нашем родном языке наиболее подходящим представляется стих hendecasyllabus, или одиннадцатисложный.

ГЛАВА III

О ЛИРИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ

Лирическая поэзия получила название от лиры — музыкального инструмента, под аккомпанемент которого обычно пели стихи. Это есть искусство сочинять короткие песни, которые сперва пелись в честь богов, героев и знаменитых мужей, а впоследствии были применены к какому угодно содержанию. В лирических стихотворениях, следовательно, выражаются радость, торжество, желания, увещания, хвалы и порицания не только лиц, но и животных, предметов, времен и мест. Это ясно для читающего Горация и прочих лириков.

Песни эти называются по-гречески одами; причем одни из них носят название просто «оды», другие — «гимны», третьи — «дифирамбы».

Гимны — это песни, содержащие хвалы Богу и святым. Оды заполняются другим содержанием.

Дифирамбы в древности воспевались во славу одного только Вакха, теперь же их можно сочинять по любому веселому поводу. Оды и гимны состоят иногда из одного рода стихов, иногда из двух и иногда, наконец, из многих; причем соблюдается определенное правило: после нескольких разнородных стихов необходимо возвращаться к первому роду.

Итак, соответственно числу и категории стихов возникают также и различные виды од и гимнов. Притом соответственно числу ода бывает монострофической; такая ода, так как в ней все стихи одного рода, в отдельных стихах заканчивает отдельные строфы или повороты. Другая же ода — дистрофическая; она после двух стихов разного рода возвращается к первому роду. Третья — тристрофическая, которая возвращается после трех стихов. И, наконец, тетрастрофическая, которая после четырех возвращается к первому роду.

Монострофическая ода встречается у Горация (Оды, I, 1):

Славный внук, Меценат, праотцев царственных,
О отрада моя, честь и прибежище! и т. д.

Дистрофическая: (Оды, I, 3):

Пусть же правят тобой, корабль,
Мать-Киприда, лучи братьев Елены — звезд.

Тристрофическая ода очень редка, и у Горация, насколько я знаю, она всего одна (Оды, III, 12):

Дева бедная не может ни Амуру дать простора... и т. д.

Тетрастрофические оды встречаются чаще всего: таковы сапфические размеры и многие другие у Горация. Так различаются оды сответственно числу строф.

Иначе делятся оды по стихотворным размерам, соответственно тому, сколько стихов разного рода заключает поворот строф. Таким образом, ода, имеющая однородные стихи, называется одночленной. Заметь, однако, что она не может быть одночленной, если не будет одновременно и монострофической, так как не может быть поворота строф, если все стихи однородны.

Далее, двучленной бывает ода, содержащая два, трехчленной — три, четырехчленной — четыре стихотворных размера. Одночленной, следовательно, является всякая монострофическая ода — и наоборот.

Двучленная же может быть вместе с тем и дистрофической, как например ода 4, I книги Горация:

Снег последний сошел... и т. д.

или тристрофической, как цитированная выше: или же одновременно и тетрастрофической, каковы все сапфические стихотворения. То же самое следует сказать и о других. Впрочем, было бы слишком длинно перечислять простые или смешанные размеры стихов, которыми пишутся оды. Все эти размеры можно встретить у главного среди лирических поэтов — Горация.

Дифирамб же, образец которого редко можно встретить у латинян, есть не что иное, как некая радостная ода, связанная строфами без всякого определенного порядка; она смешивает как попало различные стихи и выступает то в гекзаметрах, то в сапфических стихах, то в фалэкийских, то, наконец, в гликонеях. Так как это стихотворение было посвящено Вакху, то оно и сочинено по аналогии с тем, которое воспевали неистовые вакханки без всякого порядка.

Стиль лирических стихотворений должен быть сладостным; в них необходимо применять все фигуры, которые способствуют услаждению. Ведь подобно тому как в героической поэме и в трагедии достоинством является величие, в буколическом стихотворении — простота, в элегическом — нежность и мягкость страстей, в сатире — едкость, в комедии — шутки, в эпиграмме — остроумие, так в лирическом стихотворении главное достоинство — сладостность.

Поэтому следует всячески украшать лирические оды: расположением стоп, цветами слов и мыслей, отделанностью и блеском.

ГЛАВА IV

ОБ ЭПИГРАММАТИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ И ПРЕЖДЕ ВСЕГО ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ И РАЗДЕЛЕНИИ ЭПИГРАММ

Эпиграмма означает «надпись» и получила свое название по ее происхождению, так как ведь на могилах, на зданиях, в памятных местах или на каких-нибудь скалах писались надписи в знак победы, битвы или другого события. Эти надписи, сперва грубые, потом были искусно отделаны учеными поэтами, и возник новый род поэм. Но как мы уже сказали относительно элегии, так и эпиграмма сначала служила одной потребности, именно — для надписей на предметах, впоследствии же эпиграммы стали писать по любому поводу. Это можно сказать и вкратце изъяснить следующим образом: эпиграмма есть краткое стихотворение, указывающее на какой-либо предмет, лицо, на отдельный поступок или на многие деяния либо просто, либо с присоединением остроумного вывода из описания. Слова «просто или с присоединением вывода» прибавлены потому, что эпиграмма вообще бывает двух родов — простая и сложная. Первая только указывает или излагает что-либо; последняя же из указанного предмета выводит нечто остроумное и тонкое. Известная простая эпиграмма написана Энеем на щите Абанта (Энеида, III, 288):

Дар Энея, победных Данаев вооруженье.

И известная эпиграмма, которую Виргилий, умирая, сделал себе как бы надгробной надписью:

В Мантуе я родился, в Калабрии умер. Неаполь
Прах мой сокрыл. Я воспел пастбища, села, вождей.

Приведенные эпиграммы ведь не что иное, как изложение предмета.

Но в ином роде следующая эпиграмма, начертанная на могиле Фаэтона его сестрами (Овидий, Метаморфозы, II, 4):

Здесь погребен Фаэтон, колесницы отцовской возница,
Хоть не сдержал он ее, но, дерзнув на великое, пал он.

И известная эпиграмма его же на могиле Кайеты (Метаморфозы, XIV, 10):

Здесь Кайету — меня — благочестьем известный питомец
Из арголийских огней спасенную, сжег по обряду.

Приведенные эпиграммы, повторяю, не только излагают свой предмет, но еще и делают из этого изложения некоторый остроумный вывод. Первая говорит не только о том, что здесь погребен Фаэтон и что он был возничим отцовской колесницы, но и то, что он пусть не свершил великого, однако дерзнул, во

второй же говорится о кормилице Энея Кайете, спасенной некогда из пламени арголийского пожара и после смерти преданной сожжению по древнему обряду. Вместе с тем, однако, она указывает на то, что то и другое деяние благочестиво совершил Эней, так как он вырвал кормилицу из рук врагов во время гибели Трои и отдал ей последний долг.

Впрочем, здесь обрати внимание на двойное, как я замечаю, заключение. Первое заключение — открытое, так как оно ясно выведено независимо от предмета, как например в следующей эпиграмме Марциала (книга II):

Цезарь, такое ж в тебе уважение к правде и благу,
Как и у Нумы, но ведь Нума-то был бедняком.
Это претрудная вещь, не предать чтобы нравов богатству,
Стольких и Крезов затмив, Нумою все пребывать.

Здесь из добродетели Цезаря — умеренности — выводится общее нравственное положение независимо от его деяний. Второе же заключение скрытое, так как вывод как бы путем эмфазы понятен из самого предмета, как например в приведенных выше эпиграммах, взятых из Овидия.

ГЛАВА V

О ЧАСТЯХ И ОСОБЫХ ДОСТОИНСТВАХ ЭПИГРАММЫ

Эпиграмма имеет две части: экспозицию и клаузулу.

В экспозиции кратко излагается вся суть: либо излагается какой-либо факт, либо высказывается похвала или порицание чему-либо: обвинение, осуждение, убеждение, разубеждение и все, что допускается в том известном тройном роде речи.

В клаузуле же делается тот остроумный вывод, о котором будет сказано ниже.

Главных достоинств эпиграммы три: краткость, приятность и остроумие; их число описал Марциал в очень изящном двустишии, сравнивая эпиграмму с пчелой:

Пусть всякая эпиграмма будет словно пчела: пусть у нее будет жало, свой мед, и пусть она будет незначительных размеров.

Незначительными размерами тела пчелы Марциал намекает на краткость, медом — на сладостность, жалом — на остроумие или остроту.

Краткость неопределенна; бывает даже одностишие; как например знаменитая Марциалова:

Бедным хочет Цинна казаться; и точно — он беден.[1]

У него же некоторые эпиграммы превышают даже двадцать стихов. Когда кто-то упрекнул его за это, он ответил следующей шутливой эпиграммой:

Ты упрекаешь, Велокс, что длинно пишу эпиграммы,
Сам не пиша ничего, пишешь короче ты их.[2]

Впрочем, слишком пространные эпиграммы менее желательны. Однако не следует опасаться строгого и жесткого правила, в силу которого кто-то предписывает сочинять эпиграмму не больше чем из двух стишков:

Всякая эпиграмма, которая состоит из двух стихов, нравится. Если больше стихов, то ты назовешь это книгой, а не эпиграммой.

Сладостность, которую писатели требуют главным образом от лирической поэзии, подобает и эпиграмме. Каким образом она достигается, выслушай вкратце:

1) Словами.
2) Изображением вещей.
3) Путем ритма или размера.
4) Украшением.
5) Страстями.

Скажем о каждом в отдельности и кратко.

Итак, сладостность порождают те слова, которые сами являются сладостными, созвучны предметам по быстроте или медленности, это не слова обыденные, а отобранные и звучные, так что сдается, будто они не проникают, а прямо текут в уши. Таких много у Марциала.

Сладостность возникает от предметов, услаждающих чувства и самих по себе радующих душу. Таких предметов пять родов, соответственно числу чувств. Одни услаждают зрение, как-то: светила, звезды, приятные местности, сады, цветы, молодые леса, ручейки, источники, краски, различные украшения и пр.; иные — слух, как: музыкальные звуки; иные те, что услаждают нёбо, например: мед, амброзия, нектар и пр.; иные ласкают обоняние, например: запахи, пряности и пр.; иные — осязание, например: нежность и мягкость. Есть и шестой род предметов, которые не воспринимаются телесными чувствами, но чаруют только душу, каковы добродетели.

Также из размера или стиха, если соблюдается то изящество, о котором мы упоминали, когда шла речь о героическом стихе и о пентаметре. Кроме того, необыкновенная сладостность возникает от некоего соответствия между собой и созвучия стихов или когда начало гекзаметра одинаково с концом следующего пентаметра, например:

День, Светоносец, даруй, что медлишь ты с радостью нашей?
С тем, чтобы Цезарь пришел, день, Светоносец, даруй.[3]

Или когда совпадают начала двух стихов: примеров ты найдешь много всюду; или когда непрерывно либо чередуясь стихи

всей эпиграммы состоят из мало измененных слов или из словесных созвучий. Например, Марциал, X, 33:

Пусть Сульпицию все девы читают,
Что хотят одному нравиться мужу,
Также Сульпицию пусть мужья все читают,
Что одной быть хотят милы супруге.

Или же когда один и тот же стих ставится в начале и в конце эпиграммы, как например известная эпиграмма Катулла:

Что это значит, Катулл? Зачем ты медлишь умереть?
На курульном кресле восседает зобатый Ноний.
Ватиний клянется консульством и лжет при этом.
Что это значит, Катулл? Зачем ты медлишь умереть? [4]

Что касается украшений, то олицетворение, метафора, аллегория, апострофа (сами по себе, или по отношению к неодушевленным предметам, или к тем, которые не являются лицами), умолчание, восклицание, разделение и т. п. — создают великую сладостность. Но обо всем этом приходится упомянуть лишь вкратце, чтобы не причинить ущерба краткости.

Страсти, о которых мы также вкратце говорили в книге II, делают эпиграмму сладостной, когда мы с сильным подъемом и выразительностью изображаем скорбь, любовь, благочестие и пр. Возьмем для примера следующую прекраснейшую эпиграмму неизвестного автора, оплакивающего в ней своего друга:

Похищен у меня друг Крисп: если бы можно было отдать за него выкуп, я с радостью отдал бы свою жизнь! Теперь лучшая часть моего существа меня покинула. Крисп — моя опора, радость, сердце, утеха: без него нет уже никакой радости — так будет думать моя душа. Истощенный и немощный, я буду мучительно жить: нет уже больше половины моего существа.

ГЛАВА VI

ОБ ОСТРОУМНОЙ КЛАУЗУЛЕ ЭПИГРАММЫ

Остроумие, которое мы признали третьим достоинством эпиграммы, требует особого рассмотрения, так как оно крайне необходимо и важно для эпиграммы, придавая ей жизнь и душу.

Итак, остроумие или острота возникает тогда, когда в содержании открывается нечто неожиданное для слушателя или даже противоположное ожиданию. Например, Катулл говорит, что имение бедного Фурия лежит не в сторону какого-либо ветра, — Борея или Аквилона, — а заложено кредиторам за долги:

Фурий, наше именьице заложено не там,
Где дует Австр, ни там, где — Зефир,
Ни, где — суровый Борей, ни, где — Апелиот,
Но заложено за пятнадцать тысяч двести сестерциев.
Какой странный и пагубный ветер! [1]

Ясно, что вывод здесь неожидан; а прекрасная эпиграмма Марциала на скупого Калена дает противоположный вывод (кн. I, 100):

Было два у тебя миллиона неполных,
Но до того был щедр, до того доброхотен
И так мил ты, Кален, что друзья все желали,
Чтобы ты получил миллионов десяток.
Бог услыхал желания наши и просьбы,
И в теченье семи, полагаю я, месяцев дали
Четверо мертвых тебе количество это.
Ты же, словно тебе не оставлено было,
А похищено десять твоих миллионов,
До такого дошел, бедняк, голоданья,
Что почетные, пышные пиршества, кои
В целый год ты только однажды готовишь,
Отбываешь за грязные медные деньги.
И семь старых твоих сотрапезников, стоим
Все мы тебе свинцовых только полфунта.
Станем чего же молить мы подобным заслугам?
Сто миллионов тебе мы, Кален, пожелаем.
Если получишь ты их, с голоду сгибнешь.

Здесь ты видишь противоположное ожидаемому: ведь можно было ожидать, что Марциал ничего не пожелает скупому приятелю и ни о каком достатке не будет молить богов для него, но Марциал, напротив, шутливо говорит, что он ему желает многого: пусть бы скупец погиб от голода; это само по себе противоположно ожиданию, но подходит к этому скупцу, который был чем богаче, тем скареднее, так что довел себя до крайней степени истощения.

Откуда черпать подобного рода неожиданные заключения — нет определенного правила; их источником у каждого поэта является его счастливая одаренность. Вот почему это антономатически называется сообразительностью, из-за развития такого рода мышления или выдумки.

Все же я приведу здесь некоторые источники.

1) Изящная аллегория или метафора. Такова известная эпиграмма Марциала (IV, 75):

Кроет Азия и Европа юных Помпеев,
А самого-то земля Ливии, коль он покрыт.
Дивно ли, что по всему их раскинуло миру? На месте
Том же улечься нельзя было останкам таким.

2) Сравнение, т. е. когда сравнивается против ожидания либо большее с меньшим, либо меньшее с большим или же когда утверждается, что неравно равное равному. Такова известная эпиграмма Марциала (Книга зрелищ, 6):

Что воинственный Марс тебе служит оружьем победным,
Цезарь, все мало: сама служит Венера тебе.

Распростертого льва в обширной Немейской долине
Благородным молва чтила Геракла трудом.
Сказке старинной молчать: с твоими щедротами, Цезарь,
Это зовем мы теперь подвигом женской руки.

3) Остроумие бывает блестящим, когда утверждается, что часть равна или больше целого. Так, Цицерон, видя, что на большой картине нарисован его брат только до половины, сказал, что половина его брата больше, чем весь его брат.

4) Игра словами с помощью парономасии: либо мы утверждаем что-либо о предмете в силу созвучия слова, либо отрицаем. Такова чья-то эпиграмма:

У блохи и комара есть некое сходство, Павел: один, прежде чем укусить, поет, а другая — прыгает.

И следующая эпиграмма на святую Варвару:

Как Парки щадят, как рощи светят светом, как война прелестна: так я — Варвара.

К этому случаю подходит, когда мы называем имя вещи или лица и остроумно переносим на него кажущееся значение, хотя действительное значение иное. Так у Кохановского: [2]

Король Ягелло разбил крестоносцев, а пан Крупа хочет быть таким же; напрасно иссушает мозг, бедняга; крупа ягеллой быть не может.[3]

А также Марциала (кн. I, 10):

Котта, ты хочешь предстать человеком великим и милым,
Но ведь, Котта, кто мил, — крошечный тот человек.

5) Замечательные шутки возникают от двусмысленности слов, т. е. когда мы слово со многими значениями применяем в ином смысле, чем ожидает слушатель. Так у Марциала (I, 80):

Тяжбы торопишь ты все, Аттал, и дела все торопишь:
Есть ли предмет или нет, все ты торопишь, Аттал.
Ежели дел нет и тяжб, Аттал, то мулов торопишь.
Чтоб торопить было что, жизнь ты Аттал, торопи.

И другая — неизвестного автора — на плохого оратора:

Кто станет отрицать, что ты, Флакк, трогаешь речами народ, — потому что все собрание бежит, когда ты говоришь.

6) От противоположного. Этот источник острот из всех наиболее обильный: таким образом можно составлять остроумные шутки разного рода. Примеров очень много как у Марциала, так и у новых авторов. В таком роде известная эпиграмма Марциала (кн. V, 43):

Вне случайности лишь одно, что друзьям отдается:
Тем, что отдашь, навсегда будешь богатством владеть.

И чья-то о Боге:

Хотя Он все видит, но сам Бог никому невидим: Он один только всюду открыт, один — всюду сокрыт.

И такая на Иуду-предателя:

Кажется, Иуда, ты не достоин ни жизни, ни смерти: как жить тебе — грех, так и умереть — грех.

7) Не менее богатым источником остроумия является также намек, именно когда мы делаем нашу мысль против ожидания схожей с каким-либо свойством предмета: с его именем, родом, местом, временем, причиной, способом и т. д. — либо даже со знаменитым изречением какого-либо древнего ученого. Такова эпиграмма на повешенного вора, в которой содержится намек на изречение Овидия:

Все у людей висит на тонкой нити: за горло тебя хватают, Понтилиан.

И известная эпиграмма с намеком на слова Виргилия:

Всякая земля — родина для храброго; послушай храброго моряка. Для моряков-скитальцев по морю всякая земля — родина.

Однако, нет более обильного источника изящных острот, чем — как я указал выше — удачная и остроумная выдумка и прилежное и внимательное чтение (в чем каждый убедится из опыта) эпиграмматических поэтов и в особенности Марциала. Здесь мы хотим дать несколько наших собственных эпиграмм, которые мы некогда сочинили для души и ради упражнения.

ГЛАВА VII

ПРИМЕРЫ ЭПИГРАММ

I. Ко Христу распятому

Пока я трепещу, жизнь моя, не ведая твоего гнева, и вижу, как терзающая рука несет молнии. От лица и стрел раздраженного Громовержца я, беглец, обычно прибегаю к распятому на неподвижном древе. И тебя, который метал своей десницей трезубец, я вижу, Христос, принимающим меня в свое широкое лоно. Всегда стоит на моей стороне этот подсудимый и уничтожает справедливый указ страшного Судии.

II. К иконе Блаженнейшей Девы, пронзенной мечом

И бледнеют розовые щеки и на лице красота Девы, и исчезает белоснежная краса с чела. Льются слезы, и она едва за-

метно вздыхает, и мало-помалу вы видите, как из сердца исходят стоны. Полуживая Дева дышет на маленькой картине. И здесь искусство ослабило ее силы, как могло: в одном только ошибка: почему этот меч [в груди]? Но жестокий меч был целиком погружен в священное лоно.

III. К блаженному Иерониму, размышляющему о последнем суде

Часто Иероним, укрываясь в Вифлеемской пещере, думал, что находится в преисподней. Уже он думал, что его зовут загробные тени и ангельская труба несет страшные вести. Что было делать трепетному беглецу от разразившегося гнева? Он привык биться своей грудью о скалу. И уже казалось, он молит покрытую острыми камнями скалу, чтобы она, скатившись на него, защитила от таких угроз.

IV. Память о четырех последних [знамениях]

Чтобы тебя стремглав не увлекла страшная гибель [знай], что существуют четыре, которые так же отпускают поводья обычным несчастьям. Смерть стоит перед твоими глазами; предвестница Страшного судьи, труба звучит в настороженных ушах; тщательно взвесь долговечные радости небесного царства и мысленно вступи в жилище Тартара. Ты выйдешь победителем в этих последних опасностях, неповрежденным, но ты не можешь быть достаточно доступным всем.

V. Город Рим с одной стороны окружен горами, а с другой морем

С обеих сторон земля и окутанные облаками вершины окружают увенчанные лавром поля города-владыки. [Земля] пылает серповидным изгибом, ибо дома, возвышающиеся на ватиканских полях, с вечной зеленью садов переходят в тускуланские поля. Поодаль море и широко раскинувшаяся гладью Фетида. Рим — владыку земель и царя морской державы не может окружать только земля.

VI. К иконе Пресвятой Девы с младенцем Иисусом на руках

Для чего [художник] пятнает хламиду матери тирийским пурпуром? Для чего нужно окрашивать ногу ребенка? О художник! Не изображай, как горят здесь жемчужины, подобные индийским, и как блестит ливийское светило. Пусть будет нарисовано, как прелестно прижималась розовыми локтями родительница к младенцу и младенец к родительнице. Такая жем-

чужина будет славнее багрянки, драгоценнее чистого золота и прозрачнее самоцветов.

VII. О святом мученике Маммате, которого мать родила в темнице

В мрачной темнице томилась мать, и мрак темницы скрывал отрадный дневной свет. Там ты и был рожден, но младенцем не вступил в жизнь и был мучеником еще в младенческом возрасте. И ты, кому подобало бы покоится в пурпуровой колыбели, ты, о младенец, попал в столь тяжкую темницу! Тебе первому, о Маммат, из рожденных в неизвестности была уготована великая слава.

VIII. О беглеце, который вырвался из-под стражи, оставив после себя прикрытую одеждой деревянную колоду

Ты не мог бы, Батт, обмануть стражу под вечер, если бы не было у тебя зелья Колхидянки, которое помогло тебе: ты украсил тайком лежащую поблизости колоду, надев на нее одежды, и молча скрылся отсюда, проворно убежав. Страж напрасно прогонял сон и, мучаясь (ибо была ночь), едва сдерживал это бремя. А ты, спасшись обманом, быстро с помощью деревянной колоды миновал опасные места. Не для Меркурия ли был приспособлен этот чурбан?

IX. Против некоего человека, нескромно выслушивающего себе похвалы

Я полагал, что ты услышал случайно похвалы твоей жизни или, может быть, похвалы, не соответствующие ей. И как обычно бывает с тем, на кого бросила взгляд прекрасная Скромность, ты, покраснев лицом, воспламенился. Ничуть! Услыхав похвалу (которую говорил я — вестник-друг), ты весь надулся [от гордости]: берегись, я говорю правду.

X. На портного

Ты сделал мне, портной, воротник, с отверстием, которое хорошо вмещает шею армосийского быка. Не принимаю! Ты повинуешься, чинишь воротник. Но, изменив объем, ты делаешь его у́же пальца. Откуда, негодник, у тебя такая власть надо мной? Присудил к петле, потому что я отказываюсь нести иго!

ГЛАВА VIII

ОБ ЭПИТАФИИ

Замечательной разновидностью эпиграмм является эпитафия или эпиграмма, которую обычно пишут на надгробии. Частей и отличительных свойств эпитафии столько же и они те же,

что у любой эпиграммы; и приемы совершенно те же. В первой части, или экспозиции, обычно дается краткое перечисление более примечательных деяний покойного, его доблестей или пороков, иногда же отмечается только его общественное положение или состояние и имущество. Во второй же части или в заключении, если покойный был лицом значительным, — помещают для завершения какое-нибудь выразительное изречение, указывающее на краткость жизни человеческой, на ее суету и бренность. Если же покойный был лицом незначительным или достойным осмеяния, то допустимо здесь применять даже шутки или политические остроты. Ведь чтоб потешить душу и поупражняться, сочиняют эпитафии не только царям, героям и знаменитым людям, но даже ничтожным людишкам, шутам, ворам, пьяницам, прихлебателям и другим в таком роде; мало того, даже неразумным тварям, птицам, диким зверям и т. д., как это ясно на примере Виргилия — эпитафия комару, у Катулла — воробью, у Марциала — пчеле, муравью и т. д. Отдельные образцы такого рода эпиграмм пусть помогут обучению:

Эпитафия Ахилла

Я — Пелид, знаменитейший отпрыск Фетиды, тот, кому доблесть даровала славное имя, кто столько раз повергал врагов победоносным оружием и один обращал в бегство много тысяч врагов. Величайшую славу я заслужил после убиения великого Гектора, который часто наносил урон аргосской мощи. Я покарал его за [смерть] Менетиада. Тогда Пергам распростерся перед моим мечем. Меня превозносили выше звезд безмерными хвалами, но, коварно убитый, я коснулся вражеской земли.

Эпитафия сыну, написанная отцом

О дражайшее дитя! Какая жестокая судьба не позволила тебе пережить твоего родителя? Какую жизнь я вел, радуясь, когда ты был невредим! А когда судьба тебя похитила, то жизнь, мне оставленная, хуже смерти.

Эпитафия Каллимаху, пятилетнему мальчику, так переведенная Понтано по-латыни из греческого писателя Лукиана[1]

После пятой жатвы у меня, лишенного вовсе тревог, жестокая смерть похитила ребенка Каллимаха. Не оплакивай меня! Я, который прожил недолго, столь же мало видел и перенес несчастий.

Читай в книге VI у Марциала (эпитафии) Глауции вольноотпущеннику Мелиора и Евтихию (в той же книге) и в книге VII — городскому мальчику и т. д. Некоторые эпитафии даже смешные.

Эпитафия Весбии, женщине раздражительной

Некогда у Орка было три Фурии, но когда Весбия отправилась в царство теней, теперь у него четыре.

Эпитафия какому-то невежественному диалектику

Здесь лежит наш учитель, который рассуждал дважды или трижды, чтобы однажды его похоронили, чтобы все подивились дважды на краю вершины. Да почиет он во веки веков.

Эпитафия Дуранду,[2] знаменитому шотландскому писателю

Здесь лежит строгий Дуранд под строгим мрамором. Должен ли он спастись или будет осужден — я не знаю и не забочусь.

Эпитафия достопочтенному Фоссу,[3] известному поэту

Здесь в яме находятся кости достопочтенного Фосса, который сочинял стихи, раздробил мозги.

Эпитафия вору — флейтисту (из Кохановского)

В этой могиле лежит Дуда. Дуду нашли после смерти и повесили на старой вербе. Смерть немного поторопилась и вышло наоборот, потому что случившееся с дубами должно было случиться с Дудой.[4]

Другая эпитафия также пьянице

Здесь лежит пьяница, но только его тело, душа же — не знаю, — попала ли на небо; но, наверное, и на небе, также как на земле, закрывают двери перед пьяницами из-за их свар.[5]

Третья эпитафия также пьянице

В винокурне он родился, в корчме его окрестили, издохшего от горелки в навозе похоронили. Странник! Проходя мимо, отдай дань печали, если плакать не можешь и т. д.[6]

Как для потехи, так и для того, чтобы отметить невежественность прошлого века, а также для лучшего понимания, как сочинять эпитафии (а это искусство обычно не менее возрастает от следования достоинствам, чем даже от устранения недостатков), обрати здесь внимание на несколько нелепо написанных эпитафий великим, впрочем, мужам. Эти эпитафии можно видеть в Риме.

Эпитафия папе Бонифацию

Здесь, в этой могиле, лежит тело папы Бонифация, который хорошо выполнял святую обязанность первосвященника. Он был страж правосудия, разумный и терпеливый, щедрый, красноречивый и любимый за благочестие; поэтому, кому неприятно быть лишенным этих благ, скорее оплакивайте все вместе со мной смерть пастыря.[7]

Вторая эпитафия какому-то епископу в Латеранской базилике

Всякий, кто к этому алтарю придет приносить жертву или молиться, пусть помянет Герарда родом из Пармы, епископа Сабинского.

Третья эпитафия папе Бенедикту

В этой могиле покоится тело папы Бенедикта, так как он, будучи седьмым в ряду отцов, первым возвратил засеянные поля, которые находились под властью гордого Франконца, который напал на апостолический престол и держал в замке пленником своего господина; а тот в оковах в глубине темницы задыхался, когда его лишали жизни, так как отец долго боролся за святое вероучение (ибо его изгнал нечестивый богопротивник). Грабителей святынь он также укротил серпом римской церкви и постановлениями отцов. Радуется любящий пастырь вместе со всем стадом. Он основал монастырь и поселил в нем монахов, которые день и ночь воспевают хвалы Господу; он призревал, согревая, вдов и постоянно ухаживал за бедными младенцами как за собственными детьми. Посетитель могилы! Скажи с огорченным сердцем: ты будешь, о Бенедикт, царствовать со Христом.

Но самая превосходная из всех эпитафий — это в церкви святого Лаврентия за Померием какому-то кардиналу Гульельму, следующая:

Остановись, воскликни, кто перечитывает эту эпиграмму, оплакивай Гульельма; его отняло у нас мимолетное время. Он погиб; он был одним из кардиналов, разумным, правдивым, постоянным и верным другом, истинным католиком, справедливым, благочестивым и скромным; он был белее лебедя (дядей его был четвертый Иннокентий) и он не подражал нравам других людей. В Риме, в Неаполе тех, кого отделяет ужасная смерть, он соединяет с городом священным, царским чертогом и делает их счастливыми. Он был из лованийского рода графов.

Царь милости, Христос, даруй ему в упокоении у себя место! Лет от рождения царя, царствующего над звездами, прошло пятьдесят шесть и тысяча двести.

Но вместе с этой погребальной поэзией уже испускает дух и [учебный] год, а также и наш труд, которому я искренне желаю как бы посмертного роста, крепости мысли, незаурядной учености, совершенной опытности как в поэтическом, так и в ораторском искусстве и, наконец, целокупной мудрости от Отца светов, источника всяческого знания, Бога Трисвятого Величайшего.

КОНЕЦ

Примечания

СЛОВА И РЕЧИ

Слово похвальное о преславной над войсками свейскими победе

«Слово» впервые было издано в 1709 году в Киеве, вскоре после Полтавской победы, в составе брошюры под заглавием: «Панегирикос, или Слово похвальное о преславной над войсками свейскими победе, пресветлейшому и великодержавнейшому государю царю и великому князю Петру Алексиевичу, всея Великия и Малыя и Белыя России самодержцу, и прочая и прочая, в лето господне 1709 месяца июня 27 богом данной, — проповеданное в Киеве при всенародном собрании в престольной церкви святыя Софии Премудрости божия на приветствие его священнейшаго величества при его ж собственном присутствии. Лета тогож месяца июля дня 10 в типографии святыя великия чудотворныя лавры Печерския Киевския» (см.: Т. А. Быкова и М. М. Гуревич. Описание изданий, напечатанных кириллицей. 1689—январь 1725 г. Изд. АН СССР, М.—Л., 1958, стр. 159—162).[1]

Брошюра состоит из «Слова похвального о преславной над войсками свейскими победе» и стихотворения под заглавием «Епиникион, сиест песнь победная о тоейжде преславной победе».

Изданию предпослано следующее «Предисловие до его царского священейшаго величества всероссийскаго»:

«Слово, еже в похвалу неописанной твоей над войсками свейскими победе, при твоем же собственном присутствии проповедати сподобихся, пресветлейший всероссийский монархо; тожде, ныне по повелению твоему типом изображенное, твоему священнейшему величеству с раболепным поклонением и усердием приношу, надеяся на свойственную и природную тебе благость, яко не неприятен будет тебе сей от доброхотнаго и вернаго слуги и богомольца твоего приносимый дар, аще и не драгий и един вторицею приносимый есть. Вем, яко сие преславное богом поспешествованное дело твое не моей проповеди достойно есть, но велегласных и сладкоглаголивых устен риторских; аще же и мне о том слово произнести случися, вем, яко слову моему не жити, но токмо на время явитися, не многократне, но единою токмо слышатися подобаше. Но понеже тако изволися вашему священнейшему величеству, происходит в свет народный, не стыдящися нагости и неукрашения своего, егда толикую в себе вещь носит, яже не от словес украшается, но словеса украшает. А понеже сия вещь всемирнаго прославления достойная, достойна есть от всех повсюду чтома и слышана быти, того ради сиежде мое слово, по твоему ж монаршому благоволению, и на язык латинский, яко всей Европе общий, преведох. Присовокупишася к сему и торжественныя ритмы во славу тоеяжде неслы-

[1] Ниже условно обозначается: Описание II.

ханныя твоей виктории, тройственным диалектом, латинским, славенским и польским, сложенныя от мене (по мере малаго искуства моего), яже найпервое по победе в Киев вашего царскаго пресветлаго величества пришествие напечатати и произнести тщахся, аще бы нуждейших тогда царских дел не имела типография. Ныне убо победе твоей пения и проповедания достойнии, и слово похвальное, и песнь приношу торжественную. Будут сию преславную викторию прославляти красноглаголивыи и многовещанныи вития. Будут воспевати и всему миру гласным купно и сладким возвещати пением искуснейшии ритмотворци. Будут любопытныи историографы последним гласити веком. Не возможет бо толикая вещь забвению предана или глубоким молчанием погребенна быти. Откуду яве есть, яко недоуменное мое слово мало или ниже мало славе твоей потребно есть. Обаче яко тоеяжде твоея победительныя славы образы, знамения и памяти не токмо на великих столпах, стенах, пирамидах и инных зданиях искусным изваянием изображати, но и на малых оружиях и орудиях начертавати подобает, — тако должно есть, да и о преславном сем и общаго благополучия виновном деле не токмо великих риторов громы и ритмотворския гласят трубы, но и малыя малых и малоумных вещателей пищали да не молчаливы пребудут. Всем общую победа сия принесе радость, от всех по своей коегождо силе и прославления требует. Мнози убо обрящутся, иже от высокаго сана и превосходительных властей, подобающую сию славе твоей принесут дань. Аз же от нижайшаго чина людий тойжде долг, малый по величеству толикой вещи, обаче довольный по моей скудости вашему царскому священнейшему величеству приношу. Честен сотворится, аще монаршею и победительною своею десницею благоволиш прияти его, с ним же и самаго себе под нозе царския всесмиренно повергаю.

Вашего царскаго священнейшаго величества нижайший и недостойный богомолец Феофан Прокопович, училищ Киевских префект».

В том же году брошюра была издана Киево-Печерской типографией и в латинском переводе, причем «Епиникион» был напечатан не только на латинском языке, но и на польском (см.: Т. А. Быкова и М. М. Гуревич. Описание изданий гражданской печати. 1708—январь 1725 г. Изд. АН СССР, М.—Л., 1955, стр. 483—484;[2] ср.: В. Н. Перетц. Панегирик Феофана Прокоповича на победу Петра Великого при Полтаве. «Литературный вестник», т. III, кн. II, 1902, стр. 165—167).

Дошла до нас брошюра в экземплярах, по составу не всегда совпадающих между собою. В указанном выше составе, т. е. с «Епиникионом» в славянском тексте, она известна нам в редчайших, единичных экземплярах (Библиотека СССР им. Ленина, № 2519; Гос. Публичная библиотека Украины в Киеве, собр. Софийского собора, № 1080[3]). Есть экземпляры, где «Слово похвальное» сопровождается его латинским переводом и где «Епиникион» читается только в латинском и польском тексте (БЛ, №№ 2518, 2520, 2521); есть экземпляры, где «Епиникион» вообще отсутствует.

Из титульного листа и предисловия следует, что «Слово похвальное» было произнесено в Софийском соборе в присутствии Петра. В Киев после Полтавской победы Петр прибыл 22 или, по другим данным, 23 июля. По наиболее вероятному известию, «Слово» было произнесено 24 июля

---

[2] Ниже условно обозначается: Описание I.

[3] Хв. Тітов. Матеріяли для історії книжної справи на Вкраїні в XVI—XVIII вв. Київ, 1924, стр. 497—498, 534; Славянские книги кирилловской печати XV—XVIII вв. Описание книг, хранящихся в Гос. Публичной библиотеке УССР. Под ред. П. Н. Попова. Изд. АН УССР, Киев, 1958, стр. 102.

(см.: Письма и бумаги императора Петра Великого, т. IX, вып. 2. Изд. АН СССР, М., 1952, стр. 1134). В предисловии указывается, что стихотворный «Епиникион» своевременно не мог быть напечатан Феофаном, так как печерская типография была занята другими, более срочными делами. Все это дает основание предположить, что брошюра (славянский и латинский тексты), а точнее сказать, ее составные части печатались в разное время, в течение июля, августа, быть может и сентября, отдельными выпусками (тетрадями), которые затем и брошюровались в различных комбинациях. Дата «месяца июля дня 10» (см. титульный лист), видимо, указывает на выход не всей брошюры в целом, а только одного «Слова похвального», к печатанию которого приступили, очевидно, в начале июля, еще до приезда Петра в Киев.

В том же году брошюра (славянский текст, без «Епиникиона») была издана вторично, как теперь установлено — в Москве, накануне торжественного въезда Петра в Москву 21 декабря 1709 года (см.: Описание II, стр. 167). Второе издание отличается от первого языковой правкой — устранены некоторые украинизмы.

Текст «Слова похвального» воспроизводится по первому, киевскому, изданию, напечатанному под наблюдением Феофана Прокоповича — по экземпляру ГПБ (VI. 3. № 18).

Стр. 25.

Явная бо того сведительница есть десятолетная сия брань...
Петр I объявил войну Швеции в августе 1700 года.

Стр. 25.

...довлеет едино токмо воспомянути, еже в своем на Москву посельстве написа Гербестейн, быв иногда посел от величества римскаго ко российскому монарсе, блаженныя памяти Иоанну Васильевичу.
Феофан имеет в виду барона Сигизмунда Герберштейна (1486—1566), автора известных «Записок о московитских делах» (Rerum Moscoviticarum commentarii), впервые изданных в 1549 году. Однако в «Записках» этих нет эпизода, о котором ниже сообщает Феофан. Перед нами, очевидно, ошибка памяти: Герберштейну Феофан приписал рассказ, который он прочел у какого-то другого автора. Об этом свидетельствует и допущенная здесь Феофаном историческая неточность: в Москву Герберштейн ездил дважды — в 1517 году, в качестве посла императора Максимилиана, и в 1525 году, в составе посольства от императора Карла V; в обоих случаях не к Ивану Васильевичу IV, а к великому князю Василию Ивановичу (ум. в 1533 году).

Стр. 26.

...яко же и послежде наследником его сведительствовася в разоренном Кизикермене и в отъятом Озове.
Турецкая крепость Казыкермен (на правом берегу Днепра) русскими войсками под командованием Б. П. Шереметева была взята приступом в 1695 году; Азов — 18 июля 1696 года.

Стр. 26.

Что же речем, егда коварным наущением и тайным руководительством от проклятаго зменника воведен есть внутр самую Малую Россию.
Речь идет о гетмане И. С. Мазепе, измена которого России стала очевидной в октябре 1708 года.

Стр. 27.

Повествует славный стихотворец римский Виргилий...
См.: Энеида, кн. II (370—401).

Стр. 27.

...яко же известно есть из последной твоей, пресветлейший монархо, грамоти о лукавых запорожцах.

Имеется в виду царская грамота за подписью Г. И. Головкина к гетману И. И. Скоропадскому и «всему посполству малороссийскаго народа» от 26 мая 1709 года (Письма и бумаги императора Петра Великого, т. IX, вып. 2. Изд. АН СССР, М., 1952, стр. 907—914). Грамоту эту приказано было читать по всей Украине — «в городех, местечках и в селех» и «у церквей для объявления всем прибивать». Грамота тогда же была напечатана, вероятно в Киеве (Описание II, стр. 159).

Стр. 28.

...незаконного короля польского.

Станислава Лещинского — ставленника Швеции.

Стр. 29.

Вижду сию свейскую брань весьма быти подобную древной брани, нарицаемой Второй Пунской, юже творяху римляне со пресловутым оным Аннибалем, вождом карфагенским.

Вторая Пуническая война имела место в 218—202 годах до н. э. В конце войны римский полководец Сципион Африканский нанес решающее поражение знаменитому карфагенскому военачальнику Ганнибалу. В результате этой победы Рим стал могущественной средиземноморской державой.

Стр. 31.

...приближилася бяше смерть явная ко боговенчанной главе твоей, егда железный желюд пройде сквозе шлем твой.

Во время Полтавского сражения шляпа и седло Петра были прострелены (см.: [И. Голиков]. Деяния Петра Великого..., ч. III. М., 1788, стр. 109).

Стр. 33.

...да видим, како и неплодные под Переволочным брези множество победительнаго вайя в песках своих израстиша.

Шведы, бежавшие с поля битвы под Полтавой, направились к Днепру и два дня спустя вышли к нему у села Переволочны. 30 июня у Переволочны появился А. Д. Меншиков с отрядом в 9 тысяч человек кавалерии и конной пехоты. Шведские войска во главе с генералом Левенгауптом сложили оружие.

Стр. 33.

...древнее еллин и римлян присловие: оружие от рук отъяти Ираклию.

«Присловие» это восходит к передаваемому Донатом в биографии Вергилия анекдоту: на упрек, что он берет свои стихи у Гомера, Вергилий ответил, что легче отнять дубину у Геркулеса (Геракла) — Herculi clavam adimere, — чем отнять хотя бы один стих у Гомера.

Стр. 34.

...егда же со студом избеже...

После разгрома шведской армии у Переволочны дальнейшее преследование противника было поручено генерал-майору Волконскому. 8 июля Волконский настиг шведов на р. Буг. Остатки шведской армии потерпели новое поражение. Но Карл XII успел бежать в пределы Турции.

Стр. 37.

Мнит ми ся, яко светает уже день той, вон же проклятая унея, имевшая в отечество наше вторгнутися, и от своих гнездилищ изверженна будет...

«Проклятая унея» — Брестская церковная уния 1596 года православной церкви с римско-католической. Униатская церковь пользовалась особым

покровительством шляхетской Польши. Насильственно навязанная православному населению Украины и Белоруссии, она в XVII веке и много позже была орудием национального угнетения украинского и белорусского народов в землях, принадлежащих Польше и Австрии.

Слово похвальное в день рождества благороднейшаго государя царевича и великого князя Петра Петровича

Царевич Петр Петрович родился 29 октября 1715 года. (См. краткое извещение об этом, собственноручно написанное Петром I ночью 29 октября и отправленное митрополиту Стефану Яворскому: Н. А. Воскресенский. Законодательные акты Петра I. Изд. АН СССР, М.—Л., 1945, стр. 162). «Слово» было произнесено в 1716 году, видимо в Троицком соборе,[1] в день рождения царевича. Феофан Прокопович прибыл в Петербург 14 октября 1716 года (И. Чистович. Феофан Прокопович и его время. СПб., 1868, стр. 25). «Слово», следовательно, — первая речь Феофана по его приезде сюда. «Слово» было произнесено в отсутствие государя, который был в это время за границей и вернулся в Петербург только 10 октября 1717 года. С именем царевича Петра Петровича в кругах, близких к царю, связывались большие надежды: в нем видели наследника престола, которым он и был официально объявлен в 1718 году. Надеждам этим, как известно, не суждено было осуществиться: 25 апреля 1719 года царевич скончался.

В начале 1717 года «Слово» было напечатано отдельной брошюрой (Описание II, стр. 192—193). Тексту предпослан титульный лист следующего содержания: «Надежда добрых и долгих лет Российской монархии — сын, богом данный его царскому пресветлейшему величеству Петру Первому, всея Великия и Малыя и Белыя России самодержцу, и протчая и протчая, Петр Петровичь, — всем от себе ведомая и известная, по долженству же проповедию провозвещенна их вернейшаго раба и богомольца своего Феофана Прокоповича, академии Киевской ректора. Печатано в Санктпитербурхе 1717, месяца февраля в 14 день».

Текст «Слова» воспроизводится по экземпляру ГПБ (VI. 9. № 25[б]).

Слово похвальное о баталии Полтавской

«Слово» было произнесено в восьмую годовщину Полтавской победы, 27 июня 1717 года, в Троицком соборе, в отсутствие государя, находившегося за границей.

В том же году «Слово» было напечатано отдельной брошюрой с пометой в конце текста: «Печатано в Санктпитербурхе 1717 году, месяца иулиа в 28 день» (Описание II, стр. 193—195).

Текст «Слова» воспроизводится по экземпляру ГПБ (VI. 9. № 23[а]).

Стр. 49.

...аще и наше каковое либо похвальное о том было слово..

Феофан имеет в виду свое «Слово похвальное о преславной над войсками свейскими победе», опубликованное в 1709 году, в Киеве и Москве.

Стр. 52.

...услышали смутившийся Стамбул на посольство росское, новым к себе путем водным приспевшее.

---

[1] Троицкий собор был построен в 1703 году на Троицкой площади (теперь — площадь Революции на Петроградской стороне) между домиком Петра и Гостиным двором; с 1912 года не существует.

В 1699 году 52-пушечный корабль «Крепость» («Ситадель») ходил в Керчь, а оттуда в Константинополь. Это был первый русский корабль, пересекший Черное море. Появление «Крепости» в Стамбульской гавани вызвало в турецкой столице переполох. Позже Петр решил сохранить корабль — «для славы, что был в Константинополе» (Письма и бумаги императора Петра Великого, т. IX, вып. I, Изд. АН СССР. М., 1950, стр. 188).

Стр. 52.

...которая могла быть причина оной рижской укоризне и гонению смертному на Петра, монарха нашего, умышленному чрез Далберда коменданта?
Когда в марте 1697 года Петр под именем Петра Михайлова в составе «великого посольства» выехал из Москвы в первое свое заграничное путешествие и по пути остановился в Риге, рижский комендант — генерал-губернатор граф Дальберг не только не разрешил ему осмотреть крепость, но и учинил ему «многие грубости», «обиды» и «афронт». Рига надолго осталась в памяти Петра как «проклятое» место. В свое время этот рижский инцидент был подробно описан П. Шафировым в трактате «Разсуждение, какие законные причины его царское величество Петр Первый, царь и повелитель Всероссийский, и протчая, и протчая, к начатию войны против короля Карола 12 Шведского 1700 году имел...» (СПб., 1717, стр. 24—29). Заканчивая рассказ, Шафиров писал: «...того ради [Петр] за благо разсудил, не дожидаясь своих послов отъезду, в немногих особах как наискорее от того враждебного народу уехать, ибо имели господа послы от некоторых доброжелательных иноземцов пристороги, что губернатор, ведая подлинно о присутствии высокой персоны его царского величества, ищет притчины его под каким-нибудь претекстом заарестовать или что и злое над его животом учинить» (стр. 28). Это последнее обстоятельство Феофан Прокопович, очевидно, и имел в виду, говоря о «гонении смертном» на Петра со стороны рижского коменданта.

Стр. 53.

На первом под Нарву походе неблагополучием нашым много подросли роги неприятелю...
Северная война началась с того, что Петр двинул свои войска осенью 1700 года к Нарве. Осада города длилась два месяца (с 16 сентября по 19 ноября); окончилась кампания для Петра неудачно: русская армия потерпела поражение.

Стр. 53.

Разбила руская храбрость замок ваш Ноттембург, разорила Канцы, добыла Дерпта крепкаго, сломила железную Нарву...
Феофан здесь отмечает первые крупные военные успехи Петра в Северной войне: крепость Нотебург (позже — Шлиссельбург) была взята 11 октября 1702 года; Канцы (крепость Ниеншанц — при впадении р. Охты в Неву) — 1 мая 1703 года; Дерпт (теперь — г. Тарту ЭССР) — 13 июля 1704 года; Нарва — 9 августа 1704 года.

Стр. 54.

Что ж победоносные на разных местех баталии, наипаче же преславная оная победа под Калишем?
Победа под Калишем была одержана А. Д. Меншиковым 18 октября 1706 года над шведским генералом Мейерфельдом.

Стр. 54.

...примирити француза с цесарем...
Речь идет о попытках шведской дипломатии незадолго до 1701 года — до начала европейской войны за испанское наследство — вмешаться в австро-французские распри.

Стр. 54.

...неправильное Лещинскаго коронованье...
В январе 1704 года так называемая Варшавская конфедерация (группа польских магнатов, придерживающаяся прошведской ориентации) объявила саксонского курфюрста Августа II — союзника России в Северной войне — низложенным с польского престола. В Варшаве тогда же под прямым вооруженным давлением шведов на польский престол был избран познанский воевода Станислав Лещинский.

Стр. 54.

...нечаянное нашествие и разграбление Саксонии...
В Саксонию шведская армия вторглась в 1706 году. В местечке Альтранштедт (под Лейпцигом) был заключен унизительный для Саксонии мир. По условиям мирного договора саксонский курфюрст Август не только отрекся от польского престола в пользу Лещинского, от союза с Россией, но и предоставил в распоряжение Карла XII все свои саксонские владения.

Стр. 54.

Бунты оние донские и астраханские...
Речь идет о народном восстании в Астрахани 1705—1706 годов, во главе которого стояли стрельцы и солдаты местного гарнизона, и о народном восстании на Дону 1707—1708 годов под руководством К. Булавина.

Стр. 55.

Есть ли бы не предварила храбрость и по отечеству своему нещадная ревность монарха нашего, есть ли бы не предварила великих сил Левенгоптовых под Пропойском... то бог весть что бы было.
Здесь имеется в виду битва у деревни Лесной 28 сентября 1708 года, в результате которой был полностью разгромлен корпус шведского генерала Левенгаупта, двигавшийся по направлению к Пропойску для соединения с главными силами шведской армии; битву эту Петр позже называл «матерью Полтавской баталии».

Стр. 55.

...разорен и разсыпан Батурин.
Резиденция гетмана Мазепы — Батурин был после измены гетмана взят А. Д. Меншиковым 2 ноября 1708 года; когда Карл XII подошел 11 ноября к Батурину, где ожидал найти богатые запасы продовольствия и артиллерии, он застал там полный разгром; «разорение Батурина, по свидетельству шведов, произвело огромное впечатление не только на колебавшихся в районе расположения русских войск, но в еще большей степени на тех, кто к тому времени оставался в лагере Мазепы» (В. Е. Шутой. Измена Мазепы. «Исторические записки», № 31, 1950, стр. 176).

Стр. 57.

...тии под Переволочною себе и оружие свое предали победителем.
См. комментарий к стр. 462.

Стр. 58.

...Полтавская бо победа многих инных побед мати есть. Не она ли виновна есть, что Рига со всею Ливониею, Выборг и Кексгольм со всею Карелиею, Абов с непобедимою (яко же словящеся) Финиею, Ревель, к тому и Пернав, и Ельбинг, и Динамент, и Стетин, и Стральзунд, и инные крепости славные, аки сломленные, власти российской покорилися...
Здесь перечисляются крупнейшие военные действия Петра в 1710—1714 годах в Финляндии, Эстляндии, Лифляндии, Польше и Померании.

имевшие целью сломить сопротивление Швеции. Динамент — крепость Динамюнде; Стетин — Штеттин; Стральзунд — Штральзунд.

Слово в неделю осмуюнадесять, сказанное... во время присутствия его царскаго величества, по долгом странствии возвратившагося

«Слово» было произнесено в 1717 году «в неделю осмуюнадесять», т. е. 23 октября, в Троицком соборе в присутствии Петра после возвращения его из заграничного путешествия.

В том же году «Слово» было опубликовано со следующей пометой в конце текста: «Печатано в Санктпитербурхе 1717 году, месяца ноября в 9 день» (Описание II, стр. 195—196).

Текст «Слова» воспроизводится по экземпляру ГПБ (VI. 9. № 21а).

Выехал за границу Петр I 27 января 1716 года, вернулся — 10 октября 1717 года. В честь его возвращения было напечатано в Петербурге в сентябре—октябре несколько «приветствий» — Ивана Кременецкого (Описание I, №№ 239, 242), служителей Петербургской типографии (Описание I, № 244), а также, помимо указанного «Слова» Феофана Прокоповича, еще две его небольшие «приветственные» речи: от царевича Петра Петровича (Описание I, № 238) и от царевен Анны и Елизаветы (Описание I, № 240). Текст этих последних см.: Феофана Прокоповича.. слова и речи, ч. I. СПб., 1760, стр. 167—173.

Слово похвальное... на тезоименитство благоверныя государыни Екатерины

«Слово» было произнесено в Троицком соборе в день именин Екатерины 24 ноября 1717 года.

В том же году «Слово» было издано отдельной брошюрой со следующей пометой в конце текста: «Печатано в Санктпитербурхе 1717 году, месяца декемврии в 13 день» (Описание II, стр. 196—197).

Текст воспроизводится по экземпляру ГПБ (VI. 9. № 22а).

День именин Екатерины в 1717 году отметили и служители Петербургской типографии, напечатав краткое приветствие с гравюрой, изображающей всю царскую фамилию (Описание I, № 247). В приветствии этом, так же как и в «Слове» Феофана Прокоповича, отмечен тот факт, что в Прутском походе, в дни русско-турецкой войны 1711 года, она сопровождала Петра и проявила при этом большое мужество. В 1723 году указанные заслуги Екатерины получили и официальное признание в царском манифесте от 15 ноября (он был составлен Петром) о короновании его супруги короною императрицы. Вкратце упомянув о своих «тяжких трудах» в Северной войне, Петр писал здесь: «В которых вышеписанных наших трудах наша любезнейшая супруга, государыня императрица Екатерина, великою помощницею была, и не точию в сем, но и во многих воинских действах, отложа немощь женскую, волею с нами присудствовала и, елико возможно, вспомогала, а наипаче в Прудской баталии с турки (где нашего войска дватцат две тысячи, а турков двести семьдесят тысяч было), почитай, отчаянном времени, как мужески, а не женски поступала, о том ведомо всей нашей армеи, и от сих, несумненно, всему государству...» (Н. А. Воскресенский. Законодательные акты Петра I, стр. 180).

Стр. 74.

На оном и самою памятию страшном молдавском поле, егда... богом венчанный супруг твой готовил душу свою положить за люди своя...
Речь идет о кровопролитном сражении 9 июля 1711 года у р. Прут

в районе с. Станилешти, где русская армия ценой больших потерь отразила наступление превосходящих сил противника.

Стр. 75.

...новоуставляемый от тебе преславный чин кавалерии, именем тезоименитыя твоея мученицы Екатерины...
Орден св. великомученицы Екатерины был учрежден (для особ женского пола) 24 ноября 1714 года в память о Прутском походе.

Слово о власти и чести царской

«Слово» было произнесено, очевидно, в Троицком соборе, 6 апреля 1718 года в Вербное воскресенье.

В том же году оно было издано отдельной брошюрой с пометой в конце текста: «Печатано в Санктпитербурхе 1718 году, месяца августа в 18 день» (Описание II, стр. 205—206).

Текст «Слова» воспроизводится по экземпляру ГПБ (VI. 9. № 26[а]).

Написано «Слово» в обоснование царского манифеста от 3 февраля 1718 года о лишении царевича Алексея Петровича прав наследования и о назначении наследником престола царевича Петра Петровича. Манифест тогда же был опубликован для всеобщего сведения трижды — в Москве и Петербурге (Описание I, №№ 271, 278; Описание II, № 111). Текст манифеста в его первоначальной редакции см.: Н. А. Воскресенский. Законодательные акты Петра I, стр. 164—169.

Писалось «Слово» в разгар следствия по делу царевича Алексея, незадолго до его смерти (умер в Петропавловской крепости 26 июня 1718 года), и по делу бывшей царицы Евдокии Лопухиной и ее сообщников.

В центральной своей части (учение о неограниченной самодержавной власти, не подлежащей контролю и суду человеческому) «Слово» предвосхищает известный трактат Феофана Прокоповича «Правда воли монаршей» (М., 1722). Большое место в «Слове» занимают выпады Феофана против реакционного духовенства; исследователи не без оснований усматривают в них прямые намеки на современников Феофана — на митрополита Стефана Яворского и его окружение, на духовника царицы Евдокии ростовского епископа Досифея (П. Морозов. Феофан Прокопович как писатель. СПб., 1880, стр. 196—198, 202).

Стр. 82.

Имамы повесть о Вейдевуте, первом пруском и жмудском властелине.
«Повесть» заимствована Феофаном из «Kroniki» М. Стрыйковского (1547—1582), впервые изданной в 1582 году (кн. II, гл. 4, «O Wejdewucie, królu piérwszym Pruskim, z Litalanów wybranym, i o Litwonie i Samocie, synach jego» (Kronika polska, litewska, żmódzka i wszystkiéj Rusi Macieja Stryjkowskiego. Wyd. M. Malinowskiego. Warszawa, 1846, стр. 44)).

Слово в день святаго благовернаго князя Александра Невскаго

«Слово» было произнесено в Александро-Невском монастыре в 1718 году в день церковной памяти князя Александра Невского — 23 ноября (день его погребения во владимирском монастыре Рождества богородицы). С. Ф. Наковальнин (Феофана Прокоповича... слова и речи, ч. II. СПб., 1761, стр. 1), а вслед за ним и все другие исследователи ошибочно относили день произнесения «Слова» к 30 августа. Между тем, только с 1724 года по указу Петра от 2 сентября память Александра

Невского стала праздноваться не 23 ноября, а 30 августа, в день заключения Ништадтского мира (30 августа 1721 года).

Издано «Слово» было значительно позже — отдельной брошюрой с пометой в конце текста: «Печатано при Санктпитербурхе в Троицком Александроневском монастыре 1720 году, марта в 15 день». Типография Александро-Невского монастыря была основана в 1720 году. Настоящая брошюра — первое дошедшее до нас издание этой типографии (Описание II, стр. 212—214; ср.: С. Г. Рункевич. Александро-Невская лавра. СПб., 1913; стр. 230).

Текст «Слова» воспроизводится по экземпляру ГПБ (VI. 9. № 29а).

При Петре I культ князя Александра Ярославича Невского (умер 14 ноября 1263 года) — героя Невской победы над шведами 15 июля 1240 года — получил широкое распространение и особенно активно поддерживался в годы Северной войны. В честь Александра Невского в Петербурге был основан монастырь; уже весною 1704 года Петр I лично выбрал место для будущей лавры; заложен монастырь был в 1710 году; с 1712 года началось его строительство. В 1724 году по указу Петра из Владимира в Петербург были перенесены мощи князя и торжественно, при личном участии Петра, водворены в монастыре в специально сооруженной для них раке. Апостол Петр и Александр Невский считались небесными покровителями основанной на берегах Невы новой русской столицы.

Слово похвальное о флоте российском

«Слово» было произнесено, очевидно, в Троицком соборе, в присутствии государя и всего «синклита» 8 сентября 1720 года.

В том же году оно было опубликовано отдельной брошюрой с пометой в конце текста: «Повелением царскаго пресветлаго величества Петра Перваго, всероссийскаго императора, напечатася при Санктпитербурхе в Троицком Александроневском монастыре 1720 лета, месяца октоврия 14 дня» (Описание II, стр. 219—220).

Текст «Слова» воспроизводится по экземпляру ГПБ (VI. 9. № 33).

Ближайшим поводом к составлению «Слова» явилась блестящая победа русского галерного флота над шведской эскадрой при о. Гренгаме (в районе Аландских островов), одержанная, несмотря на неблагоприятный ветер. под командованием М. М. Голицына 27 июля 1720 года. Английский флот, находившийся в Балтийском море в соответствии с англо-шведским союзным договором 1720 года, не смог предотвратить разгрома шведской эскадры. «Виктория» при Гренгаме побудила шведского короля начать мирные переговоры с Россией, ускорила заключение Ништадтского мира. После Гренгамского сражения русский флот прочно утвердился на Балтике.

Стр. 103.

И се над чаяние прилетает к нам 6-го дня июня весть радостная щастливаго наших воев действия с немалою неприятеля утратою.

В начале июня 1720 года отряд русских войск под начальством бригадира барона фон Менгдена высадился на шведском берегу в районе Умео и углубился на пять миль в глубь шведской территории. О событии этом уже 8 июня в Петербурге была опубликована специальная «реляция» (Описание I, стр. 312) с подробным перечислением «сколько мест, сел и мельниц разорено и позжено».

Стр. 104.

...охота тая в сердце его родилась от малаго случая, от обретения некоего ботика обветшалаго, о чем пространнее любопытный увидит в предословии морскаго регуламента.

Имеется в виду «Книга устав морской о всем, что касается доброму управлению в бытности флота на море» (СПб., 1720). Книге предпослано написанное Петром I (в литературной редакции Феофана Прокоповича) «Предисловие к доброхотному читателю», где кратко излагается история русского флота с древнейших времен. Упоминаемый Феофаном «малый случай» описан здесь так: «В некоторое время случилось его величеству быть в Измайлове на льняном дворе; и, гуляя по анбарам, где лежали остатки вещей дому деда его Никиты Ивановича Романова, увидел между оными судно некое иностранное, и не стерпела любопытная природа миновать оное без испытания. Тотчас спросил Франца Тимермана (который тогда при его величестве для учения геометрии и фортификации жил), что то за судно. Он сказал, что то бот аглинский...; помянутый ботик не к детскому только гулянью послужил ему, но подал вину к великому флота строению» (стр. 5—6).

Стр. 106.

...восприяв трудную и не безбедную перегринацию.
Речь идет о первом путешествии Петра I за границу в 1697—1698 годах.

Стр. 106.

...безумие некиих стихотворцев, котории так плавания воднаго ненавидят, что и первых того изобретателей проклинают... Охуждают навигацию, но плодов ея не отметают.
См.: Гораций. Оды, I, 3 (21 и сл.); Вергилий. Буколики, IV (31 и сл.); Овидий. Метаморфозы, I (89 и сл.), Любовные элегии, III, 8 (45 и сл.); Тибулл, I (35 и сл.).

Стр. 108.

...чуждее себе заступление купует, хотя и не вельми щасливым торгом.
29 августа 1719 года был подписан между Англией и Швецией союзный договор, подтвержденный 1 февраля 1720 года, по которому английское правительство обязалось посылать в помощь Швеции свой флот в Балтийское море, а также снабжать ее денежными субсидиями до окончания войны с Россией. Однако Швеция очень скоро убедилась, что эта помощь Англии, купленная ценой уступок ряда шведских территориальных владений на континенте, отнюдь не оправдала связанных с нею надежд.

Стр. 110.

...сами неприятелю тесноту свою, истиною понужденни, засвидетельствовали, когда на монетах, недавно в память падшаго короля своего изданных, льва, вервием обвязаннаго, напечатали.
Карл XII был убит 30 ноября 1718 года во время осады одной крепости в Норвегии.

Стр. 112.

...ныне наипаче по достоянию славяне нарицаемся.
Во времена Феофана широко было распространено убеждение, что слово «славяне» происходит от слова «слава». «Синопсис» в главе «О имени и о языце Славенском», следуя М. Стрыйковскому, сообщал: «Той же народ... от славных делес своих, найпаче воинских, славянами, или славными, зватися начаша» (Киев, 1680, стр. 5). Разделял это мнение даже М. В. Ломоносов (Древняя Российская история от начала российскаго народа до кончины великаго князя Ярослава Перваго. СПб., 1766, стр. 16).

Слово о состоявшемся между империею Российскою и короною Шведскою мире

«Слово» было произнесено в Москве, в Успенском соборе, по поводу Ништадтского мира, в день, предусмотренный правительственным указом, — 28 января 1722 года. В Москву Петр I прибыл 18 декабря 1721 года с целью и здесь, в старой столице, отпраздновать счастливое завершение долголетней Северной войны. «Торжественный вход» Петра с гвардией в Москву уже в декабре 1721 года был отмечен выпуском в свет специальной «реляции» об этом событии (Описание I, №№ 650, 651).

Полтора года спустя, очевидно специально к очередной годовщине Ништадтского мира, «Слово» было опубликовано отдельной брошюрой со следующей пометой в конце текста: «Печатано в Санктпитербургской типографии 1723 году, месяца августа 2 дня» (Описание II, стр. 257—258).

Текст «Слова» воспроизводится по экземпляру ГПБ (VII. 7. № 6).

Конгресс для мирных переговоров между Россией и Швецией решено было созвать в г. Ништадте в Финляндии. Конгресс начал свою работу в конце апреля 1721 года и завершился 30 августа подписанием мирного договора. По условиям Ништадтского договора Россия прочно утверждалась на побережье Балтийского моря. Швеция в «вечное владение» уступила ей Ингерманландию и часть Карелии с городами Выборг и Кексгольм, Эстляндию и Лифляндию. В связи с благополучным окончанием Северной войны и заключением Ништадтского мира Сенат и Синод обратились к Петру I с просьбой принять титул императора и почетные звания «Отца отечества» и «Великого».

Стр. 112.

...императора нашего уставление, да за благополучный свышше нам данный мир тройственным всенародным благодарением воздадим славу господеви богу нашему.

Речь идет об указе, подписанном 12 сентября 1721 года и опубликованном в Москве 1 октября 1721 года под заглавием «Обьявление о вечном мире» (Описание I, № 612). Указ предписывал «благодарение» отправлять «с молебным пением, торжественно, в разныя времена, трикратно» — «с седмодневным звоном», а именно: в день получения указа, 22 октября 1721 года и 28 января 1722 года.

Стр. 112.

...мимошедшая война продолжилася чрез трилетные седмицы...

Северная война началась осенью 1700 года.

Стр. 113.

...благодарения вина тая есть, которую самодержец наш в прошлом 1721 году, октября в• 22 день, во обрадовательном своем ко подданным своим слове предложил...

Имеется в виду речь, которую Петр I произнес в Троицком соборе 22 октября 1721 года после прочтения трактата о заключении Ништадтского мира. См. стр. 472.

Стр. 115.

Яковую емблему вымыслило монаршее остроумие о зделанном от него флоте и введенной в Россию навигации? То есть образ человека, в карабль седшаго, нагаго и ко управлению карабля неискуснаго.

См. фронтиспис «Книги устав морской» (СПб., 1720). Гравюра П. Пикарта по рисунку К. Растрелли: на море парусное судно, которым управляет нагой юноша, к нему подлетает «Время»; внизу слева Нептун, справа Марс (Описание I, стр. 285, 288—289).

Стр. 116.

Старочинное стрелецкое воинство как дельно было, всем доселе есть известно. И добро, что тогда ексавторовано и отставлено: была бы то гангрена некая, свое, а не чуждее тело вредящая.

Ликвидация стрелецкого войска происходила в течение ряда лет. Под влиянием нарвского поражения 1700 года правительство временно приостановило расформирование стрелецкого войска и даже приступило к организации на прежних основаниях новых стрелецких полков. Некоторые из них участвовали в военных операциях Северной войны — под Нарвой в 1704 году, в Полтавской битве. Позже часть стрельцов была поглощена регулярной армией. (См.: Очерки истории СССР. Россия в первой четверти XVIII в. Изд. АН СССР, М., 1954, стр. 344, прим. 1). Называя стрелецкое войско «гангреной», Феофан намекал и на недостаточную его боеспособность, и на ту роль, какую сыграли стрельцы в событиях 1698 года (попытка произвести государственный переворот в пользу царевны Софьи).

Стр. 117.

Известно всем уже от изрядного разсуждения, о долговременной войне сей напечатанаго...

Речь идет о трактате П. Шафирова «Разсуждение, какие законные причины его царское величество Петр Первый, царь и повелитель Всероссийский, и протчая, и протчая, и протчая, к начатию войны против короля Карола 12 Шведского 1700 году имел...» (СПб., 1717).

Стр. 117.

...на главнаго христиан гонителя, на разорителя восточныя церкве намеряемо было руское оружие.

Северная война началась вскоре после русско-турецкой войны 1695—1697 годов, тотчас же по заключении 3 июля 1700 года мирного договора с Турцией.

Стр. 117.

...Россиа, метнувшися на Швецию, силы оной не разсуждала. Да тот час нарвскою язвою ощутила...

«Нарвская язва» — поражение русской армии под Нарвой 19 ноября 1700 года.

Стр. 119.

Видимо смотрение от начала царствования его. Коль страшные безбожных мятежников востания, с лютостию, и кровопролитием, и нападением на неприкосновенный монарший дом!

Речь идет о летних событиях в Москве 1689 года, инспирированных царевной Софьей и непосредственно предшествующих приходу семнадцатилетнего Петра к власти.

Стр. 121.

...сыновнее на отца востание!

Имеется в виду дело царевича Алексея Петровича.

Стр. 121.

Свирепый бунт донский и жестокий мятеж астраханский...

Речь идет о народных восстаниях 1705—1708 годов.

Стр. 124.

...учит нас преважнейшее и присной памяти достойное слово самодержца нашего, который поздравлен от подданных своих толикою дел своих славою, предложил им и сие в ответе своем...

«Достойное слово» — речь, которую «по поздравлении» с заключением Ништадтского мира Петр I произнес в Троицком соборе 22 октября 1721 года. Сохранился конспект ее, собственноручно написанный Петром: «Зело желаю, чтоб наш весь народ прямо узнал, что господь бог прошедшею войною и заключением сего мира нам сделал. Надлежит бога всею крепостию благодарить; однакож, надеясь на мир, не надлежит ослабевать в воинском деле, дабы с нами не так сталось, как с монархиею греческою. Надлежит трудитца о пользе и прибытке общем, который бог нам пред очи кладет как внутрь, так и вне, от чего облехчен будет народ» (Н. А. Воскресенский. Законодательные акты Петра I, стр. 156). Подробное изложение речи Петра I было опубликовано 1 ноября 1721 года в правительственной «реляции» о торжестве 22 октября (Описание I, №№ 625, 632).

Стр. 125.

...оставил народу многочисленныя долги, отпустил всем тяжчайшыя вины, разрешил узы, отверзл темницы, испразднил катарги.
Указ об амнистии, дарованной в связи с заключением Ништадтского мира, впервые публично был обнародован в Троицком соборе 22 октября 1721 года — устно, 4 ноября 1721 года — печатно (Описание I, №№ 627, 630). Указ предписывал, «чтоб все колодники (кроме токмо тех, которые ради убивств или неоднократно учиненных разбоев), по сие 22 число октября, где оны не обретаютца, как з галер, так и ис тюрем выпущены, и все другие арестанты и в долгах за караулом обретающияся освобождены были. Междо которыми и те включены, которые против его величества собственной высокой особы в некоторых происках явились и за то на вечную галерную работу осуждены».

Слово на погребение Петра Великого

Петр I умер 28 января 1725 года. 13 февраля набальзамированное тело Петра было установлено в специально приготовленной «печальной зале» дворца. В начале марта здесь же был установлен и гроб шестилетней цесаревны Натальи. 8 марта состоялась торжественная церемония перенесения тела покойного императора и его дочери на место погребения — в Петропавловский собор. «Поелику же соборный Петропавловский храм тогда еще строился, — сообщает И. Голиков, — то сделана была в оном деревянная церковь, которая вся облечена была черным сукном и фестонами флеру черного с белым; среди ее устроен был таковый же трон и балдахин..., также места для императрицы, для их высочеств, цесаревен и царевен, для великого князя и для герцога Голстинского, и кафедра, и все обиты черным же сукном; для освещения оныя множество повешено было серебреных паникадил и весьма искусно сделанных по стенам подсвешников, переплетенных флерами белым с черным» (Деяния Петра Великого..., ч. IX. М., 1789, стр. 223—224).

В тот же день, 8 марта, состоялся и обряд погребения. И. Голиков, со слов очевидца, так его описывает: «Порядок, учрежденный кому где в церкви занять место, не произвел никакого замешательства. Как скоро императорский гроб поставлен на трон, императрица и августейшая ее фамилия и герцог взошли на свои места, ассистенты их стали внизу оных. Дамы и придворный стат имели свои же места; два латника у главы гроба, герольдмейстеры и несшие регалии, положа на уготованные для каждой табуреты, стали в сделанных для них галрелиях, несшие государственные мечи держали оные у гроба вниз обращенными, прочие стали в большой каменной церкви, драбанты и другие нижние служители и купцы — у церкви, все полки поставлены по городовой стене; и когда началась

божия служба, то по обычаю церковному открылись оба гроба. По окончании божественной литургии взошел на кафедру для проповеди преосвященный архиепископ Псковский Феофан. Но коль слово сие ни было кратко, однакож продолжалось оное около часа; ибо беспрестанно было прерываемо плачем и воплем слушателей, особливо же когда сей церковный ритор произнес первые слова оныя, которые начинались тако: „Что се есть? До чего мы дожили, о россияне!...“ То залился сам он слезами и возрыдало все множество бывших людей в церкви. Вопль и рыдание сие перешло вне церкви к стоящим, и казалось, что самые стены церкви и валы крепости возревели, что продолжалось более четверти часа» (стр. 237—238).

«Слово» Феофана Прокоповича тогда же было издано отдельной брошюрой с такой пометой в конце текста: «Печатано в Санктпетербургской типографии 1725 года, марта 14 дне».

Вскоре же «Слово» было переведено на ряд иностранных языков. Первым по времени переводом, непосредственно с оригинала, был перевод на французский язык аббата Жирара, в 1726 году изданный в Париже отдельной брошюрой, а затем перепечатанный в июньской книге «Journal des savants» (P. N. Berkov. Des relations littéraires franco-russes entre 1720 et 1730: Trediakovskij et l'abbé Girard. «Revue des études slaves», t. 35, fasc. 1—4, 1958, pp. 7—14; текст перевода и его анализ см.: A. Mazon. L'abbé Gabriel Girard — grammairien et russisant. Там же, стр. 30—33, 45—55). Тогда же в Гамбурге, Ревеле (Таллине) и Стокгольме были опубликованы переводы «Слова» на латинский язык, а с этого латинского текста — на немецкий и шведский языки (см.: Р. Минцлоф. Петр Великий в иностранной литературе. СПб., 1872, стр. 447—449).

Текст «Слова» воспроизводится по экземпляру ГПБ (VI. 9. № 38а).

Стр. 126.

...зделал по имени своему каменную...
«Петр» соответствует греч. πέτρος — камень (часто употреблявшееся в те годы уподобление).

Стр. 128.

...но и короны, и державы, и престола своего наследницу сотворил...
18 ноября 1723 года был опубликован царский манифест о короновании Екатерины короною императрицы (Описание I, № 751). Торжественная коронация Екатерины состоялась в Москве, в Успенском соборе, 7 мая 1724 года. «Наследницей» престола она была объявлена тотчас же по кончине Петра.

Стр. 128.

...усугубилася она в тебе отъятием любезнейшей дщери...
Цесаревна Наталья Петровна родилась 26 августа 1718 года, умерла 4 марта 1725 года.

Слово на похвалу блаженныя и вечнодостойныя памяти Петра Великаго

Настоящее «Слово» является осуществлением обещания Феофана в «Слове на погребение Петра Великого»: в будущем, когда несколько притупится скорбь, «пространнее» побеседовать «о делех и добродетелех» покойного императора. «Слово» было произнесено полгода спустя после смерти Петра I, в Троицком соборе, в день именин Петра — 29 июня 1725 года.

Издано «Слово» было в том же году отдельной брошюрой с пометой в конце текста: «Печатано в Санктпетербургской типографии 1725 года, иулиа в 17 день».

Текст «Слова» воспроизводится по экземпляру ГПБ (VI. 9. № 39а).

Стр. 133.

Противный монарх в скором времени смирил и сломил двоих наших союзников и одного из них тихо сидеть понудил, а другаго с престола низринул...

Феофан имеет в виду союзников России в начале Северной войны — датского короля Фридерика IV, который после высадки шведского десанта у Копенгагена вынужден был уже в августе 1700 года заключить мир со Швецией, и польского короля Августа II, в 1704 году Варшавской конфедерацией низложенного с престола под давлением Карла XII.

Стр. 134.

...главный его бывший сопротивник со временем... с ним единым не токмо примирится, но и в союз дружеский совокупится возжелал.

«Союз дружеский» между Россией и Швецией, предусматривающий взаимную помощь друг другу в случае нападения на одну из них какого-либо европейского государства, был заключен 22 февраля 1724 года.

Стр. 134.

Но Петровы труды многия, и кроме славы, породили плоды сладкия и нам и нашим союзникам: ...твоего, польский Августе, престола возставление, твое, короно Датская, охранение...

После Полтавской победы саксонский курфюрст Август был восстановлен Петром I на польском престоле, и 9 октября 1709 года был подписан новый союзный договор между Россией и Польшей; возобновлен был — 11 октября 1709 года — и союзный договор с Данией.

Стр. 134.

...далечайшыя народы протекции и защищения у нас требуют: прибегает о том бедная Иверия, просила и просит корона Персидская...

Народы Кавказа, угнетенные турецкими и персидскими феодалами, не раз в первой четверти XVIII века обращались за помощью к России. Грузинский (картлийский) царь Вахтанг VI даже выражал готовность признать протекторат России. Когда летом 1723 года турецкая армия вторглась в Грузию, захватила Тбилиси и направилась в Азербайджан, Россия военными операциями на западном Прикаспье оказала Грузии немаловажную услугу. Военную помощь оказала в эти годы Россия и шахской Персии, которой также угрожала турецкая агрессия.

Стр. 143.

...в печатных в Липске латинских ведомостях...

Имеются в виду «Acta eruditorum»; издавались в Лейпциге с 1682 по 1776 год.

Стр. 143.

И некто от политических французских писателей Петра российскаго не мало выше кладет от своего государя славнаго онаго Великаго Лудовика. И тожде слово согласием своим утверждает другий, который о неудобности нашего с римлянами соединения пишет.

«Другий, который о неудобности нашего с римлянами соединения пишет» — известный протестантский богослов И. Ф. Буддей; Феофан имеет в виду его трактат «Ecclesia Romana cum Ruthenica irreconciliabilis... (Jenae, 1719), где читаем: «Inter reliquas enim virtutes, quibus summam gloriam atque immortale decus potentissimus Russorum imperator sibi conciliavit, quibusque efficit, ut non sine ratione a praestantissimis saeculi nostri ingeniis ipsi Ludovico XIV Galliae regi multis modis praeferatur, haud ultimum profecto locum tenet studium illud singulare, quo ignorantiam, barbariem, simulque superstitionem, suorum animis annititur... (§ IV, p. 6). Из этой же книги

Феофан извлек и сведение о суждении «некоего от политических французских писателей». В цитируемом отрывке слова «...modis praeferatur» сопровождаются ссылкой на «Le Spectateur ou le Socrate moderne» t. 111, disc. 1, p. 1).

Стр. 144.

Воспомяните же и что говорил персидский посол, который между иными похвалами славу дел его, всюду проходящую, уподобил солнцу, мир весь озаряющему.

14 августа 1723 года Петр I принял персидского посла Измаил-бека, который во время торжественного приема в сенатской аудиенц-каморе произнес на персидском языке речь, где действительно уподобил Петра солнцу: «Всевышний бог сотворил ваше величество подобием солнца, которое осиявает и освещает всю вселенную...». См.: (И. Голиков). Деяния Петра Великого..., ч. VIII, стр. 380—381.

Стр. 144.

Россиа вся есть статуа твоя, изрядным майстерством от тебе переделанная, что и в твоей емблеме неложно изобразуется...

Эмблема эта («резец, делающий статуу») была изображена на одном из знамен, которое несли во время похорон Петра I (О смерти Петра Великаго, императора Российскаго, краткая повесть. СПб., 1726, л. 17).

Стр. 144.

...на баталии под Лесным, где изнемог и, оледенев, принужден был почить на неизвестном месте, не ведая стана своего.

«Баталия» у деревни Лесной имела место 28 сентября 1708 года. Факт, о котором здесь сообщает Феофан, в других источниках не отмечен.

Стр. 145.

Чудное было видение и дивный позор...

Рассказ о последних днях жизни Петра I во многом почти дословно соответствует приписываемой Феофану Прокоповичу «краткой повести» о кончине Петра (См.: О смерти Петра Великаго, императора Российскаго, краткая повесть. СПб., 1726, лл. 2 об.—8 об.).

ТРАГЕДОКОМЕДИЯ «ВЛАДИМИР»

Стр. 150.

З бездн подземных, з огненной выхожду геенни
Ярополк, братним мечем лютѣ убиенный...

В научной литературе отмечалась связь этого монолога Ярополка с монологом тени Тантала в трагедии Сенеки «Фиест» (Письмо Н. И. Гнедича к графу Н. П. Румянцову о неизданной трагикомедии Феофана Прокоповича. «Библиографические записки», т. II, 1859, стлб. 624—625; Н. С. Тихонравов, Сочинения, т. II, М., 1898, стр. 129) и в его же трагедии «Агамемнон» — с монологом тени Фиеста (Я. Гординський. «Владимір» Теофана Прокоповича. «Записки Наукового товариства ім. Шевченка», т. CXXXI, 1921, стр. 89—90); другие аналогии из репертуара школьного театра см.: В. И. Резанов. Из истории русской драмы. Школьные действа XVII—XVIII вв. и театр иезуитов. М., 1910, стр. 291—292.

Стр. 156.

Даде вчера едного козла, тако худа,
тако престарѣлаго, тако безтѣлесна...

Одна из киевских поэтик 30-х годов XVIII века на стихи эти ссылалась

как на образец художественного описания (Н. Петров. О словесных науках и литературных занятиях в Киевской академии от начала ее до преобразования в 1819 году. Труды Киевской духовной академии, 1866, № 11, стр. 369).

Стр. 159.

Прийдох уже ко дверем, чая яко тѣмы
вхожду в дом братний, — во мрак вѣчний внийдох имы.
Егда бо праг преступих, отсюду и сюду
на мечы мя подъяша...

Стихи свидетельствуют, что Феофан, излагая обстоятельства убийства Ярополка, пользовался древнейшей версией предания о смерти Ярополка. См. Густынскую летопись под 980 годом (она здесь близко воспроизводит текст «Повести временных лет»), где читаем: «Володымер же бе ожидая Ярополка в теремне дворе отчи; егда же прийде Ярополк, внезапну взяста его на дверех два варяга мечи под пазусе» (ПСРЛ, т. II, СПб., 1843, стр. 249). Автор «Синопсиса», следуя М. Стрыйковскому, писал, что Ярополк был убит двумя варягами у «врат градских» (Киев, 1680, стр. 44).

Стр. 161.

Дадѣте мы, о бозы, да аз тако терти
Возмогу куры моя...

«Терти» — сокрушать. См.: Н. С. Тихонравов. Примечания ко второму тому «Русских драматических произведений 1672—1725 годов». Словарь, стр. XXIX.

Стр. 162.

...ни ли
Во грѣх не вмѣняеши дерзок смѣх творити
с мужа, толь велебнаго!..

«Велебный» (польск. wielebny) — обычный на Украине XVII—XVIII веков титул духовных особ. В научной литературе высказывалось мнение, что «некоторые черты жрецов» в трагедокомедии Феофана «списаны с натуры — выхвачены из быта современного Прокоповичу православного духовенства» (Н. С. Тихонравов, Сочинения, т. II, стр. 152; ср.: П. О. Морозов. История русского театра до половины XVIII столетия. СПб., 1889, стр. 369). Мнение это, впрочем, некоторыми исследователями оспаривалось: см.: А. И. Соболевский. Заметки по истории школьной драмы. «Русский филологический вестник», 1889, № 1, стр. 12; Н. И. Петров. Очерки из истории украинской литературы XVII и XVIII веков. Киевская искусственная литература XVII—XVIII вв., преимущественно драматическая. Киев, 1911, стр. 225—228.

Стр. 174.

...мал тебѣ Позвизд, мал Купало,
Мал Мошко, мал Коляда, мал Волос; сравненний
с тобою и сам Перун будет умаленний.

Позвизд — бог «воздуха, ведра и безгодия»; Купало — бог «плодов земных»; Мошко — «Макош, или Мокош»; Коляда — «бог праздничный, ему же праздник велий месяца декемврия 24 дня составляху»; Волос — «бог скотов»; Перун — «началнейший кумир» древней Руси, «бог грому, молния и облаков дождевных» — стоял на холме «над Буричовым потоком» в образе человека: «тулуб его бе от древа хитростне изсечен; главу имущ слиянну от сребра, уши златы, нозе железны, в руках держаше камень, по подобию перуна палающа, рубинами и карбункулем украшен»; перед ку-

миром Перуна горел огонь, постоянно поддерживаемый жрецами («Синопсис», Киев, 1680, стр. 45—50; ср.: Густынская летопись. ПСРЛ, т. II, Стр. 256—257.

Стр. 189.

Коль многы совѣти суть, их же лице красно
мнится быти, но, егда разсмотриш опасно,
Инако являются...

Этот монолог князя Владимира местами почти дословно воспроизводит «Слово» того же автора «в день святаго равноапостольнаго князя Владимира» (Феофана Прокоповича... слова и речи, ч. III. СПб., 1765, стр. 335—349) — изображенную там картину «брани духовной» в душе Владимира с «миром», «плотью» и «диаволом» накануне принятия им христианства (Н. С. Тихонравов, Сочинения, т. II, стр. 136—139).

Стр. 195.

Ладо не может уже плясати, ему же
Сие дѣло от богов всѣх ест порученно...

Ладо — бог «веселия и всякаго благополучия»; «жертвы ему приношаху готовящиися к браку, помощию Лада мняще себе добро веселие и любезно житие стяжати» («Синопсис», Киев, 1680, стр. 45—46).

Стр. 203.

Се уже день возсия, — о радости многа! —
день прийде, извѣщенний мнѣ прежде от бога!
Се той ест свѣт, его же, духом зде водимий,
обѣщах ти, Киеве, граде мой любимий!

Имеется в виду легенда об апостоле Андрее, который, «разсевая благоплодное семя евангелия господа нашего Иисуса Христа в Европе», побывал и на Руси. «Синопсис» так рассказывает об этом: ...поплы горе Днепра и, приближшися к горам высоким (идеже ныне Киев), ста под ними, и, возшед на тежде горы, благослови их, и крест водрузи на месте, идеже посем церков Воздвижения креста господня сооружися, пророчески глаголя учеником своим: „На сих горах возсияет благодать божия, и будет град велик, и воздвигнет господь бог в нем множество церквий“» (Киев, 1680, стр. 18—19).

Стр. 203.

...Не инно
Чудо о твоей славѣ вижду, граде божий!

В научной литературе эти стихи, равно как и весь заключительный Хор трагедокомедии Феофана, сопоставлялись с его «Словом в день святаго равноапостольнаго князя Владимира», где Киев назван «вторым Иерусалимом», а князь Владимир — «основателем духовнаго в земли нашей Сиона» (Феофана Прокоповича... слова и речи, ч. III. СПб., 1765, стр. 336). См.: R. Stupperich. Kiev — das zweite Jerusalem. Ein Beitrag zur Geschichte des ukrainisch-russischen Nationalbewußtseins. «Zeitschrift für slawische Philologie», Bd. XII (3—4), 1935, SS. 332—354.

Стр. 203.

свѣтло вас двоих вижу, и се, един прямо
Другому, в горах себѣ глубокия ямы
копают изсохшимы от поста рукамы.

Речь идет об основателях Киево-Печерского монастыря — Антонии и Феодосии Печерских.

Стр. 204.

...Един власом убѣлен до зѣла,
Митра же ему злата сѣдину пречестну
украшает...

«Един» — киевский митрополит Варлаам Ясинский; митрополичью кафедру в Киеве занимал с 1690 по 1707 год.

Стр. 204.

...небесну
Вижу утвар: звѣзды бо купно со луною
и в небо перущою зрымы суть стрѣлою.

«Вижу утвар» — герб митрополита Стефана Яворского, местоблюстителя патриаршего престола после смерти патриарха Адриана 16 октября 1700 года (луна обращена вверх рогами, из которых каждый оканчивается звездою; сверху стрела, летящая острием вверх).

Стр. 204.

Другаго же воинску вижу бронь носяща,
всего пламенна, всего палимим горяща
Гнѣвом...

«Другаго же... вижу» — гетмана И. С. Мазепу. В научной литературе была попытка все содержание трагедокомедии Феофана свести, без достаточных к тому оснований, к хвалебному панегирику Мазепе (Я. Гординьский. «Владимір» Теофана Прокоповича. «Записки Наукового товариства ім. Шевченка», т. CXXX, 1920, стр. 43—53); подробный критический разбор этого утверждения см.: J. Šerech. On Teofan Prokopovič as writer and preacher in his Kiev period. «Harvard slavic studies», vol. II, 1954, pp. 211—223.

Стр. 205.

...Поспѣшно, о вожде великий,
поспѣшно иди, будет сверѣпий и дикий
Хищник раздран от тебе...

В июне 1705 года гетман И. С. Мазепа по указу Петра I с 35-тысячным войском шел в помощь союзнику России в Северной войне, польскому королю Августу II. Присутствовал ли гетман на представлении трагедокомедии Феофана 3 июля 1705 года — неизвестно.

Стр 205.

...Твое бо в щитѣ благородство носит
Крест самаго господа...

В гербе гетмана Мазепы изображался крест, утвержденный на якоре.

Стр. 205.

«Твоим быти воином велит ми, Андрею,
цар Петр...»

Гетману Мазепе 8 февраля 1700 года Петром I был пожалован орден Андрея Первозванного.

Стр. 205.

...Зде равнонебесна
Обитель Печерская каменния стѣны
подносить...

В 90-х годах XVII века на средства гетмана Мазепы Киево-Печерская лавра была обведена каменной стеной.

Стр. 205.

...давно поверженний
Престол переяславский и лежавший долѣ
востает уже красно...

Упраздненная еще во второй половине XIII века епархия Переяславля (южного) была восстановлена в самом начале XVIII века; первым епископом восстановленной переяславской епархии был рукоположен 1 октября 1701 года игумен Киево-Михайловского монастыря Захария Корнилович (К. В. Харлампович. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь, т. I. Казань, 1914, стр. 248—249).

Стр. 205.

Зиждется дом учений...

Здания Киево-Могилянской коллегии, построенные Петром Могилой, к концу XVII века обветшали. На средства гетмана Мазепы осенью 1703 года был заложен, а в мае 1704 года стал строиться новый, каменный академический корпус, в новейшее время известный под названием Старого или Библиотечного (Н. И. Петров. Киевская академия во второй половине XVII века. Киев, 1895, стр. 125—126).

СТИХОТВОРЕНИЯ

1

«Епиникион, сиест пѣснь побѣдная о тоейжде преславной побѣдѣ

«Епиникион» был написан Феофаном Прокоповичем вскоре после Полтавской победы, летом 1709 года, и тогда же опубликован им в составе брошюры «Панегирикос, или Слово похвальное, о преславной над войсками свейскими победе...» (Киев, 1709). См. стр. 459—461.

По жанру «Епиникион» относится к эпической поэме; теоретиками поэзии той эпохи «поэма» часто понималась «как простой панегирик или как приветственная и поздравительная речь в стихах» (Н. Петров. О словесных науках и литературных занятиях в Киевской академии от начала ее до преобразования в 1819 году, стр. 343). Написан «Епиникион» тринадцатисложным «героическим» размером и состоит из семи частей, каждая из которых отмечена новым абзацем. Установлена прямая связь «Епиникиона» не только по содержанию, но и по тексту с предшествующим ему в брошюре «Словом похвальным» Феофана (С. Щеглова. Вірші про Мазепу, складені після його «зради». «Науковий збірник за рік 1926». Київ, 1926, стр. 95). В историко-литературном отношении «Епиникион» Феофана интересен как предтеча «исторических» поэм второй половины XVIII века, «Чесмесского боя» М. М. Хераскова и др. (П. Н. Берков. На путях к новой русской литературе. «История русской литературы», т. 1, Изд. АН СССР, М.—Л., 1958, стр. 396).

В новейшее время «Епиникион» по рукоп. ГПБ (О. XIV. 2, лл. 89—91 об.) в отрывке (стихи 62—98, 153—174) был издан П. Пекарским (Наука и литература в России при Петре Великом, т. II. СПб., 1862, стр. 198—200); полностью, по той же рукописи, с разночтениями по списку 1761 года Киевской духовной семинарии — В. Н. Перетцем в «Очерках старинной малорусской поэзии» («Известия ОРЯС АН, 1903, кн. I, стр. 85—92).[1] Ни П. П. Пекарскому, ни В. Н. Перетцу экземпляры бро-

[1] Перепечатки здесь и ниже мною не отмечаются.

шюры «Панегирикос, или Слово похвальное...» (Киев, 1709), где читается славянорусский текст «Епиникиона», не были известны.

В настоящем издании текст «Епиникиона» впервые воспроизводится по первопечатной его публикации — редчайшему экземпляру брошюры 1709 года Библиотеки СССР им. Ленина в Москве (№ 2519).

И отступник приять казнь, отчества враг велий (5) — гетман И. С. Мазепа. *Уже брань десятое лѣто начинаше* (19) — Северная война началась в августе 1700 года. *Сам лев, иже многия устрашаше грады* (117) — шведский король Карл XII. *Дая помощ, да бы и лютую ехидну* (168) — «ехидна» — униатская церковь, признавшая власть римского папы; уния православной церкви и римско-католической была провозглашена в Польше в 1596 году. *И от долгих узилищ извести род вѣрный* (172) — всех, томящихся в турецкой неволе, южных славян. *Крест на стѣнах Сионских водрузиши златый* (174) — пожелание, характерное для многих украинских литераторов той эпохи: силою русского оружия завоевать Константинополь с его древними православными святынями — храмом св. Софии и др.

2

Запорожец кающийся

С. Ф. Наковальнин относил это стихотворение (составлено восьмисложными стихами, по шесть стихов в каждой строфе) к 1734 году. По мнению П. Н. Беркова, стихотворение, «очевидно, написано в защиту украинцев, ушедших с Мазепой и потом принесших повинную» (Вирши. Силлабическая поэзия XVII—XVIII веков. Общая редакция П. Н. Беркова. Библиотека поэта, Малая серия, «Советский писатель», 1935, стр. 302). Последнее предположение наиболее вероятно. Как известно, Карл XII и гетман Мазепа усиленно старались привлечь на свою сторону Запорожскую Сечь — при помощи сторонника Мазепы кошевого атамана К. Гордиенко. Демагогическая агитация привела к тому, что часть старшины и рядовых казаков-запорожцев согласилась поддержать шведов и в марте 1709 года заключила с ними военный договор. Петр I вынужден был принять свои меры: уже в апреле 1709 года войска царского полковника Яковлева и казацкого полковника Галагана заняли Сечь и разорили ее укрепления. Многие обманутые своей старшиной сечевики вернулись в распоряжение русского командования. Стихотворение было написано, видимо, вскоре же после этих событий.

Впервые стихотворение было напечатано без указания на рукописный источник И. Чистовичем (Феофан Прокопович и его время. СПб., 1868, стр. 600—601). Здесь текст его печатается по БЛ 3051, л. 199—199 об.

3

За Могилою Рябою

Когда осенью 1710 года Турция объявила войну России, Петр I принял решение избрать против Турции наступательный образ действий: военные операции развернулись на территории противника в 1711 году. Стихотворение описывает один из центральных эпизодов кампании — кровопролитную битву 9—10 июля 1711 года у р. Прут в районе с. Станилешти (невдалеке от Рябой Могилы — местечка в Молдавии). Ф. Прокопович был, как известно, участником Прутского похода — его из Киева вызвал к себе в лагерь сам Петр I (И. Чистович. Феофан Прокопович и его время, стр. 15). Написано стихотворение, видимо, вскоре же после подписания 12 июля мирного договора, по которому Россия обязалась возвратить Турции свои завоевания 1696—1699 годов и, в частности, крепость Азов.

Составленное восьмисложными стихами, с тройными рифмами, обра-

зующими строфу, стихотворение получило широкое распространение в рукописных песенниках XVIII века, не только охотно переписывалось, но и переделывалось. См.: А. В. Позднеев. Рукописные песенники XVII—XVIII веков. (Из истории песенной силлабической поэзии). «Ученые записки», т. I, Изд. Моск. гос. заочн. пед. института, 1958, стр. 50. Вопрос о литературной судьбе стихотворения, равно как и вопрос о его первоначальном тексте, еще нуждается в специальном исследовании.

Впервые стихотворение по рукописи Новгородской духовной семинарии (№ 3885) было напечатано И. Чистовичем (Феофан Прокопович и его время, стр. 16, прим. 1). Здесь воспроизводится по БЛ 3051, л. 200—200 об. с поправками по изданию И. Чистовича.

4

К Петру Второму

Петр II, сын Алексея Петровича, вступил на престол 25 февраля 1728 года, умер 18 января 1730 года. Четверостишие (тринадцатисложные стихи) было написано, видимо, в начале 1728 года в Новгороде, куда Петр II вместе с двором должен был прибыть по пути на коронационные торжества в Москву. Тогда же Феофан, специально к встрече Петра II в Новгороде, составил и латинские приветственные стихи: Ad augustissimum... imperatorem Petrum Secundum, cum Mosquam tenderet insignia regni capessurus (текст см.: Illustrissimi ac reverendissimi Theophani Prokopowicz Miscellanea Sacra, variis temporibus edita, nunc primum in unum collecta publicoque exhibita. Vratislaviae, 1744, pp. 150—153).

Напечатано четверостишие было впервые Н. И. Новиковым в качестве приложения к описанию «Пришествия в Новград его императорского величества государя императора Петра Второго 1728, генваря 11 дня» (текст описания сопровождается примечанием: «Сочинение преосвященного Феофана арх. Новгородского») — вслед за переводом на русский язык указанного латинского стихотворного приветствия Феофана (Древняя российская вивлиофика... Изд. 2-е, ч. IX, М., 1789, стр. 493—494). Здесь печатается по БЛ 3051, л. 196 об.

5

Плачет пастушок в долгом ненастьи

Стихотворение написано в 1730 году, очевидно в конце января; см.: «*Прошол день пятый* (т. е. пятый год со дня смерти Петра), *а вод дождевных нѣт отмѣны*...». Это было трудное для Феофана Прокоповича время. Господство клики верховников, разгул начавшейся еще при Екатерине I реакции, интриги ростовского епископа Георгия Дашкова, толки о восстановлении патриаршества и еще многое другое (см.: И. Чистович. Феофан Прокопович и его время, стр. 223 и сл.) — все это и явилось источником тех пессимистических настроений, которыми стихотворение проникнуто.

В мае—декабре 1730 года А. Д. Кантемир написал своеобразный «ответ» на это стихотворение Феофана — теми же стихами, основанными на чередовании десятисложного стиха с кратким четырехсложным: «Epodos consolatoria ad oden Pastoris Pimini sortem gregis sub tempestatem deplorantis» («Песнь утешения на песнь пастуха Пимена, оплакивающего участь стада во время ненастья»). «Ответ» этот — он был написан уже после переворота 25 февраля 1730 года, заметно изменившего положение Феофана к лучшему, — интересен и сам по себе, и той высокой оценкой, какую Кантемир здесь дает стихам своего высокопоставленного собрата по искусству.

На горах наших, Пимене, славный
Сединами!
Ни свирелию тебе кто равный,
Ни стадами:
На рожку ль поешь, или на сопели
Хвалу богу,
Стихом ли даешь промежду делы
Радость многу;
Забывши травы, к ней же из млада
Наученны,
Стоят овцы и козлищ стада
Удивленны...

Стихотворение Феофана «Плачет пастушок в долгом ненастьи» часто переписывалось, проникло в песенники и даже явилось образцом для подражаний. См.: В. Н. Перетц. Историко-литературные исследования и материалы, т. I, ч. 1. СПб., 1900, стр. 248—249.

Впервые без имени автора было опубликовано еще в XVIII веке — Н. Курганoвым в «Книге Письмовник» (СПб., 1777, стр. 304). В новейшее время: Н. С. Тихонравовым — по рукоп. ГПБ О.XIV. № 6 вместе с «ответом» Кантемира (Летописи русской литературы и древности, т. V. М., 1863, III, стр. 37); по той же рукописи — И. Чистовичем (Феофан Прокопович и его время, стр. 610); по той же рукописи с разночтениями по ГПБ О.XIV. № 19 и О.XIV. № 128 — В. Н. Перетцем (Историко-литературные исследования и материалы, стр. 244—245). Здесь печатается по БЛ 3051, лл. 198 об.—199.

6

Феофан архиепископ Новгородский к автору сатиры

Обстоятельства появления в свет этого стихотворения выясняются из «Примечаний» А. Кантемира к его первой сатире «На хулящих учения. К уму своему». По словам Кантемира, сатиру эту написал он в конце 1729 года «для одного только провождения своего времени, не намерен будучи обнародить». Но случилось иначе: один из приятелей Кантемира попросил ее почитать и передал Феофану Прокоповичу; сатира Феофану понравилась, и он «ее везде с похвалами стихотворцу рассеял и, тем не доволен, возвращая ее, приложил похвальные сочинителю стихи» (А. Кантемир. Собрание стихотворений. Библиотека поэта. Большая серия, «Советский писатель», Л., 1956, стр. 62). Упоминаемые здесь «похвальные сочинителю стихи» и есть настоящее стихотворение, написанное октавами.

С. Ф. Наковальнин относил стихотворение к 1728 году; дата эта действительности не соответствует; списки относят его к апрелю 1730 года.

Стихотворное послание Феофана сыграло важную роль в литературной судьбе начинающего поэта; по утверждению самого Кантемира, отныне он «стал далее прилежать к сочинению сатир» (стр. 62). Феофан читал, разумеется, первоначальную редакцию сатиры (см.: А. Кантемир. Собрание стихотворений, стр. 361—367). В том же году благодарный автор посвятил Феофану свою третью сатиру «О различии страстей в человецех» («Мудрый первосвященник, ему же Минерва...»), которую написал «нарочно, чтоб в ней собрать приличные тому архипастырю похвалы и ему же в знак своего благодарства ее приписать» (стр. 99). Последнюю сатиру он отправил Феофану со следующими сопроводительными стихами («писаны в Москве 1730, августа месяца»):

Устами ты обязал меня и рукою,
Дал хвалу мне свыше мер, заступил немало.

Сатирику то забыть никак не пристало,
Иже неблагодарства страсть хулит трубою.
Нет! но силы воздавать дары равномерны
В знак благодарения — увы! — запрещают.
Приими убо сия, и хоть не блистают
Дары изяществом, однак знаки воли верны.

В 1743 году, незадолго до смерти, Кантемир, готовя к печати все свои стихотворные произведения, объединил их в специальном рукописном сборнике; в состав сборника, в его вводную часть, он включил и стихотворное послание к нему Феофана Прокоповича (наряду с латинскими приветственными к нему стихами Феофила Кролика). В рукописях сатиры Кантемира часто сопровождаются посланиями Прокоповича и Кролика (ГПБ О.XIV. 2 и др.).

Первая строка стихотворения Феофана Прокоповича (*«Не знаю, кто ты, пророче рогатый»*) недавно явилась предметом специального исследования, выводы которого автором формулируются так: «Эпитет „рогатый" в понимании Феофана есть церковно-славянизм и по аналогии с его же поздравительными стихами 1731 года, адресованными Анне Иоанновне («...да вознесет бог силы твоей рог»), может быть истолкован как „сильный", „имеющий власть". Не исключена, однако, и другая возможность, — что это слово означает „хитростный", „хитроумный" в соответствии с тем определением латинского cornutus, которое мы находим в сочинениях о логике и красноречии» (М. П. Алексеев. «Пророче рогатый» Феофана Прокоповича. «Из истории русских литературных отношений XVIII—XX веков». Изд. АН СССР, М.—Л., 1959, стр. 43).

Публиковалось стихотворение не раз в составе сочинений Кантемира, начиная от их первого петербургского издания 1762 года; по дефектному тексту и без указания на рукописный источник издано оно было также И. Чистовичем (Феофан Прокопович и его время, стр. 607—608). Здесь воспроизводится по рукоп. 1751 года украинского письма ГПБ О.XIV.2, л. 4 с разночтениями по рукописному сборнику стихотворений Кантемира 1755 г. (копии сборника 1743 года, составленного автором) ИРЛИ (Пушкинского Дома) АН СССР, Р. 11, оп. I, № 132, л. 9—9 об.

7

На день 25 февраля

После смерти Петра II «верховники» — члены Верховного Тайного совета, учрежденного указом 8 февраля 1726 года, князь В. Л. Долгорукий и его родственники, князь Д. М. Голицын и другие приняли решение возвести на русский престол племянницу Петра I — курляндскую герцогиню Анну Иоанновну; они отправили ей в Митаву под покровом строжайшей тайны при письме условия или «кондиции», ограничивавшие ее власть. Анна Иоанновна условия подписала. Противники верховников, разгадавшие их олигархические замыслы, приняли контрмеры. Когда императрица прибыла в Москву, они 25 февраля 1730 года подали ей письмо с просьбой отвергнуть и уничтожить «кондиции». План верховников потерпел крушение: своевременно предупрежденная Анна Иоанновна подписанный ею документ признала недействительным.

В февральских событиях 1730 года самое непосредственное участие, притом очень активное, принимал и Феофан Прокопович, резко отрицательно относившийся к «затейке» верховников (см.: Н. В. Голицын. Феофан Прокопович и воцарение имп. Анны Иоанновны. «Вестник Европы», 1907, № 4, стр. 519—543). Сохранилось принадлежащее Фео-

фану подробное «описание» всех «происшествий, после кончины императора Петра II воспоследовавших» (см.: «Русский Архив», 1909, № 3, стр. 430—442). Финал «затейки» верховников здесь рассказан так: «Вышла государыня в залу; стоя под балдахином, впустить просителей и прошение их прочесть повелела, а по прочтении того приказала: тотчас подать себе письмо курляндское. Потом произнесла краткую речь в такой силе: что хотя весьма тяжелые поданы ей были царствования договоры, однако же, веруя, как ей докладывано, что оныи от всех чинов и от всего российского народа требуются, для любви отечества своего подписала. А понеже ныне известно является, что лжею и лестию сделан ей обман, того ради оные договоры, яко сущею неправдою от себя исторженные, уничтожает и рукописание свое никому впред иметь за важное приказует. И то сказав, тотчас упомянутое письмо, в руки ея поданное, разодрала и на землю бросила» (стр. 442).

Стихотворение (тринадцатисложные стихи) содержит в себе общую оценку переворота 25 февраля 1730 года; греческим словом «хирограф» (χειρόγραφον) здесь называется подписанный в Митаве Анной Иоанновной «курляндский» договорный документ («кондиции»).

Впервые стихотворение было напечатано по дефектному списку Новгородской духовной семинарии (№ 3885) И. Чистовичем (Феофан Прокопович и его время, стр. 259, прим. 2). Здесь печатается по БЛ 3051, л. 193.

8

Прочь уступай, прочь

С. Ф. Наковальнин относил стихотворение к 1730 году; к 1730 году относил его и И. А. Чистович (Феофан Прокопович и его время, стр. 295, 645). Летом этого года императрица Анна Иоанновна посетила Феофана Прокоповича со своей свитой в его подмосковном селе Владыкино. Стихотворение и было составлено Феофаном специально на этот случай — к встрече императрицы; оно было положено на музыку и спето в присутствии высокой гостьи (И. Чистович, Феофан Прокопович и его время, стр. 294).

Написанное чередующимися 4, 5 и 8-сложными стихами стихотворение по жанру — типичный приветственный «кант». Содержание его основано на противопоставлении «печальной ночи» — «светлому дню». Ночь — ненавистное Феофану господство клики верховников в стране; день — воцарение Анны Иоанновны и связанное с ним восстановление после переворота 25 февраля 1730 года петровского самодержавия.

Стихотворение в XVIII веке часто переписывалось в сборниках-песенниках и даже переделывалось применительно к Елизавете Петровне (ГПБ, Q.XIV.98, лл. 11 об.—12), Екатерине II (ГПБ, ОЛДП О.32, л. 16—16 об.).

Впервые кант без указания на рукописный источник был опубликован И. Чистовичем (Феофан Прокопович и его время, стр. 294, прим. 1).

Здесь печатается по БЛ 3051, л. 199 об.

9

Ея императорскому величеству на пришествие в село подмосковное Владыкино

Стихотворение (октавы) написано тогда же и по тому же поводу, что и предшествующее. По данным И. А. Чистовича, Ф. Прокопович поднес императрице стихотворение в двух вариантах: латинском и русском, своего же перевода (стр. 295, прим.). С. Ф. Наковальнин относил стихотворение

к 1732 году, но дата эта действительности не соответствует, так как в 1732 году императрица и двор были уже в Петербурге.

Впервые напечатано без указания на рукописный источник И. А. Чистовичем (стр. 295, прим.). Здесь издается по БЛ 3051, л. 193—193 об.

10

О преславном новом монаршем домѣ самодержавнѣйшей российской императрицы Анны Иоанновны

8 июня 1731 года Анна Иоанновна переехала в Летний деревянный дворец — Анненгоф, сооруженный по проекту Растрелли в Лефортове под Москвой, за р. Яузой (И. Е. Бондаренко. Анненгоф. «Академия архитектуры», 1935, № 6, стр. 74—75). По мнению И. А. Чистовича, событие это и побудило Феофана Прокоповича написать настоящее стихотворение (тринадцатисложные стихи), которое он, надо думать, и поднес императрице, поздравляя ее с новосельем (И. Чистович. Феофан Прокопович и его время, стр. 293—294). С. Ф. Наковальнин относил стихотворение к 1734 году, очевидно полагая, что речь идет о законченном постройкой тем же Растрелли в 1733 году большом каменном Зимнем дворце в Петербурге (на месте нынешнего Зимнего дворца).

Известен и латинский вариант стихотворения — опубликован в приложении к трактату Ф. Прокоповича «De arte poetica» (Mohiloviae, 1786):

Annae est imperium, cujus finesque plagasque
Non implet populo Rossia sola suo:
Annae est ista domus, cui nostrae ad tempora vitae
Non vidit similem Russia tota domum.
Par tamen augustae capiendis laudibus Annae
Nec domus esse potest ista, nec imperium.

Впервые русский текст стихотворения без указания на рукописный источник напечатан И. А. Чистовичем (Феофан Прокопович и его время, стр. 294, прим. 1). Здесь печатается по БЛ 3051, л. 196.

11

О Ладожском каналѣ

Указ о строительстве Ладожского канала между Невою и Волховым был дан Петром I в сентябре 1718 года; работы по сооружению канала начались через год — сперва под руководством капитана Г. Скорнякова-Писарева, а потом генерала Э. Миниха — и были завершены в 1731 году, уже в правление Анны Иоанновны. В 1732 году императрица ездила со свитой осматривать канал, причем выразила строителям свое полное удовлетворение.

С. Ф. Наковальнин относил стихотворение к 1733 году; И. А. Чистович — к 1732 году (ук. соч., стр. 340, прим. 1). Стихотворение известно в двух вариантах: русском и латинском (см. приложения к трактату Ф. Прокоповича «De arte poetica», — Mohiloviae, 1786).

Qua Ladoga immitis Petri vexaverat urbem.
Perdens frugiferas dira vorago rates,
Ad nutum imperii rivus se fudit amicus,
Qui noxam avertat, qui bona nostra ferat.
Hic simul infesti vanas facit aequoris iras,
Et simul intactas convehit almus opes.

Auspiciis haec, Anna, tuis patrantur et ista
Ingenium dominae concipit unda suae.

Русский вариант стихотворения (октава) впервые издан без указания на рукописный источник И. А. Чистовичем (Феофан Прокопович и его время, стр. 340, прим. 1). Здесь печатается по БЛ 3051, л. 195.

12

На приход ея императорскаго величества Анны Иоанновны, когда нас, в приморской мызкѣ нашей, посѣтить изволила

В 1733 году Феофан Прокопович в своем загородном доме в окрестностях Петергофа принимал императрицу. В честь ее посещения и было написано настоящее стихотворение, поднесенное императрице в двух вариантах: латинском и русском (перевод автора). Латинский текст опубликован в приложениях к трактату Ф. Прокоповича «De arte poetica» (Mohiloviae, 1786):

Parva quidem villa haec parvos est nacta colonos
Seu vernas, humilem seu tuearis herum:
Magna tamen facta est, quando te, maxima princeps,
Excipit in gracilem sorte favente sinum.
Magnus honor ruri est, magna est haec glória nobis.
Tanti sors quibus est hospitis ore frui;
Augeat ergo tui numen fastigia regni,
Quae facis aspectu rura beata tuo.

Русский текст стихотворения (тринадцатисложные стихи) впервые был опубликован без указания на рукописный источник И. А. Чистовичем (Феофан Прокопович и его время, стр. 645). Здесь печатается по БЛ 3051, лл. 195 об.—196.

13

Новопреставлшемуся иеродиакону Адаму эпитафион

Иеродиакон Адам — доверенное лицо Феофана Прокоповича (с 1723 года); исполнял различные его поручения как по архиерейскому дому, так и по Феофановой семинарии; умер в 1734 году (И. Чистович, Феофан Прокопович и его время, стр. 640).

«Эпитафион» написан в форме обращения к покойному смотрителя семинарии — Самуила Тецки; первоначально на латинском языке («De arte poetica», Mohiloviae, 1786).

Ridebas o Adam! curas mundi hujus inanes,
Tu quoque stultitiae pars aliquanta suae,
Scilicet ut vanos multi sectentur honores
Seque has ante diem tabe sitique necent:
Utque alii insomnes ducant noctesque diesque,
Quo sibi pestiferae conglomerentur opes:
Utque etiam dominos qui prensant saepe potentes,
Nil miserum, quod agant, nil sibi turpe putent.
Cuncta haec ridebas. Sed caelum raptus in altum,
Majore irrides extenuasque joco.
Nos vero ereptos plures tibi plangimus annos;
Sed quia et hoc rides, plangere desinimus.
Ita lugens canebat aemulus ejus et commilite
Samuel Tezka, seminarii Theophanej curator.

Сам же Ф. Прокопович и перевел эти стихи на русский язык тринадцатисложным размером.

Впервые эпитафия иеродиакону Адаму (русский текст) была издана без указания на рукописный источник И. А. Чистовичем (Феофан Прокопович и его время, стр. 640—641). Здесь печатается по БЛ 3051, л. 195—195 об.

14

О Станиславе Лещинском, дважды от Короны Польской отверженном

Станислав Лещинский (1677—1766) — сын давнего сторонника шведов, коронного подскарбия. В 1704 году С. Лещинский был провозглашен польским королем под прямым вооруженным давлением шведов; низложен с престола в 1709 году, после Полтавской победы Петра I, возвратившего польский престол своему союзнику в Северной войне — саксонскому курфюрсту Августу II. Вторично С. Лещинский, поддерживаемый на этот раз правительством Франции, занял польский престол в 1733 году, но ненадолго; уже в 1734 году он, переодетый в крестьянское платье, вынужден был бежать в Пруссию в результате военных действий русской армии, принимавшей участие в так называемой войне за польское наследство.

Стихотворение Ф. Прокоповича, полное сарказма по адресу Станислава Лещинского, очевидно, было написано (тринадцатисложным размером) по свежим следам последних политических событий — в 1734 году.

Упоминаемая Феофаном в прозаическом предисловии к стихотворению «древняя римская история» изложена у Тита Ливия (кн. I, гл. 12).

Стихотворение известно и в латинском тексте («De arte poetica», Mohiloviae, 1786):

In Stanislavum Leszczynski bis regno Poloniae, occupato excussum. Alluditur ad Stanislavi nomen, quod quasi statorem gloriae sonat et ad vetustam Romanorum historiam, ubi a sistendo in fuga exercite, Jupiter a Romulo Stator appellatus

Stanislave, suum finxit quem gloria numen,
Namque ejus nutu diceris esse stator;
Ipsa haec exposuit claris dea candida factis
Sistere se properam qua ratione potes.
Non illa, ut quondam steterant fugiendo Quirites
Rege salutiferum sollicitante Jovem;
Non fugiens, sed bis votisque petita dolisque
Inque tuas aedes visa venire stetit.

Впервые русский текст стихотворения был напечатан без указания на рукописный источник И. А. Чистовичем (Феофан Прокопович и его время, стр. 600). Здесь воспроизводится по БЛ 3051, лл. 192 об.—193.

15

К Луке и Варлааму кадецким, когда питомцев денгами подарили

В 1721 году Феофан Прокопович организовал при своем доме на Карповке в Петербурге школу, просуществовавшую до конца его жизни. Один эпизод из быта этой школы и отображает настоящее стихотворение, известное и в латинском тексте («De arte poetica», Mohiloviae, 1786).

Pressi pauperie nostros ditastis alumnos,
Quos sancta argentum lex vetat accipere.
Utque abitu vestram rem vestra pecunia laesit,
Sic illis aditu noxia facta suo est.
Phoebe doce! quid sit plagae medicamen utrique?
Nummorum ex reditu non nisi Phoebus ait.

По данным С. Ф. Наковальнина, стихотворение относится к 1735 году.

Лука — законоучитель кадетского корпуса иеромонах Лука Конашевич; *Варлаам* — иеродиакон Варлаам Скамницкий, тоже законоучитель корпуса. Оба, видимо, преподавали закон божий и в школе Ф. Прокоповича.

Русский текст стихотворения впервые напечатан без указания на рукописный источник И. А. Чистовичем (Феофан Прокопович и его время, стр. 633). Здесь публикуется по БЛ 3051, л. 195 об.

16

К тѣмжде

Второе стихотворение на ту же тему, написанное тем же тринадцатисложным размером, — шуточное обращение к Луке Конашевичу. Известно и в латинском тексте («De arte poetica», Mohiloviae, 1786).

Ante diem, Luca, proprias invadis in arcas,
Exhauris vacuas, exonerasque leves,
Spargis opes, sed quae nondum tua scrinia rumpunt
Das multum, dum te constat habere parum.
Crede mihi, inverso, Luca, res ordine tractas,
Sis primum condus, postea promus eris.

Русский текст стихотворения впервые опубликован с пропусками по дефектному списку И. А. Чистовичем (Феофан Прокопович и его время, стр. 633). Здесь печатается по БЛ 3051, л. 195 об.

17

Благодарение от служителей домовых за солод нововымышленный домовому экономy Герасиму

Герасим — эконом петербургского дома Феофана Прокоповича на Карповке — славился тем, что умел приготовлять превосходное по своим качествам пиво; искусство Герасима высоко ценилось даже за пределами столицы (И. Чистович, Феофан Прокопович и его время, стр. 641—643).

«Благодарение» — цикл шуточных стихотворений, написанных в форме обращения к Герасиму всех обитателей карповского архиерейского дома: «инденданта» дома Ильи Ксиландера, в прошлом ученика школы Ф. Прокоповича; учителя той же школы Г. Ф. Федоровича (о нем см.: И. Чистович. Феофан Прокопович и его время, стр. 631, прим. 1); некоего Неймана; некоего «козака» (как кажется, самого Феофана); «новгородских дворян» и даже «малых детей», т. е. учащихся школы. Весь цикл составлен разными стихотворными размерами: 7-сложными или 13-сложными; последнее, «от новгородских дворян», построено на чередовании восьмисложных стихов с семисложными.

По данным С. Ф. Наковальнина, «Благодарение» написано Феофаном в 1735 году.

Впервые «Благодарение», без указания на рукописный источник, полностью было опубликовано И. А. Чистовичем (стр. 641—642); вторично — по рукописному сборнику проф. М. А. Максимовича (ранее принадлежал Варлааму Лащевскому) В. Науменко в статье «Шуточные стихи начала прошлого века» («Киевская старина», 1885, № 9, стр. 176—178). Здесь печатается по БЛ 3051, лл. 196 об.—197 об.

18

К лихорадкѣ в лихорадкѣ

Когда написано стихотворение (одиннадцатисложные стихи с перекрестными рифмами), сведений нет.

Первые строки стихотворения («*О лихорадко, тебе за богиню говѣйно чтили древние народы...*») свидетельствуют о хорошем знании Ф. Прокоповичем античных древностей. Культ богини Febris в Риме действительно существовал; Валерий Максим (I в. н. э.) сообщает о трех посвященных ей храмах, указывая и их местоположение; упоминают о культе этой богини и другие античные авторы.

Впервые стихотворение без указания на рукописный источник опубликовано И. А. Чистовичем (Феофан Прокопович и его время, стр. 601). Здесь печатается по БЛ 3051, л. 193 об.

19

К Селию

Четверостишие это (тринадцатисложные стихи) — вольный перевод одной из эпиграмм (IV, 21) римского поэта I—нач. II века Марка Валерия Марциала:

Nullos esse deos, inane caelum
Adfirmat Segius: probatque, quod se
Factum, dum negat haec, videt beatum.[1]

Время написания четверостишия неизвестно. Впервые издано без указания на рукописный источник И. А. Чистовичем (Феофан Прокопович и его время, стр. 601). Здесь печатается по БЛ 3051, л. 192 об.

20

К сложению лексиков

Стихотворение (тринадцатисложные стихи) — перевод эпиграммы итальянского философа, филолога и поэта Ю. Ц. Скалигера (1484—1558):

Si quem dura manet sententia judicis olim,
Damnatum aerumnis suppliciisque caput,
Hunc neque fabrili lassent ergastula massa,
Nec rigidas vexent fossa metalla manus:
Lexica contexat. Nam caetera quid moror! omnes
Poenarum facies hic labor unus habet.[2]

---

[1] Сегий утверждает, что богов никаких нет, небо пусто, и считает, что, отрицая существование богов, он — счастлив.

[2] Если кого-нибудь ожидает жестокий приговор судьи, то не надо изнурять его каторжными работами, доводить до изнеможения его руки добыванием руды: пусть он составляет словари. Что тут распространяться! Этот труд один заключает в себе все виды наказаний.

Когда было написано стихотворение, сведений нет. Впервые издано без указания на рукописный источник И. А. Чистовичем (Феофан Прокопович и его время, стр. 601). Здесь воспроизводится по БЛ 3051, л. 195.

21

Рѣчь господня к рабу малодушному

Четверостишие интересно, помимо содержания (напоминает № 5), и своей формой: построено оно на чередовании тринадцатисложных стихов с двенадцатисложными. Время его написания неизвестно.

Впервые издано по дефектному тексту, без указания на рукописный источник, И. А. Чистовичем (Феофан Прокопович и его время, стр. 599). Здесь печатается по БЛ 3051, л. 196.

22

Всяк себе в помощь вышняго предавый

Настоящее стихотворение, составленное одиннадцатисложными стихами, — переложение псалма 90. В сокращенном варианте, с пропуском тех или иных стихов, в литературном обиходе XVIII века оно нередко рассматривалось как песня и в качестве таковой переписывалось в рукописных сборниках-песенниках (БАН, 16. 6. 32; ГПБ, Тит. № 4419, Тит. № 1109 и др.). Один такой «песенный» вариант этого переложения без имени автора был опубликован уже в XVIII веке (стихи 1—8, 37—46) Н. Г. Кургановым в его «Письмовнике» (СПб., 1769, 1777 и др.) в разделе «Псалмы или духовные песни».

Здесь впервые воспроизводится полностью по БЛ 3051, л. 194—194 об.

23

О суетный человѣче, рабе неключимый

По жанру стихотворение — песня, интересная своей формой: состоит из трех строф, каждая из которых складывается из семи стихов и построена по схеме: 14 + 14 + 8 + 8 + 5 + 5 + 6. Когда песня написана, сведений нет.

Была издана без имени автора в «Письмовнике» Курганова в разделе «Псалмы или духовные песни». Здесь печатается по БЛ 3051, л. 198—198 об.

24

Кто крѣпок на бога уповая

По жанру — песня, одна из самых популярных в рукописных песенниках XVIII века (А. В. Позднеев. Рукописные песенники XVII—XVIII веков, стр. 8); составлена десятисложными стихами. Время ее написания неизвестно.

Впервые без имени автора была напечатана Курганoвым в «Письмовнике» в разделе «Псалмы или духовные песни»; в новейшее время — В. Н. Перетцем в его «Историко-литературных исследованиях и материа-

лах» (т. I, ч. 2. СПб., 1900, стр. 189, 191) по рукописным сборникам ГПБ О. XIV. 141, л. 274 об. и Виленской Публичной библиотеки, № 235 (92), лл. 21 об.—22. Здесь печатается по БЛ 3051, л. 198.

DE ARTE POETICA

Книга I, глава I

1. Овидий. Метаморфозы, II, 254.
2. Плиний. Естественная история, 2, 13; 17, 37.
3. Дарет и Диктис — мифические участники Троянской войны. Под этими именами до нас дошли в латинском переводе с греческого (IV в. н. э.) два сочинения, представляющие якобы подлинные воспоминания очевидцев событий Троянской войны.
4. Мусей и Орфей — мифические певцы. Мусей считался учеником и другом Орфея. Здесь мифический Мусей отождествлен с исторической личностью — греческим писателем Мусеем эпохи поздней Римской империи, от которого дошла до нас поэма «Геро и Леандр».
5. Скалигер, Юлий Цезарь (1484—1558) — знаменитый филолог, автор «Поэтики» (в 7 книгах, 3 изд., 1586 г.). Книги I и V его «Поэтики» Ф. Прокопович использовал в своей «Поэтике». Здесь и дальше заимствования из I кн., гл. 2, «Поэтики» Скалигера.
6. Элиан, Клавдий (III в. н. э.), греческий писатель, автор «Истории животных» и «Пестрой истории» [латинский перевод К. Гесснера (1556 г.)].
7. Скалигер. Поэтика, I, 2, стр. 11. Сиагр — эпический поэт, по преданию, живший до Мусея; он якобы первый сочинил поэму о Троянской войне. См.: Элиан. Пестрая История, 14, 21; Евстафий, Комментарий к Гомеру, II, 1, стр. 4.
8. Пиэрий (Пиэр) — мифический македонский певец, сын Лина. По Овидию (Метаморф. V, 301), царь Пеллы в Македонии, отец девяти дочерей.
9. Евсевий, епископ Кесарийский (ок. 260—340 гг. н. э.); автор «Церковной истории» и «О приготовлении евангельском» и других сочинений.
10. Иосиф Иудей, или Флавий Иосиф (род. 37 г. н. э.), — греческий писатель; автор «Иудейских древностей», «Иудейской войны», «Против Апиона» и других сочинений.
11. Иероним блаженный (род. ок. 348 г. н. э.), латинский писатель, переводчик Библии на латинский язык и автор многих сочинений и писем.
12. Все это, конечно, неверно: никаких алкеевых, сапфических стихов, гексаметров и прочего нет в книгах Ветхого Завета.
13. Плутарх из Херонеи (46—120 гг. н. э.); знаменитый греческий писатель, автор «Параллельных жизнеописаний» и множества популярно-философских сочинений.
14. Виргилий. Энеида, VII, 645 (здесь и дальше перевод: В. Я. Брюсова и С. М. Соловьева); ср.: Скалигер. Поэтика, I, 2, стр. 8.
15. Порфирион Помпоний (III в. н. э.), латинский грамматик, комментатор Горация.
16. Полидор Виргилий (1470—1550), итальянский гуманист, родом из Урбино; написал «Книгу пословиц», «Об изобретателях вещей» и другие сочинения.
17. Квинтилиан Марк Фабий (I в. н. э.) — знаменитый римский ритор и литературный критик. Ф. Прокопович имеет в виду его сочинение «Образование оратора» (Institutio oratoria).

18. Ливий Андроник (III в. до н. э.) — римский писатель, по происхождению грек из Тарента; первый познакомил римлян с греческой литературой; переводчик на латинский язык «Одиссеи» древним сатурновым стихом; переделывал греческие комедии и трагедии для постановки на римской сцене (ср.: Скалигер. Поэтика, I, 2, стр. 8—9).

19. Силий Италик Тиберий (25—101 гг. н. э.) — римский эпический поэт; автор «Пунической поэмы» (в 17 книгах).

20. Лукан Марк Анней (39—65 гг. н. э.), римский поэт, родом из Испании; автор эпической поэмы «Фарсалии» (или «О гражданской войне»).

21. Сходные мысли о непристойных стихотворениях высказывает Фамиано Страда (которого Феофан цитирует в другом месте). Ср.: Famiani Stradae Romani S. J. Prolusiones academicae seu orationes variae ad facultatem oratoriam, historiam, poeticam spectantes. Coloniae-Agripp., 1630, стр. 82: («Следует ли называть поэтами сочинителей срамных стихотворений»).

22. Имеется в виду утопическое государство Платона, проект которого дан им в двух сочинениях: «Государство» и «Законы».

23. Гораций. О поэтическом искусстве, 334.

24. Виргилий. Эклоги, VI, 2.

25. Арий (III в. н. э.), пресвитер из Александрии; знаменитый ересиарх; в целях популяризации своего учения Арий составил сборник под названием Θαλεία, или Θαλεῖαι (пир), — застольные песни или вроде Менипповых сатур Варрона; отрывок сохранился у Афанасия Великого (Против ариан, I, 5); Феофан неправильно передает заглавие сочинения Ария.

26. Константин Великий (306—337 гг. н. э.) — римский император; признал равноправие христианства с государственной римской религией; Константин был равнодушен к догматическим вопросам; он председательствовал на Никейском соборе, осудившем Ария и его учение, но вместе с тем отправил главу православия Афанасия в ссылку и перед смертью принял крещение от арианского епископа Евсевия.

27. Липсий Юст (1547—1606), знаменитый голландский филолог; занимался критикой текста античных писателей, в особенности Тацита, и так называемыми «древностями»; отдавал предпочтение римским писателям перед греческими.

28. Ферекид (VI в. до н. э.), первый греческий прозаик, родом из Сироса; автор космогонического сочинения о природе и богах.

29. Архелай, царь Македонии (413—399 гг. до н. э.), ценитель греческой литературы; при его дворе жили знаменитые поэты: Тимофей Милетский, Агафон и Еврипид.

30. Клавдиан Клавдий (конец IV в. н. э.) греческий и латинский поэт и римский государственный деятель; писал эпические поэмы, панегирики, эпиталамии и сатиры («Против Руфина» и др.).

31. Император Август занимался поэзией; написал плохую трагедию, которую сам уничтожил, и сочинял эпиграммы.

32. Домициан Тит Флавий (51—96 гг. н. э.) — римский император; описал в стихах взятие и пожар Капитолия войсками Вителлия (так наз. Капитолийская война).

33. Евдокия (401—461 гг. н. э.), супруга восточного императора Феодосия II, сочиняла неуклюжие стихи в гекзаметрах (героическую поэму «Киприан и Юстина» и изложение священной истории гомеровскими стихами, так наз. центон).

34. Лев Мудрый (886—912 гг. н. э.), византийский император.

35. Киприан Цецилий (ум. 258 г. н. э.) христианский писатель, епископ карфагенский.

36. Иларий из Пуатье (ум. 367 г. н. э.), епископ и христианский писатель. Главное сочинение «О троице»; сочинял также духовные песнопения.

37. Дамас, папа (366—384 гг. н. э.) поручил блаженному Иерониму перевод Библии на латинский язык.

38. Павлин, Меропий Понтий (род. 353—54 гг. н. э.), епископ нолан-ский; автор писем и стихотворений в гекзаметрах.

39. Пруденций, Аврелий Клемент (IV—V вв. н. э.) христианский поэт и апологет; родом из Испании. Написал «Апофеозы», «Психомахия» и дру-гие сочинения.

40. Синезий (370/75—415 гг. н. э.) из Киренаики; епископ Птоле-маиды, автор писем, речей и гимнов на греческом языке.

41. Иоанн Дамаскин (ум. ок. 754 г. н. э.), церковный писатель, поэт, автор церковных песнопений.

42. Григорий Назианзин (330—390 гг. н. э.), патриарх Константино-польский; автор многочисленных прозаических и поэтических произведе-ний (речей, писем, стихотворений, эпиграмм).

43. Василий Великий (ок. 330—379 гг. н. э.) из Кесарии; митрополит каппадокийский; автор многочисленных проповедей и писем.

44. Т. е. апостол Павел.

45. Арат (род. ок. 315 г. до н. э.), математик, астроном и поэт. Автор поэмы «Феномены» (астрономического содержания). В гл. VII «Деяний апостольских» нет упоминания об Арате.

46. Ошибка; следует читать: «Эпименида». Эпименид — полулегендар-ный чудотворец и теолог (начало V в. до н. э.), стих из поэмы которого «Теогония» цитирует апостол Павел; фрагменты см.: H. Diels. Vorsokra-tiker, II, 1913, Berlin, 3-е изд., стр. 188—189.

47. Т. е. Александр Македонский.

Книга I, глава II

1. Гермоген из Тарса (II в. н. э.), учитель риторики; автор руковод-ства по риторике («Прогимнасматы»); латинским переводам его сочинения пользовался Ф. Прокопович.

2. Диалогизм (по-латыни sermocinatio) — литературное произведение, изображающее характер и нравы каких-нибудь лиц, то же, что эпопея (см.: J. Chr. Ernesti. Lexicon Technol. Latin. Rhet., Lips. 1797, стр. 355).

3. Гораций. Искусство поэзии, 333 (здесь и дальше перевод под ред. Ф. А. Петровского).

4. Перевод наш. Этот стих у Горация нами не найден.

5. Гораций. Искусство поэзии, 344.

Книга I, глава III

1. Т. е. натурфилософом; см.: Аристотель. Искусство поэзии, 1147b.

2. Аристотель. Искусство поэзии, 1451b.

3. См.: Скалигер. Поэтика, V: «Критик» (сравнение Лукана с гре-ческими и римскими поэтами).

Книга I, глава IV

1. Апеллес, из Колофона (IV в. до н. э.) самый знаменитый художник древности.

2. Квинтилиан. Воспитание оратора, X, 3.

3. Овидий. Скорбные элегии, II, 1 (здесь и всюду перевод А. А. Фета).

4. Энеида, II, 269 (здесь и всюду перевод В. Я. Брюсова и С. М. Соловьева).
5. Энеида, VIII, 26.
6. Энеида, III, 588.
7. Энеида, IV, 129.
8. Энеида, XII, 113.
9. Перевод приведенных четырех строк из Овидия (?) — наш.
10. То и другое слово означает «меч».
11. Сенека. Федра, 140 (здесь и всюду перевод С. М. Соловьева).
12. Это стихотворение Вергилию не принадлежит и представляет собой школьное упражнение на заданную тему.
13. Напечатано впервые под заглавием «Descriptio situs Kioviae» в издании: Illustrissimi ac reverendissimi Theophani Procopowič Miscellanea Sacra, variis temporibus edita, nunc primum in unum collecta publicoque edita. Vratislaviae. 1744, стр. 154—155.
14. Борисфен — древнее название реки Днепра.
15. Люцифер — утренняя звезда, светоносец.
16. Здесь — солнце.
17. Морская богиня, здесь — река.

Книга I, глава V

1. Сервий Сульпиций Руф, консул 51 г. до н. э., вместе с Цицероном слушал лекции ритора Молона на Родосе; римский государственный деятель, оратор и юрист. Имя дочери Цицерона было не Теренция, а Туллия (у Феофана ошибка).
2. Племянник знаменитого Яна Кохановского Кохановский Петр (1566—1620) перевел поэму Тассо под заглавием: «Goffred abo Jeruzalem wyzwolona» (1618). Здесь и всюду нами дан перевод с итальянского О. Головина (СПб., 1909).
3. Санназарий Якопо (Акций Синцерий), или Санназаро (1458—1530), — латинский и итальянский поэт эпохи Возрождения; автор пасторального романа «Аркадия», поэмы «О рождестве Девы» и др.
4. Перевод Л. В. Разумовской.
5. Славянский перевод помещаем здесь.

Ко первому отъ моря рѣки пойдут току;
Но и солнце возвратитъ бѣгъ свой ко востоку:
На земли узрим звѣзды; горѣ плуг ходящий:
Вода огнь, а огнь воду источит горящий.
Вся законам естества причинят тревогу,
Ни едина тварь свою удержит дорогу.
Вся собудутся, яже удобия мѣру
Превосходят и нужно всему дати вѣру.
Сих аз чаю, ибо той плетет на мя сѣти
В нем же чаях прискорбный страду имѣти.

6. Катулл, V (перевод А. А. Фета).
7. Перевод М. Е. Грабарь-Пассек.
8. Перевод М. Е. Грабарь-Пассек.
9. Перевод М. Е. Грабарь-Пассек.
10. Алексий блаженный, иначе Алексей божий человек (ум. ок. 412 г. н. э.), сын богатых родителей; в юные годы, оставив мирскую жизнь, удалился в пустыню. Как показал А. Грузинский («Elegia Alexii» Теофана Прокоповича. Записки Наукового товариства в Київі, кн. IV, 1909, стр. 23), «Элегия» является подражанием двум Овидиевым элегиям

(именно, 3-й и 4-й элегиям из кн. I «Скорбных элегий»). Источником элегии А. Грузинский считает одно из латинских житий блаженного Алексия так называемой Мюнхенской редакции (стр. 31). Из славянских житий, говорит далее А. Грузинский, ни одно не напоминает «Элегию» (стр. 31, прим. 1). В «Элегии» сравниваются два момента: изгнание Овидия и добровольное бегство Алексия из родного дома (стр. 21). Написана она, по мнению А. Грузинского, не раньше 1698 г., во время пребывания Феофана в Риме в коллегии св. Афанасия (стр. 21). Напечатана впервые в издании: Lucubrationes illustrissimi ac reverendissimi Theophani Procopowić quae (propter unam narrationem) iam orationes, iam poemata, iam epistolas in se comprehendant. Nunc primum in unum corpus collatae et in publicam lucem editae, Vratislavie (1733, стр. 166).

Книга I, глава VI

1. Афтоний из Антиохии, ритор IV в. н. э., ученик знаменитого Либания; автор риторического учебника «Прогимнасматы», переведенного на латинский язык; учебник был распространен в школах Византии и в Европе в эпоху Возрождения.
2. Прогимнасматами в риторических школах римской эпохи назывались вступительные упражнения к основному курсу (гимнасий); они состояли из пересказа басен Эзопа, сочинения хрий, этологий, просопопэй, свасорий, общих мест и т. п. (см.: Ernesti, Lexicon Technol..., стр. 304).
3. Гораций. Искусство поэзии, 24.
4. Элладий из Птолемаиды, церковный писатель (IV в. н. э.).

Книга I, глава VII

1. Формии — город на средиземноморском побережьи Лациума (ныне Формия).
2. Ср.: Скалигер. Поэтика, V, 16, стр. 742.

Книга I, глава VIII

1. Клавдиан. Сатира на Руфина, I, 214.
2. Мы помещаем их в примечаниях:

Ты облеченна во солнце Дѣво
Богомати,
Да како аз сень къ тебѣ дерзну
приступати:
Ты красота, аз мерзость; въ Тебѣ
нѣсть порока;
Мене же потопляет бездна
скверен глубока;
Ты благодать, аз злоба; Ты рай,
аз Геенна
Ты вся еси Святаго Духа испол-
ненна.
Аз же диявольскаго исполнен
навѣту,
Нѣсть убо причастие мнѣ, тмѣ, к
Тебѣ, свѣту.

«Знаменитейший и ученейший муж» — лицо, нам неизвестное.

3. Напечатано впервые под заглавием «Elegia ascetica» в «Miscellanea sacra» (стр. 159—160).
4. Катулл, II; Виргилий в поэме «Комар».
5. Майорагий (или Маджораджо) Маркантонио (род. 1514 г.) — итальянский гуманист и латинский поэт; автор «Антипарадоксов».
6. Энеида, I, 589.
7. Напечатано впервые под заглавием «Laudatio Borysthenis» в «Lucubrationes» (стр. 139—140).
8. Присциан — латинский грамматик (IV в. н. э.).
9. Гораций. Сатиры, II, 6.

Книга I, глава IX

1. Гораций. Искусство поэзии, 359.
2. Гораций. Послания, I, 19, 19 (в тексте ошибка).
3. Христофор Лонголий (1490—1522), родом из Бельгии; гуманист, филолог и юрист; отличался изумительной памятью и необыкновенно удачно подражал стилю Цицерона.
4. Книга V «Поэтики» Скалигера носит название «Критик» (Liber Criticus).
5. См.: Скалигер. Поэтика, V, 3, стр. 544 сл.

Книга II, глава I

1. Гораций. Искусство поэзии, 75.

Книга II, глава II

1. Под «критиками» Феофан имеет в виду, по-видимому, прежде всего Понтано (см. его «Поэтику»; II, стр. 71).
2. Энеида, I, 6.
3. Энеида, I, 1 сл.
4. Искусство поэзии, 97.
5. Искусство поэзии, 138.
6. Искусство поэзии, 140.
7. Лукан. Фарсалии, 1 сл. (перевод Л. Е. Остроумова).
8. По-видимому, имеется в виду Хотинская война польского короля Сигизмунда III с турками (1621 г.). «Современным болтуном» Ф. Прокопович называет, по всей вероятности, панегириста короля Сигизмунда III Якова Собеского, написавшего поэму «О Хотинской битве». (Jacobi Sobieski. Commentariorum Chotinensis belli libri tres. Dantisci, 1646).
9. О поэтическом искусстве, 470.
10. Овидий. Метаморфозы, I, 2.
11. Велиал, или Велиар, — князь бесовский. Цитата из II послания апостола Павла к Коринфянам (VI, 15).
12. По-видимому, Яков Собеский. Тирас — ныне Днестр.
13. По-видимому, Сигизмунд III.
14. Феофан Прокопович неправильно считает обращение к Музе у Торквато Тассо призыванием Девы Марии.
15. Энеида, VII, 41.

Книга II, глава III

Глава III — одна из самых оригинальных у Феофана; она содержит теорию гекзаметра, его достоинства и погрешности. Подобно Понтано, Феофан выставляет требование, чтобы «стих соответствовал содержанию

и был бы созвучен ему каким-то музыкальным приемом» (стр. 395). В стихе учитываются три стороны: «звучание слов, ритм и количество стоп, а также сочетание двух первых, т. е. звучания и ритма» (стр. 395). О рифме Ф. Прокопович нигде не говорит. Эти оригинальные для своего времени высказывания обратили внимание одного новейшего исследователя русского гекзаметра, который говорит: «Любое исследование о квантитативном гекзаметре будет неполным без упоминания „Поэтики" Феофана Прокоповича» (R. Bargi. A History of the Russian Hexameter. Connecticut, USA, 1954, стр. 29).

1. Энний Квинт (239—169 гг. до н. э.) — создатель латинского поэтического языка; автор трагедий, сатир и поэмы «Анналы» (стих цитирован грамматиком Присцианом, 947, s. v. tutĕ).
2. Брань и героя пою.
3. Невыразимую [скорбь], царица, [велишь ты обновить].
4. Тибулл, I, 6, 1: Чтобы меня обмануть, ты кидаешь нежные взгляды (здесь и дальше перевод А. А. Фета).
5. Гораций. Сатиры, II, 3, 79: Кто с честолюбия бледен, а кто с сребролюбья.
6. Приходили в смятение жители Константинополя от бесчисленных тревог.
7. Золотые ты пишешь стихи, Юлий, величайший из поэтов.
8. Послания Улисса в «Героидах» Овидия нет. Следует читать: «речь Улисса» (перевод Ф. Ф. Зелинского).
9. Овидий. Послания героинь. Гермиона — Оресту, 29.
10. Энеида, XII, 373.
11. Т. е. амфитеатра Флавиев (Колизея).
12. Энеида, II, 3.
13. Энеида, IX, 164.
14. Энеида, II, 28.
15. Энеида, VIII, 452.
16. Энеида, III, 208.
17. Энеида, IV, 593.
18. Энеида, II, 10.
19. Энеида, VIII, 596.
20. Георгики, I, 449 (перевод здесь и всюду С. В. Шервинского).
21. Энеида, III, 658.
22. Энеида, VII, 630.
23. Георгики, III, 276.
24. Метаморфозы, I, 14.
25. Метаморфозы, VI, 375.
26. Катулл, LXIV, 15.
27. Скалигер. Поэтика, V; сравнение Виргилия с Гомером.
28. Гораций. Искусство поэзии, 139.
29. Энеида, V, 481.
30. Энеида, I, 105.
31. Энеида, II, 249.
32. Сервий, Марий Гонорат, римский грамматик II половины IV в. н. э.; автор комментария к Виргилию и др.
33. Энеида, VI, 346.
34. Энеида, II, 378.
35. Энеида, I, 609.
36. Энеида, VI, 156.
37. Скорбные элегии, IV, 8, 1.
38. Энеида, VI, 620.
39. Энеида, VI, 851.
40. Клавдиан. О третьем консульстве Гонория, 42.

Книга II, глава IV

1. Понтан или Понтано (Яков Шпаннмюллер) (1542—1626) — немецкий иезуит; написал «Прогимнасматы», «Поэтику» и др. Книги его читались еще в XVIII в.; (заглавные книги Понтано звучат так: Jacobi Pontani de S. J. Poeticarum institutionum libri III. 1597, Ingolstadii. Ed. II).
2. Страда Фамиано (1572—1649) — итальянский иезуит; церковный писатель, историк и поэт (см. прим. 21, к гл. I, кн. I).
3. Тацит. Анналы, I, 1.
4. Аристотель. Искусство поэзии, 1451b.
5. Энеида, IX, 66.
6. Аристотель. Искусство поэзии, 1451b.

Книга II, глава V

1. Гипотипоза — букв. «образец, пример, приводимый оратором».
2. Аристотель. Искусство поэзии, 1451b (русск. перев., изд. 1957 г., стр. 68).
3. Пирр (319/8—272 гг. до н. э.) — царь Эпира, знаменитый полководец.
4. Курций Руф, Квинт — римский историк эпохи императора Клавдия, автор «Истории Александра Великого» в 10 книгах.
5. Аристотель. Искусство поэзии, 1451b (русск. перев., изд. 1957 г., стр. 68).
6. Точнее: в «Воспитании Кира».

Книга II, глава VI

1. Гелиодор из Эмесы (III в. н. э.) — автор романа «Эфиопика» в 10 книгах (русск. перев. А. Н. Егунова).
2. Барклай Иоанн (Джон) (1582—1621) — новолатинский поэт и сатирик. Автор «Аргениды» — политико-аллегорической поэмы (русский перевод В. К. Тредиаковского).

Книга II, глава VII

1. Эпифонема — букв. «восклицание», когда оратор, говоря о чем-нибудь важном, возвышает голос.
2. Энеида, IV, 129.
3. Овидий. Метаморфозы, XI, 593.
4. Энеида, II, 21.
5. Энеида, II, 403.

Книга II, глава VIII

Обычно вопросов об амплификации, пафоса и «уместного» авторы поэтик, насколько нам известно, не касались. Эти вопросы трактует риторика. В своей «Риторике» (см. кн. II, гл. VIII и кн. V) Феофан говорит об этом более подробно. Как пример «неуместного» он приводит здесь описание из поэмы польского иезуита Канона «О копях бохнийских».

1. Клавдиан. О третьем консульстве Гонория, 42.
2. Плавт. Бакхиды, V, 1090 (перевод А. В. Артюшкова).
3. Энеида, III, 313.
4. Канон Андрей — польский иезуит (1612—1685). Автор латинских поэм и стихотворений (Книга поэм. Польские элегии. Краков, 1641;

Четыре книги лирики. Краков, 1643). Бохнийские соляные копи устроены королем Казимиром Великим (в 38 км от Кракова). Кунегунда (1225—1292) — польская королева, супруга Болеслава V.

5. Одиссея, XII, 374 сл.
6. Метаморфозы, II, 397.

Книга II, глава IX

1. Тит Ливий, I, 58 (перевод П. А. Адрианова).
2. Овидий. Фасты, II, 787 (перевод Ф. Ф. Зелинского).

Книга II, глава X

1. Гораций. Искусство поэзии, 189.
2. Эпитасис — напряжение.
3. Катастасис — замедление.
4. Катастрофа — поворот.
5. Маврикий (582—602) — византийский император.
6. Овидий. Скорбные элегии, II, 381.
7. Ошибка: Аристотель в «Искусстве поэзии» об этом не говорит.

Книга II, глава XI

1. Гораций. Эподы, II, 1.
2. Гораций. Послания, 19, 23.
3. Сенека. Медея, 743: ...молящего, о души, оставив [берега Тартара], спешите к моему брачному ложу...
4. Сенека. Федра, 1205: Какую бы правду ни скрыл Протей в самом отдаленном убежище...
5. Сенека. Агамемнон, 607: Кто лик несправедливого Ахеронта...
6. Сенека. Агамемнон, 853: Неопытная рука испугалась вырвать...
7. Сенека. Эдип, 715. Как только сын великого Агенора остановился под сенью ветвей нашего дерева...
8. Гликон — греческий поэт неизвестной эпохи, изобретатель (как думали древние) гликонейского размера.
9. Тибур в раздумье завывает...
10. Лишь важные антийские сонмы... трижды...
11. Адоний — стих, состоящий из каталептического дактилического диметра.
12. Poetae Latini Minores, 3, 51: И твои колесницы медленно снова движутся, светлая Феба.

Книга III, глава I

1. Лукреций. О природе вещей, IV, 11.

Книга III, глава II

1. Овидий. Любовные элегии, III, 9, 3 (на смерть Тибулла).
2. См. выше, стр. 419 сл.
3. И в легкомыслии лишь постоянна своем.
4. И коль трудами добьюсь этой награды, я рад.
5. Катулл, LXXVI, 8: Или делать: это ты сказал и сделал.
6. Катулл, XCIII, 2: И не знать, белый ты или черный человек?
7. Но все же велико упование на милость Бога.

8. Катулл, LXVIII, 82: Как, снова возвращаясь, одна за другой зима...
9. Катулл, LXVIII, 55: И щеки не переставали увлажняться от скорбного потока слез.
10. Тот от евбейских всегда вод ставит вспять паруса.
11. Ибо страха в душе меньше моей, чем надежд.
12. И к моим вискам не приспособлен венок.

Книга III, глава IV

Главы об эпиграмме (IV—VI) принадлежат к числу самых блестящих в «Поэтике» Феофана (главы об эпиграмме в других поэтиках, например у Понтано, гораздо менее разработаны). Феофан дает здесь много примеров эпиграмм своего сочинения, написанных, по его собственным словам, «для души» и «ради упражнения» (Поэтика, стр. 449). В своем курсе «Риторика» (кн. V, гл. VII) он дает оригинальные приемы нахождения неожиданных острых концовок; к жанру эпиграммы и сатиры он проявляет особый интерес (см.: Риторика, там же).

Книга III, глава V

1. Марциал, VIII, 19.
2. Марциал, I, 110.
3. Марциал, VIII, 21.
4. Катулл, LII, 1.

Книга III, глава VI

1. Катулл, XXVI, 1 (здесь неотраженная в переводе игра слов).
2. Кохановский Ян — знаменитый польский поэт эпохи Возрождения (1530—1584).
3. Перевод Л. В. Разумовской.

Книга III, глава VIII

1. См.: Luciani Samosatensis opera, v. III, epigr. 28 (C. Jacobitz).
2. Дуранд — лицо нам неизвестное.
3. Фосс — может быть, Вильгельм Фосс, деятель Реформации в Германии и церковный писатель (1535—1598).
4. Перевод Л. В. Разумовской.
5. Перевод Л. В. Разумовской.
6. Перевод Л. В. Разумовской.
7. В подлиннике шуточные рифмы, не переданные в переводе.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Предисловие (*И. П. Еремин*)	3
Слова и речи (подготовка текста *И. П. Еремина*)	23
Слово похвальное о преславной над войсками свейскими победе	23
Слово похвальное в день рождества благороднейшего государя царевича и великого князя Петра Петровича	38
Слово похвальное о баталии Полтавской	48
Слово в неделю осмуюнадесять, сказанное во время присутствия его царского величества, по долгом странствии возвратившагося	60
Слово похвальное на тезоименитство благоверныя государыни Екатерины	68
Слово о власти и чести царской	76
Слово в день святаго благовернаго князя Александра Невскаго	94
Слово похвальное о флоте российском	103
Слово о состоявшемся между империею Российскою и Короною Шведскою мире	112
Слово на погребение Петра Великого	126
Слово на похвалу блаженныя и вечнодостойныя памяти Петра Великого	129
Трагедокомедия «Владимир» (подготовка текста *И. П. Еремина*)	147
Стихотворения (подготовка текста *И. П. Еремина*)	209
1. Епиникион, сиест пѣснь побѣдная о тоейжде преславной побѣдѣ	209
2. Запорожец кающийся	214
3. За Могилою Рябою	214
4. К Петру Второму	216
5. Плачет пастушок в долгом ненастьи	216
6. Феофан архиепископ Новгородский к автору сатиры	216
7. На день 25 февраля	217
8. Прочь уступай, прочь	218
9. Ея императорскому величеству на пришествие в село подмосковное Владыкино	218
10. О преславном новом монаршем домѣ самодержавнѣйшей российской императрицы Анны Иоанновны	219

11. О Ладожском каналѣ 219
12. На приход ея императорскаго величества Анны Иоанновны, когда нас, в приморской мызкѣ нашей, посѣтить изволила . . . 220
13. Новопреставлшемуся иеродиакону Адаму эпитафион 220
14. О Станиславе Лещинском, дважды от Короны Польской отверженном 221
15. К Луке и Варлааму кадецким, когда питомцев денгами подарили 221
16. К тѣмжде 221
17. Благодарение от служителей домовых за солод нововымышленный домовому экономy Герасиму 222
18. К лихорадкѣ в лихорадкѣ 223
19. К Селию 224
20. К сложению лексиков 224
21. Рѣчь господня к рабу малодушному 224
22. Всяк себе в помощь вышняго предавый 224
23. О суетный человѣче, рабе неключимый 225
24. Кто крѣпок на бора уповая 226

De arte poetica (подготовка текста *Г. А. Стратановского*) 229

О поэтическом искусстве (перевод *Г. А. Стратановского* под ред. *А. Н. Егунова*) 335

Примечания

Слова и речи (*И. П. Еремин*) 459
Трагедокомедия «Владимир» (*И. П. Еремин*) 475
Стихотворения (*И. П. Еремин*) 479
De arte poetica (*Г. А. Стратановский*) 491

ФЕОФАН ПРОКОПОВИЧ

Сочинения

Утверждено к печати
Институтом русской литературы (Пушкинский дом)
Академии наук СССР

Редактор издательства *С. С. Волк*
Художник *С. Н. Тарасов*
Технический редактор *А. В. Смирнова*
Корректоры *Т. Н. Богданова-Катькова, Н. Е. Фатина*
и *Л. З. Фрадкина*

Сдано в набор 13/III 1961 г. Подписано к печати 23/VI 1961 г. РИСО АН СССР № 15-2. Р. Формат бумаги 60 × 92¹/₁₆. Бум. л. 15³/₄. Печ. л. 31¹/₂ = 31¹/₂ усл. печ. л. + 1 вкл. Уч.-изд. л. 31.76+ 1 вкл. (0.05). Изд. № 1382. Тип. зак. № 99. Тираж 2000.
Цена 2 р. 10 к.

Ленинградское отделение Издательства Академии наук СССР
Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. Издательства Академии наук СССР
Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Страница	*Строка*	*Напечатано*	*Должно быть*
31	10 сверху	стрепеша	стерпеша
35	7 снизу	пораженный	пораженныи
39	19 сверху	крупно	купно
66	19 снизу	перславные	преславные
85	18 „	«Богов	«Богом
96	4 „	дело	деле
156	12 сверху	полщиче	полчище
215	9—8 снизу	*Следует читать:* «На мир, на мир!» — закричано. Не судил бог христианства	
231	24 „	guod	quod
235	2 сверху	Nomerys	Homerus
235	17 снизу	Marni.	Magni.
301	5 сверху	fadiunt	faciunt